Исхак Машбаш

Собрание сочинений в двадцати томах

Исхак МАШБАШ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

ОАО «Полиграф-Юг
Майкоп
2015

Исхак МАШБАШ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ
ТОМ VIII

ОАО «Полиграф-Юг
Майкоп
2015

УДК 821.352.3-31
ББК 84(2=602.2)6-44
М 38

Машбаш И. Ш.
М 38 Собрание сочинений в двадцати томах. Том восьмой. Жернова. Исторический роман.– Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2015.– 680 с.

В собрание сочинений вошли стихотворения, поэмы, романы, публицистика Исхака Машбаша, народного писателя Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, лауреата Государственных премий СССР, России, Адыгеи, Российской литературной премии М. А. Шолохова.

ISBN 978-5-7992-0833-2
ISBN 978-5-7992-0000-0

© Машбаш И. Ш., 2015

ЖЕРНОВА

Исторический роман

...Пройдут годы, изменятся обстоятельства и постепенно успокоится Черкесия. Страна, на которой, так сказать, нет места, не окупленного подвигом, не ознаменованного кровавым событием. Когда-нибудь досужий писатель соберет материалы, прислушается к преданиям, опишет просто, без прикрас эту войну.

К. Ф. Сталь,
офицер русской армии,
участник Кавказской войны

Мир столь велик, что немудрено в нем потеряться, но и столь же мал, чтобы вновь обрести себя.

Роман уже был в основном готов, но захотелось еще кое-что уточнить — имена, даты, документы, некоторые детали событий.

Работая в историческом архиве Турции, что в Стамбуле, я обнаружил документ, и он-то позвал меня в дорогу.

Громадный, многотонный «Боинг» сначала тяжело бежит по бетонной дорожке, затем взлетев, разворачивается и высоко за облаками берет курс на запад, и служащие авиакомпании начинают беспокоиться о нашем комфорте, настроении.

Сидя целыми днями в архиве, как сейчас в салоне самолета, я как бы жил в том времени, жил ощущениями моих далеких предков. В прошлом веке они, не зная ни одного европейского языка, отправились в Англию. Для них действительно путь был очень дальним, сложным: скакали верхом на лошадях, ехали в телегах, дилижансах, плыли по морю. Может быть, неделю, две, три, а то и месяц продолжалась поездка адыгских послов в Лондон, где они выступили в парламенте по делу своего народа...

Несколько столетий назад адыгские племена владычествовали на огромном пространстве от Азова до Терека, это была могущественная сила. Как же случилось, что теперь мы разъединены, живем вдалеке друг от друга? Где причина адыгской трагедии? Их изгнания из родных мест?

Эти мысли не давали покоя. Мне показалось, что века — это жернова, перемоловшие адыгов.

Недавно я смотрел фильм о судьбах американских индейцев. Они ведь тоже были сильными хозяевами своей земли, а теперь их остались жалкие горсточки. Как трудно, как тяжко жить среди миллиардов людей народу, числом в десятки тысяч или малые сотни.

— Внимание, внимание, по метеорологическим условиям, из-за плотного тумана над Лондоном, наш лайнер совершит посадку в прекрасном Париже. Вы увидите чудесный город! Вам, уважаемые пассажиры, удивительно повезло!

На автобусе нас повезли по городу — показали знаменитые парижские дворцы, соборы, театры, а потом посетили антропологический музей.

Во мне все взбунтовалось: я вспомнил ненавистного адыгам царского генерала Засса. Для устрашения непокорных горцев он насаживал головы убитых адыгов на колья и потом ставил их вдоль дорог, в селениях. Мало того, этот генерал посылал заспиртованные головы адыгов во многие музеи мира. Мне стало страшно увидеть в музее голову своего предка...

К счастью, этого не случилось... В первом зале музея висела большая карта мира. На ней вдоль побережья Черного моря значилась обширная территория, на которой латинскими буквами было начертано — Черкесия. Тут же были обозначены адыгские племена, населявшие в прошлом веке нашу землю: абадзехи, шапсуги, натухаевцы, убыхи, бжедуги, темиргоевцы, махоши, беслинеевцы, кабардинцы...

Я был счастлив тем, что не забыты здесь и адыги, что обозначена на громадной карте пусть не очень большая, но для меня самая дорогая, самая лучшая на всей планете — моя земля.

Много было интересного в музее, так много, что даже на беглый осмотр всего понадобился бы целый день, а то и два.

Здесь представлены народы почти всех стран планеты. Мужчины и женщины в своих национальных давнего и нынешнего времени костюмах. Немцы, французы, негры, китайцы...

У меня замерло сердце, где же адыги? Неужели они не удостоились истории? Гляжу — и узнаю себя, адыга, узнаю по его стати, подтянутости и выправке, по милой

сердцу знаменитой старинной одежде, по оружию! Полы темной черкески — ниже колен, на серебряном поясе — кинжал, пистолет; на груди — белоглавые газыри; невысокая папаха с зеленым верхом венчала адыга. А вот и черкешенка. Ее тонкая, изящная талия стянута золотым поясом, платье-сае из белого атласа, расшитое золотом и серебром — длинное, до пят. Тугие косы. Продолговатое смуглое лицо окаймлено платком белого шелка.

Я очень обрадовался увиденному, так и тянуло сказать громко:

— Здравствуйте, как я рад вас видеть в далеком, прекрасном Париже!

— Это черкесы,— сказали мне.— Числом в несколько миллионов они жили когда-то на Северном Кавказе от восточного побережья Черного моря и берегов Кубани до самой Кабарды, до Терека. Их потомки и сейчас живут на этих местах. Сами себя они называют адыгами, а другие зовут их черкесами. Адыги — один из древнейших народов нашей планеты. Веками складывался их духовный облик, их национальные традиции. Они создали великолепную — изящную, удобную в быту и в бою — одежду, послужившую в дальнейшем основой для одеяния народов всего Кавказа, донских, кубанских, терских и других казаков. Адыги удивительно гостеприимны, очень немногословны и тверды характером. Свою свободу они уподобляют птице, мужество — чести нации. Адыгская честь и мужество сполна проявились в Русско-Кавказской войне, длившейся в XIX веке более пятидесяти лет. Даже в последние годы, оставшись один на один с огромной, мощной царской армией, адыги не стали перед нею на колени... Но каждое племя адыгов считало себя самым сильным, мудрым, самым достойным быть во главе всех адыгов. Эта гордыня, бесконечные междуусобные столкновения не позволили им выдвинуть из своей среды лидера, вождя, который бы возглавил общенациональную мощь и создал бы сильное, единое, независимое государство...

Последние слова ввергли меня в глубокую печаль.

Да, адыг, да, мой соплеменник, узнаю тебя — твою стать, твою честь и мужество, но знаю и твою гордыню, и упрямство, твою трагическую судьбу, разбросавшую нас по всему белому свету. И моя святая обязанность — перед тобой мой дальний и ближний предок, мой грядущий

потомок — рассказать о нас с вами, поведать историю давней и ближней жизни. И пусть мой рассказ, хоть в самой малой степени, будет постижением горькой истины.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Шел 1830 год.

Дозревали в садах груши и яблоки, наполнялись живым янтарным светом кисти винограда. На далеких горных вершинах заискрился первый снег, на нижних склонах вспыхнули пурпуром клены, светлым шафраном занялись березы.

Сегодня у Сафербия Зана сумрачно и тревожно на душе. Ни с того, ни с сего вроде бы тревожно стало, нахлынувшие мысли были зыбкими и потому беспорядочными, даже призрачными, вот как дальние-далекие вершины гор, подпирающие небесный шатер. Со старой груши, под которой он сидел, падали и падали потемневшие листья: их безмолвное кружение еще больше усиливало тревогу, сумрачность, печаль.

Откуда это? Из глубины прошедших лет? Но Сафербий прожил всего каких-нибудь сорок пять лет. Его, отпрыска родовитых Занов, жизнь успела изрядно потрепать. Он был еще совсем мальчишкой, когда его из родного дома отдали в аманаты[1] предводителю русского войска в крепости Анапа, Бухольцу.

Жена предводителя Екатерина Михайловна — урожденная абадзехка из рода Едыгов. В четырнадцать лет ее выдали замуж за молодого Бухольца. Екатерина Михайловна тихого нрава и мягкого характера человек, застенчивая и улыбчивая женщина старалась так воспитывать мальчика, чтобы он помнил свою родину, не забывал традиций и обычаев горца.

Потом его отдали в Ришельеский лицей в Одессе. Море, бульвары, дворянское, офицерское общество.

В лицее Сафербий подружился с Серебряковым. Эта дружба потом даст свои благие плоды.

[1] А м а н а т — заложник.

Служил юнкером в 22 Егерском полку под командованием полковника Рудзевича. То было счастливое время молодости, удали, блеска и мечтаний. И — первая неприятность, Сафербий крупно поссорился с командиром полка и ушел из русской армии.

Турки захватили Анапу и Сафербий поступил на службу в турецкую армию.

Русские отбили Анапу, он попал в плен к воинам, с которыми возрастал, дружил, мечтал...

Какая доля ожидала пленника Сафербия? Родовитого Зана. Неужели его ушлют в чужедальние края, унизят его честь и достоинство до самого предела? У русских было такое право, ведь он изменил им. Изменил?..

Выручил Сафербия давний друг — Серебряков. Вызволил его из неволи, дал свободу, снял позор пленника.

О Аллах, и снова Турция...

А теперь вот, недавно вернувшись оттуда, сидел под старой грушей в родном поместье Куматыр.

Сафербий долго смотрел в сторону моря, в бескрайность и тяжело вздыхал.

Его отец, Магомчерий Зан, полвека назад, стараясь поправить свои торговые дела, продал туркам часть своих родовых земель. Вот на тех самых землях, на грани земли, моря и неба теперь стояла крепость Анапа.

С того времени купли-продажи, когда на отчую землю адыгов пришли хозяйствовать люди из-за моря, с того берега красоты и покоя ушел мир, ушла тишина. Будто проклятие было заключено в этой сделке, будто шайтанская печать лежала на документе купли-продажи.

Сколько хлопот и бед это принесло самим туркам, русским, а больше всего, горше всех доставалось адыгам. Не принесли те деньги пользы Занам, не поправили их дела, больше того — ухудшили.

Ни один раз турки и русские отвоевывали друг у друга крепость. Сколько крови там было пролито, сколько людей полегло с той и с другой стороны. На чужой им земле, на древней земле адыгов. Ладно бы только турки да русские, пусть они поступают по своим законам, как им хочется, но ведь и адыгам худо было, сколько бед принесла продажа родной земли!

Вековые враги Занов, родовитые Шипаковы тоже зарились на те благодатные земли, заявляли свои права и

на крепость. Сколько шума было вокруг одного Ахмеда Шипако! Нет в живых давно ни Магомчерия Зана, ни Ахмеда Шипако, что теперь им их вековая вражда! Да и сам небольшой числом адыгский народ, что значит для двух могучих государств, оспаривающих эту крепость.

Сейчас завладела ею Россия, и, кажется, надолго.

Э-э, как оно все устроено, думал Сафербий, как оно все запутано да перепутано! Верно говорят: не удержался за гриву, не хватайся за хвост. Как жить нам теперь, что делать, где лежит покой нашего народа? Дрожь пробежала от этой тревожной мысли по всему его телу и он быстрее, как-то судорожно стал перебирать четки. Конечно, ты волен был делать то, что считал нужным, тят[1], но как видишь, ничего хорошего из этого не получилось, подумал так Сафербий и тут же осадил себя за непотребные мысли об отце. Конечно, не следовало, эх, как не следовало священную землю наших предков продавать, но что делать: живя на берегу, трудно удержаться от соблазна любоваться морем. И все же, е-во-вой, тят, не надо было продавать чужой стороне, совсем не надо. И еще мне хочется сказать, продавая побережье, ты продаешь и море, продаешь родное небо. Тут Шипаковы и Хагуровы оказались прозорливее нас, если хочешь — мудрее. С Субашем Тариком, нашим родственником, тоже приходится согласиться. До сего дня все они не могут забыть Бзиюкской битвы, не бывает ни одной посиделки в кунацкой, ни одной беседы мужчин, где бы не говорили об этой битве... У нас тоже, конечно, есть свои обиды, разве нам, роду Занов, легко забыть, как шапсугский хасэ на своем сходе разрешил пройти войскам генерала Гудовича, разве мы можем забыть, простить то, как они разрушили крепость Анапу, предали огню, как они забрали у нас все, что могли забрать, можно сказать, ограбили. Мало ли кто и что просит, мало ли кому чего хочется, чтобы себя возвысить, других покорить, разбогатеть. Нельзя, ни в коем разе нельзя пускать на свои земли чужих — будь то русские или турки, или еще кто-нибудь. Нельзя! Стоять надо насмерть, защищая землю, данную самим Аллахом, стоять насмерть, защищая ее от иноземцев, а не продавать ее. Прости меня, тят, за мои греховые мысли, но я не могу теперь думать иначе. Ничего хорошего нельзя нам ждать ни от турок, ни от русских.

[1] Т я т — отец.

Был я у них, служил и тем, и этим, а потому хорошо знаю, что при случае и те, и другие будут защищать только самих себя, свою власть, а адыги им ни к чему... Турки, русские, а мы? Что мы делаем с нашей родиной, с прекрасной землей в подлунном мире Аллаха? Каждое племя думает, главным образом, о себе, тянет одеяло на себя. Мы, скажем, шапсуги, или абадзехи, или бжедуги — что мы и есть самые мудрые, самые лучшие, самые, самые, мы слишком гордимся каждый только собою, чтобы объединиться в единую, могучую силу... Рассказывают, что во времена Бзиюкской битвы это очень хорошо понял Мос Хагур, объединил всех крестьян, потому они и одержали верх над князьями и дворянами разрозненных племен.

— Что же ты, тят, сидишь на сквозняке? — прервал горькие мысли Сафербия его сын, стройный, подстать пирамидальному тополю парень лет двадцати. Черные брови — вразлет, глаза — искристые.

— Это ты, Карбатыр? — Сафербию стало неловко, что сидит он перед сыном с непокрытой головой. Снял он висевшую на плетне шапку, неторопливо надел, застегнул на все пуговицы черкеску и лишь потом взглянул на сына приветливо, но по-мужски строго, улыбнулся: — Сквозняк, сын мой, на меня не действует, не боюсь никаких сквозняков, а ты, простуживаешься на сквозняках, боишься?

— Нет, тят, не действуют и на меня сквозняки, не боюсь я их.

Они понимающе посмотрели друг другу в глаза, согласно улыбнулись, и Сафербий сказал:

— Если так, значит, ты действительно мой сын, одинаковой силы мы с тобой.— И опять неторопливо, с достоинством отец оглядел сына от узконосых сапог до серебряных газырей. Наборный пояс из сыромятной кожи, кинжал в ножнах дорогой чеканки, новенький пистолет — тоже красиво отделанный черненным серебром. Горячие юношеские глаза, начавшие пробиваться усы и борода.

— Где ты был, сын мой? С кем и куда ходил?

— Недалеко ходил. Коня прогуливал, чтобы не застоялся, силу свою чтобы наращивал.

— Кого видел?

— Кукурузу аульчане убирают, тыкву...

— Поле — это дело крестьян, а что дворяне наши? Или никого нет в ауле?

— Так, двух-трех встретил.

— Ну? И что же они? О чем говорили, что интересного?

— Ничего особенного. Ничем не обеспокоены, ничто их не волнует, вялые какие-то.

— Валлахи,— немного, самую малость повысил голос Сафербий. Помолчал. Мысленно вернулся в Турцию, прошелся по улицам городка Эдирне, что приютился на западе Турции. Вспомнил об Адрианопольском мирном договоре, заключенном в том самом городке, тогда называвшемся Адрианополь, в 1829 году между Турцией и Россией. Договор этот — боль Сафербия, боль всех адыгов. Именно по этому самому договору России передавались черкесские земли от левобережья, от устья Кубани до Терека, от восточного берега Черного моря до Кабарды — это лучшие, самые богатые земли адыгов. Сафербий служил и у русских, и у турок — не враги они ему, но Аллах всемилостивый, почему Турция и Россия, ни слова, ни полслова не спросив у адыгов, распоряжаются ее владениями, ведь это все равно, что если бы он отдал кому-нибудь, не спросясь, скажем, российские или турецкие земли? Как же, это можно?! Но, самое обидное было для Сафербия то, что до адыгов будто и не дошла эта весть, всякое важное событие обычно они обсуждают в кунацких, советуются, как быть, как поступить в трудную минуту, а тут, будто воды в рот набрали — не только не возмущаются этой вопиющей несправедливостью, но и вообще ничего не говорят в кунацких, на своих мужских беседах. Живут, как сказал сын, словно бы ничего у них за спиной, на их земле, в их большом доме не произошло — пашут, рожают и растят детей, играют свадьбы, хоронят усопших. Как и все другие мечтают о большем, чем у них есть, как у всех — больше нужды, чем достатка, много грусти, но есть и простая житейская радость, а как ее может не быть среди гор Кавказа и долин Кубани... Сафербий, как бы стряхнул горестные воспоминания и сказал сыну: — Говоришь, живут, будто ничего худого у них не случилось? Что делать, что делать, сын мой! Иди и займись своими делами, а я хочу остаться один. Когда тебя осилили думы, когда пришли к тебе толпою, не надо им перечить, грешно это — так говорил твой дед Магомчерий Зан. Хоть и доставил он всем нам много хлопот, но все равно пусть ему будет хорошо там, куда он ушел...

Не впервые слышит Карбатыр такое о своем дедушке. Говорят об этом и простые крестьяне, недовольны они Магомчерием Заном, но что с них взять: вмешиваются не в свои дела, судят о том, в чем совсем не разбираются, поистине, куда конь с копытом, туда и рак с клешней. А что удивительного в том, рассуждал Карбатыр, что дедушка сошелся с турками и продал свою родовую землю, ему одному принадлежащую, он ей один и полновластный хозяин. Что ж тут такого? Кто нынче не торгует землей? Что земля! Людьми торгуют, рабами их делают! Неужели отец этого не понимает. Карбатыр так и хотел об этом сказать отцу, но тот опередил его:

— Я вижу, сын мой, мое размышление о твоем дедушке обеспокоило тебя, озадачило?

— Нет, тят,— смутился Карбатыр,— почему ты так решил?

Сафербий словно бы не слышал вопроса сына и продолжал свою мысль:

— Конечно, тут и говорить нечего, твой дед был мудрым человеком, но, сын мой, мы с тобой должны быть умнее его — ведь мы живем в новом времени, а новое время требует новых мыслей, вот мы с тобою, и, опираясь на старинную мудрость деда твоего, обязаны сказать свое, новое слово. Нет-нет, мы не осуждаем его, совсем нет, мы просто идем дальше.

— Крестьяне, тоже... говорят о дедушке такие слова.

— Вот как! — повысил голос Сафербий.— Стало быть, мужики держат обиду на твоего деда?!

— Наверное... Говорят, это он связался с турками, вот они и повадились к нам.

— А кого же это мужичье предпочитает? Урысов, что ли?

— Говорят — ближний сосед лучше дальнего...

Такого рода размышления для Сафербия не были новостью. В Шапсугии, в Бжедугии, в Абадзехии говорили много об этом. В Убыхии и Темиргойе тоже обсуждали.

Адыг такой человек, выбирая место, где собирается жить, дотошно справляется о будущем соседе, все хочет знать о нем, все до мелочей, чтобы не обрести себе недруга. Живя рядом, адыги щадят самолюбие каждого, стараются не задеть чем-нибудь своего ближнего, искренне делятся хлебом-солью. И это — не год, не два, а всю жизнь. Они

стараются быть выше житейских мелочей, но, конечно же, когда живешь бок о бок, дом к дому, плетень к плетню, калитка к калитке, случаются всякие неприятные мелочи: курица залетела в соседский огород и что-то там выклевала, овца потравила что-нибудь, собака по ночам слишком громко лает, беспокоит чуткого к шуму соседа. Сафербий помнит, как из-за несчастной пяди земли сосед заколол острым колом своего соседа, а потом, опомнившись от своего гнева, заколол и себя кинжалом. Бывает и такое, редко, но все-таки, бывает, огорчает людей...

И опять к Сафербию пришли мысли из прошлого, увлекли в Турцию через море в далекую даль.

Когда Сафербий заговорил с турецким султаном Махмудом II о соглашении в Эдирне по поводу Черкесии, тот сделал вид, что не слышал Зана, хитровато посмотрел и просто промолчал, а когда Сафербий поднялся, чтобы уходить, когда закончился их разговор, султан сказал:

— Пусть черкесы не падают духом. Мусульманская Турция их не оставит. Пусть не думают, что их дело решено окончательно и бесповоротно.

Интересно, что означали эти слова султана? В чем состоял их не только прямой, но и другой, тайный смысл? Может, они пожалели о мире с русскими, передумали? Но что теперь об этом говорить, ведь дело сделано, за спиною адыгов сделано, два сильных и беспощадных хищника, будто взорвали Черкесию, разнесли ее на куски. С кого теперь спрашивать за это, с кем советоваться? И о чем? Раздерганную на куски адыгскую страну теперь не соберешь, не призовешь, не поставишь под одно единое знамя. Шеретлуковы вновь подняли голову и вместе с Хагурами и Тариками бузят в Шапсугии. Хаджемуковы вновь правят Бжедугией. Берзедж княжит в Убыхии. В Темиргойе правят Болотоковы. Многие любят власть, любят править другими, повелевать. О-о, какое это злое желание. Какой-то примак по имени Хан-Гирей, выдавая себя за адыга-ногая, объявился в Бжедугии, в ауле Тлюстенхабле, и тоже хочет править, командовать!

А в Абадзехии? Каждый из абадзехов мнит себя князем. А как же! Конечно, он — князь, а ведь у абадзехов нет князей. Этих косматых жителей гор и дремучих лесов ни в чем невозможно убедить: упрямы как волы, настырны, не приведи Аллах. Не намного лучше их и наши единокровные соседи убыхи, абхазы. Тоже — каждый сам по себе, князь и правитель. Сколько раз я говорил: адыги, не точите друг на друга, на единокровного брата зубы, лучше наточите кинжалы на врагов наших, которые сталкивают нас друг с другом. Говорил я и не устаю говорить, всем нам надо объединиться в наше адыгское государство, надо стать под одно знамя. Страна, у которой нет единого знамени, не может быть сильной, а слабая страна, как и слабая овечка, лучшая добыча волку. Говорю, будто на ветер, будто перед глухими. О Аллах, образумь их, открой их сердца навстречу друг другу, навстречу своей единой родной земле... А теперь, видишь, что получается: свершилось позорное, неумолимое дело за нашими спинами. Если бы нас за людей почитали, если бы уважали наше мужество и силу, не решились бы без нас определять нашу судьбу. Но то ли еще будет! Когда тронется на нас царское войско с Кубанского правобережья, когда его кони станут топтать нашу землю, грабить селения, обижать наших жен, детей и стариков, тогда мы очень хорошо поймем свою ошибку, тогда откроются наши уши, да будет уже поздно: близок локоть, да не достанешь его, не укусишь... И все-таки — что означал лисий взгляд султана Махмуда? Ох, до чего же хитер султан! Для меня что турки, что русские — все едино, я могу одинаково столковаться и с теми, и с другими. Мои плечи носили погоны и Турции, и России, те и другие тяжелым грузом лежали...

Еще каких-нибудь два-три года назад в Черкесии было спокойно, жили себе адыги и жили — сеяли хлеб, пасли скот, праздновали свои праздники, радовались зоревому солнцу, тихой луне, любовались цветущими садами и благодарили Аллаха за Его благодать, а теперь... Теперь, разговоры один тревожнее другого.

Разумеется, и раньше адыгская земля не была лишена вестей, и на ней, как и повсюду, в каждом углу подлунного мира, происходили свои человеческие события, шла своя жизнь — радостная и печальная, горестная и беззаботная, бездумная и задумчивая — жизнь как жизнь, но весть о соглашении России с Турцией привела в смятение, даже, если угодно, потрясла всех. Так было во всех адыгских племенах — в Натухае, Шапсугии, Абадзехии, Бжедугии, Убыхии, Темиргойе, Беслинее, Кабарде.

Тревожился народ, колобродил, не наденешь на него узду. Разве можно вольного степного скакуна взять и запросто под седло, взнуздать его? Нет, невозможно. А что же люди, что адыги, которые веками жили по законам гор и степей, по законам, данным им горными предками, как с ними быть?

Тут бы и объявиться сильному, умному, организовать их в единую силу, собрать в один кулак, но нет, в разнобой грозятся оружием, каждый сам за себя. И не больше того.

Вот такие мы, адыги, рассуждал князь Сафербий, свободные, как вольные птицы, и каждый поет свою песню, чаще всего не слыша соседа, не слыша его песни радости или печали, каждый там высоко, недоступно для других, строит свое гнездо. Ах, адыги, адыги! Вон грузины, они числом и землями своими куда как меньше нас будут, однако у них там, в Тифлисе сидит наместник русского императора граф Паскевич-Ириванский, светлейший князь Варшавский, он не может не считаться с мнением грузин, с их волей. Я хотел бы встретиться с ним, но разве он будет со мной так считаться, как с грузинами? Нет, потому что не едины адыги, не являют государство и силу. Да, как-то он меня встретит. Спросить бы его об истинных намерениях, зачем он прислал в наш край генерала Бескровного. Однако лучше, думаю, надо сначала поехать в Ставрополь и переговорить там с генералом Эмануэлем, который надзирает за адыгскими землями и Черноморским побережьем. Конечно, он может прояснить кое-что, можно у него как-нибудь краешком выпытать разное, а уж потом к Паскевичу, к главнокомандующему и царскому наместнику на Кавказе...

Знакомство с черкес-гаем[1] Газаром, который и служит у них, не очень много даст мне, чтобы проникнуть в глубину русской души. Ведь я вот жил, воспитывался в семье полковника Бухольца, наполовину адыгской, наполовину русской, служил в их армии, но толком ничего в сущности понять так и не смог. Ладно — русские, а турки?

На берегу речки Афипс русские построили Георго-Афипскую крепость, заканчивают строительство Иваново-Шабежской крепости. На исконно адыгских землях построили свои грозные крепости. Ах, адыги, адыги!

[1] Черкес-гай — черкесский армянин, по-адыгски — адыгэ-ермэл.

Странные мы люди: пока пуля не срежет нас, мы не знаем, кто, откуда и зачем стрелял, что хочет тот стрелок? Что хочет этот царь, построив крепости на наших землях?

Разве сегодня начался дележ адыгского благодатного края между Россией и Турцией? Давно, давно это началось, но мы-то только теперь и поняли по-настоящему намерения этих двух... хищников, прости меня, Аллах! Что, разве раньше у нас не было глаз, не было ушей и капли разума?! Поделом и еще раз поделом! Может быть, хоть теперь станем поумнее. Говорят, мудрость приходит с годами, но ведь адыгам уже тысячи и тысячи лет, где же их мудрость?

И все-таки, русские — добрые люди. И если мы хорошенько все обдумаем, обсудим, то сможем найти выход из этого трудного положения. Русским ведь тоже хочется мира в их государстве, согласия со всеми, кто живет рядом с ними, вместе с ними. Говорят, что именно за добрым миром и приехал из Петербурга посланец русского царя Хан-Гирей.

По пути в Бжедугию, несколько дней тому назад я встретился с этим самым Хан-Гиреем и разговаривал с ним. Тот истинных своих намерений не высказал, только намекнул, что собирается в нашу сторону. Спросить бы его, но не принято спрашивать, зачем он к нам жалует — желание гостя свято. Сопровождали Хан-Гирея около десятка всадников. А как же! Флигель-адъютант русского царя!..

Правда, один из свиты, мой давний знакомый, сказал, что они бывают во многих аулах, осматривают леса, луга, броды рек, поднимаются в горы, расспрашивают обо всем адыгов. Хан-Гирей все записывает. Вроде бы собирается написать книгу об адыгах. Мой знакомец, человек, так сказать, штатский, не понял истинных намерений Хан-Гирея, а тот, как понятно всякому военному, занят картографированием адыгской земли, заносит все в свою тетрадь.

Адыги говорят: без адыгского сердца никакая черкеска и папаха не сделают тебя адыгом. Вот только не понятно, зачем Хан-Гирею хочется прослыть за адыга? Просто так? Нет. Есть у него, обязательно есть какая-то корысть. Что ж, как говорится — вольному воля. Но надо еще сказать: каждый за свою волю расплачивается сам. И за добрую и за злую...

Думал так Сафербий, глядя вслед уходившему сыну своему Карбатыру — сильному, красивому, статному. Ах,

как ему бы шли погоны. Адыгские погоны! Но, что делать, нет таких и неизвестно будут ли когда-нибудь...

От калитки Сафербия громко позвали:

— Сын Зана это ты? Тот самый, о котором так много говорят, которого не видим, как солнца в ненастную погоду? Но вот ты наконец и объявился, слава Аллаху.— Это был Субаш Тарик из Шапсугии. Прикрывая шапкой шрам на лбу, он спешился и неторопливо, с достоинством, как и полагается мужчине, вошел в калитку. За ним и второй гость.

Карбатыр пошел навстречу гостям, взял поводья их лошадей и провел во двор.

— И долго же ты пропадал, думал, что и не дождусь тебя, не увижу,— продолжал Субаш.— А вчера услышал, что ты вернулся, вот и прискакал в твой дом.

— Я не виноват, счастливый тхаматэ[1], что вы, шапсуги, любите позаревать и поздно поднимаетесь с постели,— пошутил Сафербий и тоже пошел навстречу ему. Неторопливо шел, и земля как бы чувствовала: по ней шагает сильный мужчина.— Ну, что нового, уважаемый, слышно в ваших краях? А это кто с тобой? Чей ты будешь, мой младший брат?

— Это сын Моса Хагура. Нурмагомет. Он был еще в утробе матери, когда Мос погиб в Бзиюкской битве. Ты же, Сафербий, знал Хагура и видишь, что сын его — вылитый отец. И статью, и характером, и честью.

— Слышал о нем,— Сафербий подал руку Нурмагомету, крепко пожал ее.— Добро пожаловать, брат мой, добро пожаловать. Какие новости слышны в вашей стороне, счастливый тхаматэ? — обратился теперь Сафербий к Субашу.

— А в Туречине что нового? — вопросом на вопрос, не без иронии ответил Субаш. Потом, помолчав недолго, не то в шутку, не то всерьез продолжал: — И чем турки заманивают вас? Есть у них какие-нибудь особые чары, а?

— Не знаю, как на это ответить тебе, уважаемый. В Турции много всякого-разного происходит — страна большая, хоть и поменьше России... Чем она заманивает нас? Не знаю, совсем не знаю. Лучше бы спросить у моего отца об этом: зачем он продал туркам нашу благословенную

[1] Т х а м а т э — старший, уважаемый по возрасту человек.

землю? И так дешево продал, так дешево! Почему, зачем, Субаш?

— Верно, верно ты говоришь, Сафербий,— не без печали согласился Субаш.— Но ты же адыг, ты знаешь, что такое воля отца, мы не смеем ее судить. Если дети станут судить своих отцов, что из этого получится?

Помолчали, каждый думая о своем, потом Субаш продолжал:

— Это воля наших отцов, это давнее время, а что теперь делается, что делаем мы с тобой? Говорят, Россия и Турция замирились. Между собою замирились, а нас турки продали русским, как продают на базаре скотину. Ты ничего не слышал об этом?

— Как не слышать, слышал,— слава Аллаху, что эта весть наконец докатилась и до вас, подумал Сафербий и вслух продолжил: — Слышал это горькое известие, слышал об этом нашем с тобою позоре. Есть такое соглашение, но где же вы были до сих пор, что же молчали, будто немощная скотина в стойле? Горе нам всем.

— Мы и раньше слышали об этом,— почтительно поклонившись, вступил в разговор старших Нурмагомет,— только не верили.

— Тогда, Сафербий, выходит это правда, что царские войска перешли Кубань?

— Не знаю.

— Говорят, там они строят укрепления? — не унимался Нурмагомет Хагур.

— Валлахи, интересно, это очень интересно,— думая о своем, как-то механически проговорил Сафербий, глядя на Карбатыра, стоявшего у плетня. Сафербий явно что-то не договаривал.— На днях я видел Газара... Он ничего мне об этом не сказал.

— Кто этот Газар? — спросил Субаш.

— Ты забыл Газара Серебрякова? — удивился Сафербий. — Морского адмирала?

— Да-да. Вспомнил — Газар этот адыгэ-ермэл учился вместе с тобою в Одессе. Это он заполнил наше море кораблями — как его не знать. С ним ухо держи востро!

— Ты говоришь так, Субаш, будто Газар Серебряков плохо относится к нам, адыгам. Мне думается, он не такой человек.

— Валлахи, и это верно. Но как все-таки относиться к тем, кто идет на нас?..— как бы про себя сказал Субаш и, помолчав, задумчиво продолжил: — Удивительно, все это очень удивительно, Сафербий.— Говорят, живя в Турции, этот шапсуг Измаилбей тоже лезет в князья. По виду Измаилбей, если кто не знает его, таким важным, таким значительным кажется, поважнее Зановых, князь да и все тут. Удивительно все это, очень удивительно. Чем больше живешь на белом свете, тем больше встречаешь удивительного, просто диковинного.

— Я думаю, в случае с Измаилбеем особенно и удивляться нечему, ведь его воспитатель Хрозер-паша один из самых влиятельных людей в Турции.

— Да, ты прав, Сафербий...

Карбатыр, стоявший все это время у плетня, ни словом не вмешался в разговор трех мужчин, но слушал очень и очень внимательно. Слушал и запоминал; его мысли, уходя из Куматыра устремлялись в Анапу, которая в прошлом году опять стала российской крепостью. Тайные это были мысли, ни один человек не посвящен в них; и пока нет у Карбатыра человека, которому он мог бы их доверить...

II

Печальная весть из Дахапа о кончине Михаила, или как адыги его ласково называли, Мишки Некраса срочно позвала князя Сафербия и его спутников в Абадзехию.

Всадники миновали Пшадское ущелье и поднялись на Абадзехское взгорье. Тут же из-за скалы дальней горы показался краешек солнца. Оно, словно красное колесо, медленно, беззвучно выкатывалось и всем давало о себе знать.

Субаш, мгновенно остановив коня, покинул седло. Спешились и остальные всадники, стали в молитвенном благоговении лицом к солнцу.

— О Аллах, о наше Солнце,— вслух стал молиться Субаш,— дай нам в добром уповании смотреть на Твой лик, дай живым в достатке жить, а мертвым — в раю. Помоги нам приоткрыть ворота рая и для моего старого друга Мишки Некраса, которого мы нынче едем хоронить. Не оскорби его там, что он гяурского происхождения. Мишка Некрас был достойнейшим человеком, мужественным и добрым, он не забывал свой народ, любил и уважал

так же народ, с которым жил, хлеб-соль делил, радость и беды, среди которого ему и умереть пришлось. Он сам жил достойно, родил и воспитал достойными, честными, добрыми своих детей. Аминь!

— Аминь! — повторили все и огладили свои бороды.

До аула Дахапа, в котором жил и умер Михаил Некрасов, было уже рукой подать.

Сафербий был одним из тех, кому этой ночью сообщили о кончине Некрасова. Старший сын Михаила — Тимофей — был близким другом Сафербия. Благодаря Тиму — так все аульчане звали его — Сафербий сблизился с его отцом, Мишкой.

Старика трудно было не любить: мудрый, много повидавший, равно хорошо говоривший как по-русски, так и по-адыгски. По всей Черкесии знали его —в каждом ауле, в каждой кунацкой он — уважаемый гость.

К этому надо сказать еще и то, что помимо старших дружили между собой и младшие — Карбатыр и сын Тима Руфат. Если его спрашивали, кто он по национальности, Руфат отвечал, дескать, по отцу — русский, по матери — адыг. «А что за имя у тебя такое — не русское и не адыгское?» «Ну и что? Считайте, что это имя адыгское».

Младшая сестра Руфата, Мария тоже была одинаково черкешенкой и русской, ее недавно отдали на учебу в Анапу. Сам Сафербий помог ей там устроиться, по-семейному определиться в доме Газара Серебрякова.

— Валлахи, хорошо, что мы вчера отправились в дорогу, будто чувствовали, что Мишка покинет этот мир, и нам нужно, как велит обычай адыгов, проводить его в последний путь,— сказал Субаш, спустя некоторое время после молитвы.— А все затеял Нурмагомет: поедем да поедем, говорит, давно ты не видался с твоим старым другом, с Мишкой Некрасом. Поехали и, конечно, никак не могли проехать мимо твоего дома, Сафербий... Э-э, время, э-э, судьба человеческая... Если бы мы не заезжали к тебе, а двинулись прямо в Дахап, застал бы я Мишку живым, попрощался бы со своим добрым другом. Жаль, жаль...

— Тут уж ничего не поделаешь, Субаш, значит, так надо было Аллаху,— ответил Сафербий, в печали опустив голову.

— Наверное, ты прав. Мы все живем по воле Аллаха. И еще я тебе скажу, самое скорбное в нашей жизни — ста-

рость. Это когда одного за другим хоронишь своих друзей и остаешься в одиночестве. Тяжко это, тяжко лишиться всех ветвей и остаться на ветру жизни голым стволом. Одиноким и сирым, ведь человек только и силен, только и красив вместе со своими друзьями, с которыми делил последний кусок хлеба, с кем стоял плечо в плечо на бранном поле, был спокоен, что не один — в этом наша большая сила. Да, тяжко оставаться на осеннем ветру своей жизни одиноким, голым стволом!

— Не печалься, счастливый тхаматэ,— ласково глядя на друга отца, сказал Хагур.— Тебе еще очень далеко до одиночества, вон нас сколько молодых и все мы с тобой. Мы все твои друзья, мы все твои дети. Не печалься.

— Спасибо, сын мой. Да продлит Аллах ваши счастливые дни, дарует вам радость. Я понимаю, как не вечен человек в подлунном мире, и мое грешное тело ляжет в землю, в могиле обретут покой мои кости. Верно, так нас создал Великий и Всемилостивый Аллах, и все же трудно примириться, что воинов великой Бзиюкской битвы с каждым днем становится все меньше. Сужается наш круг, наступит день, когда он превратится в точку, а потом и вовсе исчезнет, как бы растворится в бесконечном. Грустно и печально все это. Из тех воинов во всей Шапсугии и Абадзехии уже теперь в живых остался я один.

Последних слов Субаша Сафербий уже не слышал — опять мысли, будто резвые и непослушные кони, понесли его, останавливаясь то на берегу Афипса, то в долине Лабы, то в Екатеринодаре у могучей Кубани.

Весь минувший год его мысли и раздумья как бы разливались по всей Черкесии, из конца в конец ее степей, по ущельям поднимались в горы, к вечным снегам и потом снова опускались...

Вот и теперь перед его взором прошли казачьи сотни, что на правом берегу Кубани, прошли полки царских войск от Черного моря в Чечню, в Дагестан, к седым водам Каспия.

Потом Сафербий побывал в Турции — в Стамбуле, в тихом, маленьком городке Эдирне. Из Турции — побывал в Одессе, Керчи, а потом в Анапу — в старое подворье отца.

Старое подворье отца всегда у всех вызывает печаль по ушедшему времени и радость детства, юности. Печаль и радость — они всегда рядом, не могут существовать друг без друга...

— Вероятно, Субаш,— сказал Сафербий — в адыгской стороне будет война, будет она пострашнее Бзиюкской битвы. Думаю я, если адыги в этой войне уцелеют, то им суждена долгая жизнь. Нурмагомет озадаченный и озабоченный словами Сафербия, придержал коня:

— Ты думаешь, нам не избежать войны? Думаешь, мы бессильны ее остановить на границах нашей земли, не пустить к себе в дом?

— Это зависит только от нас самих.

— А что мы можем сделать, как должны поступить? — придержал своего коня и Субаш.

— Мы должны быть мудрыми, сдержанными, мы должны примириться с тем, что уготовила нам судьба.

— О чем ты ведешь речь? — догадываясь о мысли Сафербия, спросил Субаш. И, не дожидаясь ответа, продолжил: — Боюсь, что турки и русские готовят адыгам такую судьбу, что век бы ее не видеть ни нам с тобой, ни нашим детям и внукам. Если ты думаешь, что такое решение будет счастьем для нас, горько ошибаешься. Я даже удивляюсь, как оно могло прийти тебе в голову! Они из свободных хотят сделать адыгов своими послушными рабами, они взнуздывают нас, и ты не будешь этому противиться? Так я тебя понял?

— Мы должны пристать к одному из этих двух берегов, иначе попадем, как на мельнице зерно, между двух жерновов, и они превратят нас в прах. Так я думаю, Субаш.

— Ты думаешь! — с горьким и едким упреком сказал Субаш.— А ты спросил, как об этом думают в Шапсугии, Бжедугии, Абадзехии, Темиргойе, Убыхии, в Беслинее, в Кабарде? Ты спросил их всех? Не спросил, тогда почему же распоряжаешься их судьбами! — Субаш в сердцах пришпорил коня и бросил сердито: — Давайте поторапливаться! Тело моего бедного друга Мишки Некраса ждет меня.

Субаш со своими спутниками прибыл в Дахап довольно рано, однако во дворе Михаила Некрасова уже было многолюдно. Куда ни кинь глаз, всюду одни мужские папахи.

В дальнем углу двора толпилась молодежь, занималась своими делами — присматривала за лошадьми приехавших из других аулов мужчин. Там же стояли телеги, на которых приехали женщины.

Близкие родственники Михаила в ряд стояли во дворе. Приезжие и пришедшие на похороны каждому пожимают руку, говорят слова соболезнования.

В доме все громче и горестнее причитания женщин.

Не успел Субаш спешиться, как молодые парни приняли у него коня. И во двор он пошел впереди своих спутников, как и подобает старшему.

Дошел до калитки и заплакал в голос. Во дворе перед ними расступились, образовав своеобразный коридор скорби.

Громче запричитали, зарыдали женщины.

— Е-во-вой, мой бедный Мишка, мой добрый старый друг, мы пережили с тобой Бзиюкскую битву, думал, что опять же вместе с тобою покинем и этот мир... А ты ушел один, без меня! — причитал Субаш, идя в дом, а войдя в него, опустился перед покойником, накрытым буркой, поверх которой лежал кинжал.

Поднялись сидевшие на скамейках старики, почтительно и скорбно склонили свои седые головы.

— Тяжела, как тяжела для меня эта потеря. Ты был достойнейшим человеком, мой друг Мишка. Трудно было сыскать равного тебе в мужестве, человечности, великой доброте. Как мне хотелось еще разочек встретиться с тобою, вспомнить нашу боевую молодость, наших товарищей. Посидеть, поговорить, повздыхать. Так хотелось, но смерть опередила меня. Что тут поделаешь, так уж этот мир устроен: сначала человеку делают колыбель, а потом готовят ему могилу. Скоро, скоро, мой добрый друг, и я отправлюсь за тобою. Я прошу Аллаха, чтобы двери рая широко распахнулись перед тобою: ты жил честно и достойно среди людей, не различал никого ни по богатству, ни по национальности, ни по знатности рода; доброта и мужество, ум и честность были для тебя главными, и Аллах воздаст тебе по делам твоим, Он примет и душу твою по святым законам доброты, любви, обратит на тебя Свою милость.

Субаш поднялся с колен и продолжал, обращаясь к покойнику:

— Раз уж так повелел Аллах, раз ты опередил меня, Мишка, передай мой поклон нашим боевым друзьям — Мосу Хагуру, Ахмеду Шипако, Тамбиру Вайкоку, Дзепшу, Нарычу, Бечкану, Ламжию, Бидаду, Анзауру и покинувшему нас в прошлом году Непашу Тхахоху. Скажи им, что дело, за которое боролись мы, крестьяне, не улучшилось, а может быть, даже ухудшилось. И еще попроси их: если им доведется ненароком встретить в аду Шеретлуковых, Хаджемуковых, Болотоковых, Казаноковых и других князей, дворян — всех родовитых, пусть скажут им, что пока мы живы, укоротим их благополучие, уничтожим их радость, пусть скажут, что крестьянская правда, справедливость еще крепки в нас. На нашей стороне сам Аллах со своими великими законами любви и добра. А если увидят в кипящей смоле Али-Султана и Дарихат, пусть не тратят на них слов, пусть усмехнутся и пройдут мимо.

Опустив голову, постоял молча Субаш, теперь уже в печальном молчании прощаясь с усопшим. Потом его подвели к медному тазу в углу комнаты, дали умыться, поливая из кумгана.

Затихли плач и причитания на женской половине.

Тихо стало в доме. Так тихо, будто на всей земле адыгов в эту скорбную минуту только и есть — тишина. Тишина печали, мудрости и раздумий.

Смерть, переход из грешного земного мира в мир Аллаха, требует, чтобы каждый, кто был здесь, почтил ее своим молчанием, своими мыслями о суетности земного бытия, о вечном покое.

Если вдуматься в слова Субаша, сказанные у изголовья покойного, то может показаться, что кроме печали, горя, слез и страданий крестьян, всех, кто хлеб свой насущный добывает в поте лица, своего нет ничего. Если так, то что же тогда движет эту вечную, неистребимую жизнь? Надежда на лучший завтрашний день? Или сладкая мысль о райской загробной жизни? Должно быть, и то и другое, чтобы обрести милость Аллаха на том свете, надо здесь, на этом свете жить по законам любви и добра, сделать столько светлых дел, чтобы там их оказалось достаточно, потому-то и не торопится человек уйти отсюда. Надо без устали творить добро и радость. И надо успеть, ведь жизнь так коротка. Радость и добро — это и есть великий смысл жизни...

— Да-а, не зря люди говорят, что жизнь человека подобна росе,— прервал затянувшееся молчание Субаш,— блестит, сверкает она на солнце и... пропадает, испаряется. Что такое восемьдесят лет? Так, миг в вечности. Я уже шагнул в вось-

мидесятилетие. Много это или мало? Немного, но и не мало... Вот иногда говорят, что князья, дворяне, все богатые живут припеваючи, с утра до утра блаженствуют, но ведь человек от безделья, от бесконечной праздности страдает не меньше, чем от тяжелого труда, от бедности.

— Праздно живущие, Субаш, жиреющие от довольства очень быстро стареют, их тела становятся дряблыми, лица морщинистыми,— сказал эфенди Юсуф. Сказал и почему-то застеснялся сказанного, как бы прося извинения, посмотрел на всех.

— Верно, Юсуф-эфенди,— поддержал Субаш,— согласен я с тобою, но стал сейчас вспоминать и почему-то не очень многих, скажем, родовитых вспомнил, которые бы постарели раньше времени от своего безделья, вернее, от праздности... Прости нас, Сафербий,— вдруг спохватился Субаш,— что мы как-то забыли о твоем присутствии.

Недовольно поморщился Сафербий, но говорить старался мягко, чтобы не выдать своего недовольства обидными словами, сказанными о родовитых, о богатых:

— Ты ошибаешься, Субаш, разве, скажем, князья вот так просто блаженствуют в своем княжеском безделье, просто наслаждаются своим княжеским достоинством, богатством? Нет. У них очень много забот. Если простой крестьянин думает только о себе, о своем дворе, о своем поле, то князю приходится думать, тревожиться далеко не только о себе, ведь князья идут впереди своего народа, они ведут его и потому на их плечах лежит тяжелая ответственность.

— Валлахи, Сафербий, ты так это сказал, будто быстрым выстрелом попал в самую цель,— стараясь придать своим словам некоторую шутливость, ответил Субаш.— Оно и понятно, ведь блаженствовать можно только после трудов праведных и нелегких... Ну да ладно, бог с ними, с князьями. Отвлеклись мы немного. Прости нас, Юсуф-эфенди. Покойник перед нами. Вели, что делать нам дальше. Что скажешь ты, Тимофей? — Субаш не называл его Тимом, подчеркивая этим уважение к хозяину, к его русскому происхождению, хотя обряд похорон его отца проходил чисто по-адыгским обычаям.

— Что ж тут спрашивать, о чем рассуждать,— заторопился эфенди.— По нашему обычаю усопшего предадим земле.

— С вдовой, с Лизой советовались?

— Вдова усопшего говорит, что слово и воля дахапцев — закон для них. Так завещал покойный,— сказал Юсуф-эфенди.

— А что говорят жители Дахапа? — не унимался Субаш, он хотел, чтобы все было благочестиво для всех.

— Дахапцы говорят, что все, кто умирает в Дахапе — их покойники.

— В таком случае я хотел бы задать вопрос всем вам, мужчины Дахапа, хотел бы сказать, не обижайтесь на меня за то, что скажу сейчас. Вы помните, мать Лизы, старая Мария тоже померла в Дахапе, но ее похоронили не на кладбище, а... рядом...

Субаш вспомнил, какой шум тогда подняли селяне у могилы старушки-иноверки, вспомнил, как сломали крест, стоявший на могиле. Так было, пока не подросли, не стали сильными мужчинами ее внуки — они не позволяли никому осквернять могилу их бабушки.

— Что же вы молчите? — спросил Субаш и сам же ответил за всех: — Что поделаешь, то было такое время со своим законом, теперь оно стало несколько иным. И мы с вами стали иными...

На адыгских похоронах и свадьбах, как и у многих других народов, помимо печали и радости разное происходит: собирается много людей, каждый приходит со своей новостью. Каких только разговоров там не услышишь, каких только встреч не бывает — самых неожиданных.

Субаш остался сидеть у изголовья покойника, сидел по праву старшего, по праву большого друга Михаила Некрасова.

Уходили и приходили люди попрощаться с Мишкой, склоняли перед ним свои головы, говорили слова скорби, слова добра и благодарности, а Субаш все сидел и сидел над своим другом. То поправит бурку, то кинжал на груди покойника, то назойливую муху отгонит.

Мужчины негромко, но все-таки заговорили о русско-турецком соглашении: у кого что болит, тот о том и говорит. Все были недовольны сговором России и Турции за спиной у хозяев земли, за спиной у адыгов.

Сафербий горестно покачал головой:

— Верно, все верно, уважаемые адыги, но где вы были раньше, почему не стали под единое знамя адыгов? Вот

тогда бы вы были силой, тогда бы с вами считались, не посмели сговариваться у вас за спиной.

— Валлахи, я не знаю, о чем вы говорите! — возмутился Джабраил, сын Татава Джимова. Как и его отца, Джабраила корежило даже простое упоминание о русских.— О чем вы говорите! Да разве можно с гяурами садиться за один стол! Разве можно позволить им осквернять наш мусульманский стол! Эти нечестивцы!..

— Оставь, Джабраил! — не выдержал Субаш.

— Отчего же, уважаемый? Разве мы не вправе говорить об урысах? — не унимался Джабраил.

Субаш поднялся, грозно выпрямился:

— Я же сказал: довольно! На смертном одре Мишка Некрас, я не позволю осуждать его род!

Среди молодежи, толпившейся поодаль, в стороне сарая были Нурмагомет Хагур и Карбатыр Зан. Они тоже говорили об оскорбительном для адыгов сговоре Турции и России. Им казалось не только неприличным, но даже нелепым то, что турки отдали не свое русским, а те тоже приняли его — чужое. Разве это не позорно, разве не смешно! Неужели те и другие не понимают этого?

Нурмагомет и Карбатыр пока только прислушивались к этому разговору, чтобы потом сказать и свое слово. Обязательно сказали бы, но мимо них прошла молоденькая женщина в черном одеянии.

Парни увидели ее.

Нурмагомет посмотрел братски, а Карбатыр взволновался сердцем, загорелся лицом.

— Кто эта девушка?

— Эта? — Карбатыр улыбнулся: — Я тебе уже говорил о ней, когда мы сюда ехали. Это Мария, дочь Тима. В Анапе живет.

Взгляды Карбатыра и Марии встретились. Нурмагомет увидел это, понял и, чтобы не мешать, отвел свой взгляд в сторону.

III

Всю ночь Даура Ахеджака мучили тревожные мысли — они путались, перемежались с какими-то, почти как сон, видениями, бередили его сердце. Хотелось забыться, но

ничего из этого не получалось — глаза не хотели закрываться, душа волновалась, тревожилась.

Только под утро его сморил сон.

Даур не помнит, сколько проспал: то ли всего лишь мгновение, то ли целую вечность.

Поднялся весь помятый, уставший, взбодрился холодной водой и, не завтракая, оседлал коня и заторопился.

Он знал обстоятельства дела, которое вчера в Екатеринодаре ему поручили, но если бы знал о нем раньше, если бы оно не было для него такой неожиданностью, ни за что не поехал бы за Кубань. Курица сама из земли выгребает то, за что ее потом забьют. Сидеть бы ему в такое тревожное время у себя дома, не высовываться, не бегать по знакомым казакам. Пусть турки сами разбираются с русскими, пусть князья делят с ними власть.

Мне-то зачем, терзался Даур, впутываться в их дела? Крыша в доме моем не течет, семья не голодает. И живности полный двор, и зерна в закромах хватает. Сидеть бы мне тихонько, радоваться малым радостям, солнышку утреннему да дождичку хлебородному. Так нет же. Куда, зачем меня понесло? Что я скажу шапсугам и абадзехам. Видит Аллах, я и не очень-то хотел этих серебряных денег русских... Если ты не можешь, говорит, нам больше не на кого надеяться. Смешные или непонятливые они. Так и хочется им сказать: ваша императрица Катерина в то давнее время пожаловала Хаджемуковым серебряную саблю за то, что те приветливо встречали гостей из-за Кубани. А теперь мне, что ли? Так ваш царь даже не слышал о существовании каких-то Ахеджаков. И если говорить честно, то я точно знаю: из этой бумаги, которую я везу, не будет никакого толку, ничего не выйдет у вас, уважаемые, не только с шапсугами и абадзехами, и с убыхами, темиргойцами, бжедугами. Нет, я не говорю, что среди них не найдутся согласные с вами, с вашими планами. Найдутся, конечно, обязательно найдутся, только очень мало таких, как Хаджемуковы и Ахеджаки. Правду говорят, что адыги живут на своих просторных землях вольными птицами, никакой золотой клеткой их не приманишь. Верно, говорят. Вот тут и пойди к этим вольным орлам, попробуй их уговорить! Пустое дело. А этот царский посланник, этот Хан-Гирей, как я его понял, метит в наместники Черкесии.

Смех один, смех да и только — не хватало адыгам наместника из ногаев!

При этой мысли Ахеджак громко рассмеялся.

Конь, почувствовав хорошее настроение хозяина, пошел веселее, звонче застучали его копыта.

В мглистой дали раннего утра показалось Георго-Афипсское укрепление.

Шевельнулись кусты терновника, из-за них вышли четверо вооруженных казаков и преградили путь Ахеджаку.

— Стой! Кто таков?

Даур знал, что здесь построено укрепление, но что казаки так бдительно охраняют подходы к нему, не знал. Немного опешил, но тут же нашелся:

— Я — Даур Ахеджак! А вы? Чем так заняты спозаранок? — весело спросил на ломанном русском языке Даур. Весело спросил, но в то же время как бы с неудовольствием, что с ним так бесцеремонно обходятся.

Достал из кармана бумагу, показал казаку, тот пробежал ее, уважительно козырнул, щелкнул каблуками:

— Рад приветствовать! Можете следовать дальше!

Казаки расступились перед Ахеджаком.

Несмотря на оказанное ему почтение, Даур оскорбился. Выругался про себя, а потом воскликнул: неужели же нам теперь по своей собственной земле придется ездить по документам! Дожили, ничего не скажешь!

Чем дальше ехал Ахеджак, тем больше оскорблялся, возмущался тем, что от него потребовали документ. У него будто горело все внутри, надо было во что бы то ни стало выплеснуть свою обиду, но, как назло, никто ему из адыгов не встречался в этот ранний час. От этого его возмущение становилось еще горячее.

Оставив казачье укрепление по правую сторону, он переправился через речку Афипс и поскакал долиной.

Вдали увидел шестерых конных казаков, и, хотя они направлялись в противоположную от него сторону, Ахеджак пришпорил коня. Правду говорят: безопаснее та беда, от которой ты ушел.

В той стороне, где были казаки, раздались выстрелы. Казаки гнались за двумя черкесскими всадниками.

Появилось еще несколько конных казаков. Они встали на пригорке и наблюдали.

Быстрые были кони у черкесов, легкие. Даур понял, что казакам их не догнать.

Что ж это, горячился Даур, делается на земле! Я не верил рассказам тех, кто побывал здесь, я думал, что они говорят лишнее, да нет же, нет! Дожили мы, что на своей земле, будто на вражеской живем. Следят за нами, гоняются, как за преступниками. Что ж это такое! Турция и Россия воевали между собой, а больше всех от них досталось нам. За что, боже милостивый!.. А теперь вот еще меня нелегкая дернула ввязаться в грязное дело. Получается, что я — доверенное лицо русского царя? Ничего не скажешь — молодец! Как на меня посмотрят шапсуги и абадзехи? Не сломают ли они мне шею? Хотя, может быть, и поделом. Я и в глаза не видел генерала Бескровного. Но разве это не интересно, а? Я и генерал Бескровный! Покойный Анзаур Ахеджак, мой дядя, не зря говорил: «Не садитесь за стол родовитых — вместо мяса они подсунут вам кости, потом еще и заставят служить им, исполнять их волю». Сам Анзаур никогда не говорил о том, чему был свидетелем, а я что делаю? Генерал Бескровный сделал меня своим гонцом. Тут-то, наверное, и есть главная беда... Правда есть и другое. Пусть русские иной веры, пусть у них совсем другие обычаи, но ведь они наши самые близкие соседи. Стоишь на берегу Кубани, на другом видишь их. На базарах, на ярмарках, в меневых дворах вместе бываем. Покупаем, продаем, торгуемся, радуемся. Турки одной с нами веры, они за морем, кто знает, что у них на уме, как они живут, чего хотят? Между прочим так говорит и Хагур. Верно, верно — добрый сосед это тоже богатство. Богатство, которое тебе даром досталось... Все же зря я отправился в такую важную да и опасную дорогу один, надо было найти доброго и надежного спутника. С шапсугами и натухайцами как-нибудь договорюсь, а с абадзехами! С этими бородатыми труднее трудного. Хитрость надо иметь, чтобы размягчить их сердца, достучаться до их ума-разума. Есть там у меня дружок — Тим Некрас, но ведь он и сам с большим трудом пустил свои корни. Ничего, как-никак, все ж он чем-то и поможет мне. Могут помочь и другие знакомые. А Юсуф-эфенди?..

Подумав о натухайцах, Даур вспомнил о Занах.

С кем же они, с кем?

Да и чего, собственно говоря, спрашивать у турецкого бим-баши[1] Сафербия? Если погоны турецкие носил, значит, и присягал на верность туркам? Так или не так? Не просты эти Заны. Говорят, Сафербий берет сторону царя. А как же, ведь он русским офицером был, даже учился в их школе. Попробуй разберись в этой катавасии.

Но мне-то, мне зачем ввязываться в это грязное дело?! Надо бы порвать эту бумагу и вернуться назад. Порвать, вернуться?! Но ведь он мужчина, не может подвести тех, кто верит ему, надеется на него. Да и едет он к адыгам с добром, с миром, чтобы не лилась невинная кровь. А насчет серебра, которым ему заплатили, так оно не валяется на дороге, совсем не лишним будет в его хозяйстве. Главное, чтобы о нем никто не узнал. И домашним не надо ничего говорить: женщины, что степной ветер, разнесут, потом беды не оберешься. Да и чего вообще ломать над этим голову — разве грешно получить плату за свой труд, но и трубить об этом не надо, пусть все думают, будто делает он это дело по своей душевной доброте, что он как истинный адыг взялся за это труднейшее дело.

Успокоился Даур, ему только оставалось решить, может быть, надо сначала заехать к Субашу Тарику?

Выбравшись из роскошно-зеленой, в тополях, кленах и зарослях терна, шиповника, боярышника долины Афипса, взобравшись на взгорок, Даур увидел несколько всадников и подумал, что это казаки, но вскоре понял — адыги.

Даур узнал всадника, ехавшего впереди — это был Хан-Гирей. Как всегда — в отлично сшитой черкеске, при кинжале и пистолете, отделанных дорогой чеканкой из черненного серебра. На узком, до блеска выбритом лице — рыжеватые усы. Из-под круглой, невысокой папахи выбивались светлые, рыжеватые волосы.

— Милостью Аллаха куда держишь путь, Даур? — поздоровавшись, спросил Хан-Гирей.

— Доброго пути, Хан-Гирей,— ухмыльнувшись, подумал Даур, а все за адыга себя выдаешь, кто ж так обращается к встречному путнику.— Я, как видишь, путь держу в Натухай. Как вам живется-можется, князь? — спросил Даур и, не ожидая ответа, обратился к одному из спутников Хан-Гирея: — Как ты поживаешь, Тим? В последний

[1] Б и м-б а ш а — полковник.

раз мы с тобою виделись на похоронах твоего отца. Все ли дома хорошо, все так же к вам милостив Аллах?

Не дал ответить Тиму Хан-Гирей:

— Встретил в пути Тимофея Некраса и Карбатыра Зана, вызвались они проводить меня немного,— сказал он, скрыв, что вчера вечером сидел в кунацкой Сафербия Зана.— Спасибо, джигиты, можете возвращаться. Теперь добрым попутчиком вам будет один из достойных мужей Бжедугии Даур Ахеджак. А мы спустимся с этого взгорка и направимся в бжедугские земли, такие же прекрасные и счастливые, как и земли натухайцев.— И опять слукавил Хан-Гирей, не сказав, что направляется к казакам в Георго-Афипскую крепость.

Теперь Даур ехал в сопровождении двух всадников. Какое-то время ехал молча, потом заговорил:

— Умный и очень образованный человек Хан-Гирей, широко мыслит.

— Человек, он, должно быть, и в самом деле неглупый,— прервал Даура Тим Некрас,— сердцем он на стороне царя — вчера, сегодня только и разговоры у него об этом.

— Ничего удивительного в этом нет, ведь он служит в русской армии.

— А мне кажется, тут совсем другое дело,—вступил в разговор Карбатыр.— Даже если он и офицер русской армии, то... обижается он на царя.

— Он говорил тебе об этом сам? — встревожился Ахеджак.

— Нет. Мне просто так кажется, чувствую я это.

— Валлахи! Мне точно так же кажется,— горячо поддержал Карбатыра и Тим.

— Интересно это, очень интересно...— задумался Ахеджак, не понравилось ему сказанное попутчиками.— С весны он живет в Тлюстенхабле. Интересно, интересно... Не случилось ли там в России с ним что-нибудь? Но ведь он носит погоны царской армии...

— Носит погоны,— усмехнулся Тим,— погоны погонами, а дело делом: нельзя же предавать своих соплеменников, нельзя, надев чужие погоны, стелиться перед ними! Так я думаю! Мне не хочется говорить ничего дурного о Хан-Гирее, однако не нравится мне как он, будто очумев, мотается вдоль и поперек всей Черкесии... Он подлизывался, поддабривался ко мне, видать, из-за того,

что я русский. Говорил лестные слова о них — какие это добрые, какие сильные и честные люди... Уж очень дотошно все выспрашивает, много рисует, чертит в тетради — леса, речки, курганы, дороги... Рассказал я тогда моему покойному отцу о недобрых моих подозрениях, он согласился, сказал Хан-Гирей ведет двойную игру, нет у него чистоты в душе.

Разговор этот, возникший как-то неожиданно о Хан-Гирее, был не по нраву Карбатыру, но он не подавал виду.

Больше того, изредка вмешивался в разговор, вроде бы соглашался с Тимом и Дауром, поддерживал их. Если бы спросить молодого Зана, он, пожалуй, не смог бы объяснить свое поведение. Но самое странное дело — его отец говорил то же, что и его спутники, но как понять, ведь отец, как сейчас Хан-Гирей, служил в свое время у русских, потом у турок, но теперь-то вернулся и живет дома, на своей земле. Возможно, что это же произойдет и с Хан-Гиреем. Что ж тут удивительного? А вот удивительно ведет себя Тим, Тимофей Некрас — он рассуждает так, будто забыл о своем русском происхождении. Сказать, что он подыгрывает нам, просто делает приятное адыгам? Нет, конечно, Тима знают уже не первый день. Он и родился здесь и рос с адыгами. В чем же тогда дело? Почему Тим так ведет себя, Марию для воспитания отвез в Анапу, в семью Серебряковых. Газар, конечно, знает наш язык, но в общем-то у него в доме живут в основном по чужим нам обычаям. Вот какие дела получаются. И дочь свою, назвал в честь своей бабушки, но если бы у него душа была не такая, разве назвал бы ее таким именем. Вот тут и подумай, рассуди. Как все не просто. Тиму незачем отказываться от своей русской крови, заискивать перед адыгами.

И Тиму улыбнулся Карбатыр, но все-таки ему хотелось хотя бы немного защитить Хан-Гирея. Он сказал:

— Говорят, что Хан-Гирей просто собирает старинные истории из жизни адыгов, чтобы потом написать книгу. Я думаю, Тим, много-много надо знать и об адыгах, и об их земле, горах и речках, полях и лесах, чтобы написать о них книгу, вот поэтому все и разузнает, выспрашивает, записывает Хан-Гирей.

— Нет, Карбатыр, нет,— твердо возразил Тим.— Я знаю, о чем говорю. Он хотел меня взять себе в союзники лишь потому, что я русский, он хотел зажечь во мне недоброе,

хотел разгорячить кровь моего отца, а это нехорошо, очень нехорошо.

— Я тоже слыхал что-то похожее — заметил Даур,— но тогда не придал этому значения. Но если говорить честно, не нам судить Хан-Гирея, пусть его судят там, в верхах, те, кому он служит. Однако по мне, служить гяурам — это потерять свою честь, мужское достоинство адыга. Я бы так поступить не смог, видит Аллах. В нашем нынешнем положении адыгам не пристало вот так вести себя, вот так вилять. Видели, Георго-Афипскую крепость соорудили? И на Шабеже такую же, и Лабу, говорят, переходят. Некий Паскевич-Эриванский объявился в адыгской земле, хочет поставить нас на колени.

Говорил все это Ахеджак, чтобы отвести душу, чтобы хоть как-то избавиться от путанных и тревожных мыслей по поводу письма, которое не давало ему покоя. Но о самом письме не проронил ни слова. Конечно, рано или поздно его содержание станет известным, но это потом, не сейчас. Он размышлял: если скажу, что русские попросили, неужели не поймут меня? Неужели осудят? Но за что?! Я ведь всего-навсего посредник, посланец, а посланца нельзя обижать, это все знают.

— Генерал Паскевич-Эриванский, о котором ты говорил, живет не в адыгской земле,— сказал Карбатыр,—он находится в Грузии, в Тифлисе. А его сподвижник генерал Бескровный в Ставрополе.

— Никак не пойму,— сказал Тим,— чего они добиваются, чего хотят от нас, адыгов. Да и как это можно, придти к людям в дом гостями и начать хозяйствовать. Как это они могут без нашего согласия на нашей земле строить свои крепости? Против кого они, зачем? Против турок или против нас? Как это понять? Разве они не знают, что мы, хозяева, не позволим этим самым генералам, да хоть бы и самому царю из добрых гостей стать хозяевами, а нас сделать работниками на нашей же земле. Не знают?! Они что, такие глупые или такие хитрые? А может быть, враги наши, надевшие на себя овечью шкуру? Валлахи, как говаривал мой родитель покойный, все это выглядит удивительно.

— Удивительно, не удивительно, а я сам видел все это собственными глазами,— продолжал отводить душу Даур.— Нынче утром меня несколько раз казаки останавливали

возле Афипса. «Кто такой, куда идешь, зачем?» — допрашивали, будто я не в своей стране нахожусь. Получается, что мы уже сейчас даже ходить по своей земле не имеем права. День ото дня казачьих папах на нашей земле становится все больше и больше.

Разговоры о том, будто Хан-Гирей ушел из царской армии были неправдой, но кочевали из конца в конец, будили людское любопытство, сеяли сомнения. Происходило это главным образом потому, что сам Хан-Гирей, если у него спрашивали об этом, ничего определенного не говорил: то заболел, то просто хочет отдохнуть от трудной военной службы, потому и живет в своем Тлюстенхабле. В самом же деле, в Дворянском ауле, как екатеринодарцы его называют, можно было Хан-Гирея реже видеть, чем в разных концах Черкесии. Не успеет слух распространиться по разным аулам, что он опять вернулся в Петербург, как его, одетого в щегольскую черкесскую форму, уже видели в Кабарде, или он вдруг внезапно возникал в Беслинее. Вчера был в Темиргойе, сегодня в Бжедугии объявился. Или только что был в Убыхии, а уже его папаха замаячила в Шапсугии. Ну, просто неуловим, не уследишь за ним. Его видят в кунацких влиятельных и простых адыгов, на свадебных игрищах почетным гостем, на вечеринках-чапщах[1] у постели больного, на похоронах.

Среди адыгов он соблюдает адыгские обычаи и порядки, а если казаки встретят, он покажет им бумагу, и они вытянутся перед ним в струнку, потому что бумага та была подписана самим начальником третьего отделения тайной царской полиции Бенкендорфом.

Попробуй устоять перед такой бумагой, попробуй, казак, не поклониться ей! Столичная бумага в этих краях все равно, что сам царь. Вот кто такой Хан-Гирей. Вон какую имеет власть в Георго-Афипсской! И не только здесь, а и в самом Петербурге его золотые погоны блистают при дворе Его Императорского Величества и там к нему относятся с уважением, есть у блестящего черкесского офицера заслуги перед престолом. А счет этим заслугам открыл его отец, Магомет.

Род адыгских султанов восходит к крымским татарам-ногаям. Живут они здесь, что называется, спокон века,

[1] Ч а п щ — веселые игры, устраиваемые у постели раненого.

делят с коренными жителями и горе, и радость, и мир, и войну, приняли их уклад жизни и обычаи, чтут адыгский этикет и нравственность, всеми силами способствуют, говоря учеными словами, процветанию всей Черкесии. Не забывают они в то же время и о своем султанском происхождении, соблюдают княжеское достоинство, умеют себя вести так, что адыги оказывают им всяческое уважение. Отец Хан-Гирея — Магомет Крым-Гирей — был истым адыгом, рьяно соблюдал все обычаи. Но он считал, что лучше всего держаться союза с Россией, с русскими людьми, они хоть и иной веры, но добрые сердцем, никого не притесняют, не стремятся обращать людей в православную веру, говорят, что каждый волен сам определить свою веру, каждый должен быть верен своей земле, ее законам, памяти предков, их духовной жизни. Убили Магомета враги, которые держали сторону турок. Муллы не могли простить, что ему 18 декабря 1816 года императором Александром I было присвоено звание войскового старшины. По завещанию отца Хан-Гирей тоже стал офицером русской армии. Тут ему помог генерал Ермолов, командующий Отдельным Кавказским корпусом. Он устроил его в Тифлисскую гимназию, а когда юноша закончил ее, определил в Петербургский кадетский корпус.

На службе Хан-Гирей оказался храбрым и мужественным офицером. Особенно отличился в Польше. Здесь он показал, как говорили, беспримерную преданность царю и русскому Отечеству. Хан-Гирей гордился сабельным и двумя пулевыми ранениями, полученными в Польше. Конечно, народное восстание в Польше было, как писали в газетах, потоплено в крови, жестоко подавлено, но что до того молодому офицеру, верному своей присяге, своему офицерскому долгу. Война — это всегда безумие, которое невозможно объяснить. Кто-то определяет виновными одних, кто-то — других. Даже такой верный судья, как время, не всегда выносит верный приговор.

Верным присяге, русскому царю Хан-Гирей оставался и в тридцатые годы, хотя, конечно же, не мог быть равнодушным к судьбе родного ему народа. Справедливости ради, надо сказать, что адыгский дух, адыгская кровь пробудились в нем не сразу, а лишь спустя два-три года

после того, как он приехал сюда по приказу Бенкендорфа[1]. Сыграло здесь немаловажную роль и то обстоятельство, что царь не хотел видеть Хан-Гирея наместником Черкесии, под властью России[2].

И вот Хан-Гирей после своего участия на войне в Польше, с Персией приехал в Черкесию. Не сразу он разобрался в обстановке на его родной земле. Чего-то не договаривали адыги, что-то скрывали русские, что-то было просто незаметным для постороннего. А разобраться надо было, нужно было понять, чтобы жить здесь, чтобы идти дальше. Как пойдешь, если не знаешь дороги, если не знаешь, нет ли на ней гибельных провалов, нет ли ненадежных мостов. Как станешь переходить через речку, когда не знаешь брода.

На днях встретившийся на опушке леса старик, когда разговорились, сказал Хан-Гирею:

— Сколько не делай добра русскому царю, все едино ты для него чужой. Кровью чужой и верой тоже, поэтому скажу тебе: каждый — сын своей земли, ей одной и должен в самую первую очередь служить, каждый — сын своего народа, ему единому должен отдать свои силы, свое сердце. Мы, адыги, никому не нужны, кроме своей Черкесии.

Верно, как верно сказал старик! Я, может быть, умом не все так ясно понимал, но сердце не может ошибиться в выборе дороги. Знаю это не только я, знает, конечно, и русский царь, потому он и его окружение не хотят сделать меня наместником Черкесии, боятся как бы мое сердце адыга не взяло верх над разумом.

Вон какой ворох мыслей перевернул, перебрал Хан-Гирей, сколько вспомнил всего из близкого и из дальнего своего прошлого, пока после длительного пути впереди не показалась Георго-Афипсская крепость.

[1] Личный друг Хан-Гирея и первый редактор его трудов «Записки о Черкесии» Бурнашев В. П. пишет, что шеф тайной полиции А. Х. Бенкендорф при одной из своих встреч с Хан-Гиреем сказал ему: «Из разговоров твоих, Гирей, заметно, что ты порядочно знаком с историей горских кавказских племен. Государю-императору угодно ехать на Кавказ будущим летом. Может быть, он возьмет тебя в свите своей. Может статься, но это еще не верно, а верно то, что Государю угодно, чтобы ты написал собственно для него записку о горских племенах, о которых, как слышно, ты кое-что уже имеешь у себя написанное. Надо, чтобы такая записка была у Государя не позже, как через два месяца или через шесть недель».

[2] Стиль всех приводимых далее документов сохранен.

Такая, видно, мне выпала судьба, буду следовать ей, буду следовать своей княжеской совести. Приготовлю для царя записку о нашей земле, о наших людях... Только уверен я, что адыги не раскроют свои объятия ни перед русским императором, ни перед турецким пашой. Нет-нет, адыги ни на что не променяют своей воли.

Даже если царь признает черкесское наместничество, то народ не признает все равно... Думается, что адыги попали в страшные жернова истории, как-то они выберутся из него?..

Хотя Даур Ахеджак не намерен был останавливаться у Сафербия Зана, но его спутники Карбатыр и Тим посчитали бы себя оскорбленными, если бы он проехал мимо их селения, не оказал бы ему уважения своим посещением. Они настояли, и Даур завернул в Куматыр.

В те давние времена появление в ауле гостя всегда было небольшим, но все-таки праздником: мужчины собирались в кунацкой, чтобы и поприветствовать гостя, послушать какие новости он принес с собою, чем полнится земля в других краях.

Так было и в этот раз в Куматыре: до позднего вечера засиделись мужчины в кунацкой Сафербия. Переговорили обо всем, о чем только можно было, на что хватило времени. Говорили о делах России, о притязаниях Турции, добрались до Крыма и Кабарды, до Абхазии, Грузии, до самой Астрахани. Но куда бы не уносила буйная фантазия аульчан, они неизбежно, с горячностью и горечью возвращались в свою родную Черкесию. Разве могут быть на всем белом свете больше заботы, чем заботы о твоей родной земле, разве есть боль сильнее боли твоей матери. Ничего нет во всем подлунном мире, дающего большую радость, силу твоему сердцу, чем твой родной дом под твоим родным небом. Нет ничего и быть не может.

Земля адыгов принадлежит с незапамятных времен только адыгам, она полита их потом и кровью, взлелеяна их руками, и ступить на нее без приглашения, вторгнуться да еще и начать строить свои укрепления?! Как это несправедливо, даже преступно, а поэтому адыги должны в очередной раз найти в себе мужество, взять в руки оружие и прогнать незванных гостей. Отказаться от этого, забиться в свою нору и сидеть там тихонько, значит предать свою

родину, оскорбить предков, оскорбить самих себя, свою совесть, это значит, обречь своих детей и внуков на рабство, заставить их ходить по своей стране согнувшись, глядя себе под ноги, не видя светлого неба.

Бурные, интересные разговоры были вчера вечером в кунацкой Сафербия Зана. С уважением слушали Даура, выспрашивали о новостях. Он был осторожен, не возражал аульчанам, вместе со всеми осуждал как турок, так и русских. Вот только посмеивался про себя: при чем тут Грузия, она никогда никаких дел даже близко не имела с Черкесией. А еще, Даур даже не заикался о цели своей поездки, о письме, которое вез с собою.

Нельзя было, совсем нельзя. Один Сафербий говорил о русских с уважением. Опять же непонятно — был он тут искренним или хитрил? Аульчан тоже не сразу раскусишь: осуждали русского царя, но почему-то не перечили Сафербию, молчали, когда он говорил. Что это у них? Хитрость или боязнь?

А тут еще Тимофей, уж как он напустился на русского царя. И все говорил, говорил, даже остановить его было невозможно. И вправду, научишь ногая адыгскому языку, и тот потом не даст тебе слова сказать. Интересно, другое. Искренне Сафербий осуждает Турцию и стоит за Россию? Пожалуй, искренне, иначе зачем ему спорить с гостями, перечить им? Это нехорошо, не должен он этого делать как хозяин. За русских он стоит, а я-то думал, против них. Пожалуй, лучшего советчика, чем Сафербий, мне не найти. Расскажу я ему о своей поездке, о бумаге, да вместе с ним и подумаем, обмозгуем все хорошенько... А может, лучше поехать в аул Бастук к Хагуру, с помощью старика Субаша собрать шапсугских старшин? Наверное, найдутся в Шапсугии мужчины, которые станут на мою сторону. А если их поддержит Сафербий, то все будет отлично, все получится, сделается большое важное дело. И надо иметь ввиду, что всякое большое дело состоит из маленьких, складывается из судеб отдельных, простых людей. Так будет и у меня в это смутное время, и моя судьба украсится, благополучнее станет. Во-первых, прибудет серебряная копейка в хозяйстве, она никогда не бывает лишней, а во-вторых — за моей спиной будут стоять сильные покровители. И нечего мне стесняться, пугаться в своих мыслях, точно так же делают князья Хаджемуковы и другие. Пусть

у тебя нет княжеского титула, но если ты богат, если золотом и серебром полон твой дом, то и родовитые, и князья будут тебя уважать, еще как будут! Взять хотя бы нас, Ахеджаков и Хагуровых. Что с нами было в Бзиюкскую битву! Погибли все братья Хагуровых, погибли мой отец и дядя Анзаур, а таким, как Арсей, всем богатеям хоть бы что! Они даже из войны такую выгоду получили, столько богатства нагребли, куда только у них и вмещается? А нам с покойным Тхахохом пришлось уходить из Бастука ни с чем, можно сказать, едва ноги унесли... Думаю, поддержит меня Сафербий и дело в Шапсугии у меня пойдет. А что получится с бородатыми абадзехами? Но не надо мне и тут отчаиваться: буду надеяться на Юсуфа-эфенди, он умеет с ними ладить. Впрочем, если у меня дело на лад пойдет в Шапсугии и Натухае, то и абадзехам некуда деваться, смирят свою гордыню. Тем более бжедуги уже давно якшаются, как мирные, с русскими, ладят по обоим берегам Кубани.

Хотя Даур твердо решил довериться Сафербию Зану, все же не сразу приступил к делу: поспешность в таком важном деле может только погубить, недаром в народе говорят — семь раз отмерь, а один раз отрежь.

Вернулся Сафербий в кунацкую. Поговорили о том, о сем, как бы прицеливаясь, как бы приценяваясь. Нет в этом ничего обидного. Наоборот, просто посмотри сначала, куда ногу поставить, а потом уж и шагай.

— Валлахи, Сафербий,— начал Даур,— вчера ты задал перцу Тиму Некрасу. Я думал, ты недоволен теми, кому много лет служил, у кого учился, думал, ты против урысов...

Они переглянулись, помолчали.

— Если мне будет позволено,— продолжал Даур,— я хотел бы поговорить с тобою откровенно, уважаемый зиусхан,—умышленно, не без прицела, назвал Сафербия зиусханом, дворянское его положение упомянул, значимость.— Мне показалось поведение Тима Некраса подозрительным, слишком резким, даже злобным. Нехорошо это. Я так думаю. Может, ошибаюсь?

— Ты полагаешь, он — урыс?

— Кто же он тогда, зиусхан?! — удивился Ахеджак.— Оттого, что жена у него черкешенка, не стал же он истинным адыгом.

Помолчал Сафербий, покачал головой, словно бы раздумывая:

— Не советую тебе говорить такие слова Тиму.

— Нет-нет, зиусхан, ни в коем разе! Упаси Аллах, зачем мне его обижать.— Даур настороженно посмотрел на двери и негромко продолжил: — Пусть он считает себя хоть турком или кто-то там еще, это дело его, и обижать его я не стану. Сам не обижу и другому не позволю. Его отец, Мишка Некрас, был удивительным человеком, очень уважаемым.

— Правильно, Даур, правильно, именно поэтому мне вчера не хотелось обижать Тима. Резковато говорил я с ним, но не так, как, возможно, надо было. Не надо злиться, не надо кричать, горячиться. Никуда не денешься, русский народ — большой народ, его даже сравнивать с турками невозможно. Кроме этого, он наш ближайший сосед, наши земли соприкасаются, пьем воду из одной реки.

— Верно, как верно, зиусхан! — возрадовался Ахеджак.

— Я хорошо знаю и русских, и турок, так судьба моя распорядилась, что служил и тем, и другим, а теперь видишь — вернулся в свой Куматыр, занялся хозяйством на моей родной земле Занов. Поболтавшись по белу свету, с годами только начинаешь понимать, что такое родительское подворье. Было, что меня обижали и чужие, и единокровные братья, но я ни на кого не держу обиды, видит Аллах, говорю правду. И никого не хочу обижать — так меня научил отчий дом,— задумался Сафербий, опустив голову, потом продолжил: — Но когда этот прекрасный, щедрый край, где у каждого из нас есть отчий дом, есть отчее поле, мы начинаем рвать на куски, раздирать на части. Это большой грех, преступление! До слез обидно, что каждый из нас тянет дышло к себе, каждый аульский князь считает себя чуть ли не царем. Ты посмотри сколько нас: шапсуги, бжедуги, абадзехи, убыхи, темиргоевцы, махоши, натухайцы, а там еще — кабардинцы, беслинеевцы, но почему, дорогой Даур, мы забываем самое главное, самое святое, что все мы адыги. Ты послушай только, послушай: а-ды-ги!

— Мудро, мудро ты говоришь, зиусхан, но почему этой простой мудрости не понимают другие?

— Почему, почему?.. Какое было бы прекрасное государство адыгов — Черкесия! Тогда бы и Турция, и Россия,

и все другие иначе разговаривали с нами. Присылали бы своих послов, мы бы торговали со всеми, дружили.

— Скажи, Сафербий, верно, что Турция продала нас России? — спросил Даур, будто не знал ничего об этом.

— Это горькая правда,— ответил Сафербий и в свою очередь спросил: — А разве в Бжедугии об этом не говорят?

— Говорят. Как не говорить, когда они уже понастроили крепости, два раза меня останавливали, требовали документы.

— Слышал я и о том, как на казаков напали шапсугские всадники, как была пролита там кровь... Мне кажется, что произошло это потому, что русский царь нехорошо относится к адыгам. Если бы он почитал нас за достойных, то встретился бы с нашими представителями, посоветовался, как быть нам вместе, прежде, чем ступить на нашу землю.

— А может быть, царь просто не знает, какие тут учиняются непорядки?

— О нет! Без ведома императора ничего не делается. А хотелось бы встретиться с ним, рассказать о наших бедах,— Сафербий вспомнил, как прошлой весной, перед заключением Адрианопольского соглашения, он встречался с турецким султаном, Махмуд-Ханом. И хотя султан обманул его, Сафербий хорошо поговорил с ним об адыгах. А теперь, хотя судьба уже и решена за спиной самих хозяев земли, Зану хотелось встретиться с русским царем. Чтобы устроить все это, он и решил сначала поехать в Тифлис к Паскевичу-Эриванскому. Через него, конечно, можно будет встретиться и с царем. Сафербий высказал бы императору свои мысли о том, что лучше всего сейчас для общего блага объединить все адыгские племена, и уже потом этому объединенному, большому и такому богатому краю стать под знамя Российского императора. «Я и Хан-Гирей,— подумал Сафербий,— разные люди: я — адыг, а Хан-Гирей — хэхес, примак».

— А почему ты не встретишься с генералом Бескровным, зиусхан?

— С ним я тоже хочу встретиться, но...

— Видишь ли, зиусхан,— прервал Сафербия Даур,— генерал Бескровный прислал меня к тебе. Прислал бумагу шапсугским, натухайским и абадзехским старшинам. Генерал сказал : познакомь с бумагой зиусхана Сафербия Зана!

— Как? Это правда?! — крайне удивился Сафербий.— Что же ты со вчерашнего дня молчал?!

— Не хотелось посвящать в дело других людей, в которых я не очень уверен.

Прошелся по кунацкой Сафербий. Задумался. Вон как дело оборачивается!

— Что же сказал генерал Бескровный? Покажи мне бумагу.— Сафербий слова Даура принял за чистую правду.

— Генерал сказал, чтобы я дал почитать то, что он пишет о муртазиках, и передать на словах — генерал Бескровный очень надеется на тебя, зиусхан.

— Хорошо, но и удивительно, что мы наконец кому-то еще понадобились,— сказал Сафербий, разворачивая вчетверо сложенный лист. Прочитал раз, другой, помолчал в раздумье, а потом сказал: — Валлахи, не знаю что скажут по этому поводу старшины... Не знаю. Соберем их, прочтем бумагу...

Узнали старшины, зачем приехал посланник генерала Бескровного Ахеджак, и пошли по аулам разговоры, закружились, будто испуганные птицы в небе.

На третий день у околицы Куматыра, на поляне у Белых Камней собрались люди. Словно обороняясь от промозглого осеннего ветра, сошлись всадники плотным кольцом.

Молодые джигиты гарцевали на ретивых скакунах, охраняя от беспокойства хасэ-старшин. По праву старейшего его открыл Субаш.

Неторопливо, с достоинством Субаш выехал на своем скакуне на середину круга, подоткнул полы черкески, чтобы ветер не рвал их, поднял руку, требуя тишины.

Стих гомон. Только ветер шумел над головами, забавлялся конскими гривами.

— О хасэ! Ни я, ни вы не знаем толком, по какому делу собрались мы. Знаем, что к нам приехал Ахеджак, говорят по важному делу. По правде сказать, он родом из Шапсугии, но по своей воле покинул родной Бастук и переехал в Бжедугию. Говори, Ахеджак, зачем к нам пожаловал, чем хочешь осчастливить нас?

Дауру не понравились слова Субаша, показались они какими-то скользкими: и то не понравилось, что всадники

стояли своими группами — шапсуги, натухайцы, абадзехи. Каждый сам по себе. Пытливо и недоверчиво, даже с подозрительностью посматривали они на него из-под папах.

— О зиусхан, счастливый тхаматэ Сафербий Зан! — подчеркнуто уважительно, как и полагалось обращаться к князю, сказал Ахеджак и после коротенькой паузы продолжил: — О хасэ! Командующий русским войском попросил меня привезти к вам — шапсугским, натухайским и абадзехским муртазикам — это письмо, эту бумагу. Вот я и приехал. А что в этой бумаге, как надо к ней отнестись — это решать вам.

— Тхаматэ маф! — раздалось со стороны абадзехов. Это подавал голос Тим Некрас.— Позволь задать вопрос посланцу русского генерала.

— Спрашивай.

— Ты служишь у тех урысов, которые тебя прислали, получаешь за свою службу или просто по их просьбе приехал? Скажи нам честно — корысть или совесть?

— О брат мой Тим, видит наш Всемилостивый Аллах, никакой корысти у меня нет.

— А почему они именно тебя прислали? — теперь уже спросили с натухайской стороны.

— Вы знаете, что царские войска пришли на нашу землю помимо нашей воли, они строят крепости. Я не хочу, чтобы между адыгами и урысами произошло кровопролитие, потому и взвалил на свои плечи эту тяжкую ношу. Я знаю, какой это трудный разговор, но знаю и другое, что нам не уйти от него. Я надеюсь на вашу мудрость,— сказал Даур горячие слова и посмотрел в сторону Сафербия Зана, дескать, помогай, не дай мне осрамиться перед людьми.

А в разных концах уже стали вспыхивать смешки, язвительные замечания, разные колкости, дескать, знаем мы этого генерала, этих гяуров.

Субаш поднял руку, призывая к тишине.

— Пускай гость прочтет эту самую бумагу!

— А разве он умеет читать по-русски?

— Раз служит им, значит и читать научился по-ихнему!

— Бумага эта написана по-турецки! — воскликнул Ахеджак, пытаясь одолеть возникший шум. И поднял бумагу над головой.

— Мы не турки! — не унимался Тим Некрас.— Не надо нам дурить головы.

— Вези ее обратно к своему генералу!

— Увози, увози!

— Почему они сами не приехали, почему посылают адыга?

— Потому не едут сами, что в коленках жидкие!

— Уезжай и передай ему — пусть царские войска убираются с нашей земли!

— Вон, вон!

То, что из схода ничего путного не получится, Сафербий своим чутким ухом, зорким глазом уловил еще как только начали съезжаться конники — он услышал недобрый, встревоженный гомон, увидел решительные взгляды из-под папах.

Да и не только в этом дело, не сейчас встревожились адыги, не сейчас загорелись гневом их взгляды. На похоронах, на свадьбах, вечерами в кунацких, на перекрестках дорог, в поле за плугом, на пастбищах — всюду, где только встречались несколько человек, а хоть и всего двое, возникал тревожный разговор, вспыхивали споры. И понятно, на шумном собрании, бестолковыми перебранками, горячими выкриками ничего путного не добьешься. Ничего не может доброго получиться, если собирается разношерстная толпа, если каждый дает волю своему самолюбию, гордыне — истины достигают в неспешных, мудрых разговорах, в раздумьях, в тишине. Однако и без этого шума, без этого огня ничего не достигнешь. Надо найти такое слово, такой зов мудрости, опыта, за которыми бы пошли натухайцы, шапсуги, упрямые абадзехи и все остальные.

Интересно, как дела у Хан-Гирея, размышлял Сафербий. Удалась ли его поездка или он вернулся, как говорят, не солоно хлебавши? Если у него ничего не вышло, то мне надо из его неудачи извлечь свой урок. Надо встретиться с ним. Пусть он не скажет всего, пусть будет хитрее лисы, но и я не из простаков, кое-что сумею выудить.

Сафербий, в мыслях приняв решение, занялся бушующим собранием. Выехал в середину круга, по своему княжескому достоинству остановился, не подъезжая близко к Субашу, немного в сторонке, и, приняв гордую осанку, стал ждать пока стихнет шум.

Не сразу остановишь разгоряченного скакуна, так и толпу — не сразу, но все-таки стих гомон.

— Я прибыл на это высокое хасэ, зная, как и вы, о великой несправедливости, пришедшей на нашу благословенную землю, зная, какой болью в ваших сердцах отозвался сговор Турции и России у нас за спиной, и я разделяю вместе с вами эту боль, она живет во мне и разрывает на части меня. Я не знаю, что сказано в бумаге, которую привез Ахеджак — свидетель этому Великий Аллах,— он исподлобья, грозно предупреждая, глянул на Ахеджака, дескать, смотри у меня! — Но, уважаемые, тут раздались голоса, отправить обратно письмо, не читая его. Думаю, это будет неразумно: как можно отвечать на то, чего не знаешь. Дай-ка сюда бумагу, Ахеджак. Тим Некрас верно сказал, мы не турки, чтобы слышать турецкую речь. Вы не услышите ее. Я прочту бумагу и скажу вам адыгскими словами, чтобы не оскорблять ваше ухо чужой речью, речью того народа, который нас предал, а может быть, даже продал урысам. Давай бумагу! — Сафербий пробежал глазами написанное, изредка бормоча что-то невнятное, и потом сказал: — В этой бумаге, написанной генералом Паскевичем-Эриванским, говорится, что по мирному договору, заключенному между побежденной Турцией и победившей Россией, в Эдирне, Турция передала России земли Черкесии. Дальше генерал говорит, что адыги должны стать под знамя Российской империи, быть верноподданными царя, тот, кто не смирится со своею судьбою, кто поднимет руку против царских властей, не захочет служить верой и правдой великой России, тот будет наказан силой закона, вплоть до применения оружия. Вот, уважаемые, что написано в этой бумаге.

Над поляной воцарилась такая тишина, что шум легкого ветра казался шумом бушующего моря. Через несколько мгновений стылый осенний воздух разорвали возмущенные голоса:

— О каком таком знамени говорят нам, адыгам!

— Гнать в шею того, кто привез это мерзкое письмо!

— Гнать!

Кричали люди, возмущались, выплескивая гнев.

Лошадям передался гнев их хозяев, и они вздымались на дыбы, отчаянно ржали.

Кое-кто не выдержал и схватился за оружие. Раздалось несколько выстрелов. Задние напирали на передних. Тим Некрас и его сподвижники рванулись было на середину поляны, к Ахеджаку. Им путь преградил Субаш. Он поднял своего коня на дыбы и громким голосом потребовал:

— Не сметь! Вы позорно нарушаете обычаи адыгов, нападая на посланца. Позором себя покроете, если тронете его хотя бы пальцем. Все по местам! Успокойтесь! — Субаш, едва сдерживая дрожь во всем теле, сказал тише: — Все, что ты видел и слышал здесь, Ахеджак, передай тем, кто тебя послал... Дайте ему двух всадников, пусть они с миром проводят его, как того требует обычай.

Долго еще не уходили старшины от Белых Камней на поляне.

Они говорили, говорили, но так ни к чему конкретному и не пришли, не смогли решить, что же им делать сегодня, завтра!

Кто-то сказал:

— А знаете, мы должны обижаться не на мужиков-урысов а на турок-шароварников, которые продали нас. Они продали нас и с них надо взыскать за наш позор.

— Э-э, нет! — возразил Тим.— Турки турками, но хорош и русский царь — взял нашу землю, не спросясь у нас. Это тоже — бесчестье. Да откуда у нечестивца честь? Верно я говорю, Карбатыр?

Карбатыр Зан промолчал.

Даур Ахеджак не помнит на своем веку такого позора, какой пережил в Куматыре.

Три дня прошло, как он вернулся с адыгэ хасэ. Три дня и три ночи, а все никак не мог опомниться от увиденного и услышанного там, от криков разъяренной толпы, от горевших ненавистью глаз. Дело не в том, правы они были или нет, хорошо это или плохо, вернее, не столько в этом, сколько в неистовстве толпы, ее необузданности, разгневанная толпа как стихия разбушевавшегося моря, когда оно выходит из берегов, сметая все на своем пути.

Конечно, правы в своем гневе и натухайцы, и шапсуги, и абадзехи, все адыги, вот только кто бы и каким образом организовал этот справедливый гнев разумно и целенаправленно.

Надо Дауру отправляться на правый берег Кубани, надо бы, но он даже смотреть в ту сторону не хотел, противно ему было. Однако никуда ведь не денешься, придется ехать в Екатеринодар и рассказать обо всем, что видел. Иного выхода у него нет.

Россия, Турция — ясное дело, но за что все они на него так ополчились, почему они его хотели смять?! Разве он один во всем виноват? Разве он, Ахеджак, не хочет видеть Черкесию свободной, счастливой, разве ему так же не противны рожи этих самодовольных казаков и турков! Разве не рябит в глазах от красноверхих казачьих кубанок! А чем они кичатся?! Серебром своим? Пусть бы они вместе с ним заржавели и вовсе пропали! Из-за этого проклятого серебра и позор пошел и еще дальше пойдет. Эх ты, Ахеджак! Тимофей Некрас, у которого в жилах течет русская кровь, как вел себя, как он за свободу адыгов стоял! Вот тебе и урыс... А может, он просто заигрывает с нами, а?!

Правду говорят, что слухи быстрее самых быстрых птиц разлетаются: еще не успел Ахеджак приехать в Екатеринодар, а там уже все знали о сходе в Куматыре. Правда, прямо ему не сказали, но он понял сам. Интересно, кто донес сюда? Неужели кто-нибудь из адыгов? Кто?! Что за этим кроется, какая хитрость?

— Стало быть, черкесы нас не хотят? — сухо спросил генерал Бескровный, стоя у окна спиной к Ахеджаку. Постоял в раздумье, повернулся лицом к нему, с горькой усмешкой сказал: — Что поделаешь, господин Ахеджак, насильно мил не будешь. Да и мы тоже не очень-то вас хотим. Ваша свобода, ваша вера, обычаи... Однако нам крайне необходимо побережье Черного моря, Кубань. Понимаете — необходимо России, великой державе.

Ахеджак молчал.

Генерал тоже. Потом спросил:

— Это правда, что в Абадзехии живет русская семья?

— Правда. В ауле Дахапе живет семья Некраса,— сказал Даур и подумал: «Может, Тимофей их лазутчик?»

Подумал мельком и добавил: — Ничего не скажешь, хорошая семья.

— Значит черкесы не хотят нас...— задумчиво повторил генерал. И глядя за окно вдаль, продолжил с горечью: — Что ж, в таком случае наша армия пойдет на Черкесию. На непокорных, тут уж ничего не поделаешь, как это ни горько.

IV

Путь в Бжедугию — не близкий путь.

Хотя после хасэ прошло уже несколько дней, тревога не покидала Сафербия. Чтобы не тосковать одному в своих мыслях, он, несмотря на разницу в летах, брал в собеседники Карбатыра.

Вот и сегодня, пока выбирались из натухайской долины, все спорили, пытались докопаться до истины. Понятно, не во всем сходились отец и сын, но стержневое направление у них совпадало. Хотя они — как старшины — очень хотели видеть Черкесию независимой ни от турок, ни от русских, но турки — далеко, а Россия вот она, рядом! Не мириться же с ней, если она посягает на твои поля и луга, леса и реки, на твой дом?! Как обойтись с незванными пришельцами, чем взять их, как убедить, что они неправы? Какими словами разговаривать с ними, чтобы они не ожесточились? А если ожесточится Россия, если она двинет свою огромную армию против небольшого народа, что будет с ним?

Сафербий вспомнил князя Джирандука Берзеджа. Тот говаривал: «Посади урысов за стол, они и ноги на стол. Смотрите, как бы не случилось такое у нас, если мы пустим их сесть за наш обеденный стол, за наш маленький анэ».

Если так думает, так говорит Берзедж, считай, вся Убыхия так думает.

Интересно, отчего это он так рассердился на них? Между прочим, он и туркам не благоволит, однако на русских держит большую обиду. А все главным образом из-за Газара Серебрякова — он теперь, кроме шапсугского и натухайского побережья Черного моря, взял под свой контроль и убыхское, все корабли проходят строгий досмотр и, если там есть груз свинца, пороха, оружия, как

они говорят, по указу Его Императорского Величества, конфискуют. Да и не только убыхам, а и всем другим племенам крайне не выгодно это, они даже называют между собой этот указ грабительским. Нет-нет, лучше не связываться с Берзеджем, очень он не любит их. Абадзехи тоже прямо кипяток: чуть что, хватаются за оружие, грозят! Особенно Тим Некрас. Как все сложно, запутанно. Того и гляди, попадешь где-нибудь в сети, хитро поставленные твоим недругом.

Ну а бжедугские князья Хаджемуковы? Как их понять? Ты им душу свою открываешь, а они свою под замок прячут, и словеса свои так плетут, что скорее лоб свой разобьешь, чем поймешь истинный их смысл. Но как они не мудрят, известно, что настроены Хаджемуковы прорусски. Как не скрытничают, а все знают — похаживают они на тот берег Кубани. Как ни петлял Батчерий Хаджемуков, как ни путал свои следы, а все знают в Черкесии, что он тогда ездил в Петербург к императрице.

И еще есть хитрецы, продолжал размышлять Сафербий, темиргоевские князья Болотоковы. Абадзехи говорят, что у них лисьи повадки. А сам, сам Хатырбай Цей?.. Верно говорят, я в этом не единожды убеждался. И все-таки мне придется с ними встретиться: чем тянуть дышло каждый в свою сторону, лучше смирить себя, согласовать свою волю, свое желание с их волей и желанием. Не только согласовать, а и объединить в одну силу. О, если бы все мы, адыги, руководствовались этим, многие из своих нынешних бед избежали бы. Не лишнее будет съездить и в Беслинею, и в Кабарду, надо уговорить всех на объединение. Вот тогда бы мы посмотрели, как стал бы говорить с вами царь. А что там Хан-Гирей? Что он задумал?

— Доедем до Тлюстенхабля, завернем к Хан-Гирею и посмотрим, как он себя поведет, что нам скажет. Это очень интересно,— сказал Сафербий сыну, ехавшему, как принято, слева от него.

— Если он затаился и будет многозначительно молчать, не показывай виду, сын мой. А мы-то увидим, как бы он не хитрил: глаза выдадут, если язык и промолчит. Я не верю, чтобы между царем и Хан-Гиреем не было чего-то такого, чего бы они хотели от нас утаить.

— Ты надеешься, тят, что Хан-Гирей поддержит тебя в твоих намерениях? — спросил Карбатыр, ему очень хотелось удачи отцу.

Улыбнулся Сафербий.

— Ты лучше спроси, понравятся ли ему вообще наши намерения?.. Разве Хан-Гирею понравится наша удача, если ему не удалось ничего из того, что он задумывал. Ревнив и самолюбив Хан-Гирей. Я его знаю... Как ты думаешь, сын мой, откуда он родом?

— Из Тлюстенхабля, из бжедугских князей.

— Ошибаешься, Карбатыр. Он вообще не из адыгских князей.

— Как же это? — удивился Карбатыр.— А откуда?

— Из ногайских князей. Из Крыма. Ты не обращай внимание на их адыгское наречие, на их адыгство. Пусть они носят черкеску, на свой стол ставят адыгскую еду, но, сын мой, в их груди бьется чуждое нам сердце. Они скрывают это, стараются не выделяться среди нас.

Смутился Карбатыр и недоуменно посмотрел на отца: что ж это получается, нехорошо как-то. Некрас тоже ведь... И Мария наполовину черкешенка. Но почему тогда отец все-таки дружит с Тимом?

Хотелось Карбатыру поговорить об этом с отцом, но оробел: вдруг отец догадается о его тайных чувствах к Марии? А может быть, отец, говоря так о Хан-Гирее, ничего дурного не имел ввиду. Конечно, нет, ведь он по-доброму относится к нему, имеет с ним общее дело. Отец честный человек, сильный, а сильному незачем кривить душой. Подумав так, Карбатыр с гордостью посмотрел на отца — широкоплечего, крепкого, с истинно княжеской осанкой.

Сафербий тоже любовался сыном, окидывая его короткими взглядами. Взрослеет сын, взрослеет. И по тому, как сидит в седле, как почтительно, по-мужски неторопливо разговаривает, рассудительно, без горячности, Сафербий заключил для себя: «Будет из него настоящий мужчина. Нашей, княжеской, он породы».

— Пусть тебя, сын мой, не беспокоит то, что у Хан-Гирея ногайская кровь. В жизни адыгов немало таких примеров. И не только у адыгов — весь Кавказ населен множеством, разного народа, и часто смешивается их кровь. Много на земле происходит необъяснимого, чудесного. Много предстоит испытать и тебе, молодому. Так что,

научись не слишком удивляться удивительному, чтобы не показаться неискушенным, как говорят, желторотым.

— Я понимаю, отец, а если чего и не пойму, так ведь ты рядом со мной, всегда поможешь своей мудростью.

Тихий осенний день был в самом разгаре, когда отец и сын миновали шапсугскую землю и двинулись холмистой равниной Бжедугии.

Спустившись с пригорка, они пересекли долину и снова пошли вверх, поднялись на возвышенность, на самый хребет ее и увидели слева от себя реку Афипс. На ее берегу расстоянием в несколько конных бросков виднелось Георго-Афипское укрепление.

Сафербий нахмурился:

— Я не хочу видеть казаков в красноверхих кубанках, а поэтому пойдем не мимо укрепления, а в обход его. Получается немного дальше, но спокойнее.

— А что нам казаки могут сделать — мы ведь на своей земле. Да и небо над нами не чужое...

Не успел Карбатыр досказать свою мысль, как из чагарника выехали и стали перед ними трое верховых казаков.

— Кто такие, куда путь держите? — строго спросил, похоже, старший разъезда.

— Из Натухая. В Бжедугию,— как можно спокойнее ответил Сафербий.

— Чьи родом будете?

— Княжеского рода Занов. Может, слышали? Меня зовут Сафербий Зан,— сдержанно, глубоко скрывая свое возмущение бесцеремонностью казаков, их досужими расспросами, ответил Сафербий.

— Не знаем, не слышали такого рода и знать не хотим! — грубо сказал старший разъезда. Потянулся и схватил коня Сафербия под уздцы.— Сдайте оружие и следуйте за нами в крепость!

Возгорелся гневом Сафербий: как смеет он! Да еще при младшем, при его сыне!

— Пусти коня!— негромко, но угрожающе сказал Сафербий.— Или ты меня не слышишь? Не понимаешь? Убери руку!

От обиды за отца у Карбатыра кровь ударила в виски, зашлось в гневе молодое сердце. Поднял Карбатыр на дыбы своего скакуна, бросился на казака:

— Ты что, не слышал, что тебе сказали? Убери руку!

— Эй, вы чего остолбенели, куда смотрите! — вскричал старший разъезда на своих казаков.— Н-н-ну!

Сильным, сноровистым ударом Карбатыр выбил из седла казака, который держал под уздцы отцовского коня.

Увидев в руках Карбатыра обнаженный кинжал, Сафербий скомандовал ему:

— Скачи в чагарник, а я их задержу! Скачи!

— Нет, тят, нет! Так нельзя! — Карбатыр поднял опять на дыбы своего скакуна, направляя его на второго казака...

— Уходим, Карбатыр, уходим! — приказал отец.— Видишь, подмога скачет. Уходим!

Резвые, сильные были скакуны под Занами! А если еще умная добрая лошадь чует беду своего хозяина, так она и вовсе не скачет, а летит быстрой птицей.

С каждой минутой все больше и больше становилось расстояние между Занами и их преследователями. Миновав чагарник, они укрылись в лесной чаще.

— Ты что ранен, отец? — спросил Карбатыр, заметив кровь на локте левой руки отца.

— Это, что ли? — Сафербий глянул на локоть.— Чепуха. Казак, которого ты выбил из седла, задел шашкой... Не беспокойся, сын мой, это сущая чепуха.

— Рана есть рана, отец, ее надо перевязать.

— Я же сказал,— нахмурился Сафербий. Карбатыр настоял однако на своем и мягким платком — подарком Марии — перевязал небольшую, но все-таки рану. Помог бережно надеть черкеску.

— Валлахи, тят, я не знаю, как мы теперь приедем в Тлюстенхабль с продырявленным и окровавленным рукавом. Да и рана тебя, наверно, беспокоит.

— Пустяки, Карбатыр, пустяки... Меня другое беспокоит, сын мой.

— Скажи, если не секрет.

— Особого секрета тут нет... Я возражал Ахеджаку, хотел смягчить нашу беду, хотя бы немного успокоить людей, но теперь вот мы с тобой увидели такое, что надо спросить себя — как дальше жить будем? Встречаясь с чужаками на нашей родной земле, каждый день будем воевать, проливать кровь? Это же оскорбительно, когда тебя в собственном доме на каждом шагу допрашивают,

шагу не дают ступить без их разрешения: кто ты, куда ты, зачем?

В кунацкой Хан-Гирея до позднего вечера засиделись мужчины, а они, как известно, не засиживаются попусту.

Были тут и просто соседи, и специально приглашенные по случаю приезда к Хан-Гирею гостей. Правда, иные пришли просто так, посидеть, побалагурить по случаю.

Князья, разумеется, сидели на своих почетных местах, уорки — на своих, на своих же местах стояли байколи — так полагалось, так складывалось веками. Такую же, говоря современным языком, субординацию соблюдали и в разговоре. Никто не высовывался раньше положенного ему, само собой по старшинству и по званию знали, кто должен говорить раньше, кто потом, а кому и вообще лучше молчать, больше слушать старших.

Знали байколи, княжеские прислужники, телохранители, знали дворовые люди, унауты[1], кому надо подать первому медный таз, воду в кумгане, чистое полотенце, чтобы он вымыл руки перед едой.

Потом то же самое дадут вторым, третьим — по старшинству. И все будет идти само собой, как требуют древние законы адыгов. Выполнение этих законов — не только дисциплина, порядок, но и дань древности, дань тем, чьим наследником на земле ты являешься, без кого ты просто немыслим.

Хан-Гирей был моложе некоторых, сидевших с ним в кунацкой, иногда он не по старшинству вступал в разговор, но сидевшие делали вид, что не замечали его нарушения, мол, что поделаешь, князь есть князь, Аллах ему судья. Как говорят в народе, даже если князь в чем и ошибается, то ошибается по-княжески, с достоинством. Было, было такое чувство собственного, княжеского достоинства у Хан-Гирея, потому и улыбались не только снисходительно, даже одобрительно сидевшие в кунацкой.

Сафербий, разумеется, бывал много раз в бжедугских, темиргоевских кунацких, в беслинеевских и кабардинских, а также в ногайских — всюду ему оказывали княжеские почести, с глубоким уважением относились к нему, вероятно, тем самым подчеркивая значимость не только его самого, но всего древнего рода Занов.

[1] У н а у т — слуга.

Адыги всех племен, дети одного корня, однако у каждого племени своя кунацкая. Речь, конечно, идет далеко не только об убранстве, об утвари — не о тазиках, полотенцах, коврах: даже не о еде, которой угощают в каждой кунацкой по-своему. Речь о поведении каждого, о духе, который живет в ней, если так можно выразиться, о святости отношений между людьми, и каждый, кто пришел сюда, обязан чтить ее порядки, ее традиции.

У шапсугов, натухайцев, абадзехов нет той наигранности, искусственности и цветистости, как в кунацкой бжедугов и темиргойцев. Объясняется, вероятно, это тем, что у абадзехов и шапсугов нет князей. Просто нет и точка. Они давно забыли, например, что Заны княжеского происхождения: для них самое важное не в титуле, не в звании, не в родовитости, а в том, что ты есть за человек, насколько ты мужественен, честен, добр, помнишь и выполняешь законы своего народа.

И еще одна мысль пришла в голову Сафербию. Посмотрите, сказал себе, в кунацкой ногайского отпрыска Хан-Гирея адыгские обычаи лучше соблюдаются, чем в наших кунацких. Даже слишком хорошо. Где доводилось такое видеть? Опять же не у чистокровного адыга — в доме Мишки Некраса, а уж о Тиме так и говорить нечего.

Во время долгой беседы Сафербий все выглядывал и поглядывал украдкой на Хан-Гирея. Мы считаем его ногайцем, но, валлахи, в сущности ногайского у него ничего и не осталось, разве что скулы немного выдают. Да и то, если ты знаешь, что он из ногайцев. Вообще-то лицо у него продолговатое, негустые светлые усы, крепкие губы волевого человека. Одет по-адыгски. Кинжал и пистолет на серебряном наборном поясе — все старинной отделки. А черкеска, похоже, сшита самым лучшим портным — так ловко, так красиво она сидела на нем. А серебряные газыри? Грудь его от этих газырей кажется шире. Неудивительно, конечно, поэтому что такого, можно сказать красавца, такого истого мужчину царь взял в свою свиту телохранителем. Правда, Сафербий не знал нынешнего, истинного положения Хан-Гирея при дворе. И еще одно обстоятельство: в кунацкой весь вечер говорили о русских на земле адыгов, но Хан-Гирей так ловко плел свои словеса, свои витиеватые речи, что невозможно понять о его отношении к русским, к тому что они уже построили свои крепости,

не спросив об этом адыгов. Ни слова не сказал, зачем он изъездил всю Черкесию, зачем записывает историю адыгов, их легенды, зачем заносит в тетради реки, долины, возвышенности...

Впрочем, и сам Сафербий не хотел перед всеми раскрывать своих намерений. Не только раскрывать: ему хотелось, чтобы об этом даже не догадывались — зачем он сюда приехал, что держит в своих замыслах, пусть думают, будто только затем сюда и приехал, что для приятных полупустых разговоров в кунацкой. Сафербий умел быть красноречивым, интересным, если требовало дело.

— Валлахи, гость, извини нас, мы тебя сегодня, похоже, очень утомили своими разговорами. Надо тебе отдохнуть с дороги да и нам уже пора готовиться к послевечернему намазу.

Самым важным, пожалуй, для Сафербия была встреча с Хан-Гиреем один на один, но она не получилась. Хозяин пожелал ему спокойной ночи, тем самым как бы сказав, что после намаза он уже не зайдет в кунацкую.

Для Сафербия дорога была трудной, тем более эта встреча с казаками. Разговор в кунацкой тоже был нелегким. Это внешне он был вроде бы простым, даже радушным, а в самом деле требовал напряжения.

Очень устал Сафербий, думал тут же уснет, но ничего не получилось. Не уходила тревожная дорога, не умолкал сложный, неопределенный и потому небезопасный разговор в кунацкой. Потом мысленно побывал в Турции, в России, в Кабарде и Беслинее, в Тифлисе. Не просто побывал, повидал, а обеспокоился сердцем, душевной болью, ведь ушедшие годы, ушедшая молодость всегда вызывают тоску или глубокую грусть — они прошли, но не ушли, продолжая жить в памяти.

Надо Сафербию Зану повидаться с генералом Паскевичем-Эриванским. Надо побывать и в Екатеринодаре, и в Ставрополе. И это будут поездки трудные, тревожные, они тоже потребуют сердечной боли, большого душевного напряжения.

Уснул Сафербий то ли уже совсем поздно ночью, а, может быть, перед самым утром.

Все-таки уснул, забылся, и потом не понять было — отдохнул он за ночь или еще больше устал...

Раньше хозяина к нему пришел Карбатыр. Ему тоже не сладко было минувшей ночью, его тоже одолевали разные тревожные мысли. А тут еще это ранение:

— Как ты себя чувствуешь, тят? — спросил он, войдя к отцу: — Как твоя рана?

— Я совсем забыл о ней, сын мой. Если бы только такая была у меня забота.

За порогом кунацкой послышались шаги.

Вошел Хан-Гирей.

— Доброе утро, князь. Как спалось? Спокойно, благодатно, надеюсь?

— Да. Благодарю, зиусхан. Спал спокойно. Аллах да поможет, чтобы и по всей Черкесии было так же спокойно и благодатно, как в твоем доме. Пусть Аллах поможет нам одолеть все наши горести, беды, пусть поможет подняться нам на вершину мира и покоя,— сказал это Сафербий и глянул украдкой на сына, мол, вот я и приступаю к делу, ради которого приехали сюда,— адыгский народ, зиусхан, ты это знаешь не хуже меня, попал сейчас в очень трудное положение. Иди, Карбатыр, к своим сверстникам, думаю, тебе с ними будет интереснее, а мы тут поговорим о своих делах.

Остались они вдвоем с Хан-Гиреем и некоторое время сидели молча, как говорят, присматриваясь, прицеливаясь, как бы уступая дорогу, но при этом стараясь и самому не прозевать нужного момента.

Знаю, знаю тебя, испытанного мудреца, знаю, не приехал же ты ко мне в такую даль для того, чтобы поболтать в кунацкой, размышлял, как-то отвлеченно улыбаясь, Хан-Гирей. Думаю, уже настала пора говорить тебе, так сказать, раскрывать свои карты. Ну! Я жду, слушаю тебя, князь.

Конечно, он, Сафербий, должен начать разговор, в его руках должна быть инициатива, но не выглядеть бы навязчивым, просительным, не княжеское это дело, тем более, если имеешь дело с таким человеком, как Хан-Гирей.

Подождать, еще немного подождать, так думал каждый из них.

И все-таки настала минута, когда хозяину уже было неловко молчать. Хан-Гирей осторожно начал:

— Извини, Сафербий, я вчера заметил, что ты как-то слишком осторожно держишь левую руку. И дырка у тебя

на рукаве. Заметил я это, но при людях промолчал. Что с твоей рукой, зиусхан?

— Так, ничего серьезного,— уклончиво сказал Сафербий и подумал, что есть причина для начала хорошего разговора.— Когда мы ехали с Карбатыром, из чагарника какой-то нечестивец выстрелил и поцарапал мне руку! Это возле Афипса.

— Кто же этот разбойник?! — как бы возмутился Хан-Гирей.

— Валлахи, зиусхан, не думаю, что это был разбойник или какой-нибудь грабитель.

— Тогда кто же? — очень вроде бы удивился Хан-Гирей.

— Думаю, это один из казаков, что строят на адыгской земле свои укрепления. Мы только и успели разглядеть на том человеке красноверхую кубанку.

— Валлахи, зиусхан, это чрезвычайно интересно,— еще более вроде бы удивился хозяин дома.— Если это не какой-нибудь беглый человек, тогда не знаю, что и думать — казаки так не поступают. Да и поодиночке, насколько мне известно, не ездят. Эй, кто там есть? — позвал Хан-Гирей.

Вошел с поклоном дворовый.

— Возьми черкеску зиусхана, пусть хорошенько зашьют. Иди... Так они могли и убить тебя, князь.

— Очень просто могли бы. Как видишь, зиусхан, выходит, что нам теперь заказано без опаски ездить по своей земле. Вот я и думаю, вот и тревожусь, как и все адыги, как нам жить дальше, что предпринять? Ты что думаешь по этому поводу, зиусхан?

Покачал красивой головой Хан-Гирей, думая над ответом, а может быть, просто выдерживая некоторую паузу, показывая этим сложность вопроса. Заговорил Хан-Гирей неторопливо, как бы размышляя вслух:

— У меня есть свой план на этот счет, я даже пытался что-то сделать, но ничего не вышло... Я сказал царю, что надо в Черкесии поставить наместника-адыга, только тогда народ успокоится, будет сотрудничать с Россией. Государь со мною не согласился. Больше того, стал с подозрением относиться ко мне. Это было в прошлом году. Нынешней весной я опять напомнил царю, а он опять промолчал и

стал относиться ко мне с еще большей подозрительностью и неприязнью...

Сказал эти слова Хан-Гирей и задумался.

Подошел к окну, помолчал, а потом неожиданно, с решительностью продолжил:

— Я слышал, зиусхан, что у нас с тобою совпадают намерения и желания, поэтому не буду таиться и скажу, как на духу, полагаю что ты именно поэтому и приехал ко мне. И еще скажу совершенно откровенно, что ничего ни у тебя, ни у меня не выйдет, русский царь не так прост, как нам кажется. Да и его придворные, государственные мужи имеют на этот счет свои твердые убеждения. Я еще в самом начале догадывался, какой бедой для адыгов обернется русско-турецкая война, и оказался прав, ты видишь, что у нас происходит, как они относятся к нам — совсем не хотят считаться с нами, с нашим правом на землю предков, с духом свободы адыгов.

— Но ведь это вопиющая несправедливость, зиусхан! — вдруг стал непривычно для себя горячиться Сафербий.— Неужели им это не понятно, ведь это так просто и самоочевидно. Ведь они считают себя культурными людьми!

— Да, Сафербий, да, они просто не хотят этого понимать, им это невыгодно, с их российской точки зрения.

— Валлахи, зиусхан, не знаю... Уж если твои слова не доходят до сознания царя, тогда не знаю, что и думать!

Замолчал Сафербий и про себя подумал: возможно, этот ногайский отпрыск хитрит, обманывает меня, изображая искренность? Однако зачем он приехал в Тлюстенхабль, почему живет здесь, что ищет, чего хочет?

— Не понимаю, совершенно не понимаю, зиусхан, ведь ты же преданный байколь, ты же знаешь, лучше чем кто-нибудь другой, адыгов, весь этот край, почему же император не прислушивается к твоему мнению?

Хан-Гирей со вчерашнего вечера ждал этого вопроса, но когда Сафербий задал его, он прикинулся безразличным, будто для него это совершенно неважно. Не один он спрашивает его об этом: почему живет в Тлюстенхабле, а не при дворе. Слишком много хотите знать. Ты тоже, князь. А собственно говоря, какое тебе дело до моих взаимоотношений с царем? Знаю я вас, знаю, лишь только скажу, что я уже не царский байколь, что я отставлен от двора, как вы тут же отвернетесь от меня, забудете напрочь, где

находится Тлюстенхабль, порога моего дома не захотите переступить. Я буду переправляться на правый берег Кубани, буду туда наезжать, только в этом случае вы хоть как-то будете меня побаиваться и, хоть с боязнью, а все же и уважать, считаться с моим мнением. Да и в чем дело? Меня еще не лишили офицерского достоинства, не уволили со службы, по-прежнему платят хорошее жалованье. Екатеринодарские власти относятся уважительно, с почтением, у них нет никаких недобрых подозрений ко мне... Конечно, обидно, что царь не оценил по достоинству мой труд, ведь один я только и мог выполнить громадную работу, разъезжая по аулам, по горам и долам, занимаясь, можно сказать, военной топографией. Не понял меня ни царь, ни его придворные советники, не поняли, что кроме моих личных интересов, даже больше личных интересов, мною руководили интересы России и Черкесии, их содружество... Пусть царь не до конца понял мои намерения, Аллах с ними — каждый защищает свои интересы, каждый живет своим умом. Но он мог бы уважить мою просьбу о наместничестве. Теперь получается так, как я и предполагал: шапсуги, натухайцы, абадзехи на своем хасэ твердо высказались против Адрианопольского договора между Турцией и Россией, их же поддержали убыхи, возмущены бжедугские, темиргоевские тфокотли, шумят в Беслинее и Кабарде... Пока русский царь окончательно не оседлал Черкесию, можно еще раз обратиться со своим предложением к нему. Возможно, что в конце концов восторжествует разум. К тому же, оказывается, я не один так думаю. И это очень важно.

— Наверное, князь, ты преувеличиваешь мое байкольство,— стряхнув с себя нахлынувшие мысли, не совсем твердо ответил Хан-Гирей.— Ты же видишь, я живу в ауле, это довольно далеко от царского двора. Хотя по-прежнему подчиняюсь приказам Екатеринодара. Жду бумагу из Петербурга. Как только я ее получу,— он многозначительно посмотрел на Сафербия,— смогу сказать тебе что-либо более определенное.

— Ты полагаешь, зиусхан, что та бумага из Петербурга остановит русских?

— Нет, зиусхан, возможно, мне удастся предотвратить кровопролитие и с той, и с другой стороны. Мы с тобой

знаем, как храбро умеют драться адыги. И русские — тоже умеют, это испытали на своих спинах турки.

— Да, конечно, у нас нет иного выхода: как еще можно встретить того, кто вероломно вторгается в твою жизнь, захватывает земли, превращает тебя в раба.— Сафербий понял, что у него одинаковые с Хан-Гиреем намерения по отношению к русским, однако как это человек не адыгского происхождения может стать наместником царя на земле адыгов? Это не только смущало, но вызывало у Сафербия протест. Правда, он этого никак не показывал.

— Согласен с тобою — адыги гордый и мужественный народ, но разве не лучше ли мирно договориться? — сказал Хан-Гирей, а про себя подумал: зря ты топорщишься, Зан, ведь ты и приехал сюда только ради того, чтобы найти мирную тропу между русскими и адыгами: приехал нелегкою дорогой из Натухая, даже ранен был.

— Конечно, самый худой мир лучше войны, но ведь царь, наверно, так не считает, иначе поступал бы с адыгами лучше, добрее.

— Русский царь? А турецкий султан лучше? — ядовито усмехнулся Хан-Гирей.

— Сильные, самодовольные... Они явно сговорились между собою! — горячился Сафербий.

Вчера тоже не сдержался Зан, подумал Хан-Гирей, и с сочувствием посмотрел на собеседника:

— Правда твоя, зиусхан, но, как говорится, дело сделано и тут уж только руками разведешь.

— Не-ет, зиусхан! — возразил Сафербий.— Того, кто поднял меч, встречают мечом.

— Валлахи, зиусхан, будь моя воля, я бы этому обязательно воспрепятствовал. Всеми силами моей души воспрепятствовал.

— Правда на твоей стороне, зиусхан, я согласен с тобой, но, кажется, у адыгов нет иного пути — только обнажить меч.

— Не говори так, зиусхан. После ночи всегда наступает день.

— Верно, однако верно и то, что день кончается ночью,— с горечью возразил Сафербий.— Как бы мы не надеялись на лучшее, храни нас Аллах, положение адыгов очень

тяжелое. Как не верти кинжал, он обоюдоострый, каждое из лезвий опасное. О Всемилостивейший, спаси и сохрани нас во имя Твое, во имя нашей великой веры. Аминь.

— Аминь,— сказал Хан-Гирей, огладив бороду, а про себя подумал: прости меня, о Всесильный Аллах, пред Тобой, Великий, Вездесущий, я говорю, что не поддерживаю моего гостя. Не хочу, чтобы адыги считали меня пришлым, смягчи их сердца ко мне. Дело, начатое мною, больше нужно им всем, чем мне одному.— Вслух же так сказал: — Разумеется, Сафербий, конечно, зиусхан, над всем и над всеми — воля Аллаха, будем надеяться на Его милость, будем молить Его...

Отпустив верховых, которые провожали их, отец и сын доехали до Шапсугской развилки дорог и Сафербий неожиданно сказал Карбатыру:

— Поворачивай коня, сын мой,— надо нам с тобой заехать в Екатеринодар.

Карбатыр удивленно посмотрел на отца, немного помедлил и потом повернул коня в сторону Екатеринодара. Что ж, подумал он, отец знает, что делает. Наверное, принял важное решение.

Между тем, Сафербию не очень хотелось ехать в Екатеринодар, чем ближе они подъезжали к переправе через Кубань, все сильнее становились в нем противоречия. Один голос говорил ему: обязательно надо повстречаться с русскими, надо поговорить с ними. Другой голос возражал: зачем ты едешь туда, что тебе делать у врагов твоих, ты уверен, что они тебя не унизят, уверен, что хоть какая-нибудь польза от твоей поездки, от твоего разговора с ними будет?

— Валлахи, сын мой! Не зря ли мы едем в Екатеринодар, не зря ли утомляем своих коней? И что мы им, собственно говоря, скажем?

— Скажем, что у нас на сердце, тят,— поддержал сын.

— О-о, сын мой! Что у нас на сердце! У меня столько накопилось в нем, столько боли в нем, что я и не знаю — выведет ли на верную дорогу сердце, в котором больше боли, чем радости... Ты думаешь, у Хан-Гирея только одна идея, высказанная нам? Не верь, не верь ему, многое он нам не сказал, многое спрятал за своей улыбкой.

— И то хорошо, тят, что не все от нас спрятал, кое-что показал.

— Верно, сын мой. Но все-таки его идея отжила свой век, ничего доброго не принесет. Уж очень она простая и откровенная. До наивности... Знаешь, сын мой, поворачивай коня, поехали обратно. Нечего нам делать в Екатеринодаре.— Сафербий нетерпеливо дернул повод коня.— Едем обратно! Сначала надо переговорить с Газаром.

— Газар собирался со своей семьей переехать из Анапы в Керчь.— Очень понравилась Карбатыру новая идея отца, ведь в доме Газара живет Мария, значит, он увидит ее! Вспомнил Карбатыр Марию, и она вытеснила на какое-то время из него деловую сторону поездки. Правда, ненадолго, ему даже стало неловко за себя, за свою, так сказать, крамольную мысль, и он стал оправдываться.— Кто же мне это говорил?.. Ах да, Нурмагомет Хагур. Раз ты решил так, тят, давай возвращаться.

V

Осень выдалась пригожей для земледельцев — теплая, ясная. Все вовремя успели сделать — убрать поля, вспахать и вновь засеять.

Самые большие заботы, тревоги у крестьянина осенью в поле, но в нынешнем году к ним прибавилась еще одна забота — тяжкая, зловещая. Она сопровождала людей в поле, была с ними в кунацких, бродила по улицам аулов. Все мысли и взоры адыгов устремлялись к Кубани, туда, где царские солдаты сооружали крепости.

Вот и еще одна, новая, недалеко от Майкопа, на абадзехской земле — Длиннолесская крепость.

Повыше Лабинска — тоже сооружается.

И в третьем месте, и еще где-то.

Сначала ходят слухи, будто призрачные тени, а потом и вот она, явь — щетинится, угрожает оружием крепость.

Один раз собрались старшины у Белых Камней, пошумели, даже оружием побряцали и разъехались.

Почему молчит, будто в рот воды набрал, Сафербий Зан? Он умный человек, и мужества ему не занимать! Молчат власть имущие в Черкесии. Да и в самом народе, среди крестьян нет единства. В кунацких, возле плетней или на перекрестках улиц затевают свои разговоры. Одни говорят, пусть селятся среди нас русские, земли у нас

много. Другие же наоборот — зачем они нам, зачем? Вон с нашей земли!

А вот в одном согласны все: каждому обидно, что их продали, будто скотину на базаре, Турция России, что русский царь пришел в чужой дом, не гостем, а хозяином.

Совершенно неправы те, которые говорят, что князьям, уоркам нет никакого дела до Черкесии, до ее народа. Есть у них забота, но только своя, господская, княжеская. И разумеется, каждый из них по-своему, со своей высоты понимает и судит.

Были еще и третьи. Это те, которым все равно: турки над ними, значит, надо туркам угождать, русские — русским: мой дом, мой двор, мое маленькое поле — это самое главное, только об этом и заботятся только этому и служат. Надо поклониться — поклонись, надо улыбнуться недругу — улыбнись. Мало таких, но все же были и такие, как, вероятно, в каждом народе.

С прошлого года Сафербий жил неопределенно-двойной жизнью, двойными чувствами. Разумеется, он тщательно скрывал это, прятал за улыбками, за мудрыми витиеватыми словами, за своим княжеским достоинством.

Тягостно, больно было на душе от того, что его родная Черкесия превратилась как бы в большую арену, где состязались между собою Россия и Турция. Черкесия стала для них всего лишь ареной, которую топчут два гиганта, если надо им — жгут, если надо — разрывают на части. В этой схватке нельзя верить никому из них.

И все же, если приходится выбирать между двумя этими хищниками, надо выбрать, третьего не дано. Сафербий сердцем склонялся к русским, к близким соседям. Но с другой стороны, если путь к ним лежит через Тлюстенхабль, Дворянского аула, то Сафербию это очень не нравилось: нельзя допустить, чтобы тлюстенхабльский чужак надул адыгов. Он думает, что адыгская папаха ему к лицу, но это не так, не по его мерке она сшита.

Сафербий подошел к окну.

Тихое, погожее утро золотой светлой осени спустилось с ясных небес на Куматыр.

Хорошо стало на душе у Сафербия. Он подумал, что и над морем сейчас разлита вот такая же благодать. Хорошо бы посидеть на берегу, слившись воедино с тишиной, с

голубизной моря и небес. Но надо встретиться с Газаром. С этим медлить нельзя.

Он уже ездил к Газару, который в самом деле переехал в Керчь, но не застал его дома и потом все никак не могли они встретиться. Надо было Сафербию увидеться с комендантом Анапской крепости, с генералом Вышеславцевым, но до этого обязательно нужно повидаться с Газаром — посоветоваться, обсудить все хорошенько. Он не думает, что в разговорах с Хан-Гиреем все свои тайные помыслы ему открыл, на его игру ответил своей такой же витиеватой и тонко лукавой.

Хотел Сафербий взять с собою Карбатыра, но его не оказалось дома, уехал в Дахап. Марию Серебряковы не взяли с собою в Керчь, она вернулась в Дахап. Что ж, дело молодое, подумал Сафербий, но, дорогой мой сын, как ты приведешь ко мне в дом инородку? Ты можешь сказать, ведь, я дружу с Некрасами. Дружу, но не забываю, что они из тфокотлей. И вообще, сын мой, не соблазняйся адыгством Тимофея, не слишком верь. Недаром говорят, коровья нога не убьет теленка, хотя, как знать, возможно, не надо пренебрегать и этим, возможно, нам еще и пригодится его русское происхождение? Все бывает в нашей запутанной жизни, однако ты не думай, что я буду рад женитьбе сына на дочери тфокотля.

Выехал Сафербий со двора, дал коню шпоры, но за углом у плетня увидел группку мужчин и попридержал коня. Они как бы не видели его, не оказали княжеских почестей. Надо было обидеться и проехать мимо, но Сафербий не сделал этого, нельзя размениваться на мелочи, не заметишь, как сам станешь мелочью.

Ему навстречу пошел один из тфокотлей:

— Извини нас, зиусхан. Разговорились, разгорячились, извини... И до наших мест уже добирается царь, мы хотели бы знать, что ты думаешь об этом?

Сафербий спешился, нельзя, неприлично разговаривать с пешим, сидя на коне. На вопрос он ответил вопросом:

— А вы-то как смотрите на это?

Вышел вперед молодой человек по имени Трам. Сафербий давно уже его приметил — высокий, статный, спокойного нрава, рассудительный.

— Извини меня, зиусхан, не посчитай за легкомыслие или что-нибудь в этом роде, но я хочу, с твоего позволения сказать: если на нас свалилась такая беда, такая тяжесть легла на наши плечи, то не гоже делиться на «мы» и «вы».

Тфокотли сдержанным шумом одобрения поддержали Трама.

Сафербий не скрывал, что слова парня пришлись ему по душе, и поддержка тфокотлей так его обрадовала, будто он встретился с близкими ему людьми, по которым сильно соскучился. Он приветливо и уважительно оглядел всех, каждого увидел. О-о, это надежные люди, совершенно уверенно сказал себе Сафербий, их много, значит — это сила. Сколько таких тфокотлей живет в Черкесии! Мы почему-то плохо это знаем, а то и вовсе, оказывается, не знаем. Он еще раз улыбнулся им и спросил:

— Стало быть, вы — за единство всех адыгов? Мы и вы — одно целое, крепкое! Так я вас понял?

— Да, зиусхан, мы так думаем,— подтвердил Трам.— Только единство может спасти адыгов, их свободу.

— Если ты, Трам, на этом твердо стоишь, то поехали со мной! — Вскочил на коня Сафербий, дал ему шпоры и поскакал, не дожидаясь Трама.

Очень удивились тфокотли, глядя вслед князю. Запрядали ушами, ударили копытами о землю лошади, стоявшие у коновязи.

— Зиусхан, человек мудрый, сдержанный, что с ним сегодня стряслось? — сказал кто-то.

— Уважил нас,— сам подъехал к нам, не проскакал мимо,— сказал другой,— и Трама позвал с собой. Чего же ты стоишь! Вперед, за князем!

Опрометью кинулся Трам к своему коню, птицей взлетел на него и догнал князя Сафербия. Догнал и, как полагалось, держался с левой стороны, на полкорпуса сзади.

Уже выехали из аула, миновали поляну Белых Камней, далеко позади остался Куматыр, а Сафербий, знай, взбадривал своего коня и ни словом не обмолвился с Трамом.

Что происходит, как это понять? Спрашивал себя Трам и не находил ответа. Ведь князь сам позвал его в дорогу. Что было делать? Заговорить? Но это право старшего. Вернуться обратно? Несуразица какая-то.

Трам засмотрелся на Сафербия, а в седле он держался лихо, красиво. Плечи широкие, голова в золотистой невысокой папахе — гордая. Полы черкески, чтобы их не рвал ветер, заткнуты за пояс. И мягкие кавказские сапоги, и шерстяные брюки, и кинжал с пистолетом — все ладно подогнано, по-мужски изящно. Конь тоже — под стать седоку, будто знает, что везет князя.

Пока Трам оглядывал Зана, его досада постепенно рассеялась. Да и нечего было особенно расстраиваться: позвал в дорогу с собою такой важный человек, ты поехал, ну и езжай спокойно.

Трам живет в Куматыре и служит Занам. Отца Сафербия — Магамчерия Зана — хорошо знали не только в Натухае, а и далеко за его пределами. Видный род был, видный, по всей Черкесии знали его, говорили о нем и в кунацких князей, и тфокотлей. Жизнь всякого рода, как большая дальняя дорога — все может встретиться на пути: и крутые спуски, и тяжелые подъемы, и надежные мосты, и рискованные мостики, и хлипкие переправы. Жизнь старинного княжеского рода Занов тоже непростая: в одних кунацких их прославляли, в других были чем-то недовольны, одни уважали, другие сгорали от зависти и, если удавалось, вредили им.

Взглянул Трам еще раз на Сафербия и подумал: на кого он так сильно похож? Кого напоминает его манера держаться на коне? Станом? А-а! Карбатыр! Вон они как похожи! Только лицом Карбатыр пошел в мать — смуглолицый, темноволосый, а отец светлее.

Сафербий продолжал ехать молча, будто и вовсе не замечал Трама. Он был погружен в свои мысли. Он вспомнил жену генерала Бухольца, Екатерину Михайловну: «Прости меня, Мерем. Я помню твою материнскую заботу и ласку. Твой муж был прекрасным человеком, мягкой, доброй души. Пусть будет тебе на том свете легко и покойно, пусть будет милостив к тебе Аллах. Прости, Мерем, что я не смог стать таким, каким хотела меня видеть ты. Да и русские оказались не такими, какими хотели их видеть мы. Они, не спросив нас, как разбойники, пришли в Черкесию. Как я могу после этого служить им, Мерем? Нет, не уважают они нас. Вон Хан-Гирей столько лет служил их царю верой и правдой, а как они обошлись с ним? Он

при дворе был, а я-то кто такой для них! Конечно, они меня даже краем уха не захотят слушать... Аллах с ними. Спасибо, вот уже спасибо нашим тфокотлям: как они меня сегодня порадовали! Кажется, небо стало выше и светлее. А вот едет рядом со мной Трам! Тфокотль, всего лишь тфокотль, а как мыслит! О всей земле адыгской думает, о единстве нашем. В такое трудное время, сказал, нельзя народ делить на «мы» и «вы». Мудро, не в пример иным нашим родовитым. Я только мельком сказал, мол, поедем со мной, и вот он рядом, готов идти куда угодно, лишь бы стоять за свой народ. И слава Аллаху, он не один такой — все были готовы ехать со мной. И в Бжедугии, в Убыхии и в Абадзехии так очень многие настроены, а это уже — сила!

— Ну что, Трам, ты, наверно, решил, что князь Сафербий Зан выжил из ума? — весело спросил Сафербий.

— Почему ты так думаешь, зиусхан?

— Ты ведь не знаешь, куда я еду, зачем, на какое дело тебя веду?

— Я знаю, с кем еду, зиусхан, а это не мало в дороге.

— А если я веду тебя сотворить зло? Откуда ты знаешь, что это не так?

— Кто седлает коня с восходом солнца, Сафербий, у того не может быть злых намерений.— Трам впервые назвал Зана по имени, этим самым показал ему свое глубокое уважение.

— В Анапу едем. Знаешь генерала Серебрякова?

— Слышал.

— Плохое или доброе?

— Плохое. Он отнял у адыгов берег Черного моря.

— Думаю, не один Газар Серебряков это сделал.

— Это не важно, главное сделал худое дело.

— Ты, оказывается, строгий судья.

— Народ, зиусхан, судья, народ так говорит.

— Вон как, вон как дело обстоит,— сказал Сафербий и задумался. Потом предложил: — Давай, Трам, подъедем ближе к берегу моря. Посмотрим туда, где сливается море и небо, я покажу тебе, где находится Турция.

— Море это хорошо, зиусхан, а что до Турции, так я век бы не видел шароварников!

— Адыг, ты настоящий адыг! Поедем к морю.

Уже стояла поздняя осень, пора холодных и злых ветров, но в тот день было тепло и тихо. От тишины, от синевы морской простор был безграничным, зовущим. Особенно призывными были большие и малые корабли под белыми парусами — они обещали чудеса заморских стран, обещали сказки веков...

Трам с тех пор, как научился держаться на коне, полюбил морскую волну, корабли, уходившие в бесконечную даль, корабли возвращавшиеся из той бесконечности к берегам. Он легко отличал военные корабли от гражданских, знал флаги Турции, России, Англии, Франции, Греции.

— Вон там, вон в той стороне Стамбул,— Сафербий показал плеткой направление,— а если идти вот этим берегом, то мимо Анапы пройдешь к Азовскому заливу.

— Да, откуда и плывут русские корабли с солдатами и казаками, чтобы захватить наше побережье.

— А ты откуда знаешь, Трам, что именно оттуда и приплывают к нам русские корабли?! — удивился Сафербий.

— Тому, кто родился у моря, грех не знать этого, зиусхан.

— Валлахи, тфокотль Трам, ты меня и удивил,— Сафербий приветливо посмотрел на своего спутника.— Видишь, Трам, я потому так и говорю, что адыги не очень любят селиться у моря.

— А почему не любят? Да потому, что если твой аул на берегу моря, так ты должен уметь оборонять его с моря, надо корабли иметь, а мы, адыги, люди гор и степей. Видишь, что получилось с Анапой, вот и выходит, что твой отец Магомчерий не зря продал свою землю на побережье.— В этом месте Трам замолчал, глядя вдаль.— А еще, я думаю, мы могли бы стать и моряками, но не стали. Жалко, очень жалко. Море, океан... Извини, зиусхан, похоже, лишнее я сказал.

Сафербий еще раз был приятно удивлен Трамом: не зря я положил на него глаз — очень неглупый парень. Сначала думал, что преувеличивают в кунацких, похвально говоря о молодом Траме. А сколько таких толковых людей живет во всей Черкесии!

В каждом ауле есть такие, как Трам, которые по уму, мужеству, по душевной красоте не уступят иному родовитому, а то и самому князю... Мы называем их тфокотлями — мужиками, скотниками, пастухами да косарями, однако многие из них бывают достойнее кичливых бездельников, пустобаев уорков и князей. Они могут стать настоящей и грозной силой в нашем общем деле, но и тут своя беда. Каждый князь тянет своих тфокотлей к себе, разъединяя адыгов. Как одолеть этот разброд, как их объединить, чтобы ум, талант, любовь к своей родине каждого адыга служили всем, всему народу? — горестно думал Сафербий. Потом вернулся мыслями к России, пытаясь нащупать уязвимые места в ее политике, в ее имперских намерениях. Газар должен мне помочь, он находится в центре всего этого, но куда он запропастился?! Сафербий приподнялся на стременах, вглядываясь в море, присматриваясь к кораблю, направлявшемуся к берегу, и сказал:

— Не на этом ли судне плывет Газар?

— Нет, зиусхан, это турецкий корабль, а вот за ним идут два русских, похоже они его конвоируют,— Трам смутился тем, что поправляет князя.— Думаю, нам лучше уйти отсюда, зиусхан.

— Ты что? Испугался, Трам?!

— Я так понимаю — русские пленили турецкий корабль, силой захватили его[1]... У порядочных людей принято оказывать помощь попавшему в беду,— сказал Трам, глядя

[1] В начале 1830 года главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом граф Паскевич-Эриванский сообщил управляющему главным штабом Его Императорского Величества графу Чернышеву: «...Турки, прибывающие к кавказским берегам Черного моря, не перестают, по приказанию трапезундского паши, распространять слухи между жителями Абхазии о скором прибытии туда турецких войск и возвращении им снова Анапы, Сухум-Кале и Поти, о том, что из Трапезунда отправляются к черкесским берегам несколько мулл для проповедования Корана и с намерением устроить там мечети и школы для обучения молодых турецкому языку, и что в течение весны этого года к черкесским и абхазским берегам приставало уже 20 турецких судов, а вскоре затем должны прибыть еще 17 судов, на коих будут доставлены из Турции черкесам всякого рода красные товары, соль, железо, сталь, свинец, сера и порох...»

Прочитав донесение, Император Николай Павлович собственноручно изволил на документе начертать:

«1. Уведомить князя Ливена, чтобы было сейчас предписано г. Рибопьеру объявить турецкому правительству, что так как я имею уверение от него, что им послано приказание всем своим чиновникам не являться к абхазским берегам, то я не почитаю более турками тех,

на то, как два русских корабля конвоировали турецкий,— но ведь ничем не можем помочь, и мне очень бы не хотелось быть свидетелем несправедливости, зиусхан. Если бы сейчас с нами был Газар, может быть, мы бы и сумели помочь, а так... Лучше нам уйти.

Сафербий был согласен с Трамом и молча повернул коня. Перед тем, как вернуться им на дорогу в Анапу, он сказал:

— Видишь, Трам, оказывается, Россия хозяйничает кругом, она обложила нас со всех сторон, мы будто находимся в смертельной петле, которая затягивается все туже и туже. Они единым кулаком, своей мощью, а мы — шапсуг, бжедуг, абадзех, темиргоец — расползаемся в разные стороны. Да и не только расползаемся, так еще и ссориться начинаем между собой. А разве есть война страшнее войны междуусобной, разве есть кровопролитие страшнее кровопролития братского?.. Скажи мне, как бы ты поступил, если бы тебе удалось собрать всех адыгов в один кулак?

— Я уже говорил, зиусхан, того, кто идет к нам с мечом, и встречают...

— Погоди, погоди, Трам!.. — придержал коня Сафербий.— Мы еще до этого не дошли.— Он хотел еще что-нибудь добавить, но его внимание привлек всадник, скакавший в их сторону.— Интересно, что это за всадник? Не нравится он мне что-то. Беда какая-нибудь стряслась, что ли?

кои против воли султана, мне объявленной, продолжают туда прибывать, а как разбойников, против коих велел действовать оружием.

2. Графу Паскевичу повелеть, чтобы флот наш, курсирующий у Черноморских берегов, осматривал без изъятия все суда, пристающие между Анапой и Редут-Кале и поступал с оными на следующем основании:

а) те суда, на которых найдутся снаряды — брать в плен, как военную добычу, б) подобно сему поступать и с теми судами, которые не дают себя осматривать, в) те суда, на коих при осмотре оных, не окажется военных снарядов, беспрепятственно пропускать для торговли, учредив однако за ними самый строгий и бдительный надзор.

3. Не смотреть ни на какие представления турок, находящихся между черкесами, ибо они не только не должны мешаться в дела черкесские, но даже само турецкое правительство не имеет никакого права держать их там. Посему в случае их защищения вместе с горцами или нападения на наши войска, поступать с ними, как с бунтовщиками или ослушниками своего правительства, потому, что сие было совершенно противно мирным трактатам, и неоднократным увериниям самого правительства, что сие никогда быть не может и не должно».

Подскакав к ним, всадник осадил разгоряченного коня.

— Зиусхан, какой-то Газар в русских погонах приехал к тебе, вот меня и послали за тобой.

— О Аллах Всемилостивый, как же мы с ним разминулись! — Сафербий круто развернул коня, пришпорил и поскакал во весь опор в Куматыр.

Трам и посланный едва успевали за ним.

То, что увидел Сафербий в своем ауле, крайне его встревожило. Все, кто в Куматыре носил папаху, собрались к дому Зана. Не только у дома, на его улице, но и на других переулках, перекрестках стоял гомон мужчин с кинжалами, пистолетами, ружьями, а то и просто с топорами, вилами. Пришли не только жители Куматыра, но и соседнего Бараута.

Это совсем не похоже, что в доме князя гость. Гость — счастье в доме, а тут такое творилось, так горели глаза мужчин, что чудилось, от их огня могло загореться все вокруг.

Увидев подъезжавшего князя, мужчины умолкали на время, расступались перед ним, уважительно склонив головы.

Во дворе Зана у коновязи стояло пять оседланных лошадей. Дворовая челядь опасливо выглядывала из сараев, из-за углов дома. Тут же был Карбатыр с Тимом Некрасом, Руфатом Некрасом и Нурмагометом Хагуром.

Карбатыр, пока не было отца, отвечал за свой дом, за жизнь тех, кто вошел в него, он опасался, как бы гнев собравшихся не вспыхнул огнем, но вот он увидел отца и немного успокоился.

— Что вы здесь делаете, тфокотли?! — сдерживая себя, все же недовольно спросил Сафербий.— Зачем собрались, что хотите? Или вас кто звал сюда?!

Ему ответили молчанием.

— Я спрашиваю, для чего вы собрались сюда?! — повысил голос князь.

К Сафербию приблизился Хапат:

— Тебя не было дома, зиусхан, когда приехали эти...— он кивнул в сторону дома.— Вооруженные, в погонах русской армии. Нам это не понравилось. Они обложили нас кругом, а теперь еще и к тебе в дом явились, в наш аул!.. Если мы поступили дурно, прости нас, зиусхан.

— Спасибо вам за верность вашу,— искренне поблагодарил Сафербий,— однако кто бы они не были, но раз в моем доме, то по нашим с вами законам — они гости мои, так что успокойтесь и расходитесь по домам.

Не дожидаясь, что скажут ему в ответ тфокотли, он решительными шагами направился в дом.

Газар встретил его у порога, очень обрадовался и братски обнял. На чистейшем адыгском языке спросил:

— Во-вий, Сафербий, ты совсем куда-то запропал! Хоть бы разочек навестил нас, ведь мы так по тебе соскучились, мой дорогой!

— Я приезжал к вам не один раз, Газар, но все не заставал дома.

— Да-да, мне говорили, что приезжал и в Керчь, но я никак не мог выбраться. Мы были в Абхазии и Убыхии. Дела плохи, отношения наши все осложняются.

— Конечно, отношения осложняются. Как же им не осложняться, если вы захватили адыгское побережье Черного моря! — не выдержал и несколько повысил голос Тим Некрас.

— Мы действуем, как то обговорено в Эдирне,— ответил Серебряков по-русски, чтобы сопровождающие офицеры поняли его.

— Эдирнский договор заключался без нас, а потому и не является для нас законом.— Тим говорил резко, не собираясь скрывать своего возмущения.— Крым богат шелком, да не наш тот шелк?

— Погоди, Тим, не горячись,— вежливо, но твердо остановил его Сафербий,— что это ты напал на моих гостей прямо у порога... Я как-то говорил тебе о Тиме Некрасе, Газар. Рядом с Карбатыром стоит Руфат, сын Тима. А это — Нурмагомет Хагур из Бастука, что в Шапсугии. Рядом с ним куматырские тфокотли Трам, Хапат.

Газар тоже познакомил собравшихся со своими спутниками — каждый из них вставал и кланялся. Никого, кто приехал сейчас с Газаром, Сафербий не знал. Двое служили на флоте, а двое других в сухопутных войсках. По их поведению было видно, что они приехали в Черкесию, должно быть, первый раз — они ко всему относились с крайним любопытством и удивлением. Была у них и настороженность: то и дело бросали озабоченные взгляды в

окно, прислушивались к гомону расходившихся тфокотлей. Они уже тщательнейшим образом осмотрели кунацкую князя Зана. С интересом рассматривали на большом ковре пистолеты, кинжалы, шашки. Заинтересовал их медный таз и кумган. А в общем им нравилась чистота и аккуратность во всем, мужская скромность во всей обстановке.

По адыгским обычаям, как только появляется в доме гость, режут барашка, индюков, в соответствии с достатком хозяина.

Вот и сегодня, гости еще только едва-едва расположились в кунацкой, а с кухни уже доносились запахи жареного и пареного. И русскому, и адыгу, и всякому другому понятно: если готовится пир, то скандала не будет.

Услышав убывающий гомон тфокотлей, учуяв ароматы яств, доносившиеся с кухни, гости успокоились, расслабились.

— Знаешь, Сафербий, что я сказал своим спутникам, когда мы приехали и вошли в твой дом? — начал Газар, чтобы оживить разговор, разрядить напряжение, объяснить кое-что из случившегося.— Это когда они увидели такое множество народа у твоего двора. Я им сказал: не беспокойтесь, не тревожтесь, здесь так принято встречать гостей. Верно я им сказал?

— Правильно ты им сказал, Газар,— Сафербий бросил быстрый взгляд на Тима Некраса и Нурмагомета Хагура, подумал: насчет того, что адыги умеют достойно встречать гостей, ты не ошибся, но что касается сегодняшней толпы тфокотлей, очень ошибся. Да они и не скрывали, придя с оружием в руках, разве это было не видно. А еще мой дорогой Газар, хоть ты и гость, я не стану таить от тебя правду, пусть она и не очень для тебя приятная, а, возможно, даже горькая. Сафербий свои мысли теперь продолжал вслух: — Адыгские дела нынче тяжелы и запутанны, Газар. Не обижайся на наших людей, добрых, мирных и уважительных, что собрались все вместе. Ты понимаешь, когда в руки берут оружие, идя навстречу гостю... Грустно это и больно. А это ты можешь сейчас увидеть по всей Черкесии, не только в Куматыре. Были сегодня у моего дома и крестьяне из соседних аулов, из Абадзехии.

Газар и сам видел зачем пришли тфокотли с оружием в руках, он понимал, какая напряженность поселилась

сейчас во всей Черкесии, но сегодня, здесь, в кунацкой у Сафербия ему хотелось посидеть тихо и мирно, без взаимных упреков и резкостей, с которых начал Тим Некрас. Просто посидеть, поговорить, понаслаждаться адыгским гостеприимством, однако все произошло совсем не так, как ему хотелось.

Сафербий тоже хотел такого же мирного, если угодно, полюбовного оборота дела и тоже не получилось. Хотелось бы посидеть вдвоем с Газаром, поговорить по душам, дружески посоветоваться. Хотелось, но речь Тима Некраса угрозой висела в кунацкой. Сафербий не хотел посвящать в свой замысел весь аул, не хотел делать из него что-то вроде базара, кипящего страстями. Нет, думал он, лучше я скажу Газару, когда останемся вдвоем.

А тут как раз и подоспело угощение для гостей.

Нет, это была не просто еда, а пиршество, иначе не назовешь! Тушеная курица с соусом — четлибж, тхачетгажаг — жареная индейка, лоснившаяся жиром, заправленная чесночной солью, баранина, исходившая душистым паром, и многое другое, чем славна кухня адыгов. Все здесь было — разгульные ветры степей, белоснежные вершины гор, синее небо над ними, шум могучих буков и сосен, звон горных ручьев и гул водопадов, все, чем красна и удивительна земля Черкесии, все что она дарит своим детям.

— Во-ви-ий, что это за стол! — не сдержал восторга Газар.

— Разве ты, мой друг, первый раз садишься за адыгский анэ? — спросил Сафербий с улыбкой.

— О да! Далеко не первый. И в этом доме сиживал, и за столом Екатерины Михайловны, покойной Мерем. Я много раз наслаждался вашей кухней. Адыгов я знаю давно и очень хорошо, зиусхан. О другом я говорю: разве нас ждали, что так скоро собрали богатый стол?

— Адыги говорят, зиусхан,— княжеский стол всегда накрыт,— не без гордости сказал Сафербий и довольно заулыбался и, как бы невзначай бросил быстрый взгляд на тфокотля Трама, сидевшего в конце стола.

— Верно, Сафербий, верно,— согласился Газар, и посмотрел в сторону тфокотлей, продолжил,— но разве адыги делят стол на княжеский и тфокотльский?

Тим Некрас будто ждал этого вопроса и потому ответил скоро и твердо:

— Нет, зиусхан, не делят!

— Быстрота и пышность стола, зависят от того, кто готовит и из чего готовят еду,— сказал Трам,—среди наших женщин есть большие мастерицы, прямо скажу, волшебницы!

— Позвольте мне, господа, поднять этот бокал в честь прекрасных мастериц, в честь тех, кто готовил прекрасное угощение! — воскликнул Газар. — Пусть счастье всегда будет с ними, пусть оно никогда у них не убывает, пусть достатком и радостью полнится их дом, а в очагах во веки веков хранится тепло! — залпом выпил Газар сладкий, чуть терпкий напиток бахсымэ.— Валлахи, Сафербий, за таким столом можно сидеть и сутки, и трое, но, к сожалению, я не могу себе этого позволить, мне к вечеру надлежит возвратиться в Анапу.

— Вон как! Выходит, Газар, вы не гости, а просто так, мимоходом к нам заглянули,— с удивлением и досадой сказал Сафербий и подумал, что ему надо обязательно поговорить с Газаром с глазу на глаз.— Валлахи, Газар, не знаю даже, что тебе на это ответить. Дело гостя — приехать, дело хозяина — встретить и проводить его, но у адыгов не принято...

— Прости, пожалуйста, Сафербий, но у меня в самом деле времени в обрез.

Хозяева просидели с гостями за дружеским столом часов до трех пополудни. Говорили о том, о сем, избегая острых углов по поводу отношений России и Черкесии.

Когда уже выехали за околицу гости, провожаемые хозяевами, Сафербий с Газаром приотстали от остальных, опять же, говоря, о том, о сем, а в общем — ни о чем.

Но вот Газар спросил:

— Ты, кажется, чем-то озабочен, Сафербий? Говори, дружище, я слушаю тебя.

— Валлахи, Газар, будто ты не знаешь, что меня может тревожить сейчас, когда Россия и Черкесия... Не знаю даже, чем это может кончиться. Сложно, трудно и остро все, ты видел это по тому, как вас встретили тфокотли. Я решил, прежде чем что-либо предпринять, поговорить с тобой, посоветоваться. Мне думается, в Черкесии зреет нечто такое, что может привести к взрыву. Верно говорю тебе. Не только в Куматыре тревожатся, берутся за оружие.

Все адыги — и тфокотли, и родовитые, и крепостные. Думаю, из Адрианопольского мирного соглашения может вспыхнуть и разгореться война.

— Отчего же, дружище? Ведь с этим уже все кончено.

— Ты ошибаешься. Послушай меня: все адыги, все, понимаешь, не признают этого соглашения.

— Государь знает об этом.

— И поэтому вводит войска в наши земли?

— А что ты предлагаешь?

— Думаю, чтобы избежать великого кровопролития, нужно все адыгские племена объединить и под началом князя-наместника ввести в Российскую империю.

Серебряков молчал.

Похрапывали лошади, мерно шагая по каменистой дороге.

Доехали до развилки. Остались позади терновые кусты, поляна Белых Камней.

— Что же ты молчишь, зиусхан? — не выдержал Сафербий.

— Не хочу обижать тебя, мой друг... С таким же предложением обращался Хан-Гирей к государю императору. Его Величество не принял его предложения. Не единожды Хан-Гирей поднимал этот вопрос, поэтому и отправился в отставку. Нельзя ведь гневить государя, Сафербий.

Не обманул, оказывается, Хан-Гирей, правду говорил о своем наместничестве. «Э, и в самых верхах тоже так бывает: верой и правдой служил Хан-Гирей, а царь ему — пошел вон, в отставку, езжай в свой аул. Несправедливо это, очень несправедливо, да что поделаешь, царь! Подумал так Сафербий, не утерпел и вслух сказал:

— Конечно, Хан-Гирей не адыгского происхождения, но он верным был царю, а тот, выходит, эту верность ни в грош не ставит! Это не только несправедливо, но и жестоко!

— Я не говорю, что государь поступил справедливо, Сафербий, но ты же знаешь: слово царя, есть последнее слово и обсуждению не подлежит.

— Для нас — не последнее, Газар! Разве ваш царь не понимает, что адыги свободный и свободолюбивый народ, что они не отдадут никому свою землю, и, тем более, свободу. Не сегодня-завтра могут пойти на штурм ваших крепостей! А я-то и ищу способа предотвратить это, мира

хочу и для адыгов, и для русских. Почему вы не понимаете еще одного обстоятельства: нас разделяет вера. И Аллах не позволит нам примириться с вами. Но, Газар, есть выход, есть! Объясни им все хорошенько. Если царь поддержит меня, адыги будут не просто друзьями России, они будут верными стражами ее южных границ... Не знаю, как ты на это посмотришь, но я хотел бы встретиться с царем. Я ведь — не Хан-Гирей, мои отец и мать адыги, княжеский род Занов — один из старейших в Черкесии.

Попридержал коня Газар, задумался:

— Думаю, можно и нужно тебе встретиться с царем, однако, Сафербий, это непростой, долгий путь, а... ты ведь сам сказал, не сегодня-завтра может случиться непоправимое в Черкесии...

— Да, может.

— Полагаю, Сафербий, тебе необходимо пока встретиться с посланником царя в Тифлисе, с генерал-фельдмаршалом Паскевичем-Эриванским. Эту встречу легче устроить. И надо сказать, что мнение генерал-фельдмаршала до государя императора доходит прямо к нему без посредников.

— Верная это мысль, Газар. Я именно так и думал, а ты можешь помочь этой встрече?

— Думаю, что могу, но на это тоже потребуется время.

Не прошло и месяца, как три всадника прискакали из Анапы в Куматыр.

Всадники очень торопились, не стали даже спешиваться: вручив возле калитки запечатанный пакет Сафербию Зану, тотчас ускакали.

Глянул Сафербий на пакет и понял, от кого он был. С трудом сдерживая волнение, протянул большущий пакет Карбатыру:

— Вскрой, сын мой. Это, похоже,— растягивал удовольствие,— бумага от наместника российского царя на Кавказе генерал-фельдмаршала Паскевича-Эриванского. Из Тифлиса... Читай вслух, сын мой, мне от тебя нечего скрывать. Думается, мы с тобой сегодня вступаем на неведомую и нелегкую тропу. Не только мы. Все адыги, вся наша адыгская земля. Читай, Карбатыр.

«Натухайскому князю господину Зану Сафербию Магомчериевичу.

Уважаемый Сафербий Зан, если вы прибудете в Тифлис в течение месяца со дня получения этой бумаги, мы сможем встретиться по интересующему вас вопросу.

Наместник Кавказа генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич-Эриванский.

Тифлис, 1831 год, октября месяца 28 числа».

Прочитал Карбатыр.

VI

В тайные дела с русскими по адыгскому вопросу Сафербий никого не посвящал, кроме Карбатыра. Не потому, что скрывал, просто хотел действовать без лишнего шума, без лишних разговоров. Еще не все было ясно, далеко не все решено, потому и нечего зря говорить. Всему свое время.

Сафербий для своего большого дела считал генералов Бескровного и Вышеславцева мелкими сошками, но теперь, после полученного письма из Тифлиса, решил встретиться и с ними. Разумеется тоже тайно.

Больше всего Зана удивляло то обстоятельство, что дело, которое он делал с таким упорством, по существу не двигалось.

В Анапе, в Керчи, в Екатеринодаре, куда ездил в последние две недели Сафербий, его встречали весьма приветливо и учтиво, согласно качали головами, однако твердого ответа ни на один свой вопрос он так ни от кого и не получил.

— Посоветуемся, доведем до сведения, а потом дадим вам соответствующий ответ.

Улыбались на прощание, жали руку, приглашали не забывать. И все.

Сафербий понимал, что от этих чиновников даже и генералов мало что зависит в его крупном, серьезном деле. Ему думалось, есть какие-то тайные ходы, но как выведать их?!

Перебирая в памяти встречи с этими чиновниками, с государственными особами, он никак не мог вспомнить в точности, кто из них что говорил, что обещал. Да и сами

эти лица были настолько одинаковыми, что ему стоило большого труда различать их. Вот только и запомнился его первый полковой командир Рудзевич — надменный, высокомерный, будто он сам царь и бог. По всей выдержанности Сафербий на этот раз не удержался. Это-то и запомнилось...

Приходилось терпеть обиду, неудовольствие во имя большого дела, оно только и сдерживало его горячее сердце. С чем не примиришься, когда окажешься в положении просителя, с горечью думал Сафербий. Где-то в стороне от них мы выпячиваем грудь, хвастаемся силой и мужеством, а станешь перед ними и чувствуешь всю свою мизерность, беспомощность, будто вся твоя жизнь в их руках. А разве нет? Окружили со всех сторон, крепости возводят, попробуй возрази им! Ладно бы еще, скажем, генералы, но эти-то, что сидят в Афипсской и Шабежской крепостях — чего они кичатся, унтеришки несчастные!.. Вышеславцев, который в Анапе — куда какая важная птица, земли под собой не чувствует. Он что, не знает о бумаге ко мне из Тифлиса, не знает, что я приглашен к самому наместнику Кавказа? Если и не знает, так Газар должен бы ему сказать. Почему он советует ехать в Ставрополь? Хочет облегчить мое дело или наоборот? Но чем я ему помешал, чего он хитрит, что выгадывает? Конечно, если б знать, что поездка в Ставрополь поможет, почему бы не съездить. Вон Хан-Гирей курсирует, мотается то и дело между Ставрополем и Екатеринодаром. А толк какой? Чего я, собственно говоря, добиваюсь? Может быть, напрасно унижаюсь перед ними? А генерал Паскевич-Эриванский? Как знать, возможно уйдет от прямого разговора. Должно быть, ничего у нас без оружия не получится. Не лучше ли, перед тем, как ехать мне в Тифлис, сжечь какое-нибудь укрепление? Или оба — Георго-Афипсское и Шабежское. Лучше всего организовать нападение абадзехов со стороны Шхагуаша. Если сделать так, то наверняка, и махошцы, и баговцы, и бесленейцы, и абазины поднимутся. Думаю, все тфокотли восстанут, придут под единое знамя адыгов...

— Завтра, сын мой, отправимся в путь,— сказал Сафербий Карбатыру,— но прежде я хотел бы посоветоваться. Если перед нашей поездкой в Тифлис, организовать нападения на царские укрепления в нескольких местах, не

возымеет ли это нужное действие? Как ты думаешь? Не будут ли в Тифлисе разговаривать с нами уважительнее?

— Но ведь это — война, отец!

— А разве мы уже сейчас не находимся в состоянии войны?

— Да, но это бескровная, тайная!

— Значит — бескровная... В таком случае, сын мой, отправимся, как договорились завтра. Будем говорить, что едем в Сухум, а не в Тифлис. Никто не должен знать наших истинных намерений. Всему свое время, все тайное в свое время становится явным. Если в Тифлисе подтвердится сказанное Газаром, то вернешься оттуда с документом о твоем вступлении на службу в русскую армию. Готовься душой к этому, сын мой.

— Что будет, отец, если я буду служить в русской армии, а адыги поднимут оружие против них?

— И такое не исключается, Карбатыр. Может статься, что мы с тобою окажемся по разные стороны. Но в каком бы положении ты не оказался, сын мой, помни, что в твоей груди бьется адыгское сердце, а во всем остальном ты вольная птица. Еще об одном хочу сказать. Хотя мне не подобает говорить с тобой об этом, но я преступлю наш обычай. Если ты надумаешь устраивать свое личное счастье, семьей будешь обзаводиться, как заповеданно Аллахом, в жены бери только свою соплеменницу...

Вздрогнуло сердце Карбатыра — он вспомнил о Марии. Смуглое его лицо побледнело. Не мог он перечить отцу, но и спокойно смотреть ему в глаза тоже не мог и стал искать повода, чтобы уйти из комнаты, остаться наедине со своими горестными мыслями.

Сафербий понял сына и спросил:

— Не обидел ли я тебя чем-нибудь?

— Нет, отец. Просто наш разговор меня немного смутил, но это ничего, пройдет.

— Лучше нам самим поправить себя, сын мой, чем нас станут поправлять чужие. Я тебе лишь повторил то, что в нашем роду передавалось из поколения в поколение и что свято для нас.

Наутро, чуть стало светать, отправили на Анапу фаэтон. В нем была одежда для отца и сына да две корзины с дорожной снедью. А через некоторое время выехали верхом Сафербий и Карбатыр налегке, словно отправлялись они неподалеку.

Обычно человек перед дальней да еще неведомой дорогой волнуется, а Карбатыр был так спокоен, будто только и делал, что все свое время проводил в дальних дорогах. Сафербий удивлялся на сына. Да и вообще теперешние молодые ведут себя так, будто больше знают, лучше разбираются в жизни, чем отцы, а то и деды. Куда как много они знают всего, куда как умны, а зеленую молодость в них выдает нетерпеливость и горячность. Хорошо, что Карбатыр спокоен, подумал он, что далеко смотрит вперед, значит, конь не споткнется. Сыну хорошо, и отцу легче... А вчера как он смутился, даже побледнел, когда я сказал о традициях Занов выбирать себе подруг жизни. Нет, сын мой, с дочерью Тима Некраса тебе не по пути. Жизнь тебе, мой дорогой наследник, предстоит очень трудная, такая трудная, какой, может быть, мы и с твоим дедом не видели. А если так, то и спутница твоя должна быть подстать той дальней, трудной дороге: ее сердце должно быть таким, как у тебя — адыгским, кровь в жилах ее должна течь такая же, как и твоя. Как мне повезло, какую достойную спутницу послал мне Аллах. Мы с нею и думаем, и сердцем живем согласно. Нет-нет, я не говорю, что Некрасы дурные люди, нет, я Тима очень уважаю, ценю, у меня даже была мысль взять его с собою в Тифлис, однако что-то удержало. Может, я в глубине души своей не доверяю ему? Нет, он настроен тверже в нашем деле, чем иные адыги. Жена у него черкешенка, но... говорят, будто видели, как дочь его, Мария, крестилась. Правда, Газар категорически отрицает это. Он говорит, что пока Мария жила у них, в доме не готовили свинину, придерживались мусульманской кухни. А вообще этих Некрасовых не поймешь — у одного русское имя, у другого адыгское, у третьего турецкое.

В Анапе они узнали, что судно, на котором им предстоит ехать до Сухума, турецкое. Сафербию стало досадно, что придется плыть не на русском, а на турецком судне. Он до того расстроился, что пробормотал что-то резкое.

— Ты что-нибудь сказал, тят? — спросил Карбатыр.

— Нет, ничего... Говорю, куда не пойдешь, всюду натыкаешься на турок,— пояснил Сафербий и вдруг воскликнул: — Во-вий, кого я вижу! Салахур, что ли?! Как же ты,

Магомет, побывав в Анапе, не заехал к нам, а? Может, ты обижен чем-либо на Занов?

— Ты спроси, Сафербий, волен ли я распоряжаться собою? Какая еще обида может быть на Занов. Ты думаешь русские разрешают нам вести себя так, как мы хотим того? Шага лишнего не разрешают сделать. Особенно в Анапе, в порту. Когда приплываешь сюда или уплываешь, так осматривают тебя, что противно становится!

— Что тут поделаешь, такая наша доля,— Сафербий хотя и не считал Салахура большим своим другом, не очень-то доверялся ему, но все же обрадовался встрече.— Если это касается мужиков, наверное, правда, но что ты не можешь заехать ко мне — не верю. Ты уже который раз проезжаешь мимо моего дома. Я-то, возможно, и пойму тебя, хотя и с трудом, а вот дочь Тариковых, жена моя, твоя двоюродная сестра, не поймет: сколько раз ты обещал заехать, сколько раз она ждала и ждала, все глаза проглядела.

— Погоди, Сафербий, не говори так, не позорь меня перед Карбатыром. Сознаюсь, нынче я виноват. Но ты же знаешь какой этот Джирандук Берзедж, настоял на своем, не пустил к вам под разными предлогами.

— Он что, боится, как бы я не отнял тебя у него? — засмеялся Сафербий, думая об убыхском князе.— Не пойму, что у него в мыслях — не пускает своих людей ни в Натухай, ни в Шапсугию. Может быть, ты мне объяснишь, что это такое?

— Он точно так же поступает с абхазами,— в тон Сафербию сказал Салахур.— То он себя за адыга выдает, то за абхаза, но, скорее всего, он ни тот и ни этот, потому что не понимает хорошенько их. Есть такая слабость у него, но человек-то он мужественный, говорит, ни одного русского не пустим на адыгскую землю. И это не пустые слова — он делает все, чтобы не пускать их суда к берегам Убыхии.

— Выходит, мой старый друг убых Джирандук объявил России войну.— Голос у Сафербия смягчился, по душе ему пришлись дела Берзеджа.

— Пока Джирандук еще не вынул из ножен своего кинжала, но вооруженный стоит у своего побережья.

— А что русские на это?

— Пока ничего особенного. Досматривают суда. Что им делать, они выполняют приказ своего царя, так что нечего на них обижаться. А теперь я хотел бы спросить: куда ты направляешься? Может, мы — ничего не зная друг о друге — собрались в Турцию плыть?

Хотя Магомет Салахур родился и вырос в Натухае, больше половины из своих пятидесяти прожил в Турции. Душою он всегда в Черкесии, среди своих близких и родных. Он не купец, не военный, нет у него капитала, просто служит в ведомстве иностранных дел в Турции, не бог весть каким чиновником, всего лишь курьером. Откуда знают в аулах, что такое курьер, вот и ходит он среди адыгов важно. Сафербий хотя и знает, что за птица такая курьер, но тоже относится к Салахуру, как к важному лицу. Да и то надо сказать, что курьер это живая ниточка связи между державами — между турками и русскими, между турками и адыгами, и, как знать, подумал Сафербий, он еще может пригодиться, не надо его отталкивать.

— Валлахи, Магомет, говоришь в Турцию... Не знаю даже, как тебе и ответить,— уклончиво начал Сафербий.— Я ведь только прошлой весной возвратился из Турции. Радовался, домой еду, а тут вон какая несуразица творится. Проданные, будто на базаре проданные мы. Хочу тебе дружески сказать: ты там в разных дипломатических кругах бываешь, наверно, к твоему слову прислушиваются, вот и объяснил бы осторожно, разумно кому-нибудь из влиятельных лиц, что адыги народ мирный, добрый и уважительный, но гордый и свободный, он не потерпит власти ни России, ни Турции, а то ведь получается, что эти два сильных государства бросили нас в горящий очаг?.. Ты спросил, куда мы с Карбатыром держим путь. Тут недалеко, хочу сына повезти к знакомым абхазам. Он уже не мальчик, мужчиной становится, пора ему видеть дальше, чем видно из Куматыра. А из Сухума думаем заехать к Берзеджу. А ты там у себя передавай от меня приветы, кто помнит нас.

— Разумеется, разумеется, передам, Сафербий. Тебя там помнят, спрашивают о тебе.

На судне людей было мало. Да и груза особого не видно — несколько бочонков меда, две горки сырых шкур скота, пахнувших мясом и солью, полсотни мешков пше-

ницы, круги копченого адыгского сыра, кукуруза, связки красного перца, лук в плетеных корзинах, тюки шерсти, тонко распиленные доски и всякое прочее...

— Магомет, небось, турки все это выменяли за порох да свинец? — недовольно спросил Сафербий.— Сколько таких судов уходит за море, сколько добра туда увозят. Растаскивают наше добро в Турцию, в Крым, в Англию, в Россию.

— Насчет свинца и пороха тут очень строго, русские не велят их привозить в Черкесию. Думаю, они выменяли на шелка, а кроме этого, адыгам нравятся турецкие пиастры и русские рубли.

— Да?! — удивился Сафербий, он считал, что только у него одного и есть русские рубли, и он не без лукавства спросил:

— А на что им русские деньги? Ведь на старшинском хасэ решили не брать адыгам русских денег. Значит, есть такие, кому собрание муртазиков не указ? Плохо это. Я думаю, Магомет, такое делается только в Бжедугии да Убыхии? В Шапсугии, Натухае и Абадзехии этого нет, не может его быть!

— Валлахи, Сафербий, всюду, по всей Черкесии видел я это. Везде пробуют на зуб русский золотой, не брезгуют серебром и медью. А как же иначе? Золото везде одинаковое, у него нет родины, нет национальности.

Очень расстроился Сафербий Зан: я увещеваю тфокотлей мол, не поступайте бесчестно, призываю к порядку, а тут зарятся на русский рубль, копят российские деньги. Что же тогда получается? Если у адыгов накопится много денег, если они стремятся к этому, то значит, хотят торговать с Россией, а торговать — это дружить. Чего же я тогда добиваюсь? Я о себе думаю?! Да хоть завтра, только согласись я перейти на их сторону, русские сделают меня почетным князем, мое личное богатство удвоится, утроится! Моего согласия очень хотят генералы Бескровный и Вышеславцев. Газар тоже был бы рад, получил бы повышение, если бы склонил меня к этому. Он прямо не говорил, но это и так понятно. Сафербий вдруг замолчал, оглянулся опасливо: может быть, эти Газары, Бескровные уговаривают, склоняют на свою сторону или уже склонили и других князей, уорков, родовитых? Хан-Гирею, небось, тоже предлагали. Надо мне обязательно встретиться с Хаджемуковым, Болотоковым, с Берзеджем...

Из трюма тянуло смрадом сырых кож. У Сафербия даже голова начала болеть. И с Магометом не хотелось разговаривать, и море своим однообразием утомило и, когда показались холмисто-лесистые берега Абхазии, обрадовался, но тут же его охватило сомнение: ехать ему дальше или вернуться назад. Он укорял себя, зачем я хлопочу, что мне, больше других князей надо? Правда, тут же подумал, что при удачном исходе дела он станет великим князем Черкесии. И отлегло от сердца. Пусть, сказал он себе, иные адыги пробуют на зуб русский золотой, ничего тут особенного нет, адыги привыкли к разным деньгам, держали в своих руках не только русские и турецкие, но и греческие, итальянские, египетские, французские, английские, только эти деньги не приносили им богатства и, наверное, не принесут, пока нет своих. А если я стану великим князем Черкесии...

Легкий сторожевой корабль русских, шедший навстречу, приказал турецкому судну остановиться.

Военные поднялись на борт и стали проверять документы, расспрашивать кто-куда едет.

Сафербий отошел от Магомета к другому борту, там к нему и подошел офицер, попросил документы. Прочитав бумагу от Паскевича, он взял под козырек и пожелал Сафербию счастливого пути.

VII

Фаэтон, запряженный парой добрых коней, поднялся на взгорье. Внизу под горой Сафербий и Карбатыр увидели Тифлис. Город пробуждался ото сна, курился дымками печных труб, поблескивал окнами, озаренными солнцем. Брехали во дворах собаки, как бы переговариваясь друг с другом после ночи.

Еще заспанный мальчишка в войлочной шапочке и посконных штанишках гнал коз. Старик нес на согбенной спине громадную вязанку хвороста.

— Это и есть тот самый Тифлис, о котором прожужжали нам все уши в Анапе?! — разочарованно спросил Карбатыр.

— Тебе не нравится Тифлис, сын мой? — снисходительно улыбнулся Сафербий.— Не торопись судить так строго о городе, в котором ты еще не бывал, только входишь в него, не торопись.

— Мне показалось, этот самый Тифлис не больше и не лучше нашего Куматыра,— смущенно оправдывался Карбатыр.

— Я рад, что ты так любишь свой маленький Куматыр. Ты знаешь, сын мой, в каких только краях и городах я не бывал, даже в самых красивых, но всегда так тосковал по своему родному, самому красивому для моей души Куматыру. Да благословит тебя Аллах любить его так же... А теперь нам надо снять хорошую квартиру, привести себя в порядок — здесь любят чистоту, аккуратность, во всем, даже изящество. До встречи с генералом Паскевичем у нас есть время — надо хорошенько собраться с мыслями, продумать все до мелочи, не упустить ничего.

Сафербий плохо спал ночами, взвешивал каждое свое слово, которое должен будет сказать генералу, пытался предугадать его ответы и вопросы: даже тон своих слов, их звучание, их двойной или тройной смысл он обкатывал, подгоняя друг к другу таким образом, чтобы, как говорится, между ними комар носа не мог подточить.

Наконец Сафербий отправился к генералу в сопровождении Карбатыра, который знал как надлежит себя вести в этом случае молодому князю-горцу.

Отец был одет в белую черкеску при серебряных газырях, а из-под черкески выглядывала сорочка темного тонкого полотна. По талии перехвачен кавказским поясом, украшенным черненым серебром. На поясе — кинжал и небольшой пистолет. На ногах мягкие золотисто-коричневого цвета сапоги, и венчала его каракулевая шапка. Тоже золотисто-коричневая. А в руках — трость с серебряным набалдашником.

Карбатыр тоже был одет ладно, красиво, но во все темное — только белоснежная сорочка да посеребренные газыри.

Пока отец и сын усаживались в фаэтон, горожане с большим интересом рассматривали их, а юным красавцем

Карбатыром просто любовались, пока фаэтон не завернул за угол.

В резиденции наместника произошло то, чего именно и опасался Сафербий: в приемной им сказали, что генерал-фельдмаршал нынче крайне занят, а посему аудиенция переносится на послезавтра.

У фаэтона, когда вышли из приемной, Сафербий рассмеялся:

— Ты знаешь, почему я смеюсь? Запомни, сын мой, что и турки, и русские, и адыгские князья, одним словом, все, стоящие у власти, как только узнают, что ты — ситель, в чем-то зависишь от них, начинают хитрить, показывают тебе свою силу, смотрят на тебя свысока. Слышал, сегодня генерал-фельдмаршал крайне занят. Знаю я эту занятость, все их уловки и хитрости: пьют вино, чай, играют в карты — вот и все. Им надо сломить нашу волю и подчинить себе. Эти приемы стары, как мир.

Сафербий потемнел лицом, помолчав, продолжил:

— Если на то пошло, нас ведь никто не держит, мы можем, хоть сейчас отправиться к себе домой.

— Но отец!.. Такой длинный путь, такое важное дело.

— Мне и не из такой далекой-дали приходилось возвращаться, но ты не беспокойся, не падай духом — сын Магомчерия Зана не носом воду пьет. Мы еще посмотрим, кто кого, мы тоже сумеем заставить их ждать, искать нас. Нынешней весной я хорошо проучил посланника из Англии.

— Так тот, отец, посланник, к нам приезжал, а тут — мы сами к ним приехали.

— Ты прав, сами приехали, сами напросились, но тут есть одно обстоятельство, его обязательно надо знать: тот, кто в тебе не нуждается, тот и не поймет тебя, прикинется слепым и глухим, а тот кто нуждается, кому выгоден ты, у того и глаз острый и слух. Сейчас на всем Северо-Западном Кавказе самый сложный вопрос — адыгский. Пусть хитрят, делают вид, что не нуждаются в нас, но это фальшь, потому что в самом деле они боятся нас: кому хочется у себя за спиной иметь врагом коренной народ страны, кто не знает, что хозяин земли всегда сильнее пришельца, а потому умный пришелец будет искать мира с народом... Они присылали к нам Даура Ахеджака. Будут и еще такие

посланцы. Не думай, будто Газар приезжал по моей просьбе, нет, они ищут нас, им нужен наместник из адыгов. Вот так, мой сын. Нужен наместник, но угодный им, а такого нелегко найти, вот они и не торопятся, вот они и мудрят. Вежливо извиняются перед нами, говорят о своей занятости — мы тоже умеем улыбаться, извиняться...

Хотя Сафербий решил не являться в назначенный срок к генералу Паскевичу, хотел заставить их искать себя, однако на следующий же день получилось совершенно иначе: за ним прислали от наместника нарочного.

Улыбнулся Сафербий сыну, мол, я же говорил тебе.

Стал неторопливо собираться. Самым тщательным образом вычистил одежду, сапоги, шапку. Долго и обстоятельно одевался перед зеркалом. Так одевался, будто только что приобрел одежду и теперь примерял ее, присматривался к ней. Потом, когда уже оделся, подпоясался и пристегнул к поясу кинжал с пистолетом, пристально стал осматривать трость, чистил ее серебряный набалдашник.

Офицер, приехавший за Сафербием, то нервно ходил по комнате, то садился к окну. Сафербий не обращал на него никакого внимания, словно бы его и вовсе здесь не было.

Офицер, наконец, не выдержал и показал Сафербию на часы, мол, опаздываем. Сафербий улыбнулся, и вежливым тоном сказал:

— Генерал Паскевич заставил нас ждать более суток, так что наши приготовления — такая малость. Впрочем, мы можем ехать.

Позже Сафербий, когда они садились в свой фаэтон, сказал Карбатыру, довольно улыбаясь:

— Теперь все, что я сказал этому офицеру, он в точности передаст своему хозяину.

— Ты думаешь, тят, это поможет нам?

— Генерал поймет, что мы не собираемся стелиться перед ним!

В просторном кабинете наместника стояло немного мебели, но как показалось Сафербию, граф Паскевич с трудом умещался в нем. Был генерал крупным мужчиной, но дело не в этом, а в том, как блестели золотом погоны, горели ордена, горело, блестело, сияло его оружие, и от этого сияния становилось в просторном кабинете тесно.

Граф, неторопливо, с достоинством приветствуя гостя, пошел навстречу Сафербию и Карбатыру:

— Добро пожаловать, натухайский князь Сафербий Магомчериевич Зан! — на губах его играла улыбка, а в душе было иное: этот мелкий, не очень-то вроде бы значительный князь, оказывается, способен заставить меня ждать. Видите ли, ему не понравилось, что я не распахнул свою дверь по первому его стуку, и он тут же ответил мне. Вы посмотрите, какая самоуверенность, просто удивительно! — Как доехали, дорогие гости? Путь с Северного Кавказа не близкий. Все ли благополучно было в пути? Проходите, садитесь. Вот сюда прошу.

— Благодарю вас, граф. Когда едешь по делу, да еще по государственному, не замечаешь трудностей пути. Что касается вашего второго вопроса, никаких препятствий мы не встретили, благодарим вас, ваше превосходительство... И наконец, о цели нашего приезда, господин фельдмаршал. Я хотел бы прежде всего сказать...

— Погодите, князь,— легким, даже несколько изящным жестом руки прервал гостя граф,— прошу садиться, и соблаговолите познакомить меня с сопровождающим вас князем. Относительно государственных дел не спешите. Все успеется, князь, времени у нас с вами предостаточно. Я знаю, что в вашей стране неспокойно. И вы не стойте, князь, прошу сюда садиться,— граф пригласил Карбатыра, почтительно стоявшего возле отца.

— Прежде всего я хотел сказать вам, ваше прево-сходительство,— продолжил начатый разговор Сафербий после того, как сел,— я не просто князь натухайский, а прежде всего — адыгский князь. Меня знают по всей Черкесии, род Занов один из древнейших родов. Во-вторых, граф, где сидят двое старших этот княжеский сын сидеть не будет, ему не позволит сесть наш обычай. И, наконец, этот молодой князь — мой сын.

— Не он ли изъявил желание поступить в наше доблестное русское войско? Я получил бумагу из Анапы, в которой мне об этом сообщается,— сказал Паскевич и благосклонно посмотрел на Карбатыра.

— Да, ваше превосходительство, он и есть,— не скрывая своей гордости за сына, ответил Сафербий.— Кстати сказать, это не моя воля, граф, а его собственная.

— Да-а, такой молодец,— граф пристально с ног до головы посмотрел на Карбатыра,— это честь для нашей доблестной армии, князь.

Сафербий приложил руку к сердцу, слегка поклонясь, именно слегка, княжески, сказал:

— Благодарю вас, ваше превосходительство.

— Я буду стараться, быть достойным вашего доверия,— сказал Карбатыр, почтительно поклонясь графу, а потом отцу.

Вот так неожиданно легко и просто решилась судьба Карбатыра. Сафербий остался этим очень доволен и подумал: оказывается, генерал уже все знает о Карбатыре, уже принял решение. То, что Газар готовил целый год, разрешилось проще простого. И вообще граф, оказывается, приятный человек, располагает к себе, и, кажется, довольно искренний. Да чем, собственно, мы заслужили его расположение к нам? Пока ничем. Далеко не каждого, из тех, кто захотел бы служить в русской армии, они принимают с распростертыми объятиями. Хорошо, очень хорошо было бы, если б его превосходительство и вторую мою просьбу, мое желание, главную цель моей поездки разрешил так же быстро.

Сафербий без излишних эмоций, неторопливо и обстоятельно стал рассказывать наместнику о Черкесии, о ее заботах, о том, как относятся к нынешнему своему положению князья, родовитые и тфокотли, говорил, что все они хотят добрососедской, мирной жизни с Россией. Думается Сафербию, что и русский народ хочет мира со всеми своими соседями, хочет дружбы.

Пока говорил Сафербий Зан, генерал-фельдмаршал сидел молча. Он не только не проронил ни единого слова, но даже не пошевельнулся. Совершенно невозможно было понять его отношение ко всему, что говорил Сафербий. Вон как получается, улыбался его превосходительство, был искренним, открытым, а теперь... Может быть, он и вовсе меня не слушает? Не хочет слушать?

— Таким образом, ваше превосходительство, нас, адыгов, волнуют не только наши национальные интересы, но так же интересы русских, России. Если мы объединим все племена Черкесии, дадим ей великого князя, который станет наместником Его Императорского Величества, то российские границы будут навсегда и прочно защищены

от турок. В этом я, князь Черкесии, Сафербий Зан, сын Магомчерия, заверяю вас. И заранее благодарю.

Не сразу заговорил Паскевич-Эриванский. Он еще немного помолчал, потом, мягко улыбнувшись, сказал:

— Мы не думаем, князь, что между нами и черкесами разразится война. Не должна.— Граф, достал серебряную табакерку, неспеша понюхал, раздумывая: — Мы не берем того, что нам не дают, того, что нам не принадлежит: так искони поступают российские государи. Что же касается меня, то я всего лишь исполняю волю Его Императорского Величества... Вы говорите, князь, что черкесы не признают Эдирнского мирного соглашения, но они не хотят и кровопролития. Я хорошо понял вашу тревогу, вашу искренность. Понял и ваши предложения по урегулированию этого вопроса. Уверяю, князь, самым подробнейшим образом я передам наш с вами разговор государю императору. Думаю, ответ из Петербурга заставит себя ждать, но что касается меня, я извещу вас незамедлительно, лишь только получу ответ из столицы. Теперь о вашем сыне. Считайте, что это дело решено. Если вы доверите мне, князь, я оставлю его при себе.

После встречи с Паскевичем Сафербий задержался в Тифлисе на целую неделю: ему было грустно расставаться с Карбатыром, он даже начал сомневаться, правильно ли поступил, отдав сына в русскую армию. Но прошло несколько дней, Карбатыр явился к нему — бравый, подтянутый, довольный собой и даже гордый.

Доволен, очень доволен был произошедшим Карбатыр, только донимала его грусть, переходившая в тоску по Марии Некрас.

VIII

Верно говорят: что знают двое, третий узнает тут же.

Не успели, как говорится, Сафербий и Карбатыр сесть на судно, уходившее в Сухум, как Тим Некрас тут же узнал об их поездке в Тифлис. Не знал он, зачем отправился в путь Сафербий, обиделся, почему не сказали ему ни слова.

Адыгский князь и русский тфокотль были друзьями. Князь — это вершина, а тфокотль где-то внизу, как их можно сравнивать, как они могут дружить? И князьям, и дворянам претила эта дружба. Многие говорили об этом,

упрекали Зана, но Сафербий не обращал внимание, считал Тима настоящим мужчиной, честным, добрым и сильным человеком.

Посмотрите, как с нами поступают наши друзья, обиженно и в тоже время растерянно думал Тим. Ведь не сегодня же они надумали ехать — обсуждали между собой, обдумывали, а нам-то ни слова, ни полслова! Даже не намекнули!

Он спросил у Руфата:

— Карбатыр от тебя тоже скрыл? Ничего не сказал, сын мой?

Руфат смутился:

— Нет. Ничего не говорил, отец.

— Похоже, не доверяют они нам? Почему, что случилось?

Руфату не хотелось плохо думать о своем друге Карбатыре. Переминаясь с ноги на ногу, он стоял у дверей. Отца тоже хотелось успокоить, и он сказал:

— Думаю, они просто не успели нам сказать, думаю, торопились. Может, мне съездить в Куматыр и все хорошенько разузнать, а потом уж и будем говорить.

— Нет, Руфат, никуда ты не поедешь,— тяжело было ему. Облокотился он на стол и сидел молча, потом поднял на сына тяжелый взгляд и продолжил: — Думаю, просто отец и сын Заны оказались не те, и людьми не такими, какими мы их себе представляли. Вот тут и угадай кому верить, кому нет, кто друг твой, а кто только прикидывается другом.— Ниже нагнулся над столом, перебирая четки, шевеля большими губами, прочитал про себя две суры Корана. Успокоился и сказал сыну: — Ладно, сын мой, все образуется, Аллах милостив. Иди и занимайся своим делом.

Оставшись в комнате один, неспеша перебирая четки, Тим предался своим невеселым думам. Вспомнил о своем отце, Михаиле Некрасове, чей прах покоился на адыгском кладбище, а прах бабушки лежал на русском погосте, вспомнил, как хоронили их. Вот ведь дела какие получаются: бабушка и отец лежат в земле адыгской, сам Тим женат на черкешенке, кроме земли адыгской, кроме адыгского неба ничего другого не знает он, но тогда почему же его и Руфата, весь их род называют гяурами, нежели Некрасами? Вот как все запутано в подлунном мире.

Абадзехские горы. Заоблачные снежные вершины. Глубокие ущелья и мрачные своей обреченностью пропасти. Раздельные луга на солнечных склонах. Звонкие ручьи, быстрые реки, шумящие водопады. И — солнце! А побережье Черного моря, а равнины и холмы, древние могильники! А хлебородные поля, а тучные стада птицы и скота! Как великомилостив к людям Аллах! В какой прекрасной стране мы живем, как мы богаты по милости Твоей, господи!

И есть, есть у нас сила, чтобы отстоять Черкесию от захватчика, кем бы он не был!

Так думал, так размышлял Тим, но вспомнив о Занах, о том, что они уехали, не сказавшись ему, вновь разгорался гневом.

Не сиделось, он ходил и ходил по комнате, неторопливым, мерным движением успокаивая себя.

Совершил омовение, встал на молитвенный коврик. Перво-наперво просил Аллаха даровать всем усопшим его родственникам и близким покой и мир на том свете, куда они ушли для вечной жизни. Потом просил милости своей семье, благополучия в ее земных делах. Третьей была молитва о мире для Черкесии, для всей земли адыгов просил мира, благополучия и благочестия всем мусульманам... О Сафербие и Карбатыре Тим пред Аллахом ничего не сказал плохого, но и добром не вспомнил. Промолчал, а после намаза к нему опять вернулась обида, тревога, не выходил из головы Карбатыр. Как Тим не силился, не мег отвязаться от непрошенных мыслей, не мог изгнать их из своей воспаленной головы.

Адыгский обычай не разрешает вести разговор о замужестве дочери, о будущем зяте, но что делать, Тим не мог справиться со своим воображением — перед ним стояли рядом Мария и Карбатыр. Ему было от этого неловко, даже стыдно, но изгнать их из своего воображения он не мог.

Князь Сафербий, адыг, как же ты в это тревожнейшее для Черкесии время решился на такое — оставить своего сына служить в русской армии! Интересно, что тобою руководило, какие намерения! Не думай, князь, что я буду молчать — встречу тебя и все скажу прямо в глаза!

Трудно, до того трудно было Тиму, до того тяжело на душе, хоть беги, куда глаза глядят. Может, и убежал бы,

но вошла Самай чем-то встревоженная. Аккуратно присев на край койки, спросила:

— Это правда, Тим, что говорят о Занах?

— Правда. Но я не знаю, зачем и почему они это сделали?! — нервно ответил Тим и опять погрузился в свои тяжелые мысли. Он даже не замечал, что на койке все еще сидела его жена.

Они долго сидели молча, потом Самай сокрушенно воскликнула:

— Как же они могли такое сделать?! Как?! И никому ничего не сказали — ни тебе, ни Руфату. Выходит, только на словах они вам друзья.

Тиму стало неприятно, что женщина судит о делах мужчин, и он, сдерживая себя, сказал негромко, но твердо:

— А разве это не так, разве мы не друзья?

— Да, верно, но все же...— Самай хорошо знала характер мужа, и все же сказала свои последние слова тоном уверенности в себе, в своей правде.

Тим тяжело вздохнул: конечно, прав был мой родитель, говоря, что между князьями и тфокотлями не может быть искренней дружбы. Да и откуда ей быть, если этого нет в самой природе: разве может дружить красавец-скакун с рабочей, тягловой лошадью? Князья и уорки только и становятся рука об руку, плечо к плечо со своими тфокотлями и крепостными, когда надо защищаться от нашествия врага.

— Все же, Тим, сколько я помню, Заны всегда гостили в вашей кунацкой,— сказала Самай и с добром, и с извинением за свое женское вмешательство в мужские дела, посмотрела на Тима.

— Это другое дело, совсем другое: гостили, потому что в то время Некрасы были русской семьей. Ты же знаешь, как мы, адыги, относимся к таким людям — пришедшим к нам, почти гостям еще. И не забудь, в то время только-только отшумела Бзиюкская битва, князья и уорки совсем иначе относились к тфокотлям, заигрывали с ними, а сейчас... Князья призывают нас к братскому единству вовсе не потому, что любят тфокотлей, нет, просто им нужна большая сила, а она-то заключена только в нас, в нашем, народном кулаке... Еще и то хочется сказать, многие князья и уорки все это время как-то в сторонке стояли

от наших собраний, от больших разговоров, все прислушивались, присматривались. Сафербий же всегда был с нами, всегда один из первых говорил о нашей беде. Было так, а сейчас — ты посмотри! — он взял и уехал в Тифлис, оставил своего сына в услужение русским. Как это понимать?!

— Не знаю, Тим, не знаю,— Самай пожала плечами.— Ты, конечно больше понимаешь в этих делах, но не скрою, мне очень обидно, что князьям Занам больше пристало служить в русской армии, нежели Некрасам. Тогда почему бы им не взять с собою Руфата, пусть бы он вместе с Карбатыром служил. Не скучали бы вместе.

— О чем ты говоришь, женщина! — побагровел Тим, его синие глаза потемнели, налились кровью.— Ты больше ничего не могла придумать?

— Ну-у... Я не знаю...

— То-то и есть, что не знаешь, не забывай, что носишь женский платок. Как говорят у русских — знай, сверчок, свой шесток, а баба — свое бабье место. Руфата, видишь ли, она захотела отдать в русскую армию, захотела, чтобы от него воняло свиным салом! Только этого и не хватало Некрасам! Ты вот лучше займись своим делом: скажи нашей девочке, чтобы ноги этого, ушедшего на русскую службу, в нашем доме не было. Да-да! Так и скажи от моего имени, чтобы нога его через наш порог не переступала! Да и что это за имя у нее такое — Мария!

— Что тебе до ее имени, Тим! — возмутилась Самай.— Ведь мы ее назвали в память бабушки. Прошу тебя, не говори больше об этом, нехорошо, грех большой.

— Я тебе говорю, а не всему аулу! — вспылил Тим.— Делай то, что тебе говорят. Пускай Мария не позорит меня! Не хочу слышать о Карбатыре!

Ни шатко, ни валко шло время, без особых происшествий, радостей и тревог: несколько раз встречались дочь и сын с отцом, вместе с Руфатом ездили в лес по дрова, побывали на базаре в Анапе.

Все это время Тим больше ни разу не говорил о Занах. Не потому, что переменил свое отношение к уже сказанному, просто считал, что мужчина свою ношу должен нести сам, а не взваливать ее на чужие плечи. Ему хотелось

встретиться с Сафербием, он даже пытался это сделать, но как-то вяло, без особой охоты, хотя проще простого было сесть на коня и съездить в Куматыр. Кроме этого, Тима удивляло отношение к случившемуся у Занов его друзей из Абадзехии, Шапсугии, и Убыхии — никто не приезжал к нему в Дахап, чтобы поговорить об этом непростом деле, обсудить его хорошенько. Да и сам Сафербий сидел дома — выжидал чего-то.

Вести для того и существуют, чтобы переходить от аула к аулу, сообщая людям и печальное, и радостное, и тревожное, и умиротворяющее. Вот к Тиму заглядывали вести о том, что делается в Бжедугии и на берегах Черного моря. Вести, как и люди, как и ветры, гуляющие по земле, бывают очень разные — одни несут с собою истину, а другие бог весть что.

Дошли до Некраса слухи, что Сафербий в прошлом месяце побывал в Анапе и в Екатеринодаре. С какой целью он ездил туда, чего добился или не добился?

— Собирайся-ка, сын мой, пока зима нас еще не накрыла, съездим в Убыхию,— сказал Тим.— Побываем у своих родственников,— у друзей и знакомых, повстречаемся с твоей старшей сестрой да и погостим у Джирандука Берзеджа. Твой покойный дед, бывало, брал меня с собою: на мир посмотреть и себя показать, как говаривал он. А сколько у него было друзей, знакомых, не было аула, в котором перед ним не распахивались бы двери кунацких, стоило ему только появиться на околице. Любили его адыги.

Очень обрадовался Руфат, отец еще не успел и слова своего закончить, как сын уже готов был к поездке.

Дорога для адыга всегда, хоть и маленькая, но торжество, всегда ожидание, желание ступить за черту далекого горизонта, порадоваться земле и небу, снежным вершинам и темным лесам.

Выехали: Тим по праву старшего впереди, справа, а Руфат — слева, на полкорпуса коня сзади. В этом старинном обычае тоже есть своя радость: старший своею спиной, своим сердцем слышит уважение к себе, а младший спокоен, потому что его ведет старший, мудрый человек.

На границе Абадзехии, со взгорка они увидели двух всадников.

— Во-вий! Смотрите, с кем мы встретились! Правду говорят, легок на помине Тим,— сказав это весело и обрадованно, Сафербий спешился первым, хотя князю это и не пристало.— Куда это собрались, Тим? — Мы-то едем к вам, слава Аллаху, не разминулись.— Сафербий будто не замечал растерянности и смущения Тима: — Как же это можно, Тим, как можно, Руфат?! Все приезжали порадоваться вместе с нами, а вас, наших друзей, не было. Я ведь оставил Карбатыра в Тифлисе. Разве вы не знали этого?!

Тим как-то совсем был сбит с толку такой речью Сафербия, никак не мог понять, чему радовался князь Зан:

— Знать-то мы знали, да мы... я немного прихварывал. Говорил Руфату, чтобы он съездил к вам, но он не решился оставить больного отца.

— Я слышал, Тим, что ты прихварывал,— конечно же, врал Сафербий,— хотел навестить тебя, да гости зачастили и зачастили, дверь в кунацкой не закрывалась.— Сказал это Сафербий и строго глянул на тфокотля Трама, мол, не проболтайся.— Но, слава Аллаху, беда позади, значит, впереди добро. Правда, ты немного побледнел, похудел малость, но это уже мелочь. Если не секрет, куда путь держите? — прищурился Сафербий.

Улыбнулся Тим, мол, старого воробья на мякине не проведешь:

— Валлахи, Сафербий, я же сказал — к вам направляемся, но если уж так случилось, то милости просим к нам: посидим, поговорим о наших делах. Да и дочь Пазадовых, Самай на днях спрашивала, чего это князь не едет к нам в гости.

— Спасибо, что Самай не забывает нас, я почитаю ее, как за свою сестру. Спасибо за приглашение, но грех мне так поступать, ведь вы проделали такой долгий путь, а к нам — рукой подать.

— Но это против наших законов: ведь мы находимся на абадзехской земле, если мы поступим так, нас осудят люди.

— Не осудят! Я отвечаю за это! — вспылил Сафербий, но тут же взял себя в руки, улыбнулся: — Слушай, Тим, допустим, я не князь, нет моих княжеских преимуществ, но ведь вы ехали ко мне выразить свою радость.

— Да, зиусхан.

— Так в чем же дело?

— Но ведь и ты ехал проведать больного? — Тиму стало смешно от глупого обоюдного притворства.

— Но больной должен лежать в постели, Тим, а не разъезжать на скакуне.

— Ладно, зиусхан, сдаюсь. Ты одолел меня.

Женщинам бывает всегда спокойнее, когда рядом с ними мужчина, однако иногда им хочется остаться одним, без мужского глаза и без их ушей: мало ли о чем хочется поговорить между собою, отойти в сторонку от очага, от стирки и шитья. Вон сколько всяких слухов ходит по аулам, по всей Черкесии: не успеет одна весть пережить себя в ауле, как вместо нее уже вторгается другая. Случается, одна другой интереснее. Как тут быть, как не встретить ее, не обсудить. Просто удержу никакого нет.

Такое произошло с Самай и ее дочерью Марией после того, как мужчины покинули аул.

Пообедали, помыли посуду, убрали на кухне, Самай позвала Марию:

— Иди, доченька, отдохни, а то ты все кружишься, кружишься, то тут, то там находишь себе дело,— сказала мать и посмотрела на Марию одновременно и любовно, и как бы придирчиво, оценивающе, в то же время с сочувствием.

Конечно, с сочувствием и материнской жалостью. С тех пор, как уехал Карбатыр в Тифлис, она очень тревожилась за судьбу Марии, но откровенно поговорить об этом с нею не могла. Вот и переживали они это, довольно горькое событие, порознь, каждая сама с собой. Тяжело было Марии, разве легко матери? Как скажешь, жених сбежал! Как горит, как мучается бедное сердечко. Больно, больно ему, еще больнее от этой боли сердцу матери.

Конечно, у мужчин свои дела, думала Самай, трудные они бывают у них, но наши женские не легче, а еще и тяжелее. Ведь мать растит, воспитывает с самых пеленок не только девочек, но и мальчиков, будущих мужчин, работников, воинов. Потом подросток отойдет от матери, а пока — малыш, весь на материнских руках, на мир смотрит ее глазами. Честный или нет — это мать знает, это

она ему вкладывает в его душу все, что ей досталось от матери, бабушки, отца, деда... Вон как она бедняжка похудела, вон как тоскуют ее глаза. Конечно, Тиму легко сказать: пусть Мария выбросит из головы Карбатыра, чтобы ноги его не было в нашем доме. Ах, бедная моя девочка, но придется ей сказать эти горькие слова, пусть она услышит их от меня, я скажу ей по-матерински, постараюсь сделать их хоть капельку помягче. Если бы мы знали, что такое случится, не забирали бы ее от Газара. Ничего, доченька, что Карбатыр уехал в Тифлис. Ведь наша старшая живет в Убыхии — и ничего, встречаемся с нею, не забываем, что связаны одной родственной нитью. Ничего, доченька. Вот только Тим! Знаю, он не отступится от своего слова. О Всемилостивый Аллах, как мне обо всем этом сказать моей девочке? Как уберечь от горя, как помочь ей?

— Проходи, доченька, садись, отдохнем немного, поговорим. Скажи, моя хорошая, что у тебя болит? Вижу, ты — бледненькая, глазки печальные.

— Нет, мама, у меня ничего не болит. Почему ты спрашиваешь?

— Мне показалось, приболела ты. Не таись, деточка, от своей матери, скажи, что тебя тревожит, и не стесняйся, кроме нас с тобою, здесь никого нет.

Мария поняла о чем мать спрашивает, чего добивается. Улыбнулась и сказала:

— У меня ничего не болит, я здорова. Мне кажется, ты чем-то озабочена, может, тебя волнует слух о друге Руфата, мама? Волнует, но ты...— и застеснялась своих слов Мария, залилась краской стыдливости, и, чтобы как-то скрыть свое крайнее смущение, засмеялась.

— Да, девочка, да, моя доченька. Не только меня, но и отца.

— Разве плохо, мама, что сын Сафербия Зана поступил на службу в русскую армию, что он стал офицером?! Не понимаю, что тут плохого, почему ты и отец так тревожитесь? Если бы была моя воля, я бы и Руфата определила.

— Что ты! Упаси Аллах! Не вздумай такое сказать отцу! — испугалась Самай и настороженно посмотрела на дверь. Помолчала, собираясь с силами, и потом довольно решительно сказала: — Знаешь, доченька, я тоже считаю, как и ты: ничего плохого нет в том, что Карбатыр стал

офицером русской армии. А если слушать людей, слушать их сплетни и глупые суждения, на белом свете жить не надо, заживо тебя похоронят... Когда я выходила замуж за твоего отца, ой, сколько разных сплетен люди понасплетели, как измывались надо мною, мол, за гяура выходит замуж, позор ей! Но у меня хватило сил не обращать на них внимания. И видишь, мы хорошо живем. Не только я не жалею, но и те же самые люди стали теперь к нам относиться с уважением. Даже князь Сафербий. А вот насчет Руфата я не знаю, что и сказать. Упаси Аллах, если эти слова от тебя услышит отец!.. А что, доченька, говорил тебе сын Сафербия Зана, что собирается служить у русских?

— Как же он мне скажет, мама, если даже от Руфата скрыл?!

— Вон как! Ой, смотри, девочка, ой, смотри, ради Аллаха, не упоминай имя Карбатыра при отце, ничего не говори о его службе у русских, и про Руфата — ни-ни!

Тим и Руфат не смогли добраться до Убыхии.

Было уже за полдень, когда отец и сын покинули Куматыр. Руфат не мог понять, почему они не поехали в Убыхию, как собирались, а повернули обратно в Абадзехию? Надо бы спросить, но как спросишь у отца.

Ехали какое-то время молча. Только постукивали копыта лошадей, да горланили предзимние стаи грачей. Уже осталась по левую сторону поляна Белых Камней. Завиднелась вдали белая шапка горы Пепау.

По тому, как сидел на коне отец, Руфат понял, нехорошо у него на душе. Когда двое сопровождавших верховых скрылись за поворотом, Тим осадил своего коня:

— В какое русское войско ты собираешься вступить, а?! О чем ты так убедительно говорил Сафербию Зану?! — Тим плеткой огрел по спине сына.

— Тят...— Руфат хотел что-то сказать в свое оправдание, но отец не дал ему закончить.

— Довольно! Сукин сын! — и еще раз хлестнул сына по спине.— Езжай впереди!

Руфат молча опустил голову и поехал впереди.

Не к добру это, не к добру...

IX

После возвращения из Тифлиса Сафербий развернул кипучую деятельность. В течение какого-нибудь месяца побывал в стольких селениях, в скольких не бывал и за год. Разумеется, не с каждым говорил откровенно, не каждому открывал свои дальние планы, но будоражил воображение у каждого, в каждом будил гордость адыга, его горячую кровь и тем самым звал к действиям, к делу.

Сейчас его интересовали главным образом не князья и дворяне, а тысячи и тысячи тфокотлей. Именно они — Сафербий совершенно верно понимал — только они могут решить судьбу Черкесии, а не честолюбивые, самовлюбленные князья и уорки.

Князья, уорки — трудные люди, но и тфокотли не легче, не проще, чем иные думают. Но, чтобы овладеть большой силой, надо и в самом себе иметь силу влияния. Сафербий умел терпеливо объяснить тфокотлям суть дела, умел зажечь их сознание. Даже с теми из них, которые напрочь отвергали его замыслы, умел так разговаривать, что они оставались все-таки если и не друзьями, то и не противниками: он, князь, глава одного из старейших родов Черкесии, приходил в аулы, бывал в кунацких, на малых и больших хасэ и разговаривал с тфокотлями не как князь, возвышающийся над ними своим титулом, а как сын Аллаха, заботящийся о своих братьях.

Иные упрекали Сафербия за то, что отдал сына в русскую армию. У него хватало мудрости и на это — он не спорил с ними, иногда даже поддерживал, а тех, кто сдабривал поступок Карбатыра, скромно благодарил. Где бы не возникал разговор о Карбатыре, Сафербий говорил, вернее завершал разговор примерно так: «Что поделаешь, если мы, Заны любим службу в армии, любим погоны, оружие. Как вы знаете, я ведь тоже служил и в русском войске, и в турецком. У нас сейчас нет своей армии, но когда-нибудь она будет, она должна быть, а я уже сейчас в ней сердцем своим состою. Думаю, если Карбатыр станет хорошим офицером, умелым командиром, научится управлять боем, разве его умение не нужно нам, адыгам? — в этом месте Сафербий лукаво улыбался, немного подсмеиваясь над своими противниками, как бы положив их на лопатки. Помолчав немного, он продолжал, играя в наи-

вность:— Некуда Карбатыру деться от своих предков, от их горячей крови. Хотел я этого или не хотел, а он надел русские погоны. Вы же знаете, какие нынче пошли молодые — знают больше нас и смотрят дальше, ох, уж эта молодежь!..»

Встречаясь с тфокотлями, старшинами, Сафербий видел и оставался довольным тем, что дело, за которое он борется, продвигается довольно успешно, шире и шире распространяется по Черкесии. Никто не хотел войны, ее пожаров и смертей, жестокости и безумия. Крестьяне начинали понимать, что любое противостояние не приведет к добру, что все спорные вопросы надо решать мирным путем, согласием между сторонами, начинали понимать, что Сафербий Зан именно этого и хочет, к этому сам стремится и их зовет. Чувствовали — Черкесии нужен один правитель, а не власть каждого князя на его земле, видели, что такое многовластие к добру не приведет. В кунацких стали чаще поговаривать, дескать, Сафербий Зан — старинного княжеского рода, знает русский язык, турецкий, арабский — знает военное дело. А теперь вот и сын научится у русских быть мудрым и хитрым командиром, искусным воином, а когда придет время, может стать предводителем адыгской армии.

Конечно, тфокотли — большая, грозная сила, рассуждал Сафербий. Я боялся, что они не поддержут меня, станут упрекать за поступок Карбатыра, но они оказались мудрее. Но и без князей, без дворян не обойтись, а они тоже все разные, по-разному относятся к тому, что я начал делать. Одни просто удивлялись, дескать, чего человеку не сидится зачем ему эта суета, да еще и небезопасная. Другие делали вид, будто ничего не видели и не слышали. Убыхский князь Берзедж вот таким образом промолчал. Джимов высказал свое недовольство. И князь Хаджемуков будто в рот воды набрал. Хан-Гирей хитрит, несколько раз присылал вести — разные, противоречивые. А вот в Шапсугии все одобрили, не нашлось человека, который был бы против или в чем-нибудь сомневался. Это хорошо, спасибо им за поддержку.

Сафербий за весь прошедший месяц не помнил такого дня, чтобы вот так тревожили его разные мысли, как сегодня. Он не замечал свежевыпавшего пушистого снега, тихого, сияющего чистотой утра и ласкового солнца,

поднимающегося из-за горизонта. Он явно кого-то ожидал: лишь только раздавались чьи-нибудь шаги, поворачивал голову, прислушивался.

Уже к полудню чуть ли не выходил из себя — его одолевали сомнения, различные подозрения, которых раньше не было. Уж больно долго они тянут с ответом, думал Сафербий. Карбатыр несколько писем прислал, и вчера от него весточку получили. Часть, в которой он служит, прибудет в наши края. Однако если из Тифлиса сюда придет армия, выходит, из моих усилий ничего не вышло, моя затея провалилась? Мало того, слышно что и из Ставрополя собирается прислать сюда войско. И это не просто разговоры, это точные сведения, которые передали мне из Бжедугии и Асланбек Хаджемуков и Хан-Гирей. Вот какие дела, вот как они закрутились. А тут еще Газар куда-то запропастился. Он что думает, если Карбатыр надел погоны российской армии, то стал русским?! Нет, это всего лишь залог, я жду ответ, который они мне дадут, обязаны дать...

Сафербий вдруг начал понимать, сердцем ощущать, что Карбатыр отдаляется от него, как бы ускользает из отцовских объятий. Так ведь можно и вообще его потерять! Как ему понравилась офицерская форма, как вдруг возгордился он своим новым положением. Молодость — горяча и неразумна! Ей хочется летать в высоких небесах, а не ходить по грешной земле.

Ничего, успокаивал себя Сафербий, даже если не удастся мой замысел, если Россия захватит Черкесию, то Карбатыр будет связующим звеном между русскими и адыгами, а это может оказаться так кстати. Тяжелее тогда придется Хаджемуковым, Болотоковым, Берзеджам, Цеям, Джимовым, у них не будет никаких связей, ни с кем и ни о чем они не смогут договориться, а Заны — вот они, опять впереди! Впрочем... Русский царь ведь тоже из князей, из древних русских князей... Князья договорятся, помирятся, а вот Черкесия, что будет с нею?!

Сафербий не смог дольше сидеть дома.

Тихо во дворе, все находилось в некой полудреме, но вышел на крыльцо хозяин и, будто по команде, возникло движение: кто-то выгребал из коровника навоз, кто-то гулко рубил дрова, двое, тут же возникшие, стали разносить скотине корм, еще двое расчищали дорожки от снега.

Сафербия это раздосадовало и рассмешило: ах, плуты, ах, лодыри! Ни к кому не обращаясь, а как бы в пространство крикнул:

— Эй, позовите тфокотля Трама! Да быстро, быстро!

Не было ему покоя и тут под веселым небом, на пушистом белом и чистом снегу. Тепло одетый, он вышел, чтобы оседлать коня и отправиться в путь. Надо было скомандовать и ему подвели бы коня, а он зачем-то послал за Трамом.

Рассердился князь на себя, взмахнув плетью, ушел в дом. Снимая полушубок, вспомнил, что вчера послал Трама в Бжедугию. Опять надел полушубок. Вышел на крыльцо, крикнул тфокотлю:

— Приведи коня! Быстро! Что ты, как сонный!

Когда кто-то вызвался сопровождать князя, он приказал:

— Не надо! Когда вернется тфокотль Трам, пускай скачет к поляне Белых Камней.

Все дворовые были очень удивлены поведением князя, не могли понять, куда направляется их господин, да и сам Сафербий не смог бы, пожалуй, толком ответить. Был он, казалось, растерян, озадачен, и даже по тому, как держался в седле, было видно, что одолели его нелегкие думы.

Словно бы в забытье скакал Сафербий. Не заметил, как миновал поляну Белых Камней, как проскакал берегом моря в сторону Анапы, как оставил по правую сторону Чилеж, не слышал ни храпа, ни цокота копыт своего коня, ни вороньего грая над головой.

Одна за одной, возникая казалось бы ниоткуда, шли мысли, пронизывали сердце, жгли голову. И как сходятся в одной точке лучи, так и они сходились в одной болевой точке — в мысли о Черкесии, о ее беде.

И пеший, и конный разве могут угнаться за полетом мысли, за движением сердца — своенравным и вольным, часто непредсказуемым. Вот и сейчас Сафербий вдруг задал себе вопрос: почему, в отличие от всех князей и дворян Черкесии, именно я должен болеть тяжкой болезнью моей родины, почему я один среди них? В эту самую минуту, когда взвихрился в нем этот вопрос, до него докатился и могучий гул морского прибоя. Вдали замаячили дома Анапы.

И еще один гул, сзади — топот скакунов. И тут же среди всадников узнал коменданта крепости Анапы Вышеславцева.

И как бы рассеялся туман мыслей, окутавший Сафербия. В самом деле, куда он едет, зачем, что скажет Вышеславцеву. Да-да, решил он, скажу, что еду к сестре в Барауг, кстати, и поворот уже рядом. Ну а что я, князь, еду один? Здесь не единожды видели меня разъезжающим в одиночестве... Аллах милостивый, неужели я теряю рассудок?

Спокойнее стало биться сердце, прохладный ветерок со стороны моря остудил разгоряченные виски. Конь ровнее пошел, поспокойнее, видно, почувствовал как изменилось состояние хозяина.

Хорошо, что мы случайно встретились с комендантом, хорошо, что не надо топтаться у его порога, ожидая приема. Здесь и поговорим, увижу, что он знает о моих делах. Если и не скажет об этом откровенно, как бы он не лукавил, пойму по его глазам. Знаю я тебя, знаю уже не первый день, приятель... Если он остановится и скажет: «Добро пожаловать», встретит с открытой душой, стало быть, есть добрые вести. А если, бросит мимоходом «В час добрый», стало быть, нечего ждать хорошего. Благослови, Аллах!

По закону вежливости Сафербий попридержал коня.

Вышеславцев — тоже.

Узнав Зана, подал своим знак остановиться:

— Кого я вижу! Князь Зан! — Вышеславцев не стал спешиваться, а просто подъехал ближе к Сафербию, запросто, дружески. Сопровождающие его всадники стали за ним.— Получается, князь, мы на черкесской земле только и можем встретиться случайно, на дороге. Не годится это, князь, совсем не гоже.

— Что поделаешь, ваше превосходительство, так получается, но и это не худшее, что бывает с нами.— Сафербию стало приятно, что генерал был так приветлив с ним: забрезжила впереди надежда, как бы улыбнулась издалека. Он подчеркнуто вежливо продолжил: — Это вы нас забыли, ваше превосходительство, будто дороги в наши кунацкие травой позаросли, будто мы негостеприимны. Вы же знаете, у нас говорят — гость в доме, счастье в доме... Может, вас напугали наши непослушные тфокотли?

— Конечно, это тоже не исключается. Знаем, знаем, что мы черкесам не по душе. Не так чтобы очень, но все-

таки. Нечего таиться, надо прямо сказать, что они бывает нападают на нас, устраивают стычки. Думаю, князь, надо нам искать мира между собою, как говорят, надо находить общий язык для разговора. Впрочем, что ж это мы, встретились, давно не видевшись, и будто не можем просто, дружески поговорить, обрадоваться друг другу. Добро пожаловать, князь, добро пожаловать.

— Благодарю, ваше превосходительство,— но я должен ехать. Был очень рад повстречаться с вами, увидеть вас в добром здравии, но впереди у меня дорога, ее надо осилить.— Сафербий и в самом деле был рад вот такой встрече, он подумал, что его желание сбывается. Ничего, все равно вы не оставите меня без вести, пришлете нарочного и вручите ответ. Обязательно так и будет, подумал Сафербий мельком и потом продолжил: — Сестра моя немного приболела, я обязательно должен у нее побывать. Это недалеко, в ауле Бараут.

— Надо, конечно, навестить больную сестру, но вы, князь, стоите у наших ворот, и грешно, коли не заглянете к нам. Мы, русские, тоже гостеприимны не меньше адыгов, вы это знаете.

— Согласен, ваше превосходительство, все верно говорите, но больной человек — это наша первейшая забота, наша, как говорится, святая и неприложная обязанность помочь ему. Так что не обессудьте. Думаю, не в последний же раз мы с вами видимся. Счастливого пути, генерал.

Тронул коня Сафербий в сторону Бараута.

— Князь, что же вы ничего не сказали о своем сыне, как дела у Карбатыра? — вслед Зану сказал Вышеславцев.

Оглянулся Сафербий, не без лукавства улыбнулся:

— Полагаю, ваше превосходительство, вы о нем должны лучше знать, ведь он — офицер русской армии. Я только вчера получил от него письмо. Пишет, что собираются передислоцироваться к нам поближе.

Приятно было Сафербию, что Вышеславцев заговорил о Карбатыре, приятно было ему вот так ответить. Понравилось у Сафербия Зана настроение. Стало так легко, будто он сбросил с плеч тяжелую ношу, будто у него за спиной отросли крылья. И мысли у него тоже стали легкими, крылатыми. До самого Тифлиса взлетели и, теперь

он с Вышеславцевым, считал доброй вестью оттуда. И дальше, выше взвилась его мысль — в Санкт-Петербург, к русскому царю, который тоже, конечно, поддержит Сафербия. И князь Зан своим сердцем будто обнимает всю Черкесию от Черного моря до Кабарды. Удивляется, как же это они жили до сих пор без единого своего государства, без знамени, без мудрого и сильного правительства? Кто виноват в этом?

По тому, как меня встретил генерал Вышеславцев, сразу видно, что мои страдания и усилия не пропали даром, думал Сафербий. Если бы из Тифлиса не пришел добрый ответ на мое обращение к царю через наместника Кавказа, генерал-фельдмаршала Паскевича-Эриванского, то генерал Вышеславцев не стал бы так любезничать со мною. Как он был приветлив, уважителен, даже почтителен! Не пропали мои усилия, не оказались в туне. Значит, прав я был, прав в своей настойчивости, даже упрямстве, защищая родную землю, ее славу, благополучие и мир! И потом, разве можно ставить на одну доску меня и Хан-Гирея?! Нет, об этом даже говорить нечего, и русский, мудрый царь сделал для меня то, в чем отказал Хан-Гирею, ногайскому отпрыску. Да-да, не может быть никакого сомнения, что генерал Вышеславцев разговаривал со мною, как с великим князем Черкесии. Он даже не хотел отпускать меня одного в Бараут, хотел послать со мной своих провожатых, троих всадников, но я отказался. Ничего, ничего, генерал, ты станешь у меня шелковым...

Когда Вышеславцев со своими спутниками скрылся за холмом, Сафербий повернул коня на Куматыр, дал шпоры и... только веселый, упругий ветер навстречу, только стремительная счастливая дорога да ближние и дальние горы, да высокое небо!

На том же самом коне, по той же самой дороге скакал счастливый всадник, а не человек, понуро ехавший, сам не зная куда и зачем.

Великий князь Черкесии скакал по своей земле. А тут еще и снег, что выпал прошлой ночью, делал все вокруг торжественным, праздничным, сияющим радостью.

Неожиданно из-за горы, навстречу Сафербию вывернулось несколько всадников. Что еще такое?! — с досадой подумал князь.

Это были тфокотли из Куматыра, Чилежа, Бараута. Они вели в поводу коня, поперек которого, будто мешок, лежал связанный казак, в одном исподнем белье, без сапог, без кафтана. Его кудрявый чуб развевался по ветру.

— Откуда вы, и что за человек, этот связанный?! — рассердился Сафербий.

Вперед перед товарищами подался Трам:

— Мы разгромили Шабежскую крепость, зиусхан. Этого казака взяли в плен и везем на наш суд.

Пришпорил коня Сафербий, поднял на дыбы. Кони под Трамом и его спутниками тоже взволновались, заржали.

Налился гневом князь:

— Тебя, тфокотль Трам, куда посылали? В Шабежскую крепость или в Бжедугию?!

— В Бжедугию, зиусхан, но мне повстречались тфокотли, они... Я не мог не поехать с ними,— сказал Трам, прямо глядя в глаза Сафербию. Он еще не остыл от стычки с казаками, вздрагивал всем телом, пламенели его черные глаза.— Не мог, зиусхан!

— А если бы не вы, а они вас,— Сафербий кивнул на связанного казака,— вот так же повезли к своему начальству?

— Нет! — резко возразил кто-то из тфокотлей,— лучше быть заколотым кинжалом или убитым пулей, чем такой позор!

— А если бы...— начал говорить Сафербий и, как бы споткнулся, помолчал, а потом закончил свою мысль: — А если бы в той крепости был поручик Карбатыр Зан? Вы бы и его? Вот так!

Придержал своего ретивого коня Трам, натянул поводья и ответил:

— Каждый, кто идет на нашу землю со злом, несет нам беду и унижение, тот наш враг, зиусхан.

Похолодело сердце Сафербия. Он старался не показать своего волнения, даже страха перед тем, что могло бы случиться, с его собственным сыном. Сдержался: не перечить же этим людям, пьяным от боевого возбуждения, от крови и огня. Негромко сказал:

— Мы стараемся наладить отношения с урысами, а вы уже войну затеяли...

— Они затеяли,— перебил князя тфокотль с перевязанной рукой,— они напали на нас.

— Перестань, тфокотль из Бараута! — вскипел опять Сафербий и опять взял себя в руки, сжимая бока коня ногами, напружинившись весь, чтобы не сорваться.

— Я знаю врагов наших. Знаю... Куда делась одежда этого казака?

Тфокотли, с неловкостью и виноватостью, стали доставать вещи казака. Сафербия больше всего удивило, вызвало смех и возмущение то, что тфокотли из разных аулов возвратили по одному сапогу.

— Тфокотль Трам,— уже успокоившись, приказал князь,— ты сказал, что привезли его на мой суд, так вот — пусть он оденется и возвращается к себе домой. Коня его тоже верните.

Казак быстро, лихорадочно, еще не совсем понимая, что с ним собираются делать, оделся, сел на коня. Понял, что не убивают, отпускают, и благодарно посмотрел на князя Сафербия.

— А оружие, тоже возвратить? — спросил тфокотль с перевязанной рукой, указывая на казачью саблю.

— Мы не можем врагу возвращать оружие,— твердо сказал Трам.

— Хорошо,— согласился Сафербий,— как хотите.

Тфокотли отпустили казака, огрев коня и его самого плетками, улюлюкая ему вслед.

Сафербий остановил коня и сказал тфокотлям:

— Трам и Хапат поедут за мной, а вы возвращайтесь в Куматыр.

Они тронулись. Хапат держался справа от Сафербия, а Трам — слева.

Ехали молча.

Поднялись на холм, спустились с него в мелколесье долины, которое вскоре почти закончилось.

Хапат, наконец, не выдержал и спросил:

— Прости, зиусхан, но я хотел бы знать, куда мы едем?

— Мы едем туда, откуда вы приехали, в Шабежскую крепость.

— Как, зиусхан?! Валлахи, я не поеду туда! — вскричал Хапат.

Трам ничего не сказал, только нагнул голову, сдвинул плечи:

— Я, Хапат, еду туда не ради своего удовольствия. Меня гонит туда необходимость. Надо ехать, если мы не хотим, чтобы завтра пролилась еще большая кровь.

— Так они же, незванными пришли на нашу землю! — вспылил Хапат.— Они к нам, а не мы к ним, вот пусть и получают!

— Остынь немного, а то ведь вода закипит! Зачем на наши головы кипяток. Не надо. Я знаю не хуже твоего, что они пришли незванными, но сначала надо бы спросить турок, почему они нас продали, понимаешь? Продали. Турки!.. Э-э, а ты что насупился и молчишь, Трам? — спросил Сафербий уже другим тоном, ему захотелось немного смягчить этот колючий разговор.

— А что я могу сказать, зиусхан. Ты сказал «поехали», вот мы и едем. Твое оружие — наше оружие, твоя честь — наша честь.

— Погоди,— остановил Хапат Трама,— там, кажется, кто-то плачет, а?

В кустах чагарника действительно кто-то плакал. Подъехав к кустам, конники увидели казака, которого они отпустили накануне.

Удивился Сафербий мужским слезам:

— Что случилось, о чем так горько ты плачешь? Мы же отпустили тебя, езжай домой.

— Как же я вернусь к своим без оружия? Лучше бы вы меня убили, чем такой позор!

Сафербий сочувственно улыбнулся, жалко ему стало парня и он спросил:

— Как тебя зовут, казак?

— Василь. Бутенки мы.

— Значит, из-за позора пролил ты свои мужские слезы. Молодец. Хапат, верни саблю. А ты, казак, не поднимай ее больше на адыгов, но если поднимешь, тогда тебе, и в самом деле, лучше умереть... Теперь поедем вместе в Шабеж.

Поднялись конники на Шабежское взгорье и увидели, что им навстречу галопом неслась казачья сотня. Казаки попридержали разгоряченных коней.

Сафербий в человеке, скакавшем во главе сотни, узнал капитана. Выдвинувшись вперед, он поднял руку, требуя внимания, и обратился к офицеру:

— Господин капитан, я — черкесский князь Сафербий Зан. С вашего позволения явился к вам с повинной. Я приношу свои извинения, сожаление по поводу случившегося, виной которому натухайские тфокотли. Мы возвращаем вам славного казака Василия Бутенко живым и невредимым, мы хотим мира и спокойствия между нами, господин капитан!

— Мира и спокойствия на земле черкесов желаем и мы от всей души, князь.

Капитан и Сафербий поехали навстречу друг другу.

В Шабежской крепости капитан показал Сафербию и его спутникам, что ночью натворили тфокотли. Сгорели сараи и бараки, сгорела камышовая крыша на здании комендатуры, в пепел превратился стожок сена. Валялись во дворе убитая лошадь, застреленная собака.

— Мы каким-то чудом вовремя пришли к ним на помощь, а то и совсем было бы худо нашему гарнизону, не ожидавшему такого коварного нападения. Что делать, что делать, князь! Всеми силами нам с вами надо предотвращать подобное.

Потом адыгов провели в помещение, где лежали трое раненых казаков. Сафербий подошел к каждому из них с легким княжеским поклоном уважения.

Раненые, увидев черкеску, отворачивались, а один из них, когда Сафербий протянул руку, так отшвырнул ее, что чуть не ушиб о грядушку кровати. Сафербий улыбнулся и пошутил:

— Силен ты, братец, силен, чуть руку мне не сломал.

— Какой ты мне брат,— зло покосился раненый,— серый волк в дремучем лесу тебе брат, а не я.

— Не говори так, братец,— все старался умиротворить раненого Сафербий.— Серому волку из дремучего леса все равно кто попадается, он одинаково и меня, и тебя задерет. Ему все равно, что адыг, что русский. А еще я тебе хочу сказать — мой сын Карбатыр служит в русской армии. И не просто служит, он офицер, поручик. Зачем же мы с тобой будем враждовать?

Казаки крайне удивились сказанному. Обернулись к князю, без ненависти стали смотреть на него, даже как бы извиняясь за свою грубость.

Было уже далеко за полдень, когда Сафербий со своими людьми покинул Шабежское укрепление.

Четверо казаков вызвались проводить их до самого дома, но Сафербий отпустил их, как только они отъехали от крепости несколько верст.

Когда крепость осталась за горой, Хапат огляделся вокруг, нет ли чего подозрительного, и потом сказал:

— Если позволишь, зиусхан, я хочу спросить тебя.

— Э-э, Хапат, хорошо, что ты немного успокоился, отдышался. Говори, я слушаю тебя.

— Когда ты протянул казаку руку, не обожгло тебя?

Трам удивленно глянул на Хапата: что он городит?

Сафербий горько усмехнулся, помолчал, а потом ответил:

— Видишь ли, казаки, как и мы, дети Аллаха, одного для всех, живущих в подлунном мире. У них тоже болит сердце, они тоже хотят добра себе и другим.

— А Юсуф-эфенди говорит, тому, кто убьет гяура, тут же открываются ворота рая.

— Это говорит не только Юсуф-эфенди, так же говорят и турки. Слышал я об этом,— уклончиво ответил Сафербий и испытующе посмотрел на Трама, что он думает по этому поводу?

Трам был невозмутимо молчалив...

А спустя время, произошла вот какая история.

Хапату понадобились в хозяйстве деньги, и он решил продать пару молодых бычков. Доброй породы бычки, сытые, уже хорошо ходившие в упряжке. Жалко было продавать, но делать нечего — нужда.

Пригнал Хапат рыжих бычков на базар, что раскинулся на околице станицы над речкой.

Не было тут лавок, магазинов — на лугу стояли повозки: ряд с индейками и курами, ряд с барашками, ряды с пшеницей, кукурузой, с кругами сыра и горшками масла...

На первых порах адыги и русские на базарах становились со своим товаром обособленно, но это оказалось очень неудобно для торговли, и теперь ряды образовывались, как того требовало дело.

Пригнал Хапат бычков и стал высматривать: где продаются быки.

— Здравствуй, кунак! — услышал он сзади себя. Оглянулся, Иван Бутенко, отец казака Василия здоровался с ним.

— Здравствуй, кунак,— смущенно ответил Хапат.

— Ты что, продаешь быков?

Усмехнулся Хапат:

— Если я привел их на базар, стало быть, продавать, а не покупать.

— И то правда. Сколько хочешь за четыре рога, за восемь копыт?

— Чем платить будешь?

— Русские деньги есть. Есть порох, соль.

— А ружье?

— И ружье есть.

— Потом мы с тобою опять встретимся в лесу! — озорно воскликнул Хапат.

Они оба рассмеялись, но смех был горьким. Вскоре и вовсе смолк.

Нахмурился Хапат:

— Давай деньги. Деньги нужны в хозяйстве, а не ружье.

— Так и мне ж бычки — для хозяйства! Пахать, сеять! — обрадовался Иван.

Стали торговаться, и вышло так, что не хватило у Ивана Бутенко денег.

— Слушай, кунак, возьми сапоги. Новехонькие. Первый раз сегодня надел.

— А ты как? — озабоченно спросил Хапат.

— Ничего. Домой босиком дойду, а там у меня другие есть. Старые.

— Нет, это не годится. Не надо сапоги, не надо ружье — бери быков. Что сеять будешь?

— Пшеницу, кукурузу, подсолнухи.

— Я тоже, пшеницу, кукурузу. Бери, сей. Да хранит тебя Аллах! — И так хорошо стало на душе у Хапата, что он даже оглянулся — не слышит ли его кто, не обидятся ли адыги?!

Адыгам некогда было обижаться — они вели торговлю с казаками, армянами, ногайцами.

Оглянулся Иван:

— Как тебя зовут, кунак?

— Хапатом. Хапат я. Что, не помнишь меня? Мы же сына твоего, казака Василя, привозили домой, не помнишь?

— Да как не помнить! — Иван от своей забывчивости немного смутился, а потом на весь базар крикнул: — Дак это вы были с князем, помню! Я же просил кунака Хагура, чтобы вы погостевали у меня. Разве не сказывал он?

— Да, да говорил Хагур,— Хапат тоже быстро нашелся,— приедем обязательно, приедем.

— Приезжайте, рады будем кунакам. В любой день прямо приезжайте в Шабеж. Да хранит тебя Бог, Хапат.

X

Если точно знать, что твои ожидания не напрасны, то можно ждать не только месяц или два, а хоть и целый год.

Сафербий, вероятно, терпеливо бы ждал ответа от генерала-фельдмаршала Паскевича-Эриванского целый год, если бы тфокотли не устраивали время от времени дерзкие набеги, вылазки против казаков, не вызывали этим смуту по всей Черкесии. Но что тут поделаешь! И он ждал — то терпеливо, то с некоторым сомнением, то опять с твердой уверенностью. Эта терпеливость особенно в нем усилилась с тех пор, как он повстречался с генералом Вышеславцевым под Анапой.

За минувший месяц в жизни самого Сафербия в сущности ничего особенного не произошло, а по Черкесии колобродили новости. Весть о разгроме натухайцами Шабежской крепости облетела все аулы, и, чем дальше она летела, тем больше обрастала разными небылицами. Говорили, что тфокотлями, напавшими на крепость, руководил сам князь Сафербий Зан. Летала эта небылица, Сафербий слышал ее своими ушами в Бжедугии, в Абадзехии, в далекой Темиргойе. Многие верили в это, так дотошно иногда допытывались у самого Сафербия, что он, рассердившись, говорил — да, было это! А что делать, продолжал в этом случае, если пришельцы насилуют твою родину, из гостей самовольно становятся наглыми хозяевами! Как с ними надо поступать, как обойтись без оружия? Правда, такое случалось очень редко, чаще он рассказывал людям правду.

Короче говоря, все эти новости, небылицы принесли Сафербию известность по всей Черкесии. «Сафербию Зану не занимать мужества — говорили тфокотли, а князья и дворяне сетовали: что он позволяет себе, кто ему разрешил так поступать».

Во всем одобряли тфокотли Сафербия Зана, вот только смущало их то, что его сын Карбатыр стал офицером русской армии, но и это ему в конце концов прощалось: нам важно, как ведет себя сам князь, а не его сын, мы с князем стоим за нашу землю, а не с его сыном, да и неизвестно, что будет с Карбатыром, когда настанет его час, ведь, надев погоны российской армии, не стал же русским, он — адыгский князь.

За этот минувший месяц Сафербий изъездил вдоль и поперек всю Черкесию, а в Анапе не был ни разу, хотя она находилась, как говорится, у него под боком. Не забывал он о ней ни на час, но не мог себе позволить поехать туда без приглашения, тем более, что понимал — скорее всего из его затеи ничего не выйдет. А тут еще эти стычки, их становилось все больше. Как их унять, как утихомирить людей?!

На днях пришло новое известие: адыги и русские столкнулись возле Длиннолесной крепости. Как рассказывали, там разыгралось настоящее сражение — много убитых и раненых с обеих сторон. Позавчера произошла кровавая стычка в Афипсской крепости.

Конечно, в такой обстановке царским войскам было легко оправдывать свое продвижение все глубже и глубже в Черкесию, строить новые крепости, казачьи станицы. А в Убыхии тфокотли Джирандука Берзеджа захватили морское побережье и не позволяют российским судам приставать. Говорят: «На эту землю, пока мы живы, никто не придет».

Странные мы люди, адыги! Вот, видите ли, убыхи сами по себе стоят насмерть, не хотят никого пускать на свою землю. Шапсуги, абадзехи сами по себе, но почему же не все вместе?! О, эти бестолковые головы князей и дворян! У них ведь большая власть над тфокотлями, они должны объединить их всех. Так нет же! Поэтому-то Паскевич и может меня легко обмануть, всех нас, каждого в отдельности... Карбатыр пишет, когда он от моего имени справился в канцелярии графа о нашем деле, ему передали ответ Паскевича: дескать, это дело важное, государственное, с ним нельзя спешить. Но он просто тянет время. Похоже, что они хотят со мной сыграть такую же шутку, как и с

Хан-Гиреем. Да и Карбатыр тоже хорош: мог бы настойчивее беспокоить графа, почаще писать мне, да где там!..

Сафербий теперь все чаще вспоминал о раненом казаке, который зло отбросил его руку, гневные взгляды других раненых, но разве он, князь Зан, виноват в их беде? Более того, и тфокотли не виноваты, Аллах свидетель в их правоте — они защищают свою землю, свое человеческое достоинство. То, что сейчас делают тфокотли, думал Сафербий, это мелочь по сравнению с тем, что может быть, если поднимутся все и дадут волю своему гневу!

Надел Сафербий теплый бешмет, подпоясался веревкой. На голове — лохматая овчинная шапка. За поясом — топор. Любил иногда вот так одеться по-крестьянски, простецки вести себя с дворовыми. И это было не притворство, а потребность, ведь было давнее-предавнее время, когда его предки были, наверно, и пастухами, и дровосеками, и кузнецами, а лишь потом силой своего ума, мужества, хитрости поднялись до княжеского отличия. Должно быть, от древних предков ему достались доброта, чувство справедливости, уважения к каждому человеку, должно быть, за это и уважают его не только крестьяне в Натухае, но и из других мест.

— Ну-ка, запрягайте сани, поедем в лес по дрова! — кликнул князь Сафербий и сам вместе с ними выволок из сарая сани, запряг лошадей, постелил соломы и пошел открывать ворота.

Из конюшни вывели его оседланную верховую лошадь, и он сказал:

— Привяжите ее к саням. Садитесь. Двое и ты, Хапат, садись, будешь третьим. Еду не забыли взять?

— Стоит ли, зиусхан? Мы же не надолго едем, потерпим.

— Не глупи, Хапат. Холод да голод нас могут быстро в лесу скрутить. Живо на кухню!

И тронулась пара быстрых рысаков. Взвихрился под полозьями саней, из-под копыт лошадей белый летучий снег!

У поляны Белых Камней дорога раздваивалась. Сафербий сказал:

— Сворачиваем в абадзехский лес, далековато до него, зато дрова там — уж, какие дрова! А ты что, Хапат, молчишь, чего насупился или утро не радует?

— Радует, но о чем говорить, зиусхан?.. Все думаю, что с нами случилось в Шабеже. Все думаю, думаю.

— Если тебе есть о чем думать, Хапат, значит, ты настоящий и умный мужчина. Так сказал бы тфокотль Трам, если бы был сейчас с нами.

— Валлахи, зиусхан, даже не знаю, что на это ответить. Я не из тех, кого называют настоящими, умными мужчинами. Когда человек слишком много думает, это тоже нехорошо.

— Не говори так, Хапат, не жалей о том, что думаешь много. Нам, адыгам, нынче есть над чем подумать, над чем ломать свою голову. Вот только не все это понимают, а некоторые просто думать не хотят, судят обо всем, будто рубят с плеча. Каждый шаг, прежде чем сделать его, требует мысли, чтобы не шагнуть в пустоту. Мы сейчас пытаемся так повернуть нашу жизнь, чтобы она из немирной стала мирной, а что получается? Как тут не будешь ломать голову...

Говорил Сафербий, а перед его взором стояли шумные кунацкие князей и дворян, бестолковые, крикливые собрания тфокотлей. Анапа, Керчь, Екатеринодар... Далекая Турция и... Тифлис. Блестящий русский поручик — Карбатыр Зан. Черкесский князь при золотых русских погонах, его, Сафербия сын... Больно стало князю, такой болью зашлось сердце, что он с трудом перевел дыхание. Чтобы отвлечься от этой тяжести, от боли душевной, обратился к Хапату:

— Значит, говоришь, слишком много думать — это нехорошо? Говоришь, можно и умом тронуться?.. Однако что это за верховой? Не там, со стороны Анапы.

— Я не вижу никакого верхового, зиусхан.

— Правда? Посмотри-ка внимательнее. Ну?

— Ничего не вижу,— напрягаясь зрением, сказал Хапат.

— Значит, мне показалось. Тогда заводи песню о Хатхе Магамете доблестном. Запевай, а то замерзнем!

— Князья не любят эту песню, зиусхан.

— Не любят, что о них поется? Мы тоже много говорим такого, что очень не нравится тфокотлям,— возразил Сафербий и глубоким, грудным голосом запел о Хатхе Магамете, о мужественном тфокотле, о его благородстве и справедливости.

Хорошо пели, душевно.

Грустная, печальная это была песня. Печально она ложилась на заснеженные поля, вздымалась к зимнему, низкому небу.

А вот и лес. Уже в лесу допели песню, остановились.

— Видишь, как славно мы пели, Хапат, а ты не хотел. Душу мы отвели, душою воспарили. Прекрасная песня, что бы не говорили князья и дворяне о ней... Погоди-ка! Или мне опять кажется? Вон там! Всадники, а?

На этот раз не показалось Сафербию — у подножия холма стояли три всадника. Двое казаков в красноверхих кубанках, а третий — в черкеске.

— Руфат, что ли? — воскликнул князь в крайнем удивлении.— Да это Руфат Некрас!

Казаки, увидев лесорубов, ускакали. Руфат тоже — скрылся в лесу.

— Коня мне, быстро, быстро! — в отчаянии воскликнул князь. Сафербий сразу увидел след Руфата: погоня была недолгой, редкой резвости был конь князя Зана. — Э-гей, Руфат! Стой! Стой, тебе говорят!

Не сбавляя хода, услышав свое имя, Руфат оглянулся. Не узнал князя, облаченного в крестьянскую одежду.

— Остановись! Это я, Сафербий Зан!

Остановился Руфат. Повернул коня и пошел навстречу князю:

— Что ты здесь делаешь? — ожег взглядом Сафербий Руфата.

— Да так... Было одно дело,— вяло ответил Руфат. — У каждого свои дела, свои секреты...

— Секреты. Может, ты по секрету и адыгскую землю продаешь?

Залился краской гнева Руфат, с трудом сдержал себя, чтобы не ответить на оскорбления:

— За что меня обижаешь, зиусхан... Разве абадзехские Некрасы были когда-нибудь подлецами, предателями?

— Тогда почему ты тайно встречаешься с казаками?

— Отцу поручика русской армии не пристало задавать мне такие вопросы...

Тогда Сафербий догадался в чем дело...

— Чем встречаться с казаками в лесу, лучше пригласил бы их к себе в дом. Это было бы по-людски.

— Ты же знаешь моего отца, Сафербий,— смягчился и Руфат, назвав князя по имени.— Он этого не позволит.

— Если ты, в самом деле, хочешь поступить в русскую армию, вовсе не надо прятаться, к добру это не приведет и толку никакого не будет. А что касается твоего отца, я могу поговорить с ним. Если ты не возражаешь.

— Спасибо, но... об этой моей сегодняшней встрече не надо отцу говорить... Прошу тебя... А как дела у Карбатыра?

— Я давненько от него не получал письма. Думаю, с помощью Аллаха у него все хорошо.

Вернувшись к тфокотлям, Сафербий скрыл правду от них:

— Думал, это Руфат Некрас, но ошибся. Так и не смог его догнать. Ускакал, дьявол, в сторону Бжедугии...

Руфат был в семье Некрасовых любимчиком.

Первой радостью молодой семьи была девочка. Когда старому Михаилу Некрасову сказали, что у него родилась внучка, он велел дать ей имя Гошпак. Не понравилось это имя Самай и Тиму, но что делать — старший сказал, значит, так и будет. Только и посмела осторожно возразить бабушка Лиза:

— Можно было бы подыскать девочке имя и покрасивее.

— Гошпак — славное имя, истинно адыгское. А ты как бы хотела?

— Думаю... Может, Галя?

— Э-э, Галя, — сморщился Михаил,— не забывай, что мы живем среди адыгов. Да и сами мы с ними уже сроднились, кровь наша русская слилась с черкесской. Нам теперь невозможно отказаться от этого родства. Да и не нужно. Их счастье — наше счастье, их беда — наша беда. Конечно, никто не осудит, если наречем девочку Галей, но... зачем нам выделяться, зачем напоминать им про нашу русскую кровь, про наши русские обычаи. Не надо!

Спустя время, родился мальчик, и опять дед Михаил не стал ни с кем советоваться, назвал внука Руфатом. Теперь баба Лиза не стала ничего говорить, а про себя назвала внука Романом, Ромой.

Когда у Тима родился третий ребенок, девочка, дед сказал, улыбаясь Лизе:

— Валлахи, старая, теперь ты нареки эту внучку, как тебе хочется — хоть русским, хоть черкесским именем.

— Мария! — заявила баба Лиза.

— Так тому и быть,— утвердил дед Михаил.

Хоть девочек баба Лиза любила и холила, но по-настоящему прикипела сердцем к Руфату. Да и мальчишка, чувствуя своим детским сердцишком эту любовь, отвечал ей тем же: у него только и было на языке — нана Лиза. Куда бы бабушка не шла, Руфат, будто на привязи, шел следом за нею. Лет с восьми спал с бабушкой на кровати «валетом», а когда стало им тесно, когда подрос мальчишка, ему поставили койку рядом с бабушкой. Как говорят, до усов и бороды он спал в комнате наны Лизы. Не было у Руфата вечера, чтобы бабушка не поговорила с ним по-русски, не рассказала про Ивана-царевича и Василису Прекрасную, про доброго Ваню-дурачка. Обязательно рассказывала бабушка и адыгские сказки: пока он спал в комнате бабушки, у него висел на шее серебряный крестик. Он видел, как нана Лиза вечером перед сном доставала из сундука икону и говорила перед нею слова и не по-русски, и не по-адыгски, крестилась, полузакрыв, а то и вовсе закрыв глаза. Со временем Руфат стал понимать, что такое икона, что такое молитва и крестик на его шее, тайком от отца и деда стал вместе с наной Лизой молиться, выучив наизусть «Отче наш».

Надо еще и то сказать, что русский, православный взгляд на окружающее не мешали мальчишке впитывать в себя и адыгские обычаи, знать язык, слушать Юсуфа-эфенди. Выйдя из бабушкиной комнаты во двор, а там и на улицу, Руфат становился заправским адыгским мальчишкой: аульская речка, аульская детвора, адыгские сады и леса, мусульманские мечеть и кладбище — все это принадлежало ему, все это он любил той же любовью, что и бабушкины сказки, песни, как «Отче наш», как русский язык. Да и дома то ли за столом, то ли в разговорах, в поле за работой — во всем в семье Некрасов главными были обычаи адыгов. Однако обычаи обычаями, слова словами, а душевная глубина — сама собою. Тайком впитанные русские, православные мысли, их глубинное значение, сам русский дух с годами все больше брали верх в душе Руфата. Чем взрослее он становился, тем больше задумывался над своей судьбой, над судьбами Некрасов. В душе Руфата все чаще стала возникать раздвоенность, особенно она стала требовать решительного ответа в нынешнее время, когда так усложнились, так обострились отношения между Черкесией и Россией. А тут еще княжеский сын, родовитый адыг Карбатыр Зан пошел служить в русскую армию. Как Руфат завидовал ему! Если Карбатыр служит, надел погоны, дал присягу на верность России, то как же ему, Руфату, русскому человеку не любить своих единокровных братьев, не думать о далекой России.

Весной прошлого года произошло и еще одно событие, которое сильно повлияло на настроение Руфата, если угодно, то на его судьбу.

Отец взял его в Анапу.

Всякая новая дорога для юноши всегда привлекательна, это и новые впечатления, и даже открытия. А тут — Анапа! О ней так много говорили в последнее время, спорили. Да еще к тому же — это крепость русских. Случилось так, что Руфат у порога дома адмирала Серебрякова испытал небывалое необъяснимое волнение. А как же — дом русского генерала. Но самое важное событие для него было впереди.

Он увидел Груню, шестнадцатилетнюю девушку, жившую в доме адмирала служанкой.

Кто скажет, кто может сказать, кто имеет право сказать о тайне любви? Как она возникает, как рождается в самых сокровенных уголках сердца?

Увидел Руфат Груню, и сердце сказало — это она.

Ничего ему не хотелось, только посидеть бы с нею, поговорить по-русски, посмотреть на нее — русоволосую, голубоглазую, беленькую.

Но разговора с Груней, близкого знакомства не произошло. Только через год — Руфат весь год не забывал ни ее глаз, ни ее улыбки — ему удалось, наконец, поговорить с Груней, немного погулять в адмиральском саду, совсем немного, но этого времени хватило, чтобы Руфат и Груня поняли, что любят друг друга.

Руфат, как на духу, во всем признался нане Лизе.

Прослезилась баба Лиза, до того взволновалась новостью, что не смогла ничего сказать — только перекрестила Руфата, мол, благословляю.

В тот день, когда лесорубы увидели Руфата с казаками, он возвращался из Анапы. От Груни...

Ни со стороны Лабы, ни из Бжедугии и Шапсугии в последние недели не приходили добрые вести. Строились новые военные укрепления. Адыги не хотели с этим мириться и нападали на казаков при всяком удобном случае. Нападали дерзко, неожиданно, с выдумкой и сноровкой.

Русских воинов отпевал православный священник, адыгских — мусульманский мулла. Кровь у тех и других была одинаково горячей и алой, слезы у жен и матерей тех и других — одинаково соленые, горькие. Над теми и другими одинаково светило солнце, с восходом желая доброго утра, с заходом — спокойной ночи.

Сафербий понял, что его попытка найти общий язык с царскими генералами во имя всеобщего мира оказалась тщетной. Лишь изредка все реже и реже вспыхивала призрачная надежда — он все-таки получит добрый ответ из Тифлиса.

На прошлой неделе Субаш поехал в Афипскую крепость на мирные переговоры, в качестве посланника от адыгов. Казаки убили его. Что случилось в крепости, как посмели убить посланца, никто не знает.

Известным и уважаемым человеком был Субаш, друг покойного Михаила Некрасова. Великое множество пришло хоронить Субаша и, когда тело покойного предали земле, вышли с кладбища, решили идти всем миром на Афипсскую и Анапу, чтобы предать их огню, уничтожить вместе с казаками. Но Сафербий Зан и Нурмагомет Хагур поднялись перед свирепевшей толпой на большой камень у входа на кладбище и стали говорить, что нельзя вот так начинать войну.

Шумела, бушевала толпа, и неизвестно, чем бы этот стихийный гнев разрешился, если бы к Зану и Хагуру не присоединились старшины с многих аулов.

— Нечего нам больше ждать! — кричал Тим.— Эти Аллахом проклятые гяуры нарушают самые священные обычаи, убивают нашего посла, а мы должны терпеть?! Позор нам, позор!

С великим трудом удалось унять Тима, успокоить толпу.

«Ты отдал своего сына в услужение гяурам,— вспоминал Сафербий один из разговоров с Тимом.— Вот начнется большая война между нами и урысами, в кого будет стрелять поручик русской армии Карбатыр Зан?!» Кричит Тим, ничего слышать не хочет. Правильно предупреждал меня Хан-Гирей, нельзя связываться с мужиком, нельзя ему позволять вот так запросто, на равных разговаривать с князем, сердился Сафербий, нервно расхаживая по комнате.

От ворот к дому послышались чьи-то быстрые шаги. Прислушался Сафербий, напрягся — может быть, все-таки весть из Тифлиса?

В комнату вошел Трам:

— Я принес, зиусхан, весть, которую ты не ждал.

— Говори.

— Возле Анапы русские корабли высадили войско.

— Как?! — испуганно и возмущенно вскинул голову Сафербий и стал торопливо одеваться.— Откуда войско привезли?

— Говорят, со стороны Сухума.

— Когда?

— Только что, зиусхан. Пять кораблей.

— Из Сухума? Если оттуда, значит прибыл и...— конечно, мысль его была о Карбатыре, но он не рискнул ее высказать, замялся и потом, рассердившись, крикнул: — Ну и что они там! Почему коня не подают!

Выехали из Куматыра и увидели множество всадников, направлявшихся в сторону моря. Вооруженные, что называется, до зубов: кинжалы, шашки, пистолеты, ружья. Из-под шапок адыги смотрели так, будто идут на приступ, вот-вот бросят коней в галоп и понесутся на врага.

Что это, что это?! — билось тревожно в голове князя.— Неужели война?!

На пристани уже полным ходом шла выгрузка.

Духовой оркестр играл бравурные марши. Неподалеку от оркестра стоял генерал Вышеславцев, его офицерская свита, женщины, похоже, жены офицеров.

Солдаты строились на берегу ротами и с офицерами впереди направлялись в крепость Анапу.

Услышав военную музыку, увидев маршировавших солдат, Сафербий вспомнил свою армейскую службу, но это так, мельком вспомнилось, главное же пристально всматриваясь в офицеров, князь искал Карбатыра. Искал с волнением, с душевной болью и раздвоенностью. Ему чудится, что Хан-Гирей, Хаджемуков, Паскевич и Вышеславцев смеются над ним. А Газар Серебряков? Не видно его, а ведь именно он виноват в беде князя Сафербия: почему он сам не обратился к царю, не доказал правильность решения Зана, почему?

Посмотрите, посмотрите, что они делают! Прямо парад устроили! Хотят адыгам показать свою силу? Не зря, ох не зря возмущаются тфокотли... Зачем родитель мой продал эту землю? Если бы не продал, может, и не было бы Анапской крепости. Горемычные адыги, никому-то вы не нужны. Ни Турции, ни России. Вон как они вышагивают, вон как показывают свою силу!

— Глядите, глядите, это же Карбатыр! — воскликнул кто-то из куматырских тфокотлей.

Вскинул голову Сафербий и увидел сына, парадно вышагивавшего впереди своих солдат.

— Он что, тоже будет вместе с ними воевать против нас? — возмущенно спросил кто-то.

Сафербий дал шпоры коню...

Едва Сафербий у себя во дворе слез с коня, как к воротам подъехало двое верховых:

— Зиусхан, Тим Некрас прислал нас узнать, не видел ли ты его сына Руфата? Он уже три дня не является домой.

Князь с горькой досадой глянул на всадников, дескать, будто у меня своих забот мало?

Хмурясь, пошел в дом и через плечо бросил:

— Никуда не денется ваш Руфат, а если Тим Некрас хочет знать, где находится его сын, пускай спросит у казаков Шабежской крепости.

XI

Сердит, гневен был князь Сафербий, из-за всякой мелочи придирался к дворовым, ко всем своим домашним, и, главное, не замечал этого за собой, только дня через два

или три он понял это, старался держать себя в руках, но расходившееся сердце не так просто было успокоить.

А вообще-то, Сафербий хорошо понимал, что обижаться ему, злиться надо только на самого себя. А на кого же еще? На генерала Паскевича, на Вышеславцева или на Серебрякова? Но разве они решают такое важное дело? Нет, думал он, тут бери выше: верно говорят, кто завязывает полный мешок, тот и хозяин, только он. Мое дело может решить только царь, один он. Глупец я, глупец, сам отдал собственного сына в русскую армию. А теперь вот сиди, жди — не отпустят ли его хоть на денек-другой домой на побывку. Хочется повидаться с ним. Да и жена Бабура все уши прожужжала. А что делать — мать. Уж если я, мужчина скучаю, то как матери не скучать. Карбатыр тоже хорош, ладно, не едет, не хозяин он сам себе, но весточку мог бы передать... Валлахи, не пойду же я их просить, не унижаться же мне перед ними. Нет и нет!

В комнату, бесшумно открыв дверь, вошла Бабура.

— Если ты опять насчет Карбатыра, ради Аллаха прошу, не трогай меня,— резко бросил Сафербий, багровый от выпитой бузы.

— Зачем ты так, Сафербий,— обиделась Бабура.— И без этого сердце изболелось. Нельзя же сидеть, сложа руки, не зная, что с нашим сыном.

Обиделась на мужа Бабура, но не столько из-за его грубого тона, сколько оттого, что он уже который день все пьет и пьет бузу.

— Нельзя сидеть, сложа руки,— повторил слова жены Сафербий и спросил: — Что же ты предлагаешь мне? Скажи, дочь Тариковых.

— Поедем сами к Карбатыру, все там узнаем, повидаемся с ним. Спросим, почему о себе не дает знать?

— Повидаемся,— криво усмехнувшись, сказал Сафербий,— а если он не захочет нас видеть, а? — сказал и отпил из кружки бузы, смачно причмокнув.

— Что ты говоришь, Сафербий! — испуганно проговорила Бабура.— Разве может так поступить наш сын.

— Как знать. Наш сын офицер царской армии.— Он еще отпил бузы, опять смачно почмокал губами и похвалил жену: — А ты мастерица делать бузу, дочь Тариковых. Славная буза.

— Лучше бы мне совсем не уметь ее делать. Ты все пьешь и пьешь, поговорить с тобой некогда. Что случилось, что? — смягчилась Бабура.— Может, тебя кто обидел?

Столько лет прожила Бабура с Сафербием и ни разу не видела его вот таким. Столько лет вместе и не единого разочка он не только грубым словом, даже неласковым взглядом ее не обидел. Конечно, жизнь состоит не из одних лишь праздников, и все-таки с каким бы тяжелым сердцем Сафербий не приходил домой, всегда находил для Бабуры и ласковую улыбку и доброе слово, и шутку. Сколько кунацких принимало Сафербия, сколько пиров повидал он, сколько выпил вина, русской водки, но чтобы от спиртного бывал вот таким, как эти последние дни, размягченным, безвольным, сердитым? Нет, таким Бабура его никогда не видела.

Что с ним, подумала Бабура, он, наверное, что-то скрывает от меня. Может, с Карбатыром приключилась беда?

— Аллах упаси тебя, Сафербий, если ты что-нибудь нехорошее скрываешь от меня о Карбатыре...

— Ничего не случилось с твоим сыном! Здоров, погоны золотом блестят на его широких плечах! Ты знаешь, что я сделал, дочь Тариковых, а?

— Аллах упаси! Что ты сделал?! Говори!

— Ты видишь мои руки, вот эти руки, дочь Тариковых?! Этими, своими руками я отдал нашего сына в русское войско!

— Э-э, Сафербий,— Бабура сокрушенно покачала головой,— а разве я тебя не предупреждала, разве я тебя не просила, князь, но ты меня не послушался, а теперь...

— Не послушался,— распрямил плечи Сафербий,— ты носишь на голове платок, как я мог тебя послушаться...

Сафербий вспомнил свою поездку в Тифлис, разговор с графом Паскевичем, вспомнил, как выматывали его душу и сердце бесконечные ожидания ответа на его предложения, на его план, вспомнил, как он хотел примирить тфокотлей с русскими солдатами, с казаками, вспомнил, как разгружались корабли, как вел своих солдат поручик Карбатыр Зан, и едкие до страшной сердечной боли словечки тфокотлей о его сыне, и о нем самом — вспомнил и тяжело вздохнул, ничего не ответив жене.

— Пусть ты тогда меня не послушался, это уже ушло, его не вернешь, не поправишь,— заторопилась Бабура,— но хоть теперь послушайся... Не надо тебе больше пить, прошу, Сафербий, нехорошо, если тебя таким увидят люди.

— Ты так считаешь, дочь Тариковых,— Сафербий отставил пиалу с бузой.— Хорошо, хотя бы в этом послушаюсь тебя.

— Послушайся, послушайся, и давай поедем к Карбатыру. Завтра. Он так обрадуется нашему приезду.

— Куда поедем? К мужикам? Довольно, я уже наездился к ним!

— Мы не к ним, мы к сыну поедем,— упрашивала Бабура.

— К сыну, говоришь? А разве у меня есть сын?

Бабура не выдержала, слезы брызнули из ее глаз:

— Что ты говоришь! Ты с ума сошел! О Всемилостивый Аллах! Сафербий, опомнись. Пожалей хотя бы меня.

— Перестань, женщина. Ты же знаешь, я терпеть не могу слез, перестань, я все сделаю. Поедем, завтра же поедем к сыну. Успокойся, и пить этого зелья больше не хочу. Не хочу! Даже если просить буду, не давай. Ну перестань, зачем ты льешь слезы передо мной. Нехорошо это, нехорошо.

Успокоенная Бабура ушла.

Сафербий отодвинул к двери анэ и стал прохаживаться по комнате, однако это оказалось не простым делом — ноги были тяжелыми, не слушались.

Пришлось сесть.

Нехорошо, нехорошо так напиваться, подумал он осуждающе. Надо в этих делах женщин слушаться. Если бы послушался Бабуру, крепкими бы были ноги и голова не кружилась. Надо что-то делать, куда-нибудь пойти... Может, прогулять коня? Он совсем застоялся.

Подошел к окну. Глазам стало больно — так ярко горел на солнце снег.

Корова у соседей замычала, ей отозвалась другая. Отрывисто залаяла собака.

Это соседские коровы ревут. Голодные. Наши сыты. Тфокотли Трам и Хапат хорошо следят за хозяйством. Молодцы... Хорошо бы проехаться на коне. По солнышку, по ветерку, но как выйдешь, если ноги подгибаются. Это же надо, так напиваться. Какой-же ты глупец, князь Са-

фербий Зан. «Мы мужчины, мы мужчины», а вот послушался бы женщину, не пил бы столько, не мешал бы бузу с медом, не пришлось бы теперь стыдиться самого себя.

Сафербий отошел от окна, неторопливо приблизился к анэ, допил бузу... Е-во-вой, наверно, ни с кем никто так по-хамски, как со мной, не поступал. Впрочем, с Хан-Гиреем обошлись не лучше, тоже обвели его вокруг пальца, можно сказать, осрамили. Да и не только с ним. Они — мастера обманывать. Да и что такое я? Если бы они обидели только меня одного, а то ведь всех адыгов, всю Черкесию! Пусть мы меньше числом, чем они, но разве мы не народ, разве мы не пашем и не засеваем землю, не растим детей, не радуемся солнцу и дождю, не поем своих песен? Неужели мы не народ, а сорванный с какого-то неведомого дерева лист? Но это неправда. Знают нас не только соседи, но и далекие англичане, французы, немцы, итальянцы, арабы и даже в Индии знают. Да пусть никто не знает, но ведь мы тоже зовемся людьми, живем на своей земле! О-о, как они скоро забыли, что их великий царь Иван Грозный был нашим зятем[1]. Выходит, зря мы охраняли российские границы от крымского, астраханского хана. А теперь, потому что их больше, потому что они сильнее — решили нас подмять, не считаясь с нами. Они называют себя православными христианами, поклоняются Богу, который создал землю, всех людей на этой самой земле, как они говорят, детей своих. А получается — неправда.

— Эй! — крикнул Сафербий.— Позовите мне Хапата!

Пришел Хапат.

— Звали, зиусхан?

— Звал, Хапат... Иди-ка сюда, садись со мной рядом.

Хапат был очень удивлен, он никогда хозяина таким не видел и теперь топтался у двери в нерешительности:

— Я постою, зиусхан.

— Нет! Я сказал: иди садись. Хватит с нас этого — князь, тфокотль, муртазик. Садись! В такое лихое время надо бросать нам эти церемонии, надо становиться ближе друг к другу.

— Нет, зиусхан, нет. Нельзя нарушать обычаи народа. Если разрушишь обычаи народа, что останется от него самого?

[1] Мария Темрюковна, жена Ивана Грозного, была дочерью адыгского князя.

Удивился Сафербий, улыбнулся:

— Ишь ты — мудрец. Ничего не случится дурного, Хапат. Если я сказал садись, значит садись. Обычаи нашего народа, адыгская честь, конечно, превыше всего. Ты прав: если разрушишь обычаи, традиции народа, значит, погубишь сам народ. Но ты забыл и такие слова наши: кто попросил тебя, тот потом не осудит.

— Валлахи, зиусхан, я просто не знаю, как быть...— Хапат отошел от двери, подошел ближе к Сафербию.— На тахту рядом я все-таки не сяду, вот здесь, напротив сяду. Если кто-нибудь увидит, что я сижу рядом с зиусханом, о, нехорошо это!.. Я слушаю, зиусхан.

— Хапат, давай-ка мы споем с тобой так, чтобы те, кто услышат, позавидовали нам.

— Валлахи, зиусхан, не знаю... Как скажешь, но... средь бела дня? Надо работать, я ведь еще не у правил скотину. Услышав песню, что скажут дворовые, не назовут ли нас бездельниками? Не знаю, зиусхан, как скажешь...

Сафербий уважительно посмотрел на Хапата:

— Ты, пожалуй, прав. Может и побоятся назвать вместе с тобою и своего князя бездельником, но если назовут, будут правы... Если бы ты знал, как мне хочется спеть. Давай, тихонько, совсем тихо. Вот эту, старинную нартскую.

И Сафербий вполголоса, задушевно запел: «Моя сабля, ой, дуней, словно зуб собаки, ой, дуней, текло по ней много крови всякой. Вдаль смотрю я: ой, дуней, у берега река видней, сорок черных кораблей, ой дуней, плывет по ней. К каменистым берегам черные плывут войска, черные плывут войска, ой, дуней, издалека...»

Затаив дыхание, слушал Хапат, а потом, сам не замечая этого, тихонько, тоже задушевно вступил в песню: «А войско на берег крутой, ой, дуней, сгрузилось, на три части, ой дуней, войско разделилось. Скачет войско без дорог во главе с Тотрешем, нашей кровью, если б мог, он себя потешил...»

Сафербий, забыв обо всем, возвысил голос: «Ой, дуней, да есть у нас сын Химиша — Патарез, сын Химиша — Патарез, чьи усы как семь колбас. Чьи усы как семь колбас, а тело слоновье, меч окрасит он сто раз вражескою кровью...»

— Ах, какая славная, какая мудрая песня, Хапат, а?

— И красивая, зиусхан.

— «Нашей кровью, если б мог, он себя потешил...» Многие, многие не прочь потешить себя нашей кровью. Да неужели мы им так и позволим?

— Не позволим, зиусхан,— твердо сказал Хапат,— а вот еще как в народе говорят.— И он заговорил нараспев, речитативом: «Расскажу вам преданье об Айдемиркане. Не слыхали вы более славных преданий! Много песен сложили мы про полководца — столько песен у нас ни о ком не поется!..»

Вступил ему в тон и Сафербий: «Тлепш для храброго витязя выковал меч, предводителя чинтов сразил наповал он. Удалось ему чинтского князя рассечь, вражье войско дрожало пред Айдемирканом...»

— Да, зиусхан, любое вражье войско задрожит перед нашими айдемирканами, если они будут мудры мудростью народа: «Разве есть такая сила, чтоб сплоченных победила? А того, кто одинок бьет и человек и Бог...»

— А это откуда? — удивился Сафербий. Он стал заметно трезветь.

— Это, зиусхан, тоже из старинной песни.

— Прекрасные слова, Хапат. Велика мудрость народа. Во-вий, Хапат, что ты за человек такой! Я не знал тебя таким. Кто научил тебя? Ты покорил меня, и за эту славную победу получишь доброго барашка.— Сафербий крикнул, поднимаясь с тахты: — Эй, кто там! Принесите-ка кувшин бузы. Да побыстрей!

Принес слуга, поклонился и ушел.

— Подними-ка рог, брат мой. И не удивляйся, не смущайся. Ты стоишь этих моих, княжеских слов. Выпьем, брат мой, за нашу древнюю многострадальную Черкесию, за наших отцов, за то, чтобы на нашей земле мы были счастливыми хозяевами, чтобы нас не покидало мужество и народная мудрость, только тогда и будет мир и счастье у нас. Аминь.

— Аминь, зиусхан. Как нам нужны сейчас такие слова, вера в них, иначе пропадем.

— Да, время нелегкое, Хапат. Выпьем.

Выпили. И еще по одному рогу.

Осмелел Хапат:

— Тфокотли в обиде, зиусхан. Говорят, князья сидят, сложа руки, похоже, им нравится, что на нашей земле

хозяйничает чужеземный царь. Еще тфокотли говорят, если так и дальше пойдет, то они сами найдут того, кто поведет их на бой за свою свободу. Извини, зиусхан, если я сказал лишнее или что-нибудь не так.

— Ты все верно сказал, Хапат.— Гнев возгорелся в князе Сафербие, что тфокотли судят князей, своих хозяев, нарушая тем самым один из древнейших законов адыгов. Но сдержался и повел спокойный разговор.— Ничего плохого, тфокотль Хапат, ты не сказал. Сегодня на нашей земле такое время, когда каждый из адыгов обязан показать себя верным сыном своего народа, мужественным и честным, не даром говорится: умри один раз и достойно. Умри, чтобы не быть униженным, если нет другого выхода.

— Тфокотль Трам тоже так говорит.

— Будто и такое говорит Трам: не будем дважды повторять одно и то же, как не обнажают кинжал для дела дважды.

— Говорит, зиусхан. И не один он так говорит, многие говорят. Даже женщины обсуждают это. Правда, тихонько.

— Неужели и женщины?!

— Да, зиусхан, да. «Если вы действительно мужчины, то не позорьте свои усы»,— говорят они.

— А они, эти длинноволосые, такие умницы, разве не знают, что говорили по этому наши предки: не ко времени не обнажай кинжал.

Со двора донесся какой-то неясный шум.

— Эй, что там случилось?! — строго спросил Сафербий, направляясь к двери, которая внезапно распахнулась перед ним, и, забыв о приличии, в комнату буквально вбежал слуга:

— Зиусхан, радость, радость у нас большая! Приехал зиусхан Карбатыр!

— Так где же он, где?! — радостно воскликнул Сафербий, забыв, что был в комнате не один.

— К матери, к княгине зашел, зиусхан.

— Хорошо, что к матери,— улыбнулся князь, без особого стеснения глядя на Хапата: — Не зря говорят, что отец сладок, а мать слаще. Ничего, подождем, когда и к нам покажется. Убери анэ, бузу и проветри комнату,— приказал слуге.— Да побыстрее поворачивайся!..

Ни днем, ни поздно вечером Сафербий не смог посидеть вдвоем с сыном, поговорить. В кунацкой с утра до самого позднего вечера сидели люди. О чем только не говорили: об адыго-русских делах, о Турции и Крыме, о Чечне и Дагестане. Вспомнили Англию, Францию, Австро-Венгрию, но в конце концов все снова и снова разговоры возвращались к Черкесии и России. Разумеется, никто из гостей не догадывался, что творилось на душе у князя Сафербия Зана, как ему хотелось побыть с сыном наедине, ведь Карбатыр, конечно, далеко не все мог сказать гостям из того, что хотелось, что надо было сказать отцу.

Пока у Сафербия было свое тайное дело, он делился лишь со своим сыном. Это было тогда, когда он надеялся на добро со стороны России, на хороший ответ из Тифлиса, из Санкт-Петербурга, но теперь все его надежды рухнули, особенно после того, как в Анапу пришло войско.

Вчера в кунацкой говорили о новом движении российских войск в Екатеринодарской стороне, Прочноокопской, Лабинской. Говорили, что чаще стали появляться корабли возле убыхского побережья. Слушал это Сафербий и уже больше не сомневался в том, что адыги рано или поздно обнажат свое оружие.

И вот наконец отец и сын остались вдвоем.

С тяжелым вздохом князь Сафербий сказал:

— Выходит, зря я отдал тебя под золотые царские погоны. Что же теперь делать, сын мой?

— Валлахи, не знаю, тят,— черные искристые глаза Карбатыра с вопросом обратились к отцу. Он помолчал, а потом твердо сказал: — Как все адыги, так и я. Войска пришли сюда, чтобы утихомирить адыгов, покорить их.

— Думаю, им это не удастся, Карбатыр. Мы не из тех, кого может одолеть страх.— О-о, тут царские генералы могут жестоко просчитаться и потом дорого заплатить за свою ошибку... В России же много умных людей, государственных мужей, почему они этого не понимают? Вот что меня очень удивляет.

— В русской армии есть много умных людей, но, как сказал генерал Вышеславцев, военным не дано заниматься дипломатией, у них свои задачи. Ты же сам был офицером и знаешь это.

— Знаю, сын мой. Конечно и генерал Паскевич, и Вышеславцев, и другие генералы, скажут, не наше это

дело, мы тут ни при чем, но мне кажется, если бы они хорошенько доложили царю...

— Доложили, тят, доложили.

— Ну и что? — вскинулся князь.— Если он турок победил, то считает, будто и нас уже победил?!

Сафербий на какое-то мгновение забыл, что перед ним сидел его сын, увидел только офицерские погоны, загорелся яростью.

Но только на кокое-то мгновение забыл, пришел в себя. Сочувственно и горько улыбнулся Карбатыру:

— Так что будем делать, Карбатыр, с твоими золотыми погонами поручика царской армии?

— Как скажешь, отец. Я хоть сейчас могу не вернуться в крепость.

— Тебе не нравится твоя служба?

— Я не могу этого сказать, отец.

— Тогда зачем же торопишься?

— А если вспыхнет война?

— Ты думаешь, она уже сейчас может вспыхнуть?

— Думаю — да.

— Мне кажется вспыхнуть ей или нет, будем решать мы, адыги.

— Конечно, отец.

— Мне кажется, что вообще нет людей, которые хотят войны, а между тем, люди воюют и воюют. Вот и мы — не хотим войны, но и жить на положении рабов тоже не хотим. Значит, будем воевать. Русские солдаты хотят воевать? Нет. А тоже — будут. Волю Аллаха, нам никогда не предугадать.

Помолчал князь Сафербий, сосредоточенно глядя в окно, в мглистую даль:

— Будем воевать... Но это вовсе не значит, что ты немедленно должен уйти из армии...— Вскинул голову Сафербий, прислушался к шагам, поморщился недовольно: — Опять гости, поговорить не дадут...

В дверях появилось двое военных. Один из них вытянулся, взял под козырек, обращаясь к Карбатыру:

— Господин Зан, прошу прощения, но вас срочно вызывает в Анапу генерал.

Ускакал Карбатыр в Анапу и как в воду канул — ни слуху, ни духу, а тут еще начали являться одна тревожнее другой вести из дальних и ближних селений. Почти каж-

дый день происходили стычки между адыгами и царскими войсками.

Кто на кого первым нападал, невозможно было определить. Слухи, словно черные тучи закрывали небо.

Утро — это радость пробуждения, света, надежд, а теперь люди стали просыпаться с тревогой, в ожидании — не покажется ли вдали всадник с новой тревожной вестью.

В полдень к Сафербию Зану прискакала группа всадников с Трамом во главе. По тому, как храпели кони, как били землю копытами, как из-под шапок горели глаза тфокотлей, князь понял: большая беда пришла.

— Зиусхан,— с трудом переводя дыхание, обратился к Сафербию Трам,— казаки напали на Бараут, Чилеж. Горят аулы!

— Они начали войну!

Князь поднял руку:

— Прекратите галдежь!

— Они пролили кровь!

— Я требую тишины! — во всю мощь своего голоса закричал князь.— Все, кто может сидеть в седле — на коня! Все, кто может носить оружие — за оружие! Коня мне, коня!

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

Новый год не принес адыгам покоя и мира. Зима выдалась свирепой: шальные ветры сдували с полей снег, гоняли поземку, срывали камышовые крыши, гнули к земле, ломали деревья. То угрожающе, то страдальчески, а то и вовсе жалобно выл ветер в печных трубах. Хмарное серое небо было таким низким, что становилось страшно, как бы оно и вовсе не упало на землю.

Напоить, накормить скотину и птицу в хлевах и кошарах стоило труда — всякий раз приходилось одолевать и ветер, и мороз и снежные сугробы. Стоило большого труда и удерживать тепло в домах.

Трудной, тревожной немилосердной стояла зима.

Вся многовековая история адыгов была удивительно похожа на эту зиму. Не миновали их разорительные, кровавые походы Чингис Хана, Батыя, Македонского и других чужеземцев. Ни перед кем не становились на колени адыги: княжество к княжеству, аул к аулу, дом к дому, адыг к адыгу объединялись они для боя с общим врагом, но стоило отойти беде, как они вновь расходились, рассыпались по своим маленьким княжествам, аулам и домам, каждый становился сам себе хозяином, и как бы в пыль превращалась недавняя могучая сила.

Хоть ясным днем, хоть глухою ночью постучись к адыгу, он не станет спрашивать, кто ты, куда и зачем идешь, он накормит и напоит тебя, уложит в теплую постель, а потом утром проводит за околицу аула, пожелает доброго пути. Если случится, что это был враг его, он лишь там, за околицей скажет: «Если ты мужчина, защищайся». Если ты повинишься перед ним, раскаешься в своем дурном поступке или намерении, он высоко оценит твое мужество, не оскорбит твоей чести, твоего достоинства, не станет в сердце своем держать на тебя зла. Больше того, с этого дня ты станешь его кунаком.

Горд адыг, гордится он тем, что сын своей земли, своего древнего народа, его прекрасных традиций и обычаев, вот эта-то гордость, высокое чувство собственного достоинства помогало в боях с врагами, не позволяло ему становиться на колени перед завоевателями.

Как говорит мудрость, от гордости до гордыни — один шаг, а у гордыни есть дочь по имени зависть. Очень любит адыг всегда выглядеть не хуже других, быть на виду, быть в силе. Его дом, аул, княжество, конечно, лучше всех других аулов, княжеств. Каждое из многочисленных адыгских племен считает себя самым первым, главным.

И так каждый князь.

Только поэтому, вероятно, адыги на протяжении веков так и не смогли объединиться в единое государство, выбрать предводителя, достойного править всей Черкесией.

Годы, годы, какие вы долгие и короткие, какие вы счастливые и какие безрадостные. Так думал Асланбеч Хаджемуков, сидя перед анэ с едой.

Он поднял глаза на ковер, где висела серебряная шашка, которая была пожалована его отцу, Алкесу Хаджемукову Екатериной II. Человеком он был мудрым и

мужественным. Во времена Бзиюкской битвы хотел объединить адыгов, хотел стать великим князем Черкесии, но адыги не поддержали его. Больше того, его упрекали в разных грехах по поводу Бзиюкской битвы, во время которой погиб и младший брат Батчерий. Отца укоряли этой шашкой, он досадовал на себя за свой союз с Екатериной, снимал ее, но проходило время, снова вешал на место. Он до самой своей смерти мечтал увидеть Черкесию единой, сильным государством. Князь Алкес Хаджемуков предупреждал своих соплеменников о грядущей опасности. Главное, говорил он, не сделайте близких соседей своими врагами.

Нет, не послушались, не уразумели, и вот теперь грозная беда нависла над Черкесией.

Вы осуждали тогда отца за его идею, размышлял Асланбеч, что ж вы все сидите теперь, сложа руки, будто из этого может выйти какая-нибудь польза адыгам. Султан Хан-Гирей пытался что-то сделать, но вы осудили его. Я понимаю, вам не нравится, что он не адыгской крови, вы правы, какую папаху не напяливай на голову, не станешь адыгом. Но разве Сафербий Зан не адыг, разве у него не адыгская душа? Ну и что? Он вдоль и поперек объездил всю Черкесию, он со всеми разговаривал, призывал объединиться, найти дорогу к миру с русскими. О да, вы соглашались с ним, одобрительно кивали головами, даже улыбались, но стоило ему уехать от вас, и вы смеялись ему вслед, заводили игры за его спиной... Побывал он и в Тифлисе, и в Ставрополе, и в Екатеринодаре, и в Анапе и тоже ничего не получилось. Он хотел добра всем! И поторопился с русскими, думая, что они поймут его и оценят, даже сына отдал на службу в армию. И что? Сын его противостоит теперь и отцу и адыгам. Я понимаю, если мы признаем власть России над нами, сын будет доброй опорой своему отцу. Все равно, все так, но если мы не признаем этой власти, что тогда, куда деваться? Казаки Шабежской крепости сожгли шапсугские аулы, от их пуль и огня погибли люди. То — казаки. А если сын князя Сафербия Зана прольет адыгскую кровь?..

Встал Асланбеч Хаджемуков отодвиул анэ с нетронутой едой, подошел к очагу, взбодрил угасавший огонь.

Постоял у окна, подышал на заиндевевшее стекло, в проталину глянул на двор, на улицу: вьюжилась поземка,

тоскливо раскачивались под ветром ветви деревьев. А дальше — сплошная, седая, непроницаемая мгла.

Нервничал Асланбеч. А тут еще эта серебряная шашка — она блестела, сверкала отблесками огня в очаге. Много оружия висело на ковре. Эта русская шашка сильно выделялась среди него и размером, и роскошью отделки, и вязью русских букв.

Вспомнилось Асланбечу... Ему было лет восемь. В доме — траур по случаю гибели дяди Батчерия. В этот-то день и прискакал казак Головатый из Екатеринодара с громадными вислыми усами. Его сопровождали несколько человек. Печаль в доме Хаджемуковых, а гостей надо принимать, надо быть с ними приветливыми, и мужчины улыбались гостям, и не понять их горестных улыбок, не понять боли в их сердцах, не осилить ребенку, не одолеть горя и глубину мужества. Только, спустя годы, молодой князь Асланбеч Хаджемуков понял, одолел, пережил это своим сердцем.

Целый год серебряная шашка лежала в сундуке, пока не прошел траур по дяде, пока не умерла бабушка. А года через два к ним стали ездить в гости казаки из-за Кубани, пришлось повесить на ковре подарок императрицы Екатерины, хотя отец не любил его.

А с какой стати я должен держать на стене это оружие, горячась рассуждал Асланбеч, к которому не лежала душа отца? Подумаешь, висит, блестит, первым бросается в глаза вошедшему, блестит так, будто Хаджемуковы рады ему, будто специально выставляют его напоказ. Нет и нет! Асланбеч решительно, даже с некоторой брезгливостью снял шашку со стены и сунул, как это делал отец, под тахту. Нет и нет! Сколько лет мы привечаем русских у себя, сколько ездим к ним и что же! Они пришли на нашу землю, пролили кровь. Был бы жив отец, он не потерпел бы этого, он поднялся бы против их, повел бы за собой адыгов.

Сунул шашку под тахту Асланбеч и почувствовал облегчение в душе. Он с любовью посмотрел на кинжал и пистолет отца, на старинные стрелы адыгов, сабли. Подошел, как бы поправляя, прикоснулся к оружию, даже показалось, что почувствовал его тепло. Тепло рук его предков.

В коридоре послышался топот, похлопывание — отряхались от снега.

Вошли трое, пахнувшие морозом и ветром. Двоих Асланбеч признал сразу, а третий был ему незнаком.

— Во-вий, Сафербий, как ты легок на помине! — обрадованно воскликнул Асланбеч.— Добро пожаловать, зиусхан. Проходите, гости дорогие, садитесь.— Поздоровавшись с Сафербием и холодно с Нурмагометом Хагуром, он подошел к третьему гостю: — Добро пожаловать, брат мой. Извини, Сафербий, я не знаю его имени. Кто он будет?

— Это, зиусхан,— уважительно обратился к князю Асланбечу Сафербий,— куматырский тфокотль Трам. Хоть он и тфокотль мой, но у меня нет секретов от него.

— А-а! — воскликнул Асланбеч, измерив Трама с ног до головы пристальным взглядом,— это и есть тот самый Трам!

— А этого,— показал Сафербий на другого гостя, не стану называть, ты его и сам знаешь. Скажу только — он один из сымых мужественных и самых надежных тфокотлей Шапсугии.

— Знаю,— с трудом скрывая раздражение, сказал князь Хаджемуков и тут же добавил: — Кто же в Черкесии не знает Хагуров...— И хотя, конечно же, не посмел при гостях сказать вслух, о том, что именно отец Нурмагомета, Мос Хагур убил в Бзиюкской битве его дядю Батчерия Хаджемукова, но голос его был резкий, непримиримый. Сын убийцы его дяди впервые переступил порог его дома.

— Однако, зиусхан,— перебил хозяина дома Сафербий,— мне хочется вот о чем сказать: мы приехали сюда не затем, чтобы помирить вас с Хагуром. В час, когда над адыгской землей нависла смертельная опасность, ты зиусхан, и ты, Хагур, должны смирить свои личные обиды, подчинить свою волю воле Черкесии, ее народа. Горит замля адыгов, в этом огне сгорают наши маленькие личные радости и печали, наши личные привязанности. Единый братский союз всех адыгов — или погибель нашей земли, нашего народа...

Тфокотль Трам уже много времени сопровождает князя Сафербия в его поездках, но сегодня впервые услышал, чтобы он так горячо призывал к объединению адыгов, к братству. Не поторопился ли князь, может быть, надо быть осторожнее, осмотрительнее? Так подумал, но, разумеется, промолчал.

Приблизительно такого же мнения был Нурмагомет. Что же касается его самого, то он знал в чей дом ехал, и, конечно, оскорбляться холодностью, открытой неприязнью хозяина не стал. И все же — спасибо Сафербию Зану, что он зовет к единству. Ведь и мой отец поднял свой меч не из-за своих личных прихотей, а во имя адыгского дела. И не надо никого винить за прошлое, его не вернешь, надо думать о будущем. Хорошо говорит Сафербий.

— Высокочтимый мною зиусхан Сафербий,— заговорил Асланбеч,— ты совершенно прав, общее дело превыше всего, и какие тут могут быть личные обиды. Им нет и не должно быть места между нами. Вечером мы еще хорошенько поговорим обо всем этом, а теперь садитесь поближе к очагу, согрейтесь, ведь на дворе вон какая стужа.

Сафербий рад был услышать от Асланбеча эти слова.

— Благодарю тебя, князь, и хочу сказать, ты услышал не только меня, а голос всех адыгов. Хорошо бы посидеть у очага, отдохнуть, но нам некогда, надо отправляться дальше.

— Нехорошо, не годится, зиусхан. Не успели и сесть в моем доме, как тут же хотите уезжать... Нехорошо!

— Мы в пути, Асланбеч, мы очень торопимся. Очень! — повторил Сафербий.— Извини, что побеспокоили тебя в такую ненастную погоду. Не обессудь нас.

— В таком случае, князь,— голубые глаза Асланбеча блеснули лукавством.— Не обессудьте и вы меня, что я тоже нарушу закон гостеприимства, и спрошу: откуда и куда держите путь, что вам удалось сделать, а чего не удалось?

— Возвращаемся, зиусхан, домой. Ездили в верхнюю Абадзехию, нынче же вечером нам крайне необходимо вернуться в Шапсугию, потому и торопимся — только кони поедят, передохнут малость, и тут же тронемся... Отвечу и на второй вопрос: верхние абадзехи, как всегда, ничего определенного нам не ответили.— Сафербий, увидев, что в кунацкую принесли обед, набил трубку, достал из очага уголек, прикурил, и когда ушли слуги, продолжил: — Не знаю даже как сказать, зиусхан. Конечно, абадзехи против того, что их земли захватили, но они никак не хотят понять нашу мысль об объединении. Они говорят: мол, вы защищайте свою землю, а мы — свою. Нельзя говорить так, не устоим мы в одиночку против огромной российской

армии. Но ты же знаешь упрямых абадзехов. Им хоть кол на голове теши, не вразумишь. А Цей даже слушать нас не хочет — он сам себе царь, он сам себе предводитель. Нам все-таки удалось хоть немного склонить их на свою сторону. Они сказали, мы, мол, согласны с вами, но сначала надо посоветоваться с народом.

— И все же, зиусхан,— осторожно вставил свое слово Хагур.— Они согласились так же участвовать в нашем хасэ.

— Вот как! — Хаджемуков теперь смотрел на Хагура приветливо.

— Тебя тоже мы хотим пригласить на это всеадыгское хасэ,— сказал Сафербий,— затем и заехали. Пятнадцатого числа этого месяца в Адагумской долине. Если согласен, возьми с собой, кого хочешь. Надо все хорошенько обсудить. Так мы считаем.

Асланбеч не стал тянуть с ответом. Решительно сказал:

— Я согласен с тобою, зиусхан. Воля Аллаха для нас — закон. Что касается меня, не сомневайся, в назначенный час я буду на хасэ. С собой возьму несколько человек. Спасибо, что доверяете мне, что не проехали мимо ворот моего дома.

II

Несмотря на то, что до открытия шапсугского хасэ оставалось еще два дня, князья, родовитые, тфокотли дальних селений начали съезжаться в аулы Адагумской долины.

По взгорьям дежурили специально назначенные конные разъезды на случай, если появятся казаки. Были определены всадники, чтобы наблюдать за порядком во время хасэ, а еще — встречающие участников на подъездах к долине. Они встречали и провожали гостей в аулы, где им был определен постой на время работы хасэ. Были еще и конные разведчики, которые на дальних подступах следили за продвижением казачьих разъездов, за Шабежской крепостью.

О всех гостях конники тут же докладывали Сафербию Зану, кто приехал, сколько человек, откуда.

Сафербий, откровенно говоря, опасался, что на хасэ приедет мало представителей, но теперь увидел, что их

приезжает больше, чем он ожидал. Сидел князь Сафербий в кунацкой, посасывал трубку, слушал доклады и был очень доволен, даже горд тем, что ему удалось сделать. Его сейчас совсем не беспокоили шапсугские и натухайские муртазики: приедут, никуда не денутся. Доволен был Сафербий, и больше всего шапсугскими и натухайскими тфокотлями, без которых он не смог бы организовать это хасэ. На днях он дал слово тфокотлям, что не отступится от их совместного дела, даже если хасэ их не поддержит. Это слово он дал во время полуденного намаза, перед Аллахом, дал, значит, оно свято.

Сидевший поодаль от очага приземистый, плотно сбитый мужчина со смоляно-черной бородой и усами, как бы услышав думу князя Сафербия, сказал:

— Все хорошо у нас, зиусхан. Все хорошо, слава Аллаху. И лютая зима смягчилась, и люди собираются дружно, и наши верховые зорко стоят на страже на Шабежском взгорье. По воле Аллаха, считай, удался шапсугский хасэ. Как ты думаешь, Асланбеч?

— Говорю, Джирандук, аминь.

— Аминь! — повторили сидящие в кунацкой.

— А у вас какая погода, Берзедж? — спросил Хаджемуков.

— В нашей стороне, Асланбеч, в Убыхии,— ответил Джирандук,— кругом тепло. А в Бжедугии как?

— В Бжедугии выдалась нынче зима лютая. Темиргоевцев — степняков, видать она и совсем доконала — вьюжная, морозная прямо-таки шальная. А еще — Бесленея, Кабарда! Как велика и просторна адыгская земля! И какая разная: тут тебе и море, и горы, и леса, и реки, и степи, от Черного моря, от верхней Абхазии до гор Кабарды. Даже орлиным взглядом с высоты ее не окинешь, на самом лучшем скакуне и за месяц не обскачешь, вот какая страна Черкесия!

— Большая страна,— качнув головой, сказал Сафербий,— и горе большое оттого, что не цельная она, как скала, а раздроблена на щебенку. Большая страна, Джирандук, с большой бедой.

— Валлахи, правда, Сафербий,— сказал Берзедж, но тут же поднялся духом: — Милостью Аллаха, Асланбеч, мы должны одолеть все невзгоды и одолеем. Думаю, тфокотли крепко стоят на нашей стороне, значит, все вместе

мы любого врага одолеем. Не отступай, Зан, укрепи свое мужество. Если даже все откажутся, я не откажусь, князь, приду и стану рядом с тобою, с левой стороны. Нет-нет, за всю Убыхию можете не беспокоиться. И бжедугские тфокотли, князь Хаджемуков, покажут свою силу. И за абадзехов будь спокоен, Сафербий, я самолично отвечаю за бородатых упрямцев, они не посмеют меня ослушаться, ведь я их зять!.. Валлахи, Сафербий, жена твоя, дочь Тариковых — большая мастерица готовить бузу! Налей-ка мне еще.

Сафербий благодарно улыбнулся, однако сам он сегодня не стал пить, всего лишь пригубил. Конечно, думал он, буза веселит, делает нас свободнее, беспечнее, но если узнают тфокотли, что князья в такое трудное, такое важное время пируют, то что же всем остальным остается? Тоже пировать? Только затем они и съехались сюда? Стыд-то какой! Сафербий вспомнил, как он недавно напился, что называется, до самого некуда, как горланил с Хапатом песни и как на другой день раскалывалась голова, и было стыдно за самого себя. Не надо было ставить на стол бузу. Впрочем — вон с каким достоинством сидит Асланбеч Хаджемуков, он совсем не пьяный, больше того, очень серьезен, рассудителен. А Джирандук Берзедж, похоже, не рассчитал свои силы. О Аллах Всемилостивый, сделай день нашего хасэ счастливым для адыгов, внуши им согласие и мудрость... Интересно, какое решение примут муртазики, какую сторону возьмут? Здесь в кунацкой князья вон как храбрятся, вон какие решительные, а как они поведут себя послезавтра на хасэ?

— Может быть, князь Берзедж, на сегодня тебе достаточно бузы? Не слишком ли мы шумим? — осторожно сказал Асланбеч.

— Это почему же, Хаджемуков? — сердито посмотрел Джирандук на Асланбеча.— Мы что, на похоронах находимся, что ли?! Я прошу налить мне еще!

— Если князю Джирандуку так нравится буза, пусть он пьет на здоровье,— примирительно сказал Сафербий.— Не обижайся, уважаемый Джирандук, на Асланбеча, он попросил тебя не пить с большим уважением к тебе, просто хочет, чтобы мы все завтра перед началом хасэ встретились с некоторыми муртазиками, тфокотлями. Но если тебе идет на пользу буза — пей на здоровье.

— Вот это уже настоящий мужской разговор,— смягчился Берзедж.— Верное слово, верное твое слово, Сафербий. Только лишних слов, обидных слов никогда не надо говорить, не надо и все. Так я думаю, Асланбеч.— С этими словами Джирандук отодвинул от себя бузу и до конца вечера не пил. Он даже как-то сумел собраться с силами, вел себя спокойно, рассудительно, будто и вовсе не брал в рот хмельного.

Назавтра он был, как сказали другие, просто неузнаваем: хмурый, молчаливый, уединялся. Заметив это, Сафербий с тревогой стал присматриваться к нему, старался быть рядом в разговорах с муртазиками и тфокотлями, а когда остались с ним наедине, спросил:

— Может быть, вчера вечером, зиусхан,мы тебя обидели ненароком?

— Нет, не беспокойся, просто вчера у меня душа болела, потому я и налег на хмельное. Нехорошо, конечно, это, не дело... Я очень тревожусь за завтрашний день, ведь решение этого хасэ очень серьезно скажется на всех землях адыгов... Уже вечереет, а темиргоевцев и абадзехов не видать. О кабардинцах и бесленеевцах я уже и не говорю — они далеко живут, могут припоздать. И те и другие могут подвести. Ты хорошо держишься, Сафербий, но я знаю, что у тебя на душе, ты вот держишься, а я вчера не удержался. Какую тяжелую ношу ты взвалил на свои плечи! Да поможет тебе Аллах. Мы тоже будем стараться, я буду тебе помогать.

— Спасибо, Джирандук. Я в тебе и не сомневался.

Утро следующего дня, дня чрезвычайной важности, было хмурым, неласковым, безветренным. Если бы было солнышко, совсем бы другое было настроение у верховых, собравшихся в Адагумской долине.

Но повезло в другом: народу было больше, чем Сафербий предполагал. Много приехало неприглашенных — это тоже добрый знак, поднималась вся Черкесия.

Всадники не умещались в узкой долине, поэтому многие стояли на взгорье.

А по дорогам и тропам, ведшим к Адагумской долине, все спешили и спешили конники в бурках и зимних папахах.

— Как много народу, Сафербий,— не без тревоги сказал Асланбеч,— как ты с ним управишься? Трудно.

— Правда твоя,— согласился Сафербий,— трудно, но если бы он не пришел, было бы еще труднее.— Сказал и улыбнулся довольно. Посмотрел озабоченно в сторону абадзехских гор: — Вот только ума не приложу, почему никого нет от наших соседей аба-дзехов.

— Тим Некрас приехал, зиусхан,— сказал стоявший за спиной у Зана Трам, но за гомоном и храпом лошадей Сафербий не услышал этих слов.

В долине наступила тишина. Только слышалось похрапывание лошадей, покашливание всадников.

— Начинай, зиусхан. Да поможет тебе Аллах,— негромко сказал Джирандук Сафербию. Была в его голосе взволнованность и в то же время торжественность.

Сафербий выехал на середину. Окинув взором долину, взгорья, сильным, звонким голосом начал:

— О джамахат! Делегаты и гости хасэ, муртазики и тфокотли, волей Аллаха, сЕго именем в сердце, с вашего позволения я открываю шапсугско-натухайское хасэ. Прошу поднять знамя, чтобы все видели его.

Два всадника выступили вперед, ближе к середине и высоко подняли знамя.

Сафербий в пояс поклонившись знамени, продолжал:

— Все вы знаете, что Турция, проиграв войну России, отдала ей наши земли. Мы говорим России, что мы не поданные Турции, что наши земли это земли адыгов, а они показывают нам бумагу, соглашение, которое в Эдирне было заключено между Турцией и Россией. На основании этой самой бумаги она захватывает наши земли, строит свои крепости. Это длится, как вы знаете, уже больше года. Мы говорим, что адыги никому не принадлежали и не принадлежат, что они равноправные со всеми людьми, мы предлагаем России быть добрыми соседями, жить в мире, а она делает вид, будто не слышит нас и чинит произвол на наших исконных землях. Казаки Шабежской крепости сожгли три шапсугских аула, нам пришлось браться за оружие. Напали они так же в Кужипсской долине на абадзехов, их корабли стоят у берегов Убыхии и Шапсугии. По всей Черкесии адыги говорят только об этом, они не хотят быть чьими-то рабами. Я спрашиваю вас: кто мы, турки?

— Не турки!

— Не-е-ет!

— Так кто мы? Шапсуги, натухаи, абадзехи, бжедуги, темиргоевцы, убыхи, махоши, беслинеевцы, кабардинцы?

— Адыги мы!

— Мы все адыги!

— Если вы так говорите, значит, у нас у всех одна цель, вместе мы должны стремиться к ней. Должны принять закон, обязательный для всех адыгов. Что касается меня, даю княжеское слово быть верным закону, свято выполнять его.

Каждый из делегатов выезжал на середину и говорил свое слово, высказывал свое мнение. То ли мороз не давал ораторам быть многословными, то ли готовность на решительный поступок и горячее нежелание быть униженными, но все говорили коротко и решительно.

Пятеро первых выступавших сказали, что земли адыгов надо сообща оборонять.

Один призвал к миру с Россией, а трое просто говорили о беде, что настигла Черкесию, но ничего не сказали, как быть с нею: — бороться или смириться?

Смириться? Нет!

Один за другим выезжали на середину ораторы и теперь уже твердо требовали борьбы с захватчиками.

Вот что любопытно: почти каждый выступавший не верил, что в Эдирне могли Турция и Россия заключить такой договор: как это Турция отдала, подарила, продала или еще как, чужие земли, живых, свободных людей, детей единого для всех Аллаха?!

Все выступавшие настаивали на том, чтобы послать своих посланников в Турцию и увидеть там подлинную бумагу, тот бессовестный договор.

Потом выступил муртазик из Бастука Хагур:

— Думаю, надо прямо в Стамбул послать наших людей, думаю, пусть князь Сафербий Зан подберет себе человек двух сопровождающих и едет от имени всех адыгов. Он человек грамотный, бывалый, один он только и может выполнить наше поручение.

Сафербий понимал бесплодность этой поездки, но понимал и другое: это воля хасэ, народа, выполнять которую он дал слово и свое княжеское слово, он сдержит.

Посмотрел на Хаджемукова, Берзеджа, Некраса. Они понимали его, они соглашались с ним.

— О джамахат! В таком случае...— начал Сафербий, но в это время из задних рядов раздался голос:

— Зиусхан! — это был тфокотль Батыр из Бараута.— Не обессудьте меня, но я все-таки хочу спросить: у вас и у вашего друга Тима Некраса сыновья служат в русской армии, если вы на боевой тропе сойдетесь друг против друга, что делать станете, хватит ли у вас силы поднять на них оружие? — спросил тфокотль Батыр и вернулся на свое место.

Зашумело, взволновалось, морем загудело собрание.

— Позор!

— Долой!

— Уймитесь! Тихо-о!

Тим Некрас взъярился:

— Ты что позоришь меня, тфокотль Батыр?! Разве у тебя душа больше болит за моего сына, чем у меня?! Если ты мужчина, выходи в круг!

— Тим, погоди, уймись,— потребовал Сафербий. Поднял руку и выехал на середину.— Нечего греха таить, мы заслужили этот упрек, однако мне сдается, что тфокотль Батыр здесь немного поторопился. Но ведь сейчас разговор не об этом. Я прошу высокочтимое хасэ сказать свое решительное слово: если вы доверяете мне, Сафербию Зану, сыну Магомчерия, Нурмагомету Хагуру, и тфокотлю Траму поездку в Стамбул, пусть каждый из вас поднимет в знак согласия свою руку.

В долине, на взгорьях поднялся, как говорят, лес рук.

Много разного ожидал Сафербий от хасэ, но не то, что там произошло! Хоть сто лет думай, не придумал бы он такого. Ох, уж эти адыги! Упросить, уломать их в чем-нибудь дело очень трудное, но если уж на своем собрании они что-нибудь решили, тогда никакими силами не собьешь их с пути. Что ж, раз они так решили, съезжу я в Турцию, увижу ту подлинную бумагу, тот позор, к какому пришли Турция и Россия, даже привезу копию, но только что пользы нам от нее? У меня ведь есть эта самая копия на русском языке. Я показывал ее князьям, муртазикам, тфокотлям. Все они рассматривали ее на свет, мяли в руках. Ну и что? Не верят, потому что никто из них по-русски читать не умеет. Ладно, будь по-вашему, привезу на турецком, даже попрошу Солохура сделать перевод на

адыгский. Ну и что? А дела-то у нас все хуже и хуже, даже не знаю, какой увижу свою землю, когда вернусь из Турции.

Посередине комнаты стояли два чемодана, собранные Бабурой. Глянул на них Сафербий и такая тоска взяла его, так ему стало не по себе, что сердце болью зашлось: дома бы надо быть в это тревожное время, да делать нечего, дал слово — держи.

Достал из верхнего кармана пиджака серебряные часы, посмотрел время: надо поторапливаться. Вошла Бабура.

— Ты что это, дочь Тариковых, вырядилась? — удивился Сафербий.

— Или ты не знаешь: какой муж увидит жену перед своей дорогой, такой она ему и запомнится,— пошутила Бабура.— А я тебе не нравлюсь такой?

— Отчего же, Бабура! Красиво оделась, очень красиво. Но знаешь что мне не нравится?

— Что? — испугалась Бабура и стала придирчиво осматривать себя.— Я что-то не так сделала?

— Да нет, я не об этом... Я говорю об этих прямо-таки громадных сундуках, будто я собираюсь в Турции век пробыть,— сказал, улыбаясь, жене и встал...

«Я не об этом».

Конечно, не об этом, но не мог же он, мужчина сказать, как зашлось тоскою его сердце.

Вспомнил Сафербий Бабуру, когда она была еще девчонкой, как его юношеское сердце отметило ее — раз и навсегда, на всю жизнь.

Вспомнил, как она из девчонок стала девушкой — первой красавицей во всей округе, а для него — во всем подлунном мире.

Вспомнил, как привел ее в свой дом и назвал княгиней, как считал себя самым счастливым мужчиной. Нельзя об этом говорить мужчине, недостойно, а Сафербий и не говорил — просто любовался ею, просто был счастлив. А когда она родила ему сына! Стала еще красивей, еще дороже. Вернее сказать, она стала частью его самого.

И вот теперь... Как она была красива, как огнем тоски и боли зажглось его сердце. Но разве об этом скажешь. Нельзя. Разве что улыбкой. И Сафербий улыбнулся прощально и преданно.

III

Юсуф-эфенди выглядит ни молодым, ни старым, вроде бы человеком без возраста. Большую часть своих пятидесяти лет он прожил в чужих странах.

Двенадцати лет он покинул Абадзехию, поступил в медресе в Крыму. Потом жил в Турции, потом окончил высшую религиозную мусульманскую школу в Каире, отправился в Сирию и жил там несколько лет в Дамаске, читая суры Корана в память об усопших мусульманах.

Не было у него ни семьи, ни друзей.

Одинокий и небогатый, он провел свои лучшие годы на чужбине.

К сорока годам стал тосковать по Абадзехии да так тосковать, что не выдержал и вернулся на родную землю.

Пока жил в чужих странах, с чужим ему народом, в годы эпидемии черной оспы умерли его отец, мать и единственный старший брат.

Вернулся Юсуф-эфенди в Дахап с небольшим чемоданчиком в руках, как говорится, налегке. Что было в том невзрачном сундучке, до сей поры никто не знает. Даже его жена, на которой он несколько лет тому назад женился. Какой-то необычный ключ с секретом эфенди носил на шее вместе с талисманом-молитвой. Когда у него появлялась необходимость открыть сундучок, он снимал ключ с шеи, становился на колени и, бормоча что-то, открывал. Вернее, совершал некое действо открывания сундучка. И еще надо сказать, открывал он сундучок только тогда, когда бывал дома один. Жене говорил, что в сундучке том хранятся священные книги, записки пророка и потому не только садиться на него, но даже прикасаться к нему, святыне, нельзя. Жена, разумеется, верила этому и смотрела на сундучок действительно как на святыню. Даже не подходила к нему.

Люди рождаются и умирают, женятся и выходят замуж, справляют праздники — и всюду нужен Юсуф-эфенди, он обслуживал Абадзехию и часть Шапсугии, потому застать его дома было невозможно. Да и жену его Хаджихан тоже — муж научил ее нескольким молитвам и она стала подряжаться обмывать покойниц.

Девять лет они прожили, а детей у них не было.

Сегодня с самого утра Хаджихан ушла в соседний аул на похороны, и Юсуф-эфенди был дома один. Он любил бывать дома в одиночестве, любил посидеть за утренним анэ, неспеша завтракая, ласково поглядывая на кованный латунью сундучок, стоявший у изголовья его кровати. Завтракал, а потом тщательнейшим образом мыл руки и с торжественностью, с любовью шел к сундучку, предварительно задернув занавеску на окне, заперев дверь.

Так было и сегодня.

Вымыл руки, опустился перед сундучком, погладил крышку, снял ключ на серебряной цепочке, настороженно огляделся по сторонам, прислушивался. На всякий случай проверил своего верного сторожа свирепую собаку:

— Мышид, Мышид!.. Ты что, скверный пес, уснул?!

Пес услышал недовольный голос хозяина, поднялся на задние лапы, положив передние на подоконник, и, разинув черную пасть, зарычал, мол, здесь я, здесь.

— Хорошо, хорошо, не беспокойся. Молодец... Ты мой настоящий друг и самый преданный защитник. Никто из людей не может сравниться с тобой в верности и преданности.

Скрипнула крышка сундучка — пахнуло на Юсуфа спертым воздухом, затхлостью. У другого человека закружилась бы голова, стало бы ему дурно, а Юсуф блаженно закрыл глаза, наслаждаясь этим запахом. Есть запах лугов и полей, есть запах степного или морского ветра, а есть запах сундуков и подземелий, запахи преисподней.

Блаженствуя, вдыхал Юсуф запах сундучка, потом восторженно-дрожащими руками отодвинул в сторону Коран, пошуршал бумагами и, нащупав холодный металл, несказанно обрадовался:

— Милые вы мои, радость вы моя! — набрал горсть золотых и серебряных монет, стал пересыпать из руки в руку, слушая их звон.— Красавцы вы мои! Ах, как они блестят, какие они тяжелые — могучие! Это и есть настоящая сила, настоящая власть, князь Сафербий Зан. А какой толк тебе от твоего княжеского титула, что за радость в том, что ты суетишься, устраивая разные сборища, хасэ, морочишь головы тфокотлям. Не-ет, не умный, не мудрый ты человек, Сафербий Зан! Посмотри, вот где настоящая сила, настоящий смысл нашей жизни. Погляди, погляди — это арабский золотой, это турецкий. А это? Это русский серебряный рубль. Ты ищешь, князь, власти в Черкесии,

а у меня с этим сокровищем всюду власть — в России, в Турции, в Сирии, в Египте, всюду мне будет почет и уважение. У меня с каждым днем все больше становится золотых и серебряных монет, и с каждым днем я становлюсь сильнее. Никто меня не тронет, никто не поднимет руку на мою силу, пока у меня золотые, а тебя-то каждый тфокотль может пристрелить, если ты ему не угодишь. И русские могут, и турки, а я со своими золотыми друзьями всюду желанный гость...

Мышид зарычал, горласто залаял и кинулся к калитке, гремя цепью.

Дрожа от рестерянности и страха Юсуф-эфенди запер сундучок, задвинул его за кровать.

— Кто там?! — вскричал он и подумал, может быть, кто-нибудь умер и пришли звать меня, значит, опять заработок.

Выйдя на крыльцо Юсуф-эфенди увидел у калитки Тима Некраса.

— Ты, что ли, Тим? — пошел к калитке Юсуф.— Успокойся, Мышид, ты же видишь, это я иду, твой хозяин. Кто-нибудь умер, Тим?

— Нет, Юсуф,— скрывая истинную причину своего прихода, Тим сказал: — Зима, скучно, вот и пришел к тебе — посидеть, поговорить.

— Это хорошо, Тим. А мне показалось, ты с тревожной вестью ко мне пожаловал. Да успокойся, ты, Мышид, это хороший человек пришел к нам.

— Валлахи, Юсуф, очень свирепого пса ты держишь у себя во дворе. И такого чуткого! Я едва к твоему плетню приблизился,— а он уже зарычал, кинулся к калитке. Я даже пожалел, что побеспокоил такого красавца.

— Да, добрый пес. Правда, у нас и охранять нечего, не нажили мы со старухой никакого добра — вот этот домишко да наша грешная жизнь, вот и все. Очень небогато живем, а без собаки, без доброго сторожа нельзя. Да и веселее с умной собакой. И надо сказать, еще не перевелись в подлунном мире лихие люди. Особенно твои соплеменники, Тим, извини. Совсем обнаглели.

— Неужели эти наглецы и сюда добрались?

— Пока в Дахапе их не было, но кто знает, что будет завтра. Барауты и Чилеж разорили. Говорят, Куматыру грозятся.

— Не доберутся, эфенди. Разве ты не слышал, что решили на хасэ?

— Как не слышать, я ведь был там. Слышал и твою речь, слышал как тебя оскорбили,— бесстрастно, начиная скучать, сказал Юсуф-эфенди.

— Как же это я не увидел там тебя?

— Вы все больше крутитесь около князей, куда вам нас, маленьких замечать!

— Не говори так, Юсуф-эфенди, нельзя так говорить. Нехорошо.

— Ладно, заходи в дом, чего же тут стоять,— поняв, что просто не расстанешься с Тимом, сказал Юсуф.— Добро пожаловать.

Юсуф-эфенди соврал, он не был на шапсугском хасэ. Он только что коня вывел из конюшни, уже хотел оседлать, и поехать, а тут прискакал человек и сказал, что в Жагуфе умер богатый родовитый. Конечно же, ни о каком хасэ и думать не хотел Юсуф-эфенди. Оседлал коня, но направил его в обратную сторону от Адагумской долины.

Повел Юсуф Тима не в ту комнату, где стоял сундучок, а в другую, потому что кроме его самого и жены, в эту комнату никого и никогда не пускали. Даже сама Хаджиха заходила туда только за тем, чтобы прибрать в комнате, постелить мужу постель. Причем и ее одну Юсуф в той комнате не оставлял — читал Коран или еще что-нибудь делал.

— Что касается моего оскорбления на хасэ, эфенди, я не согласен с тобой,— садясь на топчан, сказал Тим,— разве ты не слышал, что по этому поводу ответил Сафербий Зан? Вот и получается, я сам виноват в своем позоре.

— Видишь ли,— хитрил Юсуф,— я далеко стоял и не слышал Зана. Повтори, пожалуйста, что он сказал.

— Сначала Батыр сказал. Прямо, честно. Вы, сказал, с Сафербием Заном в случае войны разве поднимете оружие против своих сыновей, разве хватит у вас мужества?

— Во-вий! Так прямо и спросил?!

— На это Сафербий тоже честно, по-мужски ответил: да, поднимем.

— Аллах мой, Аллах! Я этого не слышал. Да разве услышишь, если все галдят, гудят, как пчелы в растревоженном улье. Удивительнее всего, что бжедугский князь Асланбеч Хаджемуков и Джирандук Берзедж молчали,

словно воды в рот набрали. Зачем же тогда они приезжали из своего далека?

— Не говори так, эфенди. Они очень поддержали нас. Лично я сидел с ними за одним столом, слышал ихние разговоры. Они сильно поддержали Сафербия, все наше дело. А потом я даже провожал князя Берзеджа. Была мне оказана такая честь.

Вон оно что, как бы прижав уши, подумал Юсуф-эфенди, насторожился, даже стал заискивать перед Тимом Некрасом. Где-то на стороне, на свадьбах и похоронах Юсуф выспрашивал о том, что было на хасэ, а оказывается у него, можно сказать, под боком лежат самые лучшие сведения. Как же это он раньше не подумал о Тиме Некрасе. Вот они какие князья, с гяурским отпрыском так церемонятся. И поглядите, поглядите, как он сидит, будто вся Черкесия у него в руках, будто это его отчая земля. Говорит, гяуров и близко не подпустим к нашей земле. Валлахи, не станет же он поднимать меч на своего родного сына. Это ведь не мой, а твой сын перебежал к своим соплеменникам. А чем лучше сын Сафербия Карбатыр? Тот самый Карбатыр, за которого ты, Тим, свою дочь собираешься отдавать. Недавно конь Карбатыра был привязан поздно вечером с двумя другими конями к вашей коновязи... Э-э, не думай, что мы ничего этого не знаем. Все знаем. А вы с Сафербием ораторствуете на хасэ, поучаете других. Нечестивцы вы да и только.

— Вы и вправду пойдете воевать с гяурами, Тим?

— Да, эфенди, да.

— Силами одних шапсугов? Но из этого ничего хорошего не выйдет.

— Почему же одни шапсуги. А убыхи, бжедуги?

— Они тоже?

— Конечно. И не только они. Темиргоевцы, беслинеевцы — тоже.

— А абадзехи? Неужели и они?

— Да, обязательно. А как ты, эфенди? Будешь сидеть, сложа руки?

— Упаси Аллах!.. Разве я не адыг, разве не мусульманин? Аллах не простит мне, если я отступлюсь, оставлю в беде своих единоверцев... А скажи, Тим, неужели Сафербий Зан привезет из Турции нужную бумагу? Его только из-за нее и послало хасэ?

Тим засмеялся.

— Чего ты смеешься? Я что-нибудь не так сказал?

— Нет, эфенди, все так, а смеюсь я над наивностью шапсугов. Нас, абадзехов, они обзывают упрямцами, а сами кто? Такая бумага находится в доме Сафербия Зана. Я своими глазами ее видел.

— Зачем же тогда послали князя Сафербия? — и удивился и возмутился Юсуф-эфенди.

— Видишь ли, бумага та, что у Сафербия, на русском языке, поэтому наши не верят ей. Это, говорят они, с одной стороны, а надо бы посмотреть бумагу и с другой, с турецкой стороны. Сафербий Зан не настолько глуп, как шапсуги, он поехал в Турцию, чтобы провернуть там и другие дела.

— Какие же, если не секрет?! — нетерпеливо спросил эфенди.

— Как тебе сказать... Не могу ручаться за точность, так что уж Юсуф-эфенди, держи это при себе. Я ведь только слышал, как Сафербий говорил Джирандуку...

— Да-да, Тим, я умею молчать, свидетель этому Аллах. Не стану же я наносить вред нашему общему делу.

— Думаю, если нас поддержут англичане и французы, все может обернуться наилучшим образом. И еще тебе скажу, турки тоже хотят нас поддержать, мы все-таки единоверцы, а на русских они очень обиделись за свое поражение, очень, эфенди.

— Верно, Тим, вернее не скажешь. Выходит, Сафербий в Турции встретится с французским и английским послом, а? Как это мудро! Они все вместе помогут нам, обязательно. Не оставь Всемогущий, Всемудрейший Аллах Сафербия в его справедливых делах. Да-а, вот только, как тебе сказать, жаль, что Руфат поступил на службу в русскую армию. Мне так это больно, будто это с моим сыном такое случилось. Валлахи, Тим, да смилостивится над тобой небо. Я знаю, ты верен Аллаху, но сын твой подвел тебя,— не без удовольствия эфенди уколол Тима, как бы мстя за его большую осведомленность и ту важность, с какой он себя вел.

Долго молчал Тим, рассеянно глядя перед собой, а потом тяжело вздохнув, сказал:

— Что поделаешь, эфенди, даже сидящего на верблюде собака может укусить...

Нельзя правоверному осуждать эфенди, грешно, но что говорит этот человек! Что он знает о душе Тима Некраса, о ее сомнениях и боли!

Отец Тима был набожным мусульманином, истым адыгом. Однажды на лугу в ночном, когда ярко горели в небе звезды и пели соловьи в кустах у речки, он сказал Тиму:

— Есть в России речка, Тихая Сосна называется. Там и произрос корень нашего с тобою рода. Тихая Сосна. В России.

Сказал отец, вздохнул и больше ничего. С той поры нет-нет да и стала являться Тиму речка Тихая Сосна. И сама сосна — старая, одинокая.

Тим ничего не рассказывал Руфату о России. Боялся. Бабушка рассказала. Научила русским молитвам, старинным песням...

«Беда, ой беда. Видит, должно быть, Руфат ту сосну, слышит русские голоса. Э-э, счастливый ты человек, Юсуф-эфенди, потому и не можешь понять ни меня, ни моего Руфата. Правда, говорят, что счастливые люди глухи к чужой боли...»

Все то, о чем говорилось в тот день в доме Юсуфа-эфенди, до единого слова через пять дней стало известно в Екатеринодаре, а потом и генерал-фельдмаршалу Паскевичу-Эриванскому.

И закружилось, взвихрилось время: под стук копыт и перезвон валдайских колокольчиков понеслись на тройках фельдъегеря через Крестовый перевал, по Моздокской степи, через рязанские леса, по столбовой дороге в Санкт-Петербург, к Его Императорскому Величеству Николаю I. А потом из Петербурга — на юг скакали, в Одессу. Из Одессы корабли пошли в Стамбул, к послу, который тут же запросил у Махмуда III чрезвычайной важности аудиенцию. В это же время на Северный Кавказ, в крепость Анапу, спешил фельдъегерь с пакетом, опечатанным сургучными печатями с двуглавым российским орлом.

Взял в руки этот пакет генерал Вышеславцев и подумал: не бывает из Санкт-Петербурга малозначащих пакетов.

И правильно подумал — это было сообщение о том, что по именному указу Его Императорского Величества князь Карбатыр Зан произведен в штабс-капитаны русской армии. До особого распоряжения в Черкесии сохранять мир и спокойствие.

И снова в этот день пакет из столицы. В этот раз генералу Вышеславцеву даже сами сургучные печати показались какими-то особенными. У генерала промелькнуло несколько догадок, но генерал даже близко не мог предположить того, что было в пакете.

Оставшись в кабинете один, Вышеславцев почему-то с опаской стал рассматривать пакет. И так вертел его в руках и эдак. Дело в том, что пакеты из Петербурга приходили крайне редко, может быть, раз в году, а тут два подряд.

На пакете полностью были указаны его имя, отчество, фамилия, звание и должность.

Обычно пакеты из столицы следуют таким путем: в Тифлис, в Ставрополь, Екатеринодар, а уж потом в Анапу. Возможно, ошиблись, прислав напрямик?

Неужели что-нибудь кляузное. Упаси Бог.

Генерал отошел к окну, все еще не решаясь открыть пакет, размышлял. Крепость его? Она в образцовом порядке. Офицеры и солдаты всем обеспечены, всем довольны, корма для лошадей запасено предостаточно. Если черкесы что-нибудь? А что? После того, как их хорошенько потрепали в нескольких местах, они притихли. Вот только шапсуги затеяли хасэ, но это мелочь. Мы и тут их быстренько приведем к порядку. Свинец и шашка вострая очень хорошо действует на этот неблагодарный народ. Вот хотя бы Сафербий Зан... Мутит и мутит черкесов, теперь еще и в Турцию поехал! Ничего, придет из Тифлиса ответ на мой рапорт, я сорву погоны с этого черкесского щенка. Да и тот полуадыг, полурусский Некрасов — несомненно они засланы к нам.

Прошел к столу генерал, распечатал пакет, и, не дочитав до конца бумагу, тяжело опустился на стул, резко позвонил, вызывая адъютанта:

— Немедленно освободить из-под стражи штабс-капитана Зана и пригласить ко мне. Да-да, именно штабс-капитана пригласить, вы не ослышались, а Некраса тоже

освободить и откомандировать для дальнейшего прохождения службы...

IV

Сафербий прибыл в Стамбул со своими спутниками под вечер.

Судно еще только подходило к причалу, а на берегу уже гудела толпа встречающих.

Пароходные гудки, людской гомон, крик ослов и над всем этим, над этой суетой с минаретов раздавались призывы муэдзинов на молитву. Мирская суета и возвышенная молитва пред Аллахом с рождения до смерти сопровождают каждого мусульманина в подлунном мире.

Сафербий много раз бывал в Турции, для него все эта не в новинку, а вот Нурмагомету и Траму эта ярмарочная пестрота и разноголосица были в диковину, им даже показалось, что они не только в другую страну попали, а вообще, в какой-то иной мир — чужой и даже страшный своей огромностью, своим кипением и безразличностью к маленькому человеку, к его судьбе, к его сердцу. Для них теперь Сафербий, как говорят, и царь, и Бог, и воинский начальник. Больше всех они боялись отстать от него, потеряться. К тому же они совершенно не знали турецкого языка. Спаси, сохрани и помилуй нас, Всемилостивый Аллах! — про себя просил Трам.

Нурмагомету было немного легче. Дело в том, что его мать Акоза была еще девушкой продана в Турцию, жила здесь, Мос Хагур разыскал ее в чужой стране и увез обратно домой. Мать много рассказывала Нурмагомету о Турции, и вот теперь он — поначалу ошеломленный увиденным, теперь как бы приходил в себя, вспоминал виденное, узнавал что-то. Отец тогда приехал, чтобы разыскать и вызволить из неволи свою будущую жену, как говорят, по личному своему делу, а Нурмагомет прибыл сюда по делам всей Черкесии.

Трам изо всех сил старался не выказывать своего волнения и растерянности, но как тут быть, если такой шум и гам, если все куда-то бегут, безо всякого уважения обгоняя тебя, будто ты и вовсе не человек. А толкаются как! И нет возможности обидеться! Если бы в ауле кто-нибудь вот так толкнул его, не просто ему пришлось бы, а тут на

кого обижаться, как обижаться, как взыскать за свою обиду? Как?!

Когда они остановились, чтобы нанять фаэтон, Трам не выдержал:

— Куда это годится! Нельзя же так!

— Что тебе не нравится, Трам? — улыбнулся Сафербий.

— Все не нравится. Они что, сумасшедшие? Вроде бы и не люди.

— Люди,— грустно сказал Сафербий,— люди и не сумасшедшие. Они голодные, они безработные, бездомные.

— Столько несчастных! — удивился Нурмагомет.

— Да, Нурмагомет. Это же огромный город, можно сказать, целое государство.

— А чего они пялят на нас глаза,— пожав плечами спросил Трам.

— Мы ведь одеты совсем иначе, чем они, мы чужеземцы, они это видят и интересуются.

Остановились адыги в гостинице.

После ужина они отправились на вечерний намаз.

И опять удивление. Уже поздний вечер, на улицах светло — свет падал из домов, а главное — от больших восковых свечей, горевших вдоль улиц. В мечети тоже удивление: мечеть такая большая, такая высокая, будто до самого неба поднялась, а красота какая! Никогда еще невиданная ни Нурмагометом, ни Трамом. Каждый из них решил, что она взята из сказки, иначе и быть не может. А молящихся сколько было! Трам подумал, если жителей нескольких аулов собрать вместе, все равно не будет никакого сравнения с таким количеством людей. Не сотни — тысячи молящихся.

Когда шли в мечеть, Сафербий сказал:

— Смотрите повнимательнее, чтобы потом каждый из вас мог сам найти обратную дорогу. Здесь потеряться не мудрено.

Еще Трам подумал: «Это такой громадный, такой невозможный город. А что же тогда вся Турция? Громадина, но русские побили ее, значит, они еще больше Турции, еще громаднее и невозможнее. И церкви у них, должно быть, побольше этой мечети, Петербург больше Стамбула. Получается, Россия великан, а что же такое Черкесия между ними?..

— Что с тобой, на тебе лица нет,— толкнул тихонько в бок Нурмагомет Трама.— Сюда, поторапливайся, надо занять место. Не зевай, это тебе не Бастук и не Куматыр.

Они опустились на коврики. Нурмагомет негромко продолжал говорить Траму:

— Ты видел какая тут роскошь, а откуда она? Турция да Россия позахватывали чужие земли, понатащили добра и теперь — кичатся ею.

Сафербий хотел было вмешаться в разговор, но сухонький мужчина толкнул его, мол, тише, помолчите.

Намаз начался.

Среди тысяч правоверных трое молились на адыгском языке. Один князь, другой — муртазик, третий — тфокотль. Все трое такие разные, они — адыги, приехали сюда по одному делу, и тут они все трое, как один...

В гостинице, перед тем как уйти в свою комнату, Сафербий сказал:

— С сегодняшнего дня, мои младшие братья, забудьте по отношению ко мне слово «зиусхан».

Тфокотли озадаченно переглянулись.

— Да, я не оговорился,— забудем это слово,— твердо сказал Сафербий.— Мы дети одной нашей земли, у нас с вами одна цель, все трое мы должны быть едины, как один человек. Если бы я вас не уважал, не ценил, то не поехал бы вместе с вами сюда. У нашего народа мудрые обычаи. С меня досточно, что я старше вас, достаточно вашего уважения к старшему, а «зиусхан», «князь»... Не надо. Да поможет нам Аллах. Спокойной ночи.

Как Сафербий и предполагал, добыть копию Эдирнского соглашения на турецком языке было совсем не трудно: буквально на другой же день ее принес Магомет Солохур. На лощенной бумаге, с большой круглой государственной печатью.

И Сафербий, и Нурмагомет, и Трам были очень довольны, искренне поблагодарили земляка за добрую услугу.

— Что же касается встречи с султаном,— сказал Солохур,— тут дело будет потруднее. Ты же понимаешь, Сафербий — это сам султан! Прежде с тобой будут говорить его отдаленные помощники, потом они передадут свое мнение выше, выше. О, пошли, Аллах, хоть бы через месяц тебе к нему попасть.

Сафербий вспомнил свою встречу с Солохуром по дороге в Тифлис к Паскевичу. Он тогда ему сказал, будто едет в Сухум, мягко выражаясь, обманул его, и теперь испытывал перед ним неловкость. Не забыл Сафербий и того, что Солохур приезжал в Черкесию по заданию своего ведомства, уговаривал адыгов переезжать в Турцию, он говорил, как их хорошо примут единоверцы, какая прекрасная страна султана Махмуда. Он обещал поговорить с русскими, чтобы, те отпустили адыгов. Адыгам предложение покинуть родину и уехать на чужбину, какой бы она красивой и богатой не была, показалось оскорбительным. Они чуть не убили Солохура, посчитав его предателем, но все-таки пожалели. Так и сказали ему: благодари Аллаха, что Он внушил нам в тебе милосердие, к адыгу, соплеменнику. А сейчас выяснилось, вовсе не предатель Солохур.

— Я постараюсь сделать для вас, что могу, но ты не рассчитывай так скоро все уладить.

— Конечно, Магомет. Жил я здесь, знаю чванство придворных. Адыгам просто обидно, что Турция бесчестно обошлась с ними.

Помолчав, Солохур с сердечной искренностью и благодарностью сказал:

— Спасибо, Сафербий, что ты не забыл обо мне, что понимаешь сложность моего положения. Надо сказать честно: я не очень верю в добрый исход вашего дела. Россия могучая страна, у нее сильная и хорошо подготовленная армия, она показала это Турции. Да что тебе говорить, ты ведь сам был офицером русской армии... Мне хочется еще сказать тебе дружески вот о чем: ты говоришь, что не по личным делам хочешь обратиться к султану, но ведь ты официально не представляешь определенное государство, значит, ты — частное лицо. Поэтому и французы, и англичане и другие государства не могут иметь с тобою дела международного значения. Я понимаю всю несправедливость этого, но таков в нынешнем мире порядок. Что же касается Турции — не верю я ей и тебе советую не верить. Она приглашает адыгов как дешевые рабочие руки. Не больше. Разговор о мусульманской вере — это так, для пущей важности. Ну и Россия. Что она? Кто мы ей, что для нее Черкесия? Она будет иметь дело с адыгами лишь с позиции собственных государственных интересов. Мы

хотим быть свободными, а зачем это России? Нам нужно, чтобы возле царя были мудрые, дальновидные государственные деятели, чтобы понимали национальное самосознание каждого народа, независимо от численности, чтобы они были людьми большой культуры, широких взглядов, а где их взять? Чаще всего монархов окружают карьеристы, выскочки, льстецы, далеко не умные. Что же мы от них хотим?..

Сафербий высоко оценил все сказанное Солохуром, оценил его ум, знание. В общем-то он и сам именно так думал, когда ездил по адыгской земле, встречался с родовитыми и тфокотлями, с царскими генералами. Он понимал, если бы даже Турция и захотела как-то помочь адыгам, она сама сейчас бессильна перед Россией, потерпев поражение. А что сами по себе адыги перед русским колоссом? Но не может он, Сафербий, как и все истинные адыги, сбрить усы и опуститься на колени перед Россией. Правильно говорил абадзехский родовитый Хатырбай Цей: если у человека есть только одна смерть, то вложи в нее все свое мужество, храбрость и честь.

— Вот видишь, теперь, когда мы обращаемся к Турции,— как бы сам себе стал говорить Сафербий,— то получается, мы — не государство, а когда они нуждались в нас, юлили перед адыгами, от имени государства турецкого купили у моего отца Магомчерия Зана землю возле Анапы. Е-вой-вой, отец, ты хотел, как лучше, а обернулось вон как плохо. Посмотрел бы ты, отец, что сделал с адыгами...— Сафербий замолчал и сидел, рассеянно глядя перед собой.— Прости меня, отец, что я потревожил тебя земной суетой.— Помолчал Сафербий, уходя от скорбной мысли, потом протянул Магомету бумагу: — Постарайся во имя многострадальной Черкесии передать это мое послание султану Махмуду. Здесь я все написал об адыгах, о Черкесии, о княжеском роде Занов, постарайся, чтобы султан принял меня. А если нет, будем искать другие пути и средства. Только имей в виду, месяц — слишком долгий срок для нас, нам каждый день дорог, каждый день стоит крови адыгов... А я думаю заняться поиском встречи с английским и французским послами.

— Считай, Сафербий, что дверь к английскому послу уже открыта перед тобою.

— Каким образом! — удивился Сафербий.

— Секретарем английского посольства служит Уркварт.

— Даутбей, что ли?

— Да.

— Валлахи, это же очень хорошо, Магомет...

В тот же день Магомету Солохуру удалось передать бумагу Сафербия Зана султану Махмуду. Не даром говорится: когда человеку сопутствует ее величество удача, все делается, как бы само собой. В тот самый день турецкому султану пришла из России депеша, и он уже сам разыскивал князя Сафербия Зана, сына Магомчерия.

Возбужденный, окрыленный вошел Сафербий в комнату своих спутников:

— Наденьте свои лучшие одежды. Нас ждет султан Махмуд! У подъезда уже стоит присланный за нами фаэтон. Нашу молитву услышал Аллах. Великое спасибо и Магомету Солохуру.

Где-то через час трое адыгов в сопровождении турецкого посланного вошли в султанский дворец Топ-Капы. Там их встретил стражник и повел дальше, передав другому стражнику. Так они, передаваемые одним стражником другому, миновали несколько комнат.

Комнаты — это слишком скромно, даже бесцветно сказано, потому что они были настолько богато, ярко отделаны, украшены позолотой, лепниной, что у Трама и Нурмагомета просто слепли глаза от блеска невиданного ими никогда убранства. Наконец их задержали в комнате у высоких, похоже, бронзового литья и чеканки дверей, у которых застыли двое в турецком одеянии с копьями в руках. У окна сидел за столом военный, напротив него еще двое стражников — само величие и строгость. Один из них, показывая на Нурмагомета и Трама, что-то сказал по-турецки. Ему что-то ответил Сафербий. Тот стражник рассердился, направился к Сафербию.

— Что он говорит, зиусхан? — почуяв недоброе, спросил Трам.

— Они требуют, чтобы мы отдали им оружие. Нельзя к султану с оружием.

— Валлахи, зиусхан, скорее мир перевернется вверх тормашками, чем я отдам оружие,— в упор глядя на стражника, сказал Трам.— Скажи, зиусхан, и от моего имени тоже, адыги не снимают своего оружия. Валлахи,— возму-

щался Трам,— что они за люди такие, если не понимают наших, мужских законов!

Сидевший за столом, поклонился легким, барским поклоном Сафербию, сказав что-то стражникам, прошел к султану. Пробыл он там недолго, выйдя сказал, что они могут войти к султану с оружием.

Стражники откинули скрещенные пики и пропустили гостей.

Комнату, в которую они вошли, даже нельзя было назвать комнатой — это огромное пространство, в котором все блестело, светилось, горело золотом и серебром, разными узорами. Пол и тот было трудно назвать полом, потому что в нем будто в зеркале отразились вошедшие. И вот в этом пространстве за необъятно большим дубовым столом сидел смуглый, круглолицый, упитанный мужчина, на плечах которого красовались огромные золотые эполеты, на груди ордена. Несмотря на пышность усов, ширину плеч, золотые эполеты и ордена, выглядел он в этом пространстве, окруженном роскошью золота, серебра, богатством отделки, маленьким, потерянным человеком, выглядел так, будто не он властвовал над всем этим, а оно над ним.

Сафербий остановился в нескольких шагах от султана, и, приложив правую руку к сердцу, поклонился княжеским поклоном.

Султан вежливо улыбнулся, жестом руки пригласил садиться, и увидев, что сел только один князь, спросил:

— Почему они не садятся?

— В присутствии своего князя адыги не могут сидеть, великий паша,

— Они знают турецкий язык?

— Они — адыги, великий паша.

— Это охрана натухайского князя?

— Они охраняют адыгского князя Сафербия Зана, ваше величество,— с легким, почти незаметным упреком ответил Сафербий.

Понял султан и, не то попросил, не то потребовал:

— Если ваши стражники уйдут в соседнюю комнату, мы сможем спокойнее, доверительнее говорить.

— Как вам будет угодно, великий паша.

Они остались вдвоем и султан посмотрел на Сафербия приветливо, добродушнее.

Спокойнее и свободнее почувствовал себя Сафербий. Похоже, подумал он, султан знает о том, что происходит в Черкесии, и хочет мне что-то сказать один на один, без свидетелей. Если с добром отнесется к адыгам — хорошо, но все равно я скажу ему, что Турция поступила с нами плохо. Скажу, пусть будет как будет, хуже того, что он сделал с нами, не сделает. Так подумал князь Сафербий.

— Мы слушаем тебя, гость,— сказал султан.

— Я — посланник адыгов, сын князя Магомчерия Зана...

— Полноте, гость,— улыбнулся султан,— нам все это очень хорошо известно. Турки не забыли и никогда не забудут заслуги перед Турцией отца твоего, Магомчерия Зана. Поверь моему слову. А теперь объясни мне поточнее, что хочет шапсугское хасэ, пославшее тебя сюда.— С этими словами он протянул Сафербию послание русского императора.— Здесь говорится об отношении России к Черкесии. И о тебе лично тут говорится. Тайное это письмо, гость, тайное.

— Я бы не хотел знать чужие тайны, великий паша,— не читая, Сафербий протянул его обратно султану.

— Думаю,— лукаво сощурившись, сказал султан,— никогда не лишне знать намерения твоих врагов. — Он пытливо, в упор смотрел на Сафербия, не стал брать у него русское послание.— Приятно, что ты столь благороден и честен, князь, однако прочти. Думаю, тайна сия останется между нами.

Сафербий быстро пробежал два листка, не полностью исписанных, и протянул их обратно с таким настроением, будто ничего интересного или нужного в послании не обнаружил.

Хозяин и гость сидели выжидая. Ни тот, ни другой не хотел начать разговор.

Вихрились в голове Сафербия мысли: вон как быстро все стало известно в Петербурге, как быстро щупальцы русских протянулись и сюда. Гляди что пишут: «...шапсуги посылают к вам натухайского князя Сафербия Зана, который в свое время служил у вас. Найдите повод на время задержать его у себя, пока мы разберемся в Черкесии с адыгами. Если у вас есть свои предложения, просьба, мы отнесемся к ним с достаточным вниманием и пойдем на определенные уступки...».

— Что же ты молчишь, князь? — неожиданно спросил султан.— Что скажешь мне?

— Что я могу сказать? Разве твой враг может о тебе думать хорошо?

— Разве черкесы — враги России?

— Мы ни с кем не враждовали, не захватывали ничьи земли, не навязывали свою волю. К нам пришли, нашу волю насилуют, и мы вынуждены защищать себя, свою родину.

Нахмурился султан, помолчал:

— Не знаю, что из этого может получится. Когда мы подписывали Эдирнское соглашение, русские говорили, что черкесы издревле дружат с ними. К тому же они победители...— эти последние слова он сказал с горечью и в оправдание себе.

— Адыги обижаются на вас, великий паша, что вы... отдали нас, будто мы...

— Знаю,— перебил султан,— что обижаются, но не мы вторглись на земли черкесов, а русские, гяуры. Никто не сможет сказать, что турки отняли у черкесов землю, насилуют их. Послушай, князь, внимательно, раз уж я начал говорить об этом. Турция заключила тот мир с Россией вынужденно, и теперь мы не имеем права вмешиваться в ваши дела, но как бы вы не повели себя, знайте, мы сердцем всегда с вами, даже будем тайно оказывать помощь. И не только мы — другие государства тоже. Однако имейте ввиду, открыто не будем. Только тайно — оружием, порохом. А теперь — я ничего тебе не говорил, князь, ничего не знаю, но те, кому это нужно, должны знать. И да благословит вас Всемогущий Аллах. Кстати, Чечня и Дагестан тоже воюют с Россией, и это вам подспорье.

Замолчал турецкий султан, сдвинул черно-смоляные густые брови, глядя перед собой на дубовое поле письменного стола, словно читая там что-то невидимое:

— Я выполню просьбу русского царя. Сын Магомчерия Зана служил в турецкой армии, завтра он опять станет ее офицером. Мы знать не знаем зачем ты сюда приехал, ничего не слышали о черкесских послах. Ты умный и мудрый человек, князь, в случае чего, если что-то заподозрят русские, нам придется поступать с тобою круто, надеюсь, ты, конечно, понимаешь. Пусть сопутствует тебе Аллах.

Вот какие жизнь и судьба может делать крутые повороты, такие крутые, что того и гляди, вылетишь из седла, сорвешься в пропасть. И не волен ты, не волен перед нею — только и можешь с затаенной ненавистью, с гневом улыбаться султану... Сафербий и его сын Карбатыр — наследники древнего и славного княжеского рода адыгов — один служит в Российской армии, другой в турецкой, но при чем же здесь адыги, при чем многострадальная Черкесия?!

Сдержался Сафербий, внешне совершенно спокойно сказал султану:

— Значит, это капкан, и я в него попал...

Перед тем, как подняться на борт судна, чтобы уплыть домой, Трам не мог не спросить князя Сафербия:

— А когда тебя ждать в Черкесию, зиусхан?

Нелегко и больно было Сафербию говорить своим спутникам неправду, но и правды не имел права сказать, поэтому так ответил:

— Как повелит Аллах, так и будет! Неведом нам его замысел... А вы так и сделайте, как уговорились — бумагу отдайте тфокотлям, скажите: ни на Турцию, ни на Россию адыгам надеяться не приходится, надо надеяться только на самих себя да на волю Всемогущего и Всеведающего Аллаха. Дома всем нашим скажите, что бы со мной не случилось, пусть верят мне.

— А что может случиться, зиусхан? — встревожился Нурмагомет.

Глаза Сафербия стали такими печальными, что печальнее и не бывают, не могут быть:

— Как знать? Все может случиться.

Пароход прощально прогудел, опять тоска и боль сдавили сердце Трама — опять вспомнилась Мерем. Он с борта корабля с волнением, с надеждой, с последней надеждой стал всматриваться в лица толпившихся на берегу женщин — не увидит ли Мерем, не зажгутся ли ее глаза среди сотен женских глаз, не услышит ли ее голос? Нет, нет...

Пыхтел, урчал пароход, вспенивая воду, уплывал в Черкесию.

В шумной и суетной толпе один-одинешенек стоял на берегу чужой земли и смотрел вслед уходившему кора-

блю князь Сафербий Зан. Мужественным, волевым человеком был князь, но со своею тоской по родной земле не мог справиться, дал ей волю, и блеснули его глаза слезой. Всего лишь на несколько мгновений, но блеснули. Благо рядом с ним стояли совсем чужие люди, им никакого дела не было до него.

V

Только зажги сухой хворост, всего лишь одной искрой, и потом уже не справишься с ним, не остановишь, пока огонь не сожжет все, что можно сжечь. Так и огонь войны — ничем не зальешь жестокого пламени, одной лишь кровью людской, кровью невинных, самых добрых, самых чистых.

На Кавказе полыхала, жгла землю и небо война — Дагестан, Чечня, а теперь и Черкесия.

Российский царь, идя на Кавказ, рассчитывал, что кавказцы встретят его, преклонив колени, склонив голову, а они показали ему свою любовь к свободе, выказали чувство собственного достоинства.

Не только кавказцы, но и Англия, Франция, Польша, Германия, Австро-Венгрия были недовольны русским вторжением на Кавказе, расширением его влияния на Ближнем Востоке.

Оживились тайные переговоры, переписки по этому поводу между государствами Европы. А иные, затаившись, выжидали.

Русский царь то ли не замечал всего этого, то ли делал вид, что не замечает — он был очень доволен тем, что установил свою власть на Черноморском побережье, надежно укрепил южные границы своей империи.

Уже воевали адыги, а царь все еще надеялся на их покорность и миролюбие, он думал, что все эти малые народы возьмут пример с Грузии и Армении, станут под корону России.

Так думал император Николай I.

Все противоречивее и тревожнее приходили донесения с Кавказа.

Николай подошел к окну.

Свежий снег все украсил своей чистотой, и тихим блеском. Крыши домов, фонарные столбы, чугунные

решетки оград — все выглядело естественно, как бы созданное самой природой. Золотисто-оранжевое солнце, поднимавшееся на небосвод, своими лучами делало землю, делало Петербург торжественным, требовало от человека возвышенных чувств, размышлений.

Черкесы, ах, эти черкесы, размышлял царь. Может быть, мы не так как надо обращаемся с ними? Но, собственно, что им не нравится, чего они добиваются, из-за чего бунтуют? Ведь по сравнению с моей гигантской Россией это совсем маленький народ. Странно, ведь они еще во время Ивана Грозного, били челом, стали под руку русских, присоединились к нам. Черкешенку отдали царю в жены. А теперь что случилось? Не подай мы им руки, их давно бы подмяла под себя Турция. Но какой смысл пускать турок так близко к нашему порогу. Ах, эти черкесы! Что за народ такой непонятный. Как их называет Хан-Гирей? Дай Бог памяти.

Царь пытался вспомнить название хотя бы одного адыгского племени и никак не мог. Рассердился, дескать, разве запомнишь эти многочисленные, почти дикие племена. Не нужны они нам, не нужны, пусть живут, как хотят, нам земли их нужны. Нам крайне необходимо морское побережье, прикубанские земли. И если говорить честно, богатейшие земли, а это хлеб, живое золото для России. Нам придется этих черкесов поставить на колени, как это не прискорбно. И чем быстрее, решительнее мы это сделаем, тем будет лучше для всех — меньше огня, меньше крови. Ах, как хорошо было бы без огня, без крови!..

Царь еще раз вспомнил Хан-Гирея. Тот увиделся ему стройным, ладным молодым человеком в черкеске, с русскими погонами. Молод, образован, из княжеской семьи. Очень приятный, достаточно умный, однако зачем ему понадобилось напрашиваться в наши наместники Черкесии? Если бы мы согласились с ним, наши дела там пошли бы совсем не так, как нам того хочется. Ведь, заимев своего наместника, предводителя, племена черкесов объединились бы, силу свою почувствовали, и тогда зачем им Россия. Нет и нет, князь Хан-Гирей, никакого наместничества. А что получается с князем Заном? И сам у нас служил, и сын его служит, а все в свою сторону смотрит, тоже ему наместничество понадобилось, а когда ничего с этим не вышло, подался в Турцию. По сравнению с ним

Хан-Гирей нам больше предан. По крайней мере он то и дело не меняет свои погоны, как Зан. Интересно, кроме этих двух, конечно же есть и другие, влиятельные среди них. Надо разыскать их, попробовать договориться с ними. И совсем не обязательно, чтобы это был князь — пусть будет и пониже, лишь бы договорился с нами и потом повел за собою черкесов. Надо, надо найти такого человека.

Царь вспомнил, что его мудрая бабушка Екатерина II, Великая Екатерина, подарила какому-то черкесскому князю за его доброе отношение к России серебряную саблю. Это князь из левобережной Черкесии, говорят, напротив Екатеринодара. Царь подумал, что хорошо бы найти кого-нибудь из потомков того князя, возможно, они еще ценят милость императрицы Екатерины. Хорошо бы найти, хорошо бы обойтись миром, без крови. От этой мысли у Николая I стало немного легче на душе, но тут отворилась дверь, и вошедший сказал:

— Государь, пришел ответ из Турции на наше послание.

— Кто пишет? — спросил царь, стоя у окна с заложенными руками за спину.

— Султан Махмуд II.

— Читай.

«Глубокоуважаемый и высокочтимый государь-император России! Спешим уведомить Вас, что Ваша просьба выполнена: мы задержали в Турции черкесского князя Сафербия Зана, сына Магомчерия. Мы вновь надели на него турецкие погоны, которые он снял, и вернули в наше войско, быть верным которому он дал присягу. Можете быть уверены, что Зан больше не станет подстрекать черкесов, не станет, таким образом, вас беспокоить...»

— Довольно,— прервал царь, когда тот дошел в чтении до приветов и подписей послания.

Император России неторопливо обернулся и спросил:

— Сам султан ничего не просит у нас?

— Нет, Государь, никаких просьб нет.

— Удивительно, а ведь султан всегда любит что-нибудь попросить. Удивительно.— Усмехнулся император, помолчал и потом опять спросил: — На какой час вы назначили аудиенцию флигель-адъютанту полковнику Хан-Гирею?

— В одиннадцать, Государь.

Царь достал из кармана часы, открыл крышку, нажав на кнопку. Послышалась приятная музыка.

Уже была половина одиннадцатого.

— Где сейчас флигель-адъютант? — спросил царь..

— Дожидается в приемной, Государь.

— Тогда в чем же дело?

— Еще не время, Ваше Величество.

— Проси.

Оставшись один, царь вернулся к столу, взглядом пробежал бумагу из Турции. Усмехнулся: ловко они разделались с Заном, однако можно ли им доверять?

Еще раз пробежал бумагу, насторожился: они называют Зана черкесским князем, а не натухайским — случайно это или умышленно? Царь дважды жирно подчеркнул слово «черкесский князь».

Вошел Хан-Гирей.

Николай I вышел из-за стола, и пошел навстречу Хан-Гирею...

С той минуты, как ему сказали, что его вызывает император, Хан-Гирей подобрался весь, напружинился, как перед прыжком. На душе было тревожно, но не без надежды: ведь прошел целый год с того дня, как он изложил царю свои взгляды на урегулирование адыгского вопроса.

Целый год прошел, и что это теперь вдруг он понадобился царю. Зачем?

Сейчас события в Причерноморье и Закубанье развивались уже таким образом, что мирным путем там ничего не решишь.

Может, царь решил послать меня в Черкесию? Как тогда посылал в Польшу? Польша, Польша, сколько там пролито крови! Там и самого Хан-Гирея трижды ранило. Нет-нет, поступить так, как он тогда поступал с поляками, с адыгами не мог. Это твердо. Флигель-адъютант хорошо знал, что государь-император не любит длинные разговоры и потому и приготовился к краткости. Приготовился и ошибся на этот раз: царь был сегодня добр и словоохотлив, даже весел — не царь, а благодетель. Очень этому удивился Хан-Гирей. И особенно тому, что царь подробно расспрашивал не только о его службе, но и о товарищах и родственниках. А потом поинтересовался:

— Вы знакомы с князем Сафербием Заном?

— Да, Государь.

— Какого он племени?

— Натухайского, Ваше Величество.

«Что это ему занадобился Зан, уже не намеревается он его возвысить?» — уязвленный завистью, подумал Хан-Гирей.

— Сколько племен у адыгов?

— Двенадцать, Государь: шапсуги, абадзехи, натухайцы, бжедуги, убыхи, темиргоевцы, махоши, хатукайи, адамийцы, егерухайи, беслинеевцы, кабардинцы,— четко, неторопливо, чтобы царь мог расслышать чужие ему имена,— сказал Хан-Гирей.

— Которое из названных вами племен способно больше всего нам помешать в наших кавказских делах?

— Правду сказать, Государь, все могут,— не без злорадства, ответил Хан-Гирей.

— Положим, полковник, не все,— усмехнулся царь,— скажем кабардинцам мы верим.

— Прошу прощения, Ваше Величество... Вам виднее, конечно, но вы спросили, и я искренне ответил.

— Черкесы разговаривают на одном языке?

— Как я имел честь писать вам, черкесы делятся просто территориально, называются по названиям своих земель, а разговаривают на одном общем языке, с некоторыми местными различиями, у них одна вера, живут одними обычаями и законами, поют одни песни, рассказывают одни сказки. Правда у некоторых горных шапсугов еще сохранилась языческая вера. Но это не у многих.

Царь отошел к окну, и Хан-Гирей повернулся в ту сторону, держа руки по швам, вытянувшись, как говорят, в струнку.

— Еще один вопрос, полковник,— не оборачиваясь, сказал царь.— Не знаете ли вы кого-либо из черкесов, пусть это не обязательно князь, просто чтобы популярный у адыгов человек. Умный, сильный.

— Знаю, Государь.

— Назовите.

— Из абадзехов — Хатырбай Цей, из шапсугов — Сафербий Зан, из убыхов — Джирандук Берзедж, из темиргоевцев — братья Джамбулат и Шекультыр Болотоковы, из бжедугов — Асланбеч Хаджемуков.

— Кто, говорите, из бжедугов? — живо обернулся царь.

— Асланбеч Хаджемуков, Ваше Величество.

— Бжедуги живут за Кубанью, напротив Екатеринодара, так?

— Да, Государь,— Хан-Гирей был удивлен тем, что царь интересуется бжедугами.— Я тоже из тех мест. Ваше Величество.

— Это Хаджемуковым Россия пожаловала серебряную саблю? — вспомнил наконец царь фамилию.

— Да, Государь. Это Алкесу, отцу нынешнего князя Бжедугии Асланбеча Хаджемукова, Екатерина II от имени России пожаловала серебряную саблю... Алкес Хаджемуков умер несколько лет назад. Как я помню. Государь, это был достойный, мудрый князь,— почему-то с гордостью сообщил Хан-Гирей.

— Говорят, у доброго отца не бывает худого сына...— сказал царь. И в упор глядя в лицо Хан-Гирею продолжил.— Полковник, мы довольны вашими заслугами перед российским престолом. Вы подтвердили верность данной вами присяге. От лица российского престола благодарю вас. Есть распоряжение, чтобы отметили ваши заслуги... но я пригласил вас еще и вот по какому вопросу: к нашему сожалению и к нашей неожиданности, хотя вы и предупреждали нас, дела у нас в Черкесии идут неважно. Мы вступаем в войну, совершенно ненужную обеим сторонам. Вы знаете, полковник, я не хочу, чтобы пролилась кровь, однако толпа свободных черкесских крестьян упорствует и вынуждает нас взяться за оружие. Мы не хотим воевать, а они вынуждают нас. Я хотел бы, полковник, чтобы вы встретились с черкесскими князьями, просто с влиятельными черкесами. Пусть это будут и родовитые и крестьяне, и сумели убедить их в том, что им выгоднее жить в мире с нами, под крылом доброго Императора Великой России. Скажите им, что они получат все, любую помощь нашей державы. Я доверяю вам, полковник. Хотите открыто, так сказать, официально встречайтесь со всеми, с кем сочтете нужным, или тайно. Ваш выбор.— Царь пристально, проникновенно глянул на Хан-Гирея, потом добавил: — Извините нас, полковник, за то, что мы не поддержали вас в прежних ваших намерениях по черкесскому вопросу. В то время они противоречили нашим интересам.

— Благодарю вас, Ваше Величество, за оказанное мне доверие. Рад выполнить ваше высочайшее повеление. Я встречусь с влиятельными черкесами, приложу все силы,

чтобы донести до их сознания смысл ваших высоких и благотворных мыслей и замыслов. Простите, Государь, за мою вольность, я смею подтвердить сказанное вами — великий грех пролить кровь одного человека, а кровь целого народа — величайший грех... А еще, Ваше Величество, если бы вы... так сказать...

— Говорите, я слушаю вас,— подбодрил Хан-Гирея царь.

— Если я приеду к своим в погонах русской армии, вряд ли они отнесутся ко мне с должным доверием, а вот если бы я вернулся туда, с вашего высочайшего благоволения и милости, наместником Черкесии, это был бы совсем другой разговор с моими соплеменниками, а я в свою очередь мог бы оказать неоценимые услуги Великой России, я сделал бы все, чтобы черкесы служили трону Вашего Величества верой и правдой...

Царь мягко, даже как-то вкрадчиво ступая, отошел от окна и сел за стол. Раздумчиво побарабанил костяшками пальцев по столу.

Поднялся, вышел из-за стола, остановился напротив Хан-Гирея, пронзил его взглядом ярких глаз, чуточку сощурился: «У-у, строптивец! Все-таки стоишь на своем!» — подумал так Николай I, улыбнулся.

— В ваших словах есть смысл, полковник. Мы еще раз подумаем.

Хан-Гирей, слушая императора, согласно кивал головой, даже благодарно улыбался, кивал согласно, хотя отлично понимал всю фальшь этой высочайшей игры, но истинный смысл он узнал позже, когда согласно письму Бенкендорфа министру Чернышеву, его не отчислили из армии, а предоставив двенадцатимесячный отпуск, отправили домой в Черкесию, в аул Тлюстенхабль[1].

[1] 17 марта 1840 г. Бенкендорф пишет военному министру России А. И. Чернышеву следующее: «Командир лейб-гвардии кавказско-горского полуэскадрона флигель-адъютант Хан-Гирей, будучи с давнего времени одержим сильною болью в боку и ослаблением правой руки, при всем усилии медиков не чувствуя никакого облегчения... По уверению врачей, для совершенного излечения, должен быть хотя на некоторое время отправлен на родину».

Когда же, закончив годичный отпуск, Хан-Гирей вполне здоровым возвратился в Петербург, 1 июня 1841 года его отчислили из российской армии с правом ношения погон, поселился недалеко от Екатеринодара в своем родовом имении аула Тлюстенхабля.

Первым делом Руфат отправился не в Анапу, где находилась любимая им девушка Груня, а в Шабежскую крепость. В тайные его намерения никто, кроме бабушки, не был посвящен, потому он, таясь от всех, и отправился подальше от Абадзехии и Шапсугии к казакам в крепость. Казакам он открылся в своей любви, они охотно его взяли на службу, но, естественно, присматривали за ним на первых порах — не выпускали одного из крепости, даже на вышку посылали вдвоем с казаком, а больше заставляли заниматься хозяйством — почистить конюшню, подмести двор, чистить на кухне картошку. Руфат не только не обижался, а все делал с охотой. Русский по крови, воспитанный бабушкой, он быстро освоился с жизнью среди своих соплеменников. Ему было приятно слушать русские песни, он вскоре и сам стал подтягивать родные мелодии. А еще — очень скоро от мусульманской веры пришел к христианской, молился вместе со всеми. И только иногда произнося «аминь» вдруг по-мусульмански вскидывал руки. Да кубанку носил по-прежнему, крепко надвигая ее на уши.

Немного прошло времени, и Руфат уже вовсе не вспоминал ни Дахап, ни друзей из аула, теперь кроме русских солдат крепости никого не существовало. Никого — вот еще только Груня.

Однажды в черкесской форме в крепости появился Хан-Гирей. Увидел его Василь Бутенко и удивленно воскликнул:

— Братцы, глядите, кто к нам приехал! Это сам Хан-Гирей!

— Хан-Гирей приехал! — передразнил Василя Руфат.— Подумаешь, птица какая!

— Так он же флигель-адъютант царя!

— Был на службе у царя, видной птицей был. Был да слинял,— совсем сердито сказал Руфат и пошел прочь, не захотел видеть Хан-Гирея.

Иначе отнесся Руфат к приезду в крепость Карбатыра. Узнав о его приезде, прежде всего подумал о Груне, захотел поскорее расспросить о ней Карбатыра. Но это как, ни с того ни с сего заведешь о ней разговор — нехорошо, и он воздержался, смирил свое сердце.

Не торопился видеться с Руфатом и Карбатыр, ему неприятно было видеть его, который тайком сбежал от

семьи и носит теперь царскую форму солдата. Не торопился, но увидеться надо, об этом его просила сестра Руфата, Мария. Иначе ни за что он не подошел бы к новоявленному перебежчику. Правду в народе говорят: как волка не корми, он все равно в лес смотрит.

Занятый служебными делами до самого обеда Карбатыр не виделся с Руфатом, хотя несколько раз проходил мимо казаков, среди которых был и он. Они вытягивались перед ним, отдавали честь. Он молча отвечал им, проходя мимо. Лишь закончив дела, послал казака за Руфатом.

Явился Руфат. У порога вытянулся, ретиво щелкнул каблуками и четко доложил:

— Казак Шабежской крепости Роман Тимофеевич Некрасов прибыл по вашему приказанию. Здравия желаю, ваше благородие!

— Как ты сказал?! — крайне удивился Карбатыр.— Ну-ка, сядь сюда. Садись.

— Благодарствую, ваше благородие. Я постою.

— Говорят тебе — садись! — начал сердиться Карбатыр.

— Не могу, не положено!

— Ты что — спятил?!

— Никак нет, ваше благородие.

— Не-ет, ты сошел с ума! Я говорю с тобою по-адыгски, а ты все талдычишь по-русски. Определенно помешался умом!

— Никак нет, я в полном здравии, ваше благородие.

— Я тебе приказываю — садись, иначе за неподчинение старшему отправлю в карцер!

— Лучше в карцер, ваше благородие, чем лопотать на чужом мне языке.

— Ах, вот как! Пошел вон, болван! — не сдержался и закричал по-русски Карбатыр.

— Слушаюсь, ваше благородие! — козырнул Руфат и исчез за дверью.

— Болван, болван! — крикнул вслед Руфату вконец сбитый с толку Карбатыр.

Всю обратную дорогу от Шабежской крепости до Анапы Карбатыр думал и думал о Руфате.

Доходили до него разные недобрые слухи о нем, но Карбатыр не верил им — мало ли что люди говорят, судачат, но после того, что он сам увидел, поверил.

Нет, это не укладывалось у него в голове!

Почему сын Тима стал таким, почему он отвернулся от адыгов? Что они сделали ему плохого, чем обидели? Он даже слышать не хочет нашей речи, той речи, на которой научился вообще говорить?

В размышлениях о Руфате Карбатыр вспомнил о письме, которое переслал отец из Турции, вернулся к себе домой. Дело не в том, будто в русской армии, где он служит, с ним враждуют. Было такое: после шапсугского хасэ его арестовали, но совсем не надолго, больше того — вскоре царь повысил его в звании, об этом узнали не только в Анапе, где служил Карбатыр, но и в Екатеринодаре, в Ставрополе, во всех казачьих крепостях. Отец советует ему в своем письме: «...веди себя на службе, как надлежит офицеру, будь во всем исправен».

Слышал Карбатыр и раньше от отца о верности, об офицерской чести, но то было совсем другое время, все надеялись на мирный исход решения адыгского вопроса, надеялись, что российская военная администрация поймет адыгов и согласится удовлетворить их просьбу, уважать их свободу, национальную самостоятельность. Но потом отец сам организовал антирусское шапсугское хасэ, по его поручению поехал в Турцию за поддержкой политики адыгов. А теперь? «Не забывай о заслугах русских, живи с ними мирно». Как это понимать?..

Думая о предстоящих задачах войска, в котором он служит, Карбатыр казнил себя, не мог спать, есть... Он поведет своих солдат на аулы, где играл в свои мальчишеские игры со сверстниками, где весело, сколько он помнил себя, пели петухи, лаяли собаки и блеяли овцы, радуясь жизни. Он, адыг, поведет солдат, чтобы убивать адыгов, жечь их дома. Своими руками сожгет, разрушит мечту своего детства, своей юности, он — потомок древнего княжеского рода Занов.

И на это его благословляет отец? Князь Сафербий Зан?!

Как это все понять, как уместить в голове? Карбатыру казалось, что он не выдержит напряжения. Правда, было во всем этом и смягчающее обстоятельство: не все русские офицеры согласны с политикой царя на Кавказе, а уже о простых солдатах и говорить нечего — они не хотят убивать мирных людей, разорять села. Конечно, это не высказывалось открыто, но оно жило.

Штабс-капитан Ракитов в свое время был связан с декабристами. Он сочувственно, даже дружески, в определенном смысле, относился к Крылову, разжалованному из офицеров в рядовые, был в добрых отношениях с солдатами — мягкий, добрый, всегда внимательный. За это его в верхах называли либералом.

Ракитов пожал руку Карбатыру:

— Поздравляю вас, князь, со столь скорым присвоением вам звания штабс-капитана. И это сразу же после карцера! Поздравляю! Только не пойму, чем вы в своем заточении заслужили такую честь? Однако я рад за вас.

— Может быть,— вступая в тон Ракитова, улыбнулся Карбатыр,— мне выпала такая честь за то, что исправно, даже героически гонял в карцере крыс?

— Нет, князь, я серьезно говорю, искренне рад и поздравляю.

— И все-таки,— стал серьезным Карбатыр,— не пойму, за что мне такая честь? Возможно, вы понимаете? Скажите.

— Может, из-за того, вернее, в благодарность того, что ваш отец собрал шапсугское хасэ?

— Ну и что? Отец Руфата Некраса тоже был с моим отцом. Могли бы и Руфата повысить.

— Конечно, нет — отец Руфата всего лишь крестьянин, а ваш отец — князь.

— Однако в Черкесии много князей.

— Но только Сафебий Зан взялся за организацию.

— Но если говорить всерьез, что толку от того хасэ?

— Вероятно, вы в чем-то правы, но, возможно, не столько само хасэ важно, сколько роль князя Сафербия как руководителя, человека возглавившего, а еще...— Замолчал Ракитов.

— Что еще? — настороженно спросил Карбатыр.

— Вы знаете, что сказал ваш отец, когда его спросили о вас на хасэ?

— Не знаю. Надеюсь, скажете?

— Он заявил: если вам доведется встретиться на узкой военной тропе, он, не задумываясь, направит свое оружие против вас.

Горестно и не без огня самолюбия улыбнулся Карбатыр:

— Если дело дойдет и до такого, я, разумеется, не стану прятаться в кустах. Надеюсь, верите мне.

— Верю,— еще тоньше улыбнулся Ракитов,— но, не кажется ли вам, князь, что меч вашего отца в этом случае будет защищать большую справедливость? Подумайте над этим.

— Я давно все обдумал, штабс-капитан Ракитов. И прошу вас, пожалуйста! — повысил голос Карбатыр.— Пожалуйста, не заботьтесь так ревностно о моей чести!

И вот теперь этот неожиданный и довольно странный разговор у звонкого, хрустально яркого родника не выходил из головы Карбатыра, заставлял размышлять, вызывал не совсем объяснимую симпатию к Ракитову. А еще было обидно, что не пришлось больше встретиться со штабс-капитаном...

Спустя время, к Карбатыру прибежал Руфат Некрас. Он еле дышал от волнения.

— Ты принес дурную весть? Что случилось?

— Я отомстил штабс-капитану Ракитову! — выпалил Руфат.

— Каким образом? — встревожился Карбатыр.

— Он все время издевался надо мной, говорил, будто я плохо относился к солдатам, Василю Бутенко чего-то такого на меня наговорил, что тот обиделся. Сколько я вынес от него обид, но все-таки подловил голубчика: застал его, когда он тайно, как не положено офицеру, беседовал с солдатами. Тут я его и прихлопнул — доложил об этом генералу. Он мерзавец, он сукин сын этот Ракитов!.. Ты понимаешь, что он говорил солдатам?..

Карбатыр озадаченно смотрел на Руфата.

Руфат не замечал этого и продолжал горячиться. Карбатыр остановил его, подняв руку:

— Ты уверен, что поступил правильно?

— Еще бы! Конечно! С собакой и поступают по-собачьи!

— Замолчи! — наконец не выдрежал и прикрикнул Карбатыр.

— Ты чего кричишь на меня?! — Только теперь Руфат заметил, как изменился в лице Карбатыр, как взволнован он.— Что с тобой?

— Не со мной, а с тобой. Неужели не понимаешь, что донос — это всегда гадко. Гадко! Тем более, донос на своего командира, с которым тебе придется идти в бой. Стыдись же, стыдись своего поступка! А ты хвастаешься.

— Видишь ли... Он, понимаешь, на тебя разное наговаривал, так что не надо его жалеть...— не совсем уже твердо сказал Руфат.

— Что наговаривал? Да и какое это имеет значение.

— Имеет, Ракитов говорил, что царь повысил тебя в звании, подкупил, чтобы адыгов задобрить, утихомирить. Пусть покарает меня Аллах, если я говорю неправду. Сам слышал от него эти слова. А солдатам говорил, что царь сделал из них грабителей, разбойников, заставляя воевать с мирными людьми, грабить их землю.

— И что же ты видишь плохое в этих праведных словах?

Растерялся Руфат, совсем сник, не знал, что и ответить.

— Говоришь плохого?.. Правду сказать, Карбатыр, ничего плохого он не говорил об адыгах. Но мы с тобою — солдаты русской армии, присягали на верность России, вот я и не мог стерпеть. Но что же делать, что?!

— Ладно, успокойся,— сказал Карбатыр,— теперь уж жалей, не жалей — что толку. На будущее тебе это.

Около полудня Карбатыр, прихватив с собою Руфата, отправился к генералу Вышеславцеву, просить за штабс-капитана Ракитова. Он уговорил Руфата сказать генералу, что оговорил штабс-капитана из-за личной обиды, из-за неприязни к нему.

Как взъярился генерал, как возмутился! Казалось, он готов был растерзать Руфата Некрасова, но, как говорят, раскаявшийся грешник уже не грешник, вероятно, по этому поводу генерал и сменил гнев на милость, ограничился устным порицанием ему и тут же приказал освободить из-под ареста штабс-капитана.

— Думаю, Роман Тимофеевич,— отечески обратился генерал к Руфату,— сегодняшний день для тебя большая наука на будущее, ибо честь, особенно для нас, военных, превыше всего, без совести, без чести нет солдата, есть разбойник.

Выпустили Павла Ивановича Ракитова из заточения, и он ни в тот день, ни во все последующие не узнал, по чьей милости его освободили, вернули ему доброе имя офицера, человека чести и совести. Что касается Руфата, он тяжело пережил этот свой грех и, разумеется, молчал, как рыба, исправно нес службу, следя из Шабежской крепости за адыгами Шапсугии, Натухая, Абадзехии и Бжедугии...

Зима еще не сдала свои позиции, но по тому, как вела себя на базах скотина, чувствовалось приближение весны.

Солнце день ото дня все дольше проводило времени на небосводе, все выше поднималось над горизонтом, светило, оживляло своими лучами природу.

На снежных проталинах из-под вчерашней жухлой травы пробивалась свежая, по-весеннему веселая зелень.

Воробьи все меньше проводили времени под стрехами, жаворонки все выше поднимались в небо, все громче слышались их песни.

Постукивали топоры и молотки в селениях — это хлеборобы готовили к полевой страде свой нехитрый инвентарь.

Не прошло еще и месяца, как Хан-Гирей возвратился из Петербурга в родной аул и теперь здесь встречал весну.

Пока проехал больше тысячи верст, меняя на станциях лошадей и экипажи, ночуя на постоялых дворах, качаясь на ухабах дороги, многое передумал наедине с небом да полями и лесами, одетыми метелями в роскошные зимние одежды. От этой роскоши, от этих немерянных просторов, от звона почтовых колокольчиков, да протяжных песен ямщика мысли его то уходили в глубь прожитых десятилетий, то возносились в синеву неба, в звездную бесконечность, от тоски к радости, от тревоги к покою, от гордыни к смирению.

Половину прожитых своих сорока лет он отдал службе в русской армии, теперь возвращался в родной аул, скептически улыбаясь вспомнив просьбу царя, с тревогой вглядываясь в будущее, которое уже обозначилось сполохами выстрелов и пожаров.

Никто не может сказать, что Хан-Гирей был недостаточно энергичен и прилежен, честен на службе царю, и царь это оценил, но не до конца, сообразуясь только со своей личной выгодой. Он не сделал его наместником Черкесии только потому, что это ему было не выгодно, хотя дал звание полковника и Хан-Гирею. Часто ему поручали ответственные, порой рискованные дела, необходимые в военных целях. Сейчас государь положил ему хорошее жалование в отставке и дал важное поручение.

Он по своему усмотрению может носить или не носить погоны.

Что касается Екатеринодара, Хан-Гирей выполнит поручение царя, тут нет ничего особенного, а вот второе поручение — глубоко секретно и крайне сложно, именно по этому поводу Хан-Гирей улыбался скептически: легко сказать — склонить на сторону России князей, тфокотлей, образно говоря, пригласить их добровольно стать на колени.

Нет, господа, хорошие, думал он, не надейтесь на это, не тешьте себя тем, что адыгские племена разобщены — в трудный час они сумеют объединиться. Хотели их приручить и турки, и крымский хан, да ничего не вышло. Ах, Ваше Величество, ах, Николай Павлович, ты хочешь дать, не отдавая, ищешь мира войною: но ведь сказано — огня не потушишь огнем, зла не поборешь злом. Ах, Николай Павлович, ах, Самодержец Всероссийский, чуть-чуть бы побольше тебе дипломатической тонкости, поменьше царской гордыни, самую капельку поступиться бы в пользу своего флигель-адъютанта, полковника твоей армии, и все теперь было бы в порядке. Ах, Ваше Величество!..

Выгуляв на лугу коня, Хан-Гирей возвращался в Тлюстенхабль. Позади него, на почтительном расстоянии, скакали два телохранителя — дюжие, ловкие парни.

Конь вскидывал гриву, призывно ржал и весело фыркал.

Весна — время надежд и страстных ожиданий. На что надеялся Хан-Гирей, чего ждал, какую радость призывал в удивительное весеннее время?

Ждать, надеяться — это тоже мужество. Мужествен ли Хан-Гирей? Ведь он, еще не выходя из кабинета царя, мог бы сказать ему, что ничего хорошего не получится из его нынешней затеи. Мог бы сказать, мужественно глядя в глаза самодержца.

Мужественно? Нет, это мужеством не назовешь. Мужество предполагает результат, победу, взлет. А тут что было бы? Царь просто отвернулся бы от него. И все это, так называемое мужество, обернулось бы пустотой. Нужно ли это самому Хан-Гирею, какая польза была бы от этого адыгам?..

Думал он об адыгах, а они? За что они на меня обижаются? Я все время старался, где бы, на какой должности не был, делать так, чтобы была польза. Главная моя беда

в том, что я не сумел предотвратить войну. Силы у меня не те, и возможности и тут, можно сказать, я без вины виноват.

Чтобы уйти от мрачных мыслей, Хан-Гирей резко пришпорил коня, хотел бросить его в галоп. Конь вздрогнул, круто рванул вперед, но споткнулся. Хан-Гирей словно бы ожидал ошибку и натянул поводья, сдержал коня и сам удержался в седле, однако рассердился и хлестнул плеткой его по крупу. Тот так и затанцевал, хотел пуститься вскачь, но хозяин не позволил ему, еще резче натянул поводья.

Конь оскорбленно заржал.

— Что случилось с тобой, окаянный! — сердито вскричал Хан-Гирей.— На ровном месте спотыкаешься, перед тфокотлями позоришь меня! — и он еще раз огрел коня плеткой.

В это время на опушку из леса выехало трое всадников. Впереди ехал Асланбеч Хаджемуков. Поздоровавшись, он спросил:

— Что случилось, зиусхан, что вы не поделили с конем?

— Валлахи, не знаю, зиусхан,— с некоторым смущением ответил Хан-Гирей.— Спотыкается, взбрыкивает ни с того, ни с сего. Будто дьявол в него вселился... Вы все езжайте вперед,— повелел он своим и тфокотлям соседнего князя.

— А конь-то добрый, славный. Говорят, настроение хозяина передается коню. Может, у тебя, зиусхан, настроение плохое, тревожит что-нибудь?

— Э-э, о чем речь, зиусхан! Беспокойство на каждом шагу, за каждым кустом подкарауливает. Впрочем, чепуха все это. А как у вас, что у вас слышно, князь?

— Живем милостью Аллаха. Пока терпимо, но все вокруг как-то вздыбливается, топорщится. Нехорошее время надвигается. Упаси нас Аллах... А правда, зиусхан, что ты ушел от них? — он указал в сторону правобережья Кубани.— Говорят, погоны их снял.

— Правда, зиусхан, правда,— охотно, даже с неким подъемом ответил Хан-Гирей.— Нечего мне больше делать у них. Не хочу больше служить им. Что касается погон, то я имею право носить их. Документом царя разрешено.

— Выходит, он тебя отпустил, но не совсем? — насторожился Хаджемуков?

— Ну-у, может так, может иначе,— уклонился от прямого ответа Хан-Гирей,— но он меня не обидел пенсионом, почетом.

— Стало быть, оценили твои заслуги? — не без лукавства спросил Асланбеч, пытливо глядя на Хан-Гирея.

Увидел лукавство Хаджемукова Хан-Гирей и, с трудом сдерживая обиду, ответил, глядя куда-то в сторону:

— Каждому воздается по заслугам, зиусхан, как и твоего отца, Алкеса в свое время одарили серебряной саблей, возвысили почетом же русские,— он кивнул в сторону правобережья, раздраженно подумал: шайтан его послал на мою голову прямо с утра. И перевел разговор в другом направлении: — Будем молить Аллаха, чтобы он берег нас от напастей... А для нас сейчас важнее всего судьба нашего народа, тревожное положение в Черкесии. Это меня заботит больше всего. Мне не нужно ни денег, ни славы от тех, кто стал врагами адыгов. Ушел я, ушел от них...

— Если ты, зиусхан, ушел по этой причине, то поступил очень правильно, и адыги должны это понять и оценить. Так я думаю. И еще хочу сказать: если бы каждый адыг мог вот так приносить свое благополучие в жертву общему делу, мы были бы непобедимы. Правильно говорит Сафербий Зан: как пальцы руки сжимаются в кулак и становятся большой силой, так мы, все адыги, должны сжаться в один кулак. Наверно, поэтому его и задержали в Турции, боятся отпустить сюда. А я еду по этим самым делам из Верхней Абадзехии.

Выслушал Хан-Гирей князя Хаджемукова и ему стало не по себе — он не таким представлял его. Вон он какой! А я собирался ехать к нему, сказать, что царь в этой обстановке рассчитывает на него, надеется. Но как теперь скажешь ему? Впрочем, ничего! Скажу ему ках есть, передам разговор у царя, почему я один должен нести эту тяжелую ношу. Сказать надо обязательно, только осторожно, чтобы не вспугнуть пугливую птицу.

— Вот тут мы с тобой рассуждаем, сулим, а от нас самих не так уж много зависит. Я был у царя, князь, он помнит, знает Хаджемуковых и прямо сказал, надеется на тебя, он не хочет проливать кровь адыгов, надо все уладить добром.

Сказал это Хан-Гирей, пристально всматриваясь, чтобы не пропустить малейшего движения на лице Хаджемукова, чтобы прочесть его тайную мысль, если она у него родится.

Помолчал, хмурясь, Асланбеч, потом раздумчиво спросил:

— Чего же он от меня хочет? На что надеется?

— На твою поддержку... зиусхан. Думает, ты будешь верен тому, чему был верен твой отец. Царь хочет встретиться со всеми вами, поговорить, обсудить все. Он надеется не только на князей, но и на дворян, на тфокотлей,— высказал все это Хан-Гирей и ему так легко стало, будто сто пудов сбросил со своих плеч.

Долго молчал Асланбеч, долго хмурил густо-белесые брови, то вдаль смотрел, будто рассматривал там что-то, то на гриву коня. Обернулся к Хан-Гирею и неторопливо, но твердо, слово к слову основательно ставя, ответил:

— Ничего из этого не выйдет, зиусхан. Пусть царь не утруждает себя понапрасну. Я возвращу ему ту злополучную саблю, и мы будем с ним, таким образом, квиты. Так и скажи, если доведется встретить. Всего доброго, зиусхан, нам пора ехать.

— Но разве можно так, зиусхан. Приехал к нашему порогу и минуешь его? Обижаешь дом наш, имя наше?

— Не сердись, зиусхан, мы очень торопимся. В другой раз обязательно заедем.— Тронул коня Асланбеч, обернулся и незлобиво сказал: — Как говорят в таких случаях — сегодня мы с тобою не поймем друг друга.

Хан-Гирей с грустью и душевной болью смотрел вслед неспешно удалявшимся всадникам. Лучше бы ему не встречаться с князем Хаджемуковым.

Шумел базар, и такое изобилие было в нем, что казалось будто ничего, кроме добра и мира, радости и надежд не было между людьми.

Шумел базар!

— Гей, Хагур! Это ты, что ли?! Здоров, кунак! А я искал тебя, искал, думал, что больше и не увижу.

— Здравствуй, Иуан,— обрадовался встрече и Хагур.

— Я уже было собрался ехать к тебе в аул, да вот, видишь, повезло.— Иван Бутенко крепко жал руку Хагура, приветливо улыбался. Крикнул сыну: — Василь, посмотри, кто передо мной! Видишь! Иди-ка сюда.

— Эй, казачура, ты что глотку дерешь, чему радуешься? Встрече с басурманом радуешься? Гляди у меня! — погрозился проходивший мимо есаул.

— Что ты сказал, золотопогонная твоя рожа! — вскипел Иван, ринулся было к есаулу, да Хагур удержал его.

— Не надо, Иуан. Больной может выздороветь, а дурак — никогда не станет умным. Не связывайся. Скажи лучше, как ты жив-здоров, как поживают домашние.

— У-у, пес рыжий,— все не унимался Иван.— Ты мне еще попадешься. Тьфу на тебя... Спрашиваешь, как живется-можется, Хагур? Живу не хуже других, но и не так, чтобы уж очень хорошо. Сволота всякая, вроде этого золотопогонника, донимает.

— Эх, брат Иуан, у нас тоже таких хватает.

— Батя, плюнь ты на того рыжего. Подумаешь — есаул! Погоны только вчера нацепил, а туда же — их благородие. Это он тут такой широкий, а в бою все больше с кустами знается. Видел я его. Дождется он, что кто-нибудь из казаков влепит ему пулю в задницу.

— Эй, Василь, замолкни! Это ты уже через край. Хватит об этом. Вот с кунаком свиделись, надо погутарить.

— Верно говоришь, Иуан, хватит об этом. Лучше давайте поедем ко мне в гости, порадуем моих домашних. Да и не только моих — все в нашем ауле к тебе с добром относятся. Едем! По коням!

— Э, нет! — возразил Иван.— Я на тебя в обиде, потому и не могу ехать к тебе в гости.

— В обиде на меня?! За что?! — очень удивился Хагур.— Скажи.

— И скажу! Я ж и к тебе в аул хотел ехать, чтобы поругаться с тобой.

— Да скажи ты — за что?!

— Вы с Ракитовым обещали привезти ко мне в гости Трама и Хапата.

— Обещали.

— Но где же они?!

— Понимаешь, Иуан... Мы с Павлом Ивановичем рассудили...

— Они рассудили! — кипятился Иван,— а где же Трам, где Хапат? Не сдержали своего слова. На ветер бросили!

— Зря ты так, батя,— попытался вступиться за Хагура Василь, но отец так глянул на него, что тот в смущении замолчал.

— Не сердись, Иуан. Как же мы могли приехать в гости, если наши сожгли Шабежскую крепость, убили семерых казаков. А скажи, Василь, это вы тогда напали на Барауг и Тамеж?

— Мы. И на Чилеж тоже.

— Вот и выходит, что виноваты и мы и вы и в гости никак нельзя было ехать,— сказал Хагур.

— Раз так, то не виноваты. Не вы и не мы! — возразил Иван.— А есаулы да князья наши. Мы с тобой здесь при чем? При чем здесь все эти люди? — он указал на базар.— Ты погляди, черкесы и русские отлично понимают друг друга. Находят общий язык.

— Правда твоя, Иуан. И думаю хорошо бы, позвать в гости и князя Сафербия, да говорят, что он уехал в туречину. Думаю так: приезжай ты к нам с Трамом и Хапатом. Сегодня же.

— Я с дорогой душой, их только надо спросить. Едемте на тот конец, мы с ними сговорились там встретиться.

Шумел, гудел базар, как добрый улей.

Между пеших и конных, между возами с кукурузой в мешках, битой и живой птицей, между развешенных бурок и черкесок, шалей и ковров они пробрались на другой конец базара, где Хагура уже ждали Трам и Хапат.

Поприветствовали друг друга, как велит обычай.

Иван раскинул руки, будто хотел обнять весь базар, улыбнулся из-под шапки-кубанки и сказал:

— Вы посмотрите, кунаки, что за день сегодня! Грешно хмуриться и скучать, потому и зову вас всех ко мне в гости, к широкому нашему столу, к полной чарке да к хлебу насущному. Ну?! Согласны? Вот и спасибочки, кунаки, а ты, Василь, опрометью скачи в Шабеж, скажи матери, мол, гости дорогие едут.— Потом наклонился к Василю и тихонько добавил: — Чтоб свиного на столе и духу не было. Скачи!

Тронулись друзья в путь.

Хапат негромко, по-адыгски сказал Хагуру:

— А не сдаст нас Иван в крепости, не посадят наши головы на колья?

Хагур свирепо глянул на него:

— Что ты мелешь!

— Что случилось, чем тревожится Хапат? — спросил Иван.

Хагур слукавил:

— Хапат беспокоится, не обидим ли мы хозяйку? Нежданными да незванными нагрянет нас столько в дом.

— Эй, разве гость может быть незванным да нежданным! Разве не на Кавказе мы живем!

— А еще он сказал,— продолжал Хагур,— что Шабеж стоит на очень красивом месте.

Понял Иван и тоже улыбнулся лукаво:

— Красивое место. А разве вся наша земля здешняя не красива?!

У ворот подворья Ивана Бутенко уже стояла вся его многочисленная семья. Впереди — старая мать Ивана, Агрипина Матвеевна, с хлебом-солью на расшитом рушнике. Поклонилась она гостям:

— Милости просим!

VI

Сафербий Зан приехал в Турцию и остался на чужбине не по своей воле. Сначала он надеялся на добрый исход порученного ему дела, но с каждым днем вера все больше таяла. Особенно это стало заметно в первый летний месяц: султан словно забыл о нем, о деле адыгов, о их просьбе о помощи. Не только султан, не только его приближение, но все знакомые Сафербия избегали встречи с ним, не хотели принимать его у себя дома, а если все-таки случались встречи, то вчерашние добрые знакомцы не говорили ничего определенного — обещали, юлили, откладывали, мол, надо подождать, надо подумать. И в глаза ему смотреть не хотели.

Сафербий решил пойти к султану, не дожидаясь приглашения, но куда там! Всякий раз ему бесцеремонно, как говорят, давали от ворот поворот. Пробовал подкупить, задобрить, но и золото не помогло, дворец султана оставался неприступной крепостью.

Солохур, вхожий в правительственные апартаменты, разводил руками.

— Обманул нас русский царь,— сказал он как-то,— обвел вокруг пальца.

— При чем тут царь! Я говорю о нас с тобой, о тебе — нервничал Сафербий.

— Ты не веришь мне, не доверяешь? — укорил Солохур.

— А-а, веришь, не веришь! Мы стоим с тобою перед какой-то невидимой, но неодолимой стеной. Здесь что-то не так, что-то таится. Не пойму, зачем султан показал мне письмо русского царя. Что он хотел мне сказать этим, что? Не знаю.

— А я знаю.

— Ты? Знаешь?

— Да. Вернее предполагаю... Конечно, русские победили турецкого султана, смирился он перед силою, но душой, как был, так и остался их врагом. Но как он может нам помочь, если он связан по рукам и ногам мирным договором. Думаю, ты должен быть благодарен султану за то, что он надел на тебя погоны своей армии, а не посадил в тюрьму. Так я предполагаю, так я сужу по тому, сколько приходит из Петербурга разных дипломатических бумаг, сколько разных посланников прибывает в Турцию. И все они жмут на султана.

— Жмут? — вспылил Сафербий.— Тогда зачем меня за нос водить, зачем обещать то, чего не может сделать! Я бы теперь в Черкесии собрал под свое знамя адыгов, я бы им всем показал! А то вот сижу у турецкого порога в офицерской форме! Что думают обо мне адыги?! Позор!.. Одна надежда осталась — на англичан.

— Уркварт что-нибудь обещает? — оживился Солохур.

— Обещает, но тоже тянет. Правда, сейчас он уже больше месяца в Лондоне. Хотел там поговорить, с кем надо. Посмотрю, он должен скоро вернуться, однако если и этот будет юлить, убегу в Черкесию. А на прощанье султану сюрприз преподнесу — пошлю обратно ему погоны его... ничтожной армии. И как это я позволил этим шаровarникам облапошить меня! Ума не приложу. Мы — магометане, мы — братья в единой вере! Болтуны, ничтожества... Тебя, Солохур, тоже, кажется, водят за нос французы?

— Нет. Просто они ждут — какой ответ привезет Уркварт из Лондона,— засмеялся Солохур.— Ты понял в чем дело? Потерпим, подождем еще немного. Уже совсем немного.

Однако Сафербий не стал ждать, пока вернется Уркварт, продолжал добиваться приема у султана, напоминая, что он ни сам по себе, а по просьбе народа Черкесии приехал сюда. Кроме этого, Сафербий продолжал встречаться со своими друзьями, требуя к себе внимания, разыскал и стал встречаться с абхазами, с адыгами, живущими в Стамбуле. Пусть они не имели никакого влияния при дворе, но они — дети земли адыгов. Он находил их на базаре, в мечетях, чайханах, в местах игр в нарды и курения. Рассказывал им о бедственном положении адыгов, о том, как российские войска вторглись в Черкесию, строят там свои крепости, казачьи станицы, оскверняют священную землю мусульман.

Его слушали, сочувствовали, а однажды в мечети они так взбудоражились, что Сафербий с трудом их успокоил. Эти простые люди готовы немедленно помочь соплеменникам. Они пойдут в Черкесию воевать за землю предков, за свой единокровный народ, пусть только Сафербий поведет их.

Но как он поведет их? Ему каждый месяц присылают деньги за службу, но где, в какой части он служит, в чем его служба? Этого Сафербий не знал. И как не пытался узнать, ничего не получалось, здесь тоже перед ним была невидимая, но прочная, глухая стена.

Сначала деньги за службу, которую он не нес, смущали Сафербия, а потом он рассудил так: я не просился к ним в армию, им это зачем-то понадобилось, а кроме того, я много лет служил у них, воевал вместе с ними, нес охранную службу в Анапе, так что эти деньги мною давно заработаны... Ничего, вот вернется Уркварт, поговорю с ним и — домой! Если англичане не помогут, то на турок теперь и вовсе нет никакой надежды, они сами перепуганы русскими. Пусть мне только не мешают.

Свои тревожные мысли и надежды, свою тоску Сафербий направил в Черкесию, сердцем своим обнял Куматыр, обошел крестьянские дворы. Все домашние выбежали его встречать. Вот и смущено-раскрасневшаяся Бабура стоит посередине двора. Челядь возле ворот: князь приехал, хозяин пожаловал домой! С кухни несут угощенья. Ароматные, огневые адыгские угощенья. Жаль только не видно Карбатыра. О Аллах, как там у парня дела? Получил ли он мои письма? О Всемилостивый Аллах, как тяжело жить

на чужбине, белый свет не мил без родной земли, без родных людей. Этот Стамбул, этот роскошный Стамбул хуже тюрьмы, о Аллах!.. Все родные остались дома, им хорошо всем вместе, а как там Карбатыр — ему тяжело, одному и будет, наверно, еще тяжелее. Его постоянно будут укорять тем, что отец восстал против России, потому и сбежал в Турцию, что он не захочет признать власти той страны, на верность которой присягнул Карбатыр...

Сафербий видит в своем воображении леса, горы, поля с высоким небом, с граем птиц. Джирандук Берзедж, Асланбеч Хаджемуков, Хатырбай Цей... А это? Казаки скачут по земле адыгов, размахивают шашками, стреляют! Пылают аулы, плачут женщины и дети... О Аллах, подай мне силу, чтобы выдержать все это, помоги мне!

Тяжко сидеть дома одному, Сафербий решил хоть на базар съездить, повстречаться там с адыгами, с абхазами. Поговорить с ними, хотя бы в разговорах о Черкесии отвести душу.

Вышел из дома, нанял фаэтон и решил сначала завернуть в английское посольство.

Оказалось Уркварт еще вчера приехал. Ему доложили, и он тут же принял Сафербия.

Сухопарый, легкий в движениях, приветливый встретил Сафербия чуть ли не у порога:

— Здравствуйте, князь, рад приветствовать в нашем доме. Я только что вспомнил вас. Проходите, пожалуйста. Как живете, как идут ваши дела?

— Живем потихоньку, господин Даутбей,— так звали Уркварта в Турции. Очевидно, ему было приятно, что Сафербий помнил это.— Весь месяц, господин Даутбей, я думал об этой встрече. Какие добрые вести, милостью Аллаха, у вас?

— Не торопитесь, князь, не торопитесь. Присаживайтесь, располагайтесь поудобнее.— Он разлил в рюмки коньяк.— За вас, князь, за черкесов поднимаю я этот тост. Пусть надежда и удача сопутствуют мужеству. Да будет так!

— Аминь, Даутбей,— Сафербий сосредоточился весь в ожидании, с трудом сдерживал себя.— Пусть сбудутся ваши благие пожелания! Как хотелось, чтобы их услышали все адыги на своем большом хасэ.

— Это вполне возможно,— улыбнулся Уркварт,— выступить на вашем, как вы говорите, Всечеркесском хасэ. Думаю, это обязательно случится.

— Когда? — нетерпеливо спросил Сафербий.

— Не торопитесь. Как у вас, черкесов, говорят: чего долго ждали, можно еще немножко подождать.

Сафербий знал Уркварта несколько лет, но сегодня впервые услышал, что он говорил по-адыгски, это его так растрогало, что он готов был обнять англичанина.

— Не смотрите на меня так, князь, не удивляйтесь моему знанию черкесского языка. Это у меня с детства. Здесь в Турции были моими добрыми учителями Магомет Солохур, Измаилбей Хрозер, Хури-ханум. Я им очень благодарен.

— Позвольте, господин Даутбей, ваши добрые пожелания адыгам, ваше доброе отношение к ним считать положительным ответом на мои вопросы по адыгским делам?

Улыбнулся англичанин:

— Если вы умеете блюсти тайну, то — да.

— Разумеется, господин Даутбей. Мы, адыги, умеем быть верными, умеем ценить доверие.— Сафербий княжески поклонился англичанину. Даутбей отвечал ему тем же — с английской сдержанностью и корректностью.

Сафербию показалось, что Даутбей снял свой дипломатический, строгий фрак. И не ошибся. Уркварт заговорил серьезно, без обиняков:

— Мы, англичане, как и французы, озабочены положением в Черкесии. Судьба адыгов нас давно интересует и беспокоит. То были завоевания Турции, а теперь вот Россия — она овладела Закавказьем и покоряет весь Северный Кавказ. Ох, уж эта Россия! Она так же агрессивно ведет себя и в Европе — с Бессарабией и Румынией, Польшей и Болгарией, с Австро-Венгрией. А в Сибири, на Дальнем Востоке что делает! Какая ненасытность! Безграничная! Нам, например ни к чему горная страна Дагестана, но мы поддерживаем ее священную, оборонительную войну — газават. Правы горцы, безусловно правы, защищая свои земли, свою свободу. А этот Эдирнский договор с Турцией? Россия бессовестно принудила Турцию подписать этот мир. Не мир, а унизительную акцию. Опять — ненасытность России, ее экспансионистский характер. А как она ведет себя, в сущности с беззащитным народом Черкесии.

Не нужны ей черкесы, мы это прекрасно понимаем, ей нужно морское побережье, Босфор, а там — чего доброго и Гибралтар понадобится. Знаем мы аппетит ее, не станем ее поощрять, чтобы Россия не превратилась в дикую обжору. Если потребуется, мы, англичане и французы, Турция с нами, сумеем укротить их прожорливость. У нас, вместе с другими, найдутся достаточные силы. Англия по своей старинной традиции всегда помогает тем, кто борется за свою свободу, независимость. Вы получите всю необходимую помощь — дадим порох, пушки, свинец, ружья. Вы понимаете меня?

— Понимаю, господин Даутбей, но... на каких условиях вы будете все это давать? Чем мы будем с вами рассчитываться?

— Ну-у... Я не могу вам сейчас точно сказать, но...— Он пожал плечами, помолчал, учтиво улыбаясь Сафербию, а потом решительно сказал: — Это может быть пшеница, кукуруза, мед, воск, кожа, лес, мало ли какого добра можно найти на богатой черкесской земле. Да и горы хранят в себе наверняка клады. Наши инженеры помогут найти их, поднять из недр, но вы не думайте, что мы собираемся вторгаться на ваши земли. Ни в коем случае. Мы только поможем вам в вашей справедливой борьбе.

— Конечно, господин Даутбей, если вы поможете нам оружием и снаряжением, мы рассчитаемся с вами всем, чем богата наша земля, однако я могу пока говорить только от имени шапсугов и натухайцев, за всех же адыгов ручаться не имею полномочий. Мы добиваемся объединения всех племен, но это очень непростое дело. Когда это удастся нам, тогда я и буду говорить от имени всей Черкесии... Оружие, разумеется, нам нужно в первую очередь, однако хотелось бы, чтоб Англия, Франция оказали нам и политическую помощь.

— Вы совершенно правы, мы уже работаем в этом направлении. Однако вы, князь, как мне кажется, должны быть активнее, настойчивее в объединении всех черкесских племен — без этого сомнителен успех. И еще вам необходимо иметь на первый случай хотя бы человек двух, так сказать, советников, компетентных в международных делах. Если угодно, я уже сейчас могу их вам предложить.— Он вопросительно посмотрел на Сафербия, тот согласно кивнул головой. Уркварт вышел и тут же вернулся с двумя

мужчинами. Не старыми, лет им по тридцать пять. Один — высокий блондин, с умными проницательными, светлыми глазами. Другой — тоже выше среднего роста, крепкий, ладный мужчина, а по глазам — непростой, хитрый, не без лукавства.

Уркварт обратился к ним:

— Это черкесский князь Сафербий Зан, о котором я вам на днях говорил. Он возглавляет соплеменников против России, и нуждается в нашей помощи... Позвольте, князь, и вам представить моих коллег. Это,— он указал на высокого блондина,— сотрудник лондонской газеты «Морнинг Хроникл» господин Лонгворт. А это — Джеймс Станислав Белль, купец, так вы можете его называть в Черкесии. Они могут быть среди вас столько, сколько вы захотите. Пока не надоедят вам,— улыбнулся Уркварт.

— Лишь бы мы им не надоели,— Сафербий крепко пожал руки, поприветствовал улыбкой.— Разве могут надоесть такие славные молодые люди. Я верю им. Переведите мои слова, господин Уркварт.

— Мои знания черкесского уже здесь не требуются, князь.

— Да?! — удивился Сафербий.— Они знают адыгский?

— Не хуже меня, князь,— довольно засмеялся Уркварт, так блеснув ярко-белыми зубами, что Сафербий позавидовал ему.

Уркварт между тем наполнил рюмки для всех:

— Прошу, господа. Выпьем за успех нашего предприятия,— после того, когда все выпили, он обратился к своим коллегам,— как только понадобитесь господину Зану, он вас позовет. Вы свободны. А мы, князь, еще немного поговорим с вами... Как они вам понравились?

— Думаю, отличные молодые люди. Особенно господин Белль.

— Вы не ошиблись. Если будете прислушиваться к нему, не прогадаете. Если вы скажете, где бы они могли остановиться в Черкесии, они уже сейчас готовы туда отправиться и заняться делами, чтобы быть полезными адыгам.

— В Черкесии они не будут без крыши, даже если там останется одна-единственная кунацкая, однако, прежде, чем им отправиться туда, я хотел бы получше познакомиться с ними.

— О, это целиком в вашей воле, князь. Уже сейчас это можно сделать, вот только мы с вами еще поговорим немного. А поговорить бы я хотел о ваших отношениях с Турцией. Не обижайтесь на турок, ведь они, что называется, связаны по рукам и ногам Эдирнским соглашением. Сегодня Турция сама крайне нуждается в помощи... Султан распустил войско янычар, а новую армию создать не сумел и тем самым как бы сам нанес себе удар. По молодости, по неопытности допустил немало ошибок и в своей внутренней политике и во внешней. Русские этими промахами блестяще воспользовались... Думаю, вам не следует сидеть здесь и ждать какой-то помощи от султана. Когда придет час, он поднимет свой голос. А у меня пока родилась маленькая идейка. Хорошо бы организовать в Стамбуле такую акцию: пусть бы албанцы, арабы, турки, черкесы, абхазы провели около посольства России демонстрации с протестом против притеснения в Черкесии мусульман, против их экспансионистской политики на Северном Кавказе. Пусть это будет началом нашего оповещения всего мира о беде небольшого свободолюбивого черкесского народа. Пройдут эти, пусть даже небольшие, демонстрации и газеты мира расскажут о них, все люди доброй воли возмутятся русским варварством. Это я беру на себя. Вам же хорошо бы было организовать правоверных в мечетях. Я слышал это у вас получается.

— Вон как! — удивился Сафербий и усмехнулся,— откуда вам это известно? Вы же не бываете в мечетях.

— Видите, ли, князь, не только в мечетях, не только в Турции, но и во всем, как говорят мусульмане, подлунном мире не происходит ничего, о чем бы мы не знали. Позаботьтесь о мечетях, Белль вручит вам деньги, передадите их эфенди, чтобы он хорошенько вам помогал. И когда возмущенные правоверные станут двигаться в сторону русского посольства, сами удалитесь к себе домой.

Сафербий возмутился:

— Как это возможно, господин Даутбей! Может быть, вы, забыли, что я адыг, что я князь?!

— Нет. Именно это я и помню. Интересы всего черкесского народа, его судьба превыше личных амбиций любого князя, если он настоящий черкесский князь.

Вздохнул Сафербий:

— Вы правы, господин Даутбей.

Разговор Сафербия с англичанином успокоил князя, вселил добрую надежду, но не долго жило в нем это успокоение, надежда. Снова начало бередить его сомнение — правильно ли поступил, заключив хотя всего лишь устное, но соглашение с Уркваргом. Он оговорился, что действует лишь от имени шапсугов и натухайцев, однако на деле получается — князь уговаривался от имени всей Черкесии, всех адыгов. Но ведь не было у него такого права, и теперь соглашение великой тяжестью легло на княжеские плечи, вызывало сомнения, не дававшие ему жить спокойно. Он не знал с кем посоветоваться, поделиться сомнениями, у кого поискать уверенность и силу. Он хотел бы услышать голос всей Черкесии. Но это невозможно. Шапсугское хасэ вызывало у него разные вопросы: где гарантия, что громкие и страстные разговоры приведут к истине? Жить рядом с Россией, а искать союза с Турцией, просить ее помощи? Вести тайные переговоры с англичанами, а там, наверно, и с французами? Не похоже ли это на предательство? Если России, как сказал Уркварт, не нужны адыги, то нужны ли они заморским, далеким державам? Польша, Австро-Венгрия, Франция, Англия, Германия — что им до адыгов? Только одни разговоры? А расплачиваться за это своей кровью будут адыги?

А еще получилось, что он, натухайский князь, торгует богатством родной земли, не только хлебом и лесом, но и ее недрами. Мы не собираемся вторгаться на вашу землю, сказал Уркварт, наши инженеры помогут вам обогатиться кладами Черкесии. Как бы не так! Своя корысть, своя выгода для них будет прежде всего, таков закон этого грешного мира. Черкесия станет колонией Англии, великой колониальной мастерицы. И тут получается — торгует князь Сафербий Зан своей родиной. Отец продал туркам всего лишь кусок побережья, а его сын чуть ли не всю Черкесию продает, меняет за ружья, порох и свинец, чтобы убивать людей, проливать и свою кровь?

Главная, самая страшная беда, как начинал понимать Сафербий, заключалась в том, что российский колосс с одной стороны, а европейский с другой — это жернова, Черкесия всего лишь соблазнительное зерно, которое жернова превратят в муку, в прах.

Как-то на байраме Хрозер-паша познакомил Сафербия со своим воспитанником Измаилбеем. Тогда князь перебросился с молодым симпатичным человеком несколькими ничего не значащими словами, правда, отметив про себя его внешнюю благообразность, воспитанность.

Позже Сафербий узнал любопытную судьбу Измаилбея.

Бездетный Хрозер-паша в свое время купил девочку-черкешенку, Хури-ханум, а потом и мальчика, тоже адыга, Измаила. Умерла жена паши и он женился на Хури-ханум, но и с нею у него не было детей. Измаил и Хури, росшие вместе, считали себя братом и сестрой...

Говорили, Измаилбей очень интересуется положением адыгов, обеспокоен их бедами, говорили о его авторитете в высшем свете Турции, об уме, с каким он ведет дела богатого, тяжело больного паши, старый Хрозер завещает свое огромное богатство Измаилбею и Хури-ханум. Солохур посоветовал Сафербию встретиться с Измаилбеем.

Едва князь переступил порог дома Хрозер-паши, его встретил Измаилбей. От того мальчика, которого когда-то видел Сафербий только и осталась обаятельная улыбка веселых черных глаз, а в остальном это уже был мужчина — стройный, подтянутый, смуглолицый, одетый в прекрасно сидевшую на нем белую черкеску. Черные усы были украшением мужественного лица.

— Кеблаг[1], зиусхан, милости прошу, князь Сафербий, достойный сын древней земли, о которой мы много слышим и так редко видим. Милости прошу, князь, осчастлив своим посещением наш дом.

Двое из домашней челяди, стоявшие сзади Измаилбея, в поклоне отступили, приглашая князя пройти.

— Я был рад,— искренне продолжал Измаилбей,— услышав, что ты приехал в Турцию, хотел повидаться с тобою, но ты опередил меня, зиусхан. Аллах да благословит твой приход в наш скромный дом.

— Благодарю, Измаилбей, спасибо, что не забыл меня,— приветствовал молодого хозяина Сафербий. Ему не понравилось многословие Измаилбея, но он не подал виду и спросил: — Как чувствует себя твой отец, господин Хрозер-паша? Я слышал, он болен, и решил навестить его.— Сафербий скрыл настоящую цель своего визита.

— Старость и болезни одолели нашего бедного отца. Старые раны, полученые в жестоких боях, мучают его. Ты

[1] К е б л а г — приглашение в дом.

сам знаешь, как он доблестно воевал, сколько раз был ранен в боях.

— Как же не знать о мужестве Хрозера-паши! — с готовностью подтвердил Сафербий.— Ведь я воевал под его началом, а теперь вот — время-время, нет на него управы, мы рождаемся для того, чтобы со временем постареть. Старость — не радость, но мы все проходим ее тропинками в мир иной. Да облегчит Аллах старческие страдания Хрозер-паши!

— И мы молимся о том же. Отцу уже восемьдесят семь лет — этакие годы не шутка. Совсем ослаб бедняга. Когда я сказал о твоем приходе, он очень обрадовался. Вспомнил тебя, зиусхан.

Кроме сидельца-мужчины у постели некогда грозного полководца, никого не было.

Старик поднял свою иссохшую руку в знак того, что узнал князя, но удержать ее не смог — она бессильно упала. Паша хотел приподняться, но тело ему уже не подчинялось.

Хрозер-паша!.. Как он умел держать саблю в своей руке, как грозна врагу была та сабля. А на коне?! Как он умел сидеть на лихом коне, как умел вести в бой своих воинов! А теперь? Куда все делось, одна лишь бледная улыбка, выцветшие глаза. О, каким грозным огнем они раньше пылали!

— Ну что, Зан, не узнаешь меня? Совсем я плох? — Больной знал, что его вопрос не требует ответа. С великим трудом паша подал князю едва теплую руку.— Что поделаешь, князь, такова жизнь, такова воля Великого Аллаха. Мы всего лишь послушные дети Его.

— Слава Аллаху, ты не так уж плохо выглядишь. Вспомни, Хрозер-паша, как водил ты свои победоносные войска, своих геройских воинов, как горела пламенем твоя боевая сабля?

От этих слов Сафербия у паши заискрились на какие-то мгновения глаза, на бледных щеках засветлело что-то вроде румянца.

— Было, князь, и такое у нас! — заворочался больной, давая понять сидельцу, что ему хочется переменить положение, приподняться.— Сафербий и сиделец приподняли старика, подложили под спину подушки...— Не успеет и спичка догореть, как уже кончился век человека,— и печаль погасила в его глазах вспыхнувшие было искорки.

— Тем не менее, полководец, человеку всегда хочется поцарствовать, поблаженствовать прежде, чем упадет на землю подброшенная им шапка. Прости, великий, я перебил тебя.

— Ты прав! — в желтеющих уже старческих глазах полководца что-то оживилось, что-то напомнили ему слова Сафербия. Он помолчал, а потом как бы откуда-то издалека заговорил: — Поцарствовать, говоришь. Наш султан тоже хотел возвеличиться, вознестись, но не хватило ему, да простит мне Аллах, мудрости. По своему усмотрению преобразовал армию, ослабил тем самым державу, и русские одолели его, поставили на колени. И черкесам столько бед наделал.

— Отец, пожалуйста! — попросил Измаилбей.

— Не бойся, сын мой, я говорю одну лишь правду. Я столько добра сделал турецкому государству, у меня такие заслуги, что я имею право говорить правду, какой бы горькой она не была. Недальновидный человек наш султан, неумный, поэтому, черкесы, не доверяйтесь ему.

— Отец! Прошу тебя!

— Не бойся, здесь только верные мне люди, а этот,— Хрозер-паша кивнул в сторону сидельца,— глухой и немой. Ему в армянской неволе язык отрезали, уши повредили.— Он дал знак сидельцу, дескать, иди, ты свободен.— Я говорю так не потому, что враждую с султаном. Зачем мне с ним враждовать? Просто обидно — могучая Турция теряет свою силу из-за плохого его правления. Речь совсем не обо мне, мой путь окончен. Говорю это больше для Измаилбея — пусть он понимает все, пусть разбирается в государственных делах. Обидно, больно видеть, как султан великой Турции пляшет под дудочку русского царя.

В дверях показалась женщина — молодая, изящная в длинном атласном платье, отделанном парчой, с золотой цепочкой на шее и золотыми кольцами и перстнями на руках.

Мужчины приподнялись ей навстречу.

— С приездом тебя, зиусхан! — сказала она по-адыгски. Это была Хури-ханум. И продолжила по-турецки: — Как чувствуют себя адыги? Впрочем, зачем спрашивать, знаем — плохо им, тревожно у них. Турция делает все возможное, чтобы помочь адыгам, но не все может.— Она села подле

мужа, погладила его бледную руку; — Как ты себя чувствуешь, душа моя?

Где я видел эту женщину? — подумал Сафербий. Кажется, я знал ее раньше. По ее выговору видно, она из шапсугов. И лицом и статью — чистая черкешенка. Из какого рода, как оказалась в Турции? Такая молодая, такая пригожая, каким образом, почему стала женой старого Хрозера-паши?

Сафербий исподлобья глянул на сидевшую к нему боком Хури-ханум и что-то припомнилось ему. Задумался, еще бросил один быстрый испытующий взгляд... Погоди-погоди, она смахивает на бедную Айнур, которая вышла вторично замуж за Табежа, продала дочь туркам, потом, помешавшись умом от своего собственного греха, повесилась. Несчастная, а была одной из самых красивых женщин в Куматыре... Воистину говорится — не родись красивой, а родись счастливой. Да-да, Айнур была из рода Хурашевых. Не простил ей Аллах поступка, страшнее которого для матери и быть не может...

И еще вспомнил Сафербий: на свадебных игрищах в Куматыре блистала Айнур, соблазняла своей красотой мужчин. О, как я глуп был в молодости! Как легкомыслен!..

Соблазнил Сафербий ветренную Айнур, она понесла от него...

О Аллах, прости меня грешного, не суди жестоко за глупость молодости... Должно быть, Хури-ханум дочь Айнур, она так похожа на нее. Как жаль, что Трам не видел ее, он узнал бы ее наверняка, ведь они жили по соседству. Может просто так, прямо спросить, мол, не из Куматыра ли она, не дочь ли Айнур?.. Нет-нет, не надо! Может, она сама спросит что-нибудь о родине, о матери своей, а если не спросит, значит, ничего не знает о тайне своего рождения, тогда пусть и моя тайна останется тайной...

Хрозер-паша, услышав голос своей любимой жены, почувствовав тепло ее руки, блаженно закрыл глаза. Раскрыв веер, Хури-ханум помахивала над больным:

— Бедняга, видно, не спал ночь. Как увидит меня, успокаивается и засыпает... Пойдемте, пускай больной поспит. Мне, нам с Измаилбеем хочется поговорить с вами, зиусхан, об адыгах, о многострадальной Черкесии.

После продолжительного разговора в доме Хрозера-паши с молодыми людьми, будущими наследниками

громадного богатства, Сафербий решил, что нельзя пренебрегать помощью англичан. Однако выполнить их оказалось не так просто. Говорить всегда легко и просто — слова произносить, не горы двигать, тысяча слов легче самого маленького камешка...

Все знают, что деньги, золото — зло, однако мало кому удается отказаться от него. Поддался золотому соблазну и эфенди мечети в Стамбуле. И потом во время каждого намаза в силу своего красноречия, приобретенного в ежедневных молитвах, клеймил позором русских гяуров, предавал анафеме насильников черкесского народа, палачей правоверных.

Толпа всегда непредсказуема — иногда ее можно зажечь всего лишь искрой, а в другой раз понадобится много огня. В этот раз долго она раскачивалась, подогревалась эфенди, пока в один из дней поднялась, забурлила, с призывами и угрозами двинулась к российскому посольству.

По закону Аллаха, священнослужитель не должен у правоверных разжигать ненависть, не должен призывать к насилию, поэтому, когда разгоряченная толпа двинулась улицами Стамбула, эфенди, что называется умыл руки.

Это же должен был сделать, как на том настаивал Уркварт, и князь Сафербий, однако он шел впереди толпы, размахивая своей серебряной тростью, громко выкрикивая слова в адрес русского царя.

Уркварт из-за углов, из переулков подавал князю знаки, требуя уйти, но Сафербий, разумеется, не видел его — он был захвачен кипением толпы, которая от улицы к улице все больше разрасталась и все яростнее клеймила иноверцев:

— Руки прочь от черкесов!

— Черкесы — свободный народ, а турки продают нас, гяуры за бесценок покупают! Позор, позор! — это выкрикивал по-русски Сафербий.

Что он говорит, безумец, что за выходки у него, возмущался Уркварт, счастье его, что в толпе никто не знает русского языка. Турки не позволят позорить их страну. Господи, наверное, обезумел князь!

Взревела толпа, послышался звон стекла — камнями били окна российского посольства...

Уркварт горестно смеялся, скрытно уходя от этой беды...

Весть о демонстрации в Стамбуле — преувеличенная, раздутая — обошла все газеты Европы.

Те, кому это было выгодно — радовались, а кому нет — возмущались. Такова многоликая политика, ее смысл.

Сафербий же, которому сломали три ребра в той давке, в том кипении, лежал в больнице.

Уркварт, прочитав обо всем этом в стамбульских газетах, насмешливо сказал самому себе:

— Именно так я все и предполагал...

VII

Два летних месяца Сафербий пролежал в больнице.

Хотя друзья и Уркварт укоряли его за случившееся, он не жалел ни о чем. Даже одно то, что написали в газетах Турции, в других странах, думал он, стоит моих ребер, стоит того, что я, переплыв море, сделал это. Я не мог не возглавить шествие правоверных. Если бы я их не повел, они пошумели бы около мечети и с тем разошлись бы. Если нет вожака, предводителя, то любая толпа всегда есть — безвольная, слепая стихия, ничего доброго от нее не дождешься.

Интересные люди адыгские князья, размышлял Сафербий, когда речь заходит о предводителе народа, они опускают голову, как бы показывая свою скромность, в самом же деле каждый из них с замиранием сердца, со взвинченным самолюбием ждет, что первым назовут его. Ах, адыг, адыг, узнаю тебя: каждый обязательно считает себя первым, самым достойным. И мнит себя оскорбленным, униженным, если кто-то стоит над ним выше. Как он страдает тогда, как мучает, жжет его сердце огонь самолюбия. И пусть среди своих остальных людей он ничего особенного, казалось бы, собой и не представляет, все равно его гложет смертельная зависть. Он изо всех сил тщится задеть, уколоть, уязвить того, кто оказывается умнее, порядочнее, кого люди уважают больше. Страшная это беда для народа, для его судьбы. Как найти истинного руководителя, чтобы всем стать под его знамя, под его сильную и умную руку. Есть ли такой человек на всю Черкесию? Пока такого

человека нет... Но все же я очень доволен происшедшим, думал Сафербий, в российском посольстве побили окна, двери. Только Аллах знает, что писали об этом газеты мира. Пусть знают, что адыги не одиноки в своей справедливой борьбе. Я представляю, как скривился русский царь, прочитав эти сообщения! Только ради этого я готов пожертвовать еще три ребра!

Сафербий громко рассмеялся в своей больничной палате, вспомнив о заносчивом царе. Расхохотался и схватился за бок, с трудом отдышался.

А куда же это запропастились Уркварт, Лонгворт и Белль? Впрочем, правильно делают, что не показываются здесь, не приведи Аллах, чтобы турки или кто другой пронюхали про мою связь с англичанами. Из полиции трижды приходили. Все якобы о моем здоровье пекутся, а в самом-то деле не так. Если бы только против русских кричали у посольства, а то ведь туркам досталось за то, что они предали адыгов. Вот полиция и ходит ко мне, вынюхивает... А те трое, те верзилы, как они набросились на меня! Повалили и ногами так били, что можно было и вообще уже не подняться с земли. И все приговаривали, чтобы я не хулил Турцию... Интересно, уехали эти английские парни в Черкесию или то были только слова? Нет, не может быть, они ребята надежные, особенно Джеймс Белль. Он чем-то напоминает Карбатыра. Есть в нем интеллигентность, даже благородство. Здесь на чужбине я мучаюсь, знаю за что, а как ты там, Карбатыр, сын мой? Сердце твое среди адыгов, а погоны носишь царские. Нет, я не враг им, но они унижают мой народ, проливают его невинную кровь! Как ты там, Карбатыр, как ты, сын мой?..

И все-таки уже почти два месяца лежал в больнице Сафербий, теперь при всей предосторожности мог бы кто-нибудь из англичан и появиться в больнице хоть что-нибудь рассказать, хоть самую малость подбодрить его. А они не приходили. Возможно, все это был только спектакль, зачем-то понадобившийся Уркварту?

Все передумает, все выстрадает с подушкой наедине человек в больнице. Сомнения становятся его ближайшими родственниками и друзьями, сентиментальность — подружкой. Наверно, так было бы и с Сафербием, если бы не жили в Стамбуле, не приходили к нему каждую неделю Магомет Солохур и Измаилбей. Они скрашивали его больничную

жизнь, были связными между больничной койкой и миром, что шумел за дверями больницы.

— Ну, какие сегодня ты принес мне новости, Магомет,— весело встретил земляка Сафербий, приподнимаясь на подушке.— Вижу принес. Выкладывай все, ничего не скрывай. На постылой белой койке и худая весть — находка.

— Сегодня у нас добрые вести, зиусхан,— подбадривающе улыбаясь, ответил Солохур.— Во всей Европе только и разговору, что о Черкесии, об адыгах. Все газеты пишут об этом, рассказывают разные подробности. В нашем ведомстве тоже идут оживление, разговоры. Уркварт сдержал слово, истинный джентльмен!

— Спасибо, благослови его, Аллах, помоги ему в наших делах, дай и самому ему добрую жизнь. Ты все еще не встречаешься с ними? Не слишком ли мы осторожничаем?

— Я понимаю тебя, зиусхан, но не торопи нас. Уркварт умный человек, он с истинным добром относится к тебе, ко всем нам.

— А Лонгворт, Джеймс?

— Они ждут тебя. Лонгворт месяц пробыл в Лондоне. Это он распространил по газетам информацию о положении адыгов, о том, что произошло в Стамбуле у российского посольства. В Лондоне он напечатал интервью с тобой. Рассказал о твоем отце Магомчерие, который продал в свое время туркам землю, о службе Карбатыра в русской армии...

— Послушай, Магомет,— прервал его Сафербий,— все отлично, с одним не могу и не хочу согласиться: я не был и никогда не буду врагом русским. Нельзя быть врагом никакого народа, потому что народ — это истина, я бы сказал, в высшей инстанции. Есть политики, правители, вот они-то и могут на какое-то время, в какой-то степени одурачить часть народа, сделать ее жертвой своей политической гордыни или глупости, но только некоторую часть, на очень ограниченное время... Да что ты все оглядываешься, Магомет? Не бойся, во всей больнице ни один человек не знает по-адыгски... Так вот, эти самые правители разжигают огонь между народами, который потом оборачивается войной. Простые люди хотят лишь любить, рожать и воспитывать детей, творить красивое, украшать трудом свою землю.

— Ты прав, Сафербий, не зря в народе говорят, князья дерутся, а чубы трещат у простых людей,— Солохур виновато улыбнулся: — К тебе это совсем не относится.

— Наверное, относится, я ведь тоже князь. Правда, какой я теперь князь. Знаю, Магомет, и такие народные слова: что князь, что пес — все едино. Как ты думаешь, кто это говорит? Тфокотли! А почему они так говорят? Да потому, что князья свысока и довольно жестоко обращаются с ними. А всякий человек противится насилию, унижению, и правильно противится, потому что мы все дети Аллаха и все равны перед ним, перед Его законами... Ладно,— резко сменил тему разговора Сафербий,— давай поближе к нашим «грешным» делам, ты поблагодари от моего имени Лонгворта. При знакомстве я не испытал к нему симпатии, даже с некоторым недоверием отнесся. Получается, я ошибся, у него слово с делом не расходится, а это, дорогой Магомет, очень важное и не часто встречающееся у людей качество. Послушай, а почему Белль и Лонгворт должны, собственно говоря, ждать меня? Я напишу в Черкесию к кому надо письмо, и там их примут как самых дорогих гостей, во всем помогут. Ты передашь им мое письмо, и пусть отправляются в путь.

— Думаю, Сафербий, не нужно так делать. Мне ведь тоже не надо часто встречаться с ними, а Даутбей так и вовсе не хочет видеть меня, и правильно, я ведь на дипломатической службе у Турции. Белль и Лонгворт обязательно хотят видеться с тобой.

— Согласен. Меня уже скоро выпустят отсюда.

Задумался Магомет, покачал в раздумье головой и сказал:

— Еще вот о чем речь, князь. Англичане просто так, без пользы для себя, лишний раз пальцем не пошевелят.

— Знаю, Уркварт мне об этом сразу сказал. И довольно-таки прямо. Мы с тобою и обидеться на них не можем. Да вообще, кто это будет делать просто так, безо всякой пользы для себя? Думаю, когда англичане начнут нам помогать, тфокотли поймут нас. Я говорю это потому, что мы с тобой затеяли большое дело, ни у кого не спросясь, не посоветовавшись с хозяином.

— Советоваться с людьми,— доброе дело, зиусхан, но с кем ты здесь посоветуешься. Тут, я думаю, ты должен положиться на свою мудрость, совесть и веление сердца.

Еще надо сказать, хасэ к тебе отнеслось с самым большим доверием, значит, прибавь к своей совести, к сердцу это доверие и поступай, как находишь нужным.

— Твоя правда, Магомет, не о себе лично, не о своей выгоде я думаю. Обратимся к Аллаху, помолимся, и Он ниспошлет нам свою милость, не даст идти неправедным путем. Конечно, есть и здесь адыги, но я смотрю, кроме нас с тобою никто не озабочен судьбой адыгов, их болью.

— Ты неправ, зиусхан, нас не двое.

— Я не считаю англичан, французов, турок, имею в виду адыгов.

— И тут ошибаешься, зиусхан, извини, пожалуйста. Измаилбей, Хури-ханум горячо нас поддерживают. Да и Хрозер-паша, хоть и очень он болен, поддерживает нас.

Вспомнил Сафербий как он был у Хрозеров, как они говорили об адыгах, о тайне рождения Хури, о Траме... Вспомнилось, как Хури бросилась к нему на грудь, зарыдала, как он сам с великим трудом сдерживался...

— Да, да, я доволен Хрозерами, они обещали нам помогать.

— Валлахи, зиусхан, видишь, как у нас хорошо получается. Хури-ханум спрашивала в какой ты больнице, хотела прийти к тебе.

Нахмурился Сафербий:

— Незачем ей ходить сюда, да меня уже скоро выпишут.— Он скрыл, что Хури уже приходила к нему.— Все, о чем мы здесь с тобой говорим, Магомет,— перешел он на другую тему,— хорошо, важно, но вот мне хочется сказать еще об одном деле, которое я затеял. Не знаю, как ты отнесешься к этому, может осудишь или одобришь. Погляди-ка и скажи свое искреннее слово,— он достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги.

— Что это? — догадываясь о чем-то важном, сдерживая волнение, спросил Солохур.

— А ты разверни, посмотри,— взволновался и сам Сафербий. — Флаг! — воскликнул он почти восторженно.— Это флаг Черкесии, всеадыгского объединения, Магомет! Двенадцатью звездочками я обозначил двенадцать адыгских племен. Ты видишь, я не выделил ни одного из них. В объединении все равны, все равноправны. А вот насчет стрел мне пришлось изрядно подумать, поломать голову. И пистолет, и шашка, и кинжал, и ружье — многое приходило на ум, но я остановился на этих стрелах. Сегодня с нами воюют, мы защищаемся. Ты видишь, стрелы скрещены, это значит, мы не хотим воевать!.. Ну? Что скажешь?

— Хорошо, зиусхан! Лучше, по-моему, придумать нельзя. Это будет флаг всех адыгов. Многое здесь сказано.

— Видишь ли, когда лежишь с переломанными ребрами в больнице, на чужой стороне, в тоске по своему дому, многое приходит в голову, ты лучше видишь сердцем твой аул, твою речку под твоим небом, лучше слышишь, как поют птицы в лесу... А что же ты не спросишь, какого цвета будет флаг, а? Зеленого, цвета весны родного края, цвета лугов, гор и лесов! Ни полумесяца, ни Корана, ни мечети на флаге не будет. На зеленом шелке будут золотом вышиты двенадцать звездочек и три скрещенных стрелы. Через несколько дней мне привезут готовый флаг и я перешлю его адыгам. Но не князьям и предводителям, а тфокотлям — Хагуру, Траму и другим. Ну, что молчишь?

— Все хорошо, зиусхан. Думаю, Аллах благословит это начинание, поможет адыгам понять и принять твою идею, поможет, наконец, всем объединиться, сделаться силой добра и света на своей многострадальной земле. Мне хочется спросить у тебя, зиусхан,— Солохур лукаво прищурился.— Какие из этих двенадцати натухайская и шапсугская? Очень хочется знать.

Сафербий, хитро улыбнувшись, пригрозил пальцем:

— Не надо, Солохур. Ни тебе, ни мне, никому не надо этого спрашивать, не надо искать. И племена наши не нужно перечислять, чтобы в этом не углядели что-нибудь недоброе, какое-нибудь преимущество одного племени над другим. Ни в коем разе этого не должно быть, а то ведь ты же знаешь, что все адыги — первые! У нас ведь и понятия «второй» нет,— смеялся Сафербий, придерживая бок.— Может быть, Магомет, мы с тобой говорим лишнее, тогда прости меня, но что поделаешь, ведь мы с тобою тоже адыги.

— Что верно, то верно, Сафербий. Даже в далекой, чужой нам Турции мы остаемся самими собою.

Хотя Лонгворт и Белль просили Сафербия не провожать их, он не удержался и пришел на причал.

Если бы судно «Виксен» уходило в Англию, он мог бы и не прийти, но корабль этот должен будет пристать к

берегам Черкесии, и тут уж Сафербий ничего не мог поделать с собою.

Турецкое солнце едва поднялось, кажется, и не проснулось еще хорошенько от ночной дремоты, а народу уже в порту тьма-тьмущая! На базаре ступить негде, невозможно протолкнуться через продающую, покупающую, смеющуюся, просто орущую толпу.

Протиснулся Сафербий к причалу, увидел пароход «Виксен», уже отходивший от берега, прощально гудевший.

Гулко стучало в груди Сафербия сердце...

В этот же день князя Сафербия Зана, турецкого бимбаши, вызвали в полицию и безо всяких околичностей, даже грубо объявили:

— В связи с тем, что вы возглавляли демонстрацию мусульман, шествие от мечети к посольству России, толпу, которая нанесла значительный материальный ущерб, вы незамедлительно подлежите, по законам страны, штрафу в три тысячи пятьсот пиастров.

Сафербий уплатил штраф и спросил:

— А мои переломанные ребра?

— Если вы назовете имена тех, кто их переломал, мы взыщем с них штраф и оплатим ваши ребра.

Где-то после полудня Сафербию принесли домой бумагу, в которой говорилось: «С получением сего офицеру Сафербию Зану, сыну Магомчерия, надлежит незамедлительно явиться в военное ведомство Турции».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

На всей адыгской земле только и было самое важное — это разговор о том, что шапсугское хасэ послало в Турцию своих представителей. Адыги ждали вестей из-за моря, все понимали: те вести могут решить судьбу Черкесии, судьбу мира или войны, судьбу свободы.

Что сегодня произошло с утра, к вечеру уже известно. А что будет завтра? Какая шальная искра подожжет твой

дом, вражеская пуля убьет тебя или твоего родственника, какая шашка засвистит над твоею головою.

В последние недели над всей Черкесией нависла тревожная тишина. Царские войска получили приказ: без особой надобности не тревожить черкесов, и они охотно выполняли его — еще бы, не надо стрелять, убивать, и в тебя не будут стрелять, значит, будешь сладко спать в казарме, будешь слушать, как поют птицы, смотреть, как улыбаются люди друг другу.

А еще — базары. Что за диво эти базары! Адыгам нужна соль, ситец, железо, медь для хозяйства, привезенные из России, шелка с далекого востока, а взамен этого они везут на базар мясо, мед, кожи, воск, фасоль, кукурузу, сыр, коровье масло, фрукты, бахчевые и многое другое.

Тут, где рядами красуются товары, развешенные на шестах, под купеческими навесами, где блеют овцы и квохчут куры — продают, покупают, поют и пляшут, играют на гармониках. Больше всего идет, как говорится, натуральный обмен: индюшку на соль, масло на гвозди, живого барашка на ситец. Как сторгуются, как договорятся, объясняясь и жестами, и русскими, и адыгскими словами. Царские деньги тоже имеют свою цену, но адыги берут их с опаской, чтобы не увидели другие.

Самое же главное, самое удивительное на базарах было то, что русские солдаты и казаки не косились на адыгов, которые, оказалось, были вовсе не свирепыми басурманами, а славными мужиками, сговорчивыми в ценах, веселыми, огневыми в своих танцах. И русские тоже, оказывается, не злые и жестокие — простецкие люди, любители посмеяться, дружески похлопать адыга по плечу, к месту и не к месту, то и дело поприветствовать — салам алейкум.

Правда, были с обеих сторон и такие, которые косились друг на друга, настороженно ждали худого. Были такие, что говорили: гяур никогда не станет другом мусульманина, он постоянно держит у себя за спиной наточенный кинжал. Среди русских тоже были офицеры, считавшие адыгов свирепыми дикарями и требовали от своих солдат постоянной настороженности, приказывали не якшаться с туземцами, не доверять им.

Вот эти недоверчивые и создавали между людьми напряженность, тревогу.

Не успели Хагур и Трам ступить с корабля на родную землю, как весть об их возвращении быстрой птицей облетела всю Черкесию. Вся Шапсугия узнала: в ближайшую пятницу в Адагумском ущелье, в час после чаепития, соберется хасэ.

Весть эта долетела и до Бжедугии, Абадзехии, Убыхии. При этом было сказано: не простое хасэ — все, кроме детей, кто может сидеть на коне, должны явиться в ущелье. На всякий случай, сказано, быть при оружии.

Разведка царских войск в пятницу была крайне озадачена большим передвижением всадников по дорогам и тропинкам. Куда, зачем едут вооруженные адыги? Не на базар же! И запылали сторожевые костры, от вышки к вышке черными дымами передавалась тревога по крепостям.

Боевая готовность номер один, но строжайше запрещалось открывать огонь. Если горцы пойдут приступом на крепости, только тогда и можно ответить им, не жалея патрон, не щадя никого.

Адыги и не собирались нападать на крепости, они спешили в Адагумское ущелье — большими и малыми группами, в одиночку, из долин, с гор и лесов. Со стороны Убыхии направлялось столько всадников, что их можно было принять за атакующее войско. Не меньше шло конников из Абадзехии и Бжедугии. Если бы только всадники, а то целыми толпами шли пешие, ехали на телегах.

Все, прибывшие на хасэ не смогли уместиться в довольно просторном ущелье, расположились на его склонах. Там же были поставлены глашатаи, чтобы в точности передавать все, что будет говориться ораторами.

На дорогах и тропинках, на перекрестках, на возвышенностях и в долинах стояли самые ловкие, мужественные вооруженные всадники — они охраняли хасэ.

Кроме шапсугских родовитых, на хасэ со своими приближенными прибыли из Бжедугии — Асланбеч Хаджемуков, из Убыхии — Джирандук Берзедж. А от Темиргойи и Абадзехии не приехали ни родовитые, ни князья. Из Кабарды и Беслинеи тоже — ни слуху, ни духу. Из-за горного перевала приехало несколько абхазских всадников. Правда, теперь не было между Абхазией и Черкесией прежних тесных отношений — дороги и морские пути были перекрыты царскими войсками.

От имени шапсугских муртазиков хасэ открыл Нурмагомет Хагур:

— О хасэ! Мы собрались сегодня, чтобы отчитаться перед тобой, рассказать о том, как выполнялось поручение, данное нам в прошлый раз. Речь моя будет короткой. Мы были в Турции, добыли там и привезли с собою Эдирнское соглашение. На турецком и русском языке. Вот эта бумага, Нурмагомет поднял ее высоко над собою, чтобы всем она была видна.— В ней на турецком языке говорится то же самое, что на прошлом хасэ вам читал князь Сафербий Зан... Юсуф-эфенди, ты хорошо знаешь турецкий, переведи соглашение на адыгский. А потом мы его обсудим.

— Подождите немного! — выкрикнул кто-то из тфокотлей,— прежде чем вы будете переводить, скажите, есть ли на той бумаге печати?

— Есть турецкая печать и русская, есть подписи турецкой и русской стороны,— вот они, смотрите! — сказал Юсуф-эфенди, подняв над головой бумагу. Затем прочитал про себя и начал неспешно, обстоятельно переводить. Потом обратился к собранию: — Глубокоуважаемый и почитаемый всеми мусульманский хасэ, бисмилахи рахмани рахим, Всемогущий и Всемилостивый Аллах, я свидетельствую что эта бумага, писанная на турецком языке, ни единым словом, ни единой буквой не отличается от той, которую по-русски читал на прошлом хасэ Сафербий Зан.— Они — турецкий и русский — совершенно одинаковы. Именем Аллаха я подтверждаю это. Нашу, адыгскую землю Турция отдала России. Именно так в этой бумаге написано и скреплено печатями, подписями обеих сторон.

Поднялся над ущельем такой шум, будто грозовое небо раскололось громом, будто все голоса слились в один могучий голос возмущения, а все сердца в единое оскорбленное сердце единого народа.

Где-то на склонах гор раздались ружейные выстрелы.

Некоторые из адыгов посчитали себя настолько задетыми этой бумагой, что не выдержали и ускакали прочь, как сказал один из стариков, от этого позора.

Не было человека в ущелье, на его склонах, под высоким небом, кого не оскорбил бы Эдирнский договор.

В тот раз, когда прочитал договор князь Сафербий, люди не могли поверить ему, точнее сказать, не хотели верить этой вопиющей несправедливости, чистыми серд-

цами своими надеялись, что читанное Заном окажется неправдой.

Выступавшие говорили, что две могучие державы поступили по отношению к адыгам несправедливо, подло, Аллах, надо надеяться, не потерпит это.

А шум не утихал. Все чаще стали слышаться выстрелы, угрозы, призывы к мести.

Слово взял Асланбеч Хаджемуков. Он отметил, что поручение прошлого хасэ было выполнено мужественными посланцами, и закончил свое выступление такими словами:

— Мы верили нашим посланцам и князю Сафербию Зану, и муртазику Нурмагомету Хагуру, и тфокотлю Траму. Они оправдали доверие народа. Хвала и честь им! Хвала и честь князю Сафербию, который и поныне отстаивает справедливые интересы адыгов в чужой нам стране Турции! Хвала ему и честь!

Вмиг ущелье зазвенело сталью выхваченных из ножен в высоко поднятых над головою людей кинжалов. В разных местах хасэ вразнобой донеслись пистолетные выстрелы.

Выступали еще и еще, однако говорили они почти одно и то же, люди стали уставать от толчеи слов.

Вышел Джирандук Берзедж. Шумевшие притихли.

— Уважаемое собрание! Я немного понимаю по-турецки и скажу: все, что поведал вам Юсуф-эфенди правда. Я подтверждаю, но тем не менее, уважаемый Юсуф-эфенди, то, что ты держишь в руках,— всего лишь пустая, ложная бумажка, в ней нет ни слова правды. Верно я говорю, уважаемое собрание?

— Верно-о!

— Пустая, грязная бумажка!

— Обман, обман!

— Благодарю тебя, о справедливое хасэ,— он уважительно, княжески поклонился.— Я тоже так думаю: мы никогда никому не принадлежали. Наши отцы, деды и прадеды жили в этих горах, долинах, плодородных равнинах, в вековых лесах, у теплого Черного моря. Наша земля полита их потом и кровью, и мы тоже, до последней капли своей крови будем ее защищать. Родина или смерть!

— Родина или смерть! — пронеслось тысячеголосое по ущелью, выплеснулось из него в горы, на равнины. Блеснули на солнце тысячи обнаженных кинжалов.

Спустя месяц после второго адыгского хасэ, из Петербурга пришла депеша командованию российской армии. В ней подтверждалось прежнее распоряжение: без особой надобности не вступать в рискованные отношения с черкесами, предписывалось налаживать добрые отношения с ними, всеми силами способствовать мирному освоению Черкесии.

С депешей были ознакомлены все высшие офицеры, познакомили и Карбатыра Зана. Несмотря на то, что Хан-Гирей уже не служил в армии, не обошла эта депеша и его.

II

Карбатыру, штабс-капитану российской армии, живется худо, будто между двух огней; куда податься, куда приклонить свое сердце? Косятся на него адыги. А как же иначе, он ведь офицер вражеской армии. Да что адыги, ему кажется и горы, и долины, даже малая тропинка чуждаются его. Ну а русские? Один солдат как-то сказал своему товарищу: хоть государь и отметил его особо, а черкес и есть черкес, за ним глаз да глаз нужен. Не только солдаты, офицеры, но и генерал Вышеславцев всегда разговаривает с ним свысока, дескать, знай, черкес, свое место. Один Павел Ракитов относится к нему дружески.

А тут еще события в Стамбуле. Газеты злословили, рассказывая о том, как черкесский князь Сафербий Зан вел толпу к посольству России, как возбуждал мусульман антирусскими призывами. А теперь к этому событию добавилось новое — к адыгам приехало два английских представителя. Сначала говорили,— два представителя, потом — двадцать, двести! И все это, мол, дело рук Сафербия Зана, бывшего русского офицера, сын которого, штабс-капитан Карбатыр Зан, присягнул на верность России.

Косились на Карбатыра, не доверяли ему, не брали на вылазки против адыгов, хотя делали вид, будто все нормально с ним.

Карбатыр считал, что они выжидают, и при первом же удобном случае сведут с ним счеты. Он во всем был предельно внимателен, осторожен, четко исполнял свои офицерские обязанности. Единственное, в чем они могли

его упрекнуть — это поведение отца в Стамбуле, но отец отцом, а сын сам по себе.

Газар Серебряков оказался верным и благородным человеком. Понимая сложность положения Карбатыра, специально передавал молодому князю приветы через генерала Вышеславцева. Тот, конечно, в душе кривился, морщился, но внешне обязан был выполнять просьбы адмирала — этого требовала элементарная порядочность. А уж когда бывал в Анапе, Газар демонстративно, на виду у всех, дружески встречался с Карбатыром, дескать, знай наших. И офицеры вынуждены были считаться с такой сильной поддержкой.

И вот ко всему этому прибавилась новая беда — Руфат привез тревожную весть о своей сестре Марии...

Что за человек, думал Карбатыр, этот Тим Некрас, что за характер у него! Враждуя со своими соплеменниками, он враждует и со мной. Да что там со мной — с сыном Руфатом непримиримый враг. Выслеживает его, караулит на тропинках в лесу, чтобы расправиться с ним, а теперь мне назло решил отдать свою дочь за какого-то парня из Абадзехии. Знает, что мы с Марией любим друг друга, потому и хочет мне сделать особенно больно. Но мне-то понятно, а дочери своей родной? Как быть, с кем посоветоваться? С Газаром? Хорошо бы, но он друг моего отца, по нашим обычаям, как ему доверишь сердечные дела. Рассказать Вышеславцеву и попросить у него отпуск? Мне-то и надо всего несколько дней, чтобы привести Марию к нам домой, а там уж тфокотли Тима даже и близко к нашему плетню не подпустят. Правильно говорит Павел Ракитов — надо торопиться с женитьбой.

Карбатыр собрался идти к Вышеславцеву, как к нему пришел Павел. Даже не пришел, а прибежал:

— Идем, Карбытар! Скорее идем! Около греческой лавки какая-то черкешенка просила найти тебя. Да быстрей же ты поворачивайся! Мне кажется, это Мария. Девушка эта превосходно говорит по-русски.

— Мария?! — растерялся Карбатыр, стоя посередине комнаты.

— Думаю, да. Если ее не будет в лавке, то будет у швеи. Так она сказала. Что ты стоишь, пойдем!

— Мария?! — все никак не мог прийти в себя Карбатыр.— С кем она?

— Мужчина с нею какой-то. Сердитый. И женщина. Думаю, это ее отец с матерью. А еще мальчишка лет двенадцати.

Ни у греческой лавки, ни в швейной мастерской, ни на базаре Марии не было.

Они оббежали все магазинчики по жаре, обливаясь потом, кинулись к морскому причалу. И там ее не было.

Бились волны о берег, тревожно кричали чайки. В небе как бы зависло горячее солнце.

Карбатыр, растерянный, горестный, долго стоял молча, потом сказал ни то Павлу, ни то себе, ни то неизвестно кому:

— Это Мария! Похоже, большая у нее беда, иначе она не посмела бы заговорить с мужчиной, да еще с русским офицером, не посмела бы сказать, где ее найти, куда едет. Беда у нее, большая беда...

Если ты истинный друг, Павел, то поможешь мне!

— Разумеется, о чем речь! — почти возмутился Павел.

— Надо прихватить нам с тобою еще человека два, из наших товарищей, и поспешить на дорогу из Анапы в Куматыр. Если таким образом мы не вызволим Марию, мне уже никогда ее не увидеть.

Часа через полтора в долине, что тянулась от Анапы до Куматыра, что давала приют, и птице и солнцу, что полна была цветами и травами, покоем и благодатью, показалась телега, сопровождаемая всадником, в котором Карбатыр сразу узнал Тима Некраса.

Пришпорил коня, приблизился и узнал сидящих в телеге — Марию и ее мать Самай.

Правил лошадьми, весело насвистывая, племянник.

Улыбнулся Карбатыр.

— Чему ты так весело улыбаешься? — удивился Павел.— Это же Мария, так сказать, под конвоем! Чему же улыбаться?!

— Верно, Мария под конвоем. А смеюсь я вот чему. Видишь всадника? Адыгского тфокотля никогда и ни с кем не спутаешь. Наверно, он один на всем белом свете ни за что ни про что не покинет своего седла, не сядет в телегу рядом с женщиной. Хоть под дулом пистолета — не сядет, не позволит себе. И этот адыг такой же как все — Тим Некрас, Тимофей Михайлович Некрасов. Его-то дочь

Марию нам и надлежит похитить.— Поднялся Карбатыр на стременах.— Вы готовы, друзья мои? Тогда вперед!

Тим Некрас, увидев четырех русских всадников, почуяв недоброе, выехал вперед телеги — напрягся весь, будто в ком съежился, приготовился к схватке.

Мария верила в то, что Карбатыр догонит их, верила, знала, была готова и все же вся задрожала, налилась краской волнения и застенчивости. Конечно, как только рука Карбатыра коснется ее, она покорно сядет к нему на коня.

Карбатыр подхватил Марию к себе на седло, дал шпоры коню и понесся быстрее ветра.

Закричала, запричитала Самай, заплакал мальчишка. Тим Некрас тоже был добрым наездником, резвый конь был под ним, тоже мог скакать быстрее буйного ветра. Кинулся он за похитителем, но двое всадников преградили ему путь. Ракитов сказал:

— Не беспокойтесь, уважаемый. Ваша дочь в верных и добрых руках черкесского князя Карбатыра Зана, сына Сафербия.

— Прочь с дороги, гяур! — Тим выхватил из ножен кинжал, угрожающе поднял его.— Прочь! Я не хочу слышать имя этого подлого предателя! Передайте эти же слова и Руфату Некрасову, сыну Тимофея, рожденного мною и этой женщиной в платке.— Понял Тим, не справиться ему с двумя всадниками, со злостью сунул кинжал в ножны.— Ничего, вы кровью своей ответите за разбой среди бела дня! Ты, Самай, езжай домой, а я поскачу за подмогой. Тфокотли меня не оставят в беде.

Часа через два после того, как привезли невесту, гарнизон Анапы был поднят по тревоге. Воины гарнизона заняли свои боевые места.

К крепости с шумом, с выстрелами, с угрозами приблизилось сотни полторы всадников. К ним на подмогу скакали из окрестных аулов.

— Они что, все из-за Марии? — удивленно спросил Ракитов Карбатыра.

— Да. Мы не сумеем противостоять этой лаве конников, они сомнут нас. Все может решить лишь одна Мария.

В сопровождении нескольких всадников приехал генерал Вышеславцев:

— Спросите, почему они явились сюда, чем недовольны? И пусть так не шумят, ведь ничего не слышно.

Один из предводителей адыгских всадников, приблизился на почтительное расстояние к генералу:

— Ваши офицеры, господин генерал, похитили дочь Тима Некраса, мы требуем...

Генерал поднял руку, обратился к своим:

— Кто из офицеров сделал это? К генералу подъехали Карбатыр, Ракитов, Карпенко и Бутенко.

Увидели тфокотли среди офицеров Карбатыра и заинтересованно притихли.

— Они правду говорят, господин Зан? — указав плеткой в сторону адыгов, спросил генерал.

— Так точно, ваше превосходительство. Правду. Но мы с Марией любим друг друга. Спросите ее.

Нахмурился генерал, помолчал, потом скомандовал:

— Все четверо в крепость. Мы тут сами разберемся и примем необходимое решение.

Обе стороны торговались недолго. Порешили выделить от каждой стороны по пять человек и послать их на переговоры с Марией. Пятерку адыгов возглавил дядя Марии, брат Самайи — Джанхот. Русских возглавил сам генерал. По дороге в крепость он подумал: неверную позицию мы заняли по отношению к адыгам. С ними довольно легко договориться, они прекрасно чувствуют справедливость, порядочность. Зачем же сила? Если окажется, что мои офицеры поступили бесчестно, я сорву с них погоны и отдам под суд. Черкесы тогда увидят и нашу справедливость и порядочность.

Уехали посланцы к Марии, и тфокотли спешились, занялись своими нехитрыми делами — кто курил, кто чистил пистолет или занялся сбруей, другие же просто отдыхали на траве.

Недолгим было ожидание.

Из крепости возвращались посланцы, и черкесские всадники поднялись на седла, готовые ко всему. Приготовились на всякий случай и русские.

Джанхот остановился перед адыгами:

— Тфокотли! Спасибо, что вы поддержали нас, нашу честь. Дочь наша выходит замуж по своему согласию. Пусть будут счастливы молодые!

Адыги шумно, однако уже миролюбиво, стали разъезжаться.

Генерал Вышеславцев своим солдатам и офицерам объявил о благополучном исходе дела. По крепости прокатилось веселое ура. Все поздравляли Карбатыра, были рады торжеству справедливости, торжеству любви.

Адыгские всадники оглядывались на крепость. Одни были довольны происшедшим, другие ворчали, дескать, не спешите радоваться, мы вам еще покажем, ишь они, радуются!..

— Поздравляю тебя, Бабура! С невесткой поздравляю! — сказал Трам матери Карбатыра.

Бабура оторопела от такой вести, от неожиданности, у нее словно язык отняло. Наконец она воскликнула:

— О Аллах! Как же это могло произойти без отца?! Кого же нам привезли в невестки?

— Младшую дочь Тима Некраса! — все радовался Трам. Бабура не показала, нравится ей семья невестки или нет. Посидела, помолчала, а потом, одолевая радость-печаль свою, как-то безнадежно спросила:

— Так где невестка наша?

— В Анапе, у Карбатыра.

— О Аллах мой, Аллах, кто же так делает! — горестно воскликнула Бабура.— Разве Карбатыр родился не в адыгской семье, не знает наших обычаев. За что он выставляет нас на посмешище перед всем народом? — Погоревала и начала успокаиваться, потом строго спросила у Трама: — Родителям невестки сообщили о том, что их дочь — наша невестка? И что они?

Трам все рассказал, ничего не скрывая от княгини.

Задумалась Бабура. Ей не нравилось, что ее сын, наследник княжеского рода Занов, женился на дочери простого тфокотля. Нет, не простого, больше того — наполовину русского. Что скажут об этом князья Черкесии, родовитые, дворяне? Одни будут сожалеть, сочувствовать, а другие злорадствовать. Если бы Сафербий был дома, он не позволил бы Карбатыру эту женитьбу. Впрочем, Сафербий дружил с Тимом. Сколько раз я просила его не водиться с тфокотлями, не пускать их в княжескую кунацкую. Вот теперь и получился этот конфуз, а может быть, даже позор. Почему Хаджемуковы, Берзеджи и другие князья не водятся с тфокотлями, не разъезжают по чужим странам. Не зря говорят: в доме, где нет кошки, мыши хозяйничают...

Этот Тим и дочка его... Недаром ей имя дали совсем не адыгское. Мужицкое имя. А мужики они есть мужики. Взять хотя бы самого Тима. Шум поднял, хотел, чтобы его дочка отказалась и сына моего осрамили. Пусть лучше занимается своим Руфатом. Вот уж кого надо обязательно осрамить, вот в ком мужицкая кровь взяла верх...

На улице послышался веселый шум — это пришли поздравить Бабуру с женитьбой ее сына. И она отдала распоряжение челяди немедленно готовить все необходимое для семидневного свадебного праздника.

— Да обязательно расскажите тфокотлям Куматыра, Бираута и Чилежа и Рэтабга о нашей радости. Всем праздничеством будет руководить дядя Карбатыра Зекошу. Все должны подчиняться ему как старшему в доме. Передайте Зекошу пусть он немедленно отправит верховых в Дахап, к Некрасам с приятной вестью, что они стали нашими родственниками. И Карбатыру передайте, что он должен быть немедленно с невесткой дома!

Жена Зекошу, Хаб, приклонилась к Бабуре и негромко сказала:

— Мы слышали, будто Тим Некрас, наш родственник, повел себя сегодня не совсем прилично. Это правда? Бабура метнула в нее свирепый взгляд:

— Нам нет дела до его поведения. Мы делаем все приличное и достойное Занов!..

На всей земле, во всех ее дальних и ближних концах нет ничего прекраснее свадебной песни. Свадьба — это конец юности и начало зрелости, это печаль и радость, это великий смысл жизни. Конец беззаботной легкокрылой и веселой поре, это печаль расставания с ней, с отцом и матерью, но это и радость воссоединения двух влюбленных душ для будущей совместной жизни. Вот поэтому так величавы свадебные обряды.

Под звездным небом разливалась половодьем песня, от которой ночное небо становилось приветливым и добрым. Луна, сама похожая на невесту, благословляла свадебный кортеж, радовалась вместе со всеми. Вся округа слушала свадебную песню: «О-ри-да, невестку везем! Она светлее, чем месяц на небе. Она красна, как ясное утреннее солнышко. Уста ее, словно золотом горят. Голос ее, словно серебряный колокольчик звенит. Брови ее, словно крыло

галки черны. О-ри-да, невестку везем! Она скромна и мягка, как гусиный пух. Пусть весь аул и вся округа веселятся, пусть она принесет счастье и достаток дому жениха, о-ри-да, невестку везем!..»

— Да принесет она счастье и покой нашему аулу и роду жениха! — сказал Трам.— Поехали навстречу.

В Куматыре, где Трам с товарищами встретил свадебный кортеж, празднество набирало силу: громче, задорнее лилась величальная песня, грохотали выстрелы из ружей и пистолетов, пешие и конные, молодые и старые выходили на улицу, чтобы разделить со всеми веселье, порадоваться празднику. И все это кружилось вокруг фаэтона с невесткой, сегодня Мария в центре аульской жизни.

Ворота у Занов распахнуты настеж — все могут пожаловать во двор, где на кострах жарится, варится мясо. В дом, куда везут невесту.

На мужской половине сидят старшие мужчины рода Занов. Они величественно-спокойны. И тем не менее прислушиваются ко всему, происходящему во дворе, на улице — так ли все идет, как надо, достаточно ли весело поют, не скупятся ли на салютующие торжеству выстрелы. На женской половине — женщины во главе с Бабурой, они, как подобает в такой час, говорят, о счастье, о радости, о том, без чего жизнь человека, особенно женщины, бессмысленна. Ведь женщина — хранительница очага, каким бы силь-ным и мудрым не был мужчина, всевластный хозяин, без женских молитв, без тихих, ласковых забот ни одна семья на свете, не может быть истинной семьей.

И вот он, свадебный кортеж, у распахнутых ворот!

Кинулись собравшиеся, чтобы посмотреть, увидеть невесту, но ее тут же подхватили под руки, увели в приготовленную для нее комнату.

Молодые женщины и девушки из рода Занов накрыли ее голову ажурной, тонкого шелкового вязания накидкою. Две самые близкие семье Занов девушки встали рядом с нею, поддерживая ее под руки.

Трое парней, сопровождавших свадебный поезд, зашли в кунацкую к старшим мужчинам и поздравили их с радостным событием, пожелали жениху и невестке многие лета счастливой жизни. Потом все то же самое повторили на женской половине. Зарделась, расцвела от удовольствия Бабура.

Распорядитель танцев на праздниках — джегуако — вышел на середину двора, произнес перед почтительно притихшими гостями краткую здравицу в честь молодых, рода Занов и Некрасовых, в честь всего аула и дал команду музыкантам играть. Право первого танца получил парень из рода Занов, с самой красивой девушкой аула — начался семидневный свадебный праздник.

И новым огневым вихрем закружилось празднество! Ушла за горизонт усталая луна, растаяли звезды.

Радость, веселье утомляют не меньше работы, но усталость эта блаженная и длится всего лишь ничего, чтобы вспыхнуть новым огневым ликованием. Так было и во дворе Занов — разошлись на рассвете, чтобы, поспав два-три часа, вернуться для нового половодья песен и танцев, шуток и прибауток.

Разошлись гости, а хозяевам приспела самая пора забот о завтрашнем дне. Всем этим занимаются и будут заниматься многочисленные помощники по делу, тут Бабура была спокойна, за годы своего хозяйствования она сумела так все отладить, что оно будто само делалось, безо всяких усилий.

Все же у Бабуры на душе не легко.

По обычаю жених в дни свадьбы не имеет права жить в доме родителей. Он находится у кого-нибудь из друзей, лишь ночью, тайком может повидаться с невесткой.

Карбатыр ушел на это время к тфокотлю Траму. Нехорошо, как нехорошо — князь ушел к тфокотлю. Больно было Бабуре, но что поделаешь, если время такое. Сафербий знает цену княжеского достоинства, а вот, поди ты, дружит с тфокотлями, с тем же Трамом дружит. Конечно, время такое неспокойное, каждый должен искать себе поддержку среди верных людей. В этом мудрость Сафербия. А еще он бывало говорил: лучше умный тфокотль, чем глупый, как придорожный камень, родовитый или князь. Больно Бабуре, оттого, что молодой князь ушел к Траму, но ничего не поделаешь — ради мудрости надо иногда поступиться своим княжеским достоинством. Взять того же Гаруна, думала Бабура, хоть и княжеский отпрыск, а дурак дураком и чванлив, как паршивый петух. Аллах ему судья. Смирив свой гнев, она послала за племянником.

Пришел он. Даже перед нею держал себя, раздвинув плечи.

— Как наши дела? — строго спросила Бабура.— Что говорят тфокотли?

Кисло усмехнулся Гарун:

— Показывают вид, будто все хорошо, довольны, стараются для своих хозяев. Но кто знает, что у них на уме? Небось, радуются, что княжеский сын взял в жены дочку тфокотля. Подлый народ. Не знаю, что еще сказать. Да и Карбатыр хорош! К Траму ушел!

— Я позвала тебя, Гарун,— холодно сказала княгиня,— хочу предупредить, с сегодняшнего дня не будем говорить о том, что сейчас сказал ты. Не будем,— твердо повторила она.— Чтобы тебя так не жгла твоя обида, представь себе, что Тим Некрас — абадзехский родовитый, а Трам — натухайский князь. Ты понял меня, дорогой племянник?

— Я понял, а что скажут люди...

— Главное — что мы говорим,— теперь уже средито оборвала Бабура родственника,— а что другие говорят — пустой ветер.

— Как скажешь, так и будет. Я, конечно, согласен. Однако не надо нам якшаться с грязным отродьем,— все-таки не удержался Гарун.

До чего же глуп! Даже обидеться на него нельзя, подумала Бабура и миролюбиво, с сожалением попросила:

— Иди, Гарун, возвращайся к мужчинам и занимайся делом. Постарайся, чтобы свадьба удалась, как говорят, на славу.

Помялся Гарун, переступая с ноги на ногу, и все-таки не сдержался, сказал:

— Знаешь, что вчера заявил мне наш новый родственник? Этот Тим? Он, видите ли, не желает, чтобы в свадьбе участвовали мужики. Да-да, он так и сказал — му-жи-ки! А сам-то кто?

— Успокойся, Гарун. Это наше дело, а не Тима.

— Ты-то, Бабура, как думаешь? Друзья Карбатыра, русские офицеры, должны быть на свадьбе? А?

— А ты, Гарун?

— Валлахи, не знаю. Думаю, тфокотли воспротивятся.

— Тфокотли? А они противятся тому, что Карбатыр служит в русской армии?

— Не знаю. Одни противятся, другие — нет, а третьи — сами себе на уме.

— Если русские офицеры, друзья Карбатыра, приедут к нам, кто из вас прогонит гостей? Тфокотли нарушат обычай адыгов или ты?

— Валлахи! — растерялся Гарун, поднявши плечи к своим большим ушам.— Что значат твои слова, как их примирить с моим отношением к этим гяурам... Я думаю, если бы дома был князь Сафербий, правоверный мусульманин, он нашел бы выход.

Во дворе заиграла музыка, ударили трещотки!

— Иди, Гарун, веселите людей, чтобы наша свадьба надолго запомнилась не только в ауле, Шапсугии, а во всей Черкесии! Ничего не жалей.

Двор полон народу. А посередине — круг, а в кругу — джегуако, который знает все на свете, веселее которого нет во всей Черкесии.

На одной стороне двора — мужчины, в своих лучших черкесках, с начищенными газырями на груди, папахах. Напротив их стоят девушки. Каждая — красива, в самом нарядном цветастом платье, каждая ждет своего, как говорят, принца. Ждет, но не покажет виду, потому что скромность, застенчивость — это вторая красота женщины.

Ударила музыка! Закружились, запели, затанцевали. Выплеснулось веселье за ворота, в степь, в горы, к высокому небу.

На деревьях вокруг двора сидят мальчишки, как птицы, которым скоро лететь. Вот только послушают песню, досмотрят танцы, сердцами своими уловят великую радость бытия, сердцами, не разумом, усвоят, возрадуются, и улетят каждый к своей судьбе, к своей радости и печали.

А в кунацкой сидят и говорят размеренные речи те, кто уже все на свете повидал на своем долгом веку и успокоился. Им теперь остались только воспоминания.

Джегуако тем временем, подогнув полы черкески за пояс, вышел на середину круга и потребовал внимания, подняв руку:

— О люди, о уважаемый джегу[1]! Попросим достойнейшего тфокотля не только Шапсугии, но всей Черкесии Нурмагомета Хагура выйти сюда и показать свое искусство, свою удаль. Нурмагомет — достойный соратник хозяина этого прекрасного и славного дома князя Сафербия Зана, чью великую радость мы с вами нынче разделяем

[1] Д ж е г у — свадьба.

и желаем, чтобы Всемилостивейший Аллах превратил каждый день князя в сто счастливых дней. Кто из вас не знает мужества и удали Нурмагомета Хагура, кто из вас не знает о подвиге его отца Моса Хагура? Выходи, достойнейший из достойных, спляши на радость людям. Выходи, Нурмагомет! Выкупить Хагура и его напарницу можно хоть турецкими пиастрами, хоть арабскими, хоть крымскими, хоть другими деньгами,— продолжал джегуако,— только побольше, не скупитесь! Помните — рука дающего не оскудевает.

Сплясал Нурмагомет, показал на что он способен в своей удали. Ничего не скажешь, удивил гостей.

— О люди, о джегу! — воскликнул джегуако,— Нурмагомета выкупает достойнейший из достойных натухайских тфокотлей Трам. Он выкупает русскими рублями. Слава тфокотлю Траму!

— Что это еще за русские рубли там появились,— проворчал Гарун,— мы договорились не признавать их деньги в Черкесии.

— А ты сходи на анапский базар и узнаешь цену русского рубля,— съязвил кто-то.— Не обойдешься там без него. А товары такие бывают, глаза разбегаются.

— Как же мы раньше обходились без вонючих гяурских денег! — совсем рассердился Гарун.— А что ты думаешь по этому поводу, Юсуф-эфенди?

Довольный праздником, кумачово-красный, круглолицый эфенди был настроен благодушно, но что делать, если спрашивают такое, неприятное и скользкое:

— Ты прав, Гарун, сколько помнят себя адыги, они обходились без гяурского рубля. Зачем правоверному грязные деньги. Кто только их не мусолит. Я всегда, как только подержу их в руках, моюсь самым тщательным образом. О, эти рубли... Впрочем, откуда они у меня? Изредка достается заработать какой-нибудь полтинник, который тут же уходит на базар.

— Значит, берешь, Юсуф-эфенди? — со смешком спросил кто-то.— Ведь это грех.

— Грех, большой грех! — заторопился эфенди.— Да и на базар ходить грешно, противно — там всегда воняет салом. Фу! Однако,— усмехнулся эфенди,— золотой он... такой тяжеленький, такой приятный. Да и серебряный тоже.

— Тебе и золотой приходилось держать в руках?!

— Откуда у меня золотые. Слышал, в Аравии...

— И в Аравии знают русских?!

— Где только не знают их!

За воротами послышался топот коней. Подскакал взволнованный мальчишка:

— Казаки едут!

Взволновались мужчины. Некоторые пошли к коновязи, к своим коням.

— Сколько их? — спросил Трам.

— Пятеро. Со стороны Анапы.

— Успокойтесь люди, успокойтесь! — возвысил голос Трам.— Должно быть, гости, друзья Карбатыра, едут. Скажи об этом старикам, Гарун, а я с Хагуром поеду им навстречу.

— Только вдвоем? Рискованно,— втянув голову в плечи, сказал Юсуф-эфенди.— Кто знает, что на уме у них.

— Гости едут, эфенди, гости, и встречать их надо, как полагается. Пошли, Хагур.

— Я так и знал, что припрутся эти салоеды...— проворчал Гарун и, нехотя, пошел в кунацкую.

Свадьба продолжала греметь, хороводиться. Им не было никакого дела, кто здесь друг, а кто недруг, к хитростям бытующим между людьми, тонкостям, портящим настроение, оплетающим липкой паутиной. Не надо, ничего не надо — только веселая музыка, пляски да песни во имя жениха и невесты, значит, во имя грядущих радостей.

— Эй, кто там нос повесил?! — Пританцовывая в такт музыки, спрашивает джегуако, велит.— Ну-ка, распрямись, ударь в ладоши! У кого там ноги одеревенели? Дай им свободу! Веселей! Горячей!

К воротам княжеского двора подъехали русские офицеры в сопровождении тфокотлей.

Увидел новых гостей джегуако:

— Расступись, народ, подари гостям свои улыбки, поделись своею радостью! Милости просим, дорогие гости! Дай вам бог здоровья, друзья нашего князя Карбатыра! Пусть всегда вам навстречу идет радость, а печаль обходит стороной! О досточтимый тфокотль Трам, просим вас подарить гостям свой огневой танец. Музыка! Веселее, друзья, не жалейте свои ладоши, щедрее дарите улыбки гостям!

Гостей оказалось шестеро, а не пятеро. Ракитов, Бутенко и Карпенко, а трое других — их коноводы.

Сослуживцы Карбатыра на свадьбу адыгов попали впервые. И одежды, и пляски, и песни удивляли их. Но самое большое удивление заключалось в том, что чужое веселье веселило и их, волновало радостью. Впервые услышанная мелодия вдруг сама по себе начинала тихонько звучать в них, ладоши сами начинали хлопать, а ноги отстукивать ритм танца. А еще их удивляло изящество и гармония во всем — в мужских и женских костюмах, в украшениях, в движениях, в музыке, законченность во всем, будто бы и не руками это сделано, вообще не сделано, а рождено, как рожден цветок розы, пирамидальный тополь, утренняя и вечерняя заря.

Господи, подумал Ракитов, как все прекрасно, и мы должны стрелять в этих людей? Учить их некой европейской культуре! Зачем им эта самая культура? Ханжеская, развратная, искусственная. Чтобы она уничтожила народные корни, традиции? Вместо прекрасных черкесок надеть на парней смокинги, фраки? А что можно другое надеть на этих девушек, чтобы они не перестали быть самими собою? Нет, культура каждого народа самобытна, самоценна, один лишь сам народ может развивать ее дальше. Так думал Павел Ракитов, русский офицер. Потом он заметил, что люди распорядителю празднества передают деньги, а тот с возгласом одобрения показывает их всем, кладет в поднос, возвышающийся на табуретке между музыкантами и трещетниками, на обозрение присутствующих. Павел подумал, вероятно, это здешний обычай одаривать молодых. Впрочем, в России также одаривают, но по-другому.

Ракитов достал золотой и отдал его распорядителю свадьбы, его товарищи — тоже.

— О досточтимый наш гость,— обратился джегуако к Павлу,— просим порадовать нас танцем. Как звать вас? Павел? Выходите смелее в круг. Пригласите в круг самую красивую девушку! А-ну, Тайсура, не дай победить себя гостю! — Он взял Ракитова под руку и повел на середину.— Смелее, смелее! Главное в такт музыке переступать ногами, а потом они сами запляшут! Ну, ну! Жаль, что наши музыканты не знают русской музыки, но не беда! Смелее — и все тут!

Джегуако говорил вперемешку адыгскими и русскими словами.

Ракитов очень смущался, именно поэтому руки и ноги его были какими-то деревянно-непослушными. И музыка настолько непривычной была для него, что он никак не мог приноровиться к ее ритмам. Но постепенно, потихоньку стало налаживаться, что-то получаться, и Павел радовался этому, улыбался Тайсуре, а ноги его теперь уже сами чувствовали ритм музыки, подчинялись ему.

— Хорошо, хорошо, Павел, а меня зовут Дэдам. Сегодня ты гость наш, а гостей мы уважаем, но не дай Бог тебе потом встретиться с нашими джигитами на боевой тропе! Не будет пощады, они любят свою землю, как и ты, и защищать ее будут точно так же, как и ты свою защищаешь! — говорил Дэдам.

— Ты погляди, что они делают! Они позорят нашу девушку, заставляя танцевать с гяуром! — возмутился кто-то из тфокотлей.

— Гяур, не гяур, раз переступил наш порог, значит гость!

— Получается, Сагид, они уже переступили наш порог?!

— Перестань, Шихам. Испортишь веселье — испортишь жизнь молодым, великий грех возьмешь на душу.

— Ладно,— недовольно согласился Шихам.— Пусть танцует, а повстречается где-нибудь в другом месте, там и сочтемся.

— Да перестань ты! — не на шутку возмутился Сагид. А гостей уже повели в кунацкую, к старшим рода Занов.

Юсуф-эфенди заторопился:

— Дайте мне кумган! Этот гяур поздоровался со мной за руку. Дайте кумган, дайте хорошенько вымыть руки!

Услышал эти слова Трам и осуждающе посмотрел на эфенди, с упреком, хотя на священнослужителя и нельзя бы так смотреть правоверному.

Нурмагомет и Трам ушли в дальний угол двора, уединившись, посасывали самокрутки, молчали, как бы отдыхая от свадебной суеты. И в самом деле устали, многое легло на их плечи, они несли эту ношу во имя Карбатыра, а главное, во имя князя Сафербия. Пусть ему там будет хорошо, пусть делает нужное всем адыгам дело.

В последние два дня Нурмагомет заметил хмурое настроение своего друга Трама, потому и позвал его в

дальний тихий уголок. Конечно, Трам делал все необходимое к свадьбе, но не было у него радости. Скорее — печаль, будто хоронил он кого-то, а не женил. И еще заметил Хагур — тоскливые взгляды друга в сторону девушек. Такие же взгляды он заметил у Трама в Турции. Спросить бы — отчего это у него, но как спросишь, если Трам не любит вообще говорить о женщинах, о женитьбе. Не то что не любит, а даже оскорбляется, если кто-нибудь спрашивал его, не собирается ли он жениться.

Вспомнилось Хагуру как в Стамбуле Трам вслед одной женщине крикнул:

— Мерем!

— Кто она? — спросил Хагур.

Трам только нахмурился и ничего не ответил.

— Какая Мерем? Откуда ты ее знаешь,— опять спросил Хагур.

— Обознался я. Отстань! Спутал с другой женщиной.

— С какой?

— Я же сказал тебе отстань! — ответил Трам и так посмотрел на Хагура, что тот не рискнул больше ничего спрашивать...

— Валлахи,— прикуривая вторую самокрутку, издалека начал Хагур.— Живем мы с тобой, живем, но что это за жизнь? Кислятина какая-то!

— Ты только сейчас это понял, Хагур? — Трам сделал еще несколько затяжек, а потом втоптал в землю свою самокрутку.

— Правильно ты сказал — не жизнь, а кислятина какая-то. Нас продают, нас покупают, а теперь еще воевать приходится.

— Я не об этом. О другом. Меня, друг мой, беспокоит твое одиночество. Бороду и усы твои уже тронула седина, сыновья твоих ровесников уже невест себе высматривают.

— Я прошу тебя, Нурмагомет...

— А я тебя прошу! — решительно остановил он Трама.— Ни я один, многие обеспокоены твоей судьбой, хотят знать, как ты думаешь жить, чем тебе можно помочь. Да и молодки подшучивают, мол...

— Нурмагомет! — Трам невольно повысил голос, затем сглаживая свою несдержанность, пошутил: — Тебе, Нурмагомет, лучше следовало присмотреть за своей родственницей... С каким кокетством она танцевала с гяурским золотопогонником.

— Это почему же?! — возмутился Хагур, а сам смущенно глянул в сторону Тайсуры.

— Разве не видел, как они улыбались? И сейчас она не сводит глаз с дома, куда повели гостей...

— А что тут удивительного — живые ведь люди! Вполне естественные отношения между мужчиной и женщиной,— Хагур ответил теперь шуткой другу.

— Смотри, Хагур, это может кончиться свадьбой.

— Ладно, Трам,— отрезал Хагур,— не заговаривай меня, лучше продолжим разговор о тебе. Что с тобой? Кто такая Мерем, которую ты назвал в Стамбуле? Скажи только, и мы все для тебя сделаем. Чего же ты молчишь?

— Во-вий, Хагур,— почти простонал Трам,— чего пристал? Прошу тебя, всех вас прошу — оставьте меня в покое.

— Не оставим. Скажи лучше, кто такая Мерем?

— Зачем? Вы все равно не найдете ее,— с такой безнадежностью сказал Трам, что хоть и в пору оставить его в покое.

— Валлахи, найдем! Из-под земли достанем, со дня моря! Ты только скажи — чья она дочь?

— Ты помнишь Айнур, дочь Хурашей?

— Как же не помнить? Она второй раз вышла замуж за Табежа, а вскорости из-за дочери покончила собой. Ты об этой говоришь?

— О ней, но это еще не все.

— Эта самая Айнур, говорили, в грехе прижила себе девочку.

— Да.

— Они ведь жили с тобой по соседству. Ты должен знать, кто ее отец.

— Кроме Аллаха, кто это знает,— сказал Трам. Он скрыл от Хагура, что Сафербий хаживал после вечернего намаза тайком к Айнур. Помолчал и добавил: — Ту девочку, которую продали в Турцию, звали Мерем.

— Что?! — воскликнул Хагур.— О Аллах! Что же ты мне не сказал этого в Стамбуле?!

— А что бы ты мог там сделать? Помолчи уж лучше. И оставь меня в покое.

— Эх, Трам! Мы бы попросили зиусхана Сафербия, он поискал бы ее. Мою мать тоже продавали в Турцию, мой отец привез ее оттуда, а ты говоришь...

III

Свадьба всегда праздник, чудо, но всякий праздник быстро проходит. Вспыхнет, зажжет огонек в душах, а потом уступит место будням.

Вот так и свадьба Карбатыра и Марии: вспыхнула, отгорела и осталась лишь в людской памяти.

Черкесия продолжала жить своими заботами, тревогами, которых в ее жизни было больше, чем покоя.

День ото дня на земле адыгов все больше появлялось русских крепостей, казачьих станиц неподалеку, а то и вовсе рядом с аулами. Казаки уже сеяли хлеб, косили траву, разводили скотину и птицу, ставили свои церкви.

Адыги же все спорили в кунацких, на многолюдных хасэ, принимая одно решение и отменяя другое, отчего только возникала неразбериха. Вскоре они стали замечать, что все тайные решения, принятые ими, становились тут же известны неприятелям. Получалось, что находились адыги, которые предавали самих себя, свой народ, свою землю, свою веру?

Получилось так. Но не только у адыгов, оно было во все века, у всех народов, потому как слаб человек, грешен. А тут еще вот что произошло в Черкесии: Россия перекрыла все торговые пути в Турцию, Англию, Францию, в другие страны. И адыгам не с кем стало торговать, но ведь так долго не продержишься, начнешь задыхаться в этой изоляции. Вот тогда-то Россия и выбросила на рынки Черкесии свои товары — что твоей душе угодно, все необходимое для хозяйства, но только за рубли! А где их взять? Зачем пистолет, зачем ружье, если у тебя нет свинца и пороха. Да и сами ружья, пистолеты стареют, ломаются — надо покупать новые. Опять только за рубли, за русское серебро и золото. Взять их можно только у русских, продавая им все. А для этого надо иметь и хлеб, и мясо, и птицу. А если ты хочешь разбогатеть? Если твоя гордость требует этого, если в тебе горит желание возвыситься над другими, прежде всего над теми, кто рядом с тобой? Разные тропинки ведут к богатству, большинство из них

тайные, сумрачные. Поклонись сильному покровителю и он даст тебе то, что ты хочешь. Чем ниже поклонишься, тем щедрее он будет. Неважно, кто твой покровитель, важно, что у него золото, а у золота — с глубокой старины известно — нет родины, нет святынь.

Есть люди, у которых гнездится страх перед сильными мира сего. А у страха тоже нет родины, нет святынь. И чувство страха может принести благополучие, если суметь его хорошенько продать. Среди гордых, свободолюбивых адыгов были и такие.

Вот так и жили. Случалось, русские ходили к адыгам на свадьбы, просто в кунацкие, на мужские посиделки. Бывали желанными гостями и адыги в домах русских — в станицах, крепостях. Но побывав друг у друга, разойдясь, они все-таки оставались врагами.

Адыги относятся к ним так не потому, что они русские, нет, а лишь потому, что пришли не с добром, а с оружием. Точно так же относились к величайшим завоевателям — Македонскому, Чингиз-хану, Батыю, расплачиваясь за свою непокорность кровью.

Пришел день, и Карбатыр спросил себя: кто он такой, как жить ему дальше, с его любимой женой? До женитьбы тоже возникал этот вопрос, но звучал он тогда немного иначе, не так категорически, как теперь, когда ему предстояло родить наследников княжеского рода Занов. Но при чем здесь русский офицерский мундир на нем? Кто он такой в этом мундире? Кому на верность присягал? Нет-нет, на простой вопрос надо отвечать просто. Ты — адыг? Да. Служа русскому царю, ты, таким образом, стал врагом своему народу, своей земле, древнему роду Занов. И не надо хитроумных объяснений, они не помогут. Конечно, служа исправно царю и ты возвысишься, может быть, до флигель-адъютанта, как Хан-Гирей. Пройдет время, и твое имя, может быть, останется в истории. Ну и что?

Вот над чем бился теперь Карбатыр.

К России присоединились Грузия, Армения.

Триста лет назад адыги тоже присоединились было к России, но после смерти адыгского зятя, Ивана Грозного, много воды утекло. А что происходит теперь?.. Бумага была просто бумагой, разговор разговорами?..

Что же делать, как жить дальше? Может быть, отец прав, думал Карбатыр, уехав в Турцию, рассказывает всему миру о положении адыгов. Узнает мир о вопиющей несправедливости и поможет нам?

Мария вошла в комнату, где сидел в раздумье Карбатыр. Обняла она его сзади, прикоснулась теплыми губами к его щеке:

— О чем ты с самого утра так сосредоточенно думаешь? Совсем забыл меня.

— Что ты, Мария, разве можно забыть тебя! Нет такой силы, которая заставила бы меня это сделать. А ты?

— Я тоже, Карбатыр,— прошептала она. — Вот только мучает мысль о моем нехорошем поступке.

— О каком? — удивился Карбатыр.

— Когда прислала к тебе Павла со своей просьбой.

— Если бы ты этого не сделала, где бы теперь была, моя хорошая? Мы же договорились, что тебе совсем не надо этого стыдиться.

— Но я ведь женщина...

— Ты поступила очень правильно, мужественно поступила и за это попадешь в рай.— Мягко притянув Марию к себе, Карбатыр усадил ее на колени. Обнял, нежно поцеловал: — Слава Аллаху, что ты поступила именно так!

— Погоди, Карбатыр! — она прислушалась и потом выскользнула из его объятий.— Идет кто-то.

— Это Газар,— глянул в окно Карбатыр.

Он быстро надел мундир и выскочил на крыльцо. Мария — за ним.

Молодожены провели гостя в дом, были ему очень рады. Особенно Мария, ведь она жила в доме Серебряковых, Газар был ей вместо отца, помогая осваиваться с новыми для нее порядками. Очень обрадовалась Мария Газару и в то же время стеснялась, не знала как вести себя, ведь по адыгским обычаям ей пока не следовало даже показываться ему. Что скажут старшие, узнав об этом.

Газар делал вид, будто не замечает ее смущения:

— Я был в отъезде по важным делам и не смог приехать на вашу свадьбу. Не обессудьте. Мы так дружны с Сафербием, со всеми Занами, что я просто обязан был бы приехать и поздравить вас. Но в это время я был в Одессе, оттуда поехал в Петербург, а теперь наконец — к вам. И не только к вам, обязательно поеду еще в Куматыр к Бабуре.

Мне и надо было бы начинать свой визит именно с Куматыра, но я никак не мог проехать мимо вас... Это тебе, Мария,— Газар кивнул на большую коробку, которую принес с собой.— А это тебе, Карбатыр, портсигар прекрасной парижской работы, хотя ты и не куришь. Офицеры любят щеголять такими вещичками.

— Он курит, дядя Газар, курит,— вмешалась Мария.

— Вот как! Тогда я и вовсе не ошибся со своим серебряным подарком.— Все засмеялись.— А я все думал, что ты у меня еще мальчик, славный маленький мальчик.— Шутил Газар. Находясь в Керчи, он внимательно следил за сыном друга, знал о его успехах и неудачах.— Что делать, мы с твоим отцом стареем, а ты мужаешь, стал уже главой семьи, в звании тебя повысили. Вышеславцеву приказано не обижать штабс-капитана, князя Карбатыра Зана. Как к тебе относится генерал?

Карбатыр пожал плечами:

— Хорошо, отлично относится. Поздравлял с женитьбой. Он вообще переменил свое отношение к адыгам, строго взыскивает со своих подчиненных, если они обижают их.

— Он обязан это делать, таков приказ императора.— Услышав, что Мария гремит посудой в соседней комнате, сказал: — Я не голоден и очень тороплюсь к Бабуре, поздравить с такой большой радостью! В другой раз мы закатим с вами пир горой, а сейчас прошу прощения.

— Ты, дядя Газар, первый раз в нашем доме, и я не могу, не имею права отпустить тебя в дорогу, не покормив. Я быстро! У нас прекрасный душистый чай.

— Хорошо... Нынче воскресенье, почему вы не едете в Куматыр?

— Служба.

— Ясно. И все же, нехорошо, надо навещать мать, родной аул, кроме этого тебе следует побывать в Барауте, поговорить с тамошними тфокотлями. Сафербий дружил с ними, поддерживай и ты с ними связь, не чурайся их дружбы, разъясняй им политику государя императора, скажи, что царь не хочет кровопролития... Мне передавали, тфокотли были на твоей свадьбе.

— Сделали они это скорее в честь отца, чем в мою.

— Именно это я и говорю, адыги ценят его заслуги. Не теряй дружбы с тфокотлями. Думаю, то, чего долго не

мог добиться Хан-Гирей, Сафербий добился. Если бы я был здесь во время хасэ, я и тебя повел бы туда и заставил там выступить. Больше того, мы прихватили бы с собой и генерала Вышеславцева.

— Но, Газар, ведь наше мнение не совпадает с мнением хасэ.

— Не совпадает. Я говорю о последнем хасэ, где не был мой друг и брат князь Сафербий, а Джирандук Берзедж не только не сумел убедить адыгов, он их еще больше раззадорил. Носится сам, водится с двумя английскими эмиссарами. Не подходит нам Джирандук, нам нужен такой человек, как твой отец.

Пристально посмотрел Газар на Карбатыра, что он скажет об отце, знает ли он о его делах в Турции? Похоже, не знает. Надо сказать, пусть он лучше от меня все это узнает, подумал Газар.

Мария принесла чай.

Подождал Газар, пока она ушла. Осторожно спросил:

— От Сафербия никаких вестей ты не получал?

— Нет.

— И ничего не слышал?

— Нет, а вы что-нибудь слышали, знаете? — заинтересованно спросил Карбатыр и насторожился.

— Он жив, здоров. Могу сказать, что с ним произошло...— И Газар рассказал все, что произошло с Сафербием в Турции, все, что он знал из газет, из дипломатических каналов: — Султану не выгодно, чтобы твой отец занимался антирусской деятельностью. Он уволил его из армии и выслал в небольшой городок Базарджик, без права выезда оттуда.

Побледнел Карбатыр, лихорадочно заблестели черные глаза. Чтобы Газар не увидел его крайнего волнения, отошел к окну и спросил оттуда, сдерживая дрожь в голосе:

— Значит, отец арестован.

— Нет, он свободно живет в Базарджике, просто не должен выезжать из города.

— А когда же он вернется домой?

— Не знаю. Только одно знаю — подданому Турции очень трудно оттуда выехать.

— Не понимаю: если отец служил в турецкой армии, он что, подданный Турции? А если я служу в русской армии, значит, подданный России?

— Да, Карбатыр. Я — тоже. Более того, все жители Черкесии живут в Российском государстве. Это все оговорено в Адрианопольском соглашении.

Карбатыр пристально посмотрел на Газара.

— Не падай духом, Карбатыр,— успокаивающе сказал Газар и подумал: этот парень не такой простой, как кажется. Пожалуй, он будет потоньше, похитрее отца, и ободряюще добавил: — Не отчаивайся, князь.

— Не вижу причины, чтобы отчаиваться, Газар, можешь во мне не сомневаться,— ответил Карбатыр.

IV

Все дворовые тфокотли и вся челядь Берзеджа нынче с самого раннего утра были на ногах. Они отправляют в путь двух английских, как говорят, заморских гостей, пребывавших в Убыхии.

Вместе с высокими гостями в путь отправляется и сам Джирандук. Он распорядился, чтобы впереди и сзади него с гостями следовали пять вооруженных всадников. Первую, передовую пятерку пустил по дороге мимо Мацестинской долины. Пусть все хорошенько разведают — время тяжелое, а береженого и Бог бережет. Не только по сухопутью, но и вдоль морского берега шастают сторожевые суда русских.

Такая осторожность необходима еще и потому, что в Черкесии распространились разные слухи об английских гостях. В кунацких говорили, что Газар Серебряков в Куматыре назвал англичан шпионами, врагами адыгов, и не только адыгов, но и русских, поэтому их надлежит выдать российским властям. За их головы обещано вознаграждение в три тысячи рублей серебром.

Это об англичанах.

О Сафербие Зане тоже ходили разные толки, с каждым днем обраставшие новыми нелепостями или глупостями. Правда, сами англичане рассказывали истинную правду о Сафербие Зане, уверяли, что о бедственном положении адыгов весь мир узнал благодаря деятельности князя.

Разговоры разговорами, а дело делом: адыги все реже стали ездить на базары для торговли с русскими, все чаще можно было видеть, как они гарцуют у крепостей.

Сопровождаемые вооруженными всадниками, англичане и Берзедж въехали в Мацестинское ущелье. Совсем рядом шумело море. Его гул то нарастал, то стихал.

— Волнуется море,— сказал Джеймс.

— Поэтому и не видно русских судов,— добавил Лонгворт.

— Хотя бы уж море нам помогло,— поддержал разговор Джирандук,— в щепки бы разбило их суденышки. Вы посмотрите, господа, какую прекрасную землю хотят оттяпать.

Из-за гор поднималось весеннее солнце — щедрое и веселое. Рано всходит солнце, но жизнь просыпается еще раньше — с рассветом, с румяной зарей. Начинают петь птицы, стряхивают росу при легких дуновениях ветра травы и деревья. И пастухи гонят на пастбища стада коров, отары овец, табуны лошадей по зорьке и встречают солнышко уже там, на просторах. Вспыхивают дымки над домами в селениях — это хозяйки еще затемно начинают топить очаги, готовить еду, чтобы пастухи и хлеборобы пораньше позавтракали и — к делу, к горячему весеннему делу.

Самыми первыми встречают солнце вершины гор. Еще сумрак лежит в долинах, еще темень таится в закоулках, а вершины уже загораются румяным светом. А вот речки, горные ручьи вообще не ложатся спать, не утихает их журчание — только светлее, искристее поутру становятся их воды.

— Скажи, Джеймс, кто захочет, кто сможет отдать такую землю, такое богатство?! — опять воскликнул князь Джирандук, любуясь далями.

— Это не просто земля, господин Джирандук! — тоже восторженно воскликнул Джеймс.— Это один из райских уголков нашей планеты.

— Теперь я понимаю,— вступил в разговор и Лонгворт,— почему адыги так гордятся своей землей. Я бывал во многих странах мира, но такую красоту, такое великолепие природы встречаю впервые. Честное слово.

— Вы увидели, гости, лишь маленький уголочек нашей Черкесии, а вот увидите еще Абадзехию,— Джирандук показал плеткой в сторону гор.— Это страна гор и лесов, водопадов, сказочных долин. Это особая страна, особый мир. А еще холмистая Бжедугия — страна такой плодо-

родной нивы, что и высказать невозможно. А дальше — Темиргойя. Там и вовсе не земля, а черная сметана. Какие хлеба, какие виноградники, абрикосы, яблоки! Невиданные! И конечно, русские говорят: мы хотим вас, вашу землю. Мы им отвечаем, а мы не хотим вас. Вот тут и разберись. Желаем мира, говорят, а сами строят казачьи линии, укрепления, крепости, пушки ставят!

Лонгворт достал блокнот и стал записывать, бормоча:

— Многое я хотел бы иметь на планете, но оно мне не принадлежит, у него есть свой хозяин.

— И я говорю о том же! — восторженно воскликнул Джирандук.— Пиши, пиши, только когда будешь писать о турках, не упоминай, что я называю их шароварниками. Они, конечно, и есть шароварники, но лучше не говорить так.

— Ты боишься их, Джирандук? — улыбнулся Джеймс.

— Слава Аллаху, нет страха,— приподнялся в седле Джирандук.— С чего бы я боялся на собственной земле, Сафербий на ихней земле и то не побоялся. Просто не надо оскорблять... может, дадут пороху, свинца. Да и мусульмане они. Эфенди разные от них приезжают, молятся за нас пред Аллахом.

Возле убыхско-шапсугской границы, Джирандук увидел на взгорке несколько всадников. С ними встретился передовой разъезд Берзеджа.

Кто те всадники, что они хотят? С добром встречают или с худом?

— Фу ты, шайтан! Это шапсуги, значит, никакой опасности. Точно шапсуги. Впереди Хагур! А-а, и Трам тут! Как же я их сразу не узнал! Но почему их так много? Больше двадцати! Куда едут, зачем?

— Доброго пути вам, зиусхан,— поздоровался от имени своих спутников Хагур, подъехав к Берзеджу с его спутниками. Все остальные тфокотли остановились на почтительном расстоянии от князя.

— Спасибо, Хагур,— отвечал Джирандук и, указывая на англичан, добавил,— эти двое — мои гости. Они прибыли из Англии. Очень интересуются нашими делами, озабочены нашим горестным положением. Это — Белль, купец, а это — Лонгворт, журналист. Мы хотели приехать к вам в Шапсугию, но казаки уж очень заботятся о нас, так заботятся, что мы и шагу без их соизволения не можем сделать

на своей земле.— Обратившись к англичанам, Джирандук продолжал:— Это Нурмагомет Хагур, бастукский муртазик, старшина. Это — Трам, один из добрых тфокотлей Сафербия Зана. Они оба сопровождали князя в Турцию.

Джеймс и без рекомендации узнал Трама и Нурмагомета, очень обрадовался им, но не подал виду, а, как принято у них на «Скотланд Ярде», сдержанно поздоровался.

Нурмагомет и Трам, знакомясь с англичанами, тоже скромно улыбались, ведь они все знали о них.

— Валлахи, зиусхан, мы и направляемся к вам! — воскликнул Трам.— Наши тфокотли хотели бы знать истинное отношение англичан, их намерения в Черкесии. Мы хотели бы устроить встречу ваших гостей с нашими тфокотлями, но вы в пути, и не знаем, как теперь быть.

— Не важно, что мы в пути,— ответил Джирандук.— К слову сказать, англичане не только мои гости, они гости всей Черкесии. Думаю, надо провести такую встречу. Что вы на это скажете, гости дорогие?

— Как хочет хозяин,— ответил Джеймс.

— Здесь хозяева все адыги,— улыбнулся Джирандук.— Спасибо за ваше согласие. Думаю, не следует очень углубляться в Шапсугию, поговорим с тфокотлями трех ближайших аулов. Сейчас пошлют вестовых, и тфокотли быстренько соберутся. Это очень дельные люди. Однажды мне довелось быть в долине Шахэ, там они из окрестных селений организовали хасэ в течение какого-нибудь часа.

Пока гости неторопливо поднимались на шапсугское взгорье, пока подъезжали к месту, где должна состояться встреча, там уже собралось больше трехсот всадников.

Приблизились гости, и всадники, будто по команде, спешились, приветствуя гостей.

Джеймс быстрым, но внимательным взглядом рассмотрел шапсугов. Они были одеты так же, как и убыхи. Все при кинжалах, с ружьями за спинами. Еще он отметил одну особенность, у шапсугов много мужчин с золотисто-рыжими или ярко-рыжими волосами. Все мужчины крепкие, подтянутые, похоже много времени проводят на своих ухоженных, ретивых конях. У адыгов говорят: покажи мне своего коня, и я расскажу о тебе. Улыбнулся Джеймс: ему показалось, будто даже отважным, добрым выражением глаз хозяин и лошадь похожи друг на друга.

— Уважаемые тфокотли! — приподнявшись в седле, призывно вскинув руку, обратился к всадникам Хагур.— Зиусхан Берзедж привел к вам гостей из Англии, далекой заморской и могучей державы. Вы хотели встретиться с гостями, они перед вами. Все мы озабочены нашими адыгскими делами. Если кто хочет что-нибудь спросить у гостей, он может это сделать.

На середину вышел старик:

— Прошу у вас слова. От имени собравшихся здесь тфокотлей трех аулов долины Шахэ, от имени наших стариков, которые уже не могут оседлать коня, и от имени молодых, я приветствую дорогих заморских гостей. Мы рады, что они вместе с нами озабочены делами адыгов. Я желаю им столько счастья, сколько шагов они сделали по пути к нам! Я желаю им столько же здоровья. Думаю, волей Аллаха наша сегодняшняя встреча будет счастливой. Гостям мы хотели бы сказать немногое, но очень важное: мы хотим свободы. Наше слово к русским уже сказано и оно твердо, как сталь наших кинжалов: нас предали те, кому мы не принадлежали, нас взяли те, кто не имеет на это права. Так говорим мы. Что об этом думают в Англии? Может ли, хочет ли она помочь нам в нашей справедливой борьбе?

На середину выехал Джеймс Белль и так ответил:

— Англия хочет и сможет вам помочь! — помолчав немного, твердо добавил: — Англия готова помочь сейчас, уважаемые адыги! Мы не скрываем этого и потому приехали сюда. Главное, не падайте духом. Пока существуют Англия, Франция, Турция, вам не грозит опасность. Если Россия не уберется с вашей земли, Европа во главе с Англией поможет вам кораблями, порохом, свинцом, пистолетами и ружьями, пушками. Скоро все это привезет к вашим берегам князь Сафербий Зан. Что бы не говорили русские, как бы они вас не пугали, будьте мужественны, не отступайте от своего права на собственную землю, на свободу, данную богом. Не обольщайтесь русским золотом, не доверяйте их пустым бумажным деньгам! Что касается генерала Вельяминова, скажу так: кто боится, кто сам трусит, тот и кричит громче всех. Он боится вас, поэтому и кричит...

Гости после хасэ собрались ехать дальше, но шапсуги не пустили их: не гоже, побывав в гостях, не попробовать

угощения. Чтобы не обидеть хозяев, гости согласились, и их чествовали в ауле Тубэ. До полночи играла музыка, танцевали лучшие танцоры, пели искусные певцы. А в перерывах между танцами и песнями старики рассказывали древние адыгские легенды, сказки.

У Лонгворта уже рука устала писать, а он не мог остановиться, настолько интересно все было.

Джеймс тоже был доволен — сидел за столом красный от хмельного, но остроты своего взгляда и памяти не терял — все запомнил и без записи в блокнот.

Доволен был минувшим днем и князь Джирандук.

Когда Джеймс проснулся и открыл глаза, первое что он увидел — небо. Оно начиналось, как ему показалось, прямо у самого окна и устремлялось в бесконечность. Именно — устремлялось. Это голубое стремление, эту бесконечность, он, казалось, ощущал всем своим телом. Глубину, цвет, тишину и святость, незыблемость покоя. Он никогда не видел такого неба. В Англии оно не бывает таким. Может быть, показалось таким спросонья. Нет, не показалось, а почувствовалось. Вчера он на собрании говорил всадникам о Боге, который создал этот мир, и сейчас, лежа на пуховой подушке, глядя в окно, почувствовал божественность бытия.

Места, где родился Джеймс Белль, одни из красивейших в Англии. Есть там и прекрасные леса, возвышенности, реки, великолепные луга, но здесь мир совершенно иной. Там, на родине у него, все устроено руками человека, организовано агрономом, садоводом, лесоводом, организовано художником, его вкусом, глазом, рукой, а здесь, как сказали бы в Англии, дико, девственно. За эти дни Джеймс как-то неожиданно для себя понял: все на земле имеет свой смысл, свое назначение, человек должен помогать природе оставаться самой собой, в своей прелести, непосредственности, а если он начинает ее «организовывать», нарушая ее естественность, она теряет свое лицо. Нет-нет, не дикость, не хаос, но свобода... Человек обязан постичь эту свободу и способствовать ей.

Когда в восемнадцать лет Джеймс попал в «Скотланд Ярд» и решил изучать адыгский язык, друзья удивились и посмеялись — они даже не слышали такого языка. А он

слышал, он знал из старинных книг о такой стране Черкесии, о древнем народе — адыгах-черкесах.

И вот теперь он узнал эту страну, этих людей и, конечно же, расскажет о них в Англии своим друзьям.

Как удивительны эти люди! — рассуждал он. Я ношу их своеобразную и очень красивую одежду: черкеска из тонкой серой шерсти, атласная рубашка, суконные брюки, суженные книзу, заправленные в мягкие сапоги. Эти сапоги такие удобные и такие легкие, что, кажется, в них можно летать. На голове — невысокая круглая папаха. Вся эта одежда изящна и очень удобна. Я смотрю на женщин и вижу как хорошо, со вкусом одеваются они в свои яркие одежды. За каких-нибудь два-три месяца я записал более ста названий и рецептов национальных блюд, которые мне удалось отведать. А вчера в Шапсугии нас потчевали среди прочих, известных мне, тремя новыми, невиданными мною в Убыхии. Вообще надо сказать, все блюда приправляются очень ароматическими специями и горьким красным перцем. Не еда, а огонь. К этому огню скоро привыкаешь и потом уже не можешь без него обходиться, все кажется пресным. Особенно вкусны, совершенно оригинальны блюда из говядины, баранины, курятины и индюшатины. А какие сладости у них! Просто объедение, а кислое буйволиное молоко!

Джеймс покачивался в седле и как бы листал страницы своей памяти, размышлял.

— Как ты себя чувствуешь, Джеймс, после вчерашнего угощения? Не слишком ли оно тебя отяготило?

Джеймс еще не успел ответить Берзеджу, как увидел — из ущелья валил дым.

— Посмотри, князь, что там за дым? — испугался он.

— Уж не пожар ли? — обеспокоился и Лонгворт.

— Нет,— усмехнулся Джирандук.— Слава Аллаху, не надо беспокоиться. Это не дым. Тучка, похоже, ночью в темноте заблудилась и теперь, пригретая солнышком, уходит. Выше, выше и совсем сольется с небом. А вон из-за той горы сейчас подует резкий, холодный ветер. Не пугайтесь, так должно быть. Мы одним конным рывком минуем то неприятное место. Так уж устроено — круглый год там воет, тоскует холодный ветер. И днем, и ночью, и зимой, и летом. Он скатывается вон с той снежной вершины, ударяется в противоположную гору и кидается из-за скалы.

Послушайте, как он плачет, как рыдает... А теперь слышите? Смеется, рад, что скатился, вырвался на простор. За той горой расположено шестнадцать абадзехских аулов. Знаете, как они это место называют? Шейтантысып[1], но короче дороги из Убыхии в Абадзехию нет. Если поехать другой, полдня лишних истратишь. Только настоящим джигитам по плечу это ущелье, только они справляются с местным шайтаном. Но разве мы, дорогие гости, не джигиты! Вперед! — скомандовал Джирандук, и дал шпоры коню.

Как и говорил князь, всадники с трудом прорвались через преграду холодного ветра. И когда проскочили, озябли порядком — дули на охолодавшие руки, поеживались.

— Поздравляю вас! Вы настоящие джигиты! — обратился к гостям Джирандук.

Поднявшись на гору, увидели внизу в широкой долине живописно расположившиеся вдоль берега реки селения.

— Как прекрасно! — восхищался Джеймс.— Просто чудо!

— Я рад, что вам нравится наша земля,— поблагодарил Джирандук.— Видите, вон там слева аул? Это Жагуф. Там мы сегодня и остановимся.

Приблизившись к околице аула, за первым поворотом улицы, всадники услышали женский плач.

— Похороны,— пояснил Джирандук и спешился. Все последовали его примеру.— Пойдемте, выразим свое соболезнование родным и близким усопшего... Своей ли смертью умер или от пули?

— Покойный прожил сто десять лет, зиусхан,— ответил князю тфокотль, приняв коня гостя.

Узнали Берзеджа абадзехи, на его легкие поклоны молча кланялись, смотрели с любопытством на его спутников.

Во дворе, как полагается, по старшинству стояли мужчины. Князь со своими спутниками каждому из них выразил свое соболезнование.

После этой церемонии гостей усадили среди старейшин.

Мужчины своей группой, женщины своей подошли к порогу дома. Вынесли тело покойного, завернутое в черную бурку. Белобородый, сухопарый старик стал говорить, стоя у тела покойного:

— Каймет, которого мы провожаем в мир Аллаха, был одним из самых достойных мужчин аула. Мужественный, добрый, честный. В ауле вряд ли найдется человек, который бы не отведал его хлеб-соль, не знал его доброты и щедрости. Если у него и были грехи, пусть Аллах простит их ему по великой милости Своей и откроет перед Кайметом ворота рая.

Говорили добрые слова о покойном и другие, потом эфенди продолжил свою заупокойную молитву. Все в благоговейном молчании выслушали его. Огладив бороду худыми белыми руками, он возгласил:

— Аминь.

— Аминь, повторили все.

Начался последний путь покойного: от порога родного дома к порогу вечности, на кладбище: на деревянных подстилках подняли его, завернутого в бурку, на руки крепкие парни и быстрым, энергичным шагом направились на кладбище. За ними пошли все мужчины, а женщины — только до ворот и там заплакали в голос, запричитали.

Пошли со всеми за покойным и англичане с Джирандуком Берзеджем.

V

Ответ генералу Вельяминову на его угрозы и распоряжения ходил по Шапсугии целый месяц. Сначала думали обговорить его в кунацких, но тфокотли считали это слишком долгим делом, а поэтому собрались на скорое хасэ в Куматыре. Письмо, написанное на турецком и русском языках, было одобрено с воодушевлением.

Но тут выступил Сагид:

— Я скажу так: все слова в тех бумагах правильные... Но вот на каком языке они-то написаны? На чужом! А лучше всего, если бы на адыгском... Но у нас к стыду нашему до сих пор нет своего письма. Дети Корану обучаются на арабском, пишут по-арабски, читают по-арабски, а не по-адыгски. Куда это годится, многоуважаемые?!

Княжеский отпрыск, Гарун считал себя очень образованным и знающим человеком, на голову, а то на две, выше всех остальных.

[1] Ш е й т а н т ы с ы п — Чертово место.

Он поморщился:

— Чего ты хочешь, скажи прямо, а древним арабским языком не брезгуй!

— А я и не брезгую, Гарун, лишнего на меня не наговаривай. Я только хочу сказать, наш народ, может быть, не менее древний, чем арабы, и потому надо, чтобы мы, наши дети, наши внуки писали, читали по нашему, по-адыгски.

Зашумело хасэ, заволновалось.

— Молодец, Сагид!

— Уважаемые,— продолжал Сагид,— бумага та написана на турецком, может, поэтому некоторые умники и называют нас турками.

— Потому турки и продали нас урысам! — заволновалось хасэ.

— Думаю, надо посылать бумагу, написанную только по-русски! Да, только по-русски! — отрезал Сагид, потом спросил: — Скажи, Юсуф-эфенди, ты разве не умеешь читать по-русски?

— Нет! — вспылил эфенди.— Я знаю язык пророка нашего, а от гяурского меня Аллах упас.

— А говорят, ты образованный,— ухмыльнулся Сагид, уходя на свое место.

Пошел горячий разговор, разгорелись страсти, долго спорили, наконец решили: посылать бумагу генералу Вельяминову на русском языке. Тут же назначили делегацию из четырех человек и вспомнили — никто из них не знает русской грамоты. Сафербий Зан, тот по-настоящему был образованным человеком, знал несколько языков... Эх, Сафербий, где ты! Что делать? Нельзя допустить, чтобы русские подумали об адыгах, будто они совсем невежественные люди.

— Эй! — вспомнил наконец Гарун.— А Тим-то разве не русский?!

Вышел Тим Некрас сдерживая свое раздражение, обратился к Гаруну:

— Если ты хочешь меня оскорбить, скажу: тебе это не удастся. Да, я по отцу и матери — русский, но по вере своей, по сердцу своему — адыг! Аллах не обидел меня, я знаю адыгский язык, а так же и русский. Хагур, дай мне бумагу, написанную русским языком. Тим пробежал глазами несколько первых строчек.— Могу читать, немного только

надо привыкнуть, но дело в другом... Я бы поступил с тобою, Гарун, как того требует мужская честь, но знай — адыг адыга не обидит,— сказал Тим и пошел на свое место, вернув бумагу Хагуру.

Зашумело хасэ:

— Молодец, Тим, ты настоящий адыг!

— Включить Тима пятым в число посланников!

— Пусть он по-русски прочитает бумагу генералу! Включили, пятым стал в той делегации Тим Некрас. С рассветом следующего дня трое муртазиков и двое тфокотлей, в сопровождении десятерых всадников отправились в путь.

Всех посланников одели в самые лучшие костюмы. У тфокотля Трама, кроме его серебряного кинжала, был княжеский пистолет, новенькая папаха, принесенные ему старейшими. Тиму Некрасу тоже дали дорогой наборный пояс, украшенный черненным серебром, поменяли в его черкеске простые газыри на серебряные, принесли папаху дорогого каракуля. Что касается муртазиков-старшин, они всегда одеваются хорошо — у каждого есть своя дорогая, праздничная одежда, дорогое оружие.

О конях и говорить нечего. Адыг ценит своего коня выше двора, выше дома, дороже всего своего имущества. Быстры, красивы, знатны верховые кони у них.

К полудню на горизонте появился Геленджик.

Дорога в целом была спокойной. Только изредка встречались адыгские всадники — пять, десять человек. В одном месте они услышали выстрелы, доносившиеся с гор, увидели несколько раненых. Один аул встретил их похоронным плачем, два других — в молчаливом страхе.

На развилке дорог, уже на виду Геленджика им повстречалось человек пятнадцать молодых людей. На конях, вооруженные. Поприветствовали встречных, один из них, похоже, старший, сказал:

— Если вы едете на встречу с врагами, наше оружие — ваше оружие.

— Благодарим вас, но сегодня у нас другие намерения,— ответил Хагур.— Разве вы ничего не слышали о нашем хасэ, младшие братья? Если слышали, то перед вами его посланцы к генералу Вельяминову. Мы хотели бы, чтоб вы возвращались домой. Пока не узнаете о результатах поездки, воздержитесь от стрельбы, от стычек с

неприятелями. Расскажите о нашей встрече, о нашей просьбе у себя в аулах.

— Доброго вам пути! Будем ждать хороших вестей! — Парни пришпорили своих коней и вихрем унеслись.

— Стряхнем с себя дорожную пыль, приведем в порядок коней,— обратился к своим товарищам Хагур и после получасового привала скомандовал: — Ну что ж, в дорогу, друзья.

Делегация миновала безо всяких препятствий, даже без разговоров два казацких поста, а у третьего Тим Некрас объяснил офицеру, кто они, куда и зачем едут. Офицер молча козырнул ему и указал плеткой, мол, дорога свободна.

Через четверть часа они уже были у дома генерала Вельяминова, доложили часовому о своем визите. Их тут же проводили в прихожую генерала.

Трам шепнул Тиму:

— Когда будешь читать, не спеши. Читай посолидней, ты ведь от всего нашего народа говорить будешь.

— Да, да,— согласился Тим и почувствовал, как у него дрогнули коленки. Не от страха, от ощущения чего-то большого, что с трудом вмещалось в нем. Он глубоко вздохнул, собирая в себе все свои силы.

В прихожей их заставили ждать около часа. Тим начинал сердиться, но Трам ткнул его локтем под бок, мол, не смей в себе огонь разжигать, не место ему здесь.

Входили и уходили офицеры, с любопытством и удивлением смотрели на черкесов. У дверей кабинета генерала стояли два солдата. Усмехнулся Трам, подмигнул Хагуру, вспомнив часовых у дверей турецкого султана. Подмигнул, дескать, и генерал себя, похоже, мнит, царем или султаном.

Наконец, их пригласили.

Почему они не требуют у нас оружия, как в Стамбуле, подумал Трам, или доверяют?

В просторном кабинете из-за стола вышел высокий, стройный мужчина, радушно улыбаясь адыгам. Широким жестом указал на стулья:

— Прошу, господа, садиться.— Сам вернулся на свое место. Увидел, что адыги стоят, удивился и снова пригласил:

— Прошу садиться. Слушаю вас.

— Мы приехали сюда не рассиживаться. У нас дело,— сухо ответил Хагур.

Некрас перевел его слова на русский.

— Я слушаю вас,— слегка нахмурив брови, повторил генерал.

— Мы, посланники Шапсугского хасэ,— начал Хагур,— считаем неприличным вести переговоры с сидящим генералом. Неприличным для тех, кто нас послал, и для самого генерала. Переведи, Тим.

Генерал, хотя и усмехнулся про себя «черкесским варварам», однако встал. С интересом рассматривал адыгов, их одежды. Ждал, что же они скажут ему, эдакие важные.

Тим между тем осторожно, неторопливо достал из внутреннего кармана черкески бумагу, ответ адыгов генералу Вельяминову и, памятуя просьбу Хагура, неспеша, с расстановкой начал читать:

— Господин генерал Вельяминов,— хотя в бумаге почему-то не было этих слов, Тим счел необходимым добавить их.— «Присланную Вами прокламацию мы получили и содержание оной узнали! Возсылая хвалу Всевышнему Богу, мы, мусульмане, довольны всегда Его предопределением. Уже более десяти лет, находясь в беспрерывной войне, с надеждою, по разным между народом носящимся слухам, быть ни от кого независимыми, мы получили бумагу от английского короля, относящуюся ко всем горским племенам, содержание которой известно вам. В оной говорится, чтобы черкесы с намерением убийства и грабежа не вступали никогда в российские пределы, россияне же удалились бы от черкесов и более не вступали с войсками в наши земли. На сих условиях следует утвердить договор и возобновить мир и согласие. Объявляя о сем и Вам, мы совершенно уверены в том, что дружба и согласие между нами водворится лишь тогда, когда все войска ваши и крепости переведены будут за Кубань, торговлю же со всеми племенами как водою, так и сухопутьем продолжали бы.

Если изъявите на сие ваше согласие, то не оставьте почтить нас ответом, а что мы все единодушно согласны покориться, в том нет сомнения и подозрения. Силу могущества своего вы показали, ибо во власти вашей находится земля более, чем в семи королевствах. Но не для вас одних

Всемогущий Бог создал все земли. На объявленное же в прокламации предложение одному Предвечному Творцу известно, что мы никогда не согласимся и теперь ведем переговоры не из боязни вас, но единственное вследствие наставления и советов данных нам английским двором. То же, что вы с гордостью заявили о своем могуществе и храбрости, грозите уничтожить нас одним словом, присуще одному только Всемогущему Творцу, и хотя вы имеете силу, но мы надеемся на милосердие Его. В случае признания нас, подобно прочим правительствам и королевствам, без сомнения все черкесы, без изъятия, будут согласны относительно покорности. На подлинном подписались абадзехского, шапсугского и натухайского общества муллы, все духовенство и почтенные люди». — Честь имею! — добавил от себя Тим Некрас и протянул бумагу генералу Вельяминову. Затем, отступив на шаг, стал рядом со своими товарищами.

— Господин генерал! — обратился к Вельяминову Хагур.— На словах мы хотим Вам сказать еще о четырех вещах... Переведи ему, Тим... Первое, Турция не имеет к нам никакого отношения, чтобы отдавать или уступать нас России. Второе. Все без исключения адыги — мужчины, носящие папахи, и женщины, носящие платки, единодушно решили биться с царскими войсками, вторгшимися в нашу землю. Третье. Пусть мы меньше России, но вы не думайте, что нас так уж мало. У нас есть и мужество и умение, мы привычны к войне в горах. Четвертое. Как мы заявили в своем письменном ответе, вы без сопротивления, мирно оставите наши земли и уйдете за Кубань и будете мирно сосуществовать с нами.

— Господа черкесские делегаты! — спокойно, но твердо выговаривая каждое слово, отвечал Вельяминов.— Я иду с войсками туда, куда велит мой Государь. Если черкесы будут сопротивляться, пусть пеняют сами на себя за бедствия войны. И еще. Если наши солдаты стреляют хуже вас, то мы на каждый ваш выстрел будем отвечать сотней. Честь имею, господа! — и генерал в знак того, что разговор закончен, слегка кивнул головой.

Адыги тоже ответили очень легкими кивками.

У дверей Тим Некрас обернулся и с достоинством сказал:

— Честь имею, господин генерал. До встречи на поле боя.

Когда седлали коней, Трам спросил:

— Что ты, Тим, на прощание ему все талдонил — чест, чест?!

— Русские офицеры любят эти слова повторять: это означает, что я имею честь и совесть. Вот я ему и говорил, что у нас не меньше их чести и совести. А он еще начал читать нам мораль, что ты на это скажешь, Хагур?

Однако Нурмагомет не слышал этого вопроса, потому что мыслями своими уже был далеко отсюда.

Генерал Вельяминов не собирался больше ждать погожих весенних дней: войска были готовы и ждали его приказа выступать.

К 23 апреля 1837 года к Ольгинскому укреплению были стянуты 10 батальонов Тенгинского, Навагинского, Кабардинского пехотных полков, 2 саперные роты, 4 пеших полка Черноморского казачьего войска, 75 конных казаков при 26 орудиях, 10 мортир и 220 повозок конноподвижного транспорта.

Все это были хорошо обученные, хорошо экипированные регулярные войска, во главе с опытными, образованными офицерами. Были у них подробнейшие топографические карты, где значились не только важные дороги, но и мельчайшие тропинки, тайные перевалы, мосты и мостики, броды.

Генерал Вельяминов знал — регулярных войск у адыгов нет, но знал он и то, что многочисленные летучие отряды черкесов, умеющих великолепно драться в горах и долинах, могут возникнуть очень быстро. Генерал решил предупредить эту, так сказать, мобилизацию, решил действовать внезапно, посеять панику в стане противника.

На рассвете 9 мая царские войска выдвинулись к Алексеевской крепости, переночевав там, рассредоточились, заняли выгодные боевые позиции у рек Ахтыр, Бигундир, Абин.

Адыги были озадачены передвижением русских войск, им не верилось, что вот-вот начнется большая кровавая война. Не верили, но не выпускали из вида войска — держались по сторонам, поодаль, не объявляя себя. Уже многие сотни адыгов, были в полной боевой готовности

и ждали ответа генерала на их послание. Были и такие, которые по наивности и доверчивости думали, что генерал уводит войска за Кубань. Этих доверчивых окончательно сбил с толку уход неприятеля в Абинскую крепость.

Генерал знал, что адыгские боевые группы утром собираются, а вечером расходятся по домам, этим он и воспользовался. Дал ночью своим войскам отдохнуть несколько часов, а на заре через Накский перевал напал на аулы.

Мирно спавшие адыги, с трудом отбиваясь от вероломного врага, только и сумели спасти своих женщин, детей и немощных стариков, увести в Чумбайский лес, в горы.

В трех аулах, где прошли царские войска, не мычали коровы, не блеяли овцы, не брехали собаки, не возвещали утро веселые петухи, только горели дома и сараи, распространяя смрад над землей, омрачая небо черным дымом.

Даже плакать некому было в этих аулах. Огонь и кровь...

Когда генералу Вельяминову доложили о том, что карательная экспедиция, блестяще им спланированная, успешно завершена, он остался доволен.

Царь собирался ехать на Кавказ, надо было показать бунтарски настроенным черкесам мощь Российской державы, ее несокрушимость. Это была экспедиция устрашения.

21 сентября 1837 года Николай I вместе с цесаревичем Александром прибыл на адыгское побережье Черного моря.

Странно, невиданно, однако так было — никто из жителей этого прекрасного края не вышел встречать августейших особ.

Адыги были заняты важнейшим в жизни делом: убирали в амбары пшеницу, в полях ломали початки кукурузы, свозили тыквы. Вязали в гирлянды и развешивали под навесами красный перец, лук. А еще — справляли свадьбы, оплакивали покойников, чутко прислушивались к дорогам — не покажется ли снова противник. С кинжалами и ружьями не расставались мужчины ни в поле, ни в спальне, ни за обеденным столом.

Царь с палубы корабля смотрел на расцвеченные осенью леса, всматривался в аулы адыгов, примостившиеся в самых живописных местах ущелий, холмов, рек.

Смотрел на небо! Нет, в Петербурге никогда не бывает такого голубого, такого призывного неба. Тем более осенью. Эту пору здесь называют бархатной. А там за горами, под таким же удивительным небом — равнины, как сказали царю специалисты, с самыми плодородными на всей планете черноземами, с благоприятнейшим климатом. Еще дальше, за Кубань, в Кабарду, до Чечни, Дагестана тянется эта удивительная страна. Прав флигель-адъютант Хан-Гирей, расхваливая в своих записках Черкесию — страну сказочной красоты и изобилия. Конечно же, эти, если уж и не дикие, но примитивные племена ничего путного не смогут здесь сделать. Негоже, даже преступно позволить владеть таким богатством черкесским племенам. Так размышлял император.

— Я не ошибся, это ведь Черкесия?

— Так точно, Ваше Величество! — отчеканил смуглый, рослый адъютант.

— Где-то здесь живет Хан-Гирей?

— Да, Ваше Величество.

— В этих аулах разве не живут люди?

— Живут, Государь.

— Почему же они не встречают нас?

— Я не хотел бы кривить душой, Ваше Величество,— замялся адъютант.

— Говорите.

— Когда их спросил наш представитель, они так ответили: мы не намерены оказывать почести тому, кто не оказывает чести нам, кто вторгся на нашу землю, не спросив разрешения у нас. Вот так дерзко ответили черкесы, Государь.

— А что, Кабарда не входит в Черкесию? — царь, вспомнив депутацию кабардинцев во Владикавказе[1],

[1] «...В 1836 году император Николай I предпринял путешествие на Кавказе. В Кабарду император не заезжал. Депутацию кабардинцев он принял во Владикавказе, причем кабардинцы, в числе подарков, преподнесли государю и прекрасного кабардинского коня». А спустя восемь лет тот же царь «2 марта 1844 года пожаловал кабардинцам знамя. В высочайшей грамоте на пожалование знамени говорилось: «Божи его милостью, Мы, Николай Первый, император и самодержец всероссийский и прочая, и прочая, и прочая.

Нашим верноподданным кабардинским жителям.

Постоянное усердие, преданность и всегдашняя готовность к поднятию оружия против враждебных горцев, оказываемая кабардинскими жителями, обратили на себя особенное наше благоволение.

спросил, потом, успокаивая самого себя, ответил: — Кабардинские адыге-черкесы уважают и почитают Самодержца Российского. А здешние черкесы...— вдруг у Николая I посуровело холеное самодовольное лицо.— Если эти черкесы не знают, как надо себя вести подданным России, если не уважают ее, тогда они просто наши враги! — Громко, чтобы слышали, сказал царь и добавил: — А врагов вовсе не приветствуют, с ними поступают иначе. Капитан,— обратился он к командиру корабля,— приветствуйте артиллерийским залпом наши славные войска...

Всего полдня пробыл Николай I на берегу. В Геленджике провел смотр. Встречался император только со старшими офицерами. После смотра удалился на корабль и покинул берега Черкесии...

Именно этот день и считают началом большой войны.

Ускоренными темпами возводились новые крепости: Навагинская возле Сочи, Вельяминовский форт в Туапсе, на берегу Шепси, в верхнем течении Доба — Кабардинская, у Шахе — Головинская крепость, над рекою Псупс — форт Лазарева. От Анапы до Абхазии протянулась цепь военных сооружений, названная Черноморской укрепленной береговой линией.

По всему побережью от реки Сочи, по-над Мацестинской низиной до самой границы с Абхазией гремели бои. Гремели они в долинах и на горных тропах, гремели они артиллерийскими залпами Черноморского флота.

На войне как на войне — из рук в руки переходили укрепления, аулы, станицы, одинаково горячая и алая кровь адыгов и русских орошала одни и те же поля.

Гремели артиллерийские канонады, звенела сталь кинжалов и шашек, свистели пули.

Ознаменование коего Всемилостивейше жалуем кабардинским жителям почетное знамя, которое препровождая при сем, повелеваем хранить оное, как знак Монаршего Нашего внимания, и в случае надобности, употреблять при ополчении против неприязненных Империи Нашей народов.

Пребываем Императорскою Нашею милостью к кабардинским жителям благосклонный Николай».

Адыги только что отбили атаку, сгрудились на полянке и о чем-то горячо говорили. К ним подъехал с Джеймсом Беллем и Хагуром, со своими воинами князь Джирандук.

На примятой копытами лошадей, на политой кровью траве лежал русский солдат.

Спешился князь, подошел ближе к убитому:

— Что это вы тут так шумите? — спросил князь, глянул на убитого и отметил про себя: и мертвым был этот солдат красив, было в чертах его лица благородство.— Кто он такой? — спросил.

— Известно кто — гяур! — выкрикнул парень с лихо закрученными усами.

— Землю нашу захотел, вот и получит ее, когда мы закопаем его! — поддержал усача другой.

Загомонили остальные в знак согласия.

Из толпы вышел белобородый, но еще статный старик:

— Да, зиусхан, это гяур, но он не такой как все другие. Не простой это человек. Вот погляди — видишь, отделанный серебром дорогой пистолет, золотой перстень с алмазом, но главное — книга!

— Гяурская книга, зиусхан, не прикасайся к ней! А пистолет и кольца возьми на память. Дарим!

— Помолчи! — оборвал его старик.— Понятно — гяурская книга, но ты посмотри, князь, и поймешь, кто этот человек.

Не стал брать в руки Джирандук книгу, сказал Джеймсу:

— Посмотри, пожалуйста.

Раскрыл Джеймс книгу, и на него глянул человек, лежавший сейчас мертвым:

— Это знаменитый русский писатель — Бестужев-Марлинский. Это его книга — «Аммалат-Бек».

Слышал Берзедж от Ракитова об этом писателе.

— Это не только знаменитый писатель,— продолжал Джеймс,— он русский дворянин, революционер, боролся с самодержавием за свободу для своего народа, за это его приговорили к смертной казни, потом заменили каторгой, а теперь прислали под ваши пули. Получается, вы привели в исполнение царский приговор.

— Что ты говоришь, Джеймс! — вспылил Джирандук.

— Ну-у... не в прямом, а в переносном смысле.

— И в переносном не надо!

— Вы знаете,— посмотрел Джеймс на старика,— за тело этого офицера вы можете потребовать большой выкуп.

Старик уже понял, что к чему и отвернулся от Джеймса, обратился к Джирандуку:

— Думаю, зиусхан, мы должны отвезти это тело к русским.

— Правильно думаешь,— согласился князь.

— И надо там сказать,— добавил Хагур,— мол, не мы, а царь убил этого хорошего человека.

— Если все согласны с этим,— Джирандук вопрошающе посмотрел на толпу, ему ответили молчаливым согласием,— то ты, старейший из нас, и ты, Хагур, отвезете его, и скажете там все нужные на такой случай слова.

Положили тело на телегу, укрыли буркой и при полном молчании, тронулись.

VI

— Какие вести, Джеймс, какие у вас новости? — спросил Хагур гостя.

— Если ты спрашиваешь о Турции и Англии, Нурмагомет, озабочены вашим тяжелым положением, вероломством царя, его жестокостью, которую он проявил в долине Чумбай.

— Это такое горе, такая беда, что никакими словами не выскажешь. И после этого царь еще приезжает к нам, похоже, никакой совести у него нет!

— Я тоже так думаю. Все так думают,— после печального молчания Джеймс раскрыл чемоданчик, и, достав сверток, протянул Хагуру: — Это Сафербий велел передать тебе.

— Сердечно благодарю,— Хагур приподнялся, поклонился гостю. Развернул сверток, в нем оказалось бирюзового цвета шелковое полотнище. Разостлал его Нурмагомет на столе, увидел на полотнище вышитые золотом двенадцать звездочек и ниже — три скрещенных стрелы.

— Что это? — уже догадываясь, все-таки спросил Хагур.— Неужели?

— Да, ты угадал, это флаг двенадцати адыгских племен, флаг единства адыгов. Пусть во имя Аллаха он послужит объединению племен, пусть сбудутся надежды князя Сафербия Зана. Он просил тебя и Трама показать это

знамя всем адыгам, пусть каждый увидит и скажет свое слово.

Хагур встал, взволнованно поклонившись:

— Пусть этот флаг станет священным для всех адыгов. Я клянусь быть верным ему, клянусь, не подведу князя Сафербия Зана.— Постоял молча.— Я хотел бы знать, Джеймс, почему ты не показал флаг Берзеджу?

— Такова воля Сафербия. Вам с Трамом я должен был привезти и привез, а теперь ваша забота, чтобы его увидели все адыги, приняли на Всечеркесском хасэ... К тебе, Нурмагомет, у меня просьба: никто не должен знать, что это я привез флаг, что я вообще имею какое-то отношение к вашим делам. Я всего лишь купец, просто торговый человек. Душою я ваш, с вами, но!.. Ты меня понимаешь, надеюсь?

— Конечно!

— А когда флаг будет принят, английские, французские и турецкие газеты опубликуют соответствующие материалы. Кстати, Лонгворт уже подготовил материал о Чумбайской трагедии.

Проводив гостя в Убыхию, Хагур отправился в Куматыр к Траму, где вечером в его кунацкой собралось много тфокотлей. Они долго рассматривали флаг и пришли к выводу, что лучшего и не придумаешь.

— Как мудр наш Сафербий. Посмотрите, какой прекрасный флаг сделал, посмотрите, он и там, на чужой стороне, в заточении думает о нас с вами. Нам, тфокотлям, прислал флаг, а не князьям и дворянам.

— Верно, Хапат,— поддержал его Трам,— Сафербий всегда с уважением относился к тфокотлям. Помнишь, Хагур, когда мы в Турции называли его зиусханом, что он сказал? Чтобы мы его так не называли, ни к чему это. Он нас представлял посланцами Черкесии, вел себя с нами, как с равными.

— Все это хорошо, дорогой Трам,— с укоризной проговорил Хапат,— но как же вы могли покинуть такого человека на чужбине?

— Это не нам нужно говорить.

— А кому же?

— Русскому царю, который в Геленджике, на нашей земле военный смотр устраивал! — сердился Трам.

— Но при чем тут зиусхан Сафербий и Геленджик! — горячился и Хапат.

— Геленджик, может, и ни при чем, а русский царь виноват, что нашего Сафербия забрали турки. Сказал мне об этом один знающий человек.

— Вот как, а я на вас обижаюсь...

— Ладно,— помолчал Трам.— Давайте о деле: когда и где соберем Всечеркесский хасэ. Чем быстрее, тем лучше, потому что царские войска обнаглели.

— Я думаю, Трам, надо его провести в таком месте, чтобы всем удобно было туда добираться, предложил Хапат,— на границе земель Шапсугии, Бжедугии, Абадзехии, Темиргойи...

— Хорошее соображение,— согласился Хагур,— но где ты найдешь такое место, ведь земли не сходятся в одной точке.

— Вот и надо найти середину, чтобы все двенадцать племен, обозначенные звездочками на флаге, прислали своих представителей.

— Думаю,— поскреб затылок Хагур,— самым подходящим местом будет долина Псыфабэ[1]. Если вы согласны со мною, то давайте на этом и остановимся. Назначим хасэ через неделю, в святую пятницу.

Прекрасный осенний день выдался в святую пятницу. Со всех земель Черкесии, будто ручейки, в долину Псыфабэ стекались пешие и конные адыги. В праздничных одеждах, при оружии, как обычно.

По высоткам стояли глашатаи, готовые каждое слово выступающих донести до дальних слушателей. Сдержанно шумело хасэ, все напряженно ждали начала.

Несколько всадников во главе с Хагуром поднялись на небольшой пригорок посередине долины.

Нурмагомет поднял руку, приветствуя собрание, и начал:

— Многоуважаемый и почтенный хасэ! Аллах Всемилостивый и Всеславный да продлит ваши дни! Вашей волей объявляю хасэ открытым. Сегодня милостью Аллаха святая пятница, я желаю в этот святой и знаменательный для всех адыгов день вам всяческого благополучия. Учитывая наше тяжелое, крайне тревожное время, будем кратки в своих разговорах. Мы и наши дети, наши внуки никогда не забудут того майского раннего утра, когда царские солдаты налетели на аулы Чумбайской долины, принесли туда огонь и смерть. Прошу вас почтить молчанием память о безвинно погибших адыгах в то утро... Благодарю вас, Аллах да милостив будет к вам. А теперь о цели нашего собрания. Мы адыги не со слов знаем, а испытали, кровью заплатили за свою раздробленность и одному Аллаху известно, какие еще более страшные испытания нам предстоят, если мы не объединимся в единый, крепкий союз, не объединимся под единым национальным флагом. Конечно, у каждого племени должен быть флаг его племени, а кроме этого, у нас должен быть флаг, как я сказал, национального единения.

— Конечно, нужен такой флаг, но его же нет! — выкрикнул кто-то из тфокотлей.

— Почему нет? Есть такой флаг единения! — ответил Хагур.— Князь Сафербий Зан прислал нам всеадыгский флаг. На нем обозначены золотыми звездочками все двенадцать адыгских племен. Покажи-ка нам его, Трам!

Развернул зеленое шелковое полотнище с золотыми звездочками и стрелами Трам. Затрепетал флаг на ветру, словно собрался в полет.

На какое-то мгновение наступила в долине напряженная тишина. Сотни и сотни раз всматривались в летящее зеленое полотнище, в его звезды и стрелы.

И вдруг тишина эта взорвалась гулом.

— Поднимите выше!

— На середину вынесите!

Трам с флагом в руках, в сопровождении Хапата, выехал на середину круга.

— Кто за то, чтоб флаг этот был единым для всех адыгов, был нашей национальной святыней?

Над головами тфокотлей взметнулись обнаженные кинжалы.

— Против есть? Нет? С сегодняшнего дня волей Всеадыгского хасэ этот флаг объявляется нашей национальной святыней!

После смерти матери, двоюродная сестра Хагура Тайсура осталась в Куматыре одна на подворье — что молоденькой девушке делать одной, как управляться с

[1] П с ы ф а б э — теплая вода, место, где ныне расположен город Горячий Ключ.

хозяйством, и Нурмагомет перевез ее к себе в Бастук. Тихая, улыбчивая и покладистая она не просто прижилась в новой семье, но и полюбилась всем.

Хорошо это, думал Хагур, но Тайсура уже заневестилась, уже заглядываются на нее парни, все норовят встретиться с нею, перемолвиться словечком.

— Закружились женихи вокруг нашей красавицы,— сказал Хагур своей жене,— будто ветром их к нашему двору и гонит. Надо бы и нам присматриваться, подыскать доброго джигита, хорошего хозяина. Ты поговори с нею, может быть, у нее уже есть кто-нибудь на примете.

Перебирала Джантыг пух для подушек с Тайсурой и вроде бы невзначай сказала:

— Хорошо нам с тобою, как подумаю, что разлучаться скоро придется, сердце от тоски замирает. Как хочешь, но мы тебя далеко не отпустим.

— А я и не собираюсь никуда,— ответила Тайсура, поняв намек Джантыг.

Та улыбнулась:

— Не беспокойся, придет и твоя пора. А не оставила ты часом кого в Куматыре?

— Нет,— ответила Тайсура и встала перед Джантыг.— Не только в Куматыре, а и в Бастуке нет никого. Да не нужен мне никто.

— Ой ли! Вон сколько у нас джигитов! Ни один мимо двора не проходит, чтобы не пошарить глазом — не покажется ли Тайсура.

— Это их дело, пусть шарят. Нет тут ни одного, чтобы сердцу моему был люб.

— Ой, ты что такое говоришь! Упаси Бог, услышат, обидятся, скажут — вон она какая заносчивая.

Передала этот разговор Джантыг мужу, и тот очень удивился: почему это молодой девушке никто не нравится? Вспомнился ему один давний случай: будто Павел Ракитов приезжал в Куматыр к Карбатыру, будто приглашали туда Тайсуру. Тогда Нурмагомет этому не придал никакого значения: ну, приезжал, ну, звали, ну и что? Русский офицер и его сестра — чепуха это...

Но вот в парадной форме, при золотых погонах и наградах, в сопровождении двух своих друзей Ракитов сегодня к вечеру приехал в дом Хагура. Пока они шли через двор в кунацкую, обмениваясь словами, какими

полагается обмениваться добрым людям при встрече. Хагур все думал, может, оно обойдется: что ж тут такого — Павел много раз бывал у него в гостях, и в парадной форме приходил. Но вот встал Павел в кунацкой перед Хагуром, переменился лицом, и немного дрогнувшим голосом сказал:

— С трудным и важным делом приехал я к вам со своими друзьями, однако я надеюсь, вы поймете меня и Тайсуру...

— Что случилось с Тайсурой?! — будто бы не понимая в чем дело, воскликнул Хагур.

— Мы с твоей сестрой...

— Между моей сестрой и тобой ничего быть не может! — уже разгорячившись, воскликнул Хагур.

— Может, дорогой Нурмагомет. Мы обменялись с нею, как это по-вашему говорится, аужами[1], дали друг другу слово верности,— сдерживая волнение, одолевая робость, сказал Павел и положил на стол серебряное колечко.

— Нет, этого быть не может! Ты хоть понимаешь, о чем говоришь, Павел?

— Понимаю, но пойми и ты меня с Тайсурой. Ты должен знать, как бывают верны своему слову ваши женщины, как бывает верен своему слову порядочный мужчина.

Знал Нурмагомет, знал чистоту и верность своих женщин, знал, что такое порядочность мужчины, понимал — нет возврата ни Павлу, ни Тайсуре, все-таки не хотел верить.

— Позвать сюда Тайсуру! — повелел он.

Вошла Тайсура. Опустив голову, остановилась у двери.

— Ты дарила это кольцо Павлу?

— Да,— твердо ответила она.

— Уходи!

Ушла, будто растаяла Тайсура.

— Что же ты делаешь со мной, Павел. Ты же друг мне, а такое делаешь! Ты же знаешь, правоверные адыги сживут меня и всю мою семью со света, если узнают, что я дал свое согласие. Ведь Тайсура должна будет принять твою веру!

— Должна. И примет,— согласился Павел,— но ведь вы сами говорите, что Бог для всех один.

[1] А у ж — вещи или предметы, которыми обмениваются жених и невеста в знак их договоренности пожениться.

— Я понимаю, но другие захотят ли понять. Смотрю я на тебя, Павел, и думаю — ты же настоящий мужчина, неужели не мог сам решить это без меня, по нашим, адыгским законам. Неужели ты не знаешь...

— Знаю, знаю! — обрадованно воскликнул Павел, и кинулся вон из кунацкой со своими друзьями.

Вскоре по аулу разнеслись женские истошные крики, призывы о помощи, поднялась такая стрельба, будто происходило настоящее сражение. С десяток всадников бросилось в погоню за похитителями невесты. Но уже было поздно...

Хагур стоял у окна, ухмылялся: ведь ему очень нравился Павел Ракитов. Добрый зять, а шум утихнет, все станет на свои места, как и полагается в подлунном мире.

VII

Год 1840.

Россия, соорудив крепости и укрепления на морском побережье, построив многочисленные казачьи станицы, как бы затягивала петлю на шее Черкесии. Перекрыты все торговые пути, негде купить одежду, обувь, соль, сахар, какие-нибудь гвозди и доски. На исходе был порох и свинец, скоро будет нечем заряжать ружья.

Надвигалась гроза и с другой стороны: два последних года выдались неурожайными, а тут еще все труднее становилось управляться в поле, потому что много мужчин занято войной.

В кунацких все чаще говорили о том, что если не разгромить крепости, адыги вымрут от голода.

Прибрежные шапсуги, убыхи, натухайцы бросили боевой клич, призывая адыгов отомстить за страдания, причиненные царскими войсками.

Их поддержали адыги всей горной стороны.

Месть — это ненависть, огонь пожарищ, кровопролитие, это око за око, зуб за зуб, это цепная реакция безумия. Думал ли об этом божий помазанник, самодержец Николай I, когда с боевого корабля салютовал своим войскам на Черноморском побережье, устраивал смотр в крепости Геленджик?

Нынешний январь был теплым и солнечным. Лишь изредка к ночи или раннему утру выпадали веселые морозцы, деревья одевались в ажурный иней.

День клонился к вечеру, когда Трам и Тим возвращались из аула Бараут. Из ущелья тянуло прохладой. Шумело море — это тревожно бормотали волны. Огромный, золотисто-кумачовый диск солнца коснулся горизонта и стал погружаться в багрово-темную воду.

— Волнуется море,— сказал Трам.

— Волнуется, даже стонет,— угрюмо ответил Тим.

Глядя на кроваво-кумачовый горизонт, Трам спросил.

— Что с нами будет завтра?

— Что пошлет Аллах,— ответил Тим.

— Пошли нам, Всемилостивейший, Свое благо.

— Аминь,— подняв взгляд к небу, сказал Тим.

— Аминь,— повторил Трам.

Все глубже вечерняя тишина, все звонче цокали копыта коней по каменистой дороге. Вспыхнул первый огонек в чьем-то доме на околице, второй...

В Михайловской крепости, на которую адыги завтра собирались нападать, тоже зажигались вечерние огоньки.

— Мужики зажигают восковые свечи,— сказал Тим.

— Зажигают, боятся темноты,— согласился Трам.

— А вот и Аллах зажег свою первую звездочку. Божественный огонек,— обрадованно сообщил Тим.

— Еще одну, еще, а эта уже покатилась вниз.

— К молитве своей готовятся казаки? Чего они будут сегодня просить у своего Бога? — задумчиво сказал Тим.

Вспомнил Тим Некрас свою бабушку. Вспомнил, как она его, еще совсем маленького, тайком учила креститься. Сложить три пальца и — ко лбу приложить их, потом к груди, к правому и левому плечу. «Крестное знамение»,— говорила бабушка. А еще учила молитве — «Отче наш, иже еси на небеси...» У нее была маленькая иконка, которую она прятала в сундуке. Перед этой иконкой и молилась тайком ото всех, только Тима и не боялась, она хотела и его сделать христианином. Но как она его ни приваживала сладостями, разными подарками, только и продержался он около нее лет до десяти, а потом ушел в мечеть. Вспомнил бабушку, вспомнил себя маленького, улыбнулся. Прости меня, бабушка, что я ушел от тебя в мечеть, сказал Тим. Ты никогда не признавала Бога адыгов среди которых

жила, чей хлеб ела, чье солнце грело тебя, но они не обижались. Даже, когда ты завещала быть похороненной не на адыгском кладбище, а в стороне от него, они исполнили твою волю. Были в Дахапе люди, которых оскорблял крест на твоей могиле, но они смирились с этим. Прости, бабушка, прости...

— Тим, а Тим, не подумай, что я заглядываю в дырку плетня к тебе во двор, но... все ж хочу спросить, только не обижайся: как дела у Руфата, как он там?

— Э, если бы я знал, чем занят этот бездельник! — тяжело вздохнул Тим, и помолчав, одолевая тяжесть в своей душе, добавил: — Если не ты, мой друг, то кто же еще разделит со мной мою боль, и дырка в плетне тут совсем ни при чем. Спасибо тебе, Трам, что делишь со мною мою беду. Не послушался меня сын, свернул на грешную дорогу. Четыре года назад его отправили в Дагестан. С тех пор — ни слуху, ни духу. Бедная Самай вся извелась от тоски — сын же он ей, каково матери такое переживать. Ждем, надеемся, может, одумается. Да и как знать, может, теперь уже сразила его чеченская пуля, о Всемилостивый Аллах! — Тим пришпорил коня, верховые пошли рысью.

Долго они скакали молча, каждый занятый своими думами. Тима не оставляла в покое судьба сына:

— Думаю, Трам, тут еще и Карбатыр сыграл свою роль. Увидел Руфат, что его друг, будущий зять служит у русских, тоже свихнулся. Беда за бедою, одна за другою.

— Что поделаешь, Тим, наверно, Руфат не мог не пойти следом за своим другом, верным дружбе остался.

— Я с тобою не согласен, Трам. А если бы Карбатыр пошел худою дорогой, и Руфат за ним? Нет, тут что-то другое, тут не Карбатыр виноват. Вот я как думаю: Руфат единственный из всех Некрасов интересовался своими предками. С одной стороны, это хорошо, потому что дерево не может быть без корней, а с другой — вон что из этого получилось. А все моя мать, прости ей, Аллах, это ее грех, она все нашептывала Руфату молитвы, рассказывала русские сказки о богатырях, научила его молиться русскому Богу.

— Я никогда не видел, чтобы твоя покойная мать крестилась, да откроет перед нею Аллах двери рая.

— Она не верила Аллаху, она верила своему Богу,— досадливо возразил Тим,— у каждого человека только одна честь, одна вера. Как я на бой пойду с двумя Богами в душе? Нет, чтобы смело рубить головы иноверцам, надо молиться Великому и Всемудрому Аллаху!

В Чумбайской долине, у Михайловской крепости, как грозовые тучи, собрались воины. Было раннее утро.

Две, а может быть, и все три тысячи конных и пеших затаились вокруг крепости и ждали сигнала к штурму. Все серьезны, сосредоточенны и до странности спокойны, будто собрались делать важное, нужное и обязательное дело.

Нужно было спасти своих детей, жен и стариков от голодной смерти, от постыдного рабства, защитить свою веру — это и было то самое дело, делать которое вынудил адыгов царь Николай I со своими генералами.

— Думаю,— сказал Трам,— нет нужды бросать на крепость всех конных и пеших. Получится одна бестолковая толчея. Надо бросать сотнями, как море бьет берег волнами.

— Если ты не возражаешь,— попросил Тим,— я поведу первые три сотни.

— С Аллахом, Тим, с Аллахом! Приподнялся на стременах Тим, выхватил из ножен саблю и во весь свой звонкий голос скомандовал:

— Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного, за мно-о-ой!

Долина огласилась грозным гулом человеческих голосов, полных ненависти и угрозы, задрожала земля под ударами сотен копыт ретивых коней.

Ничего не знало командование крепости о готовившемся штурме. Недружно, даже растерянно отвечали из крепости ружейным огнем. Лишь спустя некоторое время, ударили пушки, усилился ружейный огонь.

Залегли пешие адыги, откатились конники.

Пошла вторая цепь!

— Вперед! За землю нашу — вперед!

— Дайте генерала Вельяминова, пусть выйдет, если он мужчина. Выходи, генерал, это я, Тимофей Некрасов! — кричал по-русски Тим, прорываясь к крепости.

Из ворот крепости выскочили и бросились в штыковую атаку пехотинцы на пеших адыгов, но тут подоспела новая волна конников, смяла их и ворвалась в крепость.

В это время худенький белобрысый солдат кинулся к пороховому погребу. Другой солдат, раненный в живот, корчась от боли, сидя на земле кричал:

— Ты куда, Архипка, ты что-о?!.

Белобрысый солдат с дымящей самокруткой в зубах распахнул дверь в пороховой погреб, кинулся туда и в следующее мгновение раздался невиданной силы взрыв, он уничтожил крепость, разбросал адыгов и русских.

Вздрогнуло море, вздрогнули горы, отозвалась стоном долина...

7 января 1840 года был разгромлен адыгами форт Лазарева, 29 января — Вельяминовская крепость, 30 марта — Николаевская крепость. Большая часть побережья Черного моря была освобождена от царских войск.

Царские войска понастроили крепостей, станиц, укреплений и думали, что прочно обосновались в Черкесии, но это им только казалось.

На крепости и станицы, отстоявшие друг от друга на много верст, адыги устраивали летучие набеги — разоряли, жгли их и думали, будто одерживают победу, но это им тоже казалось, ведь за прошлую весну и минувшее лето они оставили земли за Прочным Окопом, по левому берегу Урупа.

Царские войска тоже стали пользоваться методами противников — разоряли селения, покинутые адыгами. Уничтожали дотла, чтобы некуда было возвращаться беглецам.

Не укрепления сами по себе были страшны адыгам, а воины, засевшие там — их очень много, они хорошо обучены военному делу, хорошо вооружены. Как бороться с ними? И все же адыги были воодушевлены блистательной победой над царскими войсками по всему Черноморскому побережью.

Теперь уже неизвестно, кто первым придумал народную войну, которую стали называть партизанской. Адыги даже слова этого не знали, но вели, в сущности, партизанскую войну. Объединялись группами по пятьдесят-шестьдесят всадников, одновременно нападали на несколько крепостей, станиц, не давая им таким образом помочь друг другу.

Все верно, все так, но ведь каждое племя воевало само по себе, а если бы не на три, четыре, скажем, укрепления напасть, а по всей Черкесии! На двадцать, на тридцать!

Об этом единстве заботились абадзехские предводители — и Цей, и Болотоков.

26 мая 1841 года вся северо-западная Черкесия договорились собраться в долине Пшеха.

Цей был доволен этим, с добрым настроением ехал в долину. Скакавшему справа от него Болотокову сказал:

— Если послезавтра на хасэ нам удастся собрать все силы адыгов, мы как следует накажем генерала Засса, отомстим за смерть твоего брата Джамбулата.

— Е-о-ой, Хатырбай,— вздохнул Болотоков,— сколько времени прошло, как убили брата, а я все не могу забыть его. Очень жестоко с ним обошлись.

Засс, обрусевший немец, был генералом жестоким. Своих солдат он заставлял издеваться над живыми и мертвыми горцами. Всего этого не мог стерпеть Джамбулат Болотоков. И однажды он решил проучить генерала — выкрал его дочку. Разумеется, мухе и той не дал обидеть девушку и вернул ее в отчий дом, надеясь, что генерал теперь смягчится, но получилось наоборот. Засс по-прежнему, приказывая устраивать засады, не разбирал, воин попадался в ловушку или мирный житель, требовал, чтобы ему привозили отсеченные головы убитых. Одни из этих голов он насаживал на колья плетня своей крепости, а другие отсылал за границу[1].

[1] «...В Разговоре с Зассом я заметил ему, — пишет декабрист, участник кавказской войны Н. И. Лорер,— что мне не нравится его система войны, и он мне тогда же ответил: «Россия хочет покорить Кавказ во что бы то ни стало. С народами, нашими неприятелями, чем взять, как не страхом и грозой?.. Тут не годится филантропия, и А. П. Ермолов, вешая беспощадно, грабя и сжигая аулы, только этим успевал более нашего...»

В подражание проповедуемой Зассом идеи страха на нарочно насыпанном кургане у Прочного Окопа при Зассе постоянно на пиках торчали черкесские головы, и бороды их развевались по ветру. Грустно было смотреть на это отвратительное зрелище... Взойдя как-то в кабинет генерала, я был поражен каким-то нестерпимым отвратительным запахом, а Засс, смеючись... вытащил из под кровати огромный сундук с несколькими головами, которые страшно смотрели на нас своими стеклянными глазами. «Зачем они здесь у вас?» — возразил я. «Я их вываривaю, очищаю и рассылаю по разным анатомическим кабинетам и друзьям моим профессорам в Берлин...»

Узнав об этом, один старец воскликнул:

— Мы ждем помощи от англичан, немцев, французов, а они вон какие подарки принимают, на позор выставляют у себя!

— Старец сказал правду,— кивая тяжелой головой произнес Болотоков, — но здесь оказывается верным и другое — жестокость не смягчает сердец. Будь моя воля, я не разрешил бы Джамбулату воровать дочь генерала, но как скажешь старшему брату, тем более, если он такой своенравный.

— А разве Джамбулат совершил несправедливый, жестокий поступок? Ты так считаешь, князь? — недовольным вопросом возразил Цей.

Болотоков придержал коня, пристально, с укором посмотрел на Хатырбая.

— Что было бы с тобой, как билось бы твое отцовское сердце, если бы враги украли твою дочь? Стал бы ты после этого мягче к врагам?

Совсем рассердился Цей и резко ответил:

— Война, зиусхан, есть война, и ее выигрывает тот, у кого крепче нервы, тверже сердце.

Ты, Цей, никогда не был сговорчивым, не отличался гибкостью, зря я затеял с тобой этот разговор, подумал князь, и увидел на Армавирской дороге всадников, дал знак своим сопровождающим. Они, как и полагается, проскакали вперед, прикрыли Цея и Болотокова.

— Спокойно,— сказал Цей,— это адыги. Или не видите?

Всадников было около полусотни, несколько человек раненых и больше десятка пленных.

— Счастливого пути, уважаемые предводители! — приблизившись, поздоровался Богос.— Если хотите, можете взять себе пленных.

— Откуда вы и куда? — спросил Цей.

— Домой, от Прочного Окопа.

— Значит, у генерала Засса были?

— У его соседей,— ответил Богос и обратился к Болотокову: — Если хочешь, зиусхан, отомсти за Джамбулата,— он кивнул в сторону пленных и, помолчав, добавил: — Хоть ты их своей рукой убей, хоть мы.

Нахмурился князь:

— Да благословит Аллах Джамбулата в своем царстве небесном. И как знать, возможно, только Ему, которому

нет равных, было угодно именно так взять к Себе моего брата. Если бы на поле боя, я бы отомстил врагу. А с безоружными я не сражаюсь.

Хатырбай, чтобы сменить неприятный разговор, спросил у Богоса:

— Где и как их взяли?

— У Прочного Окопа. Эти девятеро сдались без сопротивления, а четверо других отчаянно дрались. Их сначала было десятеро. Когда мы окружили их, они постреляли своих лошадей и, укрывшись за их телами, отстреливались до последнего патрона. Потом еще и врукопашную кинулись. Дрались, пока мы не повыбивали у них из рук шашки.

— Кто придумал из лошадей сделать укрытие?

— Офицер.

— Приведи его сюда,— потребовал Цей.

— Ребята изрубили его на куски.

— То был мудрый и храбрый воин, и его друзья тоже не из робких, настоящие бойцы. Верно я говорю, зиусхан? — обратился Цей к князю.

— Верно. Они настоящие мужчины.

— Развяжите руки тем четверым, пусть они подойдут сюда. Думаю, их надо отпустить, если ты не возражаешь, зиусхан, и вы — тфокотли. Они своим мужеством достойны свободы.

— Мужество не только рождает мужество, но и творит добро,— одобрительно отозвался Болотоков.

Четверо отпущенных казаков уходили, не оглядываясь. Они уже знали, как высоко ценят адыги воинскую честь, как высоко у них чувство собственного достоинства. И им, солдатам, не гоже трусливо оглядываться.

— Молодцы,— сказал вслед князь Болотоков,— а что это за запах исходит от мешка, что на спине у буланой?

— Там головы адыгов. Мы сняли с кольев у Засса.

— Вы знаете тех людей?

— Одного знаем,— ответил тфокотль,— он из Дахапа.

— Его отвезите в аул родственникам, а остальных надо предать земле. Давайте вот здесь. На холмике.

Вырыли пять могил.

Потом Хатырбай сказал:

— С благословением и милостью, о Великий Всеблагий Аллах, прими души убиенных на поле брани. Открой

перед ними ворота рая, а мы, сколько жить будем, не забудем их доблести и мужества.

Руководил хасэ в долине Пшеха князь Болотоков.

Людей собралось не очень много, однако были представители всех племен, кроме кабардинских адыгов.

Очень Болотокову понравилось нынешнее хасэ: выходившие на середину круга говорили коротко, без горячности, а главное, все сходились в том, что надо спасать Черкесию от нашествия, каждый клялся на обнаженном кинжале, благоговейно целуя клинок. Последним дал клятву Цей, а потом обратился ко всем:

— Адыги! Каждый из вас поклялся в верности своей родине, перед предками нашей земли, перед отцами и матерями, женами и детьми. Я думаю, теперь нам надо дать общую торжественную клятву. Если не возражаете, я буду произносить слова этой клятвы, а вы будете громко повторять — пусть слышит небо, пусть слышит вся Черкесия. Бисми Лахи рахмани рахим![1] Ты даровал нам прекрасную землю, мы клянемся защищать ее, защищать нашу мусульманскую веру! И если кто-нибудь из нас нарушит эту священную клятву, Ты покарай его и в здешнем подлунном мире, и в день страшного суда! Аминь.

Гул клятвы прокатился по долине, ушел к небу, в горы.

— Теперь я скажу вам об этих бумагах,— сказал Цей,— одна из них написана на языке Корана, по-арабски, а другая — по-русски — ее мы и пошлем русским генералам, пусть они знают о нашей клятве. Вот что говорится в этой бумаге.— Он стал читать: «Слава Богу, который нас сотворил и показал нам свое величие, возвысив нас над другими животными. Слава Богу, который нам дал все средства жить счастливо на этом свете и получить награду в другом мире. Слава Богу, указавшему нам истинный путь спасения, веру истинную свою, через пророка своего и посланника Магомета. Слава Богу, который есть наш защитник и спаситель в день воскресения. Мы хотим помочь всем неустройствам нашей страны и не делать зла друг другу.

Наша первая обязанность есть строгое выполнение шариата. Всякое другое учение должно быть оставлено и отвергнуто, все преступления должны быть судимы не

[1] Бисми Лахи рахмани рахим — во имя Аллаха Милостивого, Милосердного (с арабского).

иначе, как по этой книге. Никто из нас не должен идти к неверным: дружеские сношения с ними строго запрещаются, и потому всякий мир, всякое предложение с их стороны должны быть постоянно отвергаемы. Кроме того, не позволяется покупать что бы то ни было в их укреплениях, которые стоят на нашей земле, и каждый, виновный в этом, платит штраф 30 туманов /300 рублей серебром/.

Никто не должен сметь предупреждать русских каждый раз, когда будет у нас собрание. Кто донесет, тот должен заплатить за кровь. Те, которые перейдут к ним, и служить им будут как враги своего края, не будут иметь ни они, ни их родные никакого права на наше сострадание.

Если хаджирет /беглый мирный черкес/ явится на нашу землю, его особа священна: тот, который силою или хитростью отнимает у хаджирета что-нибудь, заплатит штраф, налагаемый нами за всякое воровство. Когда народ мусульманский придет на нашу землю, чтобы разделить намерения черкесского народа против общего врага, то мы обязываемся обращаться с этим народом дружески. Как только вражеские войска войдут в страну, то каждый должен взять оружие и идти туда, где опасность требует».

— Смерть или мужество! — провозгласил Цей, закончив читать бумагу.

Могучим эхом повторил эти слова хасэ.

VIII

Говорят, что на всей планете нет ничего прекраснее твоей малой родины — твоего дома, села, города, речки или луга, но вот приехал в свой Тлюстенхабль, стал жить в нем Хан-Гирей, и вовсе не показался он ему таким — любимым да милым. И дело не только в том, что после Санкт-Петербурга, после пышного царского двора его здесь заедала тоска. Оставаясь один на один со своей совестью, сначала, так сказать, по секрету самому себе, а потом и прямо стал говорить, что предал адыгов, предоставив военным подробнейшие топографические карты. Думал, что станет наместником в Черкесии, все уравновесится, даже польза будет от его работы, но вот началась война, и Хан-Гирей понял свою роль в этой сложной, трагической ситуации, понял, что царь обманул его.

Когда становилось ему невмоготу, когда тишина и покой в родном ауле оглушали его, он надевал свой офицерский мундир, накидывал на плечи белую бурку, садился на вороного коня и отправлялся в Екатеринодар. Шел рысью, а иногда переходил на галоп и становился похожим на огромную белую птицу в полете. Этот полет, эта равнина до самых небес, будили в нем ногайскую кровь степняка, и он начинал напевать мелодии своих предков.

В народе говорят: не та мать, что родила, а та, что воспитала. Хан-Гирей был предан этой матери — с раннего детства он знал адыгские сказки, легенды, умел плясать и петь, заботы ее были его заботами, и при царском дворе он представлял Черкесию, но ведь, кроме матери, есть еще и бабушка, прабабушка, вот они-то и напомнили о себе, когда он птицей несся по равнине, напевая ногайские песни.

Все знали адыги о Хан-Гирее, все понимали, по своей душевной доброте не обращали особого внимания на его службу у царя, на его роскошный русский мундир, на манеру держаться выше всех, якшаться с генералами российской армии, но теперь, во время войны они стали смотреть на него косо, с недоверием. Не говорили ему об этом, но он видел, как изменилось к нему отношение. Понимал и не искал себе оправдания, а стал все чаще и чаще говорить в кунацких о необходимости единения всех адыгов, чтобы отстоять свою свободу. Не только в кунацких говорил, но и в самом Екатеринодаре в беседах с друзьями. Разумеется, это быстро стало известно в Петербурге, и Хан-Гирею сказали прямо: князь, перестаньте болтать лишнее, это может плохо кончиться для вас!

Однажды Хан-Гирей и Газар Серебряков встретились в Екатеринодаре.

— Во-вий, Хан-Гирей! — воскликнул Газар.— Я очень рад тебя видеть. Рассказывай, как живешь. Давненько мы с тобою не встречались.

— Благодарю, тебя, Газар, я рад встрече,— сдержанно ответил Хан-Гирей.

— Что так прохладно? Чем я тебя обидел?

— Видишь ли, сейчас в городе меня многие даже не узнают.

Серебряков понимающе улыбнулся:

— Но ты меня в число этих не включай. Я в Керчи живу, а не здесь. Однако что ж это мы стоим на улице? Пойдем ко мне в гостиницу. Кстати, я собирался обязательно заехать к тебе.

— Слава Аллаху, вспомнил.

— Оставь, Хан-Гирей, свой тон. Ни тебя, ни Сафербия Зана, ни Асланбеча Хаджемукова я не забываю. Собирался приехать в Тлюстенхабль, видит Аллах, говорю правду.

— В таком случае зачем гостиница? Едем прямо сейчас ко мне,— искренне улыбнулся Хан-Гирей,— домочадцы мои очень обрадуются. И все аульчане тоже. Наши уорки хорошо отзываются о тебе, будут рады.

— А тфокотли?

Пожал плечами Хан-Гирей:

— Они и тебя, и меня причисляют к русским.

— Но я не в обиде на них, они ведь не знают наших с тобою истинных чувств, знают только что мы служим царю.

— Я уже более трех лет не ношу погон.

— Это не важно, для них ты был и остаешься русским офицером. Не обижайся на них, ведь ни ты, ни я ничего плохого не делаем для адыгов, однако деваться некуда — мы слуги русского царя, присягали ему на верность. Пойдем в гостиницу, я не могу сейчас ехать к тебе, ты же знаешь, что такое служба.

В гостинице Газар заказал обед в номер и потом спросил у Хан-Гирея:

— Не выпить ли нам по рюмочке за нашу встречу?

— Будет ли это угодно Аллаху?

— Мой христианский Бог не возражает.

— Если есть, доставай, Аллах и не такое нам прощает. По секрету говоря, мы иногда с князем Асланбечем балуемся выпивкой при встречах. Твой тост, Газар.

Газару было приятно, что Хан-Гирей согласился зайти к нему, согласился выпить и дал ему право первого тоста. Он был удивлен тем, что Хан-Гирей подтвердил разговоры о пристрастии бжедугского князя к выпивке. Получается, все, что говорят о Хаджемукове и Хан-Гирее — правда. Балуются они водочкой. Поэтому, вероятно, Хан-Гирей болтает иногда здесь по пьянке лишнее. От тоски, от обиды. Еще бы не обидеться — из царской свиты, из высшего

света Санкт-Петербурга в занюханный черкесский аул. Пожалел адмирал отставного флигель-адъютанта.

— Что я хотел бы сказать, Хан-Гирей. Пусть тревоги и неудачи минуют нас, пусть сопутствуют нам радости и удачи. А главное — за встречу!

— За встречу, Газар,— Хан-Гирей отпил глоток и поставил рюмку.

— Тебе не по душе мой тост?

— Слова хорошие, но... они не совпали с моими мыслями.

— Но ведь это только первый тост, Хан-Гирей.

— Хорошо. Я допью и скажу, что меня заботит.

Выпил. Помолчал в раздумье. Потом твердо сказал:

— Я думаю о единстве адыгов.

— Не кричи, князь, как говорят, и стены имеют уши.

— Но эти уши не знают адыгского языка.

— Как знать...

— Плевать! — вспылил Хан-Гирей, однако понизил голос.— Я жалею, Газар, что помогал царю, усугублял и без того тяжелое положение адыгов.— Вместо того, чтобы объединить их, я привел на их землю русского царя, соблазняя его богатством и стратегическим положением Черкесии. Не верь, Газар, будто Турция продала адыгов России.

— Я давно этому не верю, князь.

— Так в чем же дело?

— Как говорится: несчастен малый народ.

— Выходит, истина в силе? У кого больше силы, тот и прав?

— Ты недалек от истины.

— Нет, уважаемый Газар! Далеко не всегда так бывает. Этот малый народ уже показал свою волю царю, уничтожив его укрепления на побережье. Ты знаешь, есть еще и такая мудрость: мышь горы не боится. Этот маленький свободолюбивый народ еще и не такое покажет.

— Ты прав...

— Так чего же добивается царь? Он настолько глуп, что не понимает этой простой правды?

— У государя намерения императорские. Гиганту трудно остановиться, инерция не позволяет. Помнишь, князь Сафербий говорил: когда русский царь вытягивает длинные ноги, ему мешают черкесские земли... Давай тост.

— Мы начали с тобой слишком серьезный разговор, чтобы вести его по пьянке,— сказал Хан-Гирей и отодвинул рюмку.— Я доверяю тебе и хочу поговорить по душам, без дипломатии, по-братски.

— Спасибо,— Газар отодвинул рюмку.— Я тоже скажу нечто такое, что должно остаться между нами.

— Разумеется, можешь положиться на меня.

— В Черкесии все обернулось не так, как рассчитывал ты. Да и я ошибся. Мы думали, царь сделает тебя наместником Черкесии, но царь видел дальше нас с тобою, он уловил свободолюбие, национальную гордость адыгов, и угадал — они не захотят себя вести, как это нужно не столько самому царю, сколько Российской империи.

— Царь нанес удар по самому больному месту адыгов, по их разобщенности,— перебил Хан-Гирей.

— Верно. Но вернее будет сказать, не удар нанес, а использовал слабое место. Увидел эту слабость и переменил свое прежнее намерение об объединении.

— И я способствовал этому его пониманию, написав царю все, что знал об этом народе, а знал я — все. Или почти все! Ради Аллаха, давай выпьем! — начал горячиться Хан-Гирей, теряя контроль над собой.

— Нет! — резко возразил Газар.— Мы же решили поговорить на трезвую голову... Не думай, что ты один занимался адыгскими делами. Здесь в Черкесии шастало несколько переодетых русских офицеров, которые вроде бы занимались изучением жизни и быта адыгов, фольклора, а в самом деле, ты знаешь, чем они занимались, они пришли вовсе не с мирными целями, а вы с Сафербием твердили одно — единство, свобода! Правда, Сафербий и в Турции не оставляет своей надежды, а я бы сказал — иллюзии.

— Мужественный человек князь Сафербий, целеустремленный.

— Ты тоже мужественный, вспомни Польшу.

— Было, было такое, Газар.

— Ты знаешь, князь Сафербий — мой друг. Он может, как и все адыги, погибнуть между двух больших государств — Турции и России. И ты отойди, не вмешивайся в политику царя. Послушай совета старшего, князь, брат мой. Черкесия мне не менее дорога, чем тебе или Сафербию, но правде надо смотреть в глаза: если адыги не успокоятся,

не пойдут на компромисс с царем, его войска сотрут их с лица земли, у них для этого хватит сил. Не ругай, не грози тем, кому присягал на верность, это очень опасно. Не только для тебя лично, но и для всего твоего рода. Хорошенько подумай об этом, князь.

— Благодарю тебя, Газар, за откровенность, за добрую заботу обо мне, о моем роде. Извини, я очень тороплюсь.

— Ты обиделся, Хан-Гирей?

— Нет, Газар, я действительно тороплюсь...

Хотя Хан-Гирею не понравились слова Газара, но деваться от их правды некуда, просто надо принять решение: не сидеть между двух стульев. И он принял его: этот пучеглазый, корил себя Хан-Гирей, влюблен в самого себя, царь заставил меня несправедливо поступить по отношению к адыгам, но, волей Аллаха, сегодня я нахожусь в таком положении, что могу искупить свою вину перед ними. Пока я дышу, пока ясен мой разум, буду поднимать адыгов против царя. Я не позволю адыгам служить ему, как он заставил меня прислуживать. Если даже на всей земле останется один-единственный адыг, я и его поведу на бой. И нечего меня предупреждать, я говорил и буду говорить всюду, всем, в том числе и русским офицерам, о своих взглядах и намерениях. Мне известно, что адыги на меня в обиде, у них есть на это право, но ведь никто толком ничего не знает о моих взаимоотношениях с царем. Даже те, кто сопровождал меня тогда по адыгской земле, не знали истинных целей моих записей и зарисовок. Так что напрасно об этом говорить. Да и вообще никто от меня не отворачивается куда бы я не поехал, открыты передо мною двери кунацких. Да, я виноват, да я у них в долгу и я сделаю все, что от меня зависит. Я присоединяюсь к недавней клятве верности адыгов на Пшехе!

Вспомнился Хан-Гирею Руфат Некрас.

Как он оказался в русской армии? Ведь он не князь, не дворянин. Погоди-погоди, у него русская фамилия! Его отец, Тим Некрас, считает себя истинным адыгом. Такой рьяный, такой правоверный! А как же сын? Вот так и доверяй им после этого. Шапку нашу носит, черкеску, в ауле нашем живет.

Остановил коня Хан-Гирей. Задумался, сдвинул брови: ведь он тоже — не адыг по крови, является офицером

русской армии. На ум пришла русская пословица: «Долг платежом красен».

Улыбнулся Хан-Гирей, дал шпоры коню, направился к аулу Сэлтык, где живет князь Хаджемуков, повторяя про себя: «Долг платежом красен, платежом! Вот и посмотрим, Некрасы!..»

Услышав топот коня, Асланбеч, сидевший во дворе, узнал Хан-Гирея, и поспешил ему навстречу:

— Во-вий, Хан-Гирей, милости прошу! Легок ты на помине, я только что думал о тебе, князь,— Хан-Гирей хотел что-то сказать, но хозяин опередил его: — Не говори, не надо, я думал о тебе хорошее, Аллах свидетель.

— Благодарю, Асланбеч, спасибо, зиусхан. Пожалуй, только один ты во всей Бжедугии и думаешь обо мне хорошо.

— Не говори так, неправда это,— возразил, улыбаясь, Асланбеч,— и в Бжедугии и во всей Черкесии только о тебе и разговор. В княжеских, в тфокотльских кунацких рассказывают, как ты ходишь по Черкесии и записываешь разные старинные сказания, легенды и сказки, народные песни. Все очень довольны тобой. Говорят, раз записал, значит, не пропадет, а то ведь старики повымрут, и все забудется. А ты почему один, где твои байколи? Нехорошо князю без охраны да еще в такое лихое время.

— А что мне байколи, зиусхан... Еду из пыльного, пропахшего свиным салом города, названного именем распутной русской императрицы.

— Оставил бы ты в покое тот город, Хан-Гирей. Пореже бывай там, поменьше разговаривай, князь.

— Интересно, едва я переправился через Кубань в обратную дорогу, а тебе уже известно, что я там делал, о чем говорил?

— Не знаю, о чем ты сегодня говорил, а о прошлых разговорах слухи до меня дошли. Вот там-то о тебе плохого мнения.

— А-а, плевать!

— Не говори так, Хан-Гирей. Меньше обсуждай и осуждай царя. Знай, он жестокий человек.

— Ничего, буду просить Аллаха... Нынче я им выдал все, что думал — и про царя, и про хвастливых казачишек! Ладно, Асланбеч, лучше расскажи, как вы тут живете, как

собираетесь жить дальше. Об этом хочется поговорить, затем и приехал к тебе, зиусхан.

— Спасибо, что не забываешь нас. Все хорошо у нас дома, все живы, здоровы, чего и тебе с твоими близкими желаем. Присаживайся ко мне в тень, посидим, поговорим о хорошем, худое до того уже надоело, ушам даже больно. Садись сюда, поближе. Пообедаем, послушаю что-нибудь из старины, записанной тобою. А потом и тебе споем новую песню. Не обо мне, Хан-Гирей,— лукаво блеснув глазами, засмеялся Хаджемуков,— о другом князе. Погода сегодня славная, думаю, пообедаем прямо здесь, под шатром Аллаха нашего...

Теплым и светлым днем ранней осени на развилке натухаевско-бжедугской дороги Карбатыру встретились пятеро конных тфокотлей.

— Доброго пути тебе, зиусхан!

— Спасибо. Вам того же, тфокотли! Откуда и куда милостью Аллаха путь держите?

— Из Бжедугии, зиусхан. Направляемся в Натухай.

— Как живете в Бжедугии, все ли у вас хорошо?

— Пока вроде как спокойно у нас. Все хорошо, кроме одного горя, зиусхан.

— Что случилось? — встревожился Карбатыр.

— Князь Хан-Гирей умер, зиусхан.

— Как?! Я же совсем недавно видел его. Здоровым, бодрым. Отчего он умер!

— Никто не знает, зиусхан.

— Быть такого не может! Он же — молодой, здоровый человек. Ему недавно сорок минуло.

— Да, зиусхан, немного прожил. В городе, что имя русской царицы носит, скончался.

— Он там в больнице лечился?

— Нет, зиусхан.

— А где же, как же?

— Разное говорят про его смерть. Одни — будто сам в одночасье умер, другие — будто отравили его...

В тот же день Карбатыр поехал в Тлюстенхабль, выразить соболезнование родным покойного. Думал, может успеет на похороны, но не успел.

Стоял на небольшом кладбище султанов у каменной плиты, возвышавшейся над свеженасыпанным могильным

холмиком Карбатыр, смотрел вдаль — в мглистую, неясную и потому тревожную. Смотрел и думал о Хан-Гирее, уже не как о князе, о бывшем флигель-адъютанте, полковнике, претендовавшем на роль наместника Черкесии, а о человеке, который просто жил, дышал, любил народные сказания, песни, и болело, болело сердце Карбатыра. На камне арабской вязью значилось: Султан Хан-Гирей, 1842 год.

IX

Дошла до Сафербия весть о победе адыгов на Черноморском побережье, и жить ему в чужом краю вовсе стало невмоготу: бросил бы все и бежал бы на восток. Выйдет он рано утром на крыльцо, смотрит на занимающуюся зарю и ему кажется, что слышит запах кизячного дыма над аулами, слышит, как поют птицы в лесу, как шумит Черное море — по-особенному, как только у адыгских берегов, шумит.

Щемит сердце, ноет призывом, а тут еще русский консул чаще стал встречаться с ним и, как бы между прочим, намекать о возможном его возвращении в Черкесию.

Газар Серебряков тоже стал чаще писать письма. Не было ничего особенного в тех письмах, но все же — письма, пахнувшие родным краем.

Идет время, стареет Сафербий вдали от родины, от семьи. Да какая семья, если он в Турции, сын служит русскому царю, а жена-бедолага, одна-одинешенька, в ауле. Конечно, он здесь старается как-то помочь своему народу, но что за помощь тут, когда там льется кровь. Если бы он был там! Он, офицер, грамотный командир! Человек, не лишенный мужества, как бы он пригодился в тех схватках!

Поговаривают, дескать, могли бы его отпустить на родину, но не в Куматыр, а, скажем, в Керчь или в Новороссийск.

Нет, господа хорошие, говорит Сафербий, мне нужен мой родной Куматыр, мои родные адыги, я должен дышать одним с ними воздухом, умываться слезами общей беды. Однако как достичь этого, как пробиться? Надо как-то добиваться доверия у русского царя, но так, чтобы и адыгов не оскорбить, чтобы они поняли его истинное намерение. Сафербий решил написать письмо в Черкесию и

надеялся, что оно сыграет свою роль. Передать письмо решил через надежного человека Хаджежа Хостанокова, который отправлялся домой.

Осенью 1844 года стали читать это письмо. Вот что в нем было: «Князья, дворяне, духовенство, весь мой вольный, свободный шапсугский народ, с благословения Великого Аллаха, родивший меня, воспитавший, возвысивший, после бесчисленных моих поклонов, пожеланий вам милостей Аллаха, благополучия, доблестей, после горячих молитв моих обращаюсь к вам со своим словом.

Вы знаете, я покинул родину, отправился в Турцию по поручению хасэ, с его заданием.

Покойный Султан Махмуд-Хан, царство ему небесное, принял меня милостиво и благожелательно, внимательно выслушал мою жалобу на российское правительство, на то, что оно присваивает наши земли, хочет сделать нас своими рабами, лишив нас чувства собственного достоинства. Рассказал я ему все это и обратился к нему как нашему единоверцу и благожелателю за помощью. На сию мою просьбу он ответил так: «По заключенному с Россией миру, я не могу оказывать вам никакого покровительства, ибо все, населяемые вами земли, начиная от крепости Анапа до Арпачая, по мирному договору стали достоянием Российской державы. Больше того, если бы Российский государь попросил у меня помощи против вас, я бы, как его союзник, послал бы ему свои войска. Что же касается лично вас, я не буду, не имею права вам помогать в ущерб России».

Пробовал я по нашим делам обращаться к высшим чиновникам Турции, рассчитывал, что они кое-что могут сделать помимо своего монарха, но они и слушать меня не хотели, твердят одно и то же: условия мирного договора с Россией должны будут свято выполняться Турцией...

Проходят годы моего одиночества вдалеке от родной земли, от родного народа и моей семьи, моих родственников: я мог бы оборотъ так необходимого всем нам успеха, поверьте, я каждый день, каждый час ожидаю хоть какой-нибудь перемены в отношениях между двух монархов, а значит перемены в отношении к нам.

Прошу вас, не поддавайтесь обману русских и вместе с тем, не вызывайте у них гнев против вас, живите мирно, старайтесь соединить все ваши силы и средства воедино,

надейтесь на перемену обстоятельств, ждите от меня нового послания.

Прошу вас — пусть это мое слово узнают и обсудят князья и тфокотли, стар и мал, пусть все думают.

Еще раз прошу — не трогайте русских, если вы их не будете трогать, не тронут и они вас, не будет между вами кровопролития.

Недавно в Петербург к русскому царю уехало турецкое посольство. Оно еще не возвратилось. Я жду, возможно, они привезут что-нибудь важное для нас с вами. Если такое случится, я тут же вам напишу.

Думаю, вы все поняли сказанное мною, и согласитесь, пока нет для меня дороги обратно домой. К тому же, сейчас русские сторожевые суда положили преграду между Турцией и Черкесией, зорко следят за побережьем, без их согласия к вам не поедешь.

Подписал сие раб божий Сафербий».

Это послание князя Сафербия Зана размножили и читали по всей Черкесии в кунацких, на аульских сходах, просто в разговорах, между собою при встречах. Многие поддерживали его, однако было немало таких, кто возражал ему и даже осуждал.

Духовенство было в корне не согласно.

Тфокотли не торопились — спорили, соглашались, размышляли.

Князья, уорки, родовитые выжидали, присматривались, прислушивались, словно боясь уронить втуне свое золотое слово. Одни из них искренне сочувствовали Сафербию, разделяли его точку зрения, другие — лицемерили, внешне сдабривая его послания, а в душе проклинали, то ли от зависти, то ли от глупости, то ли от трусости.

Хотя Сафербий и Газар обменивались письмами, между ними не было искреннего взаимоотношения — у каждого из них была своя, особая линия поведения.

Газар хотел бы помочь Сафербию вернуться домой, но опасался попасть в опалу.

Сафербий тоже был не прост в своих письмах, он осторожно прокладывал свою тропинку в сложнейших отношениях между Россией и Турцией, между князьями Черкесии и тфокотлями, между Карбатыром и российской

армией. Он то и дело в письмах просил сына быть осмотрительным, меньше доверяться чувствам и больше трезвому рассудку.

Все сложнее становилось положение Карбатыра: с одной стороны — присяга, честь офицера, а с другой — возмущение и боль за Чумбайскую трагедию. А отец в своих письмах — не поддаваться эмоциям, опираться на разум, но как удержаться от гнева, от душевной боли?!

Однажды, уже после того, как у них в доме гостил Газар, Мария сказала мужу:

— Земля наша горит в огне, истекает кровью, а мы с тобой сидим сложа руки.

— К чему ты это, Мария? — удивился Карбатыр.

— Живем спиной к горам и с улыбкой к Газару, да? — в ее красивых, всегда таких добрых глазах вспыхнули огоньки тревоги, боли, укора.

— Ты на Газара обиделась, Мария? — старался быть спокойным Карбатыр, впервые видя такою свою жену.

— Да! Нехороший он, скверный! О нас с тобою заботится, пусть бы лучше позаботился об адыгах, и о их беде!

Одобрительно, по-мужски улыбнулся Карбатыр:

— Выходит, наши мнения совпадают, Мария?

— Совпадают, если и ты так думаешь,— и потеплел ее взгляд,— отца твоего заперли в Турции, а здесь к нам приставили Козлова, который все что-то высматривает в нашем доме.

«Вот тебе и женщина!» — не без гордости подумал Карбатыр. Да, права Мария, грех ему сидеть, сложа руки, когда адыги так страдают. Карбатыр готов был хоть сегодня уйти в горы. Но как? Он пустился на хитрость: подал прошение начальнику первой линии Черноморских береговых укреплений генералу Дебу, просил разрешения отвезти жену к ее родителям и, согласно адыгским обычаям, взять к родителям в подарок гурт скота...

Отнес Карбатыр бумагу генералу Дебу, и после получения разрешения, в течение десяти дней тайно готовился к переходу на сторону соплеменников. Приготовили они с Марией все, что было необходимо для них, что было ценного, уложили в телегу, а потом, заманив приставленного к нему солдата Козлова в дом, скрутили его веревкой, рот заткнули кляпом и оставили в спальне.

По горной дороге, Мария в телеге, Карбатыр верхом, подгоняя гурт скота, направились к своим.

X

Дагестан и Черкесию ничего не связывало ни исторически, ни этнически, кроме русско-кавказской войны. Конечно, наезжали и дагестанцы в Черкесию, и адыги в Дагестан торговать, были и у тех, и у других кунаки, но не больше. Было и еще одно очень важное обстоятельство — общая религия. Надо сказать, что адыги в то время относились одинаково и к туркам, и к дагестанцам, и к чеченцам, потому что все они молились одному Великому и Всемогущему Аллаху.

Но вот попали адыги в тяжелейшее положение — к ним ринулись со своими советами турецкие, чеченские, дагестанские, крымские эмиссары, каждый из них, как говорится, гнет свою линию, а расплачивается за это доверчивый адыг...

В далеком дагестанском селении Гуниб, уединившись, беседовали двое мужчин: имам Шамиль и его близкий единомышленник наиб Магомет-Амин.

— Я позвал тебя, наиб, не по делу русско-дагестанской войны, этой бесконечной войны, нет. Тебе надо съездить к черкесам. Ничего не говори мне о Сулеймане-Эфенди! Слышать о нем не желаю! Он продался русским, сделался гяуром! — нервничал Шамиль.— Даже абадзехи, к которым мы его посылали, раскусили его, осудили мерзкое предательство. Надо сказать, недоволен я и его предшественником Хаджи-Магометом. Пусть Аллах, перед которым он уже предстал, смилостивится над ним, не будем осуждать покойного, но... и он сидел среди абадзехов, читал им выразительно Коран, а сделать нужное нам дело не смог, не поднял черкесов на священную войну с Россией. Надеюсь, наиб, не уподобишься своим предшественникам. Ты жил среди черкесов, знаешь их язык, обычаи. Обходись с ними, как велит тебе твоя мусульманская вера и разум, данный Великим Аллахом. Ты должен стать среди них своим человеком, должен раствориться в их среде и потом поднять их. Ты знаешь, наиб, черкесы — мужественный и благородный народ, используй это против наших врагов. Свободолюбие, чувство собственного достоинства.

— Я понял тебя, великий имам, и готов отправиться в путь,— перед Шамилем поднялся стройный, смуглолицый, довольно крепко сложенный мужчина лет тридцати пяти.

— В добрый путь, наиб, да сопутствует тебе Всемогущий Аллах! — Наиб уже подходил к дверям, когда Шамиль окликнул его и, выйдя из-за стола, тяжело ступая, подошел к наибу и впервые назвал его по имени: — Ты не думай, Магомет-Амин, что не нужен мне в Дагестане. Я отрываю тебя от сердца своего и посылаю на очень важное дело.— Имам по-мужски крепко обнял его.— И еще. Между нами не будет письменной связи. Если что потребуется, передавай только через посыльного. Где бы ты ни был, помни, наиб, я буду молиться за тебя. Ты отправляешься в далекий и опасный путь. Ради Аллаха, береги себя.

Как и обещал своему имаму, наиб Магомет-Амин Асалаев, отправился в дорогу в тот же день.

Два сопровождавших его всадника не знали, куда едет Магомет-Амин, не велено было спрашивать.

В Чечне наиб спешился, перебросил через плечо сумку с Кораном, с дорожным харчем, и, приказав спутникам отвести коня обратно в Дагестан, попрощался с ними. И пока не скрылись из виду всадники, наиб не трогался с места, провожая их взглядом, а потом направился дорогой в Кабарду.

Пока шел через Чечню из края в край до самой Кабарды, весь истрепался, запылился, и так убого, даже подозрительно выглядел, что люди нехотя пускали его на ночлег, однако, заходя в мусульманское селение, первым делом направлялся в мечеть. Не знал он ни чеченского, ни ингушского языков, однако как только начинал читать Коран наизусть, зная некоторые суры и молитвы,— это открывало перед ним все двери. Правоверные крайне удивлялись и с великой благоговейностью смотрели на такого грамотея в одежде нищего, а когда пришел в Кабарду и заговорил на хорошем абадзехском наречии, там раскрыли перед ним все двери и объятия.

Магомет-Амин трехлетним мальчишкой приехал с родителями к адыгам и прожил тринадцать лет — говорил одинаково хорошо по-лакски и адыгски. Потом Магомет-Амин уехал в Дагестан. Побывал в Каабе, получил приличное духовное образование, служил в мечетях, но

язык адыгов не забывал, охотно разговаривал с отцом, пока тот был жив, а теперь с матерью.

С большим радушием встретили кабардинские адыги Асалаева, но он, разумеется, ничего о своих задачах не говорил — здесь было не так тревожно, как в Причерноморье. Кабардинские адыги жили тихо, мирно. Конечно, они думали, беспокоились о судьбе адыгов, но, как говорится, того, кто подальше стоит от огня, не припекает. Да и обет, данный еще Ивану Грозному, они выполняют, честно служа, защищая от астраханских ногайцев южные границы государства.

За месяц, проведенный в Кабарде, многое понял Магомет-Амин. Конечно, одежда, песни, танцы дагестанские отличаются от кабардинских, но в мечетях они молятся одинаково, у них также бывают сходы, выборы муртазиков, сходны они и горячим кавказским темпераментом. Абадзехи преданнее всех из адыгов исламу, горячее, искреннее их вера, значит, решил Магомет-Амин, если умело их повернуть, можно много добиться именем Аллаха. Хаджи-Магомет кое-чего добился, но пришедший после него Сулейман-Эфенди, как сказал имам Шамиль, все испортил, во многом навредил делу — он перекинулся к русским и теперь пишет оттуда всякие гадкие письма к адыгам, зовет их к покорности, к верности «Великому Российскому государству». Вот где главная опасность, решил Магомет-Амин, прежде всего этому надо положить конец.

От восточной Кабарды до Черноморского побережья долгий и непростой путь не только пешему, но и всаднику. Однако главная трудность в том, что куда ни кинь, уже кругом были российские войска. Особенно между Кабардой и Беслинеей. А вот в долине Баксана Магомет-Амин провел несколько дней и чувствовал себя свободно. Был у него теперь добрый кабардинский конь, хорошая адыгская одежда и, если бы не белая чалма на голове, его трудно было бы отличить от двух сопровождавших его кабардинских всадников.

Выехали они из Баксанского ущелья, миновали плавни и им чаще стали попадаться русские военные разъезды. А ближе к Пятигорску, не только пешие и конные отряды, но и тяжелые орудия на конной тяге или запряженные быками. Война, что ли? Но не слышно было выстрелов, не видно пожарищ. И еще странность: кто только не встре-

чался — адыги, балкарцы, карачаевцы, абазины, ногайцы. Все они — мусульмане, поэтому приветствовали Магомет-Амина, его белую чалму.

Встретились два конных офицера. Поздоровавшись, один из них спросил:

— Как здоровье, кунак Ибрагим, как живется-можется?

Магомет-Амину показалось, что он видел где-то этих русских. Присмотрелся внимательно и вспомнил: прошлой осенью недалеко от Дербента горцы возвращали русским пленного. Возглавлял их вот этот самый офицер. Они привезли тогда очень богатый выкуп, похоже, выкупали знатного человека.

Ибрагим и тот офицер никак не могли понять друг-друга — один не знал русского языка, другой — адыгского.

— Эй, Руфат, что стоишь и молчишь! — рассердился Ибрагим.— Переведи Павлу, чего я от него хочу.

Ничего не ответил Руфат.

Когда всадники стали разъезжаться, Магомет-Амин и Руфат встретились взглядами, многозначительно улыбнулись друг другу.

Позже Магомет-Амин спросил у своих спутников:

— Кто тот офицер, на которого Ибрагим обиделся и заговорил с ним по-адыгски?

— Абадзех,— презрительно улыбнувшись,— ответил Ибрагим,— предал адыгов. Родился среди адыгов и воспитывался адыгами в Абадзехии, хоть отец у него — русский, но мать — черкешенка. Руфат Некрас. А другой — Павел Ракитов, офицер. Человек добрый, честный, уважительно относится к адыгам, ко всем кавказцам.

— А отец Руфата, Тим Некрас,— истый адыг, добропорядочный мусульманин, честный человек,— вмешался в разговор второй всадник.

— Если хороший, как же он сына своего до такого позора допустил?

Магомет-Амин не вмешивался в разговор, ехал молча.

— Ибрагим, старший брат, давайте объедем это селение. Там много злых гяуров живет.

— Валлахи, брат мой, я тоже так подумал. В нашей стороне вроде бы и не вредные они, но лучше с ними не связываться,— сказал Ибрагим и обратился к Магомет-Амину: — Мы со здешними русскими ладим, это причерноморские шапсуги, абадзехи и убыхи никак не найдут

согласия, стоят друг против друга с обнаженными мечами. Что ни говорите, и среди русских есть хорошие люди, много хороших людей.

Магомет-Амина передернуло от этих слов, но он сдержался, не подал виду, только подумал: вот и в кунацких Кабарды я не слышал, чтобы осуждали гяуров, выказывали свою неприязнь к ним. Не только тфокотли, но и князья. Беда, что это все очень плохо может кончиться для нашего исламского дела. Но ничего, надо хорошенько здесь поработать и выбить этот дух благодушия, который поддерживал отступник Сулейман-Эфенди.

Так думал наиб Шамиля, однако пока успеха у него не было и в Беслинее. Где он только не начинал свою беседу о русских, о том, что это большая угроза адыгам и исламу, она как-то вяло поддерживалась беслинеевцами, а потом вовсе затухала. Совсем как в Кабарде.

Как быть, с чего начать, чем можно пронять сердца адыгов, каким образом настроить их разум, чтобы они заняли сторону великого имама Шамиля и всей своей силой ополчились на гяуров, на завоевателей?

Что поможет, Аллах или винтовка? Вероятнее всего — Аллах и винтовка, надо только суметь соединить их. Магомет-Амин считал, что ему это удастся.

Обо всем этом и размышлял наиб, благо времени у него хватало во время поездок по горным тропам, по раздольям долин, под высоким, благодатным небом Черкесии.

Магомет-Амин рассчитывал пробыть в Беслинее не больше недели, но беслинеевцы о его отъезде и слушать не хотели, так пришелся им по душе такой набожный, грамотный и приятный человек. Целый месяц они возили его по аулам — на свадьбы, на похороны, на праздники, на богослужения в мечетях. Он читал Коран, вел службу в Хабезе, Хумари, Клычкуадже. Свозили его и к карачаевцам, и к ногайцам, и к абазинам, и всюду он был наижеланнейшим гостем. Каждый из аулов гордился, что в нем побывал Магомет-Амин.

Мечети мечетями, но более важными были для наиба кунацкие, где он исподволь подводил каждую беседу к разговору о свободе адыгов, к тому, что нет у них иного пути, как объявить священный газават против царских войск, под зеленым знаменем Аллаха изгнать их со своей

земли. Говорил, что Черкесии при определенных условиях могут помочь и помогут Англия, Франция, Турция. Но большинство адыгов слышать ничего не хотели о турках, и тогда Магомет-Амин уводил разговор в сторону.

Надежда Магомет-Амина — Абадзехия, и вот она уже рядом, но последний полдневный переход оказался гораздо труднее, чем вся дорога от Дагестана до Беслинеи. Его сопровождали два абрека — сноровистые, бывалые парни.

Рядом Абадзехия, рядом цель его путешествия, цель, может быть, всей жизни. Не сумели два предыдущих наиба выполнить задачу, поставленную перед ними имамом Шамилем. Но наиб Магомет-Амин надеется на свои силы. Перво-наперво он займется абадзехами, он сделает все, чтобы они поверили ему, стали верными воинами Аллаха. Абадзехи, а потом шапсуги, убыхи, натухайцы будут слушать его и на всю Черкесию распространится это влияние. Он соединит их сначала в единой идее, в одном духе, а потом и в единое государство. Он сделает то, чего не могли сделать сами адыги. Создаст крепкое государство, верное Шамилю, и, конечно, адыги, его, скромного наиба Магомет-Амина, поставят главою этой исламской страны. Он не сам возьмет власть — его возвысят другие. Славные эти двое абреков, надо побольше таких собрать вокруг себя, пусть это будет своеобразная гвардия ислама в здешних местах, его гвардия, его сила. Слышал Магомет-Амин, что почти такой же идеей занят князь Сафербий Зан и сына своего Карбатыра готовит к этому.

Погодите, рассуждал наиб, дайте мне развернуться в Абадзехии, и я покажу этим адыгам, что такое на самом деле их самовлюбленные племена и что будет, когда они объединятся во имя Аллаха!

— Что ж это мы, хаче[1], едем и все молчим, молчим, уши вянуть начали от тоски,— сказал абрек, ехавший слева.

— Ты же сам говорил, что ночью грешно болтать.

— Грешно, да нельзя же все молчать и молчать, будто языки проглотили, верно я говорю, Джабег? — обратился он к своему напарнику, ехавшему справа.

— Меньше болтай да лучше смотри вперед,— строго ответил Джабег.

[1] Х а ч е — гость.

— Вот так всегда, слова из него не вытянешь. Да ты не бойся, Джабег, я ведь, как сова — ночью вижу лучше, чем днем.

— Это другое дело.

— А на обратном пути,— не унимался левый всадник,— Джабег всю дорогу будет петь. О Хаджи Магомете.

— Кто этот Хадж-Магомет? — оживился Магомет-Амин.

— Был у абадзехов наиб такой.

— Достойнейший мужчина! — добавил Джабег.

— Хороший человек. Умер бедняга.

— Аллах да откроет перед ним двери рая! — воскликнул опять Джабег.— Он был мужественным человеком.

— Это он начал борьбу абреков с гяурами.

— А как ты смотришь на Сулеймана-Эфенди? — как бы между прочим спросил Магомет-Амин.

— О предателе даже говорить не хочется! Не обессудь, хаче,— сердито ответил Джабег.

Магомет-Амин заметил: чем больше хвалили Хаджи-Магомета, и ругали Сулеймана-Эфенди, тем выывали у него все больший интерес к предателю, к его, как он считал, трагической судьбе.

— Тихо! — шепотом приказал Джабег, остановив коня. Моросил дождик. Шумела горная речка. Тьма непроглядная.

— Тихо! — повторил Джабег. Приподнялся на стременах, вслушался.— Я ничего подозрительного не слышу, а ты, Тумэн?

— Я тоже.

— И все-таки поезжай вперед.

Неторопливо, как бы прислушиваясь к темноте, приглядываясь к ней, поехал Тумэн.

Двое постояли минуту-другую, тронулись.

Перебравшись вброд через быструю речку, лесом поднялись на взгорок. Вскоре послышался лай собак. Петухи возвещали о приближении утра.

Труден для путника предрассветный час — гуще становится темнота, сон пытается его свалить. Но вот начало светать, и стало веселее глазам.

Джабег остановился. Свернул козью ножку, набил табаком и протянул кисет Магомет-Амину:

— Закури, хаче.

— Валлахи, Джабег, я не курю. Начал было курить, отец так намял мне уши, что меня перестало тянуть к табаку.

Задымил Джабег, затянулся несколько раз кряду — глубоко, с удовольствием, ведь всю дорогу не курил, чтобы не выдать себя в темноте. Не без лукавства глядя на Магомет-Амина, сказал:

— Если позволишь, хаче, я хочу спросить. Нам сказали, что ты — эфенди, но ты на него совсем непохож. Тумэн, а что ты скажешь?

— Валлахи, Джабег, я говорю то же самое. Хаче так ловко держится на коне, не хуже наших абреков.

— Аллаху акбар, Всевышний велик, Он свидетель мой — я эфенди. Ношу в сердце своем, как и вы, нашего Всемогущего, Всемилостивейшего Аллаха. Верьте мне и другим скажите — эфенди я.

— Да, да, мы носим в своей душе Аллаха, без Него, хаче, мы не отправляемся в путь. С Его благословения. Если бы нам не сказали, что ты эфенди, мы не стали бы тебя провожать в Абадзехию. Мы — абреки, хаче. Долина Мамруко совсем близко, вот за той горой. К обеду будешь в ауле, а нам надо спешить, у нас свои дела. На прощание, извините, нам хотелось бы знать твое имя, хаче.

— Благодарю вас. Зовут меня Магомет-Амин, из Асалаевых я.

— Очень неплохое имя. Что ты скажешь, Тумэн?

— Достойное имя, скажу.

— Надо бы, Магомет-Амин, проводить тебя в какой-нибудь аул долины Мамрукочей, но нас там нынче не должны видеть. Не обессудь, эфенди... Минуешь первый аул, объедешь второй, а в третьем найдешь князя Болотокова. Если он станет твоим другом, считай, вся Темиргойя и Абадзехия твои друзья. А, Тумэн?

— Воистину так, Джабег.

— Валлахи, Тумэн,— Джабег еще раз глубоко затянулся, выпустил дым через нос,— плохие мы с тобой адыги. Допустим, нельзя нам показываться в долине Мамрукочей, но ведь вон до той горы, до волчьих берлог можем проводить многоуважаемого эфенди Магомет-Амина, а Тумэн?

— Обязательно можем, Джабег. Но не дальше того.

— А что я сказал, Тумэн? Сказано, что отрезано!

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

В пятидесятых годах среди адыгов не было такой сплоченности в борьбе с царскими войсками, как десять лет назад, когда Россия возводила на Черноморском побережье укрепленную линию. Но в то же время довольно странная обстановка сложилась в Черкесии — не мир, не война, и мир и война...

Жизнь есть жизнь, ты никуда не денешься от нее. Человеку надо пить, есть, надо одеться, обуться, обустроить свой дом, свое хозяйство. Короче говоря, случалось, что после стычки, после смертельной схватки и те и другие шли на базар. Торговались, радовались покупкам, вели разные разговоры о поле, о кошаре, о лошадях и овцах.

Больше того, у казаков появились кунаки в аулах, у адыгов — в станицах, городах. Многие из них уже умели плясать с адыгами, и адыги не оставались в стороне — пускались в горячий пляс с казаками.

Что делать, как жить, нельзя висеть между небом и землей. Все знают, что нельзя, а между тем так оно и выходит, размышляя над всем этим, Карбатыр доходил до отчаяния. Особенно его раздражали князья, каждый из которых тянул дышло в свою сторону и никакие слова на них не действовали. А наибы Шамиля? Один звал: «Убей гяура!» Другой призывал к миру с русскими. И тот, и другой звал одним именем Аллаха, но звал в разные стороны. На своих многочисленных сборах громыхали оружием, звали к беспощадной мести, но случалось прямо с этих гневных, грозных собраний шли на базар торговать со своим противником.

Как никогда Карбатыр сейчас нуждался в отце, в его поддержке, советах. Не с кем ему было поговорить по душам. Раньше худо ли бедно, все-таки переписывались с отцом, а с прошлого года оборвалась переписка. Несколько раз ему передавали приветы приезжавшие из Турции, а теперь и это прекратилось. Где отец, что с ним?

На днях тфокотли удивили Карбатыра до крайности, они предложили организовать регулярную адыгскую армию. Не больше и не меньше — регулярную армию.

Не шутят ли они? Нет, сурово сдвинуты черные брови, руки решительно лежат на рукоятках кинжалов. Чью армию? Шапсугов, натухайцев... Всех адыгов!

Господи, подумал Карбатыр, что они говорят, думают ли над своими словами? Отец столько лет потратил, сколько сил убил, чтобы сначала всех адыгов просто собрать, под одним знаменем, идейно хотя бы, а уж потом все остальное. А эти прямо — давай всеадыгскую регулярную армию. Кто кормить ее будет, одевать, кто даст современное оружие? А командующий? Кто из князей не захочет занять это высокое место? И начнется все сначала — кто из них первый, а кто второй...

Мягко, чтобы не обидеть, Карбатыр объяснил все это тфокотлям. Они, слушая его, только чесали затылки, переминаясь с ноги на ногу, да тоскливо смотрели куда-то вдаль.

Трудно Карбатыру — сердце болит у него, душа страдает, просится на простор, в какую-нибудь голубую заоблачную высь, подальше от странной и грешной, такой родной и такой чужой ему земли.

Скрипнула дверь. Мать вошла. Карбатыр поднялся ей навстречу.

— Заходи, тян, садись. Как ты себя чувствуешь? Я поздно приехал и не стал тебя беспокоить,— поддерживая мать под руку, он усадил ее на обитую красным бархатом тахту, положил за спину подушку, сел с нею радом.

— Я, сын мой, вчера ждала тебя, позавчера ждала и сегодня жду,— с легким, по-матерински добрым укором сказала Бабура.— Я знаю, когда ты вернулся, слышала, как тебе открывали ворота. Как бы поздно ты не возвращался, не забывай заглянуть ко мне. Мать только тогда и спокойна, когда ее дети дома... Что там у тебя в Бжедугии, с кем встречался?

Со многими встречался, тян.

— И что бжедуги говорят?

— Много говорят, но не то, что нам надо. Сами примирились с русскими, а нас призывают не покоряться, быть мужественными в борьбе с ними.

— Что ж это такое — быть мужественными, не сдаваться,— пристально, пытливо посмотрела Бабура на сына.

— Валлахи, тян, что тебе сказать... быть мужественным в бою, не жалеть своей жизни.

— Быть мужественным в бою, не жалеть своей жизни,— задумчиво повторила мать.— Мужество, сын мой, не всегда означает смерть. Сколько умерло мужественных людей, но разве это принесло счастье на нашу землю? Не вижу я что-то счастливых людей в нашем ауле. Да и в соседних.

Молодо, на много моложе своих лет выглядит Бабура — и смугло-бледным лицом, без морщин, с румянцем, и стройным станом своим, и легкой походкой. Вот только в красивых ярких глазах застыла печаль ожидания.

Карбатыр влюбленно глянул на мать, благодарно посмотрел, потому что вошла она и своим видом, тихим голосом смягчила его беду, настроение, и он почувствовал себя не только спокойнее, но и увереннее. А еще ему стало хорошо оттого, что и в голосе матери, и в ее взгляде, в манере разговаривать он увидел отца. Правду говорят, что если муж и жена в мире да любви живут много лет, становятся похожими друг на друга.

А это что? Из-под цветастой кашмирской шали выбилась прядка седых волос. Под глазами заметил только сейчас темные круги. И печально повторил про себя: наверное, мать, очень туго тебе.

Бабура — княгиня, у нее достаточное состояние, чтобы безбедно жить, но радостей выпало ей мало. С отцом и сыном одни лишь тревоги да заботы, да разлуки.

— Мужество без ума к добру не приведет, смерть — его скорая подруга,— негромко, задумчиво сказал Карбатыр.

— Чьи это слова, сын мой?

— Отца, тян.

— Я так и подумала, — сказала мать, напрягаясь лицом, чтобы не выдать своего волнения.

— Как мне сейчас не хватает отца.

— Я рада, что ты помнишь его, скучаешь. Дорога твоего отца поднимает его все выше и выше, ты должен продлить эту дорогу, подняться по ней еще выше, пойти дальше. Так всегда у всех людей. Упаси тебя Аллах, это не значит, что ты будешь смотреть на отца свысока.

— Разве это на меня похоже, тян?

— Нет, совсем не похоже, но ты обязан это знать,— твердо сказала она и устремила свой взгляд в окно.

Карбатыр подумал: мать хочет мне что-то сказать, но не решается. Такого еще не бывало. Она всегда была со мной искренна. Если ошибался, поправляла, но так поправ-

ляла, чтобы не обидеть меня. Что же сейчас она таит от меня?

— Тян, мне кажется, тебя беспокоит что-то.

— Беспокоит то же самое, что и тебя, сын мой, — не отрывая своего взгляда, устремленного в окно, сказала она: — Я столько лет прожила с твоим отцом и никогда не обижалась на него, он никогда не давал повода для этого.

Она помолчала, очевидно, размышляя над тем, что хотела сказать сыну, непросто решаясь на это.

— Твоего отца не хватает не только мне, не только нашему аулу, но всей Черкесии. Я не преувеличиваю, так говорят многие... Дело, которое делает и он, и ты, большое и важное. Трудно мне переносить разлуку с вами, постоянно бояться за вас. Трудно, но я управилась бы, вынесла, не роптала бы, да вот сомнения: зачем убивают людей, часто ни в чем не повинных. Жалко, всех жалко — и адыгов и русских, все они дети одного, единого Бога.

— Тян?!

— Не перебивай меня, сын мой, сегодня я скажу тебе и еще более горькие слова, постарайся быть стойким. Отец твой, с помощью хасэ, многих адыгов поднял на борьбу за свободу, он показал громадной русской державе, как мужественны, свободолюбивы, горды адыги, но... Но если бы твой отец был бы все время с нами, а не провел бы многие годы на чужбине, думаю он изменил бы свое отношение к хасэ. Я удивляюсь, что и ты, и абадзехские, и убыхские предводители не задумываетесь над этим.

— Мы думаем об этом, тян!

— Я же сказала — не перебивай. То, что вы не смогли сделать за многие годы, наиб из Дагестана сделал за короткое время. Да-да! В нем души не чают и малые и старые. Абадзехи забыли, что до него был Хаджи-Магомет, Сулейман-Эфенди. Пока вы заняты междуусобными делами, думаете, что делать с русскими, приезжий из Дагестана приручил абадзехов, они готовы за ним в огонь и в воду. Вот увидите, он скоро доберется и до Бжедугии, до Убыхии, и до нас. Разве ты не слышал о наибе Магомет-Амине, который орудует в Абадзехии?

— Слышал, тян.

— Так чего же вы молчите? Или вообще не можете существовать без чужаков?!

II

Однако абадзехи встретили Магомет-Амина не так уж восторженно, как об этом ходит молва.

Живут абадзехи в краю гор и лесов, в стороне от великого шелкового пути, связывавшего многие столетия Европу и Азию. Это обстоятельство в определенной степени создало некоторую обособленность абадзехов, их обычаев, нравов. Нельзя сказать, что они уж очень замкнуты в своих границах, что к ним никто не ездит. За перевалами Кавказского хребта совсем рядом — Грузия, за Кубанью — Россия, за Кабардой — Осетия, дальше — Чечня, Дагестан. А за Черным морем — Турция.

В старинных песнях абадзехов поется о великой беде татаро-монгольского нашествия. Вот это самое нашествие с его пожарами, насилием, разбоем и заставило абадзехов углубиться дальше в горы, в непроходимые леса, чтобы сохранить себя, свои святыни, обычаи, оставленные им в наследство предками.

Прошли века. И вот в те леса и горы пришла весть о беде: к их границам подступило громадное царское войско, оно строит на берегах Лабы, Шхагуаше, Пшехи, Кужипса военные укрепления.

Тревожная, конечно, весть, но войска только подступили к землям Абадзехии, не вторглись в нее. Понятно, абадзехам было жалко своих братьев-адыгов, но чужая беда, это не своя беда. Князь Сафербий несколько раз обращался к абадзехам, призывал их к объединению с другими племенами адыгов, но они отговаривались тем, что это не их вина, что это натухайцы и шапсуги пропустили войска, с них и надо спрашивать, а абадзехи здесь ни при чем.

И вот теперь грянул гром и над Абадзехией, враг подступил к ним неожиданно с северо-восточной стороны. И хотя у них еще не слышна пушечная канонада, дух войны уже витает над землей абадзехов, угрожая их мирным селениям.

Заволновались в кунацких, стали вспоминать то, что говорил Сафербий Зан. Но нет уже князя Зана на земле адыгов, как бы оборвалось его дело...

Магомет-Амин приехал в Абадзехию как раз в то время, когда она была вся встревожена, взбудоражена, как

пчелиный улей, когда ему что-то угрожает. Многие абадзехи уже отчаялись. Это было на руку Магомет-Амину: отчаявшегося, потерявшего надежду человека было легко сделать орудием твоей воли. Надо только пообещать ему свет впереди, повести его за собой и ты станешь для него кумиром.

За трое суток в кунацкой князя Шекультыра Болотокова столько было переговорено, столько всего услышано, будто тут были собраны новости со всей Черкесии, ведь каждый, приходивший повидать, послушать гостя из Дагестана, обязательно приносил и свою новость. Для Магомет-Амина это был просто клад, целое богатство обрушившееся на него.

Надо сказать, кроме того, что Магомет-Амин прекрасно вел службу, красиво, благоговейно читал Коран, наизусть произносил многие молитвы, был он еще и обаятельным человеком, сравнительно молодым и, когда шел к мечети, на него заглядывались из-за занавесок девушки. Мужчинам он нравился тем, что прекрасно говорил по-адыгски, много рассказывал о великом имаме, шейхе Шамиле, отлично держался на коне.

Однажды вечером после того, как разошлись из кунацкой гости, хозяин дома Шекультыр Болотоков обратился к наибу:

— Адыги говорят, прожил гость в доме трое суток — становится членом семьи. Может быть, Магомет-Амин, тебе уже наскучило сидеть в доме, завтра поедем по абадзехским аулам. Как говорится, людей посмотришь, себя покажешь. Что ты думаешь об этом?

— Как скажешь, зиусхан, твое слово — мое слово.

— Мы, живя в нашей стороне, думали, что царские войска не заглянут к нам, обойдут стороной, а оно получилось иначе — окружили они нас со всех сторон. Мы так надеялись на Сулеймана-Эфенди, а он нас предал, Аллаху Всевеликому изменил, занял сторону их.

По душе пришелся Магомет-Амину этот разговор, затеянный князем Болотоковым, притворно нахмурился наиб:

— Я не хотел бы, зиусхан, слышать имя этого мерзкого предателя, проклятого всевышним... Аллах велик и всемогущ, Шекультыр, Он все видит, все слышит. Мы помним о Его милостях, но не следует забывать и о Его каре

отступникам, маловерам, которая обязательно настигает грешника. Аллаху акбар! — Магомет-Амин воздел руки, закрыл глаза и стал шептать молитву. Князь последовал примеру гостя. Помолившись, сказал:

— Валлахи, хаче, я не из тех, кто ведет праздные разговоры об Аллахе, о вере, я — человек дела, построил мечеть в Точеже.

Магомет-Амин одобрительно закивал князю. Тот продолжал:

— Женщины наши имеют к тебе просьбу.

— Аллах да сделает их просьбу счастливой! Я слушаю, зиусхан.

— Если тебя не смущает такой поздний час, наши женщины хотели бы послушать чтение твоего Корана.

— Милость Аллаха велика, мои скромные способности ничто в сравнении с Его волей и могуществом.— Магомет-Амин достал из кармана часы, открыл крышку, глянул на стрелки.— Трудиться во имя Аллаха никогда не поздно, зиусхан,— смиренно сказал наиб, а сам подумал, что лучше бы пойти спать, он так утомился за этот длинный вечер в кунацкой.— Что же касается того, что ты говоришь — «твой Коран». Я хочу тебе объяснить, если позволишь — это не мой Коран, а священная книга пророка Магомета. Я хотел бы, чтобы это не только ты, а все правоверные абадзехи знали. Все, что окружает нас — земля, небо над нею, леса и поля, горы и реки, все создано Аллахом для человека, чтобы он жил здесь, и во временной своей земной жизни творил добро во имя вечной жизни на небесах... Где женщины, которые хотят послушать нас?

— В соседней комнате, хаче.

— Хорошо, но сначала надо совершить омовение. Приоткрыв дверь комнаты женской половины, чтобы было им слышно, Магомет-Амин стал читать суру о женщине. Читал торжественно-гортанным, красивым голосом. Звуки мелодичной арабской вязи заполнили дом князя Болотокова. И хотя ни князь, ни женщины не понимали смысла произносимых арабских слов, слушали они наиба с великим благоговением. Надо сказать, что не понятное, но красивое, благозвучное действует иногда на человека сильнее понятного, именно своей таинственностью. Да если еще речь идет о боге, о великих тайнах Его, о непо-

стижимой и влекущей к себе вечности, тогда и вовсе размягчаются души, из глубины поднимаются самые лучшие, самые благородные чувства, возникает необоримое желание любви, добра и сочувствия ближнего.

Так было и сейчас на женской половине князя Болотокова.

Младшая дочь Нурепс, расчувствовавшись, подошла к своей тете по отцу, Дидане, и со слезами умиления прижалась к ней. Мать сказала:

— Когда предстанешь перед Аллахом, твоя душа очищается, становится благороднее, и слезы твои, Нурепс, слезы очищения.

Князь недвижно слушал наиба, наслаждался его голосом, любовался его статью и думал о том, что наиб Магомет-Амин необыкновенный человек, наверно, он святой, Аллах знал, кого послать к абадзехам. Хотя Сулейман-Эфенди тоже хорошо знал Коран, хорошо читал, но он никуда не годится в сравнении с Магомет-Амином. Однако ведь именно Сулейман-Эфенди предложил князю построить мечеть, сказав: мечеть усилит власть князя, данную ему Аллахом, сделает людей послушными. Верно, верно говорил Сулейман-Эфенди, хотя он и предатель, вера и правда успокоила тфокотлей, сделала их благожелательнее, уважительнее. И как только этот человек мог стать послушником гяуров?! — возмутился молча Шекультыр во время молитвы.

— Аллаху акбар! Аминь! — прочувственно воскликнул Магомет-Амин.

Шекультыр, подражая эфенди, тоже воздел руки к небу и обратился к женщинам:

— Говорите — аминь.

Магомет-Амин устал, хотел после чтения Корана идти спать, но князь разговорил его, и они до поздней ночи с интересом просидели в кунацкой. Опять говорили о Турции и России, о беде адыгов, вспомнили Сафербия Зана, Джирандука Берзеджа, Асланбеча Хаджемукова, Нурмагомета Хагура, Тима Некраса...

— Хаче, не обессудь, присматриваюсь я к тебе и думаю: ты — святой, посланник Аллаха в нашу абадзехскую землю.

— Что ты говоришь, зиусхан,— скромно сказал Магомет-Амин,— я простой смертный, как и все мы.

— Нет, нет, хаче, не я один так думаю. Скажи мне правду, и я буду хранить ее. Поверь. В Абадзехии нет человека, который бы не верил мне.

— Зиусхан, не вводи меня в соблазн и себя тоже. Я всего лишь послушный слуга Аллаха нашего, и выполняю Его волю.

— Вот видишь, хаче! — обрадовался Шекультыр.

Магомет-Амин сделал вид, будто не слышал этих последних слов князя, и продолжал:

— Я живу верой и хочу, чтобы ты, все абадзехи верили и служили Его истине. Да будет милостив Великий Аллах ко всем нам, к тебе, князь Шекультыр. Аллаху акбар!

Они воздели руки к небу, благоговейно закрыв глаза...

Князь Болотоков любил себя, свое красивое и сильное тело, любил побаловаться вкусной едой, мягкими напитками, любил удобство и роскошь. Вот и сейчас, после приятной, но все же утомительной беседы с наибом, он вытянулся, раскинув руки, на пуховой перине и вспоминая все что случилось за весь день. И, конечно же, самым приятным он считал свою беседу с наибом, гордился тем, что Магомет-Амин открылся ему: — он посланник Аллаха в Абадзехию, не в какую-нибудь Шапсугию или Убыхию, он — посланник Аллаха к Шекультыру Болотокову. Сон одолевал князя, но ему не хотелось засыпать, хотелось продлить приятные воспоминания...

А наиб Магомет-Амин тоже лежал на пуховой перине, на пуховой подушке и в отличие от князя очень хотел уснуть, но подушка казалась жесткой, одеяло каким-то грубым. Все вроде бы очень хорошо у него, вон как принимает его князь, его семья, святым хотят видеть, не только хотят, но уже и думают так. Приятно, конечно, но ведь святому и надо себя вести, как подобает, а Магомет-Амин — молодой, крепкий мужчина, человек любящий пожить «вкусно». Перед ним все стояла и стояла улыбавшаяся сестра князя — Дидана. Улыбалась и не давала ему уснуть... Теперь сам князь, его жена и сестра станут рассказывать в ауле, какой святой человек этот наиб, посланник Аллаха, как он пришелся по душе княжескому дому, но МагометАмин уже понял, что в Абадзехии тфокотли не любят своих родовитых, дворян, и, конечно, князя, предводителя этой знати, не поведешь же сражаться против казаков эту знать, она ничто без тфокотлей. Как тут быть, как примирить их, как

вести себя самому наибу? И опять — Дидана улыбается! Аллах Всемилостивый, Всемудрый, наставь меня на истинный путь, молился Всевышнему наиб, помоги мне служить Тебе, великому шейху Шамилю. О Великий Аллах!

Только под утро уснул Магомет-Амин.

III

После предрассветного намаза из Точежа выехало пятеро всадников во главе с Шекультыром Болотоковым. Ехали они долиной Мамрукочей, минуя абадзехские аулы, и ко времени утреннего чая их было уже более пятнадцати — в аулах присоединялись к князю и его гости провожатые, а к обеду образовался огромный почетный эскорт, и когда он двигался по улицам аулов, ему навстречу выходил и стар и мал, все хотели знать, кого это с таким почетом везет сам князь Болотоков. Одни с восторгом смотрели на важного гостя, приветно кланялись ему, а некоторым счастливчикам удавалось даже поручкаться с ним, но были и такие среди встречавших, которые плевались.

Магомет-Амин не знал, что творится у него за спиной, он только и видел восторженные, благоговейные взгляды правоверных, слышал их приветственные возгласы на протяжении всего пути из аула в аул. И отошли ночные сомнения и тревоги — он приподнимался на стременах, достойно раскланивался, прижимая правую руку к сердцу. Вот только Дидана — нет-нет да и возникала, словно бы шедшая где-то впереди, манившая своей улыбкой. Но слава Аллаху, только изредка, он с легкостью отмахивался от нее, возвращался взглядом к приветствовавшей его толпе правоверных. И ему хотелось скорее сойтись с ними поближе, поговорить, увериться в том, что они — действительно верят ему, считая своим благим провидением.

Правда, Магомет-Амин еще в Кабарде и Беслинее заметил, что не только отделены друг от друга кабардинцы, беслинеевцы, все адыгские племена, но и каждое племя резко разделено: князья, уорки — сами по себе, тфокотли стоят отдельно, а еще ниже — крепостные, не смешиваясь, соблюдая ступени иерархической лестницы.

Неторопливой рысью, идя по взгорью, всадники, вывернувшись из-за скалы, увидели аул, увидели конников, направлявшихся к ним.

— Зиусхан Шекультыр, извини, но я хотел бы спросить?

— Слушаю тебя, хаче.

— Буквально каждый аул шлет нам навстречу всадников. Ты что, всех предупредил?

— Нет, дорогой хаче, этого у нас нет,— с гордостью улыбнулся князь.— Молния, скажем высоко в небе блеснет и в тот же миг ее видят во всей округе. Так же у нас — почетный гость: стоит ему только появиться и об этом уже знают по всей нашей земле. Говорят: гость в доме — счастье в доме, гость в доме — честь дому. Лучшее слово в кунацкой — гостю, лучшее место в доме — гостю, самый лучший, вкусный кусок за столом — тоже ему. Если бы русские пришли к нам гостями, они получили бы здесь от нас все самое лучшее. Видит Аллах, я говорю правду. И это не только моя княжеская правда, а всех адыгов. Ты видишь, хаче, как я раздвинул плечи, с какой гордостью смотрю вокруг себя, это живет во мне гордость, достоинство всех адыгов. Наверно, благодаря вот таким нашим обычаям адыги не исчезли с земли, выстояли, выжили. Правду говорят, шейх: не хлебом единым жив человек.— Впервые Шекультыр назвал Магомет-Амина шейхом.

— Человек жив своей верой,— сказал Магомет-Амин, а потом повысил голос, чтобы его услышали все спутники: — Помните Аллаха Всемогущего и Всемилостивого, только с Ним вы обретете счастье, покой на земле, и в великом царстве небесном вам зачтется ваше добро, ваша вера,— воздев руки к небу, помолился про себя, потом огладив руками бороду.

Все помолились про себя и долго благоговейно молчали, душою предаваясь общению с Аллахом.

— С твоего позволения, зиусхан, я хотел бы сказать несколько слов: ты прав, твои слова о единстве адыгов, о их беспредельной преданности Аллаху — святые слова. Что же касается русско-турецкого соглашения, то сейчас уже все знают — какая это несправедливость. Поддерживают вас англичане, французы, но они находятся далеко, а Дагестан, Чечня — рядом. Они с вами, они ваши братья по вере в Аллаха. Помните об этом, надейтесь на них, только все вместе мы победим гяуров, обретем торжество ислама, свободу нашим народам. Самое опасное в нашем великом деле — сомнение. Ты хорошо знаешь, зиусхан,

если в сердце появится сомнение, страх перед дорогой, то и конь споткнется. Еще мне хочется добавить: я жил в Кабарде и Беслинее, перед тем, как приехать к вам, и скажу — там так же думают о единстве адыгов.

— Это истинно,— подтвердил кто-то из уорков.

— Мудрость и щедрость Аллаха с вами. А что думают по этому поводу тфокотли? — обернулся он к ехавшим сзади.

— Слово, ваше, зиусхан, наше слово,— ответил старший из них.

Подъехали всадники, встретить гостей. Старейший из них, выйдя вперед, обратился к гостям:

— Добро пожаловать, хаче! — в приветствии вскинул он правую руку.— От всего сердца добро пожаловать в аул Джигар, эфенди Магомет-Амин, о котором мы только слышали, а видеть не приходилось. И ты, зиусхан Шекультыр, добро пожаловать пусть каждый твой день длится сто дней, пусть каждый твой гость приносит благополучие и славу в твой дом. Пусть милостив будет к вам Великий Аллах!.. Наш аул — самый большой в долине Кужипса. Мы боялись, что вы проедете мимо нас только потому, что в нем нет родовитых. В мечети уже собрались правоверные и ждут вас.

— Мы знаем, тфокотль Аюб, что в Джигаре нет родовитых, в нашем сердце нет кичливости! — слегка вспылил князь Болотоков, и не сдержав раздражение, спросил: — Разве вы не находитесь под началом Хатырбая Цея?

— Находимся, зиусхан, еще как находимся,— возвысил свой голос тфокотль Аюб.— Хатырбай достойнейший не только долины Кужипса, но и всей Абадзехии. Однако, думаю, сейчас не время и не место меряться знатностью. Добро пожаловать к нам, хаче!

Отступил в сторону Аюб, пропуская гостей.

Рассердила дерзость Аюба князя Шекультыра, рассвирепел, но сдержался. Для Магомет-Амина сдержался и подумал: погоди, я уж этого не забуду!

Что же касается Магомет-Амина, стычка князя и тфокотля обрадовала его, на руку ему это было: он сумеет примирить тфокотлей с князьями, родовитыми, и в этом будет его большая заслуга. Конечно, он будет жить у родовитых, у князей, он будет влиять на них, проповедуя великую истину Аллаха. Тфокотли, крепостные, все адыги

увидят как он влияет на предводителей, как делает их добрее, мудрее, как он подчинит их своей воле, воле во имя великого дела, увидят, поймут и возвысят его. Возможно, и до главы адыгского государства. Даже голова немного закружилась у наиба, и он попытался охладить свой пыл, свою фантазию.

Шекультыр тоже охладил свой пыл и сказал тфокотлю Аюбу, улучив удобную минуту:

— Если ты такого хорошего мнения о Хатырбае Цее, пошли за ним. Совершим вместе полуденный намаз. Как ты на это смотришь, наиб?

— Как скажешь, зиусхан,— улыбнулся наиб, самому себе улыбнулся — вот и примирились князь с тфокотлем, и не без него.

Усмехнулся в усы Аюб:

— Хатырбай — мудрый человек, зиусхан, он уже ждет вас.

— Что же ты молчал! — облегченно воскликнул князь.— А чего же мы тут с тобой затеяли спор, да еще при высоком госте! Это я виноват, моя горячность! — с удовольствием бичевал себя Шекультыр, понимая, что наибу это наверняка понравится.

На просторной площади Джигара у мечети собралось столько мужчин, что, как говорится, яблоку было негде упасть. Повстречаться с наибом, приехали мужчины и из соседних аулов. В сторонке стояли пожилые женщины. Конечно, были здесь и мальчишки.

На минарет поднялся Цей и стал говорить. Его слушали внимательно, согласно кивали головами.

Цей выхватил из ножен свой кинжал, высоко поднял его над головой. То же самое сделали с воинственными возгласами мужчины. Засверкали на солнце клинки.

Молились женщины.

— Мы, абадзехи, пока огонь войны, затеянный русским царем, не опалил соломенные крыши наших домов, не хотели поддерживать справедливую борьбу за свою честь и свободу натухайцев и шапсугов. Мы не хотели слушать призывов Сафербия Зана,— горячо говорил на минарете Хатырбай Цей. Его сильный низкий голос рокотал над площадью, над всем аулом.— Разве это солнце и небо не над всею землею Черкесии, разве мы с вами перестали быть адыгами и забыли честь, завещанную нашими отцами

и дедами. Разве мы будем сидеть со сложенными руками, и спокойно смотреть, как убивают наших сестер и братьев? Тфокотли, мы сегодня должны с вами решить: будем жить тихо и мирно на коленях перед гяурами или пойдем сражаться против ненавистных врагов!

Хатырбай уже хотел спуститься с минарета к гостям, когда раздался тоже сильный, громкий голос:

— Подождите! Я думаю, воевать с русскими — это бессмыслица! Надо помириться с ними и спокойно жить!

Затихла толпа. Затаилась. На мгновение оторопел на минарете и Хатырбай, а потом, грозно возвысив голос, спросил:

— Кто это среди нас стал гяуром?!

— Это я, Мурат, младший сын тфокотля Ахмета,— он вышел ближе к минарету.— Считаю, воевать с Россией, это все равно, что драться с горой камнями, и дело совсем не в том, кто здесь гяур, а кто мусульманин.

— Что за мальчишка тут объявился?! Что за сопляк! Чего вы ждете, тфокотли, почему не заткнете рот гяурскому подголоску! Или нет среди вас мужчин?!

— Подождите, правоверные! — призвал Магомет-Амин и спрыгнул с коня.

Над площадью, над аулом прокатился угрожающий гул, раздался пистолетный выстрел.

Схватившись за грудь, упал юноша.

— Хатырбай, не обращая внимания на убитого, обратился к гостю:

— Добро пожаловать, хаче! Поднимись сюда, пусть послушают тебя абадзехи.

Тфокотль Ахмет с обнаженным кинжалом, провожая взглядом тело сына, увозимое юношами, стоял бледный, с побелевшими губами и налитыми ненавистью глазами. Он бросил скорбные, грозные слова:

— Горе, которое ты сегодня посеял в моей семье, Цей, вернется к тебе...

— Сначала научи сына уму-разуму, а уж потом посылай его на хасэ! — ответил Цей и опять обратился к Магомет-Амину: — Поднимись сюда, дорогой гость, просим. Поднялся Магомет-Амин. Цей поздоровался с ним за руку: — Не обессудь, такое горячее время, такие порядки. Князь Болоток, слезай с коня и иди сюда к нам! Тесновато тут, но ничего, поместимся.

Без особого желания, но не показывая этого, князь Шекультыр поднялся на минарет, глянул на площадь и отшатнулся: бородатые, косматые, с горящими глазами из-под папах, абадзехи стояли большой толпой и грозный гул этой толпы показался ему гулом, кипящей расплавленной лавы, сметающей все на своем пути. Разве можно обвинить кипящую лаву или штормящее море за их неразумность, жестокую мощь, превышающую человеческие силы? Отшатнулся князь Болотоков, устремил свой взгляд на вершины деревьев, тронутые осенней желтизной, на белоснежные горы в осенне-голубом, блеклом небе, думал, успокоит сердце, но нет — резанули его слух женские причитания над телом убитого юноши. Как ненавидел Болотоков в эти мгновения Цея за то, что он стоял над этой стихией, повелевал ею.

А у Магомет-Амина своя тревога, своя забота. О Аллах, как прекрасно начался золотисто-голубой день, с какой радостью и надеждой он ждал встречи с абадзехами, к которым стремился через Чечню, Кабарду, Беслинею. И вот она эта встреча! Вот он народ Абадзехии! Но зачем это убийство! Зачем именно сегодня, в присутствии наиба? Зачем? Видимо, так угодно Аллаху, подумал Магомет-Амин и чуточку успокоился. Он поднял руку, прося тишины:

— Я обращаюсь к уважаемому джамахату, исповедующему ислам, уповающему на волю Всемогущего и Милосердного Аллаха. Ему только ведомо в каком тяжелом положении находитесь вы, абадзехи, дети его,— продолжал Магомет-Амин, чувствуя, как возрастает у этих бородачей интерес к нему, наибу.— Он не оставит вас своим милосердием, но это в том случае, если вы искренне верите ему, молитесь, живите по его заповедям. Предстанем пред Всевышним, помолимся Ему сообща. Аллаху акбар! — Магомет-Амин воздел руки к небу.

Все повернулись лицом к югу, и воздев руки к высокому небу, стали негромко молиться на арабском языке, которого они не знали, и непонятные слова были всего лишь звуками заклинания, звуками великого господнего таинства. Некоторые тфокотли на своем родном языке просили Аллаха не лишить их своей милости, отвести гяурскую пулю от него и от его родных, близких, чтобы он ниспослал адыгской земле мир и покой.

— Фатиха! — воскликнул Магомет-Амин, закончив молитву, огладив бороду.

То же самое сделали и тфокотли.

— Абадзехи! — продолжал наиб.— Всемогущий Аллах смилостивится над нами. А теперь, именем Аллаха, я хотел бы сказать вам, что мне очень больно, видеть как здесь пролилась кровь правоверного мусульманина. Сказал эти слова Магомет-Амин и спохватился: осторожнее надо, а то и вовсе не следует об этом сейчас говорить. Он то ли вопросительно, то ли извиняясь перед князем и Цеем, глянул на них и продолжал: — Но что поделаешь, похоже, так было угодно Аллаху. Парень тот еще такой молодой, можно сказать, совсем зеленый, ему трудно разобраться в том, что происходит в сложной, трудной жизни... Гяурская ересь, что ведьма, может смутить правоверного, если не крепка его вера. Может даже околдовать. То, что случилось с юношей,— это гяурский соблазн, дурман. Это беда, которую принесли на вашу землю иноверцы. Помните, джамахат. Аллах сурово осуждает и наказывает измену мусульманству, измену великой истине! Позор горцу, если он предает свою веру, свою землю, свой народ! Думаю, правоверные, Всемилостивый Аллах простит на том свете грех еще такого молодого, такого неразумного парня. И еще я думаю: не надо, не будем торопиться осуждать того, кто лишил жизни отступника — он это сделал по велению Аллаха... Сегодня, когда адыги находятся в таком тяжком положении, не замутите свои сердца злобой к своему же единокровному брату, к мусульманину. Лучше обратите вашу ненависть к тем, кто принес все эти беды на вашу благословенную землю. Именем Всевышнего предстанем в молитве пред Его лицом, помолимся, попросим Его понять и простить молодого тфокотля, представшего перед Его судом. Откроем свои сердца для добра и милосердия, после полуденного намаза все вместе пойдем к дому покойного, выразим соболезнование его родным и близким. Аллаху акбар!

Молились на минарете, молились на площади у мечети.

Оплакивали покойного женщины на другом конце аула.

Среди мужчин, посетивших дом тфокотля Ахмета, не было Хатырбая Цея.

После выражения соболезнования родным и близким покойного, мужчины стали поодаль, а Магомет-Амин сел на скамейку, раскрыл Коран и стал читать его суры вслух.

Женщины не смогли удержаться и вышли из дома, тесной стайкой стали у крыльца и благоговейно слушали, пока многие из них не расплакались. Услышав женские всхлипы, Магомет-Амин назидательно сказал:

— Аллах не велит плакать, когда читается Коран.

IV

Карбатыр побывал во многих местах Черкесии еще до начала осеннего листопада. Встречался с князьями, родовитыми, с тфокотлями, он говорил с ними о сегодняшнем положении адыгов, советовался, как жить дальше, что делать, и с удивлением отметил, что мать оказалась права, всюду только и говорили о Магомет-Амине, о Черкесии заботились мало. Какой образованный человек этот наиб, говорили они, какой мудрый, человечный, а уж о преданности его исламу и говорить нечего. Темиргойцы почитают Магомет-Амина чуть ли не за пророка.

— Аллах вложил в его уста свою великую истину и направил к нам! Да, да! И адыгскому языку сподобил специально для нас! Храни его Всемогущий Аллах!

Дорога в Темиргойю была сравнительно безопасна. Под дремотный цокот копыт хорошо думалось.

Абадзехи считались несговорчивыми, упрямыми. И как этот чужой человек, из далекого Дагестана сумел стать для них уважаемым, почти святым, как он сумел покорить их сердца? А может быть, и тут права мать, говоря, что адыги веками никак не могли найти среди самих себя умного, достойного предводителя, поэтому им нужен чужестранец. Чужое золото, говорила она, всегда блестит лучше твоего домашнего. Неужели это так? Может, пройдет? Но ходят слухи, будто князь Болотоков отдает свою дочь за наиба. Если это случится, наиб окажется адыгским зятем! Княжеский зять! Уважь его, поклонись этому святому, новоявленному пророку. И будут кланяться бородатые абадзехи! И Хатырбай Цей тоже будет ему кланяться? Очень это интересно.

Вступил Карбатыр со своими сопровождающими на землю Шапсугии и сказал тфокотлю, ехавшему у него справа:

— Мы на своей земле, Трам, поприветствуй ее.

— О, алейкум салям! Да продлятся твои дни, наша светлая Шапсугия, будь счастлива, наша родная земля!

— Эй, Трам, не ори так! Нас могут услышать казаки,— попросил Хапат.

— Ты так боишься казаков, Хапат, а? — придержав коня, улыбнулся Карбатыр.

— Нет, зиусхан, но все же... надо беречься.

— Это верно,— согласился Карбатыр,— но отец мне рассказывал, да я и сам видел, как ты показал казакам свое мужество, как ты пуганул их.

— Видишь ли, зиусхан, Хапат показывает свое мужество, когда его припечет беда,— не то в шутку, не то всерьез сказал Трам и глянул на товарища.

— Если так, тогда не пеняйте на меня.— Хапат привстал на стременах и, сложив трубой ладони у рта, заорал во всю свою глотку: — Э-э-эй, земля моих отцов, моя самая лучшая в мире сторона, здравствуй! Твоя радость — моя радость, твоя боль — моя боль! А на чубатых казаков мне наплевать! Слышите, гяуры — наплевать! Это моя земля, мое солнце!.. Ну что, зиусхан, хватит? Или еще именем Аллаха поклясться?

— Хватит, Хапат, хватит,— дружески смеялся Карбатыр.— Ты и без клятвы напугал все царское воинство.

— Вы так полагаете, зиусхан? — в тон князя, спросил Хапат.

— Да, конечно.

— Мне кажется,— продолжил Хапат,— шапсугская земля уже давно не слышала голоса князя Карбатыра Зана.

— Неправда, я уже поздоровался с родным краем.

— Мы что-то не слышали с Трамом.

— Я не люблю говорить о любви к родине громкими словами, я сердцем с нею разговариваю.

— А мы с Трамом, получается, краснобаи?

— Ну что ты, Хапат! Каждый говорит, как ему хочется. Пожалуйста, я тоже скажу, от всего сердца скажу: я приветствую Шапсугию, Абадзехию, Бжедугию, Убыхию, Темиргойю, Беслинею и Кабарду — всю нашу прекрасную

землю! Да продлит Аллах ее дни! — сильный голос Карбатыра отозвался в лесу, в горах и долинах.

Хапат широко улыбнулся:

— Вот это по-нашему, зиусхан.

— Хорошо, если бы ваше приветствие, ваш призыв услышали и поняли все адыги, на всей земле, и если бы они повторили ваши слова.

— Но вы-то слышите, вы повторите мои слова?

— Да, повторим! — ответили оба спутника.

— И это уже, слава Аллаху! Пусть нас услышат и повторят за нами эти слова как можно больше людей, мы станем сильнее!

Около полудня они въехали в аул Бастук и направились ко двору Хагура.

У коновязи стояло три коня под седлами.

— Что за гости у Хагура? — спросил Карбатыр.

— Кажется, абадзехи,— ответил Хапат.

Трам улыбнулся:

— Кажется. Я могу назвать хозяина того коня, что с краю.

— Ты верно думаешь,— сказал Карбатыр,— это конь, моего тестя, Тима Некраса, значит, мне там делать нечего.

— Однако если мы проедем мимо ворот Хагура, он обидится на нас.

В это время из дома вышел хозяин и восторженно закричал:

— Во-вий, зиусхан Карбатыр, Трам, Хапат, о которых мы часто слышим и которых редко видим. Добро пожаловать!.. Ну?! Вы что, боитесь расстаться со своими конями? Почему не спешиваетесь?

— Тесть. Ведь у тебя гостит мой тесть, Хагур. Как же я войду в твой дом, в твою кунацкую? Ты хочешь, чтобы я нарушил обычай, чтобы встретился и опозорил себя?

Обиделся Хагур:

— Ты решил, что в моем доме нет комнат, чтобы одновременно принять тебя и твоего тестя! Слезай с коня, зиусхан.

Тим Некрас выглядывал в окно, слышал разговор хозяина с его зятем и был очень доволен словами Карбатыра, очень доволен тем, что князь уважал его, чтил традиции старины. Но Тиму Некрасу, тем временем, хотелось и поговорить с ним. Не о себе, не о дочери своей, а о Черкесии,

о ее страданиях. Карбатыр не только мой зять, думал Тим, он предводитель шапсугов и натухайцев, нам надо встретиться, посоветоваться. Тим вышел из кунацкой на крыльцо:

— В такой трудный час, как нынче, нехорошо нам с зятем играть в прятки. Карбатыр, я беру этот грех на себя. Попрошу у Аллаха прощение. У меня к тебе дело. Я заезжал в Куматыр, но тебя не застал. Заходи в кунацкую.

Увидев тестя, Карбатыр соскочил с коня, спрятался за ним, но что теперь прятаться — дело сделано. «У него дело ко мне» — это польстило Карбатыру, и он решительно направился в кунацкую. Не успел там и сесть хорошенько, как на него обрушился град новостей, разных подробностей о Магомет-Амине.

Тим, увидев, что зять не очень внимательно его слушает, спросил:

— Ты, наверно, и без меня наслышан об абадзехских делах?

— Валлахи, не совсем так, но слышал.

— Значит, ты знаешь, что Магомет-Амин живет у Шекультыра Болотокова?

— Знаю.

— И слышал о хасэ, где убили младшего сына Ахмета?

— Да.

Помолчав, Тим добавил:

— Пусть Аллах простит мне, но ведь тот мальчишка договорился до того, что надо помириться с гяурами! И я не осуждаю за гибель того парня ни Цея, ни наиба, ни хасэ.

— Ну и что, если тот парень сказал, давайте помиримся с русскими, не будем проливать кровь? — задумавшись, понурив свою тяжелую голову, спросил Хагур.

— Не говори, Хагур! — воскликнул Тим.— Ты думаешь, с кем собираешься мириться?! С нашими кровными врагами?

— Мальчишка тот говорил: не можем же мы воевать с горою камнями.

— Неужели ты струсил, Хагур, испугался гяуров?! — уже возмущался Тим.

— Не из пугливых я, нет. Просто размышляю.

Озадачился и Трам, с недоумением глядя на Хагура... И Хапат смотрел то на Трама, то на Хагура — хотел что-то сказать, но Карбатыр опередил его, он тоже удивился

словам Хагура, холодное, липкое сомнение возникло у него, однако он сказал сдержанно:

— Видите ли, все дело в том, что русский царь совсем не хочет мириться с нами. Я думаю, нам сейчас не следует обсуждать, что произошло у мечети, просто всем надо стремиться, чтобы такое больше не повторилось. Нас, адыгов, так мало, что потеря даже одного человека уже чувствительна и особенно больно, если кто-то гибнет от пули своего единокровного брата. Как говорил мой отец, князь Сафербий, нам надо всем тянуть оглоблю нашей национальной телеги в одну сторону, в одном направлении.

— Верно, зять! — горячо поддержал Тим.— Если бы князь Сафербий был сейчас здесь, такого бы с нами не случилось. Посмотрите, бжедуги, можно сказать, примирились с русскими, темиргоевцы тоже хитрят-мудрят. Абадзехи позвали кого-то со стороны, чуть не молятся на него, почти пророком называют. Что ж это такое происходит на нашей земле! Позор! А ты знаешь, Карбатыр, что Болотоков хочет отдать свою сестру за того хэхеса-чужака?

— Знаю.

— И ничего особенного в этом не видишь?

— Валлахи, даже не знаю, что и сказать,— Карбатыру было неловко говорить об этом тестю, но пришлось сказать, смягчая слова: — Я не понимаю, как можно отдать сестру за чужестранца. Говорят, абадзехи гордый народ, но где же их гордость? Но наиб мастер читать Коран, красиво говорить, искусно произносить молитвы, и правоверные души в нем не чают, забывая, что он чужеземец. К тому же, наиб молод, красив.

— Выходит, он не женат? — спросил Хапат.

— Выходит,— ответил Трам.

Тим лукаво улыбнулся:

— По-моему, не наиб ухаживает за сестрой князя, а князь Болотоков ухаживает за Магомет-Амином.— Помолчал, ожидая, что на это ответят и потом обратился к зятю: — Ты слышал, будто наиб встречался с англичанином Беллем?

— Нет, впервые слышу,— взволновался Карбатыр, он боялся, что такая встреча может состояться.

— Встречались. Целый день провели вместе.

— И о чем они говорили? — сдерживая волнение, спросил Карбатыр.

— Об этом знают только Берзедж и Цей.

— А Болотоков?

— Его с ними не было,— засмеялся Тим.— Болотоков ведь не такой, как я, он стесняется будущего зятя. Да и наиб уже не живет у него.

— У кого он живет? — еще больше насторожился Карбатыр.

— У Хатырбая Цея. Пока наиб не построится в ауле Джигар, будет жить у него.

— Не знаю,— вслух рассуждал Карбатыр,— зачем приехал к нам этот наиб, он вживается в Абадзехии, встречается с убыхами и англичанами. Ладно, мы с Цеем не ладим, но почему Берзедж все это скрыл от меня? Что здесь затевается?

— Я гляжу, этот хэхес доберется и до французов, до турок, а то и до немцев,— тоже как бы вслух размышлял Тим Некрас, потом, словно опомнившись, сказал: — Валлахи, Хагур, славно мы посидели-поговорили. Пора гостям и отдохнуть с дороги, а нам пора отправляться домой.

Перед тем, как уехать, Тим подозвал Карбатыра и тихо сказал:

— Хатырбай Цей хочет встретиться с тобою.

— Когда? — крайне заинтересованно спросил Карбатыр.

— Когда скажешь.

— Скажи, я приеду в следующую пятницу.

Нехорошо было на душе у Хагура.

А тут еще — луна и звезды!

Луна была такой большой и яркой, какой он, кажется, никогда не видел. Звезды тоже были очень яркими и перемигивались, будто сговариваясь о чем-то недобром.

Все небо с горьким упреком смотрело с вышины.

Говорили, сын почтенного Ахмета, Мурат, был красивым мальчиком — большеглазым, светлолицым и очень добрым.

Старый Халид, узнав о беде, сказал:

— Они не только Мурата убили, а и его детей, внуков, правнуков.

— Э-э,— раскуривая трубку, горестно вздохнул Хагур,— говорят, что князья и уорки сильно печалятся о своем народе, о его счастье радеют. Неправда это — они заботятся

о своей важности, о своем гордом имени и о возвышении над людьми, а не судьбой каждого соплеменника озабочены. О Великий Аллах, неужели Ты дал людям разум, чтобы они не понимали друг друга, речь, чтобы они не слышали друг друга? Ведь в подлунном мире все люди — Твои дети, значит, братья и сестры. Научи их, о Всемогущий, обходиться друг с другом без кинжалов. Всех научи — и адыгов, и русских.

Петух прокричал, возвещая полночь.

Ветерок повеял, будто вздохнула земля.

Наиб сразу же понравился Джеймсу. Бывают такие счастливые случаи, когда два человека даже в короткой беседе легко и просто открываются друг другу. Тут важны, конечно, схожесть характеров, вернее, не схожесть, а слаженность одного с другим, ум, уровень знаний и воспитания, но главное — общность целеустремления, которая в определенном смысле была у англичанина и наиба.

Они понимали один другого, как говорится, с полуслова, разговор у них складывался живой, интересный. Беседуя о русско-турецко-адыгских отношениях, нередко так увлекались, что забывали о присутствии третьего собеседника — Джирандука Берзеджа, который сначала сдерживался, делал вид, будто все ждет, как надо, молча, в одиночестве нажимая на хмельное. Лишь изредка вставляя свои слова, но они никак не относились к политике, к адыго-русским отношениям.

— Валлахи, мне не нравится, как вы едите, как пьете,— говорил он, наполняя бокалы хмельным.— Женщины так старались, готовя для вас еду, а вы обижаете их. Давайте выпьем. Скажи, Джеймс, какой-нибудь тост, из тех, которым тебя научили адыги. Из тех, каким ты научился у моего друга Сафербия Зана. Ты, наиб, не сердишься на нас за то, что мы пьем хмельное, а? Я думаю, этот напиток, сделанный из проса, ничего, Аллах не сочтет его очень уж грешным? А ты как полагаешь, Джеймс? А-а, я и забыл, что вы молитесь другому Богу,— засмеялся Джирандук.— Но знаешь, Джеймс, наш Бог,— это огромное светило! Я верно говорю, эфенди?

— Аллаху акбар, он всеобъемлющ,— согласился Магомет-Амин.

— Конечно, Джирандук, разве можно сравнить нашу святую веру с их верой,— наиб понимающе улыбнулся Джеймсу, вернее, как бы просил правильно понять его, образованного человека.— Нельзя даже сравнивать нашего Всевышнего, он несравним. Думаю, наш гость Джеймс не обидится на нас.

— Ну, что ты скажешь на это, Джеймс, а? — с превосходством глядя на него, спросил Джирандук.

— Наиб, вероятно, прав, Джирандук. Это естественно — верить в своего Бога, быть ему беззаветно преданным.

— Да, да,— согласился Магомет-Амин,— у всех народов хоть и разная вера, а Бог один на всех.

— Да, Бог один на всех,— утвердительно кивнул головой англичанин.— Да будет щедрой Его милость.

— И у русских, которые грабят нашу землю, тоже?! — удивился Джирандук.

— Да, князь, ответил Магомет-Амин,— без ведома и воли Аллаха ничего не свершается на свете. Что же касается хмельного напитка,— старался сменить разговор наиб,— то, хотя он сделан из божьего продукта, не надо слишком им увлекаться.

— Валлахи, это верно! — Джирандук отодвинул от себя бокал.— Мой старый друг Сафербий Зан то же самое говорил мне... Вы совсем плохо едите, дорогие гости.

Магомет-Амин несколько раз слышал добрые слова о Сафербие Зане: «Зря мы не послушались Сафербия», «Обидели мы такого умного шапсуга!», «Он так заботился обо всех нас». Правда в Абадзехии и Убыхии были и такие, которые не поддерживали Зана. Шамиль, отправляя Магомет-Амина сюда, советовал познакомиться с Сафербием Заном и склонить его на свою сторону. Сколько лет уже прошло, как он уехал в Турцию, подумал наиб, а люди все помнят его.

— Валлахи, Джирандук,— что-то твой друг застрял в Турции,— запустил разговор Магомет-Амин,— а он здесь куда нужнее, чем там.

— Во-вий, конечно, здесь нужнее,— черные глаза Джирандука заискрились.— Сафербий не по своей воле живет на чужбине. Джеймс, как ты думаешь? — И не дожидаясь ответа, добавил: — Такого человека держат взаперти!

— Здесь не только турки виноваты,— вставил слово Белль.

— А кто еще?! — не унимался Джирандук.

— Русские.

— Так русские ж и турки —враги! — озадачился князь Джирандук.

— Между врагами тоже есть свои маленькие тайны.

— Ты посмотри, что он говорит, наиб!

— Да, зиусхан, в словах Джеймса есть правда.

— Россия, чтобы покорить Кавказ, готова пойти на некоторый союз, а точнее сказать, сговор с Турцией, что и происходит в самом деле. Россия сейчас ведет политику завоеваний. Гигантские территории Сибири, Дальнего Востока. Конечно, это не нравится Англии, Франции, Австро-Венгрии, Германии, Китаю.

— О Всемилостивый Аллах, почему Ты не покараешь гяуров!..— начал было наиб.

— Что же вы совсем не едите, дорогие гости?! — это Джирандук все-таки вмешался в серьезный разговор и прервал его: — Куда запропастился Цей? Странный человек Хатырбай, оставил всех нас за столом и куда-то ушел. Может, ушел к длинноволосым женщинам и болтает с ними?

— Нет, зиусхан,— ответил один из прислуги,— Хатырбай среди тфокотлей во дворе.

— Что он там делает?! — возмутился Джирандук.

— О гяурах речь ведет.

— С тфокотлями?! А что они смыслят в этом! Поди позови его. Вот уж человек этот Цей, медом не корми, дай только поболтать с тфокотлями.

V

Прежде чем поехать на встречу с Хатырбаем Цеем, Карбатыр побывал в натухайских и шапсугских аулах, повстречался с муртазиками, богатыми и просто влиятельными тфокотлями, узнал о их настроении.

Угасал осенний багрянец леса, все вокруг — и поля, и холмы становились уныло-серыми и будут такими, пока их не обрадует своей яркой белизной снег.

— Интересно, что хочет от нас Цей, зачем он назначил эту встречу! — обратился Карбатыр к ехавшему справа от него Хагуру. Тот ничего не сказал. Карбатыр глянул на Трама, тот тоже промолчал.

Дремотно цокали копыта коней.

— Что же вы молчите, друзья?

Ты думаешь, Цея что-то беспокоит в наших делах? — спросил Хагур.

— Тогда зачем же он ищет встречи со мной?

— Если бы его что-нибудь тревожило, если бы мы ему были очень нужны, сам бы к нам приехал,— ответил Хагур.

— Пожалуй, ты говоришь дело,— поддержал его Трам.— Думаю, тут что-то другое. Хитрость какая-то. И опять долго ехали молча.

— Может быть, нам повернуть домой? — вопросительно глядя то на одного, то на другого своего спутника, спросил Карбатыр.

— Нет, зиусхан, ни в коем разе! — решительно возразил Хагур.

— Не дело, пустившись в дорогу, поворачивать обратно с полпути. Мы уже в Абадзехии, повстречаемся со здешними людьми, поговорим, расспросим, узнаем, что к чему: а потом уж и решим. Да и слово ты дал, зиусхан, не будешь же ты его нарушать!

— Нам надо обязательно порасспросить, как они относятся к наибу? Может, все, что мы слышали о нем — только байки,— сказал Трам.

Карбатыр довольно улыбнулся, он своим вопросом всего лишь испытывал друзей.

— Спасибо вам. Истинные друзья не дадут споткнуться и осрамиться. Шапсуги те еще присматриваются, прислушиваются к наибу, а абадзехи, говорят, каждое его слово на лету подхватывают, считают святым... Похоже, хитер, как змий, этот чужак, а наши друзья абадзехи — просты и доверчивы.

Трам сомнительно глянул на князя, покачал головой:

— С твоего разрешения, зиусхан, так скажу: далеко не просто все это, абадзехи тоже доверчивы до какого-то предела.

— Если бы, Трам, это было так. Но они такой дом наибу построили, такую пышную свадьбу сделали, столько подарков дорогих нанесли в его новый дом, что давно такого не видели, даже своим родовитым не устраивали такого.

Засмеялся Хагур:

— Богу молится, кричит Аллаху акбар, во двор к нему бычка ведут или полный воз кукурузы въезжает, опять

кричит — Аллаху акбар. Ладно, пусть — не жалко чужого добра, придет время, абадзехи поймут что к чему. Обидно другое: когда к единению всех адыгов призывал князь Сафербий Зан, они его не слушали, а какой-то дальний дагестанский чужак очаровал их. Эти несчастные думают, он оборонит их от гяуров. Все мы, адыги, такие, не лучше абадзехов — что имеем не ценим, умнейшему своему человеку Сафербию Зану не доверились, а перед чужаком стелемся.

Всадники миновали долину Шахе, направились к устью реки Шхагуаше. От реки потянуло свежестью. Справа и слева в ночной предрассветной темноте показались робкие огоньки — это женщины готовятся к грядущему дню.

Мычат коровы, блеют овцы, брешут собаки, и, конечно, горланят петухи.

Скоро утро. Смиренное осеннее солнце не разогреет землю, но даст ей свет.

Раздались выстрелы! Другой, третий! И смолкли, стреляли у берегов Кужипса.

Злее залаяли собаки. Насторожились всадники, попридержали коней. Но тишина уже не нарушалась и они тронулись дальше.

За ближним перевалом вдруг заливисто послышалась музыка, рассыпалась дробь трещотки.

— Что это они ни свет, ни заря гулять начали,— удивился Трам.

— Должно быть — свадьба! Что же еще! — весело воскликнул Хагур, будто ехал на это веселье.

— Похоже,— прислушавшись, согласился Карбатыр.— .Что будешь делать, там стреляют, а здесь веселятся.

Вскоре показалось солнце. Сначала над холмом, над самой его темной гранью возникла кайма яростно-вишневого цвета, потом эта кайма стала как бы подниматься, растворяться в сером небе, поджигая его, даже не поджигая, а обращая в золотисто-торжественный храм для грядущего солнца. И оно явилось, и неторопливо стало подниматься над холмом, над всею землей.

Лишь только краешком выглянуло солнце, Хагур спешился, воскликнул:

— О великий наш Бог — шапсугское светило! Да будут вечно над нами твое тепло, твой свет, твое милосердие!

Карбатыр и Трам тоже спешились и стали славить светило, просить, чтобы оно помогало людям обильными дождями вырастить урожай: пускай старики доживают в покое и почете свой век, пусть счастливы будут дети, пусть, как весенние сады, расцветают и хорошеют девушки, женщины, а мужчины становятся все мужественнее.

Вдруг у них над головами просвистели пули, справа послышались винтовочные выстрелы.

Карбатыр и его спутники взлетели в седло, чтобы принять бой.

Невдалеке на той стороне, вдоль берега реки стояли шестеро всадников. Это они стреляли, а теперь размахивая шашками, свистели, хохотали.

— Эй, шапсуги, молитесь своему богу-солнцу?! — крикнул всадник на русском языке, придерживая своего коня.

— А ты откуда знаешь, что мы шапсуги?! Сукин ты сын! — возмущенно прокричал Трам.

— По тому, как сидите, на конях,— передразнил всадник по-шапсугски и захохотал.

— Погодите! — вскричал Карбатыр.— Это, кажется Руфат Некрас, это его голос.— Пришпорил коня, вскочил на берег реки.— Эй, Руфат! Ты что свистишь? Или забыл, как нас зовут?!

Руфат от неожиданности и смущения едва удержался в седле, но быстро справился со своим замешательством и по-русски ответил:

— С изменником русского оружия не желаю разговаривать!

— Это ты продал свое сердце гяурам, нечестивец! — ответил Карбатыр по-адыгски, а потом продолжил по-русски: — Это ты изменил родной земле. Ничего, когда-нибудь удар моей сабли напомнит тебе об этом!.. Ты, нечестивый бездельник, хотя бы спросил о своей матери. Она бедная вся слезами изошла.

Руфат сделал вид, что не слышал последних слов Карбатыра, дал шпоры коню.

— Чего бы я не дал, чтобы привезти Руфата на спине моего коня в аул! — зло сказал Трам.

Нурмагомет промолчал, а через некоторое время проговорил:

— Не пойму, что с нами происходит?!

— О чем ты? Думаешь с дороги мы сбились? — спросил Трам.

— Я не об этом. Как мы живем, как жить дальше? До чего мы дошли! Война и война. Днем и ночью, на всех дорогах...

— Если ты сокрушаешься о Руфате,— начал Карбатыр,— я так тебе скажу: он живет как слепой щенок. Хуже того, подпевает тому, на чьей телеге едет. Слепец он! И нечего сокрушаться, нечего жечь свое сердце.

— Ты так думаешь, зиусхан?

— Да, Нурмагомет. Ты думаешь иначе?

— Я скажу,— робея, начал Нурмагомет,— но прошу вас, если мои слова вам не понравятся, простите, пожалуйста. Мне обидно, зиусхан, что мы не можем жить в мире с Россией, не умеем договориться с ней, проливаем кровь...

Карбатыр не переставал хмуриться, и у него болела душа:

— Моему отцу тоже было обидно. И Хан-Гирей с этой болью покинул этот мир. Мне тоже обидно, Хагур. Очень обидно и больно. А ты как полагаешь, Трам?

Не сразу ответил Трам:

— Валлахи, верно,— поддержал Карбатыра Трам,— и зиусхан Сафербий, и Хан-Гирей хотели мира с Россией, хотели счастья для адыгов, но ведь ей нужна земля наша, а не мы.

— Но земли без людей не бывает,— горячился Хагур,— надо было только хорошенько договориться обо всем с ними.

— Но она не хочет в нас видеть хозяев нашей земли, значит, надо заставить ее это увидеть! Собраться всем адыгам в единый кулак! И турки, и англичане помогут нам!

— Это только слова, а адыги будут расплачиваться своей кровью.

— Ты неправ, Нурмагомет, уже прибыли к нам английские представители.

— Да! — не унимался Хагур.— Джеймс краснобай, мастер втихоря ухаживать за нашими вдовушками. Надо искать дорогу примирения с Россией.

— Искать дорогу примирения, чтобы потом сказали о нас, что мы испугались, пошли на уступки!

— Что ж, мудрый человек может уступить,— заметил Карбатыр,— только неумный идет напролом, лбом пытается пробить стену.

— Валлахи, не понимаю! — возмущался Трам.— Идти на мир с теми, которые напали на нас?! Забыть кровь наших людей?!

— Не забыть, а не допустить, чтобы пролилась еще большая. Это ведь так просто и понятно! — настаивал Нурмагомет.

— Просто? Понятно? Не поймут этого тфокотли, не поймут!

— Если царские войска уйдут обратно, на правый берег Кубани, мы помиримся с ними,— как бы про себя, как бы не слыша возмущения Трама, проговорил Карбатыр.

— Да не уйдут они, я в этом уверен,— сказал Нурмагомет.

— Тогда это будет уже дело, их вина и ответственность за кровь,— сказал Карбатыр с безнадежностью.

— Правильно, зиусхан! — восторжествовал Трам.— Не уйдут они, тогда мы им покажем!

Хагур хотел возразить князю и Траму, но не стал далеко заходить. Ему не хотелось напомнить им лишний раз о своем русском родственнике, о котором так много судачили да и сейчас идут пересуды о том, как тайно он выдал Тайсуру замуж за Ракитова, и подавил в себе все. Эти же тревожные думы сдержали Хагура, и он не посмел спросить тогда на берегу реки Руфата Некраса, в каких краях теперь его зять и сестра. Не смог он пересилить свое желание, и только жадным взглядом проводил уходящих всадников. Нурмагомет погладил гриву коня, теплую шею и почувствовал от этого облегчение.

Впервые у Хагура зародилась мысль о необходимости примирения с Россией, когда они вернулись с Трамом из Турции. И то, не сразу, а спустя время, увидев то, что происходило в Черкесии, увидев слезы матерей и детишек, кровь и пожары. В Турции и потом здесь он понял, что для Турции, Англии, Франции, и Австро-Венгрии, Черкесия — всего лишь объект их политической игры. Многие говорят о том, что Турция ближе всех Черкесии, их объединяет ислам. Но что толку от этого — адыги носили амулеты с молитвами из священного Корана, а русская

пуля, русская шашка все равно делает свое дело, не обращая внимания на этот самый амулет. Хагур думал, когда адыги поклонялись своему Богу Солнцу, все у них было хорошо, спокойно, а когда изменили ему, все и пошло наперекосяк, Солнце обозлилось на адыгов за их предательство. Зачем адыги поменяли свою веру? Асланбеч Хаджемуков тоже так считает, да и не один он, многие из адыгов против ислама...

Трам тоже ехал в глубокой задумчивости. Слова Хагура у него не выходили из головы, но обиды на Нурмагомета не было. Разговор есть разговор, думал Трам, всякое бывает. Зиусхан тоже едет молча, тоже думает, может, терзается словами Хагура.

А может, просто дремлет?

Не дремал Карбатыр, просто ехал с прикрытыми глазами, так думалось лучше. Все еще слышались ему слова Руфата, об измене царской присяге, о примирении с Россией. Измена всегда дурно пахнет, тем более для офицера. А для князя?!

— Что там происходит?! — воскликнул Хагур, когда они с холма увидели в верховье Шхагуаше множество людей.

Трам привстал на стременах, пристально всматривался вдаль:

— Может, мы попали на абадзехское хасэ? Или тревога какая? Беда случилась?

— Да вроде бы не должно быть ничего особенного,— сказал Карбатыр и, пришпорив коня, стал спускаться с холма, направился к толпе, соблюдая предосторожность. И своим спутникам дал рукою понять, мол, осторожнее, будьте начеку.

В самом же деле, недалеко от аула Джигар, в долине Мамрукочей происходил суд. Судили Юсуфа-эфенди. Выступило шесть человек, и теперь ждали, что скажет Магомет-Амин.

Вскипая бурунами, билась о берега река, словно пытаясь вырваться на простор из своего тесного, угрюмого ложа. Оттуда, из голубого поднебесья, где она родилась, виделись ей эти просторы, эти красивые поля и луга, река стремилась на свободу, а оказалась в неволе сжатая берегами — вздымалась волнами, бурлила, кипела...

На берегу сидел связанный по рукам и ногам Юсуф-эфенди. Над ним стояли угрюмые люди, стражи, а перед ним — людское море, оно было еще спокойным.

Шестой оратор говорил возмущенно, угрожающе поблескивая глазами из-под косматой папахи:

— Я согласен со всеми, кто выступал передо мною: в этот трудный для всех нас час не можем жалеть предателя.— Он поднял свой большой, корявый палец.— Клянусь тем же, чем поклялся посланец Всемилостивейшего Аллаха наиб Магомет-Амин. Твое оружие — наше оружие, посланец божий!

Карбатыр впервые видел наиба. Он выделялся в толпе не только лицом и статью, но прежде всего белой чалмой. Черкеска на нем сидела так ладно, будто ее специально выдумали для него. В его взгляде, остром, пронзительном, в манере держаться строго, с чувством собственного достоинства и превосходства была уверенность и незаурядная сила. Хотя священнослужителям не следует носить оружие, Магомет-Амин был вооружен пистолетом и кинжалом, в руках держал плетку со свинчаткой на конце.

Осмотрев внимательным образом Магомет-Амина, Карбатыр стал искать Хатырбая Цея. Не нашел его ни в центре круга, ни в стороне от него, удивился и стал еще раз внимательно осматривать собравшихся. Не было нигде Хатырбая Цея. Странно.

И вообще все показалось странным Карбатыру...

На середину круга быстрыми, твердыми шагами хозяина вышел Магомет-Амин, Карбатыр сказал спутникам, кивнув головой:

— Это и есть тот самый Магомет-Амин.

— Видный мужчина,— заметил Хагур.

— И кажется, считает себя очень важным,— сказал Трам.

— О божьем посланце грех такое говорить! — бросил на Трама испепеляющий взгляд рядом стоящий с ним верховой тфокотль.

— Валлахи, брат, я ничего дурного не думаю о наибе,— извинительным тоном сказал Трам.

— Погодите, дайте послушать наиба! — не то попросил, не то потребовал Карбатыр.

Став позади Юсуфа-эфенди, воздев руки к небу, Магомет-Амин воскликнул:

— Аллаху акбар! — и стал шептать молитву, изредка выкрикивая «аллах», «фатиха».

А сзади него связанный Юсуф-эфенди хотел встать и помолиться, но стражники не разрешили. Поднимаясь и падая, эфенди просил:

— Люди! Вы же мусульмане! Развяжите мне руки и дайте помолиться пред лицом Аллаха! Прошу вас, не грешите и не позвольте мне согрешить!

Магомет-Амину надоела эта возня, он рассерженно обернулся к стражникам, бросил:

— Заткните рот предателю!

Джабег и Тумэн подскочили к Юсуфу-эфенди и заткнули ему тряпкой рот.

— Аллаху акбар! — продолжал молитву Магомет-Амин.

Благоговейно глядя на «посланца Аллаха», молилась и толпа, шепча про себя непонятные арабские слова.

— Аминь! — закончил молитву наиб.

— Аминь! — прокатилось над долиной выдохом сотен абадзехов.

Магомет-Амин продолжал:

— Верно здесь говорили тфокотли, джамахат. К предателю нет жалости, и быть не может. Пусть этот тфокотль или родовитый, а хоть и сам князь, если он предает свою землю, веру за медный или золотой пятак, не может у нас вызывать жалости, сострадания. Мы сейчас переживаем такое время, когда все, как один, должны быть твердыми, бдительными! Тот, кто не с нами, тот наш заклятый враг. Юсуф-эфенди снюхался с гяурами, опозорил веру и Великого Аллаха, осквернил своим предательством всех нас. И наш суд совершенно правильно поступил, приговорив этого подлого отступника к смерти! Сбросьте его в реку!

Джабег и Тумэн подхватили Юсуфа-эфенди, привязали к его шее камень, подвели к обрывистому берегу. Юсуф не мог стоять, осел, судорожно двигая ногами.

— Вытащи из его рта тряпку,— приказал Джабег Тумэну,— пусть он орет, пусть услышат его друзья-гяуры.

Нечеловеческий вопль исторгся из Юсуфа-эфенди. Его бросили в реку.

Толпа кинулась к берегу...

Магомет-Амин переговаривался с двумя стариками, подошедшими к нему. Он добродушно улыбался им, говорил что-то приятное, будто ничего дурного не происходило

в эту минуту, будто он не слышал страшного вопля. Да и старики, кажется, были счастливы, что сам наиб так уважительно разговаривает с ними.

— Пока все заняты этим зрелищем,— сказал Карбатыр,— давайте тихонько уедем.

— Надо бы хоть поздороваться с наибом, ведь нас видели,— сказал Хагур.

— А кто он такой этот чужак, чтобы его приветствовал князь,— ответил Хагуру Трам.

— Может быть, ты и прав, Трам.

Выехав из долины на взгорье, Карбатыр и его спутники заметили несколько всадников, догонявших их.

— Остановимся, подождем,— сказал Карбатыр,— а то подумают, что мы убегаем от них.

— Вы посмотрите, несутся, как угорелые,— проворчал Хагур.

— С добром они или с худом? — озаботился Трам.

Карбатыр, словно не замечая озабоченности друзей, сказал:

— Ох, какие добрые кони у абадзехов. Красавцы!

Догнали их абадзехи. Карбатыр и его сопровождающие повернули своих коней им навстречу.

Старший из абадзехов подался на корпус коня вперед:

— Нас послал за вами Магомет-Амин. Наиб в обиде на тебя, князь.

— Почему, чем я его обидел? — слегка играя, удивился Карбатыр.

— Такой известный человек, как Карбатыр Зан, о котором кругом говорят много добрых слов, проехал мимо аула наиба, не погостив у нас.

— Передайте наибу: мы находимся в пути, вовсе не собирались заезжать в аул. Это первое. Второе, наиб из Дагестана прибыл к вам в Абадзехию не сегодня и не вчера. Он знает землю шапсугов, натухайцев, знает, где живет сын князя Сафербия Зана, Карбатыр. Передайте ему, поприветствовать человека никогда не поздно. Всего вам доброго, абадзехи!

— О, алейкум салам! Передадим все в точности, зиусхан! Счастливой вам дороги!

Солнце уже пряталось за снежные вершины гор, когда шапсугские всадники достигли окраины аула Джигар, а

пока ехали, Карбатыр все думал о Магомет-Амине, как тому чужаку удалось так быстро завоевать власть над недоверчивыми, осторожными абадзехами. Вон до чего дошло — они убили по его велению своего эфенди, своими руками! Да, такой власти, как у него, нет ни у кого из адыгов — ни у Берзеджа, ни у Хаджемукова или Цея. Белая чалма сыграла важную роль? Но ведь мы тоже строим мечети, хорошо их оборудуем...

Карбатыр настолько увлекся своими мыслями, что чуть не заговорил вслух, но спохватился:

— Чего же вы, шапсуги, молчите?

— А о чем говорить, зиусхан,— оживился Хагур,— мы уже приехали в аул Джигар.

— Вижу,— ответил Карбатыр.

— Когда мы поднимемся вон на тот пригорок, увидим в низине дом Хатырбая,— сказал Трам.

— Хорошо, если он дома, а то ведь может его и не быть,— высказал свое сомнение Карбатыр.

— Как это не дома? — удивился услышанным словам Трам.— Он же сам назначил встречу, обязан ждать.

— Но его почему-то не было на суде,— продолжал сомневаться Карбатыр.— Не случилось ли чего?

— Не было, я это тоже заметил, зиусхан.

— Хатырбай не из тех, кого обделяют вестью. На суде был, как говорится, весь цвет Абадзехии, а Хатырбая не было. И странно, и немного подозрительно.

— Да, зиусхан,— осторожно вставил свое слово Нурмагомет,— не было почему-то там и еще одного достойного абадзеха — Тима Некраса.

— Да, не было,— согласился Карбатыр,— я тоже искал его глазами и не находил. Иностранца тоже не видел.

— Как же, был Джеймс,— сказал Трам.

— Он стоял слева от наиба,— уточнил Хагур.

— А что же вы мне не сказали?

— Мы думали, ты видишь, зиусхан.

— А Джеймс видел нас, как вы думаете? — спросил Карбатыр.

— Видел,— уверил Хагур.— Если бы он нас не заметил, то за нами не послали бы.

— Верно,— согласился Карбатыр! — у Джеймса глаз цепкий и зоркий.

Джигар не очень большой аул — дворов триста, а если смотреть на него с холма, то он кажется совсем маленьким, так близко расположились друг к другу турлучные мазанки, крытые соломой, сараи для скота, так сплетены были изгороди, витиевато лежали неширокие улицы. Небольшие огороды. Только и выделялись в ауле дом Хатырбая Цея да мечеть с минаретом.

Поднимая пыль, брели с пастбищ табун лошадей, стадо коров и отара овец.

Муэдзин с минарета звал правоверных на вечерний намаз.

Старики, сидевшие на завалинках, на лавках у ворот, приподнимались, приветствуя гостей.

— Добро пожаловать!

— Милости просим в наш дом! Подъехали путники к воротам Цея. Увидел их хозяин, выскочил из дома, на ходу надевая папаху, принесенную ему прислугой:

— Добро пожаловать, дорогие гости, да продлит Аллах ваши счастливые дни! Валлахи, Карбатыр, давненько я тебя не видел. Больше года, наверно, не виделись. А год — это срок порядочный. Я уже стал забывать твое лицо. Ну, как ваши дела? Здорова ли мать, мирно ли в ваших аулах? — торопился с приветствиями и вопросами вежливости Хатырбай.

— Благодарю. Мать здорова. А вот насчет мира... Его уже нет на нашей земле, Хатырбай. Куда бы не пошел, всюду натыкаешься то на крепости, то на казачьи станицы.

— У нас в Абадзехии так же, зиусхан,— печально ответил Хатырбай.— Прежнего мира нет и в помине. В трудное положение попала земля адыгов. И кто только к нам не лезет! Русские, турки, англичане, а теперь вот еще и дагестанцы! Каждый хочет стать хозяином на нашей земле. А что твой отец, князь Сафербий? Сколько он там будет еще? Он очень нужен здесь. Так и передай ему. Ждем его, все ждут его.

— Зиусхан Сафербий — мужественный человек, настоящий адыг, но Аллах нас не оставил и другими мудрыми, мужественными людьми,— сказал Хагур, привлекая внимание к себе и Траму.

— Во-ви-ий, муртазик Хагур, как же это я проглядел тебя за разговором с князем! И тебя с приездом, тфокотль Трам... Добро пожаловать в кунацкую. Валлахи, как я рад,

Карбатыр, твоему приезду, Тим сдержал свое слово, выполнил мою просьбу. Я говорю о твоем тесте, Карбатыр. Он сейчас сидит у меня. Когда ему сказали, что ты едешь, он ничуть не смутился. Вы что, уже встречаетесь с ним? — Цей сделал вид, будто ничего не знает о их взаимоотношениях.— Проходите.

— Да, Хатырбай, встречаемся.

— И правильно делаете, скажу я вам. В такой трудный час это не грешно. Аллах говорит: страждущий может прервать даже намаз и уразу. А разве мы не страждующие! И выхода из нашей беды не видно. Как на павшего коня слетаются всякие стервятники, стаи воронья так и чужаки к нам налетели.

Гостям подали тазики и кумган, пока умывались, Карбатыр все размышлял над словами Цея. Не ожидал Карбатыр такого отношения от Хатырбая к Магомет-Амину. Не были на суде Цей и Тим Некрас, значит, что-то между ними произошло. И к англичанину — неприязнь. А вот об отце вдруг заговорил он с уважением и почтением... В свое время Цей и Болотоков были резко настроены против Сафербия, им совсем не нравилась идея единения всех адыгов, они жаждали своей самостоятельности, свободы, а теперь, видите ли им понадобился князь Сафербий Зан.

Очень интересно, что же они задумали, в чем не сошлись с Магомет-Амином и Джеймсом.

Хатырбай, хорошо выпив, захмелел, и заговорил хозяйским тоном:

— Извини меня, зиусхан, думаю, и твои спутники не обидятся, что я пригласил сюда в кунацкую тфокотлей. Тим, ведь мы живем в стране тфокотлей, верно я говорю? — и он расхохотался.

Хагуру и Траму эти слова не понравились, но они сделали вид, будто все хорошо.

— Валлахи, Хатырбай,— сдержанно начал Карбатыр,— шапсугская земля не княжеская, а тфокотльская семья. Разве плохо вот так дружно сидеть за одним столом, чувствовать братское плечо, не опасаться, что тебя кто-то обойдет, обманет, предаст. Что из того, что я князь? Не будь наших тфокотлей, не будь моих друзей, разве я мог бы быть тем, кем являюсь? Да и что это за князь, если нет народа, которому он нужен? Даже самый великий пол-

ководец — ничто без войска, а войско это и есть они, наши тфокотли.

— Валлахи, зиусхан,— вздохнул Хатырбай,— к сожалению, я не могу сказать такого об абадзехских тфокотлях. В этом году они, как говорится, раскрыли себя. Так я говорю, Тим?

— Да что там — раскрыли! Они просто взбесились,— не стесняясь резкости, сказал Тим.

— Мы это заметили на сегодняшнем суде. Что ж это творится,— возмутился Карбатыр,— будто черная туча затмила белый свет, будто Аллах отнял у них рассудок.

— Вот так мы и живем,— уныло согласился Цей.— Этот наиб совсем испортил наших тфокотлей. О Великий Аллах, верни им разум, пошли им Свою любовь, Свою великую истину. Ладно, хватит говорить об этом чужаке, слишком много чести ему будет. Выпейте, поешьте хорошенько с дороги, гости наши дорогие. Что там у вас, как живете? От убыхов уже давно ничего не слышно. Берзедж совсем позабыл нас.

О Боже, сколько вестей каждый день с утра до вечера ходит-бродит по земле адыгов, и одна горше другой. Конечно, люди не перестали играть свадьбы, пить хмельное, есть вкусную огневую еду, но на каждого веселящегося адыга теперь приходится два, а то и три скорбящих. Шьют девушкам, молодым женщинам красивые одежды, да носить их теперь почти не приходится — траур в каждом доме, ауле. Громкий смех теперь кажется неприличным, даже оскорбительным. А как же иначе, если почти дня не проходит, чтобы не стреляли, не убивали.

Люди все больше начинают понимать, что дальше так жить нельзя, надо остановиться и погасить огонь войны. Но как? Правда, ходят разговоры, что скоро придет к нам помощь из Англии, Турции, Дагестана. Но это всего лишь слухи, пыль, которую носит ветер по всей Черкесии.

До самого вечернего намаза продолжался этот разговор. Но о том, зачем Цей пригласил Карбатыра, речи не было. Сам же Карбатыр все время тревожно думал, как сказать Тиму о встрече с Руфатом, как смягчить этот удар.

И все-таки решился:

— Я хочу сообщить тебе, Тим, радостную весть: Руфат жив и здоров, мы сегодня с ним повстречались.

— Откуда взялся этот негодник! — стараясь сдержать свое волнение, но, бледнея, сказал Тим.— Говорили, он погиб в Дагестане. Мать давно его оплакала.— Тим взял себя в руки, бледность спала с его сурового лица: — Он что, вернулся из-за Кубани, перешел к своим? — с надеждой спросил он.

— Нет,— с сожалением и горечью ответил Карбатыр,— носит царские погоны.

— Вот как...— обреченно произнес Тим и опустил голову.

Скорбная тишина поселилась в кунацкой. Никто не решился нарушить ее. Карбатыр заговорил вновь, страдая за своего друга и жалея отца:

— Он спрашивал, беспокоился о вас.

— Беспокоится, паскудник? — взорвался Тим.— Если беспокоится, почему не идет в отчий дом, к матери своей?! Сучье вымя он, а не сын мой! Снюхался с гяурами, опозорил меня на всю Черкесию! Хотел бы, ух, как хотел бы я сейчас видеть его перед собой!

Нехорошо поступил, осуждал себя Карбатыр, зачем сказал отцу о его сыне-предателе, Хагур же с Трамом промолчали. Лишнее, несдержанное слово иногда может ранить человека не хуже пули.

Пытаясь как-то исправить неловкость, возникшую в кунацкой, хозяин дома стал рассказывать разные забавные истории аула Джигар, но веселья не получилось.

— А в Джигаре справляют чапщ[1],— вставил кто-то из тфокотлей.

— У кого чапщ, что с ним случилось? — спросил Тим.

— Парня одного на том берегу Лабы ранили казаки.

— Надо сходить к нему, проведать его.

— Хорошо,— охотно поддержал тфокотлей Цей,— сходите, а мы с зиусханом и Тимом задержимся на часок, а потом тоже придем. Только никому не говорите, что придем, а то народу много соберется — ротозеев всегда хватает.

У адыгов много своеобразных, интересных традиций и обычаев — один из них чапщ.

Горяч воин в бою, не знает ни страха, ни боли, только одна смерть и может его остановить. Но тяжело раненный, оставшийся наедине со своей болью, нуждается в помощи и поддержке. Разве может мужчина осрамить себя стонами?

[1] Ч а п щ — развлекательные игры у постели больного.

Конечно, есть у адыгов народные врачеватели, знают какими травами, настоями и мазями успокоить боль, да не всегда они помогают. И тогда приходят к постели раненого друзья по оружию, приходят поддержать его метким словом, веселой песней и пляской. Никто никого специально не зовет к больному. Сами приходят сюда люди по зову сердца. Это и есть адыгский чапщ.

— Рассказывают, твой отец Мос Хагур был великим мастером у постели больного,— сказал Трам Нурмагомету, когда они подошли к порогу дома, где справляли чапщ, где была наковальня с молотком — может быть, передалось тебе его мастерство? Покажи-ка, повесели больного, облегчи его боли.

Тфокотли почтительно расступились перед гостями. Взял Хагур молоток, поиграл им перед всеми, как бы похваляясь своей удалью, и ударил! Да так ударил, что старая, видавшая виды, наковальня запела простенькую, но такую душевную мелодию, родившуюся где-то в глубине веков, что все застыли в приятном и в то же время благоговейном удивлении.

И раненый, услышав песню наковальни, заулыбался.

— Мастер, мастер, достойный сын своего известного отца! — восхитился Трам.

— Волей Аллаха больной обязательно поправится,— громко, торжественно сказал Хагур.— Пусть прекратятся страдания больного, пусть больной снова будет крепким и могучим, каким был раньше, пусть он выздоравливает на радость всем нам и на страх врагам нашим!

— Да сбудутся твои слова, хаче! — поблагодарил старший из присутствующих.— Добро пожаловать в дом.

Хагур подошел к больному и, будто они были давними друзьями, запросто обратился к нему:

— Ты что же, брат мой, болеешь, что ли? — Он прикоснулся к нему, погладил.— Негоже мужчине валяться в постели. Друзья заскучали по тебе.

— Я тоже так думаю, старший, а вот нога не повинуется,— улыбнулся раненый.

— Это как же? Твоя нога и не повинуется тебе?

— Не повинуется, даже ругает меня, зачем, говорит ты позволил гяурской пуле обидеть меня.

— Пуля догоняла тебя или летела навстречу?

Больной сначала не понял намека, а потом сообразил и снова улыбнулся:

— Пуля озлилась на меня, старший брат, за то, что я не показал ей свою спину.

— Это другое дело. Молодец! Как тебя зовут, брат мой?

— Канамет.

— Красивое имя! А меня — Нурмагомет, из Хагуровых я. А со мною рядом — Трам.

— О, я слышал о вас добрые слова. Будьте у нас как дома,— наклонил голову Канамет.

— А где же цельдао? — обратился ко всем Хагур.— Или у абадзехов такого не бывает?

— Не обижай нас, Хагур. Цельдао у нас есть, а крепки ли у тебя зубы? Принесите-ка наш цельдао, посмотрим на этого удальца! — распорядился старший.

Принесли крепкую, как камень, круглую лепешку, подвесили на веревке на таком уровне, чтобы стоя на коленях, можно было достать ее зубами.

Опустился на колени Хагур:

— Ну, кто тут самый смелый из абадзехов, подходи!.. А-а, мой друг, это у тебя самые крепкие во всей Абадзехии зубы? — спросил он у бородача.

— Мои зубы, хаче, больше привычны к мясу,— ответил тот, ухмыльнувшись.

— К мясу?! А зачем ты сел к цельдао? Ты очень рискуешь, мой друг!

— Видишь ли, хаче, нам часто к мясу не хватает в горах хлебушка, так что мы с удовольствием его едим. Не жалей мои зубы хаче, раскачивай цельдао!

— Вы слышали, что он говорит? — сверкая очами и подмигивая девушкам, сгрудившимся в углу, продолжает шутить Хагур.— Если он лишится зубов, пусть пеняет на себя, на свою самоуверенность. Начнем, что ли!

— Не засучивай штаны в версте от брода, соперник мой, раскачивай, да так чтобы свистел цельдао.

— Тогда лови, смельчак! — Нурмагомет подтягивает к себе висящую на веревке лепешку, вроде бы собирается его крутить, но это только обманное движение.— Э-гей! Погоди, дружище! Сначала покажи, есть ли у тебя зубы! Мои вот они, погляди!.. Видел? То-то! Они не только эту несчастную лепешку, а дуб вековой могут одолеть!

— А вот и мои! Смотри! — абадзех раскрывает рот, обнажая крупные, как добрые тыквенные семечки, зубы.— Мои зубы все в муку перемелют. Давай!

— Ого-о! Вот это рот! Да тебе, уважаемый, нет нужды грызть эту лепешку, ты можешь проглотить ее целиком. Да и я горазд. Нынче нас в кунацкой Хатырбая уморили голодом, так что лови! — Но это опять только обманное движение.— Погоди, погоди! Ведь я не знаю твоего имени, как же мы будем состязаться?! Меня зовут Нурмагометом, шапсуги кличут Хагуром.

— О, алейкум салам, хаче! А меня абадзехи зовут Мышежем. Как, похож я на старого медведя, а?

— На старого? Нет, на молодого! — смеется Хагур.

— Значит, и зубы молодые, крепкие. Берегись! И сдается мне, хаче, что ты не по заслугам носишь такое красивое имя и такую почетную фамилию.

— Э-э, да ты совсем еще зеленый, Мышеж! Разве не знаешь, что почетную фамилию дают только почетному человеку, а красивое имя — красивому.

— Пусть будет по-твоему, но меня уже беспокоит, что ты слишком долго заставляешь стоять меня на коленях, протирать последние штаны. Крути и раскачивай!

— Не беспокойся, если я проиграю, куплю тебе новые штаны. Держись, Мышеж!

Соперники, сложив руки за спиной, стали толкать один другому лепешку. Каждый старается ухватить его ртом, но она, тяжелая, крепкая, как камень, бьет и по усам, и по щекам, и по лбу, а больше всего достается губам.

Хохочут мужчины, жалостливо повизгивают девушки!

И больной сначала улыбается, а потом, развеселившись, и вовсе хохочет, будто у него и нет никакой боли.

Состязание идет на равных.

Одна часть болеет за Мышежа, а большая часть — за гостя. Гость он и есть гость, что бы он ни делал.

— Погоди-ка, Хагур! — вскричал Мышеж, показывая кусочек откушенной лепешки.— Дай мне спокойно съесть этот кусок. А если тебя и в самом деле в кунацкой Хатырбая морили голодом, я готов поделиться с тобой.

— Ты добрый человек. Спасибо.

С улицы донесся перезвон наковальни.

Это пришел Хатырбай Цей со своими гостями.

Хатырбай не хотел рано будить гостей, пробывших у постели больного до поздней ночи, однако Карбатыр, не успев хорошенько уснуть, пробудился и лежал, обуреваемый мыслями.

Он думал о Хатырбае Цее, Магомете-Амине, князе-Болотокове и, конечно, о всей Черкесии, ее судьбе.

Он видел, что наиб исподволь, осторожно заводит дружбу с родовитыми абадзехами, обворожил железного Цея, нашел опору у зажиточных тфокотлей, а через них у всех остальных. Даже сам князь Болотоков гордится тем, что именно к нему обратился наиб Шамиля, посланник самого Аллаха. Он так увлекся наибом, а главное, его обещаниями помощи, которая грядет из Дагестана, что забыл, кажется, свое княжеское достоинство. Это же надо было настолько ослепнуть, думал Карбатыр, чтобы отдать какому-то безродному чужестранцу свою дочь, построить для него прекрасный дом и позволить возвыситься над всей Абадзехией, и поселиться, можно сказать, в столице Абадзехии, в Жагуфе — подальше от темиргоевских князей и от казаков. Потом этот святоша тихонько перезнакомился со всеми влиятельными людьми Беслинеи, Темиргойи, Убыхии. Вот только таится от шапсугов и бжедугов. Что у него на уме, какие планы? Противопоставляя ислам христианству, морочит голову главным образом тфокотлям, а они идут за ним, и, кажется, готовы за него в огонь и в воду. Вчерашний суд показал эту одержимость. И если дело дойдет до чего-нибудь серьезного, то на стороне наиба будет вся сила. Родовитые да князья могут только командовать, а драться и умирать, конечно, будут тфокотли.

Понял это Хатырбай да и Болотоков не настолько глуп, чтобы не видать, как его зять взял бразды правления в свои руки, но что они теперь могут сделать! Вот и вспомнил Цей шапсугских Занов — Карбатыра, Сафербия. Оказывается, подумал Карбатыр, и среди нас есть такие, которые сначала сделают дело, а уж потом думают, ломают голову.

Чуть забрезжил рассвет, Карбатыр поднялся с постели, наскоро умылся, и, расстелив коврик из козьей шкуры, став лицом к югу, взмолился:

— Бисми Лахи рахмани рахим...— Держа сложенные руки перед грудью, он шептал молитву, припадая к земле.

Просил Всевышнего ниспослать Черкесии свою милость, обрушить гнев на ее врагов, изгнать гяуров с ее земли. Потом он захотел поделиться с Аллахом своими сомнениями насчет наиба, он оробел, подумал, не его дело вмешиваться в дела всевышнего.

Едва Карбатыр повесил на место коврик, как в комнату вломился, словно медведь, Хатырбай.

— Доброе утро, зиусхан.

— Доброе утро, Хатырбай.

— Как спалось в нашем доме?

— Спасибо, хорошо. Только что помолился Всемогущему Аллаху.

— И что Он тебе сказал, Карбатыр?

— Не понимаю тебя.

— Спрашиваю: что сказал тебе Всемогущий Аллах, когда ты предстал перед ним.

— Опять не понимаю. Я просто молился Ему, просил Его благодати, благодарил за Его милость, а что ты имеешь в виду?

Нахмурился Хатырбай, плечи сдвинул, как бывает, когда человек принимает важное, может быть, даже рискованное решение:

— Мне не верится, что наиб Магомет-Амин — Божий посланник. Просто этот чужак заморочил головы абадзехским тфокотлям. Он краснобай, пустослов.

— Валлахи, не знаю! Вам виднее — посланник он или самозванец. Вы приняли и обласкали его в Абадзехии, тфокотли ваши любят его, а я только вчера увидел впервые его, слова не молвил с ним. Вы и решайте.

— В таком разе, зиусхан, я повторяю то, что говорил вчера.— Поднялся Хатырбай, заполняя собой всю комнату.— Никакой он не посланник Божий. То, что он делает никак не связано с Божьим промыслом. Он просто дурит нам головы! Дагестанский наиб — самозванец. Аллах не может послать человека на беду своему народу.— Хатырбай сложил перед грудью руки, поднял взор к небу, стал про себя шептать: — О Великий, о Всемогущий Аллах, знай, Магомет-Амин обманывает Тебя, не с добром он пришел к абадзехам. Смилуйся над нами, о Великий, Всемудрейший и Всемогущий. Этот самый Магомет-Амин не признает адыгских князей, хотя и стал зятем князя Болотокова, избегает родовитых, заигрывает с тфокотлями,

чтобы с их бунтарской силой возвыситься над всей Черкесией! — Цей, завершив молитву, обратился к Карбатыру: — Вот так у нас дела обстоят, зиусхан. Как говорят, пришла чужая собака и прогнала со двора хозяйскую... Давай, Карбатыр, подумаем над тем, как вызволить из Турции зиусхана Сафербия.

Слава Аллаху, наконец, вспомнил о моем отце, вздохнул Карбатыр.

VI

Сафербий Зан, числясь в турецкой армии, фактически был не у дел и жил в пыльном городке Эдирне, правда, пользовался всеми благами старших офицеров.

Жил, как говорится, в достатке, вольным человеком. Встречаясь с приезжавшими из Черкесии, проводил с ними время, пил хмельное, попросту говоря, напивался, плакал в тоске по родине. Он был вроде бы свободен, кроме одного — не имел права покидать Эдирну. А в самом деле находился под бдительным надзором турецких властей. Потому что русский царь боялся, что он вернется в Черкесию и возглавит там национальное движение. В Черкесии уже поняли, что князь Сафербий был во многом прав, призывая адыгов к единству, и жалели, что не понимали этого раньше. Теперь ждут в Черкесии князя Сафербия Зана, надеются на него.

Царю докладывали с кем встречается черкесский князь, о чем говорит. Казалось бы в довольстве и покое жил князь Сафербий: спи хоть круглые сутки, гуляй праздно по городу, не думай о еде, о вине, об одежде, всем тебя обеспечило турецкое государство, даже золотые погоны повесило на плечи. Но о своей многострадальной родине можешь ты только мечтать, тосковать по своей жене, по сыну, по шуму горной речки, по вечно-белым вершинам гор, по пляскам и песням. Волен ты, князь, напиться вина и плакать, сколько тебе захочется.

Едут адыги на Ближний Восток, в Германию, Албанию, а хоть и куда дальше поглядеть на белый свет, волен князь Сафербий встречаться с ними у себя в Эдирне, слушать родные песни, смотреть на черкески и кинжалы, на газыри, волен обнять каждого из них, услышать родные запахи и

опять не стесняясь плакать. А чего стесняться, если постарело могучее тело, ослабло сердце, глаза не держат слез...

Зимой Сафербий тайно получил письмо от Карбатыра. Привезли несколько месяцев назад, и с тех пор он не расставался с ним. Не было радостных сообщений в том письме — все беды и беды, пожары да кровь, жгучая безнадежность. Читал и перечитывал Сафербий письмо, думал и думал...

Вот и сегодня перечитал, особенно строчки о Магомет-Амине: «Всего лишь два года прошло, как появился наиб Шамиля в Абадзехии, но успел сделать очень многое. Сначала сблизился с родовитыми, внушил им, что он — посланник Божий. С их помощью покорил души тфокотлей, а потом отошел от родовитых и, предводительствуя тфокотлями, устанавливает свои порядки. В мечетях, построенных в основном на средства богатых, он, в сущности, не дает им рта раскрыть. Наиб сам выбирает из тфокотлей муртазиков, членов суда, сам организовывает войско, назначает командиров. Тфокотли в нем души не чают и говорят, что сделают его правителем Абадзехии, а то и всей Черкесии. Тфокотльское войско собирается напасть на Шапсугию, Бжедугию. Наиб говорит, что он скоро поднимет всех адыгов на священную войну с русским царем. Правда, теперь родовитые одумались, и хотят вернуть тебя из Турции. Мы сделаем все необходимое, ты только сообщи, каким путем и когда. Турция нам не помощник. Возвращайся!..»

Прочитал и опять разволновался, подошел к шкафу, где стояла выпивка, но не посмел открыть дверцу. Нет! Не надо, не будет пить! Надо думать, решать и решаться.

— Посмотрите,— вслух сказал Сафербий,— мы озабочены были борьбой с чужестранцами, а тут вот он, ближний сосед уже прибирает к рукам адыгов! Куда же мы смотрели с Хан-Гиреем? Выходит, не в ту сторону смотрели. Ох, уж эти абадзехи, я им все объяснял, увещевал их! Но как об стенку горохом, а теперь — пожалуйста! Е-во-вой, несчастный ты адыг, куда идешь, сам не знаешь, и что за мысли бродят в твоей буйной голове!

Сафербий ходил по комнате взад-вперед, будто загнанный. Смотрел на узкую, грязную и пыльную улицу, а видел родные горы, долины. В глазах темнело от волнения, гулко стучало сердце.

Все-таки выпил рюмку вина.

Тепло пошло по телу, а на душе все равно — печально. Ему пошел седьмой десяток, какой он теперь воин, какой предводитель?! Аллах Всемилостивый, за что мне такое испытание, в чем грех мой перед Тобой, перед родимой стороной! — горько спрашивал он.

Подошел к платяному шкафу, достал свой офицерский мундир, с ненавистью посмотрел на него:

— И ты виновен в моих бедах, и ты погубил меня! — и Сафербий швырнул его на тахту.

Пришла длинная зимняя ночь. И всю эту бесконечную ночь Сафербию снился сон. Даже не сон, а некое видение. Ведь сон приснится и отойдет. Сафербий так и решил сначала — сон. Карбатыр и Магомет-Амин стояли друг против друга с обнаженными кинжалами. Сияли эти кинжалы, излучая яркий, слепящий свет, а он, Сафербий, стоял между ними и не знал, что ему делать, как спасти Карбатыра, как победить Магомет-Амина?

В холодном поту проснулся Сафербий. Долго потом не мог уснуть, а когда уснул, снова увидел тот самый сон... И так было до утра. И день, и другой, и третий его донимал этот странный сон. Ничего не хотелось делать, даже с постели вставать, так и лежал бы расслабленно и бездумно.

С трудом он пришел в себя. Конечно, надо домой, но как? Выйти в отставку, да турки не соглашаются на это — хитрят. Знают, что если дадут ему отставку, он волен делать что хочет, может, нарушив запрет, уехать из города. А если находится на службе? Тогда он не волен в себе, он давал присягу и будет рассматриваться как дезертирство, отдадут под суд военного трибунала. Турки болтали о своей помощи адыгам, англичане, французы говорили, будто уже шли корабли с их военной помощью! Но где они сейчас?! Конечно, если Россия вмешивается в дела европейских государств, они тут как тут, потому что это их кровный интерес, а какие-то черкесы их не волнуют. Они не станут защищать чужие интересы, а только свои. Так, так! Долго они водили меня за нос, долго я им верил! Как дальше жить, кому верить, на что надеяться?!

Сафербий вспомнил бумагу, которую он послал в Черкесию шесть лет назад, в конце 1844 года. Читали ее на хасэ, в кунацких пошумели — русские у себя, адыги у

себя. И что? До сих пор его послание используют при случае, как кому выгодно. Правда, Сафербий несколько раз по поводу своего письма встречался тайно с представителем России, с консулом Ващенко. Встречался, много говорили, но так Сафербий и не смог понять, чего хотел этот консул. Интересно сейчас бы с ним встретиться, поговорить, что думают о Черкесии в петербургских кругах. Однако практическую пользу он видел во встрече с Магометом Солохуром, Измаилбеем Хрозером и другими близкими, в известной степени, людьми.

Сафербий нашел предлог для поездки в Стамбул. Выйдя из дома, направляясь к фаэтону, услышал:

— Счастливого пути, князь!

К нему спешил с тросточкой в руках Ващенко.

— Я услышал, что вы направляетесь в Стамбул и поспешил к вам с просьбой: если не трудно, князь, передайте это письмо Измаилбею Хрозеру. Вы, наверно, будете с ним встречаться? А если не будете, отдайте в Стамбуле в любое почтовое отделение, а уж они сами переправят по назначению.

— Не знаю. Наверно, не буду встречаться с Хрозером,— скрыл свое намерение Сафербий,— но мне не трудно выполнить вашу просьбу. Какие у вас новости?

— А какие у нас могут быть новости, если они все на виду, во всех газетах расписаны.

— О вас нынче ничего хорошего в газетах почему-то не пишут.

— Правда, князь, ничего хорошего не пишут.

— Валлахи, мне очень жаль. Россия, великая страна, а ведет себя недостойно.

— Вы имеете в виду черкесские дела? — насторожился Ващенко.

— Нет, о другом говорю. О том, что Россия пролила кровь в Австро-Венгрии. До свидания. Когда вернусь, поговорим и об адыгских делах, а теперь только и скажу: мы ведь самые близкие соседи с Россией, а эта великая держава ведет себя и по отношению к нам весьма недостойно. До свидания. Еще я жалею, что с царем вашим так и не встретился, это могло быть очень полезным для двух народов.

Сафербий пробыл в Стамбуле пять дней.

С утра занимался служебными делами в военном министерстве, а во второй половине дня, до глубокой ночи был занят адыгскими делами.

В первые два дня встречался с Магометом Солохуром и с Измаилбеем Хрозером.

В первый же день отдал Хрозеру письмо Ващенко. Тот прочитал его, удивленно поднял брови:

— Ты знаешь, князь, что здесь написано?

— Скажешь, так буду знать.

— Русский царь беспокоится о тебе.

— Каким образом? — сдерживая подступившее волнение, спросил Сафербий.

— Если ты мог бы помирить адыгов с Россией, то тебя отпустят домой.

— А если не смогу? — Сафербий пристально посмотрел на Измаилбея.

— Ну, тогда ты там не нужен.

Засмеялся князь, затряслись его щеки, уже обмякшие с годами, а потом стал серьезным и с достоинством сказал:

— Если бы я не нужен был там, разве его императорское величество стреножил меня в Турции. А?! Знаешь, чего я не пойму, Измаилбей? Зачем Ващенко попросил меня привезти тебе это письмо, разве он сам не мог мне сказать, что сказал ты? Валлахи, эти русские почти ничем не отличаются от нас адыгов своей прямолинейностью. Однако, может быть, тут есть и иной смысл? Зачем он тебя в эту игру вводит?

— Валлахи, не знаю. Наверное, просто доверяют мне?

Сидевший тут же Солохур усмехнулся:

— Вы, очевидно, никак не можете понять хитрость, тайные побуждения иностранных послов.

Измаилбей тоже усмехнулся:

— Куда нам до вас! Мы — так себе, а вы — дипломаты!

Солохур сделал вид, что не слышал иронии Измаилбея и продолжал:

— Да, дипломаты приучают вас к своему образу мышления... Рано или поздно, Сафербий, и сам Ващенко у тебя спросит ответ на это письмо. А пока таким образом он дает тебе возможность все хорошенько обдумать, обсудить со своими друзьями, с тем же Измаилбеем, со мной.

— В таком случае, брат мой, я скажу вам без дипломатии, открыто о своих ближайших намерениях. Позволит

мне русский царь или не позволит, хочет он этого или нет, но я больше не намерен жить в чужой стране, ждать, как говорят, у моря погоды. Я готов вернуться на родину, хоть сегодня, хоть сейчас! Я полностью доверяю вам, а потому и не скрываю своего намерения, противоречащего планам русского царя.

В комнате установилась напряженная тишина, как бы взрывная, опасная.

Почувствовал это Сафербий, засомневался в правильности своего поступка, спросил:

— Что с вами, что случилось?

— Не торопись, зиусхан. Никогда не следует торопиться,— задумчиво ответил Измаилбей, глядя куда-то в сторону.

— Я не спешу, Измаилбей, однако и сидеть дальше со связанными руками больше не намерен. Вы разве не слышали о событиях в Абадзехии?

— Слышали, конечно,— ответил Солохур,— очень хорошо, со многими подробностями знаем.

— Так как же мы можем позволить какому-то самозванцу хозяйничать на нашей земле, дурить голову несчастным, доверчивым абадзехам?

— Извини меня,— послышался голос в дверях из соседней комнаты,— что я со своим женским умом вмешиваюсь в ваши мужские дела.— Это вошла Хури-ханум.— Извините, но сейчас адыгский вопрос для всех самый важный.— Она отвела в сторону полу длинного, в золотую искорку платья и присела на краешек стула у двери.— Я, насколько мне позволяет мое скромное положение женщины, поддерживаю Измаилбея. И вот почему. Адыгские села сегодня выглядят совершенно иначе, чем они выглядели вчера. Порукой этому события, происходящие в Австро-Венгрии и Польше. Англия и Франция поддерживают Турцию, завтра Эдирнское соглашение окажется пустой бумагой. Ты, князь Сафербий, сам это хорошо знаешь.

— Валлахи, Хури,— скептически, но достаточно вежливо улыбнулся князь, чтобы не показать, что ему это женское нравоучение чрезвычайно не нравится,— вероятно ты совершенно права в своей глубокой мысли, но это политика, а я человек военный и ко всему подхожу с военной точки зрения. Кроме этого, и это, должно быть,

главное у меня, не могу я дольше видеть, как не только русский царь, а и какой-то пришелец наиб, понукает моим народом. Может быть, это старость меня одолевает, зовет, тянет меня на родину, к могилам предков, но я не могу больше оставаться здесь.

Хури улыбнулась мужу, мол, что делать, не обращай на эти слова особенного внимания:

— Покойный Хрозер-паша, Сафербий, был много лет прикован к постели, но старости не поддавался, а ты ведь выглядишь просто молодцом, у тебя еще столько сил и энергии!

— Верно,— поддержал жену Измаилбей.— Тебе грех думать о старости, зиусхан... Я тебе скажу: сейчас для Турции открывается очень благоприятная перспектива, а над Россией все больше сгущаются тучи. Сюда в Стамбул приехала группа людей, активно борющихся против России. Они из Австро-Венгрии, Польши. Приняли мусульманство и вступили в турецкую армию. Впрочем, ты все это, должно быть, и сам знаешь.

— Не знаю,— пожал плечами Сафербий,— в Эдирне я об этом ничего не слышал.

— Скоро к нам сюда должен прийти один из них. Мы вас познакомим. Он очень интересуется адыгскими делами.

Так и было, где-то через полчаса вошел широкоплечий, стройный молодой человек, лет двадцати пяти. Он с достоинством поклонился:

— Теофил Лапинский, из Польши. Здесь меня зовут Тефикбей...

— Ты помогай Сафербию,— сказала Хури мужу в спальне,— кроме Зана в Черкесии нам не на кого опереться.

— А нынешний предводитель абадзехов Магомет-Амин?

— Князь прав. Он чужак для адыгов, и в один прекрасный день они выпроводят его. Нет, я не говорю, что мы вообще не можем на него рассчитывать. Надо вести тонкую игру, надо опираться и на наиба, и на Берзеджа, и безусловно на Занов. Только так мы сможем добиться своего на адыгской земле.

— Возможно ты права, дорогая, но ведь Черкесия — это многочисленные, разрозненные племена. Сумеем ли мы объединить их?

Хури приподнялась, села и стала забавляться курчавыми волосами мужа:

— Мой дорогой, мы говорили об этом не единожды. Уже ясно, не сегодня-завтра мир между Россией и Турцией рухнет, если уже не рухнул. Военные, как говорится, уже приводят в боевую готовность оружие, уже шелестят картами России, рисуют на них будущие удары... Ты помнишь, что на днях говорил Уркварт? Или забыл? А он с твердой уверенностью говорил, что Англия и Франция обязательно станут на сторону Турции. Вот тогда Россия попляшет. И еще, мой дорогой, кого из полководцев пошлют в Черкесию? Как ты думаешь?

— Думаю, того, кто лучше всех знает Черкесию.

— Ты прав, милый! Конечно Сафербия Зана. А когда выиграем войну, кого поставят над адыгами?

— Сафербия?

— Нет! — с досадой возразила Хури.

— А кого же? Разве Сафербий Зан не адыгский князь?! — удивился Измаилбей.

— Да, князь, да — адыгский! Но ведь он уже стар. Сам признался, что стар и прочее.

— Не знаю,— растерялся окончательно Измаилбей.— Карбатыра Зана?

— Он не богат, а такого нельзя по-настоящему уважать.

— Я тогда отказываюсь угадывать.

— Если отказываешься, я сама вынуждена назвать будущего правителя Черкесии.— Она кокетливо помолчала, улыбнулась, а потом сказала: — Это приемный сын Хрозер-паши, Измаилбей Хрозер! Из княжеского рода!

— Ну-у-у! Это слишком! Как ты могла до такого додуматься, дорогая!

— Твое богатство поможет тебе добиться всего, чего ты захочешь.

— Мы не можем так поступить перед памятью Хрозер-паши.

— Победителю все прощают, не прощают только побежденному,— и она звонко рассмеялась.

Окрыленный разговором у Хрозера, Сафербий отправился обратно в Эдирн.

Военные, с которыми встречался он, уже не скрывая, говорили о близкой войне. Турецко-русские отношения,

что называется, трещали по всем швам. Газеты только об этом и писали. Осложнились отношения России с ее европейскими соседями, а также и с Англией. Особенно усердствовали патриоты Австро-Венгрии и Польши.

Ты погляди, что они пишут, воскликнул Сафербий, держа в руке газету. Турция не должна была дарить Черкесию, а России не следовало брать чужое, тем более, против воли хозяев той земли. Это пишет некий Карл Маркс, немец! Спасибо тебе, немец. Думают-таки люди, слышат боль адыгов, сочувствуют. Слава Аллаху. Вот и венгры, и поляки на нашей стороне. Даже прислать свои военные отряды нам в помощь обещают...

Вспомнился ему поляк Теофил Лапинский, мадьяр Янош Банья, готовые помогать адыгам. Вспомнилась и не по-женски самоуверенная и властолюбивая Хури-ханум.

Хури-ханум, о Аллах! Надо же быть такому! Даже при самой отчаянной фантазии не вообразить того, что произошло в моей жизни, думал Сафербий. Судьба. Как она бывает жестока и причудлива. Это же надо — столкнула в таком серьезном и даже отчаянном деле меня с грехом моей горячей и неразумной молодости. Умом, красотой, почти мужскою силою в Занов пошла, наша горячая кровь в ней гудит. О Аллах, каким только испытаниям Ты не подвергаешь детей своих. Через унижения, обиды, страдания Ты привел эту маленькую, с виду хрупкую женщину к такой вершине. Сколько в ней силы, настойчивости и смелости! А дерзость какая! Конечно, не без ведома Аллаха она стала женой Хрозера-паши. Потом женой его приемного сына! И еще расспрашивала меня о Траме, где он, что с ним?.. Ты, Сафербий, в грехе родил ее, и она живет грешной жизнью, твоя кровь в ней бродит, хотя ты ее и не воспитывал. Она — твоя дочь, Сафербий...

И еще подумал Сафербий о Траме: что бы он мог предложить этой умной, красивой, богатой, женщине? Мазанку, пропахшую навозом и кукурузной кашей, убогий очаг в своем тфокотльском доме?

VII

Новый, 1853 год, не в пример предыдущим, не принес России покоя, мира и побед. Больше того, Турция, поддер-

жанная Англией, Францией, поднимает голову, ищет повод для открытого конфликта с Россией.

И внутри самого российского государства тоже неспокойно — поляки, финны, дряхлеет крепостничество, бунтуют крестьяне, требуют свободы...

Сафербий Зан давно живет на чужбине, оторванный от родного края. Пока Турция, по просьбе России, держит его в почетном плену, в Черкесии объявился противник куда опаснее Зана — Магомет-Амин. Как быть, что делать? Нашелся в России человек, который решил эту проблему довольно оригинально: решено было Сафербия Зана вернуть в Черкесию, столкнуть его с Магомет-Амином. Чем кончится эта схватка между ними, предсказать не просто, главное, чтобы она состоялась. Князь Сафербий Зан — человек образованный, бывший офицер русской армии, а Магомет-Амин ставленник Шамиля, фанатик. Это серьезные противники. И еще одно обстоятельство: Карбатыр Зан уже стал довольно влиятельной фигурой в Черкесии. Разумеется, он будет поддерживать отца, а это тоже немаловажно.

С согласия царя, была разработана такая операция: в Стамбуле должен был заняться Заном посланник Титов, сделать все необходимое, чтобы князь согласился вернуться домой, а в Закубанье должны подыскать хорошего знакомого, может быть, даже друга Зана, который бы написал князю в Турцию, позвал бы его домой, возглавить движение адыгов за свободу. И как только будет получено согласие князя, поручить наместнику Кавказа организовать его переезд. Начальник штаба Кавказской армии Воронцов написал командующему Черноморской береговой охраны генералу Дебу письмо с просьбой высказать свое мнение по поводу означенного дела. Офицеры командующего собрали материал о положении в Черкесии и составили следующую фирман-бумагу:

«...Земли, принадлежащие Сафербию, лежат в окрестности так называемого Сафербиева редута, близ Анапы. Часть их занята пахотными полями закубанских поселян, другая — находится в произвольном владении соседних горцев. Крестьяне Сафербия, до 100 семейств по удалению его, оставили свои жилища и расселились между соседними племенами. Имя Сафербия было в большом уважении у горцев и служило оружием для недоброжелателей России.

Возвращение Сафербия на родину искренним намерением действовать в пользу русского правительства и ко благу своих одноплеменников могло бы иметь последствия благоприятные для нас, но если в его предложении скрываются враждебные замыслы, то от него должно опасаться вреда, как от неприятеля. Услуги Сафербия могут заключаться только в нравственном влиянии его на соплеменников. На восточном берегу Черного моря для самого Сафербия невозможно составить партию довольно сильную для того, чтобы поднять оружие в пользу своего предводителя и стать в рядах русских против своих соотечественников, а между тем он, как враг русских и защитник своего племени, может увлечь к единодушному восстанию против нас племена северо-восточного Кавказа. Без надежного ручательства в благонамеренности Сафербия опасно возвращать его на родину, тем более, что нельзя было ни собрать его крестьян, ни отдать ему обратно земель, необходимых для закубанского поселения. Находим полезным переселить Сафербия в Керчь, куда могла бы быть доставлена его семья. Приличное содержание связало бы личные его интересы с нашими выгодами. Присутствие его в наших пределах отняло бы у противников наших возможность пользоваться его именем при враждебных происках их в горах. Имея в своих руках семейство Сафербия и, удостоверяясь в искренности его добрых намерений, можно бы со временем допустить его войти в сношение с горцами, и это произвело бы на них сильное, благоприятное для нас впечатление...»

Кандидатуру для сношения с Сафербием Заном не пришлось долго подыскивать. Граф Воронцов вспомнил, что Газар Серебряков учился вместе с Заном в Ришельевском лицее в Одессе, что они вместе служили в русской армии, что Серебряков хорошо владеет адыгским языком и до сих пор поддерживает связь с черкесскими племенами.

Граф разговаривал с Серебряковым напрямую, без обиняков:

— В Черкесии сложились наши дела таким образом, что господин Сафербий Зан сейчас более необходим здесь. Как вы на это смотрите, адмирал?

— Я уже много раз говорил, граф, Сафербия Зана давно следовало вернуть в Черкесию,— тоже напрямую сказал Серебряков.— Если вы помните, он уже несколько лет

назад писал в своей записке о путях примирения черкесов с нами.

— Я понял вас, адмирал, и письмо князя Зана хорошо помню, внимательно его читал.

— Благодарю вас, граф.

— Какой подход мы могли бы найти к бим-баши Сафербию?

— Есть два, как мне кажется, наиболее верных пути. Поручить консулу в Эдирне переговорить на эту тему с Сафербием.

— Там наши люди уже занимаются. Второй путь?

— Если доверяете мне, я могу написать князю. Думаю, что сумею его убедить в необходимости приезда в Черкесию.

— Государь доверяет вам, адмирал.

— Благодарю... Чем я могу обнадежить князя Зана от имени государя?

Воронцов не был готов к ответу на такой вопрос и замялся:

— Скажите, пусть возвращается домой... что он нужен черкесам. Многое можно обещать.

— Если я напишу ему, что он нужен черкесам, то это может быть истолковано, будто я поддерживаю черкесов, воюющих с нами.

Граф, глядя сверху вниз на адмирала, улыбнулся:

— Мы еще не успели приступить к делу, а вы уже испугались.

— В таком рискованном мире живем, ваша светлость.

— Верно, однако вы можете смело поступать, как находите нужным для блага России. Государь дал вам такое право. Пусть Зан только согласится вернуться, мы пойдем ему навстречу.

— А если он спросит, на какие средства будет жить?

— Государь дарит ему денежное содержание, но о размерах пока ничего не пишите. И тут такая тонкость, если Зан спросит о деньгах, это будет означать, что он решил возвращаться. К делу, адмирал! А впрочем, сообщите и на счет денег... До тысячи рублей серебром в год.

— Будет исполнено, граф,— Серебряков поднялся.

— Примите все необходимые меры, чтобы ваше письмо к Зану не попало в чужие руки.

— Не извольте беспокоиться, ваша светлость. Честь имею!

В хлопотах Газар провел еще неделю.

После аудиенции у графа, Газара вызвал к себе генерал Дебу в Цемес. Больше двух часов длилась беседа. Оказалось, не так просто найти надежного посланца, который доставил бы письмо Серебрякова князю Зану. Наконец, Газар предложил хорошо известного ему человека, который собирался совершить хадж в Каабу. Человек этот был надежным, но он, конечно, потребует денег.

— Найдем,— сказал генерал,— что делать, политика есть политика, она всегда хочет слышать, как звенит золото в ее кармане.

Кажется, все было сделано, осталось только написать письмо, однако Газар решил предварительно встретиться с Карбатыром, с ним обдумать и обсудить разные детали.

Взяв с собою двух всадников, Серебряков отправился к нему.

Разумеется, сначала он встретился с Бабурой, потолковал с ней о том, о сем, а в общем ни о чем, потом до полудня говорили с Карбатыром о внутренних делах Черкесии. Коснулись и Австро-Венгерской проблемы, революции, что там произошла, говоря о кровавом усмирении русскими мадьяр, Карбатыр сказал:

— Извини, Газар, политика русского царя, чьи погоны ты носишь, напоминает повадки хищника. Кто бы только не поднял свою голову, стремясь к свободе, к свету, которым Аллах одарил всех своих детей в равной степени, он тут как тут. То же самое, извини, Газар, творите вы и в Черкесии.

Серебряков пожал плечами, посмотрел на своих спутников, глянул на Карбатыра.

— Знаю, знаю,— заспешил Карбатыр,— вы гости, а я не могу обидеть гостей, но, когда покинете мой дом, вернетесь в свою крепость, вы для меня враги.

— Ты слишком суров, Карбатыр, к своим гостям,—как бы пошутил Газар,— грех берешь на душу.

— Не скажи, Газар! — не сдается Карбатыр.— Разве мой грех можно сравнить с грехом, который вы берете на свои души, расправляясь с адыгами? Вы — гигантская держава. Ведь исстари считается стыдным большому, сильному обижать маленького, меньшего.

— Не горячись так, Карбатыр,— попытался смирить гнев Карбатыра Газар.

— Я вовсе не горячусь,— снизив тон, продолжал Карбатыр,— я просто говорю о боли адыгов, о том, как вы несправедливо расправились с моим отцом, а заодно, конечно, и с моей матерью, сделав ее, в сущности, вдовой.

— Я недавно получил письмо от твоего отца,— стараясь не обращать внимания на обидные слова Карбатыра, сказал Газар.

— Что пишет отец? Он жив-здоров?!

— Слава Аллаху, жив и здоров. Я напишу ответ на его письмо, но хотел бы, чтобы и ты написал ему от себя. Если хочешь. И я его отправлю со своим письмом.

— Я уже написал, Газар,— несколько поуспокоившись, сказал Карбатыр. Взял из шкафа Коран, открыл его и нашел там вдвое сложенный листок бумаги.— Я написал здесь все о себе, о наших делах. Можешь его прочитать, у меня нет от тебя секретов.

— Спасибо за доверие, я тоже к тебе отношусь так же. Письмо твое потом прочту. Мы много лет знаем друг друга — и я, и ты, и твой отец, несмотря на то, что мы сейчас находимся в разных враждующих странах. Но есть в отношениях людей нечто большее, чем вражда государств, разъединение народов, племен — это чувство общего единения, братство и равенство в небесном отце, создавшем все сущее на земле не для ненависти, а для любви и мира.

Тяжко было Газару Серебрякову приниматься за письмо к Сафербию Зану. Трудно ворочались в его голове тревожные мысли, но он вынужден был оставить их в стороне, когда сел за письменный стол.

Белый лист бумаги казался ему большой белой пустыней, которую предстояло ему пройти самому, ни от кого не ожидая помощи.

«Старый знакомый мой, князь Сафербий Зан! Поручаю вас творцу и искренне желаю вам здоровья и спокойной старости — начал он.— Письмо ваше я получил, старый знакомый мой, и очень рад, что сами ходатайствуете об испрошении себе прощения Всемилостивейшего Государя нашего и о дозволении возвратиться из Турции.

Теперь времена во многом уже переменились с тех пор, как вы оставили свою родину. Русские войска из

Анапы и Цемеса, где построен большой город, весьма часто и без всякого препятствия со стороны жителей, ходят по земле натухайцев. Жители благоразумно перестали действовать против нас неприятельски, испытав все бедствия войны, дорожат спокойствием и занимаются торговлею, которая доставляет им все способы богатой жизни. Желая устранить всякий повод к нарушению между нами доброго соглашения, они недавно обязались выдавать нам всех виновных против нас и избрали для того старшин, которым поручили власть наблюдать за порядком и исполнить наши требования о выдаче виновных. Много раз ходил я с войсками из Цемеса, даже за главные горы: в Адагум, Кудако, Псиф, Абин, Бугундыр, Антхыр и другие места. Через горы проложены нами дороги, в лесах сделаны широкие просеки и везде открыт безпрепятственный путь войскам. По этим описаниям вы можете судить, что действительно все переменилось со времени вашего отъезда из родины.

Обращаясь теперь к изъявленному вами желанию испросить Всемилостивейшее прощение Государя Императора, я готов дать вам полезные советы. Вы знаете, что я всегда принимал участие в судьбе вашей, желал вам всякого добра и очень сожалел, что вы пошли по ложной дороге к своей погибели. Опытность, продолжительное изгнание и лета вразумили вас. Вы сами видите теперь свои заблуждения и, если с искренним раскаянием изъявите готовность свою загладить прошлое поведение заслугами правительству, то я берусь за вас ходатайствовать на следующих условиях: вы должны письменно изъявить свое раскаяние в прошлых заблуждениях, испросить Всемилостивейшего прощения и дать согласие присягнуть на верноподданство Государю Императору: в случае освобождения из Турции, поселиться со своим семейством на постоянное жительство в Керчи, где и я живу постоянно, и предоставить Карбатыру управление имением, отправляться в Анапу, Новороссийск и в другие наши укрепления, построенные на черкесской земле, только в таких случаях, когда начальство будет признавать это нужным и свято исполнять все поручения начальства. На этих условиях я обещал ходатайствовать об освобождении вас из Турции и даровании от казны приличного денежного вознаграждения для безбедной жизни до тысячи рублей серебром в

год... Сын ваш, Карбатыр, здоров, изъявляет вам сыновнюю преданность и посылает поклон. Посылаю к вам письмо его. Жду вашего ответа на мое письмо».

Закончив писать, Газар отодвинул от себя бумагу, и сидел, раздумывая, не упустил ли чего важного.

Еще раз пробежал написанное, как бы не доверяя себе, проверил каждое слово, обдумал его смысл. Все правильно, ничего не упустил.

Дело сделано, остается только ждать ответ.

Очень сильно подвел нас Магомет-Амин, взбудоражив абадзехов, пообещав им чуть ли не царство небесное на земле, почти стравил тфокотлей с родовитыми... Он, конечно, думает не столько о задаче, поставленной Шамилем, а сколько вынашивает собственные честолюбивые планы? У Сафербия тоже свои планы. Он не будет нам доверять, знай, что мы ведем политическую игру, преследуем свою выгоду, а не его, он мудр, как змий. Научили его мудрости годы изгнания. Не зря он распространил слух, что очень хочет вернуться на родину. Его честолюбие, княжеская гордость не может смириться с тем, что над черкесами возвысился безродный чужак. Да и Карбатыр тоже очень недоволен поведением Магомет-Амина, а заодно с ним и Джирандук Берзедж, который считался другом Сафербия. Очень хорошо, чем злее будут грызться между собою черкесские князья, тем легче нам будет управлять ими.

VIII

Зима.

Длинные, нудные ночи, короткие хмурые дни, самое время для тоски и отчаянья. Никуда не поедешь, и к тебе никто не приедет. А если и приходит кто, то приносит с собою в кунацкую Карбатыра суету, смуту, от которой на душе становится еще горше.

Последнее время дела Карбатыра шли не так, как того ему хотелось. Уже не осталось, пожалуй, ни одного аула в Натухайе и Шапсугии, где бы он не побывал, где бы не говорил о необходимости сплочения адыгов для борьбы за свою независимость. Говорил, призывал, надеялся. Чаще всего в кунацких, на хасэ, соглашались с ним, казалось, только отдай команду, и они пойдут в бой — победят или лягут на поле боя смертью храбрых. Но на деле получалось

наоборот — никто не хотел идти в бой, каждый караулил только свой собственный дом. Больно все это видеть и знать, иногда сердце Карбатыра переполнялось гневом к своим соплеменникам: уже годы и годы убивают их детей, женщин, стариков, жгут дома, разоряют поля и кошары, они не живут, а существуют в постоянном страхе и не смеют дать отпор. А с другой стороны? Бжедуги и темиргоевцы, можно сказать, примирились с Россией, ну и что? Счастливы они? Нет. Они порабощены и оторваны от других своих адыгских племен.

Теперь царские войска принимаются за шапсугов, а там очередь дойдет и до абадзехов и до убыхов. Очень интересно, как они будут защищаться? Что предпримет Магомет-Амин? А что будет делать Хатырбай Цей? Джирандук Берзедж? Как они поделят свое влияние на абадзехов и убыхов? Разве я сам не хочу спокойной жизни? Если только речь обо мне, то я легче легкого найду общий язык с русскими. К отцу моему российское командование да и сам царь относятся с уважением. Газар говорил, что царь хочет, чтобы отец вернулся домой, он даст ему достойное княжеского титула денежное содержание за счет казны. Но сейчас и не обо мне, и не об отце идет речь, а о мире и покое на земле адыгов. Какой мир будет, если мы с отцом перейдем на сторону русских? Никакого. Для нас позор, а для адыгов новая беда.

Вошел тфокотль из дворовой челяди:

— Зиусхан, мать твоя, великая княгиня, просит тебя зайти к ней.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, зиусхан.

Карбатыр накинул на плечи шубу волчьего меха и через веранду прошел в комнату матери.

— Ты меня звала, тян? Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо чувствую себя,— ответила она, вопросительно глядя сыну в глаза.— А ты как себя чувствуешь? Заперся в доме и сидишь, будто загнанный волк. Холод тебя напугал или одолели худые мысли?

— Валлахи, тян, зря ты это говоришь, все у меня хорошо, хотя на дворе стоит плохая погода.— Он взял скамеечку, поставил ее под ноги матери, сел рядом, положив руку ей на плечо.— Слава Аллаху, все хорошо, тян. И спал хорошо и сны приятные видел. А о чем беспокоиться? Русские

зимой ведут себя тихо, тфокотли заняты скотом да сидят у теплых очагов, а что касается худых мыслей, то я гоню их от себя подальше, нет от них никакого толка. Не занят я беспокойными бесплодными мыслями.

— Это правда, сын?

— Да, тян. Если сказать откровенно, то меня сейчас ничего не заботит, только судьба отца.

— Только судьба отца, а судьба адыгов? Неужели они тебя уже не интересуют?

— Что им мое беспокойство! Не могу же я силой заставить их делать то, что нужно для их же блага, нет у меня такой силы... Шапсугские тфокотли оказывают мне меньше доверия, чем самозванцу Магомет-Амину!

— Да я смотрю, сын мой, не такие уж у тебя спокойные мысли, горькая обида в тебе поселилась.

— Но разве я не прав?

— Прав, но не надо горячиться.

— Это не обида, тян, это оскорбление для меня. Не даром говорят: у кого нет чувства собственного достоинства, тот не может быть истинным мужчиной.

Бабура с материнской, мягкой снисходительностью улыбнулась:

— Верно. Однако есть и другая поговорка: того, кто не умеет вовремя подавить в себе самолюбия, настигает бесславная смерть. Я, кажется, понимаю, откуда идет обида — от твоих неудач, но если ты по поводу каждой своей житейской неудачи будешь отдаваться во власть отчаянью, запутаешься, Карбатыр. Но я позвала тебя не для того, чтобы сказать это. Я рада, что ты хорошо спал. Когда твои дни и ночи спокойны, сын мой, сердце матери тоже спокойно. Но ее сердце, кроме этого, видит всегда дальше и глубже. Оно, скажем, знает, когда сын что-то скрывает от матери.

— Я думаю, ко мне это не относится.

— Возьми, сын, стул и сядь напротив меня.

— Зачем, тян?

— Я хочу видеть твои глаза.

— Может, есть тревожные вести от отца?

— Садись, садись... Такие вести, ты сам знаешь, сначала сообщают мужчине, а уж потом узнает женщина. Слава Аллаху, сердце мое ничего тревожного в отношении отца не слышит.

— Тогда в чем же дело?

Она помолчала, поправила цветастую кашмирскую шаль на плечах, и, пристально глядя в глаза Карбатыру, спросила:

— Это правда, что я слышала о Хагуре?

— С ним что-нибудь случилось? — вскинулся Карбатыр.

— Не с ним, а с вами. Что случилось между тобой и Хагуром?

— Ты имеешь в виду наш разговор с ним? На Абадзехской дороге?

— Кто из вас был неправ в том разговоре?

— Мы говорили не о наших личных отношениях, а о делах адыгов.

— Ты плохо меня понимаешь или плохо слышишь? Я спрашиваю: кто в том разговоре был неправ?

— Валлахи, даже не знаю...

— Тогда я скажу: ты сегодня должен поехать в Бастук и помириться с Нурмагометом.

— Кто тебе сказал об этом? Неправильно тебе передали наш разговор с Хагуром.

— Это неважно, кто мне говорил, важно, чтобы ты помирился с Хагуром.

— Видишь, ли, тян, помириться с Хагуром, значит помириться с Россией! Я прошу тебя, не заставляй меня делать это.

Она удрученно покачала головой:

— Ты упрекнул его в том, что он предпочитает войне мир с Россией. И надо сказать, не только он так думает, многие думают о мире, о покое. Нурмагомет — один из самых достойных мужчин Шапсугии, друг твоего отца, а ты бросил его на дороге и ускакал домой. Твой отец так не поступил бы, я это твердо знаю, сын мой. Я — женщина, ношу платок на голове, но тоже так бы не поступила. Я не хотела обижать тебя, но придется: ты ведешь себя так, как твой тесть Тим Некрас.

Опустил голову Карбатыр и попросил:

— Не надо бы, тян, упрекать меня Некрасами.

— Я не упрекаю. Просто говорю, так как оно есть,— строго сказала Бабура, а потом, смягчившись, добавила: — Ладно, коровья нога не убивает своего теленка... И все же нельзя горячиться в отношениях с русскими, как Тим

Некрас. И я, и дочь твоего тестя, и многие другие так думают. Как будто ты не знаешь!

Грустно и горько улыбнулся Карбатыр:

— Тян, уж не Газар ли околдовал тебя любовью к России?

— Может быть, сын. Ничего дурного в том нет, что друзья твоего отца не оставляют меня в одиночестве.

— Но ведь они, эти, как ты говоришь, друзья моего отца, твои враги! — возмутился Карбатыр.

— Гость, переступивший порог моего дома, уже не враг, ты сам это знаешь. В словах Газара есть смысл, зачем же их сразу отвергать? Даже во зле содержится частица добра, и об этом забывать нельзя.

— Стало быть, тян, ты заодно с Хагуром?

— И в этом нет ничего странного. Не зря говорят, одна голова — хорошо, а две — лучше. Я знаю, о чем болит твоя душа. Но помни, сын, — горе и счастье, радость и печаль всегда ходят рядом. Нам не всегда удается достичь того, чего так хотят сердце и разум. Тут уж ничего не поделаешь, так устроил нашу жизнь Аллах. Езжай, сын, помирись с Хагуром. Без обиняков, прямо и честно, при свидетелях.

Нелегко в разгул зимы ехать верхом в неблизкий аул, но Карбатыр согласился исполнить просьбу матери. Решил на вечер не ехать, а отправиться поутру. Тем более, хотелось еще хорошенько обдумать свое поведение при встрече с Хагуром.

Небольшой приятный морозец. Небо на востоке занималось тихой зарей. Всадники ехали молча, словно бы находились в сладкой дреме.

Вскоре из-за скалы показался краешек солнца — по-зимнему грустного над заснеженной землей. Всадники молча спешились, помолились Светилу и, когда поднялись в седла,

Карбатыр сказал:

— Да дарует нам великое Солнце добрый путь и удачу.

Оставляя справа неспокойное зимнее море, всадники продолжили путь. Шумело море, будто снились ему тревожные сны.

Показались аулы, прилепившиеся к склонам гор, в распадках, послышался отдаленный лай собак, крик петухов. Закурились, закурчавились дымки над домами.

Карбатыр придержал коня, подождал, чтобы Трам сравнялся с ним:

— Ты знаешь, куда мы сегодня едем? К Хагуру в Бастук. Зачем? Скоро узнаешь. Но сначала хочу просить тебя быть справедливым: ты один был свидетелем моего разговора с Хагуром, и один можешь рассудить нас.

— Если ты, зиусхан, имеешь в виду тот разговор с Хагуром, что случился в прошлую осень в пути из Абадзехии, скажу честно, Аллах тому свидетель: ты был виноват перед Нурмагометом.

Карбатыр остановил коня, пристально глянул на Трама:

— Говоришь, Аллах твоей правде свидетель? Значит, ты считаешь меня виноватым перед Хагуром?

— Я не обвиняю тебя в том, что у вас с Хагуром мнения разошлись.

— Тогда в чем же моя вина?

— Не по-мужски поступил, покинув Хагура в пути.

— Трам! — удивленно воскликнул Карбатыр.— Ты говоришь словами моей матери!

— Ты прав, зиусхан, я знаю, что говорила по этому поводу княгиня.

— Но твоей-то вины в нашей ссоре нет.

— Есть. Я ведь тоже покинул Хагура, поскакав за тобою.

— Я тебе приказал тогда вернуться к Хагуру.

— Мало ли что приказал, а мне мои предки, отцы и деды не велели бросать в пути своего зиусхана.

— Что ж, пожалуй, ты прав,— тронул коня Карбатыр,— а что ты думаешь о наших с Хагуром разногласиях?

— Я не поддерживаю Хагура. Я и зиусхану Сафербию говорил и сейчас повторяю, что мира с царскими войсками быть не может. Знаю, что борьба безнадежна, но опять же наши предки говорили так: жизнь свою отдают, чтобы купить честь. А мой дед еще и так говорил: лучше горсть родной земли, чем чужие золотые горы. А что касается Хагура — это дело его чести, его понимания. И добавлю, что тфокотли с тобой, зиусхан.

Карбатыр не стал продолжать разговор. Дело в том, что в последнее время, особенно в сумрачные дни поздней осени и зимы, его стали посещать сомнения — прав ли он, призывая к смертельной схватке адыгов с царскими войсками. Как знать, возможно, в сомнениях и Хагура, и его самого зреют зерна истины? Сомнения требуют поля, на котором они смогли бы прорасти. Но с кем посоветоваться Карбатыру? Отец далеко, а князья неискренни.

Спросил у Трама:

— Ты говоришь, тфокотли думают так же, как мы с тобой?

— Да, но многие поддерживают Хагура.

В полдень показался Бастук.

Спустившись с горы, миновав развилку дорог, поехали улицей и вскоре подъехали к большим воротам Хагура. У коновязи стояли три коня под казачьими седлами. Карбатыр придержал своего коня, несколько озадаченный увиденным:

— Казаки гостят у Хагура.

— Верно, зиусхан, казачьи кони,— согласился Трам.

Хагуру уже сказали, что к его воротам едут гости, и он вышел им навстречу. Увидел Карбатыра с Трамом и с искренней радостью вскричал:

— Добро пожаловать, милости прошу, Карбатыр, добро пожаловать, милости прошу, Трам! Как доехали, все ли хорошо было в дороге? Как живет-поживает твоя мать, зиусхан?

Карбатыр был очень смущен и казачьими конями, и радушным приемом Хагура, его неподдельной радостью.

— Все у нас хорошо, здорова мать. Это она велела ехать к тебе, даже в такую стужу. Говорит, что-то давненько не показывался Хагур, нет ли в его доме какой беды, съезди к нему, говорит, проведай... Я прошу тебя, Нурмагомет, не обижайся на меня за прошлую размолвку...

— О чем ты говоришь, Карбатыр! — продолжал радоваться Хагур.— С мужчинами всякое бывает. Как твои дела, Трам, как у тебя дома, все ли хорошо? Заходите же в дом, сколько можно стоять у ворот. Валлахи, а мы только что говорили о тебе, Карбатыр.

— Кто же из казаков мог говорить обо мне? — осторожно спросил, мол, кто у тебя в доме.

— Зайдешь и узнаешь, есть там такие, которые о тебе думают.

Зашли в кунацкую, сидевшие там поднялись из-за стола навстречу новым гостям:

— Карбатыр, дружище! Сколько лет, сколько зим! — горячо воскликнул Павел Ракитов. Они дружески обнялись, похлопывая друг друга. Потом Карбатыр подал руку спутникам Ракитова — это были Василь Бутенко и Руфат Некрас.

Сели за стол. Схлынула волна неловкости, неожиданности. Отдышался Карбатыр:

— Вот так встреча, сколько бы не думал, такого придумать не смог бы... Как поживаете, как дела?

Павел смотрел на Карбатыра:

— Какие наши дела?! Силой российского оружия давим непокорные царю народы. Повоевали в Чечне, Дагестане, в Черкесии держим порядок, в Европу сунулись! Как же, давно нас там не видели, не нюхали их и нашего пороха. Воюем, будто русскому человеку и дома делать нечего.

Со времени их последней встречи Павел Иванович заметно переменился. Поседел, на лице углубились морщины. Опали, ссутулились плечи. Но, судя по смелым его речам, душой остался молод. И удивительно, что такие крамольные мысли высказывает при подчиненных. Видимо, доверяет им. Но, если Василь Бутенко улыбался и согласно кивал головой, слушая своего старшего офицера, то Руфат сидел чернее тучи — ему явно не нравилось то, что говорил Ракитов. Карбатыр вспомнил, как по доносу Руфата арестовали Павла. Зачем же Ракитов взял его сюда с собой, что их связывает? Вспомнил недавний злой хохот его на берегу реки...

Странный человек этот Руфат. Вон как насупился, смотрит исподлобья и молчит. Хотя бы о матери своей, о сестре спросил, так нет же! Откуда у него такая черствость? Если узнают мать с отцом, что Карбатыр встречался с их сыном, обязательно спросят о нем. Что им сказать? Мало у них и без него бед да забот.

Руфат расстегнул ворот рубахи, и все увидели на его шее белый крестик на цепочке.

Тфокотль, сидевший рядом с Хагуром, покачал головой, и сказал:

— Нехорошо ты поступаешь, Руфат.

— Что тебе не нравится? — с вызовом спросил Руфат.

— Зачем носишь гяурский крест, ведь тебя родила черкешенка, зачем ты ее оскорбляешь?

— Не забывай, что мой дед был русским!

— Вы послушайте, что он говорит! — возмутился тфокотль.

— А что ты хотел?

— Довольно, тфокотли, хватит! — требовательно сказал Трам.

— Это я тфокотль?! — возмущенно вскинул гордую голову Руфат.

— А кто же ты?

— Посмотри на мои погоны и увидишь, кто я!

— Сукин ты сын, Руфат! — угрожающе поднялся тфокотль.— Ты родился от тфокотля Мишки Некраса, а не от царских погон.— Тфокотль схватился за кинжал.— Добрее и достойнее твоего деда Мишки Некраса не было во всей Абадзехии, и я не позволю позорить его здесь!

Сидевшие за столом все, кроме Карбатыра, вскочили, чтобы не допустить кровопролития.

— За обеденным столом великий грех затевать ссору! — требовательно сказал Карбатыр.

— Я не из тех тфокотлей, которые могут сидеть за одним столом с адыгом-гяуром! — сказал тфокотль и направился со своим товарищем к двери.

— А эти,— едко усмехнулся Руфат, кивнув на Ракитова и Василя,— разве не гяуры?

Обернулся тфокотль:

— Но они порядочные, честнее и чище тебя!

— Вы посмотрите, как он хамски разговаривает со мной! — Руфат вновь вскочил и схватился за кинжал.

— Поручик Некрасов, сядьте! — приказал Ракитов.

IX

После поездки в Стамбул, после разговоров с Измаил-беем Хрозером, Хури-ханум, Магометом Солохуром, с разными иностранцами, с некоторыми генералами, Сафербий успокоился, ждал, что вот-вот поедет домой, но прошла осень, половина зимы, а воз, как говорится, стоял, будто вкопанный по самые ступицы.

А газеты все шумели — каждая на свой лад о русско-черкесской войне, о наибе Шамиля Магомете-Амине Асалаеве и натухайско-шапсугском князе Карбатыре Зане. Судили-рядили, как два единоверца, мусульманина стали непримиримыми противниками.

Все это было мучительно для Сафербия. А главное, он ничем не мог помочь своему сыну, не мог помочь адыгам разгадать замыслы Магомет-Амина, о которых, наверное, не подозревает и сам Шамиль. А тут еще этот консул Ващенко, надоедает своими визитами, пустой болтовней по поводу международных дел в Европе, в Африке и, разумеется, в Турции. Он изображает из себя тонкого и хитрого дипломата — что особенно злит Сафербия, потому что эта хитрость, как на ладони.

Пришел Ващенко и сегодня. Как обычно, многозначительно рассуждал о международных делах, и, когда, казалось, пришла пора уходить ему, он, как бы между прочим сказал:

— Ладно, хватит нам говорить о Польше, Турции, сегодня я пришел к вам по другому делу, думаю, очень важному для вас.— С этими словами он протянул Сафербию два запечатанных пакета.

— Что за пакеты, от кого? — удивился Сафербий.

Довольный своим жестом, Ващенко улыбнулся:

— Один пакет от вашего сына Карбатыра, а второй — от вашего бывшего друга вице-адмирала Серебрякова.

— Что вы столько времени не говорили об этом, таком важном деле?

— Этот сюрприз я приготовил вам в качестве приятного дессерта к нашему разговору.

— Очень приятно, спасибо,— с благодарностью, в то же время со злостью проговорил князь. Пока ощупывал, вроде бы не веря Ващенко и своим глазам, пакеты, злость прошла и он с искренней радостью добавил: — Вот это вы действительно обрадовали меня, господин Ващенко! Благодарю вас!.. Да, это почерк Газара, а это — сына моего, но почему вы, господин Ващенко, сказали «от бывшего друга?» Что-нибудь случилось?

— Как знать, господин Зан,— вильнул Ващенко,— столько времени прошло.

— Ошибаетесь, господин консул. Никакое время не может разрушить нашу с Газаром привязанность друг к другу. Мы — друзья, господин консул.

Ващенко лукаво улыбнулся:

— Я даже не подозревал, что между вами и адмиралом такие взаимоотношения.

— Знайте, господин Ващенко, адыги превыше всего чтят верность в дружбе.

Совсем уж насмешливо улыбнулся Ващенко, видя, что Сафербий так увлечен пакетами, что на него не обращает никакого внимания.

— Хорошо. Я пойду с вашего разрешения. А вы займитесь письмами.

Ушел наконец Ващенко.

Сафербий был очень рад письмам, но больше всего волновался: что в тех письмах.

О письме Карбатыра можно было сказать — письмо как письмо, обычное. Дома все живы-здоровы, домашние приветствуют князя и ждут его возвращения домой. Только одна фраза и была более или менее деловой: «Магомет-Амин старается во всю».

Пожал плечами Сафербий и сказал про себя: не торопись, сын мой, теперь уже недолго тебе осталось ждать.

Сафербий прочитал письмо Газара дважды, а некоторые места перечитывал, обдумывал. Не мог усидеть за столом — ходил и ходил по комнате. Подходил к столу, некоторые места подчеркивал жирною чертой.

Думал, глядя вдаль за окном. Я не обижаюсь на тебя, Газар. Очень трудную задачу тебе дали. Но не беспокойся, мой друг, я между строк читаю твои истинные слова, чувствую твое дружеское отношение ко мне. Спасибо, друг, спасибо... Царь, мой настоящий тюремщик, а теперь сам же и предлагает ключ от кандалов. Только ничего из этого, ваше величество, не выйдет. Я приехал сюда послом адыгов, послом же и обязан вернуться и эти письма, эта дипломатия, шитая белыми нитками, мне ни к чему. Я понимаю, ваше величество, у вас сильно осложнились дела, тут уж ничего не поделаешь, жизнь она такая штука — сложная и коварная...

Прошла неделя, прошел месяц. Князь Сафербий медлил с ответом. Нельзя было опростоволоситься в очередной раз, пускай лист бумаги побудет чистым. Пока он девственно-белый, у хозяина все впереди, а уж если легла вязь букв, слов, то конец мыслям, конец их свободе.

27 марта 1853 года князь Сафербий Зан сел к столу. В последний раз потер в раздумье виски, склонился над белым листом бумаги и вывел слова:

«Ваше превосходительство! Я имел честь получить любезнейшее письмо вашего превосходительства от 9 декабря 1852 г., и вполне понял содержание онного... Вы предлагаете исходатайствовать мне всемилостивейшее прощение Августейшего Императора Всероссийского и дозволение приехать в ту сторону с разрешения Российского правительства: в том, что страна со времени моего оттуда отъезда из Новороссийска и Анапы, изменилась, русские ходят по натухайской земле, не встречая нигде сопротивления со стороны жителей и что, вследствие хорошего обхождения с жителями этой страны и других, никто из них не делает никакого поступка, который бы мог быть противен желанием Русского правительства в особенности же, что вашему превосходительству угодно было преподать мне дружеские советы и наставления касательно исходатайствования мне прощения у Императора Всероссийского и о предложении поселиться в Керчи, городе вашего местопребывания, наконец, о том, что если я не сделаю какого-либо проступка против вышеупомянутой державы, мне будет назначено на содержание моего семейства 1000 руб. серебром в год.

Впрочем явственно и очевидно, что со времени заключения мира между обеими державами, я никогда не делал зла Российскому Императору. Так как жители стран этих находились в неприязненных отношениях, в особенности при заключении мира после военных действий, бывших между обеими державами, то я не переставал всегда советовать жителям страны, что лучше дело покончить миром, чем вести беспрерывную войну, но они поклялись до тех пор мира не заключать, пока не узнают и не поймут содержание трактата, заключенного между обеими державами в Адрианополе, вследствие чего и нашли они приличным отправить меня в Константинополь с поручением разведать об этом трактате в Порте и приобрести его копию.

По прибытии моем в Константинополь, я, согласно с желанием вышеупомянутых жителей, изложил все обстоятельства Порте и, получив копию вышесказанного трактата, равно и как и фирман для выезда, готов уже был предпринять обратное путешествие в отечество, но злонамеренные люди оклеветали меня перед русским правительством, о чем и было написано, а Порта, по настоятельству России, задержала меня здесь с того времени по настоящее. Между тем как единственное мое намерение было убедить жителей вышепоименованным трактатом и успокоить их так, чтобы не произошло никакого вреда ни одной из этих сторон. Но так угодно было Богу. Не успев до сих пор никому вразумить моего намерения, я обязан был оставаться здесь...

Так как из ваших советов и наставлений я вижу, что вы желаете мне добра и уважаете мою старость, то прошу вас быть уверенным и нисколько не сомневаться в том, что я не только не имею каких-либо дурных замыслов против Императора, но, напротив, желаю и ищу хороших отношений и доброго соседства. Если же вашему превосходительству угодно будет оказать мне благодеяние, то так как я пред сим выехал из отечества в качестве посла, нужно ли говорить еще, сколько я прошу вас исходатайствовать мне дозволение возвратиться прямо на родину.

В случае же если бы я, так как угодно было вашему превосходительству написать мне, поселился бы в Керчи и стал бы получать ежегодное содержание в 1000 р. серебром, то нет сомнения, что шапсуги, натухайи и другие будут говорить, что я соединился с Россией, и, будучи через то еще более раздражены, из мести ко мне станут делать мне возможные унижения, так что, наконец, и сам Карбатыр не будет в состоянии с ними справиться.

Если же, как и было уже сказано, я отправляюсь прямо в мое отечество, то все наши 12 племен, если я им буду советовать присоединиться, то ни один из них не будет тому противиться.

По водворении таким образом полного согласия, в чем нет сомнения, тогда соединились бы мы все вместе, и, с помощью Божиею и под покровительством могущественной Российской Империи стали бы наслаждаться спокойствием и заниматься торговлею.

Бог свидетель, что и цель моей поездки в Константинополь была эта самая.

Чтобы дать вам прямой ответ, имею честь изложить нижеследующее: 1) Ни в каких случаях я не сделаю никакого проступка против вашего Императора. 2) Если мне не будет разрешено возвратиться прямо в мое отечество, так как я прибыл сюда в качестве посла, то не только за 1000 руб. серебром в год, составляющих 9 или 10 тысяч пиастров, но даже если мне будут обещать и дадут 100.000 руб. серебром, я ни за что не соглашусь жить в Керчи.

Впрочем, если ваш Император, сообразно с моею просьбою и в уважение преклонных лет моих, будет столь милостив, что дарует мне прощение за все мои поступки, то я обещаю употребить все мои усилия, чтобы упрочить спокойствие обеих сторон, потому что, когда еще в Константинополе узнал я о заключении мира, то все племена, будучи как нельзя более довольны условиями, при которых я пожелал присоединиться к России, поклялись самым торжествен-ным образом слушаться меня во всем и беспрекословно мне повиноваться. Основываясь именно на этом, я и ручаюсь за спокойствие обеих сторон.

Если вашему превосходительству благоугодно содействовать мне в достижении соизволения на мою просьбу, то прошу вас покорнейше исходатайствовать от Императора печатные условия, которые бы были вручены мне, дабы, в случае назначения другого сановника на занимаемое вами место, не могло быть нарушаемо спокойствие обеих сторон и было бы соблюдено между ними полное согласие.

Если же позволение в этом именно смысле мне даровано не будет, то никак невозможно мне подвергнуться такому унижению перед народами и племенами, и жить в Керчи я не могу. Буде в случае по вышеизложенному обе стороны сойдутся, то не безызвестно вам, что вашими усилиями будет всюду водворено спокойствие и возвеличится через то слава ваша.

Письмо сие написано с целью изложить вам и возобновить выражение отличной моей преданности.

По получении и уразумении его, с Божиею помощью, не забудьте вашего друга и почтите его ответом и извещением о вашем здоровье».

Закончив письмо, Сафербий облегчено вздохнул и долго сидел расслабленный, в неком бездумье и пустоте. А если, подумал он, они не согласятся? Тогда получится, что я зря провел здесь годы, что зря потратил свою жизнь? И что? И умереть придется на чужбине, вдалеке от родных могил?! Аллах Всемилостивый, помилуй и помоги мне грешному!

После того, как письмо было получено от русского посла Титова в Стамбуле и, вероятно, прочитано, где следует, за Сафербием была установлена усиленная слежка. Что называется, каждый шаг его контролировался и становился известным в Петербурге. В донесении посла Титова, в частности говорилось:

«...Все средства доныне употребленные мною с надлежащею осторожностью, чтобы внушить доверие к себе и заставить его сблизиться со мною, остались тщетными, и по всему видно, что он решился пребывать в неприязнен-

ном к России расположении. В сих чувствах поддерживают его основательные известия, печатаемые в английских, французских журналах о действиях российских войск на Кавказе, известия, превозносящие мнимые подвиги горцев. Переписка Тагир-паши о делах кавказских с каким-то французом в Константинополе, имени коего я никак узнать не мог, питает надежду Сафербия, что мятежное сопротивление соотечественников его увенчается успехом и даст ему возможность возвратиться со временем на родину свободно. Но всего более, мне кажется, поддерживают в нем подобные мечтания сношения с великобританским консулом, у которого он иногда бывает и который на днях сам был у Сафербия с посещением. Известно, что еще за два года перед сим английское посольство в Константинополе производило сему человеку в течение некоторого времени денежное содержание...»

Царь не стал читать до конца. Недовольно поморщившись, написал: «Доселе все личные контакты и письменные сношения с черкесским князем Заном Сафербием прекратить».

И все же, с одобрения царя, адмирал Серебряков 8 мая 1853 года написал Сафербию еще раз:

«Письмо Ваше я получил и, радуясь некоторым добрым намерениям Вашим, к сожалению моему, также из него увидел, что Вы приняли письмо мое не в настоящем его смысле, цель моего письма состояла только в том, что я желал предложить средства к успокоению Вашей старости, и к сближению с родными, по старому моему знакомству с Вами и по принимаемому мною в Вас участию. Но я вовсе не имел в виду рассчитывать на то, чтобы извлечь из пребывания Вашего в Керчи какую-нибудь пользу для дел моих с горцами, и если упомянул в письме своем, что Вы должны будете ездить в Анапу, Цемес или другие пункты для переговоров с старшинами, то этим средством желал я предоставить собственно Вам оказать услуги русскому правительству и тем заслужить со временем полное прощение. Желание Ваше возвратиться в качестве посла не соответствует народным правам. Имея у себя копию Адрианопольского трактата, заключенного между Россией и Турцией в 1829 году, вы должны были видеть, что Турция уступила России по праву своего владения всю черкесскую землю и поэтому народ черкесский, как

подвластный, не имеет права на посольства. Принадлежа к народу, подвластному России, Вы можете возвратиться на родину только на условии признать власть законного Государя, Русского Императора.

Искренне сожалею, что желание мое успокоить Вашу старость и сблизить Вас с родными не исполнилось, прошу поверить, что я душевно желаю Вам здоровья и спокойной старости».

Прочитав послание Серебрякова, Сафербий так громко, так едко засмеялся, что Ващенко вздрогнул от неожиданности и удивления.

— Собственно, над чем вы смеетесь, господин Зан, если нет секрета? — спросил удивленный Ващенко.

— Они повторяют опять и опять эту... простите, господин Ващенко, глупость! — Вытирая повлажневшие от смеха глаза, Сафербий еще раз перечитал письмо, теперь уже вслух: — «Турция уступила России по праву своего владения всю черкесскую землю и поэтому народ черкесский, как подвластный, не имеет права на посольства». Адыги никогда не были подвластны Турции. Никогда и никому! Вот над чем я горько смеюсь. Горько, господин Ващенко, потому что эта гигантская страна, эта Россия не понимает того, что проще простого: любой народ, независимо большой он или малый, не может принадлежать кому-либо как вещь. Он — народ! А вот еще, полюбуйтесь, господин консул: «Желание Ваше возвратиться в качестве посла не соответствует народным правам».— Князь Сафербий Зан, сын Магомчерия, выпрямился, гордо глянул на консула: — Меня в Турцию со своим поручением посылали адыги, народ, значит, я являюсь его послом, его послом же и должен вернуться на родину. Я прошу Вас довести именно это мое требование до сведения ваших хозяев!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

I

Нельзя владеть землей и небом, полями и лесами, морями и реками, они принадлежат всем поровну. Но люди нарушили этот великий закон справедливости, разделились

на богатых и бедных, на имущих поля и леса, на неимущих ничего, кроме своих натруженных рабочих рук. Они разделились на сословия: князья, дворяне, тфокотли, крепостные. Одни живут честно и открыто, другие хитрят, мошенничают, пользуются силой своего богатства.

Нескончаемо-мучительная кавказская война не только проливала кровь, жгла села, она едучей ржавчиной разъедала души людей, ломала веками создававшиеся традиции, обесценивала духовные ценности и утверждала низменное по принципу: у кого сила, у того и правда. Богатые становились еще богаче, а бедные нищали.

В горной Абадзехии возвысился хитрый и лукавый Магомет-Амин. Сначала он обласкал князя Болотокова и влиятельного Цея и, воспользовавшись доверчивостью адыгов, их искренней верой в Аллаха, подчинил своей воле. Добившись этого подчинения, он отстранил от власти князя и родовитых, опираясь главным образом на зажиточных крестьян. Правда, он всюду говорил, что у Аллаха нет богатых и бедных, есть только истинно правоверные мусульмане, преданные Великому Всевышнему.

Всех адыгов, и богатых и бедных, он разбил на сотни. Каждые сто дворов выбирали своего управителя. Всю Абадзехию Магомет-Амин разбил на пять областей, расположенных по долинам рек Шхагуаше, Кужипса, Пшехи, Пчаша и Псекупса. Во главе областного управления — мехкаме — поставил управляющих, которые подчинялись верховному правителю Магомет-Амину. Областные правители в своих аулах вершили государственные и судебные дела. Селение, где размещалось областное управление, было обнесено двумя рядами частоколов и рвами. Две пушки, сторожевая вышка, дом правосудия, яма-тюрьма, мечеть, вооруженные всадники во главе с муртазиком содержались на средства, собираемые с жителей. Каждая семья выделяла для нужд войны одного, а в случае необходимости, двух вооруженных всадников. Если же случалась большая беда, то на защиту Абадзехии обязаны были подняться все — от стара до мала.

Раньше в Абадзехии главной задачей суда была попытка примирить противные стороны, уговорить или пристыдить. Наказывали крайне редко. Теперь же все было наоборот: за неверность мужу, за несоблюдение законов шариата, за кровосмешение, за воровство и другие

преступления приговаривали к расстрелу, к сидению в яме, отрубали руки, топили в реках.

Это была — государственность, сильная власть.

Соседи абадзехов внимательно присматривались к новшествам, введенным Магомет-Амином, многим начинала нравиться эта сильная власть.

Магомет-Амин хорошо разбирался в психологии людей, в психологии толпы и умел этим пользоваться. Скажем, его в поездках по аулам сопровождали не только вооруженные всадники, а и две пушки. Это возвеличивало его в глазах селян.

Однажды наиб направился в Дахап. Все мужское население собралось на площади. Пришли калеки, больные, немощные в надежде, что наиб исцелит их.

Из-за угла улицы показались вооруженные всадники, а в середине ехал наиб, за ним его телохранители на положенном расстоянии, замыкала шествие большая группа вооруженных всадников и две пушки на конной тяге. Мужчины, толпившиеся у ворот мечети, почтительно расступились, давая дорогу гостям. Посторонились и верховые, ехавшие в авангарде кавалькады, пропуская наиба вперед.

От минарета, где стояли уважаемые мужчины аула, отделилось трое во главе с белобородым, сухощавым и жилистым стариком — это Джабраил Джимов, правитель здешнего мехкаме. Справа от него — аульский муртазик Тим Некрас, а слева — кадий, недавно присланный сюда на работу.

Не успел Магомет-Амин спешиться, как его телохранители уже были на земле, держали под уздцы его коня.

Мужчины, молчаливой строгостью, стоя встречали высокого гостя.

Джимов, выйдя вперед, приветствовал наиба.

— Милости просим, посланник Аллаха, предводитель абадзехов Магомет-Амин! Да будет счастливым твой приезд к нам! Дахап приветствует тебя и говорит: добро пожаловать!

— Добрый день вам, абадзехи! — приложив правую руку к сердцу, ответил он.— Да обратит Всевышний мой приезд к вам в ваше счастье. Пусть Аллах здоровым прибавит здоровья и силы, пусть исцелит больных. Всем нам пусть Аллах дарует победу над гяурами! Аминь!

— Аминь! — повторили все.

— Аллаху акбар! — возвысил голос наиб.

— Аллаху акбар! — могучим единым выдохом повторили тфокотли.

— Аминь! — зазвенел голос наиба, возвышаясь над аулом к небу.

— Аминь!

— Да победит на всей подлунной земле исламская вера!

— Аминь!

— Пусть гяуры сгорят в геенне огненной!

— Аминь! — Теперь угрожающе, огнеметно прозвучали тфокотльские голоса.

Людской прибой огня и гнева возжег и наиба. Он порозовел лицом, заискрились его черные глаза, подняв руки к небу произнес, как приговор:

— Пусть падут под ударами мстительных тфокотлей гяуры во имя нашего Великого Аллаха!

Выждав, пока улеглась новая гневная волна толпы, Магомет-Амин громко спросил:

— Как живете, тфокотли? Довольны ли вы главою своего мехкаме?

Стоявшие поодаль от наиба не слышали его голоса, а потому двинулись к середине, устроили сутолоку.

— Пусть наиб поднимается на минарет, тогда его хорошо будет видно и слышно всем! — предложил кто-то.

— Нехорошо, нельзя стоя на минарете, разговаривать с людьми! Аллаху это неугодно! — ответил наиб.

— Тогда пусть он поднимается на коня!

— И это неприлично, уважаемые тфокотли. Потерпите, я поднимусь на крыльцо мечети, будет немного повыше.

Поднялся Магомет-Амин на высокое крыльцо, увидел взволнованное людское шумливое море, вдохновился его волнением, почувствовал в себе зовущую ввысь легкость.

— Абадзехи! — взвился его красивый, сильный голос.— Тфокотли Дахапа, принявшие всем своим щедрым сердцем Всемилостивейшего Аллаха! Меня позвало в далекую, трудную, но благородную дорогу желание объединить во имя Великого Аллаха тфокотлей Абадзехии и всей Черкесии! Я не стану говорить о нападении гяуров на вашу благословенную землю, видимо, Аллаху угодно испытать нашу волю и веру в него. Аллах внушает мне, и сердце мое

повторяет — мы победим гяуров! Спасибо абадзехским тфокотлям, они проникнуты верой в Аллаха, в Его промысл, спасибо, что они и мне верят, как и Ему! Абадзехские тфокотли сказали мне: твое слово — наше слово, твое оружие — наше оружие. Абадзехи сейчас едины, как никогда во всей своей истории. Я знаю, всем нам очень больно знать, что в войне с иноверцами погибают наши доблестные воины, но знаем мы и то, что погибшие на поле боя во имя Великого Аллаха обретают бессмертие на том свете в раю... На днях мы были в стране убыхов, я докладываю вам, тфокотли, что вся Убыхия поддерживает нашу священную войну, наш газават. Достойнейший из мужчин Джирандук Берзедж стал под наше знамя! И еще я должен вам доложить, уважаемые тфокотли, нас с вами поддерживают великие державы — Англия, Франция, Турция. Я верю, что они вступят в войну с Россией, чтобы защитить адыгов. И этот день уже близок. Верьте мне, абадзехи, верьте, убыхи, все адыги!

Если все, что я вам говорю, окажется неправдой, клянусь именем Аллаха, что сложу с себя высокую должность предводителя абадзехов. Но если вы мне сейчас не верите и скажете — уходи, я уйду. Говорю это потому, что среди адыгов есть такие, кому не по душе наше единство.

— Кто же это за люди?! — угрожающе спросил кто-то.— Скажи нам, достойнейший предводитель абадзехов!

— Наиб — предводитель не только абадзехов, а всех адыгов!

— Он наш вождь!

Волновалась, гудела толпа.

— Абадзехи! — поднял руку наиб.— Я могу вам сказать кто эти недостойные люди. Не надо далеко ходить, они рядом с нами, это шапсуги и натухайцы, а немного подальше — бжедуги, примирившиеся с гяурами. О темиргоевцах и некоторых других я уже и не говорю.

— Они давно стали гяурами!

— Продались, продались, нечестивцы!

— Они не только гяуры,— указывая плеткой в сторону Шапсугии, сказал Магомет-Амин.— Сын Сафербия, Карбатыр Зан, заигрывает с Россией. Он забыл о своем княжеском, адыгском достоинстве. Мы говорим ему: повернись к нам лицом, иди с нами, а он делает вид, что не слышит нас.

Эти слова сильно резанули Тима Некраса, ему показалось, что наиб смотрит на него, упрекает его за Карбатыра, за сына Руфата, за то, что у него самого течет в жилах русская кровь. Еще показалось Тиму Некрасу, что все люди у мечети смотрят осуждающе. Больно стало сердцу Тима Некраса. Он виновато опустил голову.

Магомет-Амин между тем продолжал:

— Наши слова не доходят до Карбатыра, он позорит честь своего отца Сафербия Зана.

— Если так, мы пойдем на шапсугов, на их князя,— неистово выкрикнул кто-то.— Ты только прикажи нам, великий вождь!

Как доволен был этим выкриком наиб, но сдержал свой восторг и сказал спокойно, с достоинством:

— С этим успеется, уважаемые тфокотли. Сейчас для нас важнее всего единство, мы будем всеми силами стремиться к нему. А вам, тфокотли Дахапа, всему великому абадзехскому народу спасибо за верность делу Аллаха. Да поможет Он нам одолеть гяуров! Аллаху, акбар!

— Аллаху акбар! — вскинула руки толпа у мечети.

Прошло у Тима Некрасова чувство вины, оно уступило место в его сердце злобе на наиба.

— Может быть, кто-нибудь хочет сказать свое слово, тфокотли? Прошу вас,— наиб обратился к толпе.

— Твое слово — наше слово, наиб! — звонко кто-то выкрикнул, толпа гулом поддержала его.

Тиму Некрасу хотелось возразить наибу по поводу разговора о князе Сафербие и зяте Карбатыре, но как это сделать, когда вон как гудит толпа, готовая на руках носить человека в белой чалме.

— Если никто не желает высказаться, можете расходиться,— Магомет-Амин достал из кармана серебряные часы, глянул: — Приближается полуденный намаз, правоверные. Через час-полтора соберемся в мечети.

— Достойный наиб, женщины просят, чтобы ты призвал с минарета правоверных Дахапа к полуденному намазу. Они очень и очень хотят послушать тебя.

— Я исполню их просьбу,— с достоинством ответил наиб и направился в дом, где помещался мехкаме.

Возле мечети и на улице остались те правоверные, которые уже держали амдэз-омовение. Те же, кто еще не совершил омовения, поспешили домой, к соседним колодцам.

— Достопочтенный Магомет-Амин, ты в дороге устал, проголодался, пойдем перекусишь немного, — осторожно предложил наибу председатель мехкамы Джимов.

— Нет. Обедать будем после намаза. Лучше расскажите о ваших делах. Или вы хотите нас задобрить вкусным обедом? — пошутил наиб.— Скажи, Джабраил, платят ли тфокотли налоги?

— Платят, Магомет-Амин. Исправно платят.

— Хватает ли этого на содержание мехкамы?

— Слава Аллаху, Магомет-Амин, хватает.

— Каждая ли семья снаряжает воина? — строго спросил наиб у муртазика Тима Некраса.

— Да, каждая снаряжает,— скупо ответил Тим, не назвав наиба по имени.

— А нет ли таких, которые укрываются от этого?

— Есть, но мало.

— И какие меры к ним принимаете? — нахмурился наиб.

— Наказываем. В яму сажаем.

— А к смертной казни не приговариваете?

— Приговариваем,— нахмурился и Тим Некрас.

— На днях одного бросили в реку с камнем на шее,— по-собачьи доверчиво глядя в глаза наибу, заспешил с ответом Джабраил.

— Это был подлый предатель,— добавил Тим.

— Предателей не щадите. Убивайте, отрезайте языки.

— Если кто заслужит, отрежем,— все хмурясь, сказал Тим.

— Есть сегодня кто в яме? Покажите,— потребовал наиб.

Открыли люк ямы, и оттуда потянуло тяжелым спертым воздухом. В яме сидело двое — заросшие до бровей, грязные, с копнами нечесанных волос на голове. Один был прикован к столбу, у другого — кандалы на руках и ногах.

— Чем они провинились?— строго спросил предводитель абадзехов.

— Прикованный к столбу — предатель. Приговорен к смерти,— ответил Тим Некрас.

— А другой?

— Вор.

— Что он украл?

— Колесо от телеги и ярмо.

Телохранитель наиба толкнул Тима в бок и угрожающе прошептал:

— Ты что, обезумел? У того, с кем разговариваешь, разве нет имени, муртазик, а? Или в тебе твоя гяурская кровь заговорила?

Тим исподлобья глянул на телохранителя, положил руку на кинжал, казалось, быть непоправимому, однако сдержался.

— Приговоренному к смерти отрежьте язык и отпустите,— приказал наиб,— а вору отрубите правую руку.

За час до начала полуденного намаза вдруг с минарета, раздался голос предводителя абадзехов Магомет-Амина.

Он звал правоверных к молитве.

Голос этот показался женщинам таинственным, несущим в себе великое благословение Аллаха.

Молодые женщины замерли в благоговении, а старухи прослезились от счастья, которое, как им показалось, снизошло на них с неба.

II

Тим Некрас сегодня видел наиба не впервые. Он встречался с ним и в прошлом, и в позапрошлом году да и в нынешнем уже во второй раз. И, интересное дело, каждый раз Тим находит в нем что-то новое, необычное. Он производит такое впечатление, будто владеет некой силой, с помощью которой подчиняет человека своей воле, все, что он велит делать, выполняется беспрекословно. Да и разговаривает Магомет-Амин с людьми так, будто ему не важно, что они скажут, главное, что скажет он сам. Вот и сегодня наиб, по мнению Тима Некраса, позволил тфокотлям Дахапа сказать именно то, что ему хотелось услышать.

В числе провожающих наиба и Тим Некрас. Он внимательнее присмотрелся к его телохранителям — один из них, Джабег, тот, который толкнул его в бок и сделал недовольное замечание, другой — бородатый Тумэн из Беслинеи, ехавший по правую руку наиба. Оба — хлесткие, широкоплечие. У каждого из них такой взгляд, будто одним только взглядом, даже без помощи рук, может

разорвать человека, если он посмеет покуситься на наиба. Вооружены они, как говорится, до зубов.

И где он, думал Тим, взял таких? В наших аулах вроде бы и нет подобных. Специально выискивал, под себя, наверное, подбирал их наиб.

Магомет-Амин, когда прощались, жестоко, с явным пренебрежением бросил Тиму:

— Распустил ты своих зятя и сына, муртазик Некрас! — Сказал наиб громко, чтобы это слышал Джабраил Джимов и другие...

Сидел Тим у себя в комнате, и голова у него кругом шла от всполошных, путанных мыслей.

Ладно, этот Джабег грубое слово ему сказал, ладно, те двое других телохранителей на него косо смотрели, что с них возьмешь, но наиб! Нашел как, и перед кем укусить меня! Чем я не угодил Абадзехии? Здесь я родился, вырос. Моим потом и кровью полита эта земля, защищал ее как мог, три рубца от сабельного ранения ношу на теле. Да и зять мой ничем не запятнал свою честь, сам ушел из царской армии, служит адыгам и потому, наиб, ты нехорошо поступил, бросив этот упрек. Что касается моего сына, то тут я твой упрек заслужил. Видно, Всемогущему Аллаху было угодно наказать меня за грехи вот таким образом. И все равно негоже тебе, умному человеку, посланнику Аллаха сыпать соль на незаживающую мою рану! Да еще перед людьми.

Вошедшая Самай оборвала его безрадостные мысли:

— Я зову, зову, Тим, а ты не отвечаешь.

— Ты звала меня? Валлахи, не слышал.

— Завтрак на столе стынет.

Отпив несколько глотков плотного чаю с черным перцем, съев кусок теплой лепешки, Тим отодвинул еду от себя.

— После отъезда наиба, Тим, что-то с тобой происходит. Может, приезжие обидели тебя?

— А чем они могут меня обидеть, за что? Я исправно смотрю за порядком, справляюсь со своими старшинскими обязанностями. И я спокоен, не выдумывай того, чего нет.

— Ты уже неделю плохо ешь,— слезы навернулись на ее глаза.— Ты что-то скрываешь от меня, Тим.

— Не тревожься. Слава Аллаху, у нас все хорошо, Самай... Я пойду в мехкаме, а ты приготовь к обеду что-нибудь вкусное, тогда и увидишь, как я плохо ем.

В Дахапе только и было разговору, что о приезде наиба: кто его сопровождал, в чем он был одет, что говорил, чем его угощали. Хотя большинство было свидетелями происходившего, но каждый все видел по-своему, толковал, как ему хотелось. Особенно много и восторженно говорили о том, как наиб искусно читал Коран, как призывал с минарета к намазу правоверных. А какие у него красивые руки, красивый голос! А как на коне сидит? Заметили даже, что на мочке его уха — небольшая бородавка.

Тим подошел к мужчинам, стоявшим в затишке у плетня, послушал их разговор, вставил свое слово.

Поговорив о наибе, перешли к житейским аульским делам, потом повздыхали, что весна выдалась затяжная, поздняя. Плохо это может сказаться на урожае. Добрались и до царских войск: что-то их много собирается у реки Шхагуаше, какое дело они затевают?

— Убыхи молодцы, не собираются им улыбаться.

— А шапсуги виляют перед ними хвостом, как голодная собачка.

— Валлахи, Тим, не знаю, как ты смотришь, но наиб — достойнейший мужчина, истинное мое слово,— сказал рослый рыжий тфокотль.

— Я тоже так думаю,— тут же вставил и свое слово Тим,— верно ты заметил, Богос.

— Не хочешь ли ты стать у него телохранителем, Богос? — пошутил кто-то.

— Не откажусь, если позовут. Хоть сейчас пойду. И уж тогда я задам перца и шапсугам, и бжедугам. Что ты на это скажешь, Тим? Или не веришь мне?

— Я верю всему, что ты говоришь, Богос.

— Не ошибаешься, Тим, я верный человек. И сила у меня есть, и шашкой владею так, как никто!

У Тима кошки скребли на душе, он едва сдерживал себя:

— Что ж, Богос, я могу тебе уступить свое место муртазика.

— Что?! — удивился рыжий Богос.— Нет, это не годится. Ведь тебя люди выбирали, как же это я без них могу, но когда станут переизбирать неизвестно, кого аул снова выберет, тебя ли, урыса из семьи Некрасов, или меня, из абадзехов.

— Эй, Богос, ты что себе позволяешь?! — одернул его старик.

— А что я позволяю?

— Помолчал бы! — прикрикнул старик.

— Нет,— сказал Тим, сдвинув плечи, положив руку на кинжал,— уж пускай он выскажется.

— А что высказываться: разве адыги поставят гяура выше абадзеха?

— Это я гяур?! — вскричал Тим и так двинул рыжего в челюсть, что тот рухнул на землю, как тяжелый мешок. Богос хотел подняться, но Тим ударил его ногой в пах, и тот потерял сознание.

Не обращая больше внимания на Богоса, Тим пошел было прочь, но чтобы не подумали, будто он испугался и убегает, резко повернувшись, вернулся.

Богос уже пришел в себя, мужчины посадили его, а Тим, подхватив под мышки, поставил на ноги и спросил:

— Так кто же гяур, ты или я?

— Ладно тебе, Тим,— выдавил из себя Богос,— ты что, шуток не понимаешь? Ну, выскочило шальное слово, а ты сразу драться.

— Хорошенькая шутка. Упаси тебя Аллах, Богос, в другой раз так шутить.

— Да, да, Тим. Ты прав...

— Вот и держи язык за зубами,— Тим направился в мехкаме.

На крыльце его встретил Джимов. Бросил, будто бы, невзначай, но со смыслом:

— Поздненько ты приходишь на работу, муртазик.

Тим сделал вид, что не услышал упрека с подковыркою и, улыбнувшись, поприветствовал:

— Доброе утро, тхаматэ.

Досадно стало Джабраилу, что Тим как-то с холодком ответил на его замечание и теперь сказал построже:

— Зайди ко мне.

— Случилось что-нибудь?

— Жизнь такая, что опасность нас караулит за каждым углом, каждую минуту,— проворчал Джимов, и пошел в дом.— И сегодняшний день не лучше других,— продолжал он, садясь за стол, немного помолчал, а потом начальническим тоном сказал: — Не это сейчас важно, а то, муртазик, скажу прямо, наиб остался недоволен тобою.

Тим и до этих начальнических слов знал, что наиб остался им недоволен, но притворился удивленным, будто ничего такого и не подозревал:

— Он недоволен мною или нами, тхаматэ?

— А мы тут при чем, муртазик?

— Под «мы» я имею в виду мехкаме, тхаматэ, а не тебя лично.

— Мехкаме — дело государственное, муртазик, а дело касается лично тебя, Тима Некраса.

— Чем же я не угодил наибу? Я оказал ему всяческое почтение и уважение, принял, как принимают самых высоких гостей, проводил достойно.

— Ну-у, если сказать по правде, не ты его принимал, а весь аул Дахап, и честь ему оказали все мы.

Усмехнулся Тим:

— А разве в каждом дворе в честь наиба зарезали по бычку? А? То-то. Самого жирного, самого лучшего своего бычка зарезал Тим Некрас. Разве я говорю неправду?

— Не надо так громко говорить о добре, которое ты сделал, уважаемый муртазик.

— Но если тот, кому ты сделал добро, не замечает его или не хочет заметить?.. Я не хотел бы, тхаматэ, чтобы ты на меня смотрел, как на человека, который говорит о добре, но не делает его.

— Успокойся, муртазик! — вспылил Джимов.— Ты и в самом деле слишком много говоришь о своем несчастном бычке! И дело, уважаемый, не в этом бычке, не в том как ты принял наиба, а в том, что Магомет-Амин очень недоволен твоим сыном, который служит в русской армии. Он считает это очень позорным.

— А-а, так вот почему наиб все время так косо смотрел на меня.

— Именно, муртазик! И еще одно очень важное дело: наиб спросил, зачем Карбатыр Зан и Руфат Некрас встречались у Нурмагомета Хагура, о чем они там говорили?

— Впервые слышу о такой встрече! — Тим был встревожен, но рад этой вести, однако уставился на Джимова вопросительно, стараясь скрыть свое истинное чувство.

Прошел день, другой, третий, ничего не менялось в доме Тима — не было вестей ни от Руфата, ни от дочери, ни от Карбатыра.

Но вот вчера один тфокотль сказал, что в Бастуке он видел Руфата с двумя русскими офицерами. И еще сказал: неправда, что с Руфатом был Карбатыр. Просто Карбатыр

застал гостей у Хагура, и расстались они вроде бы не по-хорошему.

Тим эту новость скрыл от Самай и собрался в дорогу. Решил поехать в Бастук и все хорошенько там разузнать.

— Ты куда собрался, Тим? Сына ждем, а ты собрался куда-то? Зачем? Или не веришь тому, что тебе сказали о Руфате?

Смутился Тим:

— Да как тебе сказать... Думаю, не поехать ли ему навстречу. Негоже сидеть, сложа руки.

— И то верно. Но не езди один, Тим, возьми с собой кого-нибудь, время вон какое тревожное.

— Ге-е! Что мне впервые седлать коня и ехать в горы?! Со мною Аллах, а уж потом мои думы. Как Аллаху угодно, так и будет. Если завтра к вечеру не вернусь, не беспокойся. На следующий вечер приеду. Что молчишь?

— Привези мне сына, Тим... Больше я на этом свете ничего не хочу. Хоть бы разочек глянуть на сына моего...— и на ее глаза навернулись слезы.

— Довольно, не надо, Самай,— попытался строго сказать Тим, да не смог.— Проси Всемилостивого Аллаха, а не меня. С Его-то ведома я и постараюсь привезти сына домой. Не беспокойся. Молись, и ни о чем не беспокойся, положись на меня. А если у тебя спросят, не говори, что я поехал в Шапсугию, тут же донесут наибу. Скажи, в Жагуф поехал, а потом в Джигар заедет. Да мало ли куда может поехать мужчина!.. Вернусь домой с Руфатом, тогда все и узнают правду. А уж если что, скажи, мол, к Магомет-Амину по делам поехал.

Карбатыра дома не было — уехал в Убыхию.

Бабура с домочадцами встретила Тима весьма радушно. Дотошно и заинтересованно по-родственному расспрашивали его о семейных делах, о здоровье каждого, о хозяйстве. Потом Тим и Бабура, разумеется, поговорили о делах адыгов, о Турции и Польше, Франции и Германии и, конечно, об англичанах, которые так много обещали адыгам, но, в сущности, их обещания остались всего лишь словами. Однако о чем бы они ни говорили, а все вроде бы к слову, вроде бы невзначай вспоминали Магомет-Амина.

— Что поделаешь, Тим,— тяжело вздохнула Бабура,— видно, уж такова доля адыгов, не могут между собою

договориться о единстве, больше того, грызутся, а пришлый человек этим самым и воспользовался. Как ни старался Сафербий, его не поддержали, и Хан-Гирея покойного зря мы не послушались.

— Хан-Гирей...— Тим вздохнул тяжело.— Если ты не адыг, то не жди, чтобы тебя поддержали адыги, даже если ты им верно служишь...

— Не говори так, родственник. По сравнению с этим дагестанцем, Хан-Гирей по всей своей жизни, по духу своему — истый адыг. Да откроет ему Аллах врата рая.

— Что касается наиба, то твоими устами, Бабура, истина глаголет, верные твои слова,— согласился Тим.— Наиб этот очень жестокий человек: у него в одной руке Коран, а в другой плетка. Ты посмотри, он этих упрямых абадзехов сделал прямо шелковыми. Бросит клич, и они пойдут войной на нас, на кого прикажет, на того и пойдут слепыми в своем гневе.

«Если ты не адыг, адыги не станут тебя поддерживать» — повторила про себя Бабура и ей неловко стало, она даже как бы и свою вину почувствовала в этом, в этих горьких словах Тима.

— Тебя обидели, Тим?

— А кто, кроме Аллаха, может меня обидеть в этом грешном мире? Почему ты .об этом спросила, Бабура?

Она на его вопрос ответила вопросом:

— А почему ты говоришь: если ты не адыг, то тебя адыги не поддержат?

— А-а, ты об этом. Да покарает меня Всемилостивый Аллах, если я лукавлю:— Я — адыг, мусульманин, кроме Аллаха, у меня нет в сердце никого! — горячо сказал Тим, скрыв однако, как его на днях обидели в Дахапе.

— Истинно так, Тим. А что ж ты ничего не спрашиваешь о своей дочери, о нашей невестке? Ты забыл, что она в нашем доме живет? — улыбнулась Бабура и, не дожидаясь ответа, позвала прислугу.— Пригласи-ка сюда к нам невестку.

— Дочь становится истинной дочерью в том доме, Бабура, где живет, чей род продлит. Я рад, что она стала дочерью у очага Сафербия Зана. Знаю, вы ее жалеете, балуете своей добротой. Спасибо вам за нее.— Говорил это Тим, а сам думал: «Вероятно, они ничего не знают о Руфате. Ну и ладно, и я ничего говорить не буду».

Вошла Мария.

На ней было розовое платье, облегающее ее тонкую и стройную фигуру. На голове — невысокая круглая шапка красного атласа, шитая серебром и золотом. Ее почти русые длинные косы покоились на спине. Из-под длинного платья выглядывали алые сафьяновые башмачки. Мария посмотрела на Бабуру, взглядом испрашивая разрешение подойти к отцу. Получив его, подошла и обняла отца, а потом почтительно стала возле свекрови.

Тим, сдерживая волну отцовской нежности к дочери, сказал первые попавшиеся слова. От волнения своего сказал не то, что должен бы сказать:

— Вот так и устроен этот подлунный мир, Бабура, адыги попали в тяжелое положение. Аллах да поможет нам.

— Верно, Тим, верно, только на Аллаха и осталась у нас надежда, на Его высокую и справедливую волю... Вы тут поговорите, а я пойду, займусь немного хозяйством,— сказала Бабура, поднявшись.

Тим тоже поднялся.

— Валлахи, Бабура, дело идет к полудню, а у меня еще дела. Я обязательно должен встретиться с одним тфокотлем. Слава Аллаху, я повидал вас всех в добром здравии.— Обернувшись к дочери, продолжил: — И мать твоя здорова, в хлопотах да в радости. В ауле, слава Аллаху, все спокойно. Всего вам доброго, да пошлет Аллах мир и благополучие. И чтобы зиусхан Сафербий вернулся домой, и мы бы все вместе порадовались! Не стану скрывать, нам сейчас не хватает нашего мудрого Сафербия!

Тим имел в виду Трама, когда говорил, что ему надо повидаться с тфокотлем. Встретив его, напрямую, без лишних слов спросил:

— Ты слышал, будто мой сын был у Хагура?

— Не только слышал, был там с ним.

— Ну и что он говорит?

— Замиряйтесь, говорит, с нами, склоните свою гордую голову.

— Это как же?! — почти вскричал Тим.

— Россия, говорит, великая держава, нет во всем мире ей равной, никто во всем мире не может ее одолеть, а не то, чтобы крохотная Черкесия.

— Что-о?! — свирепо вскричал Тим, не сдержав своего гнева.— Вот стервец! Выходит, правы те, которые говорят,

что сын мой сделался гяуром! — он, казалось, задохнется от обиды и гнева. Сжав кулаки, помолчал, потом спросил:— Кто там еще был?

— Зиусхан, Карбатыр, муртазик Хагур...

— Хватит! Поехали! — вскочил Тим.

— Куда?..

— Ты что не адыг, Трам?! Ты почему спрашиваешь, куда тебя зовут?

Выйдя из дома, можно сказать, выскочив, Тим взлетел в седло своего коня и поехал. Вскоре услышал топот коня, оглянулся, это догонял его Трам.

Потом у ближней калитки Тим резко придержал коня, позвал:

— Седлай коня, Хапат. Поедешь с нами!

— Я мигом! — ответил Хапат и в самом деле скоро оседлал коня и догнал Трама и Тима Некраса. Лишь через некоторое время молчания спросил: — Беда какая приключилась, что ли?

— Э-э, теперь вся жизнь наша — сплошная беда,— ответил Тим, но куда и зачем едут не сказал.

Выехали из Куматыра.

У поляны Белых Камней Тим повернул влево, к Шабежской крепости.

Хапат все же не выдержал, спросил:

— Что это с вами случилось, почему вы молчите?

— О чем говорить,— возразил Трам,— Тим сказал поехали, вот и едем, а о чем говорить? Не знаю.

— То место, куда мы путь держим, как-нибудь называется?

— Называется Шабежская крепость.

— Э! — вскричав, придержал коня Хапат.— К казакам, что ли?!

— А ты что, Хапат, испугался, ты что, не мужчина?! — приструнил его Тим, продолжая ехать.

Тронул коня Хапат, догнал своих товарищей:

— Тим, мы не трусы. Мы папахи носим, а не платки. И все же хотим знать, куда и зачем едем, к чему надо быть готовыми. Как ты думаешь, Трам?

— Так же, как и ты.

Тим бросил через плечо Траму:

— Ты сказал мне, что мой сын-негодник находится в Шабежской крепости?

— Сказал.

— Так вот, Трам, мне надо поговорить со своим сыном. Понимаешь? — голос Тима задрожал.

— И ты думаешь, Тим, что нас пустят в крепость? — усомнился Хапат.

Траму не понравился вопрос Хапата и он заметил:

— А казаки что, не люди? У них тоже есть отцы, матери. Думаю, они поймут. Только, пожалуйста, Тим, не очень горячись, прошу тебя.

— Е-во-вой, Трам, брат мой, если бы ты знал, что у меня на душе творится! Как мне больно!

— Знаю, Тим, но держись. Потом еще и такое скажу: кем бы не был твой сын — он твой сын, благодари Аллаха, что жив-здоров. Чего только на грешном белом свете не бывает...

Хапат тоже поддержал Трама:

— Всякое случается, Тим, так что, крепи свое сердце, а то ведь с ним и худо может случиться.

— Я все это понимаю. Но только одного понять не могу, почему мой единокровный сын отвернулся от нас, адыгов. Аллах Всемилостивый свидетель тому, как мы воспитывали его в мусульманстве, в верности народу, среди которого родился, произрастал, чей хлеб-соль ел, чьему небу радовался. Ну и что ж с того, что Некрасы когда-то были русскими! Ведь и Сафербий служил у них, большим офицером был и Хан-Гирей, и зять наш Карбатыр тоже служил, но ведь все они вернулись к адыгам. А среди русских разве нет таких, которые помогают нам, даже к нам переходят, чтобы отстоять нашу свободу. Пусть Руфат когда-то ошибся, но должен же он рано или поздно набраться ума, понять отца с матерью.

— Все будет хорошо, Тим, все будет хорошо,— успокаивает Хапат,— вот увидишь, помни мои слова. Русские — хорошие люди, очень порядочных людей втречал я среди них... Вспомни Ивана Бутенко. Во казак, во богатый человек! А какой табун лошадей у него... Валлахи! — воскликнул вдруг Хапат.— Впопыхах я забыл пистолет!..

— О каком пистолете ты говоришь? — спросил Трам, как бы призывая не поминать об оружии.

Весенний день был таким тихим и безмятежным, будто на земле только и была тишина да красота пробуждения. Лес только-только начал одеваться в свой зеленый наряд

— светлый, с розовым отливом. У подножья далеких гор и близких взгорий, в низинах еще серели островки снега, а в затишках, на пригревках пробивалась трава.

В чагарнике, в придорожных кустах уже начали заводить свои хороводы прилетевшие с юга птицы.

Хапат пристально всматривался вдаль, недоуменно пожимал плечами:

— Странное дело, почему-то не видать никого из казаков.

— Если и покажутся, оружия не доставать,— сказал Трам.— Кто бы не встретился, я постараюсь ему объяснить, кто мы и зачем едем в Шабеж.

— Лишь бы они тебя поняли,— сказал с сомнением Хапат.

— Э, ей Богу! — Трам оборвал его: — Старший молчит, а ты, Хапат, встреваешь в разговор. Уж лучше бы тебе помолчать, честное слово.

— Неужели и слова нельзя молвить?.. Просто я не хочу, чтобы Тим подумал, будто я чего-то боюсь.

На взгорке показалась крепость.

Притихли всадники, напряглись, тревожно вглядываясь.

Хапат выехал вперед, сказал Траму:

— А что, если я поеду навстречу один, скажу, что и как, объясню им все. Как ты думаешь?

— Думаю, не стоит, слишком много будет чести. Вон они, уже всполошились, в железо бьют. Должно быть, тревогу объявили.

Неторопливо, даже, можно сказать, с достоинством, вальяжно, всадники подъехали к высоким воротам крепости.

Дозорный с вышки крикнул:

— Кто такие?

— Черкесы,— ответил Тим Некрас.— Из Куматыра и Дахапа мы.

К воротам, с той стороны, подъехало трое верховых казаков:

— Что надо, черкесы? — спросил, похоже, старший из них.

— Я отец Руфата Некраса. Мне надо повидаться с сыном.

— Романа Тимофеевича? — весело и даже приветно спросил казак.— Так вот они и сами едут. Господин поручик, ваше благородие, тут вас черкесы спрашиают. Из Куматыра они как бы. Один величает себя вашим отцом.

Увидел Руфат отца, увидел своих добрых знакомых и забилось сердце, слабость во всем теле объявилась. Он прижал ноги к бокам лошади, чтобы как-то унять дрожь. Сабельный шрам на шее заныл, заныл давней, тревожной болью.

Увидел Тим седину, выбивавшуюся из-под кубанки сына, уставшее, как бы постаревшее лицо, шрам на шее, и уже готов был забыть все на свете, броситься на шею сыну, излиться слезами. Но это в нем длилось всего лишь несколько мгновений, он выпрямился в седле, глянул из-под папахи строго.

— Я слушаю вас,— сказал Руфат.

Сдержав вздох, Тим, нахмурясь, спросил по-адыгски:

— Разве ты уже забыл, как надо встречать отца, как разговаривать с ним, сын мой?

— Извольте говорить на языке, понятном моим товарищам. Здесь говорят по-русски,— сухо ответил Руфат.

— Но ты же адыг, сукин ты сын! — зло, угрожающе крикнул Тим.

— Вы не на базаре, а у крепости. Говорите дело,— держа холодный официальный тон, ответил Руфат.

— Что же мне сказать тебе, Роман Тимофеевич, не помнящий родства,— взяв себя в руки, заговорил Тим.— Приехал я сюда сообщить тебе о том, что отныне ты мне больше не сын. Понял ты это, сучья твоя голова?! И не попадайся мне, гяур несчастный, если хочешь носить свою предательскую голову на плечах! — Тим резко дернул повод: — Поехали, добрые друзья мои. Похоже, зря я этого нечестивца называл сыном. И простите, что заставил вас быть свидетелями моего позора.

Руфат не шелохнулся.

Сидя на коне, все так же с гордо вскинутой головой, смотрел он слезящимися глазами вслед трем удалявшимся от крепости всадникам.

Ни он, ни казаки не проронили ни единого слова. Смотрели на всадников, на высокое по-весеннему небо, на горы.

III

Карбатыр решил высказать Джирандуку Берзеджу и Джеймсу Беллю все, что он думал о них. Поймут они его — хорошо, спасибо, а не поймут, не захотят понять, он все равно напрямую выскажет им свою обиду, свои обвинения, свой гнев.

Решил ехать к Берзеджу один, не хотел иметь свидетелей разговора. Уже в дороге пришла мысль — не взять ли с собою Хагура, но и ее Карбатыр отклонил. Дело в том, что последние два года он ведет себя как-то странно: когда случаются стычки с царскими войсками, дерется храбро, однако в разговорах советует не спешить на окончательный разрыв с Россией, советует быть уступчивыми, если того требует обстановка и разум. А потом, зачем к нему приезжал Ракитов? Сам Хагур уверяет, что не знает цели приезда, так и не мог понять.

Наверное, думает Карбатыр, хитрит Хагур, что-то скрывает. Неужели Хагур способен предать нас, взять сторону зятя? Недоброе тут затевается дело. Почему не ко мне, а именно к Хагуру приезжал Ракитов, почему Руфат был с ним? Мы говорим о наибе, что он жестокий человек, но зато он всех держит в узде. Похоже, нельзя быть мягким, надо использовать и страх, а иначе слабые характером или предатели по натуре продадут всю Черкесию.

Убыхия и Шапсугия граничат друг с другом, от Кумаатыра до аула Берзеджа Сашэ чуть больше полдня спокойной верховой езды, а если через горный перевал, то и того меньше. Конечно, горной тропой труднее и коню, и верховому, но спокойнее, казаки не рискуют углубляться в горы, они все-таки народ равнинный, степной.

Поехал Карбатыр горной тропой. Конь его в горах чувствовал себя уверенно. Потому и Карбатыр чувствовал себя в седле хорошо, покойно, не заботясь особенно о дороге.

Не думал, не гадал Карбатыр, что Джирандук и Джеймс так обойдутся с ним. Ведь как все хорошо было между ними, как они доверяли друг другу. Не было такого месяца, чтоб дважды не повидались, не посоветовались по адыгским делам. И Джеймс, и Джирандук очень уважительно относились к Сафербию, к его идеям и потому поддерживали связь, даже, в определенном смысле, дружбу с Карбатыром, а потом все разладилось, пошло вкривь и вкось.

С письмом, полученным от отца из Турции тайно, Карбатыр не расставался, несколько раз перечитывал, вдумываясь в слова, в мысли. Вот и сейчас достал из нагрудного кармана вчетверо сложенное письмо, развернул его и стал читать прямо с того места, где отец говорил об адыгах.

Не делай абадзехских тфокотлей, писал он, своими врагами. Будь предельно осторожен с наибом. Я почти совершенно уверен в его неискренности, в двусмысленности его слащавых слов. Это я заметил, когда он приезжал в Турцию. Говорят, абадзехские тфокотли весьма уважают, а может быть, и боятся наиба, видят в нем некую силу, ты при тфокотлях не избегай с ним встреч, поддерживай его в разумных пределах, будь мудр и хитр с ним, постарайся действовать его же оружием улыбок, обещаний, показной доброты. Осторожно, тонко, продуманно. Но и особенно сближаться с ним не надо, потому что этот самый Магомет-Амин Асалаев намного хитрее и коварнее своих предшественников. Главное, не верь ему, что он якобы борется за единение адыгов. Он имеет в виду единое подчинение своей воле, свое возвышение. Если уж Крымское ханство и Турция не могли дать ладу адыгам, то, поверь, у Дагестана и вовсе ничего не получится. Это понял не только я, но и турки, и русские. Газават Шамиля ничего хорошего не сулит адыгам. Чеченцы давно задумали этот самый газават, а мы и в то давнее время не поддержали их — не по пути нам с ними, сын мой. Уж лучше примириться с русскими, потому что они наши ближайшие соседи, могучая нация. Это первое. Во-вторых, ни Хаджемукова, ни Берзеджа, ни Цея, никого, кто зовет адыгов к единению, к созданию нашего собственного государства, не избегай, поддерживай, но опять же, не бросайся в их объятья и свои для них не раскрывай. Джеймс Белль тоже не из тех, кому можно полностью доверять, ведь он слуга старой, доброй, удивительно хитрой Англии. Надо то же самое сказать, пожалуй, и о французах. Беда адыгов состоит в том, что их земли — лакомый кусок для каждого государства. И, в-третьих, в ближайшее время в Крыму произойдут чрезвычайно важные события, не связанные напрямую с адыгскими делами, однако они могут оказать свое влияние и на нас. Возможно, когда ты получишь мое письмо, события эти уже начнутся, и они могут ускорить мое

возвращение на родину. Пока же, не затевайте стычек с русскими. Почему? Когда вернусь, все хорошенько тебе объясню. Сейчас главное — терпение, выдержка. Будь спокоен и мудр, умей смотреть дальше, чем видят другие. Письмо, как только прочтешь, порви, никто, кроме тебя, не должен его прочитать...

Ослушался отца Карбатыр, не стал рвать письмо. И сейчас, будто опасаясь кого-то, поспешно спрятал его в нагрудный карман.

О каком событии в Крыму говорит отец? И как это может помочь адыгам? Раз он говорит, значит, знает, попусту не стал бы писать. А что он еще хочет рассказать мне, когда вернется домой? Новый план у него созрел? Мог бы и не откладывать, раз уж такое откровенное и даже рискованное письмо написал. Не боится же он так откровенно писать о Магомет-Амине, а это очень и очень не безопасно. Вдруг кто-нибудь прочитает и передаст Асалаеву, а тот Шамилю? Надо порвать письмо, мало ли как может повернуться судьба.

Карбатыр достал письмо, еще раз перечитал, разорвал на мелкие кусочки и развеял по ветру.

Что касается наиба Асалаева, отец, ты совершенно прав, и я буду по отношению к нему поступать именно так, как ты советуешь, а что касается других князей, дворян, муртазиков, я могу с тобой и не согласиться. Это особенно касается Берзеджа. Ты просто многого не знаешь о твоем друге Джирандуке. Я бы сказал, бывшем твоем друге. Он был мужественным человеком, но как, почему ослаб перед наибом, лишился своей княжеской чести. Прости, но это так. Он испугался, так испугался, что царские войска могут высадиться в Убыхию с моря, что спрятался, как говорится, под бурку наиба Асалаева. Довольно с него уже и того позора, что он, князь, старший по возрасту, в пути всегда едет слева от наиба. Над ним смеются все адыги — и стар и млад. И справедливо смеются. И насчет Джеймса Белля ты тоже прав: для него превыше всего интересы Англии. А еще мне кажется, отец, все, что делает Берзедж, согласовывает с Джеймсом, может быть, даже послушно выполняет его волю. Возможно так, а возможно, и иначе, затем я и еду сегодня в Убыхию — узнать об их замыслах, намерениях как можно больше. Прости, отец, если что-нибудь сделаю не так, нет у меня сейчас доброго и мудрого советчика, всего

лишь одно твое письмо... Недоволен я и Хаджемуковым. Во времена Хан-Гирея, ты хорошо это знаешь, он поддерживал нас, а теперь, когда не стало Хан-Гирея, не на кого свалить вину за неудачи, совсем старается не попадаться мне на глаза. Только Цей мне опора, мужествен и порядочен. Не знаю, как тебе, отец, а мне все-таки жалко Хан-Гирея. Скорее приезжай, надо же в конце концов со всем этим разобраться...

Беседуя сердцем с отцом, вспомнил Карбатыр и упрямых абадзехских тфокотлей, шумные, часто бестолковые шапсугские хасэ... И война — кровь, пожары, сироты, калеки. И почудилось ему, будто над всем этим стоит в некой вышине зловещая тень наиба Магомет-Амина — горячечный блеск его больших круглых глаз, мелодично-слащавый голос, красивые жесты гибких рук.

Есть в нем некая нечеловеческая, возможно, дьявольская сила, думал Карбатыр, никак не сила Аллаха. Однако как бы он не околдовал абадзехов, не прильстил убыхов, шапсуги не попадутся на его сладкую, но отравленную ядом наживку. Надо все хорошенько разузнать самому, чтобы потом рассказать адыгам, открыть им глаза. Зачем он таскает за собой пушки, когда ездит по аулам? Не доверяет адыгам или боится их, вроде бы показывает им свою силу, но в сущности — это трусость. Почему он никогда не бывает один на людях, почему, прежде чем поехать куда-то, высылает туда отряд вооруженной охраны. Очень часто, пообещав приехать в один аул, приезжает в другой, как бы путает свои следы, словно заяц. Эта хитрая лиса, этот боязливый заяц, этот чужак еще упрекает, что я не оказываю должной наибу чести, упрекает в том, что я предаю адыгов, а главное, грозится напасть на шапсугов. Пусть только сунет сюда свой нос!

— Это никак Карбатыр Зан перед нами? — сказал всадник в косматой папахе своему спутнику. Они выехали навстречу Карбатыру из мелколесья.

— Доброго пути, Карбатыр! Как это ты в такое тревожное время решился ехать один?! — с веселым лукавством спросил второй всадник.

Карбатыр узнал обоих, приветно ответил им:

— Разве я не имею права ездить свободно по Черкесии?.. Пусть будет что будет, но я хочу быть свободным, не хочу бояться. И тебе доброго пути, Джабег!

Джабег, услышав свое имя из уст князя, благодарно улыбнулся:

— Зиусхан, ты мужественный, храбрый человек и все-таки не надо ездить по нашим беспокойным дорогам одному.

— Почему вы так тревожитесь за меня?

— Раз ты спрашиваешь, придется сказать тебе правду. Думаю, ты не станешь нас предавать? — вопросительно посмотрел на Карбатыра Джабег и, встретившись с твердым мужским взглядом, продолжил: — Наибу Магомет-Амину не по душе князь Карбатыр Зан. Не нравится он ему...

— Вот как! — усмехнулся Карбатыр.— Что поделаешь, и нам тоже не все нравятся в подлунном мире.

— Я сказал то, что есть, зиусхан! Верно я сказал, Тумэн?

— Верно, Джабег. Все твои слова верные, крепкие.

Карбатыр, продолжая посмеиваться, испытующе посмотрел на Джабега, на Тумэна:

— Вы, мои братья, часом не состоите в охранниках наиба, а?

— Как же, конечно, состоим! Потому и советуем тебе не ездить одному. Наиб — жестокий человек. Ты не смотри, что он так красиво читает Коран, так сладко молится, а уж как Аллахом клянется! В душе он совсем другой. Правда, к нам с Тумэном относится неплохо. Так я говорю, Тумэн?

— Так, Джабег. Именно так!

— А сегодня сказал нам: что-то засиделись вы дома, погуляйте, поразомнитесь, а то, сидя дома, совсем ослабнете. А еще сказал: посмотрите, чтобы лишние люди не болтались по нашим дорогам. Вот мы и смотрим, зиусхан,— сказал Джабег и доверительно добавил: — Если ты не против, зиусхан, мы проводим тебя, а заодно и разомнемся с добрым человеком.

— А что на это скажет наиб? — подшучивал Карбатыр.

— Подумаешь, какая грозная птица этот пришлый чужак!

— Подумаешь! — отозвался и Тумэн.

— Ты наш, ты адыгский князь, сын самого Сафербия Зана! Можешь считать, что ты за нами, как за каменной стеной! Верно я говорю, Тумэн?

— Очень верно, Джабег.

— Спасибо. Надеюсь, вы тоже озабочены большой бедой, что пришла на землю адыгов?

— А как же! — воскликнул Джабег.— Мы же не какие-нибудь заезжие чужаки, а адыги!

— Адыги! — в тон Джабегу сказал Тумэн.

— Но сейчас, зиусхан, объявилось и другое ж дело... Война началась!

— Какая еще война?! — удивился Карбатыр.

— Во-вий, Тумэн, что ж мы до сих пор не сказали зиусхану главного? Турция, Англия и Франция объявили войну России.

— Как? Что ты говоришь? — воскликнул Карбатыр, приподнимаясь на стременах.— От кого ты это узнал?

— Берзедж сказал. Говорит, русские корабли уходят от адыгского побережья. К Крыму уходят.

— Должно быть, русские войска вообще уйдут из Черкесии.

— Я тоже так думаю, теперь им не до нас. Нам пора, зиусхан, будь осторожен. Поехали, Тумэн.

Карбатыр остался один на горной тропе в некоторой растерянности от неожиданности. Ему вспомнились слова отца из письма, где он говорил о том, что скоро произойдет событие большой важности, и еще — он надеется вскоре вернуться домой. Легче ему будет теперь вернуться или труднее? Ведь он — офицер турецкой армии.

Как ты сейчас нужен, отец, адыгам. Именно ты, а не наиб. Мне трудно без тебя, а теперь — тем более... Зачем мне сейчас ехать к Берзеджу? Война... Большая война!

Чтобы поточнее узнать о новых грозных событиях, возможно, и что-нибудь увидеть, Карбатыр решил возвращаться к себе домой берегом моря.

IV

Трижды Сафербий Зан подавал прошение об отставке, наконец, зимой 1853 года его просьбу уважили. Помог ему в этом Измаилбей Хрозер, но больше всех помогла Хури-ханум. Она добилась приема у султана, рассказала ему о Сафербие Зане, попросила отпустить этого уважаемого всеми адыгами человека на покой. Султан не мог устоять перед обаянием Хури-ханум и разрешил отставку.

В это время, когда Сафербий снял погоны, и начались события, приведшие к грозной, трагической развязке в Крыму.

Русский посол Меньшиков, как писали газеты, требовал от турецкого правительства предоставления помощи православным христианам в Турции не только в делах духовной, церковной жизни, а и в гражданских делах, защищая их права, которые, как писали газеты, часто нарушались.

Турция отклонила требования России, касавшиеся положения христиан. Дипломатические отношения между двумя государствами были прерваны.

Все уже было готово у Сафербия к отъезду, уложен небогатый скарб, осталось только найти подходящее судно, на котором можно было бы добраться до Черкесии. Всего лишь судно, однако найти его оказалось крайне трудным делом. У него были деньги, он не стоял за ценой, но так складывалось: то отложили день отплытия, то заболел капитан, то еще что-то случилось.

Не везло Сафербию. Над ним будто смеялась его судьба. Еще немного, еще чуть, и он был бы у себя на родине, но именно этого самого «чуть» всегда и не хватало на протяжении многих лет, прожитых Сафербием в Турции. А потом и вовсе — грянул, как говорят, гром!

Сафербия вызвали в Стамбул и вновь, ни на что не обращая внимания, призвали в армию и тут же направили заместителем генерала Омар-паши к границам Армении и Грузии.

Стояли изнурительно жаркие дни лета.

Месяц знойных дней, высокого, яростного солнца.

Месяц кровавой развязки всей газетной шумихи — Турция объявила войну России. На сторону Турции встали Англия, Франция, а затем и Сардиния.

России приходилось воевать одновременно с четырьмя государствами, да еще война в самой империи с Чечней, Дагестаном, Черкесией.

Турецкая армия, где служил Сафербий Зан, недолго задержалась в Армении, в Арзеруме, перебазировалась в Грузию, в Батум.

А из Батума уже была видна Абхазия, а за Абхазией — Черкесия. Берегом моря — и вот она, родная земля...

Однажды Омар-паша сказал Сафербию:

— Если Россия так и дальше будет воевать, то мы скоро доберемся, зиусхан, до Черкесии.

— Думаю, это будет не так просто, генерал. Посмотрим, когда минуем Ахацкалаки.

— Ты полагаешь, зиусхан, что русские опомнятся и переменят характер своих действий?

— Они обязательно попытаются это сделать, но мы не должны позволить им, надо принудить их сделать так, как выгодно нам, генерал.

— Верно,— сказал генерал, поднялся, заслоняя своим тучным телом свет окна и, посасывая трубку, продолжил: — Черкесы могли бы помочь нам в наших военных операциях, мы бы тогда скорее освободили их от русских. Если наиб Магомет-Амин и в самом деле объединит черкесов, то мы легче, быстрее достигнем нашей общей цели.

О какой цели в Черкесии говорит этот мордастый генерал, спрашивал Сафербий, этот большой мастер по убийству людей? Не сегодня турки вынашивают идею о наших землях, но если адыги не хотят признать хозяевами в Черкесии Россию, то чем вы лучше? Ничего у вас не выйдет! Вот с Магомет-Амином вы можете найти общий язык, сторговаться между собой, но не с нами. Русские хотя бы наши соседи.

— Ты не согласен со мной, князь? — прервал размышления Сафербия Омар-паша.— Ты не веришь наибу или он со своими идеями тебе вообще не нравится? — подозрительно глядя на Сафербия, спросил генерал.

— Давай лучше поговорим об этом после Ахацкалаки,— нехотя ответил Сафербий, а потом решительно добавил: — Наиб не сможет объединить адыгов, они не пойдут за ним.

— Почему ты так полагаешь, князь? — вынув трубку изо рта, уставился Омар-паша на Сафербия.

— Чтобы командовать адыгами, править ими, генерал, надо быть урожденным адыгом, надо быть вскормленным адыгской матерью, слушать ее колыбельные песни.

— Вот как! — удивился Омар-паша, вскинув на лоб свои густые черные брови.— Но ведь Наполеон не был французом, а посмотри как его боготворили французы!

— Не забудь, генерал, чем кончил Наполеон...

В битве за Ахацкалаки Сафербий не учавствовал, судьба ему уготовила иное: когда турки вновь взяли Анапу, его послали заместителем коменданта крепости. Сказать, что Сафербий этому назначению обрадовался, значит, ничего не сказать о том состоянии, в каком он находился, стоя на палубе корабля, державшего курс на Анапу. Может

быть, это было ощущение полета птицы, вырвавшейся из клетки, может быть, восторг сердца, что находилось в тисках и теперь освободилось.

В синей дымке стал показываться берег, который он знал с детства.

В ногах Сафербия, во всем теле появилась слабость, изнеможение от радости. Он сложил руки перед грудью, не отрывая взгляда молился: о Всемогущий, Всеславный и Всемилостивый Аллах! Благодарю Тебя, что сподобил меня увидеть мою родину, землю моих отцов и дедов. Пошли, боже, счастливые дни моей родине, благослови мою встречу с нею!.. Натухай, Шапсугия, а справа Убыхия. Горы, леса, быстрые реки... О мой Всеславный Аллах, увижу ли я когда-нибудь адыгов под единым государственным флагом, за большим, единым семейным столом? Если мне не суждено увидеть это, то пусть увидят хотя бы наши дети и внуки...

Показалась Анапа.

Мечеть. Устремившийся в небо минарет. Они были построены еще отцом Сафербия, Магомчерием Заном. Сложены из камня лучшими мастерами того давнего времени. Каменные дома, окружавшие мечеть, словно бы собравшиеся на богомолье — тоже старинной постройки. И все это с высокого берега смотрится в море и рвется к небу.

А дальше, в низине — Куматыр, дороже которого нет для Сафербия!

Больше трехсот всадников провожало Сафербия с поручением хасэ в Турцию. Проводили до самого берега, до самой палубы корабля. О, как это было давно! Так давно, что, кажется, нет такой меры, которой можно было бы измерить эту разлуку с Куматыром.

Постарел, сильно поседел Сафербий. Да что он! Теперь, должно быть, и Карбатыр стал взрослым мужчиной и тоже, наверное, поседел. А сколько адыгов покинуло белый свет, сражаясь, отстаивая свою землю! Впрочем, разве одна Россия виновата в этой неохватной беде. Пожалуй, все пошло от турков, чьи погоны я ношу до сей поры. Почему я служу им?! Им, а не своему народу?

Горько стало у Сафербия на душе при этой мысли.

О Всемудрый Аллах, воскликнул он, прости мне все мои прегрешения, наставь на путь истины. Помоги моему

многострадальному народу! Трудно России воевать одновременно с четырьмя державами. Возможно она сейчас согласится на великое княжество Черкесии под протекторатом России? Да и адыгам надо сомкнуться плечом к плечу под одним флагом, под единым руководством. Неужели они еще и в такое время не поймут необходимость этого? Должны понять, иначе перестанут существовать как народ... Но после взаимного кровопролития, поверит ли Россия нам? Как доказать ей, что в нынешней ситуации нам с ней нужен мир?

На Анапской пристани царила обычная суета, когда причаливает корабль. Сгружали разные ящики, скатывали пушки. Спускались по трапу в полной походной выкладке турецкие аскеры-солдаты, покрикивали на них офицеры. Сгрудились повозки, фаэтоны. Но все турки и турки. А где хозяева этой земли? Вот так же было тогда, когда здесь сгружались царские войска — прятались, таились от них адыги.

Какое великое горе быть чужим на собственной земле, с болью подумал Сафербий. Вместо того, чтобы быть гостеприимными хозяевами, как велит наш обычай, мы молимся: о Аллах, смилуйся над нами, спаси и оборони нас от захватчиков, от алчных людей. Ты, Великий Аллах, единственная поддержка бедного адыга!

А кто там маячит на пригорке?! До боли в глазах всматривался Сафербий, хотел узнать кого-нибудь из трех всадников. Потом спохватился! Те трое, может быть, когда он покидал родину, только-только на свет божий народились. Эх, беда, эх, горе-горькое.

Сошел Сафербий по трапу с корабля и, не обращая внимания на офицеров, встречавших его, их начальника, опустился на колени и, шепча молитву, поцеловал землю.

— Кто этот турецкий офицер, что целует нашу землю? — спросил один из всадников.

— И правда, почему турецкий офицер целует нашу землю, чем она пришлась ему по душе? — спросил второй всадник.

— Валлахи,— сказал третий,— не знаю. Да и разве может турок так целовать нашу землю?..— Потом воскликнул: — Во-вий! Если не обманывают меня мои глаза — это зиусхан Сафербий Зан! Смотрите, смотрите! Это и в самом деле — он! Быстренько,— обратился он к младшему

тфокотлю,— скачи в аул и скажи князю Карбатыру, пусть встречает отца, а мы пока пойдем приветствовать нашего зиусхана Сафербия Зана, сына Магомчерия.

В тот же вечер в Анапу прискакал Карбатыр. Отец с сыном после такой долгой разлуки пристально всматривались друг в друга, все говорили и говорили, не могли наговориться и слушали один другого, как бы заново открывая отец сына, а сын отца...

Приезжали адыги в Анапскую крепость к великому князю Сафербию Зану, сыну Магомчерия, и всем он оказывал должный почет и уважение, радуясь и благодаря за то, что помнили его, ждали. И эти встречи были самой большой наградой ему.

Хотя Сафербий заранее не объявлял о дне своей поездки в Куматыр, когда выехал из ворот крепости, его ждало множество верховых. Не только у ворот крепости — много было адыгов на взгорках, в долине. Они палили из пистолетов и ружей, приветственно вздымали обнаженные кинжалы, шашки.

Блестели слезой глаза седого, страшно утомленного долгой разлукой с родиной, князя. Он, приветствуя адыгов поднятыми руками, шептал: за что мне такое счастье, за что они так рады мне, моему возвращению... Но подожди, что слышу, «твое оружие — наше оружие». О каком оружии они говорят, ведь на мне погоны турецкого генерала. Только сейчас сообразил он, что выехал из крепости в турецкой форме. Однако он и не мог поступить иначе, чтобы не дразнить турок, они и без того косятся на него, мол, с передовой, где кровь и огонь, его перевели в тихую крепость, в гости к своим землякам. Как будто угадав его мысли, в толпе раздался одинокий выкрик:

— Эй, Сафербий Зан, ты считаешь, нам мало русских, так еще привели и турок?! — это кричал тфокотль на буланом коне. Ему отозвался с того же взгорка еще один:

— Хватит, Зан, торговать нами!

Никто ничего не сказал, все сделали вид, будто не было этих оскорбительных слов. Сам Сафербий поступил так же, но обидные слова жгли всю дорогу. И только когда в дом сбежалась вся его многочисленная родня, он на некоторое время забыл обиду. Но стоило ему лишь на

минуту остаться наедине, боль обиды возвращалась в сердце, горячо стучала в висках.

После полудня, в час княжеского отдыха, отец с сыном остались вдвоем, смогли немного отдохнуть от многочисленных гостей, приходивших с поздравлениями, с громкими, торжественными словами, которые, как известно, утомляют больше, чем работа.

Сафербий в молчании прохаживался по комнате, собираясь с мыслями, успокаивая сердце, а потом сказал:

— Сядем, сын мой. Нам есть о чем поговорить... Ты был прав, говоря, что среди тфокотлей встречаются и такие, которые не согласны с нами, готовы стать поперек дороги.

— Ты это знаешь, наверное, а не по слухам?

— Да, зиусхан,— Сафербий подчеркнул, что его сын — князь, и говорить он с ним будет не просто как со своим родным сыном, а как с ответственным человеком, с князем. Вздохнул глубоко и встревоженно Сафербий, расстегнул ворот мундира.— Я знаю, я встретил таких людей сегодня утром по дороге в Куматыр.

— Тебя оскорбили, отец! Я найду их и отомщу!

— Успокойся, князь. Не надо горячиться. Дело не в том, что оскорбили меня. Просто среди тфокотлей есть несогласные с нами.

— Наверняка тебя оскорбили приспешники наиба, отец! — возгорелся гневом Карбатыр.— Я найду их, отрежу им языки, как это делает наиб.

— Нет, сын мой. Этого делать нельзя, иначе ты сам уподобишься наибу, его жестокости. Разве не правда, что Черкесия оказалась в тяжкой беде из-за Турции. Потом — Россия, теперь опять — Турция. А что дальше, кто следующий нагло придет на нашу землю? А на мне мундир турецкого бим-баши... Думай, зиусхан, думай. Не верь только тому, что на поверхности, глубже смотри.

V

С началом русско-турецкой войны положение Магомет-Амина среди абадзехов еще больше окрепло, потому что он оказался истинным пророком, предрекавшим войну России с Турцией, и поддержку в этой войне Англии, Франции.

Теперь в Абадзехии только и было разговору о великом предвидении наиба. Каждый выступающий на аульских собраниях, а то и в кунацких, начинал свою речь с восхваления наиба:

— Наш мудрый, всеведающий Магомет-Амин оказался истинным пророком наших дней, и мы должны следовать всем его указаниям, верить каждому его слову — в этом наше спасение.

Если подручные, доверенные наиба, видели, что тфокотли как-то вяло выражают свою любовь к нему, преданность ему, если не хватало в их взорах огня верности Аллаху и его посланнику, они вежливо, но угрожающе-твердо напоминали им об этом, призывая имя Всемогущего, Всемилостивейшего, но и строгого Аллаха, говорили, как чист и светел образ наиба Магомет-Амина, как исто и верно он служит ему и как надо благодарить его за заботу о них, грешных.

Да и сам Магомет-Амин, можно сказать, уверовал в свои пророческие способности, в свою миссию посланца Аллаха, и, основываясь на этой уверенности, все с большей силой давил на абадзехов, требуя от них беспрекословного повиновения. С тех пор, как началась война, он не знал устали, посещая аулы, выступая на хасэ, вместе с Берзеджем и Беллем. Правда, хотя Берзедж и хорошо встретил и приветил наиба, он Магомет-Амину не понравился и не перестает вызывать у него сомнения, наибу все кажется, что князь скрывает от него что-то важное. Да и Джеймс не давал основания доверять ему целиком и полностью. Вообще убыхам он не верит, не нравятся они ему, хотя и провожали его до шапсугской границы, как провожают царя: несколько сотен вооруженных всадников, щедро угощали в каждом ауле, произносили торжественные речи, называя его посланцем Аллаха, преподносили подарки. Нет, не купишь Магомет-Амина подарками да громкими пустыми словами — подавай ему искреннее повиновение, волю свою отдай, а то и самую жизнь.

Как-то после возвращения наиба из Убыхии, приехал к нему Джимов, увидел его некую озабоченность или даже опечаленность, спросил на всякий случай:

— Что слышно в Убыхии, наиб, что нового?

— Убыхские тфокотли, слава Аллаху, живут хорошо,— как всегда он начал разговор о тфокотлях.— Море теперь

стало для них свободным. А какие базары на прибрежье! Все там есть — золото-серебро, хоть птичье молоко! Нет теперь там никаких запретов, вольная жизнь пошла.

— Вот именно, наиб! Не только убыхи, а и мы волюшку почувствовали. Дахапские тфокотли тоже потянулись на базары к морю. Во имя Всемилостивейшего Аллаха пусть продлятся твои дни, наиб, пусть очи твои радуются свету. Сбылись твои пророческие слова — и Турция, и Англия, и Франция бьют Россию. Благодаря твоей мудрости и мы вздохнули свободно!

— А теперь к нашим союзникам присоединилась еще и Сардиния. Никого из наших освободителей не будем забывать, да воздаст им всем Аллах великую радость, вечное счастье,— торжественно возгласил наиб, возводя очи к небу.

— Конечно, зиусхан, верные твои слова! — Джимов тоже поднял взор свой вверх.

— Велики милости Аллаха, и ни в коем случае нельзя их забывать.

— Да, наиб, да, нельзя забывать, особенно милость Аллаха, Его посланца. А что это за Сардиния, наиб? Тоже могучее государство?

— Как тебе сказать,— несколько опешил наиб от такого вопроса, помолчал, подбирая верное определение для Сардинии, но усомнился, что поймет их Джимов, и сказал, что подвернулось: — Да, могучая. Такая же могучая, как и Англия, Франция, а хоть и Турция. Ты понял меня?

— Да, наиб, как не понять твои мудрые слова.

— Вот и отлично.— Помолчал наиб, вдруг насупил брови, сказал: — Да-а, был я в Убыхии, счастливо стали там жить, а вот... их предводитель Берзедж мне не нравится... Скользкий он какой-то, непонятный. Все бегают его глаза, не смотрят прямо и честно.

— Валлахи, наиб, это нехорошо!

— Берзедж раньше не был таким. Сильно изменился с той поры, как возвратился из Турции Сафербий Зан с их погонами на плечах!

— Нехорошо Берзеджу вести себя так, не к лицу князю.

— Правильно ты понимаешь, благослови тебя Великий Аллах. Если Берзедж решил, что сила на стороне Занов и потому тянется к ним, то сильно ошибается, и придет время, жестоко расплатится за эту ошибку! — недобрым

огоньком сверкнули глаза наиба, налились гневом.— Странный этот Берзедж, как и странные все адыги: каждый тянет оглоблю в свою сторону, не думая, что повозка от этого не тронется с места, а то и вовсе, сорвется да и покатится назад, в пропасть!

— Точно так, наиб, ты попал в самую точку,— не думая о том, что от наиба получил, в сущности, пощечину, как и все адыги, спешил подставить ему другую щеку.— Верно, верно, мы, адыги, такие. Про оглоблю — правильно, о пропасти — правильно. А то что Сафербий Зан гордится своими погонами, которые на него надели турки, так это уже совсем никуда не годится, а еще говорят, будто он подражает тебе, хочет стать во главе всех адыгов, хочет руководить всей Черкесией.

Наиб улыбнулся:

— Неумный он человек. Я служу самому Аллаху, а не туркам, как Сафербий.

— Заны всегда отличались скрытностью, кичливостью, самомнением,— поддержал Джабраил.

Наиб вспомнил, как он встречался с Сафербием в Турции. Принял его Зан широко, достойно. Угощал изысканными обедами и ужинами, знакомил с влиятельными людьми. Ввел в дом Хрозеров, познакомил с Тефикбеем (Теофил Лапинский), Мехметбеем (Янош Банья), с Омаром-пашой. Наиб удивлялся, что Сафербий вроде бы и не очень интересовался делами адыгов. Даже о своей семье не расспрашивал. Однажды наиб упомянул имя Карбатыра. Сафербий только усмехнулся и промолчал. Разумеется, Сафербия все интересовало, что касалось адыгов, Черкесии в целом, его семьи, сына, но он не хотел об этом говорить с наибом, просто не доверял ему или вовсе не принимал во внимание как важного деятеля. Магомет-Амин, возвратясь в Черкесию, платил за это ненавистью Карбатыру, всем Занам. Больше того, он был зол на шапсугов, будто все они вместе взятые оскорбили его.

— Я еще в Турции раскусил Сафербия Зана, а значит, и всю его семью. Ты, Джабраил, прав, говоря о кичливости, самомнении Занов,— с чувством своего превосходства сказал Магомет-Амин.— Но им некуда деваться, рано или поздно придут ко мне. Прибегут к абадзехам, и скажут: помогите нам справиться с гяурами. Попомнишь мои слова, эфенди, дай только срок. Турция еще посмотрит на

Сафербия: удержит он Анапу или нет. Если не удержит своим малочисленным войском, плохо ему придется, турки — крутой народ. А ты думаешь, зачем его прислали в Анапу?

— Не знаю,— замялся Джимов и добавил: — Не ради того, чтобы его прославить.

— Верно! Угадал! Он уже подходит к седьмому десятку, говорят, на ходу спит. Какая тут слава! Бесславье!

— Я тоже слышал такое, наиб.

— А раз ты это и сам слышал, надо чтобы все тфокотли знали. Понял меня?

— Вернусь в Дахап, в свою округу и всем правоверным растолкую что к чему. Не беспокойся, наиб. Все узнают, все запомнят. Аж и в Натухайе узнают, во всей Черкесии узнают, что турки выставили Сафербия на посмешище.

— Только ты поимей еще в виду и такое дело. Старость, конечно, говорят, не радость, каждого она ждет. Слабы старческие силы, и глаз не тот, и ухо, и голос не тот. А как бим-баши быть без мощного командирского голоса? Но дело не только в этом. Турки посадили его в Анапу, чтобы адыги под его руководством сами защищали свою землю от неверных. О-о, турки хитрые лисы, хитрые! Они его обвели вокруг пальца.

— Совершенно верно, наиб! Турки и хитры, и умны, и коварны!

— Поглядим, на что способен князь Сафербий Зан, турецкий бим-баши. Посмотрим,— угрожающе сказал наиб.

— Вот именно, посмотрим.

— Послушай, Джабраил, как там ведет себя муртазик Тим Некрас?

— Валлахи, наиб, не знаю, что и сказать.

— Вы ладите с ним?

— Не совсем.

— В чем дело? — строго спросил наиб.

— Как бы это объяснить...

— Не тяни,— еще строже потребовал наиб,— говори все, как есть, как на духу!

— Его имя и фамилия, Божий посланец, сами говорят о себе, лучше я сказать не могу.

— Почему ты так говоришь? Что-то замечаешь, что-то знаешь?

— Я не доверяю ему. И все тут.

— Скажи яснее.

— Мне сдается, он тянется к своим соплеменникам гяурам.

— Ты можешь это как-то доказать?

— Ходят всякие слухи.

— И до меня доходят кое-какие слухи и о тхаматэ мехкаме Джимове, ну и что? Слухи они и есть только слухи.

— О Аллах! — испугался Джимов.— Какие слухи?!

— Не о тебе, о Тиме Некрасе говорим.

— На днях он ездил к сыну в Шабеж.

— Я об этом знаю.

— Больше пока ничего не знаю. Как узнаю, тут же сообщу.

— Это правда, что Некрас дружит с Цеем?

— Больше, чем правда, наиб! Они болтают о тебе всякую чепуху, прости наиб, Божий посланец, прости.

Услышав то, что хотел услышать, Магомет-Амин вскипел яростью, но сдержал себя. Даже улыбался. Натянуто, ехидно, но улыбался. Встал.

Джимов подскочил. Взглядом сопровождал наиба, который стал прохаживаться по комнате. Ходил так, будто каждый его шаг — выстрел по врагу. Мстительный, меткий.

— Ты можешь подтвердить при людях то, что сейчас мне говорил?

— Да, наиб,— испуганно подтвердил Джимов.— Аллах свидетель, наиб, я никогда не говорю того, чего не знаю.

— Да, конечно. Нехорошо, когда твой тфокотль оговаривает тебя. Я противостою казачьим саблям и пулям во имя Аллаха, во имя благополучия адыгов, их свободы.— Лицо Магомет-Амина стало кумачевым, глаза заискрились гневом.— Кто сделал муртазиком этого гяурского прихвостня Некраса?

— Тфокотли, Божий посланец, тфокотли.

— За какие заслуги?

— Не знаю. Они его назвали. Конечно, в мужестве ему не откажешь, тут никуда не денешься.

— Побил Богоса? В этом его мужество?— ехидно усмехнулся наиб.

Председатель окружного мехкаме впервые слышал это. Богос аккуратно ходит в мечеть, исправно совершает

намазы и вдруг — такое! Как же это? И председатель ничего не знал. Однако не это встревожило Джимова, другое крайне беспокоило: кто доносит о всех делах в Дахапе наибу? Ведь если этот самый осведомитель, проще сказать, доносчик наиба, сегодня заложил муртазика, то завтра он может заложить и самого председателя! Вот так штука! И Джимов назвал себя вислоухим, растяпой, раз такое просмотрел. Но ничего, он найдет этого стукача-негодяя!

— О Богосе, наиб, я слышу впервые.

— Не только о Богосе, а и о многом другом я знаю, чего не знаешь ты. Чем больше знаешь, тем большая сила в твоих руках. И наоборот, дорогой тхаматэ. Ты меня понял? Вот так. Дам тебе маленький пример, сколько аулов входит в твой мехкаме?

— Пятьдесят три аула, наиб,— не без гордости ответил Джимов.

— Так вот, все они должны быть у тебя, как на ладони. Это вовсе не значит, что ты должен сам ходить по этим аулам, заниматься всякими житейскими мелочами. У тебя должны быть помощники, на которых можно положиться. У всех остальных должен быть перед тобою, перед главою власти страх. И уважение! К нерадивым, ко всякого рода вольнодумцам надо проявлять твердость, а если понадобится, то и жестокость! Слабым, маловерам она только на пользу. И еще скажу: не надо воевать с тфокотлями, они хоть по большей части бедны, невежественны, но они сила! И эта сила должна быть в твоих руках. Всякого рода строптивых родовитых, богатых типа Цея надо давить силой тфокотлей, которая в твоих руках. Но, тхаматэ, тут мудрость, слушай: повторюсь, тфокотли — сила, которую ты должен взнуздать и поводья строго держать в своих руках. Глупы тфокотли, хотя и сильны в своей массе, глупы, потому и выбрали своим муртазиком Тима Некраса. Ты понял?

— Да, наиб, Божий посланец! Не знаю, чем он подкупил тфокотлей, но все они стоят горой за Тима Некраса.

— Ты говоришь, Тим Некрас неглупый и мужественный человек?

— Да, наиб. И свое место знает, и со своими соплеменниками воюет неистово. Но он, наиб, плохой человек, дружит с Цеем и Заны его родственники.

VI

После того, как Тим съездил в Шабеж, отругал сына и сказал строгое отцовское слово, он как-то успокоился. В том смысле успокоился, что теперь у него в душе все стало на свои места, образовалась твердая определенность.

Хотя много времени прошло с того памятного дня, а Тим нет-нет да и вспомнит его. Может, и не вспоминал бы, но напоминала об этом Самай. Хотя Тим и запретил ей напоминать о Руфате, но что поделаешь, мать она и есть мать. Если она забудет свое дитя, перестанет быть матерью, главным, что повелел ей господь.

Надо еще сказать другое: разве человеку легко отрубить свой палец? Видно, поэтому Тим и подсылал к Руфату его бывших друзей на переговоры. Они всячески его уговаривали повиниться перед отцом, вернуться домой, но — тщетно. Весь в меня характером, своей твердостью! — неистовствовал Тим.

Не сидела, сложа руки, и Самай. Тайком от Тима съездила в Шабеж: просила сына, умоляла, рыдала беззвучно, затаившись на груди его, но и это не помогло: Руфат был тверд, как камень. Ходила Самай к гадалке, даже тайком устроила мусульманский молебен. Зная, что Руфат изредка заезжает к Хагуру, уговорила жену Хагура подсыпать в чай Руфату наговоренного зелья. И это не помогло.

Теперь, когда люди все знали о разговоре в Шабеже Тима с Руфатом, он гордо носил свою голову, прямо смотрел в глаза людям. Да и тфокотли еще лучше стали относиться к Некрасу. Они понимали отцовскую беду, сочувствовали его и уважали его мужественный поступок, без стеснения, открыто выказывали ему это.

На людях Тим вел себя достойно, твердо и, кажется, без колебаний, но, оставаясь наедине с самим собою, ослабевал. Трудно отцу, очень трудно...

Сегодня Тим возвращался из Анапы, куда ездил повидаться со своим родственником, князем Сафербием Заном. Пробыл там более суток. Там же, у Сафербия, в этот день, до позднего вечера были Берзедж, Хаджемуков, Цей и другие. Несмотря на то, что Тим был всего лишь почетным тфокотлем, аульским муртазиком, сидел на равных с князьями, конечно же, выказывая при этом свое уважение ко всем, скромно вступая в общий разговор.

Неторопясь ехал Тим домой и размышлял по дороге: хорошо все-таки, что Сафербий вернулся. Плохо, конечно, что на нем турецкие погоны, но сегодня он их носит, а завтра может снять и выбросить вон. Думаю, адыги теперь вместе с князем Сафербием оживут, поднимут голову, станут крепче духом. Как говорит Сафербий, Крымская война заставит Россию призадуматься, посмотреть на себя и на адыгов другими глазами. О Аллах, пошли нам Свою милость.

Потом Тим вспомнил о Руфате. Обидно ему и горько, что так получилось с сыном, что не сумел воспитать его. Кто отвечает за своего сына, если не родитель? Или позор ему или слава, третьего не бывает. Даже если сын и незаметный, но честный, все равно родителям люди скажут доброе слово.

Это же надо, горевал Тим, собственный сын воюет против меня. Может, оттого и покарал его Аллах смертью его молодой жены, жаль только, не отдает Руфат нам внука. Самай ездила к нему, просила, так тот и слышать не хочет, сам, говорит, воспитаю. Карбатыр и Мария с ним разговаривали. Где там! Пропадает мальчишечка-внучек среди гяуров, а у меня таким бы парнем вырос, таким адыгом был бы! О Аллах, вразуми несмышленного малыша, вложи в него истинную веру, благодарное сердце, хоть и рожден он мужчиной. Вразуми непокорного отца его, пусть отдаст нам мальчика, и мы воспитаем его правоверным адыгом. А если Руфат все-таки не отдаст мальчишечку, тогда прости и помилуй Великий, Всемудрый Аллах, я возьму его силой оружия.

К вечеру, когда стали зажигаться огни в домах, Тим стоял на взгорке и смотрел в долину, где приютился Дахап. Отыскал среди домов и сараев, среди деревьев свой дом. Свет в окнах родного дома осветил его душу. Разве есть что-нибудь лучше света в окнах твоего дома, когда возвращаешься из дальней дороги. Даже конь, почуяв близость дома, приветливо заржал и прибавил шаг.

Навстречу Тиму к воротам выбежала Самай. Даже не выбежала, а вылетела легкой птицей:

— Тим, радость у нас какая! Руфат вернулся! И внука нашего привез!

Тим спрыгнул с коня, будто легкий и ловкий юноша. Сдерживая радость, спросил:

— Руфат приехал? Внука привез? — и, стараясь не торопиться, повел коня в сарай.

— Я тебя очень прошу, Тим, ради Аллаха,— шептала шедшая следом за мужем Самай,— будь поласковей с Руфатом, ради малыша, будь добрее.— И слезы радости и тревоги текли по ее щекам.

Слушая жену, Тим, кажется, окончательно успокоился. Завел коня, расседлал, все так же неторопливо. Повесил седло на гвоздь и, подойдя к лошади сына, огладив его гриву, спросил:

— А почему конь его не расседлан? — Расседлал. Повесил седло рядом со своим. Сказал жене: — Иди в дом, а я напою лошадей... А почему сын не встречает меня? Он что, не знает, как надо встречать отца? Забыл там?

— Знает, знает,— засуетилась Самай,— сейчас я. Вскоре Руфат и лет восьми мальчишка, а за ними и Самай вышли из дома.

Мальчишка кинулся к деду, будто они всегда вместе были, вместе жили. Подбежал мальчишка и взлетел на руках деда вверх.

— Ну что, внук, приехал к деду? Рад, что приехал, а? Мальчишка улыбался, смеялся во все свои белые зубы, искристыми глазами, ручонками своими, всем существом улыбался, радовался, повизгивал.

— Он еще не знает по-нашему,— виновато сказала Самай.

— Не знает, так научим,— сказал Тим по-адыгски и потом заговорил с внуком по-русски: — Скажи, внук, как тебя зовут?

— Меня? — мальчик вопросительно посмотрел на отца, спрашивая разрешения говорить: — Меня зовут Алексей Романович Некрасов. А тебя?

— Ты, внук, зови меня дедушкой. Я — твой дедушка Тим. Твой тата. Тат Тим. Понял?

— Понял, а папа говорил, что тебя зовут Тимофеем Михайловичем Некрасовым.

— Да, внук. Раньше так звали, а в ауле я — Тим Некрас. Стало быть, и ты будешь меня так звать. А тебя, дорогой наш внучек, с сегодняшнего дня станем величать не Алексеем, а Алимбеком. Алимбек Некрас! Во как!

— Но я же Алексей Некрасов,— удивился мальчишка.

— Пусть, пусть, а мы с наной Самай будем звать Алимбеком. Так звали моего друга,— Тим украдкой глянул на Руфата.— Он погиб в войне.

— Пап, ты слышал? Меня Алимбеком будут звать. Ладно?

— Иди задай корм лошадям, напои,— приказал Тим сыну. Опустил на землю внука, взял его за руку: — Пошли, Алимбек, я покажу тебе ягнят. Они такие пушистые, такие красивые. А нана приготовит нам ужин.

— Я уже ел. Бабушка кормила теплыми и очень вкусными лепешками.

— Значит, ты ел щелям. По-нашему так называют. Щелям.

— А молоко, дедушка, как по-вашему называют? — загорелся интересом внук.

— Я просил тебя называть меня татом.

— Да. Тат, как по вашему называют молоко?

— По-нашему и теперь по-твоему называют — щэ.

— Щэ! — весело воскликнул Алексей-Алимбек.— Интересно. И совсем не трудно. Даже красиво, тат.

— Молодец, Алимбек!

— Пойдем скорее, я хочу видеть белых пушистых ягнят. Они как называются?

— По-адыгски — шынэ.

— Шынэ! Совсем не трудно. Интересно как! А овцы?

— Мэлы.

— Мэлы,— повторил Алимбек.

— Нет,— улыбнулся Тим, так тебя не поймут. Послушай: мэ-лы-ы... Так, уже хорошо.

— А лошадь по-вашему как?

— Не надо говорить «по-вашему», говори по-нашему. Лошадь — шы!

— Уй, как здорово! Шы, шы, шы!

Руфат задавал лошадям овес и слушал беседу деда и внука. До слез, до боли сердечной ему было приятно слышать эту беседу. После смерти матери Алексей привык к офицерам, но по-детски тосковал по семье, и вот теперь у него опять есть семья, мальчишка так рад, так счастлив.

Вот они пошли домой. Дед вышагивал важно, как полагается деду, а внук кружил вокруг него вприпрыжку. Резвился, радовался, радовал деда...

Хорошо, что он послушался Павла Ракитова и привез сына сюда, в родительский дом. И Хагур тоже советовал отдать мальчишку деду с бабкой:

— Не возьмешь же ты его с собой на фронт.

— А если в приют? На время нашего похода.

— Что-о?! — возмутился Хагур.— При живых твоих родителях?! Нет, я костьми лягу, а не позволю тебе этого сделать!..

Спасибо им, моим друзьям, спасибо, подумал Руфат, тем более, никто не знает, останемся ли мы живы. Вон какая война развернулась... Пусть отец называет его, как хочет, пусть воспитывает. Он сделает из него настоящего мужчину... Бедный отец, он думает, что я приехал домой насовсем. Господи, как мне объяснить все.

Дед и внук сидели за обеденным столом.

— Так не пойдет, мой дорогой внук,— по-русски говорил Тим, сердито нахмурив брови сквозь улыбку,— надо все съедать, что дают, а иначе вырастешь хилым, а то и вовсе не будешь расти, вот таким карапузом и останешься.

— Все! Одолел!

— Молодец, но после еды так не говорят, сынок.

— А как?

— Шыкур Аллах дурилах, говорят. По-русски это значит — благодарю Аллах, что напитал меня. Понял?

— Понял, тат. Шыкур Аллах дурилах. Так?

— Ай, молодец,— обрадовалась Самай. И украдкой посмотрела на Руфата. Он тоже был доволен.

— Теперь, Алимбек, пусть твой отец поест, наверное, он проголодался.

— Я сыт, тят. Поел перед твоим приходом,— сказал Руфат по-адыгски, а потом добавил по-русски, чтобы понятно было сыну: — Я сыт, отец.

— Да, тат, папа недавно поел.

Самай сидела возле печки, дед разговаривал с внуком, Руфат присел на краешек кровати.

О Аллах Всемилостивый, просила про себя Самай, примири отца с сыном, уйми их рознь, пошли нам в дом покой. Она молилась так, зная, что отцу с сыном предстоит трудный разговор.

— Алимбек, вы с наной пойдете в другую комнату, она там тебе покажет кое-что интересное, а нам с отцом надо поговорить.

— Успеете еще, успеете! — пытается отодвинуть трудный разговор Самай,— посидите с нами.

— Пойдите, посмотрите там,— не повышая голоса, но твердо сказал Тим.

Алимбек был рад угодить деду и потому попросил:

— Покажи, нан, что там у тебя есть.

Отец с сыном молчали, оставшись вдвоем, не знали, как начать трудный разговор.

— Ну... как ты живешь, Руфат?

— Живу, тят. Доволен. С сослуживцами лажу.

— Если не выгнали, значит, пришелся им ко двору. Похоже, стараешься угодить...

— Привез вот Алешку,— прервал Руфат отца, чтобы не отвечать на его обидные слова.

— С сегодняшнего дня внука будем звать Алимбеком.

— Понял, отец. Зовите.

— Чего же ты нам не сообщил о кончине его матери. Она все ж невестка нам, мать внука нашего.

— Не хотел вас тревожить.

— А то ты без этого мало нам тревог наделал,— с горестной укоризной сказал Тим,— хоть мы и не видели нашу невестку, а все же жаль нам ее, мать нашего внука, продолжателя рода Некрасов. Кто бы она не была, какой веры, все равно — творение Божье, потому и скажу — пусть ей земля будет пухом. Говорят, будто я однажды видел ее в доме Газара. Может, и видел, да не запомнилась она. А хотелось бы хоть лицо ее увидеть, чтобы помнить. О Аллах! А теперь скажи, сын мой, как понимать твой приход в отчий дом?

— Я в пути, отец.

— Мы все в подлунном мире путники.

— Завтра я должен быть на службе,

— Так скоро хочешь увезти Алимбека?

— Нет, я привез его к вам насовсем.

— Спасибо за эту радость. А ты?

— На Крымскую войну.

— Вот как. Матери сказал?

— Нет. Не надо, отец.

— Горе-горькое... А я думал, ты насовсем пришел домой... А ты — на войну. За что воевать-то будешь? — спросил и долго смотрел на сына.

Руфат должен был ответить — за Веру, Царя и Отечество. Должен бы сказать, но промолчал, чтобы не раздражать отца.

— Ты машешь шашкой, сын мой, обагренной адыгской кровью, но я не стану тебя ни ругать, ни упрекать. Этим ничего не изменишь. Но скажи мне, почему ты так поступил, отказался от отца с матерью, от их веры? Что толкнуло тебя туда? Скажи.

— Это долго объяснять, отец. Да и, наверно, не объяснишь словами, а сердцем как скажешь?

— Может быть, ты хочешь сказать, что Некрасы — русские люди? Коренные русские? Но мы только по происхождению русские, по крови, а духом мы давно адыги. Твой дед пришел к абадзехам еще в прошлом веке.

— Но ведь, отец...

— Молчи. Мы с тобой не найдем языка, на котором бы поняли друг друга. Скажу только: не та мать, которая родила, а та, которая воспитала. Нас воспитала, вскормила земля адыгов. Мы с тобою не знаем другого неба.

— Понимаю, отец, но пойми и ты — русские мне ближе по своему духу, а не только по крови.

— Как же они могут быть тебе ближе, нечестивец ты эдакий! Не пойму, не пойму я тебя, невозможно понять.

— А я тебя не могу понять, отец, только ты не сердись.

— А чего сердиться,— тоской и печалью смягчился Тим,— ведь ты говоришь то, что думаешь, что чувствует твое сердце. Пойми и ты меня: просто мы стоим на разных берегах, и речка такая бурная, что ее не переплыть. И моста на ней не наведешь, сорвет его, унесет в море. Адыг я, душою и мыслями, кончиками пальцев и ногами, которые ходят по этой земле, по пляскам и песням, по сказкам. А ты — нет. Ладно! Поедем, я провожу тебя.

— Зачем, отец?! Я сам.

— Как хочешь, но я тебя одного не отпущу. Это моя воля. Время вон какое!.. На большую войну едешь. Береги себя, но если вернешься, не обнажай своей шашки против адыгов, против отца родного. Эй, где ты там? — не называя Самай по имени, позвал Тим. Голосом полным боли и отчаяния позвал.— Я тебя зову! Парню пора в обратный путь, собери ему на дорогу.

— Сын мой, Руфат, куда же ты засобирался, я ведь еще и не насмотрелась на тебя,— запричитала вошедшая

Самай.— Да скажи ему свое отцовское слово, Тим, чего же ты молчишь? Скажи, прикажи остаться!

— Хватит! — сердито прервал жену Тим.

— Может, ты обидел сына? Он ведь едва живой остался, видишь рубец на его шее.

— Женщина! — глаза у Тима гневно засверкали, а потом голос упал, помягчел.

— Мы поговорили. Мы поняли друг друга. Алимбек, внук мой, попрощайся с отцом. Он возвращается в свой полк.

— А я?!

— Ты, сынок, остаешься с дедушкой и бабушкой. Тебе здесь будет хорошо.

— Как же, па? Я остаюсь с татой и наной? Скажи дяде Павлу, Ивану, Василю, всем скажи, я люблю их. Потом обязательно приеду.

Поднялся Тим с нахмуренными бровями, погладил по голове внука:

— Оставайся с бабушкой, а я немного провожу твоего отца и тут же вернусь.

— Скоро вернешься? — дрогнувшим голосом сказал Алимбек.

— Да,— свойски подмигнул дед внуку.

Молча отец с сыном ехали аулом, молча миновали околицу, поехали окрестностями. По адыгской традиции разговор должен начать старший по возрасту. Хотелось Руфату еще поговорить с отцом, но как заговоришь, если он молчит. Оставалось только думать, ворочать тяжелые, как придорожные камни, думы. Глянул на отца — темен и суров его лик в предрассветной мгле, словно бы где-то далеко-далеко был от Руфата.

Тоска и боль.

Хорошо, что я не сказал тогда отцу и матери о смерти Полины, похороны без них справил, по православному обряду. Ничего доброго не вышло бы из их приезда. Отец-то вон какой правоверный, не подступись. Но дело не в этом, а в том, что отец не знает, да и незачем ему знать, что Полину убили...

Вспомнился ранний весенний день. Его послали за водой, он прихватил с собою жену. Это недалеко от крепости. Веселый, звонкий такой ручеек бежит, падает с камня — искрится на солнце, поет свою песню о высоких

горах, где он родился и откуда бежит, торопится к морю, к широкому простору, к крутой волне.

Хорошо им было на горе над крепостью, над морем, под ярким весенним небом, над зелеными далями. Руфат набирал ведро, передавал его Лине, она выливала воду в бочку.

Баловались, брызгались, шутили!

Потом уселись рядышком и поехали, тихонько напевая.

В чагарнике у валуна выскочили из кустов два верховых, заросшие до глаз, в косматых папахах. Руфат и опомниться не успел, как они связали его, бросив на землю к валуну.

— Руфат Некрас, это ты?

— Я.

— А это жена твоя?

— Да! Если вы мужчины, развяжите меня.

— Сучий ты сын, пусть твоя гяурка получит свинец.

Полина, схватившись за грудь, упала.

Руфат рванулся, сколько было у него силы, но тут же получил удар по голове и потерял сознание. А когда пришел в себя, увидел мертвую Полину, разбитую бочку, вытекшую воду...

Опомнившись от тяжких воспоминаний, Руфат бессознательно дернул поводья.

— Что случилось, сын?

— Ничего, отец, просто конь споткнулся.

Усмехнулся Тим:

— Он что, слепой? Верно говорят, конь хорошо чувствует настроение своего хозяина — и беду и радость его. Беда, вот и спотыкается твой конь.

Стало развидняться.

В густом, тяжелом небе начали прорезываться вершины гор. Закурились туманом дали. Стали четче видны кусты шиповника и терна.

— Я в обиде на тебя, Руфат. Ты не сказал правду о смерти нашей невестки. Не сказал матери своей, не сказал малолетнему сыну — правильно сделал, а отцу-то своему надо бы сказать. Как же иначе? Твой враг — мой враг... Правда ли то, что мне рассказывали о ее смерти?

— Правда, отец.

— Нечестивцы! Скажи, если знаешь, кто они?

— Не знаю.

— А если увидишь, узнаешь?

— Да. Одного из них, кажется, зовут по-русски. Туман, что ли.

— Как?! — Тим резко придержал коня.— Может, Тумэн?!

— Может быть, Тумэн, а может, Туман.

— Тебе кажется или ты в самом деле слышал это имя?

— Один из них говорил по-беслинейски — это точно.

Побледнел Тим. Тронул коня.

— Ты кого-то подозреваешь, отец?

— Нет, сын,— Тим скрыл правду,— мало ли на свете подлых людишек...

VII

Надежды адыгов на то, что с началом Крымской войны царские войска уйдут с Черкесии, не оправдались. Больше того, на некоторых участках они переходили в наступление и теснили турецкую армию.

Турция, надеясь с помощью Англии, Франции, и Сардинии на скорую победу над Россией, ошиблась. Первые успехи союзников были, вероятно, результатом некоторой растерянности российского командования, а потом они пришли в себя, и обстановка стабилизировалась. Надежда турецкого командования на то, что дагестанцы и черкесы будут им добрыми и сильными помощниками, тоже не оправдались. Особенно плачевными были дела с адыгами. Магомет-Амин и прибывший в Анапу Сафербий Зан не смогли между собою договориться, и единой силой противостоять России. У них даже между собой все время происходят стычки.

Омар-паша очень сердился и на наиба Магомет-Амина и на бим-баши Сафербия Зана. Это что же получается, говорил себе Омар-паша, Черкесия так и не идет на открытую войну с Россией. До теперешней войны она еще как-то беспокоила, что ли, русские крепости, укрепления, устраивала набеги, а теперь заглядывает к нам в рот, надеется на нас, а сама ничего не хочет делать. С Сафербием тоже самое: пока он был в Турции, трудно было удержать его, а прибыл в Анапу, ничего толком не делает. И что он имеет против Магомет-Амина? Что тот не адыг? Ну и что? Сам-то он не турок, а служит в турецкой армии! Да и не

один он такой! Магомет-бей, Тефик-бей, Карадж-бей! Ни один из них не турок, а служат Турции, воюют против России. А разве Магомет-Амин не против России? Нет, это блажь, уважаемый Сафербий. Все это я тебе сегодня же и выскажу, хотя ты мне добрый приятель. Но война есть война! Правда, и Магомет-Амину нечем особенно похвалиться. Тоже, наверное, топорщится, строит из себя великого человека. Строй сколько угодно, а если дело требует, то пойди, к кому надо, и поклонись в интересах этого дела. И нечего с Сафербием играть в ваши игры. О Турции, под чьим крылом вы находитесь, надо печься, господа!

Чтобы сказать все это Сафербию и наибу, Омар-паша пригласил их на сегодня в Сухум, в свою ставку.

— Ну?! Где наши приглашенные? — спросил он у адъютанта, гневно глядя на него своими круглыми, навыкате глазами.

— Магомет-Амин еще вчера прибыл и ждет вашего приглашения, господин командующий!

— А Сафербий Зан?

— Вместо него прибыл его сын, князь Карбатыр.

— Что это еще за новости! — насупился Омар-паша.

— Не могу знать, мой господин! Сын говорит, Сафербий Зан приболел, потому и не смог приехать.

— Скажите! — возмутился Омар-паша.— Оказывается, на войне можно болеть? Лежать в мягкой постельке с примочками, припарками. Когда уходит ближайший корабль из Сухума в Анапу?

— Через час.

— Пошлите туда нашего человека. Негласно пошлите, пусть он там разберется, что за болезнь у Сафербия? В постели он или умирать уже собрался. Зовите гостей. Впрочем, погодите. Не обоих вместе. Сегодня пригласите Карбатыра Зана. Наибу же не давайте скучать. Покатайте по морю, покажите город, разные места и всякое такое. Одним словом, постарайтесь исполнять все его желания.

Омар-паше уже за семьдесят, однако выглядит он молодо, по-военному подтянут, строен при своей тучности. Круглолицый, при красивых темных усах. Говорит, будто чеканит. Редко встает с места, а вставши, любит прохаживаться по комнате. Султан считает его одним из самых талантливых полководцев, всячески ему доверяет, оказывает уважение. И все подчиненные относятся к нему тоже с уважением, а то и подобострастно.

Выпроводив адъютанта, Омар-паша некоторое время сидел в кресле за столом, посасывая свою неизменную трубку, набитую крепким турецким табаком. Он размышлял над предстоящим разговором с Карбатыром Заном. Попробовал представить себе Карбатыра, сына своего друга Сафербия, бывшего офицера русской армии. О нем писали газеты как о мужественном человеке, способном офицере.

Открылась дверь, рядом с адъютантом стоял князь Карбатыр.

На круглом лице паши, несколько схожем с полной луной, просияла деланная, радушная улыбка, будто он всю жизнь знал этого молодого адыга.

— Добро пожаловать, господин Зан. Как поживает твой отец? Я слышал, что мой друг приболел, очень жалею, что не могу его сегодня видеть.

— Отец передает вам свой привет, господин паша. Он тоже очень хотел бы видеться с вами, но у него резко поднялась температура, врач приказал лечь в постель. А это его послание к вам.

— Что поделаешь, в нашем возрасте болезни довольно частые гости,— сказал паша, быстренько пробежал послание.— Аллах милостив, поправится твой отец. Мы еще встретимся с ним, наговоримся в свое удовольствие. Садитесь поближе, вот сюда,— указал на кресло Омар-паша.— Подумаем вместе с тобою над черкесскими делами.

— Простите, господин паша, но прежде, чем приступить нам с вами к нашему разговору, разрешите задать вам один вопрос.

— Слушаю тебя,— удивленно улыбнулся паша и подумал, что сын похож на отца, только будет посмуглее.— Слушаю, Карбатыр. Что же ты стоишь? Садись, мой друг.

— Мы слышали, что вы пригласили к себе Магомет-Амина, и уже сам видел его сегодня на берегу моря. Адыги поручили мне передать: они недовольны тем, что от имени адыгов будет говорить с вами чужой им человек.

Нахмурился Омар-паша:

— Ты, господин Зан, говоришь от имени всех адыгов? Я правильно тебя понял?

— Я говорю от имени шапсугов, натухайцев и убыхов,— ваше превосходительство.

— А абадзехи, беслинеевцы, темиргоевцы? Их не меньше тех, кого ты назвал. Почему ты забыл о них?

— Но наиб и к ним не имеет никакого отношения, ваше превосходительство, он — чужак, а они — адыги сами хотят решать свою судьбу. Вот коротко, что я хотел вам сказать.

— В таком случае у меня к тебе два вопроса, господин Зан.— Омар-паша был взбешен дерзостью молодого Зана, но плох тот генерал, который не умеет быть дипломатом, держать себя в руках, сражаться улыбками, красивыми словами, обещаниями.

— Слушаю вас, ваше высокопревосходительство,— осторожно нажимая на это последнее слово, Карбатыр как бы льстил паше, а в душе-то посмеивался над его генеральской строгостью, даже некоторой надутостью.

— Между черкесскими племенами уже установилось единство, взаимопонимание?

— Пока нет. Но мы идем к этому.

— И когда придете? — прищурил круглые глаза в усмешке Омар-паша.

— Думаю, это внутреннее дело самих адыгов, ваше высокопревосходительство.

— Второй вопрос: твой отец знает о твоих теперешних заявлениях?

— Я ничего не говорю такого, чего бы не знал мой отец, господин паша. Если бы приехал князь Сафербий Зан, он говорил бы тоже самое, что сейчас говорю я. Повторяю еще раз: наиб породил между адыгскими племенами раздор, и потому не имеет права говорить с вами об адыгских делах.

Сладко-сладчайше улыбнулся Омар-паша:

— Уж не держишь ли ты, господин Зан, сторону русских гяуров, которые разоряют вас. Если говорить всерьез, мы заботимся о черкесах, а не о дагестанцах. Ради черкесов мы начали войну с Россией и теряем в боях своих воинов.— И, улыбаясь, резко переменил тон разговора паша...— Как ты напоминаешь мне твоего отца в молодости. Так же горяч, напорист. Хватит нам говорить об этом злосчастном наибе. Не исключается, что ты прав. Твой отец в Турции тоже много плохого слышал о наибе, и очень беспокоился. Я пригласил наиба и Сафербия для того,

чтобы разобраться с ними с глазу на глаз, возможно, примирить их. Конечно, в твоих утверждениях есть справедливое недовольство наибом Асалаевым. Я в свое время говорил об этом султану. Надо сказать, для русских тоже на руку разногласие между черкесами, они боятся их объединения в единую нацию, боятся создания ими государства, именно поэтому русский царь в свое время отверг идею Хан-Гирея, а потом и Сафербия Зана. Посмотри, что же получается: наиб хочет единства черкесов, есть тут у него некоторые успехи, но вы не хотите наиба. Получается некий порочный круг. Пожалуйста, как хотите, но найдите пути объединения всех черкесов, пути создания серьезной силы, которая при нашей поддержке станет поперек России. Не нужен вам наиб? Обойдетесь без него? Мы — за, мы поможем вам. Надеюсь, наш разговор останется между нами?

— Не беспокойтесь, можете положиться на меня, господин паша.

— Мы, мусульмане, обязаны понимать друг друга именем Великого и Всемудрого Аллаха. Турция честна перед черкесами и будет честной. Так и передайте им от моего имени, а главное, от имени султана.

— А Эдирнский договор? До сего дня адыги не признают его, господин паша. Как тут быть? — не удержался от этого вопроса Карбатыр, хотя, может быть, и не следовало его задавать.

— Не надо ворошить прошлое, господин Зан. Тот договор горек не только черкесам, но и нам, туркам. Но что толку грозить кулаком прошлому.

— Обида наша заключается в том, что мы не принадлежали Турции, а она отдала нас России, как свою собственность,— не унимался Карбатыр.

— Согласен с тобою, князь. Полностью согласен, но ведь этот самый Эдирнский мир уже не существует, мы находимся в состоянии войны с Россией.

— Но адыгам от этого не легче.

— Только с одной стороны, а с другой — от вас зависит найти путь освобождения. Вся Черкесия должна взять в руки оружие и выступить против завоевателя, против России. Имам Шамиль, пославший к вам Асалаева, ведет газават против нее. Вам необходимо договориться с наибом. Договориться как хозяевам земли своей. Конечно,

Турцией правит турок, Черкесией должен править черкес. Делайте это! О Аллах, благослови нас, мусульман, в нашей правой борьбе против иноверцев. Открой двери рая мусульманам, а гяуров сожги в геене огненной... Лично я считаю, мы с большой пользой поговорили, выяснили то, что должны были выяснить. Как ты думаешь, князь Карбатыр?

— Так же, как и вы, господин паша.

— Я рад. Так и передай все отцу, другу моему и скажи: пусть быстрее выздоравливает, нас с ним ждут славные боевые дела.— В это время распахнулась дверь и два офицера внесли большой тяжелый сундук.— Это от имени турецкого султана мы дарим Занам и молим Аллаха, о милости к вашему роду, чтобы не претуплялись ваши шашки в боях с гяурами, чтобы отец твой не забывал — он турецкий бим-баши. А эти золотые часы передай ему от меня лично.

В тот же день после полудня Омар-паша пригласил для беседы наиба Магомет-Амина Асалаева. Безо всяких дипломатических подходов спросил у наиба:

— Вы хорошо знаете черкесов?

— Думаю да, господин паша. Вот уже несколько лет я делю с ними и радости и тревоги, победы и поражения. Хлеб-соль делю с ними и молюсь Великому Аллаху.

— А я их знаю больше тридцати лет. И еще один вопрос: может ли между черкесскими племенами наступить согласие и взаимопонимание?

— Думаю, как не было, так и не будет.

— Почему?

— Каждый достает яйца из своего гнезда. Только из своего.

— Значит, каждый князь или князек считает себя всевластным и могучим петухом?

— Вы не ошиблись, господин паша.

— Как вы думаете, являются ли Заны для всех черкесов авторитетными? — Омар-паша знал ответ на этот вопрос, но хотел попытать наиба.

— Я не могу этого утверждать. И отрицать полностью нельзя. Натухайцы и шапсуги считают безусловно их своими предводителями. Князья Берзедж и Хаджемуков прислушиваются к нам. Но это пока, когда мы стоим рядом

с ними, но лишь отдалимся, они тут же могут переметнуться к Занам.

— Я думаю, это не только одним черкесам присуще,— лукаво улыбнулся Омар-паша.

— Согласен, но черкесам соперничество присуще сильнее, нежели другим. Кроме того, если ты не их племени, доверия тебе не будет.

— Вы, кажется, жалуетесь, наиб?

— По отношению к абадзехам я этого не скажу. Думаю, они мне доверяют. Они даже за спиной не говорят, что я чужак, нахлебник и прочее. Надо добавить, что меня безоговорочно поддерживают бедные и средние тфокотли, а богатые, так же, как родовитые, вроде Цея, сторонятся.

— Согласен с вами, однако, наиб, будьте осторожны с этим, так сказать, большинством. Не потакайте им в их устремлениях к власти. Это очень опасно, может привести к анархии. Надо всегда их держать под своим контролем.

— Можете быть спокойны, господин паша.

Омар-паша все время присматривался к наибу. Курчавые, густые усы и борода, не по годам уже тронутые сединой, тонкий с горбинкой нос облагораживали наиба, а ладно сидевшая черкеска с кинжалом в серебряных ножнах, наборный с черненным серебром пояс, украшали его. Вот только белая чалма, подумал паша, портит его истинный мужской вид. Похоже, чалма просто чужда черкесскому костюму. Вдруг Омар-паша спросил:

— Вы не ладите с Карбатыром Заном?

— Между нами нет ничего такого, что разделяло бы нас, а объединяет общая беда — русское нашествие.

— А сам Карбатыр утверждает другое.

— Что бы он не утверждал, господин паша, Аллах моей правде свидетель. Если я говорю им, давайте объединимся и сообща защитим Черкесию от России — разве я не прав?

— Ведь Карбатыр говорит то же самое, но абадзехи и темиргоевцы не слушают его,— подбросил Омар-паша.

— Черкесы не любят слушаться, господин паша, не верят никаким призывам и обещаниям.

— Чем же их в таком случае можно взять?

— Хитростью и устрашением,— прямо глядя в глаза генералу, сказал наиб, испытующе помолчал и потом продолжал: — Черкесы, как вы, очевидно, знаете, делятся на четыре сословия: князья, родовитые, зажиточные тфо-

котли и остальные тфокотли. Я не говорю о крепостных, о дворовых. Князья и родовитые, пытаясь, так сказать, приручить тфокотлей, выделили из них часть людей и сделали их зажиточными, а те, почувствовав свою силу, стали соперничать с ними, стали присваивать себе чуть ли не княжеские права и почести. В Абадзехии меня сначала поддержали именно почетные тфокотли, состоятельные, имеющие в своих руках реальную власть. Опираясь на них, я, можно сказать, подчинил своей воле родовитых, а потом занялся самым многочисленным сословием — простыми крестьянами. Думаю, вы лучше меня знаете, что на поле боя важны не титулы, а количество и качество воинов. Вот так поступил я, подчинив себе большую часть народа. Разумеется, есть у меня и противники среди и родовитых, и почетных тфокотлей.

— Все же позволю себе повториться: будьте осторожнее с этим большинством, с простыми тфокотлями, с этой серой массой, претендующей часто на то, что ей не принадлежит и принадлежать не может.

— Да, господин паша,— с готовностью поддержал генерала наиб,— вы совершенно правы, полностью можно доверять только Всемогущему и Всемилостивому Аллаху да самому себе.

— Верно,— одобрил паша, а сам подумал: вон ты какой, только Аллаху и себе доверяешь, а мне?

— Что касается страха,— самодовольно продолжал Магомет-Амин,— есть категория людей, на которых действует только принуждение, есть люди, и думаю что их большинство, которым совершенно необходима грубая сила, их надо ставить на колени. И что самое удивительное, как только их заставишь, они как бы забывают самих себя и начинают самозабвенно, фанатически служить тому, перед кем стоят на коленях. Русские правильно поступают: построили крепости, создали казачьи станицы и гнут черкесов. И знаете, уже много таких, которые склонились перед ними.

— Но в последнее время, наиб, когда мы стали воевать с Россией положение изменилось. Русские выжидают, как будут развиваться события, чтобы потом использовать их в свою пользу. Вы же занялись не своим делом, пытаясь объединить черкесов, пытаясь всю власть над Черкесией в целом взять в свои руки, ослабили газават. Вы позволяете абадзехам спать на мягких постелях. А об убыхах и вовсе не говорю, они скоро начнут поддерживать русских.

— Прежде всего следует объединить под единым руководством всех черкесов, без этого нечего и думать о победе над Россией,— твердо ответил генералу наиб. А сам, с трудом сдерживая едкую усмешку, подумал: очень вы умны поучать. А что на деле? Обещали прислать оружие, порох и свинец, и не прислали. Обещали дать нам в помощь поляков и мадьяр, но их нет. Обманули вы нас, господа турки. Вот тут и повоюй с отличной русской армией, которая и вам трепку задает.

— Аллах дает нам победу над Россией,— сказал паша, он не знал, о чем тайно подумал сейчас наиб, но почувствовал, что мысли его были недобрыми, даже обидными для Омар-паши.

— Великий Аллах всегда с вами,— заторопился наиб.— С Его ведома и вы и мы противостоим гяурам. Делаем все, что в наших силах, но...

— Что «но», договаривайте, наиб,— рассердился паша.

— Я просто не знаю, господин паша, как вам объяснить... Не хотелось бы говорить о вашем добром друге Сафербие Зане плохое. Однако с тех пор, как он приехал в Анапу, нам не стало житья. Турецкими войсками он угрожает убыхам и бжедугам, делает все, чтобы расшатать власть, которую я с таким трудом установил в Абадзехии. Этим же занимается его сын Карбатыр. Мне кажется, они хотят примириться с Россией. В ауле Бастуке живет весьма авторитетный муртазик Хагур, через которого они связываются с русскими.

— Говорят, один из ваших муртазиков тоже поддерживает русских? — как бы между прочим спросил паша.

— Муртазик? Из Абадзехии? Кто же это может быть? — искренне удивился наиб, подумал: «А этот турок неплохо знает, что у нас творится. Кто ж это из наших доносит обо всем?»

— И мне интересно, что вы не знаете этого,— ухмыльнулся паша.

— А-а, наверное, муртазик Некрас! — воскликнул наиб.— Вы его подозреваете?

— Я никого не подозреваю, говорю просто то, что слышал. И не только Некраса называют.

— Что касается Тима Некраса, господин паша, я его проверил. Правда, его сын служит у русских. Тимофей Некрас многих заткнет за пояс своей преданностью черкесам, своим мужеством и искренностью. За Аллаха он готов жизнь отдать. Я в этом убежден. Что же касается других, не знаю. Каюсь. Разве что Цей со своими дружками? Но тфокотли держатся от них в стороне, поддерживают меня.

— Речь не лично о вас, наиб! Мы пригласили вас по государственным делам, а не по личным. Я разговаривал с Карбатыром Заном. Жалко, не удалось свести вас с ним. Заны не хотят встречаться с вами, не хотят сотрудничать.

Будь это в их власти, они и одного дня не позволили бы вам находиться в Черкесии.

— Я это хорошо знаю, господин паша.

— Хорошо, что знаете, господин наиб, но этого мало. Очень мало! — Омар-паша натужно поднялся, стал прохаживаться по кабинету. Магомет-Амин тоже встал. Генерал усадил его обратно:

— Сидите, пожалуйста. Просто мои стариковские ноги затекли. Ничего, сейчас они придут в норму... Оспаривая свое первенство, добиваясь своего личного возвышения, вы ослабляете силы черкесов в целом. А это выгодно России. Не перебивайте меня, наиб, выслушайте терпеливо... Тысячи турецких аскеров гибнут в боях, а абадзехи под вашим мудрым руководством рассиживаются в кунацких, распивают душистый чай с перцем, заводят праздные разговоры.— Омар-паша опять сел, покряхтывая, с завистью посмотрел своими желтоватыми глазами на молодого, крепкого собеседника и с горьким упреком бросил наибу:
— Не время, уважаемый наиб, сейчас утверждать свое личное первенство, забирать всю власть в свои руки для личного пользования! Бог с ними с бжедугами и шапсугами, поднимите абадзехов, темиргоевцев, беслинеевцев, карачаевцев и ногайцев против России. Бейте ее всюду, где только можете, вот это и будет для нас поддержкой, хорошей помощью.

— Нам крайне необходимо оружие, порох, свинец, ваше превосходительство, без этого мы не можем сдвинуться с места. С одними кинжалами да шашками не очень повоюешь с хорошо вооруженной и обученной армией.

— Скоро придет корабль с оружием в достаточном для вас количестве. И забудьте хотя бы на время о своих личных целях. Разобьем Россию, тогда пусть каждый думает о себе, а сейчас нам надо думать только об общем деле.

VIII

Карбатыр в подробностях передал отцу все, что слышал в Сухуме, о своем разговоре с Омар-пашой. Ему неудобно было обсуждать друга отца, но он не стерпел:

— Извини меня, отец, я должен тебе сказать: Омар-паша — хитрая старая лиса, ему нельзя доверять.

— Не стоит обижаться на моего старого друга Омара-пашу. Он, как и я,— уставший, утомившийся путник на этой грешной земле,— ответил Сафербий.

— Отец.

— Да, да, сын мой. Тут уж ничего не поделаешь, старость есть старость, все в человеке стареет, слабеет, хочет он этого или нет. Впрочем, Омар-паша, по сравнению со мною, счастливый человек. Были, конечно, и в его жизни поражения, но побед больше. Он много сделал для своей родины, ему есть чем гордиться, а я постарел, так ничего и не добившись. Разве это не беда моя — столько лет прожить на чужбине. Прожить в бездействии, будто парализованный. А теперь они, похитившие мои годы, жалуют мне золотые погоны. Зачем они мне?!

— Чтобы ты не забывал о своем долге перед Турцией, отец.

— Да. Но они не доверяют мне. Будто в насмешку пожаловали наибу такие же погоны, как и у меня. О Аллах Всемилостивый, поделом мне.

— Неужели, тят, ты уже совсем пал духом?

— Нет, сын, просто я играю со старостью, цену себе набиваю,— усмехнулся отец.— Выходит, Карбатыр, Омар-паша был с тобою чрезвычайно любезен. Это хорошо, что ты показал ему себя, нас Занов показал, нашу принципиальность. Но я хочу тебя предупредить: не все, что говорил паша о наибе надо принимать за чистую монету. Я больше чем уверен, он наибу потом говорил о тебе то же самое. Турки привыкли приближать к себе нужных им людей, а ненужных отдалять. Именно поэтому и Омар-паша должен быть хитрой лисой. Это неправда, будто Турция начала

войну с Россией ради нашего спасения. Англичане, французы, даже Сардиния, хитрят с нами. Ничего доброго адыгам эта война не сулит. Сейчас лучше всего для нас заключить мир с Россией. Да и им это было бы неплохо. Вот и надо нам договориться. Этим я и займусь теперь. Может быть, теперь удастся добиться того, чего не удалось раньше.

— Но ведь ты сейчас служишь туркам, разве могут тебе поверить русские?

— Но разве они не знают, по чьей воле я нахожусь на службе у них? Это они заперли меня в Турции на много лет. Сбросить погоны дело недолгое, к тому же, адыги будут этому очень рады.

— Ты прав, отец, адыги будут рады, а то ведь некоторые говорят, что это ты привел сюда турок.

— Если по воле Аллаха нами кто-то должен владеть, то я предпочел бы русских, только русских! — повторил Сафербий. Встал и, заложив руки за спину, стал ходить по комнате — взволнованно, нервно.— Главное для нас не то, как нас с тобою называют некоторые, а то, как защитить Черкесию, ее честь и достоинство. Если мы сейчас будем сидеть, сложа руки, большие державы разорят, разорвут нас на части, мы перестанем существовать как народ со своей историей, культурой.— Помолчал Сафербий, горестно вздыхая, а немного успокоившись, сказал: — Надо отправить несколько доверенных людей в Абадзехию. Должно быть, турки наибу преподнесли подарок не меньше, чем нам. Пусть в Абадзехии знают, все вплоть до дворовой челяди, что наиб наживается на беде адыгов. Хорошо бы повстречаться с Цеем, Некрасом. А подарки, преподнесенные нам, немедленно, на виду у всех, раздайте вдовам, инвалидам.

Оставшись один, Сафербий долго не мог успокоиться. Мерял и мерял комнату вдоль и поперек, все думал, как теперь разговаривать с русскими, как из врагов стать, если не друзьями, то хотя бы мирно живущими соседями. Любой крутой поворот грозит седоку быть выброшенным из седла. Думал, как ему, генералу турецкой армии, встретиться с командующим причерноморскими войсками генералом Филипсоном. И наиб Магомет-Амин Асалаев не шел из головы. Не зря турки пожаловали ему генеральские погоны, похоже, в случае победы над Россией, они думают Асалаева сделать правителем всей Черкесии. Не даром Омар-паша все выспрашивал о Магомет-Амине. Не рано ли турки решили переменить седока в адыгском седле? Если они посадят на этого скакуна чужого, не будет мира на этой земле. Впрочем, абадзехи-то приняли чужого. Думаю, пока приняли, только пока.

За окном моросил нудный осенний дождь, не шумел, а как-то неприятно шуршал.

Разбередив свою душу тяжелыми думами, Сафербий отошел от окна, чтобы не слышать противного шуршания дождя. Ему теперь не хотелось ни одного дня оставаться в турецкой армии, сидеть в Анапе.

Сафербий вспомнил, как он в свое время, разругавшись с Рудзевичем, ушел из русской армии. Каждый раз, когда попадает он в сложное положение, вспоминает свой опрометчивый поступок. Теперь бы и в российской армии был генералом, служил бы рядом с родным домом. Да и адыгам от этого было бы больше пользы, чем от турецкого генерала. Аллах мой, как бываем мы глупы в молодости, как наш разум одолевает горячность, мнимая справедливость и надуманная честь, а не истинная. Что же теперь? Сегодня же бросить эти дурацкие погоны вон и уйти!.. Да, конечно, посмеются и русские и турки, скажут, на старости лет совсем из ума выжил князь Сафербий Зан...

До рассвета Сафербий не мог сомкнуть глаз. Вопросы, сомнения, тревога и какой-то бред то ли наяву, то ли во сне мучили его.

Утро было тихое, удивительно ясное для осенней поры. Показалось солнце из-за горы Пепау, и Сафербию захотелось как когда-то опуститься на колени перед великим светилом и, воздев руки к небу, воздать ему хвалу, попросить у него милости и благословения.

Он так и сделал в то утро.

Поднимаясь, он как-то невзначай увидел на своих плечах погоны. Ему показалось, что погоны эти жгли его. Движением плеч сбросил еще не застегнутый на пуговицы мундир.

И с облегчением всей грудью вдохнул в себя воздух.

Сафербий весело и в то же время повелительно крикнул:

— Ну-ка, позовите Трама! Да побыстрее!

Когда они, седлав коней, выехали со двора, за ними следом поскакали было трое аскеров. Сафербий махнул им рукой, мол, вы мне не нужны.

Анапа осталась позади.

Сафербий сказал:

— Правы адыги да и русские тоже — навязались на нашу голову эти турки!

Трам не торопился вступать в разговор с князем, хотел понять, к чему он клонит.

— Чего же ты молчишь, Трам?

— Я не совсем понял, зиусхан.

— Чего же тут непонятного? Или ты хитришь, а? Впрочем, ты прав. В нашей жизни все так перепуталось, что шайтан ногу сломит. Но ничего, Трам, мы не сдадимся! — он пришпорил коня, пустил его крупной рысью.

К полудню всадники достигли Бастука.

Нурмагомет встретил гостей, широко раскрыв объятья и с некоторым удивлением:

— Милости прошу, зиусхан, милости прошу, Трам! Ты легок на помине, князь. Карбатыр передал мне вашу просьбу приехать, я уже собрался, коня оседлал, а вы — вот они, сами ко мне пожаловали. Очень рад, очень рад, проходите. Вы хорошо знаете: ваша тревога — моя тревога, ваша забота — моя забота, радость — тоже пополам!

— О радостях, дорогой Нурмагомет, мы давно уже забыли,— проворчал Сафербий.— Хотя, слава Аллаху, сегодня и особой тревоги или горя большого нет. Впрочем, Турция и Россия воюют, нам тоже вроде бы не гоже сидеть сложа руки, ждать у моря погоды, ведь люди наши надеются на нас.

Озадаченный такими словами Сафербия, Хагур подрастерялся и недоуменно спросил:

— Скажи, что надо делать, зиусхан?

— Думаю, настала пора мириться нам с Россией,— сказал Сафербий и виновато опустил голову. Помолчал потом, ища поддержки у Трама, спросил: — Ты как думаешь?

— Более чем пора, зиусхан,— твердо ответил Трам.

Вздохнул облегченно Сафербий:

— Если так, тогда давайте обмозгуем, как нам встретиться с генералом Филипсоном.

— Как прикажешь, зиусхан, так и поступим.

— Прикажешь,— недовольно повторил Сафербий,— это не так просто. Думать надо: где, каким образом встретиться с ним?

— Как мне говорили, Ракитов и Филипсон в хороших отношениях,— обрадовался Хагур, что может посоветовать Сафербию,— но тут есть одно обстоятельство.

— Какое? Если ты имеешь ввиду мои турецкие погоны, то уже отдаю тем, кто мне их пожаловал! А уж если говорить на чистоту, то русские сами же и помогли мне надеть их, но дело-то ведь не в погонах, не в мундире, а в том, что бьется под мундиром горячее сердце... Короче говоря, Хагур, пусть тебя не беспокоят мои погоны, действуй, как того требует дело. А теперь скажи, угадал я твое «одно обстоятельство?» — улыбнулся Сафербий.

— Угадал, зиусхан,— засмеялся Нурмагомет.

— Это «обстоятельство» волнует и Карбатыра.

IX

Возвратившись из Сухума от Омар-паши, Магомет-Амин стал замечать у многих абадзехов настороженность к нему, увидел как некоторые из прежних верных ему людей отошли от него. Разумеется, считал наиб, от зависти это — генеральские погоны и богатые турецкие подарки не давали покоя многим. Однако главная причина охлаждения заключалась в другом: устали люди жить в постоянной тревоге, они поняли и бессмысленность затяжной кровопролитной войны, поля и луга звали их к себе, дети и внуки просили родительской ласки и улыбок.

Не могла война объединить и без того разрозненные племена адыгов, вражда не могла породить взаимопонимание и любовь.

Адыги раскололись на два лагеря, образовались две половины, противостоящие друг другу: по одну сторону бжедуги, темиргоевцы, махошевцы, беслинейцы и кабардинцы, примирившиеся с Россией, а по другую — абадзехи, шапсуги, натухайцы, убыхи, не признающие ее власти. Кроме этого, шапсугам и натухайцам решительно не нравилось что абадзехи признали своим предводителем наиба из Дагестана. И не только не нравилось, а оскорбляло.

Если бы за моей спиной не торчали шапсуги с натухайцами и убыхи, размышлял Магомет-Амин, я бы поста-

вил на колени этих гордецов кабардинцев с бесленеевцами и карачаевцев. Не появись здесь Сафербий Зан, я повел бы своих воинов и разбил бы наголову войска генерала Козловского в Карачае... Если бы отец и сын Заны признали меня, стали под мое знамя, вся Черкесия была бы единым государством, показала бы свой мощный кулак России, как был бы доволен великий имам Шамиль!

Наиб подошел к висевшему на стене роскошному ковру, подаренному турками, и стал рассматривать оружие, висевшее на ковре — кинжалы, сабли, пистолеты, богато отделанные серебром и позолотой.

Оружие. Сколько сил тратят люди на его создание! Кто отец ему? Сатана?! Или необходимость? Не скоро, а возможно и никогда, на белом свете человек не ответит на эти вопросы. Оружие, несущее смерть человеку. Смотрел наиб на него и думал об имаме Шамиле и Сафербие Зане.

Больше года Магомет-Амин не получал никаких известий от Шамиля. Только от пленных русских солдат и знал, что в Дагестане, в Чечне разгорелась жесточайшая война. Если бы не презренный Сафербий Зан, наиб очень помог бы Шамилю, много русских войск отвлек бы на себя. Заны, что отец, что сын, стоят один другого своим непостоянством, размышляет наиб, то они тянули адыгов к туркам, то к русским, то к англичанам. Возят, как некую важную птицу, Белля по аулам, по горам. Что они хотят от него? Да и что может он? А то еще пошел слух, будто Измаилбей Хрозер посылает сюда свои наемные войска. А тут еще наши родовитые не дают мне покоя. Им не нравится, что я проповедую слово Аллаха, которое говорит о равенстве всех людей, об исламе, не признающем сословных различий. Вот эти богатеи, родовитые, и тянутся к Занам. Нашли защитников! Если они все-таки хотят разделить всех людей на сословные кланы, хотят возвыситься не священной верой в Аллаха, а своим богатством, то они не лучше гяуров, они просто безбожники!

Здесь Магомет-Амина побеспокоили:

— Можно войти, наиб? — как-то запросто спросил бородач.

— Это ты, Тумэн?

— Да, наиб, я.

— Ты где так долго был?

— Долго? Зато сделал важное дело.

— Подойди ближе и расскажи.

— То, что говорят о Сафербие Зане — правда, наиб,— недовольный тем, что наиб не предложил ему сесть, сказал обиженно, или даже зло, Тумэн.— Он отдал Анапу русским.

— Отдал или его оттуда выбили?

— Генерал Филипсон выбил.

— Это другое дело, а то — Сафербий отдал. Выбили его! — Наиб подошел к ковру с оружием, снял дорого отделанную шашку, обнажил ее, презрительно посмотрел на клинок и сказал: — Шашка эта принадлежала когда-то Сафербию Зану. Не хочу, чтобы она была в моем доме, раз ее хозяин предал свою родину. Возьми ее,— и наиб бросил шашку Тумэну.— Делай с нею, что хочешь. Надо быстрее расправиться с этими, так сказать, родовитыми, все они похожи на Занов.

Оглянулся наиб и раздраженно спросил:

— Ты еще здесь, Тумэн?

— Жду твоего приказания.

— А что я тебе прикажу? Хотя... Надо сделать так, чтобы все узнали о трусости князя Сафербия, отдавшего Анапу русским. Пусть люди увидят, как он «храбро» защищает свою землю.

— Это мы с удовольствием сделаем! — развеселился Тумэн,— по всем аулам пошлю глашатаев!

— Вот как раз этого делать и не надо! Ни в коем случае эта новость не должна исходить от нас. Ты понял почему?

— Твоя мысль остра и смертельна, как острие моего кинжала, наиб. Так я тебя понял? Надо тихонько распустить этот слух. Чем он тише, тем язвительнее.

Наиба вдруг охватил какой-то непонятный страх. Дрожь прошла по его телу:

— Послушай, Тумэн, у моих ворот, у дверей моей комнаты нет никакой охраны!

Опешил Тумэн и тоже как-то холодновато стало ему:

— А что случилось, наиб?

— Видишь ли... Мне не понравилось, как ты свободно вошел ко мне.

— А-а, ты вот о чем! — польстило это Тумэну.— Ведь это я сам подбирал тебе охранников, это все мои, а значит, и твои верные люди. Можешь не беспокоиться.

— И все-таки, скажи охранникам, чтобы без со-провождения ко мне никто не входил, никто, слышишь!

Магомет-Амин сел писать письмо Омар-паше.

Выбросил несколько листов — никак не получалось начало. Сердился наиб на самого себя, на свое какое-то глупое состояние. Позвал охранника — исполнил ли его приказание Тумэн?

— Ты стоишь у дверей? — гневно спросил.

— Я, наиб,

— Больше без сопровождения никого ко мне не пускай, кто бы он не был. Понял?

— Понял, наиб.

— Хорошо понял?!

— Хорошо, наиб!

— То-то, иди.

Разрядив свой гнев, сел к столу.

Писалось легко.

В Сухуме он тогда обещал Омар-паше выставить против русских десять тысяч конных воинов, но не смог этого сделать, потому что его сильно подвели родовитые — они почему-то не захотели его поддержать. Вероятно, кто-то распространял в их среде вредные слухи. С особым гневом он обрушился на шапсугов. Именно они в лучшем случае держат себя нейтрально, а то и вовсе поддерживают русских. Говоря о шапсугах, наиб не упоминал Сафербия, ни слова не сказал о его пагубной роли для турецкой армии, а что касается абадзехских родовитых, тут он дал себе волю. Пусть турецкое командование, когда будет повержена русская армия, вспомнит своих недругов, пусть всем им воздаст по заслугам.

Высказав на бумаге все что в нем накопилось, он облегченно вздохнул.

Перечитал письмо. Тщательно переписал его набело, запечатал. Послать его решил через Хатырбая Цея.

Называя в письме родовитых, живущих во вред Аллаху и Турции, наиб назвал и Хатырбая Цея. Он писал: «...Знаю, что каждый, кто идет против турецкого султана, неугоден Аллаху, потому Всевышний разрешает пролить его кровь. Родовитый, доставивший вам эту бумагу, один из тех, кто особенно мешает объединению черкесов под флагом газавата, он злейший враг и Турции. Вам лучше знать, как с

ним поступить, но единственное мое пожелание: пусть он не возвращается обратно в Абадзехию...»

Утром следующего дня он позвал Цея и сказал ему:

— Хоть ты и не доверяешь мне, Хатырбай, зато я тебе доверяю. Не только я, вся Абадзехия надеется, что ты доставишь эту бумагу в Сухум, Омар-паше. Наши старейшины назвали посланцем к Омар-паше тебя. Сам подбери себе сопровождающих.

— Если старейшины так решили, я готов выполнить их волю,— коротко ответил Цей и тут же поднялся уходить.— А что касается наших отношений, время само покажет, кто из нас прав. Так я думаю, наиб.

— Да, зиусхан,— стоя перед Цеем, ответил наиб, а сам подумал: «Доедешь до Сухума, там и узнаешь, кто из нас прав». И добавил к уже сказанному после некоторого раздумья: — Время каждому судья. Доброго пути, Хатырбай. Вместе с письмом передай Омар-паше и наш абадзехский салам.

Спустя пару дней после этого разговора, у порога Магомет-Амина возник шум.

Наиб прислушивался, потом выглянул в окно. Ничего особенного там не заметил, однако шум не утихал. Магомет-Амин готовый к любой неожиданности распахнул дверь. Трое охранников не пускали к нему в комнату Тумэна.

— Что здесь происходит?

— Тумэн хочет пройти к вам, наиб, без нашего сопровождения,— ответил старший охранник.

— Что они себе позволяют, наиб? Делают вид, будто и вовсе меня не узнают!

— Не надо на них обижаться, Тумэн. Они выполняют мое распоряжение.

— Да, но они же знают меня!

— Для воинской дисциплины, Тумэн, существует строгий порядок, никто не имеет права нарушить его, даже сам генерал. Пропустите Тумэна ко мне.

Едва закрылась дверь, как Тумэн зашептал:

— У меня дело, наиб... Оно касается твоей жизни! Родовитые действуют бесчестно против тебя!..

— Что ты говоришь, что за чепуха! Кто смеет?! Мы в Абадзехии или где?! Или я уже не верховный предводитель?! — горячился наиб.

— Есть такие бесчестные и в Абадзехии... Хатырбай Цей верховодит ими.

— Что они хотят?

— Ездят по аулам, науськивают людей, дескать, Асалаев чужак для адыгов. Они носят какую-то бумагу, будто бы написанную тобой. Завтра они хотят в ауле Жагуф собрать дворянское хасэ.

Услышав о письме, Магомет-Амин побледнел. Холодный пот выступил у него на лбу. Спокойно, наиб, спокойно. Пусть не дрожат твои ноги, пусть высохнет пот на лбу. Он взял себя в руки, улыбнулся:

— Что с тобой? Уж не сошел ли ты с ума, мой друг? Проходи, садись и расскажи все спокойно.

— Я совсем не сошел с ума, наиб, Аллах свидетель, я говорю тебе правду. Они угрожают тебе, значит, и мне. Наши жизни в опасности, наиб! Там происходит настоящий бунт! Люди вышли на улицы, шумят уже второй день, почему же ты этого не знаешь.

— Да не стой ты передо мною столбом. Садись, тебе говорят. И не горячись так, возьми себя в руки... Выходит, Цей не поехал в Сухум? — Магомет-Амин понял свою ошибку, которая может оказаться роковой.

— Никуда не поехал Цей. Не покидал Абадзехии.

— Он предал нас!

— А еще говорят, что ты ополчился против родовитых, хочешь их вовсе уничтожить.

— Что тфокотли говорят?

— Они пока молчат, наиб. Пока за кинжалы хватаются только родовитые да почетные тфокотли. И не только абадзехские, но и шапсугские тоже.

— А что же в Бжедугии? — наиб стал нервно взад-вперед ходить по комнате.— В Шапсугии понятно, там есть кому воду мутить, а что в Бжедугии? Говорят что-нибудь?

— Говорят. Там князья и уорки воюют между собой, наиб. Знатный тфокотль Ханахоко Кимчерий, который очень хочет стать уорком, воюет в Понежукае...

— Так, Тумэн, вот какие наши дела.— Наиб остановился напротив сидевшего Тумэна.— Упустили мы с тобой бжедугов, но ничего, придет время, и я заставлю их присягнуть на Коране... Я ошибся с Цеем, думал, расправлюсь с ним, а заодно и со всеми бунтарями из родовитых. Я хотел это

сделать для общего блага, а не для себя, мой друг Тумэн... Простые тфокотли, говоришь, пока молчат?

— Пока молчат, но тоже осуждают тебя за письмо турецкому генералу, что написали там больше ста пятидесяти фамилий родовитых, которых хотел убить. Тфокотли опасаются, что таким манером ты можешь и до них добраться. Иные даже говорят, мол, с жестоким надо и обойтись жестоко.

— Неужели так говорят? — быстро обернулся наиб.— Неблагодарные свиньи эти тфокотли! Разве не я вытащил их из-под гнета родовитых, дал им волю!

— Абадзехи почувствовали волю и теперь их не остановишь, лучше бы этого не было.

— Тут, пожалуй, ты прав... Что же будем делать? — участилось дыхание наиба.

— Думаю, наиб, нам надо уехать из Абадзехии.

— Уехать?! — вскрикнул наиб, и сам испугался своего голоса. Глаза его теперь загорелись яростью.— Нет, этого не будет, этого я не сделаю ни за что!

— Ты меня не так понял, наиб,— начал оправдываться Тумэн.— Я говорю о том, что хорошо бы пересидеть это смутное время у кого-нибудь из надежных наших людей, у кого-нибудь из почетных мужей...

— Это другое дело, Тумэн. А то — уехать! Убежать!

— Что касается твоей жены, твоего имущества, можешь нам довериться, наиб. Мы ее тотчас тайно перевезем в родительский дом Болотоковых. И добро спрячем надежно, никто не узнает. И поторапливать надо, а то ведь не ровен час! Нам надо на время отсидеться где-нибудь в надежном месте...

Тумэн оказался прав: абадзехи вели себя, как растревоженный улей, а разозленные пчелы не только гудят, но и жалят.

Молва о письме наиба к турецкому генералу, прочитанное во многих аулах, день ото дня обрастало такими подробностями, каких и выдумать, казалось, невозможно. Говорили, что Магомет-Амин тайно продал Абадзехию туркам за огромное количество чистого золота, что золото привез из Сухума. Свободу, что он дал тфокотлям, теперь рассматривали как ядовитую приманку самого шайтана.

Куда делся наиб?!

Одни уверяли, что он уехал в Дагестан, другие будто бы видели как он садился на турецкий корабль. А один старик говорил, что поздно вечером видел, как хвостастая нечистая сила уволокла нечестивца в горы.

Наиб распустил свою многочисленную охрану, потому что одному легче спрятаться. И спрятался в таком месте, что и представить себе невозможно: после долгих раздумий Магомет-Амин со своим телохранителем Тумэном укрылся у Тима Некраса...

X

Карбатыр вошел в кунацкую:

— Отец, есть хорошие новости.

— Слушаю, сын мой.

— В Абадзехии неспокойно.

— Разве только в Абадзехии? Во всей Черкесии несчастной неспокойно, сын мой.

— Я о другом, отец. Абадзехи восстали против наиба!

— Я это предчувствовал,— воскликнул Джеймс Белль,— наиб в последнее время только и заботился о себе, совсем забыл о делах адыгов.

— Насколько я понимаю, Джеймс, тебе нравится эта новость? — улыбнулся Сафербий.

— Да, князь. Я давно ждал этого.

— Скажи, Карбатыр, кто из абадзехов восстал? Кому наконец надоел наиб, кто раскусил его?

— Думаю, дворяне,— вместо Карбатыра ответил Джеймс.— Я много раз говорил ему, чтобы он не ущемлял родовитых, но он не послушался и получил то, что должен был получить в конце концов.

— Согласен с тобой, Джеймс. Наиб думал расправиться с родовитыми, взвел курок своего ружья, но оно выстрелило не в ту сторону. Руками турок захотел уничтожить родовитых, чтобы самому остаться в тени, но ничего из этого не вышло. Адыги ведь остаются адыгами, какие бы разногласия у них между собой не встречались, а наиб этого не учел,— сказал Карбатыр.

— А сам-то наиб где?

— Как ни странно, отец, но он отсиживается у Тима Некраса. У него точный расчет: Тим Некрас ни за что не нарушит адыгского обычая.

Сафербий засмеялся:

— Правду говорят, когда тебя настигает охотник, приходится класть свою голову в пасть волка.

— Именно это с ним и случилось, отец,—весело рассмеялся Карбатыр.

— Я считал Магомет-Амина умным человеком, а оказалось, он просто хитер и глуп. Он, чужак, хотел затеять войну с князьями и уорками — защитниками и хранителями вековой адыгской чести, культуры. Наиб подрубил сук, на котором сидел и, разумеется, рухнул. Я не раз ему говорил, что одним «Аллаху акбаром» не отделаешься, не управишься с народом, на первом же перекрестке дорог заблудишься.— Сафербий отягощенный немалыми своими годами и крепкой бузой, тяжело поднялся со стула, заложив руки за спину, подошел к окну.— Мы, адыги, и то с трудом справляемся со своими делами, не всегда племена ладят между собой, а он, решил, что это легко удастся. Глупость, он просто бездарно сыграл свою роль и больше ничего. Его сгубили турецкие погоны, он слишком на них понадеялся. А в общем-то, Джеймс, мы тоже слишком доверились туркам. Ты не раз говорил мне об этом, а я не обращал на твои предупреждения никакого внимания, вот и получается — тоже расплачиваюсь.

Сафербий вышел на середину комнаты, стоял как командир перед строем своих воинов:

— Отправьте послов в Убыхию, Бжедугию, Темиргойю и Беслинею. Абадзехским родовитым и почетным тфокотлям, скажите, что мы с ними заодно. Не забудьте и простых тфокотлей. Их во что бы то ни стало надо убедить идти вместе с нами. Если они не согласятся, мы вынуждены будем пойти на них войною, чтобы подчинить их.— Хотелось еще сказать, чтобы передали всем о том, что мы согласны примириться с Россией, если она на это согласится. Хотел так сказать, но при Джеймсе не стал этого делать и перешел на другое: — Думаю, и доблестная Англия не оставит нас. Жаль только, что обещанного нам оружия до сих пор нет как нет, хотя наш гость делает все, зависящее от него. Надо сказать и о наемном войске, обещанном Измаилбеем Хрозером — никак оно не может ни морем к нам приплыть, ни сушей прийти. Надеяться же на Турцию, чью армию громят русские войска, нет смысла. Думаю, не сегодня-завтра между ними будет заключено перемирие.

— Как будет с Турцией, не знаю,— вступил в разговор Джеймс,— а Измаилбей безусловно не подведет нас. Я в этом уверен. Несколько слов о наибе. Все, говоренное здесь о нем, верно, он слишком переоценил себя. Но думаю, в Абадзехии еще найдется немало его сторонников. Мне хочется, чтобы вы не сбрасывали это со счетов. Вот только не могу понять: почему он отправился в нижнюю, а не в Верхнюю Абадзехию, как он мог обратиться к Тиму Некрасу — это просто удивительно! Почему он не укрылся, скажем, в Убыхии, в доме Джирандука Берзеджа?

— Насчет Джирандука ты ошибаешься, Джеймс. У них очень сложные взаимоотношения. Думаю, по многим причинам наиб не мог поехать к нему. Ладно, это теперь уже не так важно. Важнее решить как поступить с наибом, что делать всем нам дальше. Кроме того, надо послать гонца к Тиму Некрасу, спросить что он собирается делать со своим «гостем». А мы с Джеймсом поедем в Убыхию, побываем у Берзеджа. Надо хорошенько растолковать нашим тфокотлям о событиях в Абадзехии. Важно, чтобы они правильно поняли то, о чем мы здесь говорили, и были готовы следовать за нами.

В Убыхии уже все хорошо знали о событиях в Абадзехии. Знали даже больше того, что знал Сафербий с Джеймсом. Многое рассказал им Берзедж, а закончил он свой рассказ таким образом:

— Если сказать откровенно, разграбили имущество наиба и дом сожгли. Я правда, сам не видел, но говорили мне верные люди. Услышал я это и сразу же туда послал своего человека. Все правда. Валлахи, не знаю...

— Мы же с тобою как-то говорили об этом... Что об этом говорить, дело надо делать,— сказал Сафербий.— Думаю, нужно, пойти на Абадзехию. Наши шапсугские тфокотли готовы меня поддержать. Что ты думаешь, Джирандук по этому поводу?

— А что думать, надо идти! — решительно сказал Берзедж.— И убыхские тфокотли уже держут ноги в стременах!

— Я на тебя всегда надеялся, Джирандук.

— Лучше умереть, зиусхан, чем жить, если друзья тебе не доверяют,— с достоинством ответил Берзедж, а потом хитро усмехнулся: — Я вам еще и не такое скажу, открою то, что обещал. Я послал тфокотля в Дахап к Тиму Некрасу.

И вы знаете, что он там увидел?! О Великий Аллах! Дом Тима окружен родовитыми под водительством Цея. Ну! Тим же Некрас вышел к ним и сказал: вы что, говорит, не адыги или забыли адыгские законы?! Пока я жив, даже волос не упадет с головы того человека, который укрылся в моем доме! В дом можете войти только, если убьете меня.

— Во какой у меня родственник! — воскликнул Сафербий.— Как свято блюдет он законы наших предков! Скажите: у кого истинно адыгское сердце у Магомет-Амина или у Тима Некраса? Наиб издевался над простодушным и честным Тимом, а теперь пришлось спасаться у него. Кто из них истинно мужественный, а?!

— Конечно же, Тим Некрас удивительный человек. Мужество, благородство! — искренне восторгался Джеймс.

— Но это еще не все! — продолжал Джирандук.— Тим кормит и поит их. Зарезал барашку, индеек. Вот он какой, которого иные оскорбляли, подозревая в гяурстве.

— Лучше бы мне этого не слышать,— разочарованно сказал Сафербий.— Тут я совсем не согласен с Тимом.

— Я тоже,— поддержал Сафербия Джеймс.— Надо знать, за что и кого ты кормишь, на кого силы свои расходуешь.

— Адыги говорят, Джеймс, на удар камнем ударь сыром. Если с вами согласиться, тогда окажется, что не правы наши традиции. Однако и это еще не все, мои уважаемые! — донимал Берзедж.— Помните, как убили невестку Тима Некраса? Так вот, убил ее подручный наиба Тумэн. И этот самый несчастный Тумэн укрылся в доме Тима! Вот! А вы говорите!..

— Не может этого быть! — не то возмущенно, не то восхищенно воскликнул Сафербий.

— Истинно так, зиусхан! — клятвенно произнес Джирандук.

В течение трех дней к Магомет-Амину никто не входил, кроме того, кто носил ему еду, да Тим в первый день перебросился с ним несколькими словами. А теперь главной его заботой было, как удержать родовитых, не дать им войти в его дом, и расправиться с наибом, и таким образом нарушить один из священнейших законов адыгов — закон гостеприимства.

Наиб никого не хотел видеть, даже своего сподвижника Тумэна не пускал к себе в комнату. Все свое время он проводил на коврике, молясь Аллаху или стоя у окна, выходившего в сторону леса. И перед тем окном стояли угрожавшие ему родовитые, но он словно бы никого и ничего не видел.

Он думал. Он ждал. Он надеялся, что кто-то обязательно должен прийти ему на помощь, должен выручить из беды, в которую он так глупо попал, будто в свой собственный капкан.

Смотрел наиб на дальний лес, поверх голов родовитых, не слыша их мстительных голосов, и размышлял: пусть я кого-то обидел, но и не без заслуг жил в этом грешном мире, делал же кому-то и добро. Они должны обо мне вспомнить, должны понять и прийти на помощь. О Аллах, внуши им истину, внуши им Свою волю!.. Да хотя бы тот же Тим Некрас. Каюсь, Аллах Всемилостивый, бывал я к нему несправедлив, верил разным наговорам на него, в этом мой грех... А нынешние родовитые? Кто они? Почему восстали против меня? Когда я пришел, они были простыми тфокотлями, серыми людишками. С моей помощью превратились в богатых, в почетных тфокотлей, и теперь, конечно, боятся, чтобы другие не поступили с ними так же, как они, обогащаясь и возвышаясь. Должны бедные тфокотли вспомнить мою доброту к ним и выручить из беды...

Тумэн тихонько приоткрыл дверь. На этот раз наиб жестом позвал его.

Как он изменился за эти три дня, отметил наиб. Похудел, потемнел лицом, глаза провалились, плечи беспомощно опустились. Наибу даже противно было на него смотреть и он, отвернувшись, спросил:

— Что слышно?

— Пока нет никакой надежды у нас. Только милость Аллаха и может спасти.

— Значит, такова воля Аллаха. Будем покорны ей, будем молить Его о милости, другого нам ничего не осталось.

— О-о, как сладка жизнь,— воскликнул Тумэн,— как хочется пожить да порадоваться, а уж потом отправляться в дальний путь к Всемилостивому Аллаху. Если вы благословляете меня, то я обдумываю одну возможность, выход из нашего тяжелого положения.

— Какой выход? — заинтересовался наиб.

— Я не знаю, как сказать... Не сидеть же нам до тех пор, пока сюда ворвутся родовитые.

— Не тяни, Тумэн!

— Ну-у... У тебя тут ходит мальчик. В нарды ты с ним сегодня утром играл...— шептал Тумэн.— Если взять его, к затылку приставить пистолет, можно уйти в лес. Не будут же они стрелять в него!

— Замолчи, мерзавец!

— Когда на твоих весах жизнь и смерть, наиб...

— За-мол-чи! Или я тебя! — Наиб с опаской посмотрел на Тумэна, угрожающе стоявшего перед ним. Холодный пот выступил на лбу. Дрожа от возмущения, наиб требовательно сказал.— Ты совсем с ума сошел, взять на душу такой грех! Уходи! И никуда из комнаты, где тебя определили, не выходи без моего ведома.

Весь день Магомет-Амин провел в таком состоянии, будто ударом по голове оглушил его Тумэн своей жестокостью. Да, наиб тоже бывал жестоким, но та жестокость, как он сам себе объяснял, была во имя великой цели — борьбы правоверных с гяурами, служения Аллаху... Нет, наиб категорически, со страхом перед Аллахом отвергал и проклинал жестокость саму по себе. А еще он не хотел бы отплатить черной неблагодарностью за гостеприимство.

Во дворе зашумели.

Наиб прислушался. Говорил Цей:

— Тим, не обессудь нас. Три дня, положенные для гостя, кончились. Теперь по нашим законам мы можем требовать выдачи тех, кто у тебя в доме. Ты сам их отдашь или мы возьмем силой?

— Хатырбай, зачем ты говоришь обидные слова? У меня в доме не гости, а люди, попросившие у меня убежища.

— Люди, скрывающиеся у тебя в доме, Тим, и твои враги,— сказал кто-то из-за спины Цея.— Ты тоже значишься в бумаге, написанной Омар-паше. Вот эта бумага, посмотри на нее.

— Я все знаю. И если вы со мной не посчитаетесь, подумайте хотя бы о том, что скажут люди, узнав, что вы нарушили священный закон адыгов. Прошу вас, не позорьте ни меня, ни себя.

— В твоей чести мы не сомневаемся, но у твоих подзащитных нет ее!

— Это их дело, Хатырбай, а не мое, не моего дома.

После вечернего намаза Магомет-Амин позвал Тима и сказал ему:

— Во всем случившемся со мной повинен я один, написав письмо, которым потрясали и перед тобой. Я один виноват, я сам писал его, а хотел это сделать по своему убеждению для блага Абадзехии. Не жалею, что объявил войну гяурам — того же хочет и Аллах, хотел объединения племен, намеревался поставить на свое место зарвавшихся родовитых, устрашить богатых тфокотлей, установить в Абадзехии равноправие. Ведь мы, правоверные, знаем, что Аллах создал всех людей равными перед ним. Да, я бывал иногда жесток, но ведь в семье, где нет страха, не может быть и порядка. Добро тоже заключает в себе частицу зла. Я хотел уничтожить в Абадзехии видимое добро и создать истинное... Спасибо тебе, Тим, ты своим поступком показал, что являешься истинным адыгом, истинным правоверным мусульманином, человеком большой и доброй души. Но каким бы ты прекрасным человеком не был, ты стоишь на стороне родовитых, а родовитые против меня. Но на все воля Аллаха. Не обессудь меня, Тим.

— Зачем мне обижаться, наиб, ты открыл свою душу. Я ничего от тебя не требую, никаких условий не ставлю, поступай, как сам знаешь. Доброй ночи.

— Благодарю, Тим. Доброй ночи.— И когда хозяин дошел до дверей, негромко сказал ему вслед: — Будь осторожен с разбойником Тумэном.

— Спасибо, я знаю его...

Утро оказалось неожиданно счастливым для наиба, помощь пришла совсем не оттуда, откуда бы Магомет-Амин мог ожидать ее.

Сафербий посчитал, что выдался случай, когда наиба можно выдворить из Абадзехии с шумом, с треском.

В Куматыр к Сафербию приезжало много родовитых и почетных тфокотлей, они искали у него защиты. Войско шапсугских тфокотлей было готово пойти на помощь родовитым абадзехам, однако, простые тфокотли сорвали этот план. Они поняли: уберут наиба, родовитые и уничтожат вольности, данные им Магомет-Амином, загонят в

кабалу, как раньше. Не нравилось им то, что задумал Сафербий Зан. Они собрали со всех аулов своих сторонников и двинулись в Дахап.

Вот и получилось — Сафербий подтолкнул простых тфокотлей, а то бы они могли долго рассуждать, пока родовитые силой не взяли бы наиба и не расправились с ним.

Первым шум конницы услышал Цей. Он догадался, что это за всадники, а увидев, как много их было, скомандовал своим укрыться в ближайшем лесу.

Услышал конницу и наиб, молившийся в это время. Тут же Тумэн. Наиб предупреждающе поднял руку и закончил молиться. Поднялся с коврика, огладив лицо, и спросил:

— Что там за шум?

— Ваши добрые дела не пропали даром, наиб! Аллах услышал нас и смилостивился! Это скачут тфокотли, а родовитые сбежали!

Магомет-Амин, сдерживая радость, будто между делом спросил:

— Что они хотят? Они уже здесь?

— Да, наиб, да! Они говорят: дело наиба — наше дело, обида наиба — наша обида. Тфокотли просят выйти к ним! — восторженно воскликнул Тумэн.

Прежде чем я сделаю это, позови мне хозяина дома, Тима Некраса

Пришел Тим.

— Я не надеялся выжить, Тим. Спасибо тебе за все. Я поступил так, как мне велела моя совесть. Век не забуду твоей услуги. Если у тебя есть ко мне просьба, говори. Все сделаю.

— Спасибо, наиб. Я поступил не из-за выгоды, а из-за того, что так велела и моя совесть. Думаю, каждый адыг поступил бы так же.

— Несчастный! Что мелешь! Тебе счастье в руки само идет, проси! — возмутился Тумэн.

— Однако,— не обращая внимания на Тумэна, продолжал Тим,— у меня есть к тебе просьба, но я не хотел бы говорить с тобой об этом сейчас, у себя в доме, во дворе, и даже в ауле. Я все скажу тебе позже. Если сказать по правде, это не просьба, а требование.

Когда во главе отряда в пятьсот всадников Магомет-Амин и Тим Некрас выехали из Дахапа и поднялись на гору, наиб остановился и вошел в круг:

— Тим Некрас, мы покинули Дахап. Говори, какая у тебя ко мне просьба, скажи перед всем миром, чего ты желаешь, чего требуешь от меня?

— Тфокотли! — выехал на середину Тим Некрас.— Сегодня у вас такой особенный день, и я, видит Аллах, не хотел бы омрачить это важное событие, но ничего не поделаешь, другого выхода у меня нет. Свое обвинение я предъявляю Тумэну: — Он — убийца моей невестки.

Будто ошпаренный, дав шпоры коню, выскочил на середину круга Тумэн и заорал не своим голосом:

— Люди, вы слышали, что городит этот гяурский наследник! Вы слышите, люди, ты слышишь, наиб, его наглую ложь?!

Наиб поднял руку:

— Слышу, Тумэн, хорошо слышу.— И обратился к тфокотлям: — Кто из вас может подтвердить вину Тумэна или опровергнуть ее? Кто может обвинить Тима Некраса во лжи или подтвердить его правоту?

Кто-то из тфокотлей выкрикнул:

— Да чего тут говорить! Тумэн сам этим хвастался!

— Святая правда, тфокотль правду говорит,— его поддержали.

Нахмурился наиб. Нервно вздрагивали его сильные плечи:

— Свяжите убийцу, и пусть Тим Некрас собственноручно сбросит его в ущелье.

Отряд двинулся дальше. Через какое-то время со стороны ущелья донесся душераздирающий вопль.

Никто не оглянулся. Будто никто ничего не слышал.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

К 1856 году, к окончанию Крымской войны, когда в Абадзехии потерпели поражение родовитые, стало ясно,

что между Сафербием Заном и Магомет-Амином никогда не может быть примирения.

Теперь о делах, о поступках и высказываниях этих предводителей говорили открыто. Приходилось, что открыто осуждали того или другого, вынося свой приговор.

О наибе Магомет-Амине кто-то сказал:

— Вы заметили, плечи у наиба стали шире, новый голос прорезался, взгляд переменился, прямо царский взгляд.

В этих словах было много правды. Надо сказать, наиб всюду, при всяком удобном случае, почти с восторгом говорил об абадзехских тфокотлях, об их твердости в вере, об их мужестве и справедливости.

Сафербий вообще не принадлежал к многословным, восторженным людям, но тоже стал активнее вести себя, как бы соревнуясь с наибом. Не ругал абадзехских тфокотлей, что они предались целиком, доверили свои судьбы наибу, что шапсуги не сумели пресечь деятельность чужака. Он тоже стал поддерживать тфокотлей и шапсугских, и абадзехских, преданных наибу, критиковал родовитых, что они излишне заботятся о своих карманах и не думают о судьбах адыгов. Поступок Тима Некраса, который в сущности спас наиба, осуждал, но вслух никому не говорил. Только однажды, будучи наедине с Карбатыром, сказал: если бы не твой дорогой, сердобольный тесть, грызть бы собакам косточки дагестанского чужака. Только однажды упрекнул и то без злобливости.

Не поносил Сафербий своего противника в кунацких и на перекрестках дорог, как это иногда делают слабые, немудрые предводители, но во многих неприятностях, происходивших в Черкесии, обвинял наиба, четко выстраивая свои обвинения. Особенно стал его осуждать после того, как он опять съездил в Турцию.

— Не принимай близко к сердцу эту поездку, отец, ничего серьезного он там не мог решить.

— Ты недооцениваешь наиба, сын мой. Коварный он сердцем человек, чувствую. Уж там он распелся, там он поносил меня!

— Что поделаешь, отец, ты уже второй раз сбрасываешь турецкие погоны. Разве туркам может быть это приятно? Но я думаю, тебе стоит повернуться к туркам. Трудно это сделать князю Сафербию Зану, прости, отец, но повер-

нись к ним, они сейчас находятся в таком положении, что примут твою дружбу.

— Очень они мне нужны! — гневно сказал Сафербий.— Один и тот же дым дважды не выходит из одной трубы.

— Но ведь Россия усиливает натиск.

— Конечно, без поддержки нам не обойтись, но турки для меня как кость в горле. Спасибо Беллю и Лонгворту, в Стамбуле уже стоят корабли с оружием для нас.— Раздосадовался Сафербий, нахмурился: — По-моему, тут генерал Филипсон совершенно не понял, не оценил нынешней обстановки на своем фронте и не пошел нам навстречу.

— Мне кажется, отец,— осторожно заметил Карбатыр,— ты допустил здесь ошибку.

— Знаю, сын мой. Я допустил глупость. Я решил поднапугать царя, мол, Турция и другие союзные по войне иностранные державы сделали меня своим представителем в Черкесии. Значит, и обижаться мне на Филипсона не следует. На себя надо обижаться. Ответ его совершенно логичен[1].

[1] Ответ генерала Филипсона:

«...Три горца привезли ко мне сегодня от вас письмо... Вы спрашиваете меня: по какому праву русские войска пришли сюда и занимают черкесскую землю, когда мир заключен, а все черкесы приведены вами к присяге... В таком случае вам верно было бы известно, что по трактату, заключенному 18/30 марта Россиею с иностранными державами, в том числе с Турцией, Черкесия осталась по-прежнему под властью Императора Всероссийского, северо-восточный берег Черного моря объявлен в блокадном положении и России предоставлено право возобновить по берегу все свои укрепления, упраздненные перед начатием войны. Вы называете себя предводителем всех черкесских племен... Употребляя во зло доверие черкесов, вы возбуждаете их к враждебным против нас действиям для своих личных выгод. Перед Богом вы будете отвечать за пролитую кровь и за все бедствия, которые черкесские племена понесут от ваших недобросовестных внушений. Но я предупреждаю вас, что и до того вы подвергнетесь со стороны нашего правительства тому наказанию, которое законы всех образованных стран назначают самозванному возмутителю общественного спокойствия... Вы знаете также, что можете еще несколько времени волновать черкесов, но пользы им никакой не сделать и, вероятно, кончите тем, что принуждены будете доживать свои преклонные лета в нищете и забвении. Между тем, вы можете пользоваться общим уважением у нас по вашим летам и происхождению. Наше правительство со своей стороны отдаст справедливость вашим благонамеренным действиям на действительную пользу Черкесии. Искренно желая вам добра, я даю вам совет.

— По тому, как складываются наши дела, Карбатыр, нам придется кланяться нашим врагам. Мы думали, что покончили с наибом, а он вновь в седле. Ездит по аулам и показывает бумагу, которую привез из Турции, хвалится, дескать, турки не оставят нас в беде. Говорят, что он побывал в Шапсугии и Натухае. А мы, отец и сын, сидим, сложа руки. Единственное, что я правильно сделал — написал турецкому султану, дескать, что это за бумагу вы вручили наибу? Получил он его или нет, не знаю. Как бы то ни было с наибом, который делает в Черкесии, что хочет, необходимо что-то придумать. Если нас убыхи не поддержат, то на темиргоевцев и бжедугов тоже надежды не будет. Асланбеч Хаджемуков на словах поддерживает нас, но делает все как-то с оглядкой на Екатеринодар. И все равно, сын мой, мы не должны обходить его. И еще: нам надо продумать и сделать что-то такое, чтобы заслужить доверие Филипсона. И сделать это до встречи с ним.

— У меня есть одно предложение.

— Какое?

— Пусть генерал Филипсон знает, что мы настроены против Магомет-Амина.

— Он знает об этом.

— Знать-то знает, но, наверное, не верит в это. Мне кажется, пора наши с ним разногласия решить оружием, вот тогда они и поймут нас и поверят нам.

— Не торопись, сын мой,— Сафербий поднял свои отяжелевшие веки, помолчал, глядя куда-то в сторону, потом продолжил: — Тут вот ведь какое дело, не чужака бить будем, а адыги адыгов. Только это и на руку нашим врагам, хотя в твоих словах есть смысл. Совсем другое дело было бы, если б это затеял наиб.

— Если позволишь, отец, мы над этим подумаем.

— Прежде всего ты узнай содержимое письма, привезенного наибом из Турции. Он его всем показывает, но ведь по-турецки никто читать не умеет. Что там написано?.. И Джеймса я что-то перестал понимать: когда намекнул о наших планах, они ему не понравились. Уж не замышляет ли он что-нибудь с наибом за нашей спиной?

Собственно говоря, ничего предосудительного для Сафербия в той бумаге не было. Говорилось о наемной

Если же вы хотите упорствовать в начатом вами возбуждении против нас горцев... то прошу вас прекратить со мною всякие отношения...»

армии, которую еще в свое время затевал Сафербий с Хрозером. Примерно четыре тысячи наемных солдат должны были содержаться за деньги Измаил-бея. Армия была уже собрана, вооружена, состояла из поляков, мадьяр, турок, англичан, французов, австрийцев. Служили в ней полковник Махмуд-бей, майор Эминака, Фархат-паша, Рашид-бей, Абдурхман-ака, Искандер-ака, Теофил Лапинский, граф Тур, майор Винклер из английской армии. Курировал ее министр Турции Махмет-Али-паша. Из Франции привезли 500 литихских штуцеров, шесть легких пушек и другое вооружение, порох, свинец. Все это было в трюмах кораблей в Стамбульском порту.

Турецкий султан не вмешивался, ведь между Турцией и Россией был заключен мирный договор по результатам Крымской войны, он вынужден был опять молчать. Хотя бы официально, а в принципе очень хотел, чтобы адыги и русские перегрызли друг другу горло. Официально султан молчал, тайком строя всякие козни, стравливая Россию и Черкесию.

В бумаге, которую возил по аулам наиб, говорилось об этом, но так говорилось, будто все исходило от англо-французов. Причем исходило не от официальных, правительственных органов, а от частных лиц, от общественных организаций. Вот поэтому Магомет-Амин не очень-то распространял непонятное простым людям содержание этого фирмана. Тем более, он не хотел о содержании письма говорить Сафербию, размышлял так: «Когда дело кончится, свадьба разойдется, вот тогда в пустой комнате пусть Сафербий и станцует».

Вскоре после разговора Сафербия с сыном, в Абадзехии, Шапсугии, Натухае и Убыхии стали происходить удивительные вещи. Все шло от Магомет-Амина. Повсюду только и было разговору о хасэ, которые организовал наиб, о том что на них говорилось. В Причерноморье несколько месяцев продлилось затишье — временное перемирие с Россией, а теперь все заволновалось. На всех хасэ призывал к войне. Не на шутку рассерженные тфокотли грозили и русским, и туркам, и англичанам, и французам. А на иных хасэ поднимался такой шум, такая стрельба из пистолетов и ружей, что казалось, будто уже идет сражение. Только невозможно было понять, кто с кем воюет.

Возвращаясь домой из поездки в Убыхию, Сафербий на границе Шапсугии и Абадзехии встретил довольно большую группу вооруженных всадников.

Нурмагомет и Трам выехали вперед, чтобы узнать, зачем и куда направлялись всадники. Поехал было за ними и Хапат, но Сафербий задержал его:

— Остановись. Если те люди едут с бедой, то ты мало что можешь изменить. Подожди-ка, если я не ошибаюсь, среди них есть Тим Некрас.

— Точно, зиусхан,— успокоился Хапат,— это его белоногий конь.

— Доброго пути вам, абадзехи! — поприветствовал Сафербий всадников, когда они подъехали к нему.— Может, какая беда, чем можем помочь?

— Мы направляемся к тебе, зиусхан,— выдвинувшись вперед, сказал Тим.— Нас беспокоит судьба Абадзехии.

— Если есть беспокойство, то есть и выдержка, добро пожаловать в Куматыр. Давненько мы не советовались друг с другом. Очень рады вас видеть.

— Выдержка, неторопливость лишней бывает только на пожаре,— с готовностью ответил Тим.— Есть у нас выдержка, но мы и очень волнуемся, все мои спутники взволнованы событиями в Абадзехии... У нас прошло несколько хасэ, организованных наибом, были мы там, но ничего понять не можем, зиусхан. Скажи, турки бросили нас опять на растерзание царской армии?

— А разве хоть когда-нибудь Турция была к нам доброй, думала о наших бедах, помогала? — вопросами на вопрос ответил Сафербий.

— Верно, зиусхан, точно! — воскликнул Богос.— Верные твои слова. У нас все так говорят.

— Не были турки нашими союзниками, а теперь и вовсе,— заметил Тим и потом продолжил: — Наиб нас зовет под знамя англичан и французов. Это он говорит, как побывал в Турции.

— А что говорят тфокотли, верные наибу?

— Разное говорят. Спорят.

— О чем?

— Одни стоят за союз с турками, другие с англичанами и французами, а есть и такие, которые говорят, мол, пора примириться нам с Россией.

Этими последними тфокотлями Сафербий остался очень доволен, но не показал вида, сдержанно ответил:

— Я уже не раз слышал такие слова. Здесь есть о чем подумать. Если вы хотите знать мнение шапсугов и натухайцев, приходите послезавтра на хасэ старшин аулов.

В пятницу выпал первый снег. Ветреный был день, гнал по дорогам поземку, наметал в закоулках первые сугробы.

Несмотря на такую погоду, на поляне Белых Камней собрались аульские старшины. Кроме них от каждого аула прибыло по два-три почетных старика.

Бежала по тропинкам и дорогам сухая звонкая поземка. Клубился табачный дым, стоял гомон, топот нетерпеливых ретивых коней. Множество всадников в бурках и мохнатых папахах издали напоминали густой лес.

Абадзехские и убыхские тфокотли, памятуя о том, что они на этом хасэ гости, скромно стояли по правую и левую руку шапсугских старейшин. Поблизости от Сафербия Зана, между Хатырбаем Цеем и Тимом Некрасом, стоял Джирандук Берзедж.

Сафербий вскинул руку, призывая к тишине, и, когда поутих гомон, обратился со своим словом:

— Вы все знаете, уважаемые старшины, зачем мы сюда собрались. Нас волнует бумага, которую привез из Турции наиб. Эта самая бумага наделала много шума, вызвала много разных споров. Мы приглашали на сегодняшнее хасэ Магомет-Амина, Аллах этому свидетель, однако он не приехал, наверное, посчитал нас недостойными его внимания. Вы потребовали созыва на хасэ всех старшин аулов, наших уважаемых стариков. Мы хотим слышать ваше мнение по этому поводу, хотим знать вашу волю.

На середину вышел пожилой мужчина, стал рядом с Хагуром:

— Зиусхан, если ты уже все сказал, то у меня к тебе вопрос, просьба: скажи на милость, кто победил в Крымской войне, мы никак не можем понять. Говорят, турки, англичане и французы одолели Россию, так какая же у нее здесь армия, как она может нам угрожать, коли сама побита? Скажи нам, зиусхан, истинную правду.

— Уважаемый Хамдоху,— вместо Сафербия стал говорить Хагур,— когда мы с тобою ехали сюда, я все тебе объяснил...

Рассердился Хамдоху, секанул своим посохом воздух:

— Да подожди, парень! Ты говорил, а я хочу услышать, мы хотим услышать это от зиусхана.

Сафербий подошел ближе к старику, и стал уважительно объяснять:

— Если сказать это просто и понятно, она закончилась вничью. Ни Россия, ни ее противники не могут похвастаться решительной победой. Ты понял меня, Хамдоху, вы поняли меня, уважаемые земляки?!

Глашатаи стали из уст в уста передавать сказанное Сафербием. Хасэ дружным рокотом выразило свое понимание и согласие.

— Теперь,— продолжал Сафербий,— давайте приступим к главному вопросу. Прошу высказываться.

— Есть просьба,— послышалось издалека,— мы хотим, зиусхан, слышать тебя. Что думаешь ты по этому поводу? Скажи нам.

— Если Турция нас бросила и думает, что мы заплачем горькими слезами, она ошибается!

— Хватит с нас этих турков!

— Наиба, наиба к ответу. Надо идти в Абадзехию, взять его силой и прикончить.

— Не надо было Тиму Некрасу спасать его!

— Наиб врет, все выдумывает: то говорил англичане и французы нам помогут, то какая-то наемная армия вроде появится на нашей стороне! Все его выдумки?

— А где этот Белль?

— Бель-мель! Был да весь вышел?

В разных концах послышались пистолетные выстрелы. Загудел народ, забасил.

С полчаса бушевали над поляной Белых Камней волны возмущения, угроз, бестолковщины.

Сафербий сидел на коне в напряженном спокойствии, взглядами своими сдерживая от неосмотрительных поступков Карбатыра, Берзеджа, Цея.

Выждал Сафербий ему одному ведомое время, достал пистолет и выстрелил вверх, поднял своего коня на дыбы.

Пошел резко на убыль шквал людского негодования, отчаянной суеты.

— Уважаемые старшины! Или забыли, что вы предводители? Что скажут в ваших аулах, узнав как несерьезно, даже легкомысленно вы себя здесь вели! Вы же не на свадебных играх! А что подумают об этом наши гости? Вон уже кто-то говорит: может, это вовсе не хасэ, а базар? — Тихо стало над заснеженной поляной. Сафербий теперь уже без напряжения говорил, а глашатаи разносили его речь по всей поляне.— Мне тоже не нравится наиб со своими делишками, но он хитрый и коварный человек, его можно взять только разумом, крик нам не поможет. Наиб, отправляясь в Турцию в очередной раз, не посоветовался ни с предводителями племен, ни со старшинами аулов. Вернувшись оттуда, он говорит то, что ему хочется, потрясая этой бумагой. А что в ней написано? Мы с вами не знаем. А он должен был прочитать нам ее, дело-то не его лично касается, а всего адыгского народа. По вашей воле я ездил посланником в Турции и был там силой задержан на многие годы. Все эти годы я переписывался с вами, а вернувшись, отчитался, сказал о своем дальнейшем намерении. Или, может быть, меня кто-нибудь хочет обвинить?

Колыхнулась пауза в несколько мгновений, а потом все хасэ, в едином вздохе:

— Нам не в чем тебя винить!

Он поднял руку, требуя тишины, и продолжал:

— Скажите, почему наиб несправедлив к адыгам? По очень простой причине. В его груди бьется не адыгское сердце. Вот почему он хотел предать сто пятьдесят почтенных адыгов туркам, перечислив их фамилии в своем письме... Вы хотите знать, что я мог бы вам предложить, на что решился бы? Я примирился бы с русскими и рассчитался бы с наибом, выпроводил бы его с земли адыгов. С русскими я примирился бы, а с наибом нет. Как хотите, так и судите.

И снова буря!

Большинство выступавших требовало немедленного похода на Абадзехию. Хватались за кинжалы, стреляли, будто уже сейчас были перед ними абадзехи во главе с наибом.

Где-то под конец хасэ взял слово Хагур:

— Все, что вы здесь говорили об абадзехском наибе — правда. Я горячо вас поддерживаю, но дело далеко не

только в абадзехах и в наибе, а в том, сумеем ли мы наконец объединиться в единое общество адыгов, в единое государство? Хорошо ли мы понимаем, что ждет нас и наших детей, наших внуков завтра, через десять лет? Я не сомневаюсь в мужестве и храбрости наших воинов, но сегодня одного мужества мало, нужна еще и мудрость. Вот к этому я вас и призываю!

— Ты что, Хагур, умнее Сафербия Зана? — выкрикнул кто-то.

— Не умнее,— спокойно ответил Хагур,— я как раз и поддерживаю зиусхана, надо нам помириться с Россией. Думаю, чем безнадежно сражаться с противником, который во сто раз сильнее тебя, лучше добром, достойно договориться с ним.

— Ты что, Хагур, хочешь угодить своему русскому зятю? — среди стоявших кто-то из тфокотлей выкрикнул и вновь взбудоражил хасэ, некоторые выхватили кинжалы, а некоторые выстрелили в воздух из пистолетов.

Но Хагур не думал отступать. Крепкий и сильный, он стоял перед хасэ, пока люди не успокоились, потом, не придавая значения услышанному, ответил:

— Кто бы ты не был, соплеменник мой, то, что ты мне бросил, я слышу не впервые.— Он сделал короткую паузу и обратился к собравшимся: — Ваши тревоги — мои тревоги, поэтому я ищу выхода. Адыги, не будем обманывать себя, отделять мужество от мудрости,— Нурмагомет сделал шаг назад и снова встал в круг предводителей хасэ.

После Хагура выступили несколько тфокотлей — одни из них поддержали его, другие — нет. Но кто бы что ни сказал, никто никому не бросил обидного слова. И Цей, и Берзедж, и другие выступили и поддержали в основном Сафербия, чаще упоминая имя наиба.

Когда в круг вышел Тим Некрас, отдельные старшины вспомнили, как он спас наиба, и стали выкрикивать из хасэ, но одним своим словом он успокоил крикунов:

— Если бы у каждого из вас ваш недруг попросил убежища, вы что, нарушили бы закон отцов? Преступили бы его?.. Молчите? То-то оно и есть. Однако не только это хочу я вам сказать. Не вчера начались наши беды. Годы и годы они тянутся. Все мы своими спинами поняли — ни русские, ни турки нам не помогли, от англичан и французов мы слышали только слова и не видали никакого дела.

Вот и получается — у нас с вами одна надежда, на самих себя. Я не сторонник примирения с Россией. Если мы наконец объединимся в одну семью — выстоим перед любым врагом. Прежде чем замиряться нам с нею, надо показать им наше единство, нашу силу, тогда это замирение будет почетным.

— О каком еще почетном можно болтать!

— Так он сам из гяуров, вот и болтает!

И вновь прибой, и вновь волнами пошло хасэ!

Сафербий потребовал тишины:

— Напрасно вы расходуете порох попусту! У нас его для дела не хватает, так что поберегите! Должен сказать, что прожил я довольно долгую жизнь, многое повидал. На основе своего опыта скажу: и огонь пистолетов и огонь сердец надо беречь, а мы с вами не умеем. В этом беда наша, и наших детей, а то еще и внукам достанется от нашего пустого огня, от шума, который только мутит головы. Я не упрекаю вас, не осуждаю. Таков был мой отец, таков я, таков и сын мой, Карбатыр. Мы, адыги, такие! — Напряженная тишина воцарилась над поляной. Сафербий слышал эту тишину, был доволен ею. Даже чуточку гордился. И продолжал: — Мне думается, мы здесь высказывали все, что хотели, даже и то, чего не хотели, но не удержались и высказали. Устали мы, устали уважаемые гости. Думаю, пора заканчивать наше высокое собрание. Если я неправильно вас понял, остановите, но мне показалось, что вы доверяете мне, благословляете, именем Аллаха, продолжать наше дело. Так или не так?

— Та-а-ак!

— Доверяем!

Сафербий княжески поклонился:

— Благодарю. Мы подумаем, каким образом поставить на свое место абадзехского наиба. Обдумаем, как нам быть с Россией. На этом я закрываю хасэ. Всем вам доброго пути! Да хранит вас Аллах!

Тысяча всадников вскинула обнаженные кинжалы и холодная, безмолвная сталь засверкала в зимнем воздухе.

На следующий день, отправляя Хагура домой, Сафербий сказал ему:

— Не тяни с организацией моей опять встречи с генералом Филипсоном. Попроси об этом и Ракитова. О

сроках пока не надо условливаться. Сначала нужно решить с наибом.

II

После того, как тфокотли освободили Магомет-Амина из плена, он жил, как говорят, без нужды и забот, как ни в чем не бывало, однако только внешне, только на людях держался по-прежнему с достоинством предводителя, но, оставаясь наедине с самим собою, он мучился сомнениями, досадой, болью. Места не находил себе от ненависти к самому себе: как он мог допустить такую глупейшую оплошность! Правильно говорят мудрые люди: великие просчитываются на мелочах и за это платят своими головами.

Особенно тяжко бывает в дороге, при монотонном стуке копыт и когда перед глазами бесконечные дали или белоснежные вершины гор. Вот как сейчас. Дальние горы — чистые, спокойные, укрытые снегом.

Перед новым годом мели свирепые метели, неистовствовали бураны и хозяйничали морозы, а теперь все улеглось, успокоилось, стало величественным и раздражало наиба, вернее, перед этой вечностью больнее жалила земная суетность: его суетность, его неудача в делах. Больше того, оставаясь наедине с самим собою, он тайно считал себя виновным в том, что не сегодня-завтра может прийти война на землю адыгов. Война Черкесии с Россией, как бы она ни была кровопролитна, какого бы горя не принесла в аулы, в семьи, она все-таки священная — за свободу, за веру, за страну. А если шапсуги пойдут на абадзехов? Брат на брата, мусульманин на мусульманина?! Это страшно! И в этой новой, большой беде, конечно, будет виновен он, наиб. Не напиши это проклятое письмо, не поручай его Цею!..

— Джабраил! — подняв правую руку, позвал наиб.

Стремглав кинулся Джабраил Джимов к наибу. За ним следом — Джабег и Богос. Так теперь, после побега наиба, появилась во всем подозрительность, настороженность. Охранники, которые впереди наиба были, услышав топот, оглянулись — что там такое?

Подскакали к наибу втроем, он одобрительно оглядел их и сказал:

— Мне нужен Джабраил.

Богос и Джабег уехали на свои места.

Наиб молчал.

Джимов терпеливо ждал.

— Я думаю, Джабраил, то, что мы услышали в ауле Жагуфе выдумка. Нехорошая, злая выдумка. Так я думаю... Неужели Сафербий Зан оставил свою разумную голову в Турции. Затеять братоубийственную войну — это же безумие. Так я думаю, а что ты думаешь?

— Не знаю, наиб, может быть, он и вправду, как ты говоришь, вернулся от турков без своей разумной головы. Занам нельзя особенно доверять.

— Значит, и ты так считаешь? Неужели они на все способны, Джабраил?

— Точно, наиб.

— Оказывается, вот как складываются дела...— Сказал эти слова Магомет-Амин и потом долго ехал молча, как бы и совсем забыл о Джимове. Наконец, снова заговорил: — А что думает обо всем этом родственник Занов Тим Некрас?

— Всякое думает Некрас,— криво усмехнувшись, ответил Джабраил.

Наиб недовольно поморщился, глянул искоса на Джимова:

— Не юли, отвечай прямо.

— Извини, наиб! — испугался Джабраил.— Я просто и не знаю... Конечно, он много сделал для тебя, этот Некрас.

Наиб придержал коня, резко повернулся к Джимову:

— Говори то, о чем тебя спрашивают. Не мути воду! — И тронул коня, устремив свой рассерженный взор в чистую поднебесную даль.

— Не гневайся, наиб, просто я боюсь, что мнение Некраса будет тебе не по душе.

— Это не твоя забота! Твоя забота сказать правду, Джимов!

— На шапсугском хасэ было больше тысячи человек. Да еще гости.

— Кто был из гостей? Откуда?

— Говорили — Берзедж, Хаджемуков, Цей.

— И что, все единогласно стояли за войну? Или разногласия были?

— Были, наиб, и разногласия, и споры! — оживился Джимов.— Одни требовали похода на Абадзехию чуть ли не прямо с хасэ, а другие кричали, что грех идти на своих братьев, единоверцев. Стреляли, кричали, размахивали кинжалами и шашками! Цей, Берзедж, Хаджемуков тоже звали к походу!

— Я спрашиваю тебя о Некрасе. Или ты плохо слышишь меня?!

— Некрас, должно быть, очень хитрый, он не принял ничью сторону. Может, оттого, что родственник Занов?

— О чем еще там говорили? — спрашивал наиб, хотя подробнейшим образом знал обо всем.

— А разве Тим Некрас тебе не рассказывал, наиб? Может, побоялся, А может, не захотел расстраивать твое сердце. Но и то надо сказать, за плохие вести, говорят адыги, грешно человека наказывать. Да что Некрас, когда многие призывали к миру с Россией.

— Многие?

— Ну-у-у... призывали. Особенно об этом старался Хагур. Опять же — русский офицер Ракитов женился на ком-то из рода Хагуровых. Зять. Но твердого решения не было, чтобы замириться с русскими, разошлись ни с чем. И еще кое о чем говорили на хасэ,— многозначительно протянул Джабраил.

— О чем же еще?

— Шапсуги во всю готовятся к войне, наиб.

— Правильно делают: если быть не готовым к войне, гяуры в любой день могут нагрянуть. Значит, каждый день и надо готовиться к бою.

— Но шапсуги, наиб, сейчас меньше думают о них, чем о нас с тобой, об абадзехах.

— Ты считаешь, они все-таки пойдут на нас?

— Я не люблю говорить о том, чего не знаю хорошо, в чем не уверен сам.— Приподнялся в седле Джимов, грудь раздвинул.— Я не говорю, что они пойдут сегодня или завтра. Но то, что они серьезно и ускоренно готовятся к войне с нами говорю, с уверенно-стью, наиб.

— Готовятся серьезно. Что это значит?

— Они укрепляют свои мехкаме.

— А разве мы не укрепляем? Серьезно укрепляем.

— Сафербий строго приказал своим — не нападать на казаков.

— Ясно. Что еще?

— Сафербий повелел каждому двору выделить всадника и коня, полностью снаряженных.

— Мы делаем то же самое.

— Они готовят провизию,— не унимался Джимов,— мелят муку, рушат просо, коптят сыр и мясо.

— Мы тоже не забываем об этом.

И чего, затаясь в глубине, думал Джимов, заладил этот наиб! Вообще, что он из себя представляет! С тех пор, как появился у нас, только и делает, что натравливает нас на русских, тфокотлей на родовитых. А я ведь тоже родовитый, значит, и меня ты хочешь к ногтю. Так, что ли?! Приголубил этих бедняков-бездельников и гнешь нас в дугу. И воевать на нас пойдут шапсуги из-за тебя. Не мед ты нам, не мед!

Молчал наиб, глядя вдаль и не видя ее — так глубоко ушел в самого себя, в глубины своей души, горевшей жаром гнева, сомнений, ненависти к самому себе за опрометчивый, предательский поступок. Ему чудился стук тяжелого молота о наковальню, слышался гул мельничных жерновов, конский храп и топот. Вспомнился прошлый год: на реке Супе шапсуги и абадзехи встретились с обнаженными шашками. Вздыбили своих коней, высекли звон и огонь из шашек. Почти целый день рубились, издавая боевые кличи на одном и том же адыгском языке, стонали предсмертным стоном раненные, ржали кони. Целый день рубились. Никто не уступил, никто не победил... А если все абадзехи и все шапсуги сойдутся в сече?! Неужели такое может случиться?! И самое странное, что шапсуги не абадзехов ненавидят, а меня. Кровь прольется из-за меня. Но ведь я выполняю волю Аллаха. Великая беда пришла на Кавказ — в Дагестан, в Чечню, в Черкесию. О Аллах!

Наиб сказал Джабраилу:

— Я хочу помолиться Аллаху, просить, чтобы Он смилостивился над нами. Помолись и ты.

Они отпустили поводья, воздев руки к небу, стали молиться, про себя произнося молитвы.

— Аминь, о мой Аллах! — закончил молиться наиб, огладив ладонями бороду. Потом долго ехали в молитвенном молчании. Заговорил наиб: — Выходит, Джабраил,

Сафербий Зан поступает с тфокотлями так же, как и мы у себя? Выходит, у нас он учится? А?

— Пусть учится этому, наиб, пусть, лишь бы не пошли на нас войною, вот чего я боюсь.

— Думаю, у Сафербия хватит ума, чтобы не сделать такую глупость, а если они и сунутся, абадзехи покажут им, что такое настоящие воины Аллаха.

— Беда, наиб, великий грех, когда брат убивает брата. А потом, наиб, если мы будем убивать друг друга, как возрадуются этому гяуры!

Сдерживая коня, который все порывался перейти на крупную рысь, наиб в глубоком раздумье сказал:

— Нельзя этого допустить, Джабраил, верное слово ты сказал, но это вовсе не значит, что абадзехов можно безнаказанно обижать. Пока я буду предводителем, не позволю этого. Я лучше голову свою положу, но не допущу позора для абадзехов.

— Аминь, мой Аллах, аминь! — торопливо согласился Джимов.— Ваше слово — мое слово, ваше оружие — мое оружие, наиб!

— Благодарю,— с княжеским достоинством поблагодарил наиб.— Ты настоящий абадзех, настоящий слуга Великого Аллаха. Будем надеяться на разумность Сафербия Зана и его сына. Спасибо, Джабраил, а что я хочу у тебя спросить. Ты крепкий, даже богатый родовитый, но я ни разу не слышал, ни от кого не слышал, что ты недоволен мною. Люди говорят, значит, это правда, значит, ты верный слуга мне и Аллаху. Твой отец, Татав, царство ему небесное, был одним из достойных людей Абадзехии, его до сих пор поминают добром, помогай и тебе Аллах. Скажи мне, Джабраил, вот такие напряженные отношения между адабзехами и шапсугами были и раньше и при Сулейман-Эфенди?

Прижал уши Джимов, сжался весь в седле, будто увидел пасть капкана на своей узкой горной тропинке. Как быть?!

Наиб лукаво и даже злорадно улыбнулся, но тут же смягчился:

— Если тебе трудно, можешь не отвечать. Я не насилую тебя, не рассержусь. Конечно, ты мудрый человек, ты тонкий человек, можешь не отвечать, но я хочу знать правду.

Облегченно вздохнул Джимов, смахнул пот со лба:

— Ты прав, наиб. Правда — это крепкая, надежная дорога, а кривда — слякотная да скользкая. Скажу, как на духу, пред нашим господом, Великим и Всеведающим Аллахом: во времена Хаджи-Магомета и Сулеймана-Эфенди не было таких отношений между абадзехами и шапсугами. Об этом тебе скажут старики, скажут верные люди. Другое дело с бжедугами. Абадзехи не раз нападали на них. Издавна это велось. Упрямый народ бжедуги, ты сам это знаешь, ведь тебе силой приходилось заставлять их присягать на Коране. У абадзехов беды с ними начались со времени войны, затеянной гяурами.— Осторожно покосился Джимов на Магомет-Амина, осторожно, но зорко, пронзительно, чтобы понять истину.

Почувствовал этот острый, пытливый взгляд наиб и поспешил с ответом:

— Я тоже так думаю, однако есть тут вина и Магомет-Амина Асалаева.

— А в чем же твоя вина?!

— Не надо, Джимов, хитрить, ведь ты говорил правду. Адыги называют меня пришлым чужаком. В этом моя вина. И не смотри на меня так, будто впервые слышишь эти слова.

— Нечего греха таить, наиб, есть люди, которые так говорят о тебе. Но не при мне! Истинный Аллах, при мне не смеют этого!

— Верю, тебе, мой друг, верю. При тебе не посмеют обо мне говорить худое. Я не говорю о Цее и его дружках, они просто мои враги, и нечего тут таиться. Но есть и простые хлеборобы, которые ругают меня, распространяют обо мне слухи и по другим адыгским землям. Я понимаю: виной этому мои поездки в Турцию, в Сухум, виной богатые подарки, которые я привез оттуда, а главное — золоченные турецкие погоны. От зависти это у адыгов. Верно я говорю, Джабраил?

— Верно, наиб, верно... Есть это дело у нас в характере.

Из-за скалы показалась большая группа всадников.

Передовые охранники попридержали коней, стали напряженно всматриваться, пытаясь определить — кто эти люди.

Задние охранники подтянулись и образовали вокруг наиба круг, заняв, как сказали бы военные люди, круговую оборону.

Джабег и Богос хотели было поскакать вперед, навстречу незнакомцам, но Магомет-Амин остановил их:

— Не надо. Можно подумать, что мы не надеемся на свои силы.

— Мне сдается, что там впереди Цей! — сказал Джабег и угрожающе поднял своего коня на дыбы.— Точно, это Цей, с ним убыхи.

— Чего это убыхи шляются по нашей земле?! — возмутился Богос.

— На нашей или нет трудно сказать, потому что еще нет у нас точной границы, однако будьте начеку, сохраняя при этом выдержку и достоинство,— сказал наиб.— Цей есть Цей, а остальные убыхи — наши гости, и встретить их надо, как полагается.

И все-таки какое-то время всадники съезжались настороженно, каждый боевым плечом вперед.

Ближе, ближе абадзехи и убыхи, вот они уже видят улыбки друг друга, вот их сердца тронул добрый обычай их пращуров, гостеприимства, привечания всякого путника. Наиб сделал вид, что не заметил в середине Цея, поднял приветливо руку, радушно улыбнулся:

— Добро пожаловать на абадзехскую землю, убыхи!

— Если вы с добром, то доброго пути и вам, абадзехи! — ответил наибу Цей.

За последнее время наиб и Цей встретились впервые. Ах, как в каждом из них взыграла горячая кровь, как прикипели руки к кинжалам, но зов пращуров, их вечная воля взяли верх: смири свою гордость, улыбнись встречному путнику, уступи ему дорогу, как бы не была она узка, пожелай ему добра, и добро да посетит тебя.

Миновала опасность. Телохранители заняли свои места, и, довольные собою за то, что не преступили закона адыгов, закона гор и неба, тронулись дальше. Только Джимов не унимался, он повторил слова Богоса:

— И чего они шляются здесь?

— Дело какое-то у них, Джабраил,— задумчиво сказал наиб,— но почему рядом с Цеем, слева от него едет Джеймс Белль?

— Похоже, он заодно с Цеем, а это значит, что и он наш враг. Джеймс даже не глянул в нашу сторону.

— Вот такие новости, Джабраил, невеселые новости, мой друг, англичанину не понравились мои слова о том,

что они только кормят нас обещаниями, которые не выполняют. Интересно, куда и зачем они поехали?

— Зачем они поехали, не знаю. Но думаю, что они не проедут мимо Дахапа, мимо ворот Тима Некраса. Уж очень много людей в последнее время стало к нему ездить. Таким важным человеком стал в Абадзехии Тим Некрас.

Наиб взглядом оборвал Джимова. У скалы, за которой начинался крутой поворот, он придержал коня:

— Спасибо, Джабраил, за твое беспокойство. Ты много нужного и интересного мне рассказал, мы хорошо с тобой поговорили. Ты проводил нас за Дахапскую дорогу и теперь возвращайся. А на прощание я хочу тебя предупредить: если узнаю, что ты обидишь чем-нибудь Тима Некраса или, Боже упаси, зло какое сделаешь муртазику Некрасу, я этого не прощу. Это первое. Во-вторых, держите с шапсугами ухо востро, коней своих держите наготове, под седлами. И в-третьих, передай Тиму Некрасу, чтобы тотчас же, как проводит своих гостей, приехал ко мне.

— Шапсуги согласились с твоей просьбой, наиб,— сказал Тим Некрас, прискакав к Магомет-Амину сразу же, как только выпроводил своих гостей.

— Я тебя направлял послом к шапсугам, а не просителем, муртазик Некрас,— строго заметил наиб.— Послом к князьям Занам, нашим представителем!

— Да, наиб. Те, к кому ты направлял меня послом, дали согласие на встречу с тобой.

— Что они сказали?

— Если Асалаев, сказал Сафербий Зан, хочет с нами поговорить, обсудить наши дела, пусть прибудет на границу Абадзехии и Шапсугии по реке Супе. У священного дуба.

— Когда договорились встретиться?

— В будущую пятницу, в час обеденного намаза.

— По сколько всадников решили брать с собою?

— По десять. И ни человеком больше. Из оружия иметь при себе только кинжалы. По десять вооруженных всадников с каждой стороны.

Шапсуги и абадзехи, каждый на своем берегу неширокой горной речки, отстегнув кинжалы, безоружные опустились на разостланные бурки, стали молиться.

Молились одному Богу, но каждый у него просил благополучия только для себя. Шептали не совсем понятные арабские слова, молились на своем языке.

Надеялись на Аллаха шапсуги, но также надеялись и абадзехи.

Серые зимние тучи заполнили небо, но в их разрывах уже все чаще выглядывало солнце, обогревая студеную землю, пробуждая ее к весне, к цветению, к радости. Будет весна, зазеленеют поля и луга, возрадуются аулы, раскинувшиеся по берегу реки, у подножий высоких гор.

Помолились, пристегнули кинжалы. Стали друг против друга у веселой горной воды, каждый возвышаясь на своем ретивом коне. Вперед выехал Сафербий Зан:

— Через своего посла, наиб, ты сказал, что у тебя есть дело к нам. Мы слушаем тебя.

Выехал вперед и Магомет-Амин:

— Да, зиусхан, у меня к тебе дело, но прежде я хотел сказать, что Хатырбай Цей, стоящий рядом с тобой, никакой не шапсуг, а поэтому...

— Хатырбай Цей,— перебил наиба Сафербий,— друг натухаевского князя Сафербия Зана. Он мой друг, а не чужак, захвативший власть в Абадзехии. Я не хотел этого говорить, наиб, но ты сам вынудил меня. К этому хочу добавить: тот, кто оскорбит Хатырбая Цея, оскорбит меня, и если ты, наиб, делаешь это, то нам не о чем с тобой говорить!

— Раз так, значит, так,— стараясь быть спокойным, заговорил Магомет-Амин,— ты сказал свое, я свое, и давай об этом покончим. Теперь о деле. Я считаю незаконным решение шапсугского хасэ идти войной на Абадзехию. Я перед всеми вами и перед самим Аллахом скажу, что не стравливал и не собираюсь стравливать братьев по крови и по вере, но если вы пойдете на нас войною, вина будет на вас, на натухаевском князе Сафербие Зане.

Возвысил голос и Сафербий:

— Как же это ты не собирался пролить братскую кровь, если замышлял кровавую расправу над родовитыми абадзехами!

— Это не твое дело, зиусхан, это внутренние дела абадзехов, и мы никому не позволим вмешиваться в них!

— Ты пришлый человек, наиб, и тебе не понять, что есть одна, общая земля для всех адыгов, нет внутренних

дел ни у абадзехов, ни у шапсугов или темиргоевцев или кабардинцев, они все — одна, единая семья, боль каждого племени — общая боль всех адыгов, а ты пришел сюда и хочешь нас разделить, натравливаешь одних на других. Есть у нас пословица: чужая собака явилась и прогнала хозяйскую собаку. Нам думается, что тебе лучше всего вернуться домой, в твой Дагестан.

— Ты оскорбил меня, зиусхан! — вспылил наиб, схватившись за кинжал.

— Если ты хочешь получить удовлетворение, наиб, приходи в Туапсинское ущелье! — вызывающе сказал Сафербий, и, круто повернув коня, ускакал со своими товарищами.

Горячая, мстительная кровь взыграла в наибе, искры неистового гнева блеснули в его глазах. Он ждал всякое от этой встречи, но такого оскорбления не ждал, даже не предполагал. Столько лет он прожил в Абадзехии и сегодня впервые был так оскорблен. Отдышавшись, уняв возмущение, наиб сказал, поворачивая коня, чтобы слышали все его спутники:

— Я тебе этого, Зан, никогда не прощу!..

В Туапсинской долине встали с оружием в руках друг против друга два адыгских племени, родные братья по крови и вере. Сошлись они в пешем и конном строю не на жизнь, а на смерть, не во славу своей древней, единой для них адыгской земли, не во благо братской любви, а на великое горе.

Два племени. А что же остальные? Убыхи, бжедуги, махоши, темиргоевцы не стали вмешиваться в эту кровавую распрю, со стороны наблюдали беду своих братьев.

Командованию российскими войсками на Кавказе была на руку распря: пусть эти воинственные черкесы усмиряют друг друга, сами проливают кровь — от этого им спокойнее. И только офицер русской армии, Газар Серебряков с глубокой душевной болью переживал это противостояние и послал своего нарочного из Керчи, чтобы упредить кровавую развязку, но уже было поздно — битва началась. Да и что мог сделать нарочный! Кроме всего, Сафербий через Ракитова передал генералу Филипсону просьбу не вмешиваться во внутренние дела адыгских племен.

Довольно просторная Туапсинская долина была, что называется, до краев заполнена пешими и конными воинами, была переполнена людской ненавистью, которая по законам дьявола должна разрешиться взрывом.

Шапсугские наблюдатели, сидевшие на могучих, удивительной красоты дубах, не спускали глаз с абадзехов, следили за каждым их шагом, вслушивались в тревожное ржание боевых коней, прислушивались к сдержанному людскому гомону.

— Наиб опустился на бурку! — сообщил наблюдатель,— Он молится.

— Турки тоже перед началом боя молятся,— не без ехидства заметил Сафербий.— Будь внимателен, Карбатыр.

— Может быть, отец, нам лучше упредить их внезапностью?

— Да, Карбатыр, сын мой, ты прав, ты хороший воин, но виноватым считается тот, кто первым обнажил оружие и пустил его в дело. Потерпи.

— Помолился наиб. Поднялся с бурки и что-то командует!

— Не спеши, Карбатыр, подождем еще. Пусть начнут абадзехи.

Однако абадзехи не начинали. Может быть, и им тоже не хотелось начинать первыми?

— Наиб пьет чай и курит табак,— донес наблюдатель.

— Как наибу хочется, чтобы мы начали битву. Но мы подождем, потерпим.

Прошло полчаса. Эти тридцать минут показались Карбатыру целой вечностью. Он прохаживался, заложив руки за спину, потом сел на коня:

— Наиб играет в нарды!

— Пусть поиграет, мы подождем, посмотрим, чем закончится его партия, чем закончится его игра. Не спеши, сын мой, сегодня не последний день.

— Наиб рассердился, отбросил нарды!.. Ему подали оседланного коня!

— Так! — воскликнул Сафербий.— Похоже, проиграл в нарды да и только ли в нарды!.. Теперь за дело, Карбатыр. Действуй. И ради Аллаха, будь осторожнее. Пусть твой глаз командира будет острее твоего острого кинжала. С Богом, сын мой!

В прекрасной Туапсинской долине сошлись два адыгских племени.

— Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного! — сказали на той стороне.

— Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного! — сказали и на этой стороне.

На той и этой стороне обнажили кинжалы и сабли, взвели курки пистолетов и ружей, ненавистью зажглись глаза. Пошли навстречу друг другу пешие, с гиком понеслись конные.

Вскоре долина окуталась пылью, поднятой тысячами коней, пороховым дымом, огласилась ржанием лошадей, стонами раненных, бранными криками людей, каких никогда еще не слышала Туапсинская долина. Дрались адыги врукопашную, иногда даже совсем бросив оружие, вцепившись в горло друг друга когтистыми пальцами, скрипя зубами.

Наиб Магомет-Амин и князь Сафербий, шапсуги и абадзехи, каждый из них считал только другого виновным, а не себя.

Не бывает правых и виноватых в войне вообще, а в братоубийственной — тем более. Разве можно винить в чем-нибудь безумных! А как только человек проливает кровь человека, он теряет разум, слепо выполняя волю дьявола, доставляя ему великую радость. Не пороховой дым, не смрад и пыль ослепляли сцепившихся в смертельном бою людей, а сатанинское наваждение.

Все меньше живых в долине, все больше металось лошадей без седоков, все больше стонало раненных, истекавших кровью, а слепая злоба, ненависть не утихала.

Карбатыр на обезумевшем коне был, что называется, в самом пекле боя, лихо орудуя шашкой, направо и налево раздавая смертельные удары. Яркая кровь разъярила его, и ему казалось, он не скакал, а летал на своем вороном.

— Бегут трусливые абадзехи! — закричал Карбатыр.— Тфокотль Трам, иди на перехват наибу! Не дай убежать этому мерзавцу!

А в аулах, что неподалеку от сечи, тоже стояли стоны и рыдания.

Шапсуги в своей погоне за абадзехами торжествовали победу! Им навстречу вышли женщины. Скорбные матери.

Они бросали под ноги лошадям свои платки — незыблемое право матерей остановить братоубийство.

Остановил своих воинов Сафербий:

— Спасибо, шапсуги, за верность своему долгу, за ваше мужество! Не мы начинали эту братоубийственную битву, но мы ее прекращаем.— Повернувшись к женщинам, он продолжил: — Простите нас, матери и сестры,— он приложил руку к груди и поклонился.— Но видит Всемогущий Аллах, не мы виноваты в этой жестокой распре, ее вызвал коварный пришелец, которому не жалко крови адыгов.— И в другую сторону, старикам, тоже пришедшим сюда, поклонился Сафербий: — Поймите и вы, наши старейшины, поймите нас, и простите. Пусть все, кому наше оружие причинило горе, простят нас. Пусть ваши сыновья, отцы и братья не позволят больше чужаку-наибу понукать собой, натравливать адыгов на адыгов... А теперь пойдемте и поможем раненым, окажем последнюю честь павшим, независимо от того, кто они — шапсуги или абадзехи. Да простит нас и поможет нам Всемилостивый Аллах!

Женщины ушли с поля боя, мужчины, всего лишь короткое время назад убивавшие друг друга, пошли к раненым, чтобы помочь им, к убитым, чтобы поклониться.

Казалось, примирились шапсуги и абадзехи, но это только казалось; тот день, та битва еще больше усугубили распри между адыгскими племенами, между Сафербием и Магомет-Амином. Ведь ни одна война не приносила людям истинного мира, обоюдного покоя.

III

В тот самый день, когда произошла битва в Туапсинской долине, Сафербий послал письмо генералу Филипсону. Князь думал, что эта междуусобная война изменит отношения генерала к адыгам, к Сафербию, но ничего такого не случилось — Филипсон молчал.

Конечно, о Всемилостивый Аллах, покачиваясь в седле, размышлял Сафербий, я тоже против того, чтобы Россия хозяйничала на нашей земле, но разве может наш маленький народ справиться с российским колоссом? Сделай, Аллах, чтобы они примирились с нами, не вмешивались в нашу жизнь... Если Россия не захочет примириться с нами, тогда мне придется обратиться к Измаил-

бею Хрозеру за его наемным войском. А кто знает, принесет это нам освобождение, ведь ты учишь, что сила оружия не приносит добра. Но что же делать, на что надеяться?.. Помоги мне, о Великий, о Всемилостивый Аллах, услышь мою молитву.

— Поехали, Хагур, хватит тебе носиться со своей раненной рукой. Да и не такая уж там рана, чтобы все сидеть и сидеть дома,— обратился Сафербий не слезая с коня к вышедшему ему навстречу Нурмагомету.— Седлай скакуна, поедем к генералу Филипсону.

— Генерал ответил на твое письмо, зиусхан? — обрадовался Хагур, приветствуя поднятой рукой Трама и двух других всадников, приехавших с Сафербием. А потом спохватился: — Во-вий! Что ж я делаю! Милости прошу в дом, зиусхан, и вы, дорогие гости, проходите в дом! Отдохните с дороги, а уж потом и о деле поговорим.

— Нет,— возразил Сафербий,— нам некогда, время не ждет.

Седлай своего быстрого, и в дорогу. Мы по пути у одного доброго человека хорошо пообедали. Мы поехали, догоняй нас. Там обо всем и поговорим. На Бастукской горе подождем. А рука-то в самом деле, как у тебя?

— Некогда мне о ней думать, заживает,— весело ответил Хагур. Он быстро собрался и догнал путников еще до Бастукской горы.

— Ты настоящий адыг, Хагур,— похвалил его Сафербий,— легкий на подъем. Как у вас здесь живется-можется?

— Ничего, мирно. Да вот...— и оборвал на этом свое слово Хагур.

— Ну-ну,— подождав немного, сказал Сафербий,— чего же ты замолчал? Договаривай, что «да вот»?

— У нас здесь вроде бы тихо, да вот все мне кажется шум какой-то неясный, будто на старой адыгской мельнице зерно размалывают. Но не зерно это, а людей размалывают. Сами себя адыги размалывают, губят. Тфокотли ворчат недовольно, хмурятся. Не приведет нас это к добру.

— Вот ты о чем,— нахмурился и Сафербий.— Что делать, мне тоже многое не нравится, да не все в моей власти, не все мы с тобою и нашими тфокотлями можем исправить. Трезво надо мыслить.

Хагур ждал, что князь продолжит свою речь, но Сафербий замолчал.

Молчал и Хагур. Он много и мучительно думал о мире с Россией, и не только думал, но и с генералом Филипсоном встречался несколько раз — и по совету князя и сам по себе. Да что толку. Генерал уперся, заладил одно и то же: Россия не может заключать с Черкесией мирный договор, потому что Черкесия не самостоятельное государство, а часть государства Российского, и адыги обязаны с покорностью и уважением относиться к властям Его Императорского Величества. А если черкесы не хотят подчиниться высочайшей воле, сказал, их заставят смириться силой оружия. Хагур, хотя и не совсем соглашался с генералом, но понимал, что именно так и будет, и с этим надо примириться, иначе и дальше будет литься кровь. Бессмысленная и бесконечная... Так считал Хагур, но никому об этом не решался сказать — ни адыгам, ни русским. Даже своему зятю Ракитову не говорил. Конечно, Павел был бы рад услышать это от Хагура, но ведь помочь он этому делу не мог. Кроме того, его начальство нет-нет да и упрекало, что он зять тех, кто нападает на укрепления, на солдат, проливает, сказал Филипсон, православную кровь. С солдатами у Ракитова были добрые отношения, они не осуждали его за такую женитьбу, но командиры не прочь бы и избавиться от него, должно быть, именно поэтому посылали в самые горячие стычки, надеясь, что адыги и прикончат Ракитова. Он был несколько раз ранен, но страдал не только от ран.

Молчал Хагур, распутывая свои горькие думы.

Наконец, Сафербий продолжил свою мысль:

— Знаю, знаю, Хагур, что тфокотли недовольны тем, как им приходится жить, как ими руководят, куда направляют, но что поделаешь? Ты же знаешь, все в руках нашего Всемилостивейшего Аллаха, нам не дано знать Его Великий промысел. Наша разумная воля и терпение — это все, чем мы руководствуемся в нашей жизни. А с абадзехами и шапсугами произошло то, что происходит иногда между горячими и не очень разумными братьями. Да простит нам Аллах этот великий грех! Да покарает он бесчестного ханжу наиба, из-за которого вспыхнула война! Однако, уважаемый Нурмагомет, дело сделано, ушло в прошлое, его не вернешь, значит, надо заботиться о завтрашнем дне. Именно во благо завтрашнего дня мы и держим сейчас путь, и надо молить Аллаха, чтобы задуманное удалось.

Если не достигнем нашей сегодняшней цели, великая беда может случиться на нашей земле, больше всех бед, что случались раньше.

Замолчал Сафербий. Нахмурился, будто видел перед собою ту самую беду, которая может случиться завтра.

— Боже милостивый, сколько раз обманывали нас англичане, турки,— продолжил князь,— а вместе с ними и французы, мадьяры. Во-вий, какие тяжкие испытания пали на наши головы, какая тяжкая доля нам досталась и из-за них, из-за их коварства и хитрости. Нет-нет, я не преувеличиваю! Мы маленький народ, они называют нас азиатами, почти дикарями, а себя-то они считают цивилизованными, благородными, а как ведут себя по отношению к нам! Очень недостойно, я даже сказал бы, бесстыдно.

И опять замолчал князь, глядя в мглистую даль. Почти с презрением смотрел, словно бы видел там турок, англичан, французов, мадьяр, поляков.

— Как ты думаешь, Нурмагомет, с добром или с худом примет нас генерал Филипсон?

Хагур пожал плечами, мол, не знаю, хотя сам не надеялся на хороший исход — уж больно упрям генерал, да не только в нем загвоздка, Петербург всем командует.

— И Газар Серебряков исчез куда-то,— сокрушался Сафербий,— я не послушался тогда его совета, наверно, поэтому он и не хочет нас знать. Но ведь же не я, не мы с тобою, Хагур, решаем дела, а наше говорливое, горластое и горячее, как кипяток, хасэ. Е-во-вой, эта адыгская свобода! И в абадзехской войне виновен я только в том, что не управился с горластыми говорунами, с их бестолково-горячими головами, да простит мне этот грех Всемилостивый Аллах. Я и наиб виновны в этой войне. И зачем я опять заговорил об этом, ведь не поправишь теперь ничего, не вернешь улетевшего ветра. И все-таки, знать сердце мое все еще горит, если я не могу молчать, все возвращаюсь к той беде. Но ничего, думаю, наша поездка к Филипсону окончится добром... Впрочем, говорят, будто наиб, абадзехский предводитель, в прошлом году тоже ездил к нему.

— Это неправда, зиусхан,— прервал князя Хагур.

— Я тоже хотел бы так думать, но люди говорят, а как известно, не бывает дыма без огня.

— О-о, эти людские разговоры! — возражал Хагур.— Если их слушать да верить им, так и жить не захочется. О тебе ведь тоже говорят, вроде бы ты уже был у Филипсона.

— Но это же отчаянная неправда! — возмутился Сафербий.— Аллах этому свидетель!

— Аллах, конечно, свидетель,— ухмыльнулся Хагур, но ведь люди говорят, зиусхан.

Князь сердито махнул плеткой, мол, ну их всех! И, чтобы сменить неудачный для себя разговор, спросил:

— Не кажется ли тебе, Хагур, что если генерал и согласится с нами, то все равно без Петербурга не обойдется?

— Конечно, конечно.

— Мы требуем только одного — хорошенько, с добром доложить о наших планах и предложениях царю. Вот и все. А как дела у нашего зятя, у Ракитова? Может быть, нам сперва с ним встретиться?

— Думаю, зиусхан, не надо его впутывать в это дело, ему и так достается.

— Пожалуй, ты прав, не надо. Я даже думаю поговорить о нем с генералом, надо защитить Павла, он честный русский офицер, порядочный человек.

Навстречу Сафербию с его спутниками из-за поворота дороги выехало двое верховых. Они почтительно поздоровались, пожелали доброго пути и почтительно уступили дорогу князю и его всадникам.

— Откуда вы, тфокотли? — спросил Сафербий.

— Из Анапы, зиусхан.

— Дело у вас там было или просто так ездили?

— За солью, зиусхан.

— И есть там соль?

— Базар ломится от соли.

— А вам что, не продали?

— Продали.

— А где же соль? — удивился Сафербий.— Что же вы едете пустыми.

— Не пустыми. Мы с товарищем продали по одной бараньей коже и за эти деньги купили по горсти соли. Если вам нужна, возьмите, пожалуйста, зиусхан.

— Не надо. Благодарю вас. А что казаки, как они вас встретили, с добром или худом отнеслись к вам?

— Валлахи, зиусхан, чтобы не говорить лишнего, так скажем: по доброму встретили, по доброму проводили.

Не надо греха таить, были и такие, которые косились на нас, сердито смотрели из подо лба.

— Ничего, мирно встретили,— вступил в разговор и другой тфокотль,— только уж очень большую цену за соль заламывают.

— Что делать,— улыбнулся Сафербий,— базар он и есть базар. Какие еще новости везете с собой?

Смутились как-то тфокотли, замялись. Тот, который помоложе, рыжеволосый и голубоглазый, оказался смелее своего старшего товарища:

— Хороший базар, веселый! Хоть и дорогой, а веселый, все есть. А солдаты все говорили, мол, чем воевать с нами или драться друг с другом, лучше бы побольше привозили шкур, меду, шерсти — торговали, веселились вместе!

— Что ты мелешь, Шахбан! — одернул своего товарища старший.— Мало, что болтают казаки, не очень-то мы им нужны. Казаки они есть казаки, от скуки болтают. Хотя и добрые они.

— Казаки они и есть казаки, ты прав, Камболет,— согласился Шахбан.— Болтуны.

— Согласен с вами. Среди казаков тоже есть разные люди, как и среди нас. Спасибо за ваши новости,— сказал Сафербий, трогая коня.

— Ваше оружие, зиусхан, наше оружие, ваши дела — наши дела. Если надо, мы поедем с вами,— воодушевился светлоглазый Шахбан.

— Благодарю вас, тфокотли, доброго вам пути.

Вон как, удивлялся про себя Сафербий, уже на базаре болтают о нашей войне. Если на базаре знают, то Филипсон, разумеется, все знает в подробностях. Конечно, он тоже как я, княжеского рода! Он должен, обязан понять меня. И уже было хотел Сафербий заговорить об этом с Хагуром, но передумал, решив, что ему, хоть и старшине, но все-таки тфокотлю, не понять этого. И спросил о другом:

— Слышал, Хагур, почем нынче соль? Со всех сторон жмут нас, норовят задушить... Как ты думаешь, застанем мы генерала дома? Кто знает, что у Филипсона на уме. Этот старый лис, хитрый.

— Может быть, он и хитрый лис, но слово свое держит. В этом он крепкий человек. Солнышко уже вон куда поднялось, надо поторапливаться, зиусхан.

— Надо, Нурмагомет, но я вот о чем подумал,— Сафербий чуточку придержал коня, испытующе посмотрел на Хагура,— Я подумал, пускай генерал подождет нас сегодня. Зачем нам спешить в объятья врага. Заедем к родственникам моей жены, к Тариковым, погостим, переночуем у них, а генерал пускай подождет. Если хочет, пускай немного позлится. Все-таки у себя дома мы, а не они.

В Анапу прибыли на другой день.

На городе все еще лежала печать войны: кроме здания, где размещался штаб Филипсона, целых домов почти не было. Некоторые уже отстраивались, а иные так и лежали в руинах.

Мечеть была нетронутой, только минарет разрушен. Пристань тоже как-то уцелела. На якорях стояло несколько судов под флагами России.

Сафербия со спутниками у штаба встретили трое офицеров. Среди них был Руфат Некрас. Когда они поздоровались, поприветствовали друг друга, Сафербий негромко, но с горьким упреком сказал Руфату по-адыгски:

— Хорошо, что я не взял с собою твоего отца, горестно ему было бы. Бесчестный ты человек, Руфат. Дерево без корней.

Не дрогнул Руфат от этих едких слов, будто и вовсе не слышал их, привык, что адыги всячески его поносили, однако от Сафербия, от свекра сестры не ожидал такого, поэтому просто удивился. Да к тому же сын Алешка, что у деда с бабкой живет, вспомнился, тоскою это отозвалось у него в душе.

В доме, куда ввели новоприбывших, Сафербий жил когда-то. Вот в этой просторной комнате бывали адыги, русские, англичане, турки — много разных людей.

Тахта, покрытая ковром, на которой Сафербий частенько беседовал со своими гостями, все на том же месте. А стулья — другие. Нет его стульев. Унесли куда-то. И Сафербию вдруг стало жаль их, как жалеют исчезнувших старых друзей.

Возле стены — сундук. Но другой, поменьше.

На подоконниках горшки с цветами. Этого у Сафербия не было. Похоже, Филипсон любит цветы. Сафербий не любил их в своих комнатах, любил на газонах в саду, в

полях, на лугах. В комнатах они были похожи на пленников, лишенных воли.

Не успели гости хорошенько осмотреться, как из противоположной двери вышел генерал Филипсон. Высокого роста, светловолосый, при бороде и усах, тщательно подстриженных. К лицу ему и усы и борода. Легким, генеральским поклоном поздоровался с гостями и всех пятерых пригласил к столу.

Сдержанным поклоном ответили и адыги.

Двое русских офицеров, вытянув руки по швам, стояли у окна. Третий, был Руфат Некрасов, стоял у кресла генерала, вероятно, в качестве толмача-переводчика.

— Этот... русский,— двусмысленно улыбнувшись, сказал Сафербий,— не понадобится, обойдемся и без его услуг.— На хорошем русском языке сказал Сафербий, как умеют щегольнуть словом, выговором русские офицеры.

Улыбнулся генерал:

— Вы обычно шлете мне свои послания на арабском или турецком языке, вот я и решил, что вы уже забыли русский язык.

Улыбнулся генерал и Руфату:

— Спасибо, штабс-капитан. Вы свободны.— Подождал Филипсон, пока вышел Руфат: — Слушаю вас, князь.

— Благодарю, господин генерал, за ваше внимание к моей просьбе. Прежде чем приступить к разговору о деле, мне хотелось бы сказать несколько слов о языках, на которых написаны мои послания, и о русском языке. Не по доброй воле, а по нужде я писал вам то на турецком, то на арабском языке. У нас нет своей письменности. Исторически так сложилось, что адыгам некогда было этим заниматься, им из века в век мешали, то татаро-монголы, то крымчане, то турки, то вы. Мы к великому несчастью, вынуждены острие пера заменить острием кинжала. И не только так с языком — наша древняя культура, наша государственность в таком же положении. Наш народ состоит из двенадцати племен, и когда пытается объединиться в единое государство, его размалывают то Россия, то Турция, непрочь этим заняться и Англия с Францией.

— Мы никого не насилуем, князь. Россия малым народам всегда несла мир и свет просвещения.

— Но тогда чьи же войска пришли на наши земли, генерал, кто навязывает нам свою волю?

— Россия не чинит произвола, она свято соблюдает условия Адрианопольского соглашения,— недовольно нахмурившись, сказал генерал.

— Простите, ваше превосходительство, однако Адрианопольское соглашение заключено между Россией и Турцией, но при чем здесь Черкесия? — усмехнулся Сафербий.— Разве она воевала с Россией, Турцией или с Англией и Францией? Кто дал право всем вам вершить судьбу народа, живущего своей жизнью, на своей земле? Однако, генерал, мы приехали сюда вовсе не для дискуссии, а для делового разговора.

— Извините, князь,— мягко перебил Филипсон, снисходительно улыбнулся.— Который из черкесских собраний вас делегировал?

— Нас уполномочили шапсуги, натухайцы и убыхи, генерал. Есть среди нас и представитель бжедугского хасэ. Если вы хотите что-то сказать об абадзехах, то думаю, вам все о них известно.

— Да, князь, я знаю о войне абадзехов с шапсугами.

— Полагаю, и об Магомет-Амине вы знаете все необходимое. Вероятно, знаете, что он не адыг, а пришел из Дагестана. Он воспользовался доверчивостью и простотой абадзехов, узурпировал власть над ними, мечтает о власти над всей Черкесией и на этом пути ничем не брезгует. Вплоть до того, что стравливает адыгские племена, вызывая кровопролития. Еще надо сказать, что уже и сами абадзехские тфокотли, без былого энтузиазма поддерживают наиба, но не будем больше об этом. Адыгское общество просит вас доложить императору, что Россия должна заключить с нами мир и отозвать свои войска с Черкесии. Если царь пожелает встретиться с нашими полномочными представителями, они готовы явиться к нему в любое, удобное для него и для нас время.

— Я обязательно передам Государю Императору ваши пожелания, князь. Однако у Его Императорского Величества уже есть свое твердое решение по черкесскому вопросу.

Сафербий распрямил плечи, взгляд его стал строгим:

— Однако, ваше превосходительство, думаю, вам тоже известно не менее твердое решение адыгов,— сказал и смягчился: —Мне кажется, ваш царь захочет встретиться с нами, если вы хорошо ему об этом доложите.

— Можете поверить, князь, я незамедлительно займусь этим.

— Если русский царь не пожелает понять нас, господин генерал, мы вынуждены будем обратиться за помощью к англичанам...

Генерал своим взглядом прервал Сафербия. Помолчал. Сокрушенно покачал головой:

— Получается, князь, вы пугаете самодержца великой российской державы.

Сафербий понял свою неловкость:

— Совсем не пугаю, ваше превосходительство. Просто у нас нет иного выхода.

— И тем не менее, я советовал бы вам быть более дипломатичным. Вы же умный, образованный человек, князь, знаете, что всякое действие вызывает противодействие. Маленькая Черкесия и одна из крупнейших держав мира.

— Согласен, надо дипломатичнее,— не теряя собственного достоинства, сказал Сафербий.

Спустя месяц после этого разговора у генерала Филипсона, из Петербурга пришел ответ: «Никаких мирных переговоров с черкесами не вести. Всякое их неповиновение, нападение на российские крепости, на обозы будут безжалостно караться огнем и мечом. Слово Его, Государя Императора,— закон для всех жителей государства Российского».

IV

Посол России в Турции Бутенев так же был уведомлен об этом мнении императора по отношению к Черкесии. Получил он это уведомление и вспомнил о двух кораблях, стоявших в Стамбульском порту. «Кенгуру» — под английским флагом и «Аслан» — под турецким. Послу говорили, что корабли те были нагружены оружием, боеприпасами, провиантом, различным обмундированием, предназначенным для Черкесии. Бутенев послал в порт своего тайного агента, тот все хорошенько выведал и подтвердил.

Посол тут же отправил в Петербург срочное донесение об этих кораблях и в самом скором времени получил ответ,

с которым и направился к верховному турецкому визирю к Рашид-паши.

Верховный везирь Турции был человеком энергичным, подвижным. Выйдя из-за стола, он легкими, бодрыми шагами направился навстречу российскому послу Бутеневу.

И так они улыбались друг другу, так уважительно раскланивались, словно были самыми лучшими друзьями и радовались этой встрече. Рашид-паша, протягивая гостю табакерку с душистым табаком, спросил:

— Как здоровье Его Императорского Величества, с какими приятными новостями вы пожаловали к нам?

— Благодарю, великий визирь, Государь Император здоров. Его подданные довольны им и счастливы, в стране царит мир и покой. Желаю и вашему великому султану здоровья и долгих лет жизни.

— Спасибо. Мы тоже желаем вашему монарху того же. Мир и покой в государстве, довольство и счастье подданных — заслуга монарха. В этом отношении и ваш царь, и наш султан — счастливые правители, да поможет им Великий и Всемогущий Аллах в их праведных делах! — сказал эти пышные, обязательные в дипломатии слова, учтиво поклонившись, выдержал положенную паузу и затем продолжил:

— Однако вы нечастый гость у нас, в нашем ведомстве. Слава Аллаху, наконец пожаловали — с чем изволите? С радостью или печалью?

— Я пришел к вам с ведома Государя Императора по делу, которое не сулит ни вам, ни нам ничего хорошего.

Встревожился Рашид-паша, удивленно вскинул брови:

— Я слушаю вас, господин посол.

— В Стамбульском порту стоят два судна, груженные оружием и боеприпасами для Черкесии, но ведь это явно и открыто противоречит нашему с вами мирному договору, великий визирь.

Рашид-паша непринужденно изобразил на своем лице крайнее удивление:

— Я впервые слышу об этом, господин посол! — сказал и желчно подумал: «Каким образом он пронюхал это?». Подумал так, изобразив опять улыбку сожаления: — Если даже сказанное вами — правда, то и турецкое военное ведомство здесь ни при чем. Слово чести!

— Верю вам, великий визирь. Я сказал истинную правду, хотелось бы только узнать, кто снарядил эти корабли, кто дал деньги, кому это понадобилось? Думаю, в самом скором времени мы получим исчерпывающие ответы на эти вопросы. Тайное всегда становится явным, как бы его не пытались скрыть.

— Я самым срочным образом разберусь во все этом, господин посол. Еще раз уверяю, мы к этому не имеем никакого отношения. У нас нет с черкесами никаких сношений. Единственное, что нас связывает — мусульманская вера. Только вера в Аллаха, а в остальном мы с ними — враги. Это не тот народ, на который можно положиться. Мы очень хотели бы дружить с ними на условиях добропорядочных людей, но они упрямы, своевольны, с ними невозможно договориться. Слишком горды, слишком любят свободу и свою эфемерную независимость. Именно эфемерную, нереальную, бесплотную. Поэтому наш султан отступился от них. Если вам как-то удастся склонить их к повиновению — это будет для всех хорошо... Там один престарелый шапсугский князь Сафербий Зан. Он во что бы то ни стало хочет стать султаном объединенной Черкесии. Надо сказать, и другие черкесские князья не лучше этого упрямого князя. И Берзедж, и Хаджемуков, и Цей такие же, на них просто невозможно ни в чем положиться. А то вот есть там еще предводитель абадзехов — Магомет-Амин... Посланец к черкесам имама Шамиля...

— У нас о нем много говорят, но ведь он не черкес.

— Да, да! Я еще и так скажу: несмотря на то, что Сафербий Зан предал нас, он образован, умен. Я хорошо знаю, каким был в молодости этот князь — молодец-молодцом! Сафербий Зан еще много доставит вам хлопот. Я знаю его!.. Прошу прощения, господин посол, за мои воспоминания молодости. А теперь несколько слов о Магомет-Амине. Черкесы не любят пришлых людей, поэтому они не терпят ни вас, ни нас, и никого не потерпят. Еще немного, и абадзехи прогонят его прочь. Адыги — вольные птицы. Трудно, трудно с ними. Однако не будем терять времени, господин посол,— Рашид-паша поднялся.— Я даю вам слово хорошенько разобраться во всем. Но вам надо помнить, господин посол, что в Турции живет очень много иностранцев: поляки, мадьяры, немцы, англичане, сербы, албанцы. Чего стоит один Теофил Лапинский...

— А чего, собственно, добивается господин Лапинский? — раздраженно спросил Бутенев.

— Поляки не могут простить русскому царю пролитую кровь. Поляки обидчивы, кичливы и мстительны, господин посол,— почему-то с удовольствием сказал Рашид-паша и довольно улыбнулся.

Посол ничего не ответил на это и удалился. В тот же вечер он побывал у военного министра, у других министров, но каждый из них удивлялся, делая вид, будто не только ничего не знает о кораблях, но даже не слышал. Разумеется, Бутенев не верил им и попросил аудиенции у султана.

Вокруг этих кораблей ходило много самых разных версий. Бутенев с помощью своих тайных агентов выяснил все досконально и пришел к султану во всеоружии.

Султан Абдул-Меджид знал, зачем идет к нему русский посол, но тоже был как бы удивлен, когда посол зачитывал ему ноту протеста.

Спокойно, размеренно прочитал Бутенев, сложил бумагу и протянул султану.

— Я уже во всем разобрался,— с совершеннейшим спокойствием сказал султан,— мне об этом доложил министр внешних сношений, у которого вы побывали.— И все тем же тоном невозмутимого спокойствия продолжил: — Я не потерплю, чтобы в моем государстве происходило такое. Кто бы не снарядил эти корабли, я не позволю им покинуть Стамбул. Виновные будут строго наказаны.

— Корабли эти, повелитель, снарядил министр почты Турции, черкес по происхождению, Измаилбей Хрозер.

— Есть у меня и эти сведения. Я повторяю, кто бы это ни был, не позволю ему сеять раздор между нашими государствами. Виновник будет строжайше наказан. Так и передайте вашему государю. Скажите, что мое слово, как всегда, крепко.

Султан легким, едва заметным поклоном показал, что аудиенция окончена.

Пока Бутенев ходил к министрам, пока ждал приема султана, корабли подняли якоря и отправились к берегам Черкесии.

Снаряжали эти корабли Измаилбей, Уркварт, Лапинский, взявший турецкое имя Тефикбей. Всех троих на это вдохновляла Хури-ханум, жена Хрозера.

За фрахт кораблей, за оружие, боеприпасы, обмундирование, воинам наемной армии заплатили Хрозеры.

Не в пример фразеру Лапинскому, многое сделал Джеймс Белль — это он нашел пушки, винтовки, нанял один из кораблей. Под его командой, можно сказать, и отправились в плавание корабли. Понятно, все это он делал с ведома Давида Уркварта.

Корабли шли в кильватере на небольшом расстоянии друг от друга. Стояла тихая, спокойная погода. Море, уставшее за день, сладко дремало.

Хури-ханум и Джеймс вдали от людей, стоя на корме, любовались закатом.

— Это солнце,— сказал Джеймс,— уже побывало на черкесской земле. Жалко, что оно не может нам рассказать, как живут-поживают адыги? Как там абадзехи и шапсуги после войны? Об этом так много шумели на западе газеты. Я предполагал, что этого столкновения не избежать.

— Большая беда — братоубийственная война,— сказала Хури-ханум, не оборачиваясь к собеседнику, как бы себе самой сказала это, солнцу, морю.— Сафербий Зан и Магомет-Амин враги, кому же мы отдадим оружие, порох... Получается, еду я к себе на родину в самое неподходящее время. Жалко-то, как...

— Не жалейте, Хури-ханум, вы едете к себе домой, разве это не радость. Я тоже люблю Черкесию, мы плывем в райский уголок на земле. Вы это знаете.

— Я? Откуда мне знать, если я прожила там всего десять лет. Что ребенок может смыслить в красотах земли. Единственное, что во мне осталось, неизъяснимая тоска по родине. Родная земля, тот уголочек, где ты появился на свет, зовет и зовет к себе. Жаль только, что я еду к нему в такую горькую пору и с такими «подарками». Огонь везу, но что делать, о Великий Аллах! Что нас ждет впереди?! Как нас встретят? Сафербий Зан и Магомет-Амин знают?

— Да, они предупреждены.

Будет ли Трам среди встречающих? — подумала Хури. Впрочем, кто позовет для такой важной встречи тфокотля? Ну и что — тфокотль! Хрозер-паша тоже был из бедных крестьян. Вся Турция гордилась его мужеством, его смерть

оплакивал сам султан. Пусть Аллах распахнет перед ним врата рая. О Аллах, как прекрасен, и как тяжек этот мир! Бедный Трам, сколько он претерпел страданий в своей нищенской жизни! Сам едва сводил концы с концами, а еще и мне помогал. Если бы не он, я бы, взяв тяжкий грех на душу, покончила с собой, как моя мать. Господи, Аллах Всемилостивый, за что нам такая кара? Когда я убегала от отчима и матери, он, сам почти голодая, где-то доставал кукурузу, готовил мне еду на старой, дымившей печке. А как бежал за купцом, как хотел отнять меня у него, а тот сбил его конем, чуть и вовсе не растоптал. Е-во-вой, Трам, как тяжело было нам с тобою жить и как хорошо! Может быть, это были самые счастливые дни в моей жизни. О господь всемилостивый. Это по твоей воле я стала одной из самых богатых женщин Турции! Но не самых счастливых. У меня есть не только деньги, мои корабли ходят по морям. Да и Трам, конечно, не последний человек в Шапсугии, если хасэ прислал и его в Турцию. Не удалось мне тогда увидеть тебя, Трам, и это самое большое мое горе. Хотя бы одним глазком взглянуть на тебя. Ты уехал бы в Черкесию богатым человеком, я одарила бы тебя серебром и золотом. Но судьба твоя — злая. И почему ты до сих пор не женат?.. Не полюбил никого?..

Хури вспомнила, как однажды Трам обнял ее, прижал к груди молодыми сильными и горячими руками. Вспомнила она это и наяву почувствовала жар его объятий, силу рук. Сильное, зовущее желание вспыхнуло в ней, обожгло всю!..

— Что же ты молчишь, Хури? — спросил Джеймс, удивленно глядя на женщину, чувствуя ее отрешенность.

— Что? — приходя в себя спросила Хури.— Ах да!.. Конечно, я не хотела, чтобы судна возвращались из Черкесии пустыми. Хорошо бы закупить побольше овечьих и говяжих шкур — они так высоко ценятся в Турции.

— Этого добра в Черкесии полно.

— Интересно, какова цена на них?

— Думаю, за бочонок пороха дадут столько шкур, что ими можно будет забить целый отсек трюма.

— Хорошо, если так. Значит, мы вернем свои расходы по этой экспедиции, получим барыш.

— Именно так и будет. Здесь все дешево, кроме человека. Неподкупный народ.

— А нас тогда турецким купцам отдали за бесценок... Говорят, здесь и воск, шерсть, конский волос дешево стоят.

— Верно говорят.

— Это кто там? Теофил идет? Да, он.

Лапинский еще издали обратился к ним:

— Вот вы где притаились! Я, кажется, понял, почему Измаилбей не хотел отпускать вас одну. О, женщины! Я, Джеймс, не доверяю им, потому и хожу до сей поры неженатым.

Джеймс в тон Лапинскому ответил:

— В таком случае, Тефикбей, ты обкрадываешь себя: женщины — украшение нашей жизни, они облагораживают нас, мужчин.

— То-то я смотрю, по земле само благородство ходит. Куда ни кинь — сплошь благородные мужчины! — рассмеялся Лапинский.

Смеялась Хури, смеялся Джеймс.

— Скоро ли Черкесия, Джеймс? — спросил Лапинский, отсмеявшись.

— Если нас ничто не задержит, если ничего не случится чрезвычайного, завтра с восходом солнца, бросим якоря у берегов Черкесии.

Хури-ханум улыбнулась:

— Скажи, Джеймс, если будет угодно Аллаху.

— Все делается с ведома Бога,— вместо Джеймса сказал Лапинский и продолжил: — Я хотел спросить вас, Хури-ханум: если с благословения господнего прибудем на место, вы узнаете свой родной аул?

— Вряд ли, ведь прошло столько лет,— горестно сказала она,— знаю, что родилась в турлучной мазанке.— Помню, у нас была корова. И сварливый голос матери. Неприятный, угрожающий, скандальный. Я не хочу даже вспоминать его.

Лапинский шумно вздохнул:

— Я тоже очень давно покинул родной дом, но в отличие от вас, Хури, я найду его с завязанными глазами. О, как я люблю свой родной дом, я не могу жить, не вспоминая его с благоговением и сыновней тоской.

Кто-то окликнул Теофила Лапинского, а он, подчеркнуто раскланявшись, ушел.

— Странный этот человек, Тефикбей,— глядя ему вслед, раздраженно сказала Хури.— Если он действительно

так горячо любит свой дом, свою родину, зачем мотается по белу свету: то он в Турции, то в Австро-Венгрии, то теперь в Черкесию направился. И не благородства ради, а за деньги, ворчит, что мало ему платим. Неискренний он какой-то, фальшивый.

— Поляки не любят русских! — воскликнул Джеймс. Из трехсот наемных солдат, собранных Лапинским, большинство поляки. Уж они-то будут драться мстительно, неистово. В царской армии много служит поляков. Лапинский говорит, что обязательно переманит их на свою сторону, что они станут лучшими солдатами его отряда.

— Почему именно они будут лучшими? — подчеркнуто удивилась Хури.

— Не знаю, но он почему-то в этом уверен.

— Нет-нет, не верю я ему. Он уже целый год морочит мне голову: мол, вы, черкесы, обязаны помогать своей родине, при этом он требует оплаты, а себе самой высокой, особой. Деньги, деньги и праздный разговор о родине, о патриотизме. Больше всего ненавижу ханжей.

Утомившись за день, Хури думала, что уснет быстро и крепко, но ничего не выходило... Из неполных сорока лет ее детству в памяти почти не было места — так некий туман, некая тревожная, мглистая даль, пустота, кроме благодарности и любви к Траму. Больше вспоминается юность, зрелые годы — вот они, под рукой, будто бы даже еще и вовсе не прошли, а живут, дышат своим благополучием, роскошью, властью, которую Хрозер-паша дал в ее маленькие, изящные руки, дышат любовью теперь Измаилбея к ней... Она слышит скрипучий голос матери и не видит ее лица, она помнит, что у них была корова, но совсем не помнит, каким был аул. В Стамбуле все хорошо, все в благополучии и довольстве, в почете. А что ждет ее в родной Черкесии? Господи, Аллах Всемилостивый, дай мне силы достойно встретить родную землю. Правильно я велела Измаилбею оставаться дома. Он слишком мягко обращается с Лапинским, тот морочит его, обманывает, а со мной у него ничего не выйдет. Пока не загрузят корабли товаром, Лапинский ни копейки не получит. А Джеймс? Зачем он столько лет живет в Черкесии? На чужбине, без семьи. «Женщины — украшение мира, они облагораживают мужчин». Тоже фраза, всего лишь фраза. Думаю, за эти годы Джеймс на черкесской земле скопил себе капитал,

за бесценок скупая нужные ему товары. А еще скажет, что проявляет заботу об адыгах и всякое такое... Сафербий много рассказывал о мужестве, душевном благородстве Трама, о его верности родной Черкесии. А живет почти в бедности, одинок. Интересно, узнает ли он меня? Как отнесется ко мне, что скажет? И забилось ее сердце, гулко застучало. Все тело налилось горячей тоской и сладостной болью.

Не помнит Хури, как уснула, не знает, долго ли спала, а может быть, и вовсе не спала, а была в неком забытье.

Будто толкнул ее кто-то, позвал по имени. В темноте оделась, вышла на палубу, на корму, где стояла вечером с Джеймсом.

Облака на востоке начинали загораться розовым светом. Море в той стороне тоже светлело. Еще прошло несколько неуловимых мгновений и в той же восточной стороне вспыхнуло, загорелось все небо. Прохладный ветерок прибежал с дальнего берега и обласкал лицо Хури. Она улыбнулась. Ну-да, именно оттуда, с родной стороны прибежал этот ветерок, чтобы поприветствовать ее, именно там все ярче занималась заря. О Аллах, в душе воскликнула Хури, это Черкесия! Я не только вижу, но чувствую ее!

Бело-розовые вершины гор прорезались в небе. Хури показалось, что она слышит запах кизячного дыма, крик петухов, блеяние овец. Слезы выступили у нее на глазах. Нет, она не плакала — просто по щекам сами скатывались слезы радости, умиления. О Аллах, благослови мое возвращение! О моя ворчливая, добрая мать, где ты!

Хури зарыдала, не сдерживая себя, не стесняясь ни моря, ни утренней зари, ни берегов родной земли.

А еще ей показалось, что ее окликнул Трам...

Люди из близлежащих аулов прослышав о кораблях, что пришли к ним в помощь из Турции, высыпали на берег.

Сафербий без особого восторга встречал отряд хорошо вооруженных, обученных, опытных наемных солдат. Больше того, он понимал: теперь как говорится, мосты сожжены.

Пока корабли подходили к берегу, чтобы пришвартоваться, Сафербий все озирался по сторонам в надежде увидеть Магомет-Амина. Враги врагами, а гостей встречать полагалось всем вместе. Не было его и он забеспокоился:

уж не появится ли наиб со своим вооруженным отрядом. Князь Сафербий приказал своим конникам быть начеку.

Впереди шел «Кенгуру», у него в кильватере — «Аслан». Они салютовали Черкесии пушечными выстрелами.

Испугались люди на берегу, припали к земле — кто в ямку, кто за камень спрятался, а кто просто лег пластом. Вздыбились кони, заржали, грызя удила.

Ядра упали и разорвались в море, столбами подняв воду.

Выходя из-за валуна, князь Берзедж проворчал сердито:

— И зачем они понапрасну тратят ядра, лучше угостили бы ими генерала Филипсона.

— Не беспокойся, князь, у Джеймса, Станислава Белля, хватит этих игрушек и для генерала и для казаков. Все будет отлично! — сказал Лонгворт.

— Не надо засучивать штаны, не дойдя до брода! — с иронией сказал Сафербий, глядя на корабли.— А что они за женщину спускают в шлюпку? Не жена ли это Измаил-бея, Хури-ханум?

— И это лишний груз,— не переставал сердиться Берзедж,— лучше вместо нее привезли бы доброго воина или бочонок пороха, они нам сейчас нужнее.

— Не скажи, зиусхан,— усмехнулся Цей,— может быть, она одна стоит двух воинов, а?

Шлюпка ткнулась носом в отмель. Джеймс хотел было взять Хури на руки и снести на берег, но она прыгнула в воду и побрела к берегу. Ступив на сушу, пала на колени, поцеловала землю. То же самое сделали и несколько мужчин, похоже, адыгов. Поляки и мадьяры, англичане и турки, французы и австрийцы приветствовали Черкесию пистолетными, ружейными выстрелами.

Зан, Берзедж, Цей, Хагур, Трам и их спутники пошли навстречу к заморским гостям:

— С благополучным прибытием вас, дорогие гости, милости просим! — приветствовал Сафербий, подняв руки.— Во-вий, кого я вижу!

Хури кинулась к нему в объятия, припав к его груди, громко зарыдала.

Сафербий гладил ее плечо:

— Ты вернулась домой, Хури, радоваться надо. Конечно, в тебе отозвалась боль, которую здесь причинили, но это

уже все позади. Подними голову и посмотри на свою родную землю, на землю твоих предков.

И она подняла голову, смотрела на далекие горы, на ближние холмы, на лес.

С нею рядом оказался мальчик. Она взяла его за руку, взошла на пригорок и сказала Сафербию, Джирандуку, Хатырбаю, Хагуру, Джеймсу, всем, кто был здесь:

— Я родилась на этой земле, но по злой воле моей судьбы жила в чужой стороне. Теперь я дома, и клянусь молоком моей матери, именем этого мне неизвестного, родного мальчика, солнцем и небом, этими стариками и женщинами быть верной древней земле адыгов до моего последнего вздоха. О Аллах, услышь меня, помоги мне и моему народу!

Пока говорила все это Хури, глаза помимо ее воли искали в толпе Трама, сердце звало. И нашла, увидела. Все такой же высокий, широкоплечий и статный, но... Годы сделали свое дело — тронули сединой усы и бороду, тронули усталостью глаза, притушили их яркий свет. Почему же ты не подходишь? Забыл меня или я так постарела? Нет, нет, нет! Я ведь перешла через море, чтобы увидеть тебя!..

— Никогда не думал, что Хури-ханум может так сильно взволноваться,— удивился Джеймс, обратясь к Лонгворту.

— Ничего удивительного в этом нет,— вместо Лонгворта ответил Сафербий,— если бы вы пережили все то, что пережила Хури-ханум и вот так же приехали бы на родную землю, и вы не смогли бы остаться спокойными. Кстати, Хури-ханум говорила сердцем, а не словами.

— Удивительная женщина Хури-ханум! — опять воскликнул Джеймс.— Такое благородство души, а ведь чаще всего богатые бывают черствыми. Хури-ханум богата, почти так же, как сам султан. А душою, добротою, благородством ей нет равных!

Гудела толпа, сгорала от нетерпения и любопытства. Как скажется это событие на их жизнь, к добру или к худу приплыли корабли бурным зимним морем?

Заморское добро призрачно, а то и вовсе обманчиво.

Щурились старики, опершись подбородками на свои посохи, всматривались, думали, пытаясь понять, что принес на их землю соленый ветер.

Слезились глаза у старых женщин от ветра и солнца, а еще от материнской тревоги: не нравились им гости, которые у хозяйского порога палят из пушек, пистолетов, не нравились им чужеземные солдаты — не мир они принесли сюда.

Джигитовали на скакунах молодые адыги, похвалялись своей силой, ловкостью. Пушки и бочонки с порохом, ящики с ружьями и пистолетами, иностранные солдаты в щегольской военной форме прибавляли вроде бы им силы и ловкости, их молодым глазам прибавляли яркости.

Хури, забыв о женской гордости, пробираясь через толпу удивленных мужчин, позвала Трама и потом кинулась к нему:

— Трам, это же я! Ты что, не узнал меня?!

Она, вероятно, бросилась бы к нему на грудь, обняла бы его, никого не стесняясь, но спокойный, какой-то отстраненный взгляд Трама остановил ее. Она только и осмелилась схватить его за локти: — Я дочь Айнур Хураш. Неужели забыл?

— Как я могу забыть тебя, Мерем?! — ощущая сильные удары сердца, но с большим трудом сдерживая волнение, глухо ответил Трам.

Хури, услышав свое настоящее девичье имя, не справилась с собою, бросилась к Траму, обняла его, приникла к груди и заплакала.

Оторопели от такой неожиданности люди. Мужчины, стоявшие поблизости, устыдились своего участия в тайне двух, стали отходить в сторону. А женщины во все глаза смотрели на Трама и на богато одетую красивую женщину. Их снедало любопытство. Они осуждали откровенность двоих, невиданную откровенность среди такого множества людей! А с другой стороны, они понимали, что произошло нечто очень и очень важное, и женщины сочувствовали им, даже радовались.

— Довольно, Мерем, не плачь,— немного отдышавшись заговорил Трам.— Как же мне не помнить тебя, как забыть! Я еще на судне увидел тебя и узнал. И бедную мать твою Айнур не забыл. А я живу все в том же доме в Куматыре. Успокойся, Мерем, люди на нас смотрят.

— Эти двое в давние времена, в своем детстве были соседями,— растроганно сказал Сафербий.— У них было

горькое детство, они столько лет не виделись. Отойдемте в сторонку, пускай они поговорят.

— Послушай, Трам,— обратился к нему Джирандук,— что ж вы стоите здесь неприкаянными, зайдите в дом да посидите, поговорите о своем давнем детстве. Разве есть у человека что-нибудь лучше него? Нет и быть не может. Что ты, судьба, делаешь с людьми. Какой ты бываешь жестокой. Пройдите в дом, Хури-ханум, Трам, пройдите.

Их проводили в дом.

— Пусть не сердятся на меня твои товарищи, ведь мы с тобой не виделись более тридцати лет. О Аллах, о Великий, Всемилостивый! Как живешь, Трам, что делаешь? Мне немного рассказал о тебе Сафербий. Ты, наверно, думал, что меня уже и в живых нет?

— Когда с Сафербием я приезжал в Турцию, очень искал тебя, так хотел видеть...

— От Сафербия я узнала о твоем приезде только через два дня после того, как ты уехал. Это было для меня такое горе... Не знаю, как это все тебе сказать...

Молодая хозяйка дома с удивлением и некоторым недовольством смотрела на своих неожиданных и странных гостей. Поняла это Хури и обратилась к ней:

— Мы, сестричка, из одного аула с Трамом, в детстве жили по соседству. Это было давно! Как роса пропадает чуть только поднимается солнце, так же быстро проходит детство, молодость наша. Как роса не оставляет следов на листьях травы, так и молодость уходит бесследно...

— Не говори так, сестра,— ответила женщина,— быстро проходят детство, юность, но они навсегда остаются в сердце. Если бы не оставались, сердце было бы пустым, а с пустым сердцем как жить человеку? Никак нельзя, он и человеком-то перестанет быть.

— Правда, сестра, правда... Горькое было у меня детство да и у Трама не лучше, а все ж то было счастливое время, счастливые дни. Помнишь, Трам, как ты жарил кукурузу, чтобы накормить меня голодную, помнишь, как рубил дрова и топил печку, чтобы я не замерзла?

— Как не помнить, помню! — обрадовался Трам и впервые прямо глянул в глаза Мерем. А сердце все сильнее и сильнее колотилось в тесной груди.

— А помнишь, как ты бежал за купцом, помнишь, как он чуть не затоптал тебя конем? — забыла Хури, что в

комнате была посторонняя женщина, обо всем на свете забыла. Раскраснелась от волнения.— А как я звала тебя на помощь, о Великий Аллах!

— Я ничего не забыл, Мерем,— и так, по-мужски пристально, посмотрел на нее, что сам смутился и отвел в сторону взгляд.

— Мерем, это мое настоящее имя,— сказала Хури хозяйке и так глянула на нее, что та поняла, что мешает она здесь.— Я тоже, Трам, ничего не забыла, где бы ни была, всегда помнила о тебе, жила памятью о тебе.— Она смотрела теперь совершенно откровенно влюбленными глазами на Трама, не скрывая своего желания — горячего, страстного.

— Ну вы посидите, а я пойду управляться по хозяйству.

— Погоди, сестра, я тоже пойду,— заторопился, окончательно смутившись Трам.

— Зачем же так? — сказала хозяйка.— Столько лет не виделись, разве вам не о чем поговорить? Посидите, поговорите, а я пойду...— И выскользнула женщина из комнаты.

Оставшись вдвоем, Трам и Хури смущенно улыбались и молчали. Нарушила беспокойное молчание Хури:

— Чего же ты молчишь, Трам?

— А что говорить?

— Мало ли о чем можно говорить, сердце ты мое.

Трам не помнит, чтобы его когда-нибудь так ласково назвала женщина. Мужчина не должен показывать свое волнение, свою слабость. Он мужчина, он хозяин положения, но тут Трам совсем ослаб и, с трудом сдерживая свое дыхание, сказал:

— Язык не может передать истинных чувств, Мерем.

— А и не надо много разных слов. Ты только скажи, скажи хоть одно единственное, заполнившее твое сердце, свет ты моих очей.

— Я ведь уже сказал его.

— Иди ко мне, милый, хороший мой, садись со мной рядом. Душа моя, радость моя, иди.

— Нехорошо, Мерем, кто-нибудь увидит...

— Пусть увидит, пусть все видят, пусть потом говорят, что хотят, посиди хоть минуточку со мной.

— Нет, я не могу этого сделать.

Тогда она сама решительно, даже как бы с гневом поднялась, подошла и села рядом с Трамом, положила

свои горячие, мягонькие руки на его руки — большие, натруженные, сильные.

— Нет,— сказал он и встал,— нельзя, Мерем.

За дверью послышались шаги.

Трам облегченно вздохнул.

Весь день длилась разгрузка кораблей. Теофил Лапинский тщательным образом все пересчитывал, проверял и заносил в книжку. Каждый ящик, каждый тюк он провожал до повозки, запряженной быками, требуя от людей, занятых разгрузкой, аккуратности.

Только к ночи Сафербий и Теофил смогли поговорить.

— Я сдержал свое слово, князь,— глядя усталыми, запавшими глазами, сказал Лапинский,— будем бить наших совместных врагов москалей.

— Слово ты сдержал, но с большим опозданием. Если бы ты это все привез, когда шла Крымская война, цены бы тебе не было.

— Я тоже очень хотел этого, очень. Знаю, как бы это было кстати, но Измаилбей тянул и тянул, учитывал каждую копейку, торговался с нами, как самый последний скряга. А главное, он не доверял нам. Даже послал с нами свою жену. Но, если сказать честно, это уже совсем ни к чему, что она может здесь делать?

— Разве ты не слышал, что она говорила?

— А! Слышал.

— Не веришь ей, не веришь тому, что она говорила?

— Видишь ли, князь, я поклялся бить москалей. Где угодно, как угодно, но бить и бить, а потому и терпел Хрозеров. Мне думается, что у них нет ни чести, ни совести. И между собой у них не все чисто и гладко. Не могу поручиться с твердостью, потому что нет у меня фактов, но чувствую своим мужским чутьем, что между Джеймсом и Хури есть что-то недостойное, неприличное. И поделом скупердяю Измаилбею, трехкопеечной душонке! Два года он водил меня за нос. Какие ребята у меня были — ушли, не вынесли тягомотины, скупердяйства. Рисковать жизнью за гроши?! Не лучше Хрозеров и Уркварт, Джеймс, Лонгворт, Фонвиль. Они тоже — дельцы. Как этого не понимает неглупая Хури-ханум? Или не хочет понимать из-за своей симпатии к Джеймсу? Чего же ты молчишь, князь? Или я что-нибудь неприятное тебе говорю?

Сафербий не хотел ввязываться в обсуждение Измаилбея и Хури, а потому ответил весьма нейтрально:

— Нет, Теофил, ничего обидного для меня ты не сказал. Хорошо что остаешься верным своей клятве.— И не удержался: — Что касается твоего мнения о Хрозерах, о взаимоотношениях Хури с Измаилбеем, их супружеской верности друг другу, то знаешь сам, по-разному живут люди в своих семьях, лучше не вмешиваться в их взаимоотношения. Тонкое это дело и чрезвычайно сложное. Не будем об этом говорить, не будем судить. Что же касается слов Хури-ханум, ее, так сказать, маленькой речи, я верю в ее искренность.

— Хорошо,— усмехнулся Теофил,— посмотрим, что она запоет, если ее корабли уйдут в Турцию пустыми. Она намеревается загрузить трюмы кожей, шерстью...

Надоел Сафербию Лапинский своим многословием, неприятной манерой судить людей:

— Хорошо, хорошо. Скажи, Теофил, что нам следует ожидать завтра?

— Думаю, все у нас хорошо, все идет своим чередом. Будем ждать Магомет-Амина. За ним уже послали.

— Он еще три дня назад должен был приехать, но не появился. Не знаю, как будет завтра, скорее всего, не приедет.

— Отчего же? Ведь мы с ним в Турции договаривались. Все было нормально.

— Когда это было! С тех пор в речке Туапсе много воды утекло. Не жди, не надейся на него, Теофил.

— Но почему?

— Дело в том,— кисло усмехнулся Сафербий,— наиб боится, что я собью с его головы чалму хаджи!

— Вон как,— задумчиво проговорил Теофил.— А мне говорили, после войны вашей вы примирились. Нехорошо. В такое время, в такую лихую годину вам враждовать еще между собой? Нехорошо, прискорбно. Ваш народ вам этого не простит. С москалями надо воевать, а не между собой. Я должен вас помирить, князь, и обязательно помирю!

— Не сможешь, Теофил.

— Смогу, и обязательно сделаю.

— Если встретишься с ним скажи: пусть радуется, что живым остался. Ты только пойми, для него превыше всего

интересы Дагестана, а Черкесия тут ни при чем, она только орудие в его ловких руках. Но хватит об этом! — рассердился Сафербий.— Надо обсудить наши дела. Назвать войском триста человек, конечно, будет довольно смело, но все-таки — сила. И в какую часть Черкесии ты хотел бы повести свой отряд?

— На днях ко мне прибудет вдвое больше людей, чем есть сейчас. Впрочем, как бы этот скряга Измаилбей не обманул нас опять. Хотя это будет слишком, ведь его жена находится здесь... Думаю, ты возьмешь сотни полторы во главе с Мехметбеем, а я с остальными буду здесь. Может быть, появится Магомет-Амин, а главным образом буду ждать пополнение. И еще вот какое обстоятельство, ты знаешь, у москалей принудительно много служит поляков. Я надеюсь видеть их у себя в отряде. Некоторая часть поляков — в плену у адыгов. Надо разыскать их и привлечь к нашему делу. И еще один резерв: здесь есть солдаты и офицеры, недовольные царем, его политикой. Их тоже можно и нужно позвать к себе. Я привез напечатанные прокламации, их надо распространить. Вот они.— Теофил раскрыл чемодан, полный прокламаций.— Вот послушай: «Любезный соотечественник! Я слышал от людей, достойных веры, что интерес польского отечества имеет в тебе верного сына, поспешаю донести, что польское войско под моим начальством находится на Кавказе, где народом с сердечной радостью мы приняты. Наша задача состоит в том, чтобы добыть массу давнишних дезертиров, находящихся у черкесов, сформировать из них значительный отряд польского войска и поторговаться снова с Москвой о наших правах. Отряд этот, я глубоко уверен, посредством поляков из русского войска, вскорости возрастет до размеров, которые дозволят мне наступательные действия. Помощь в мундирах, оружии, амуниции и жаловании я имею обеспеченную из Европы, а продовольствием край этот изобильно доставляет мне».— Лапинский поднял голову, спросил у Сафербия: — Правильно я пишу? Ведь не откажут нам в пище черкесы, чью землю мы защищаем! В этом я надеюсь на хозяев.— Затем Лапинский продолжил чтение: — «Вероятно тебе известно, что мы уже несколько раз встречались с врагом, и что он узнал меткость наших оружий».— Теофил вновь поднял голову: — Я наперед пишу о том, будто мы уже бились с москалями, с тем расчетом, что отправлю эти прокламации после нашей стычки с врагом.

— Понимаю, Теофил.

— «Любезный соотечественник,— продолжал Лапинский,— ты знаешь, то, что в краткости написать было можно, поэтому посчитайся с твоею совестью и средствами и служи интересам отечества, как пристойно правому поляку. Сам лучше оценить можешь, как полезнее действовать, или переходя к нам, где тебя ожидает братское приветствие, или оставаясь еще некоторое время в службе врага, где можешь с другими офицерами патриотами иметь сношения, могущие быть вредными русским. Уведомь меня поспешнее о себе. Не нужно тебя, вероятно, учить осторожности. Да благословит тебя Господь Бог, если вера твоя польская.

Полковник Лапинский».

— Как тебе нравится моя прокламация, князь,— пряча бумагу в чемодан, спросил Лапинский.

— Складно написано, доходчиво. Только поможет ли оно?

— Безо всякого сомнения! — воскликнул Лапинский.— Если есть там среди них хоть один поляк, он обязательно придет ко мне. Кстати, у меня есть и другие послания. Завтра, когда будете отправляться, я дам вам их для распространения. И еще, князь, если из шести орудий дам тебе два? Хватит? Прибавлю к этому триста снарядов, двенадцать бочонков пороха и штук пятьдесят ружей. Ты считаешь, что мало этого? Не молчи, скажи.

— А с остальными орудиями что ты намерен делать?

— В Туапсе хотя бы два орудия надо оставить? Да и наибу тоже понадобится. И он воюет за свободу Черкесии.

— Думаю, пока наиб решится, пока придет сюда, прибудут уже другие корабли.

— Тоже верно. Как скажет Хури-ханум. Все-таки она хозяйка.

Россия открыто готовилась к решительным военным действиям в Черкесии. В Анапу, Джубгу, Геленджик, Пцемез и морем, и сушей прибывала пехота, конница, артиллерия.

Разумеется, не сидели, сложа руки, и адыги.

По решению шапсугского хасэ, каждый двор обязан был подготовить и снарядить оружием воина — конного или пешего. Одного с каждого двора, а если есть возможность, то двух, трех, могущих носить оружие, сидеть на боевом коне.

Днем и ночью на мельницах мололи муку, на просорушках рушили на пшено просо. Вялилось и коптилось впрок мясо, сыр. Вязали теплые носки и варежки, тачали сапоги, снаряжали легкие походные седла, а кузнецы, казалось, и вовсе не отходили от своих горнов — ковали шашки, кинжалы.

Верно, человек жив надеждой. На что надеялся Сафербий? Во что твердо верил? Чего было больше у него сомнений или веры?

У каждого в душе есть такие потаенные уголки, в которые и сам ее хозяин не всегда решается заглянуть. И чем крупнее человек, чем большая ответственность у него перед людьми, перед своей совестью, и, разумеется, перед Аллахом, тем больше у него потаенных уголков, тем глубже его волнения — ведь волна на море куда крупнее волны на небольшом озерце.

Может быть, Сафербий и хотел бы сложить оружие перед Россией, но как это сделать, если почти каждый адыг Натухая, Шапсугии горит волей сопротивления царским войскам, волей к свободе. Но как будет дальше, когда запылают аулы, когда крови будет больше, чем воды в ручьях? Не проклянут ли они день и час начала войны, себя и тех, кто повел их в бой?

Это будет потом, а сейчас никто и слышать не хочет, никакие благоразумные речи, грешные страсти обуяли всех.

Сафербий, им ничего не скажет, потому что они не услышат его, не поймут. Да и те, что погибли за эти годы, чьи могилы травой поросли, имеют право голоса, и перед ними молчит Сафербий. А они кричат ему: мы остались неотмщенными. Что может ответить им Сафербий? Они правы. Спорит Сафербий с Газаром, а получается, что сам с собой спорит. Нет, Газар, не могу с тобой согласиться, ты должен понять меня. Если ты не поймешь, тогда кто же? Адыги знают, что не смогут победить царскую армию, но они противопоставят силе оружия силу своего гордого духа, а дух непобедим. Я верю, Газар, тебе больно за нас,

не только разумом, но и сердцем своим знаешь эту боль, но, так как и я, ничего не можешь поделать. Если бы ты убедил нового наместника Кавказа Барятинского, если бы сказал свое слово царю... Видишь, мой друг, я и в старости остаюсь наивным человеком. Если бы ты сказал, если бы ты убедил... Самые красивые слова бессильны перед грубой силой. У нас говорят: бедняка, если даже он сидит на верблюде, достанет злая собака. Знаю, не спасут нас горы, не спасут леса, но даже если победят нас, перебьют всех до одного, мы и мертвые не перестанем быть адыгами. Конечно, этот крошечный иностранный отряд мало чем поможет нам, но все-таки поможет тем, хотя бы, что пришел на помощь, понял нас. Пусть об этом знают все! Вот что я хотел бы тебе сказать, Газар. И еще, я поступаю не по своей воле, да простит меня Аллах!..

После дня таких бурных событий и раздумий Сафербий с большим трудом уснул, как ему казалось на жесткой подушке. Не проспал и часа, как пробудился от шума доносившегося с улицы.

По-военному быстро одевшись, вышел.

Обоз готовился в дорогу.

Уже на телеги погрузили бочонки с порохом, тюки обмундирования, ящики с ружьями и прочим, пушки стояли в походном снаряжении. Верховые лошади нетерпеливо били копытами, всхрапывали.

Приготовлением руководили Хагур и Трам.

Суетился Лапинский — все подсчитывал, записывал в книжку.

Тут же было несколько человек поляков, им тоже он отдавал какие-то распоряжения. Увидев Сафербия, подбежал к нему:

— Доброе утро, князь. Мы не захотели тебя будить спозаранку. Думали, ты потом догонишь обоз.— Наклонился к Сафербию и заговорщически сообщил: — Мы дали тебе еще одно орудие. Джеймс решил ехать с вами и, конечно, за ним увязалась Хури-ханум.

Пока Сафербий пил чай, сто пятьдесят воинов отряда Лапинского и сотня шапсугских всадников отправились в путь. Когда он вышел во двор, там уже почти никого не было. Из женской половины в сопровождении трех женщин появилась Хури. Она была одета по-дорожному: сверх темного платья-клеш — кожаная куртка. Из-под платья

выглядывали шаровары. Голова повязана синим платком. На руках — коричневые лайковые перчатки. Сафербий поприветствовал ее:

— Доброе утро, Хури! Спокойно ли спалось на родной земле?

— Так спокойно, так сладко я уже давно не спала.

— Очень хорошо. Что ж, тронулись? Будем догонять колонну. А ты здесь не скучай, Хури, мы будем тебя навещать.

— А я разве не гожусь в вашу компанию?

— Валлахи, не знаю, что тебе и сказать! — «Лапинский никак правду говорил?» — подумал Сафербий и добавил: — Неожиданно это. Если бы знать о твоем намерении, то приготовили бы фаэтон, а сейчас я просто в затруднении.

— Зачем фаэтон? Разве не найдется для меня доброго верхового коня?

— Найдется, Хури, конечно, найдется! Я рад, что ты не боишься трудной походной жизни. Эй, кто там! Подайте госпоже доброго верхового коня! Да побыстрее!

Мужчины растерялись, им не приходилось женщину усаживать на коня, потому, и не знали, как тут быть. Пока они соображали, Хури, можно сказать, птицей взлетела в седло, вызвав и у Сафербия, и у всех, кто был во дворе, восхищение.

Хури тронула коня. Сафербий и Джеймс ехали у нее по сторонам. Ехали молча, как бы собираясь с мыслями, от некоторой неожиданности, приподнесенной им женщиной.

Первым заговорил Сафербий:

— Валлахи, Хури, я как-то не подумал, что ты оставишь корабли и поедешь в наши края.

— Я думаю, князь, капитаны кораблей и без меня найдут дорогу домой.

Джеймс хотел сказать, что Хури-ханум собиралась загружать корабли товаром, а теперь получается, они уйдут пустыми? Хотел сказать, но решил, что лучше будет, если он промолчит.

Когда Магомет-Амину сказали, что князь Сафербий встретил корабли, прибывшие из Турции, встретил отряд солдат под командованием Лапинского, он сердито проворчал сквозь усы:

— Что это за войско, в котором едва насчитывается три сотни солдат!.. И что это Заны дергаются? То бегали к генералу Филипсону, мол, давайте мириться, а теперь встречают отряд наемных солдат, чтобы воевать вместе против России! Правду говорят, что курица лапами добывая себе еду, добывает собственную смерть. А что касается этой дамы, черкешенки, так это известная потаскушка, на всю Турцию известна. Разве порядочная женщина поехала бы одна, без мужа среди бравых мужчин!

V

Вместо трех дней Лапинский ждал Магомет-Амина больше недели. Правда, не столько он ждал наиба, сколько ждал корабли с подкреплением. Они должны были прийти еще несколько дней назад, а все нет и нет, не случилась ли беда с ними в дороге? А возможно, они не вышли из Стамбула, им помешал русский посол. Он все принюхивался, как ищейка, высматривал, выспрашивал. Если помешал, дело обернется тогда бедой. Так размышлял Лапинский. А тут куда-то запропастился Магомет-Амин. Абадзехи — одно из самых крупных адыгских племен, если они не поддержат, не начнут активных действий, то «из игры» тогда могут выйти темиргоевцы, махоши, беслинейцы и бжедуги. Видите ли, они делят власть — Сафербий и Магомет-Амин. Вот и доделятся, что провалятся оба. Я говорил Хури-ханум, что нам крайне нобходимо помирить их, однако что-то не заметно ее рвения в этом, у нее какие-то свои виды. А тут еще этот Мехметбей. Ну, хитрец, ну, хитрец! Он обосновался в Мазибе рядом с Сафербием, и сидит там припеваючи. Многословен, хвастлив! Как мне не хотелось брать его в свое дело, так нет же, влез! А почему нас не встретил? Видите ли,— заболел! Говорил я ему — поедем все вместе, так нет же — я поеду и приготовлю место для войск. И проготовил! Для себя! Он уже и во время Австро-Венгерской кампании вел себя так же. Мадьяр он и есть мадьяр. Но что в нем нашел Сафербий? Чуть ли не в обнимку с ним ходит, подхватывает каждое его слово.

Прошло еще два дня, а кораблей все не было, не появлялся и Магомет-Амин.

Вздыхай не вздыхай, злись хоть до посинения, делу не поможешь. И Лапинский решил обходиться тем, что у него есть. О Шапсугии он не беспокоился — плохой ли, хороший Мехметбей, но все-таки воин, дело свое знает. Да к тому же там находятся Джеймс и Хури-ханум, туда отдана большая часть вооружения. Но что с абадзехами, что с этим наибом? И почему посланные к нему люди до сих пор не возвратились?

— Теофил,— как-то обратился к нему Берзедж,— наиб гораздо хитрее и коварнее, чем ты думаешь. Боюсь, он затевает что-то недоброе. Верное слово. Мы хорошо его изучили и Зан, и Цей, и Хаджемуков. Хитер, как шайтан, и коварен. Кроме этого, Теофил, я думаю, Шамиль за что-то на нас в обиде.

— Ему совершенно не за что на нас обижаться! — сердито ответил Лапинский.

— Может быть, просто-напросто вы ему неинтересны, не видит от вас никакой выгоды.

— Если он и в беде адыгов ищет выгоды, то простите меня! — оборвал себя Лапинский.— Извините, князь, за горячность, но не дело нам между собою разные обиды затевать. Нехорошо это!

— Справедливы твои слова, Теофил. Но что с кораблями? Как ты думаешь?

— Разумеется, к этому наиб непричастен, тут все дело в Измаилбее. Оружие, порох, свинец дорожают на международном рынке, вот он, наверно, и жмется. К тому же, князь, теперь мало кто помогает за «спасибо» — все ищут свой интерес.

— Скверно это, если так! — повысил голос и князь Джирандук. Он встал и подошел к окну. Глядя вдаль, продолжил: — Мы говорим тебе и твоим воинам спасибо. Идти на смерть за свободу чужой страны это более чем мужество.

— Святые ваши слова, князь,— одобрил Лапинский, однако умолчав, что его воины — наемные, получают большие деньги, а без денег их сюда ни за что не заманил бы, продолжил свое: — Москали наши общие враги, господин Берзедж!

Увидев в окно, что к морю устремились конные и пешие, Джирандук сказал:

— Там какие-то новости, Теофил. Люди бегут к морю.

Распахнулась дверь и вошедший поляк возвестил:

— Еще один корабль прибыл, господа!

Несмотря на то, что прибывший корабль принес радость, принес он и неприятности Теофилу. Да и не только ему. Два других корабля, груженные оружием, задержаны именем султана в Трапезундском порту.

Хотя Лапинскому было жаль, что случилась для него такая беда, рад был тому, что хоть один корабль прорвался: лучше хоть что-то, чем ничего, сказал он, все-таки еще сто пятьдесят воинов и оружие.

Разгрузка подходила к концу, когда возвратились посланные к Магомет-Амину. Наиб не приехал сюда потому, что был в это время в Беслинее.

— Но ведь, он знал, когда придут корабли? — допытывался Лапинский.

— Знал.

— Почему же не отложил поездку в Беслинею?

— Не смог.

— Не смог,— ухмыльнулся Берзедж,— хитрец он, потому и не смог.

— Не будем зря человека подозревать, у нас же нет никакого доказательства, что он умышленно, из хитрости не приехал. Простим ему на этот раз, князь.

— Смотри, Теофил, не ошибись! Я совершенно уверен, что все было иначе. Подождем — увидим.

Хотя посланные Теофила привезли ему приглашение побывать в Абадзехии, он, конечно, не поехал: ждал самого Магомет-Амина. Не знал Теофил и как поведут себя его воины, которые приехали сюда главным образом из-за денег, а не из-за высоких побуждений, как думал Берзедж.

Адыги передали ему сто двадцать три пленных поляка, пришло в отряд еще двадцать девять дезертиров, скрывавшихся в горах.

Побывал он в Шапсугии и Убыхии, в Мазибе, где располагался Мехметбей со своими воинами. Надо было знать, как они живут, как питаются, готовы ли к боевым действиям, будут ли драться, как того требует долг. Он обрадовался, что к Мехметбею тоже пришло несколько польских и русских солдат, он был уверен, что число таких перебежчиков будет расти.

Провожая Лапинского из Шапсугии, Сафербий спросил:

— Я не понял, почему должен скрывать от Мехметбея весть о задержании двух кораблей?

— Не надо, князь, Банья-Мехметбей не должен этого знать,— Лапинский огляделся по сторонам и прошептал: — Если бы не Измаилбей, я бы никогда не взял этого мадьяра сюда. Хури-ханум тоже настаивала, чтобы я взял его. Опасный человек Банья, не лучше твоего Магомет-Амина, который пока еще нам не позволил приехать в его страну. Будь осторожен, господин Зан, с этим мадьяром!

— Ты ошибаешься, гость,— без особой охоты стал возражать Сафербий,— он не может «не позволить» приехать в его страну потому, что у наиба нет и не может быть на адыгской земле своей страны. Он приехал сюда из Дагестана, и, пожалуйста, не обижайся на меня, он здесь, как и ты, одинокий волк.

— Я мог бы оскорбиться, князь,— усмехнулся Теофил, — но Всемилостивый Аллах, которому я присягнул на верность, свидетель, что я пришел в вашу страну вовсе не с намерениями грабежа или разбоя. Для меня и моих соотечественников просто нет более благоприятного и удобного случая отомстить москалям за кровь наших братьев! — Мы — воины, мстители, и у нас с вами общий ненавистный враг. Как говорят черкесы: ваше оружие — наше оружие, ваша беда — наша беда, князь.

Пройдет время, и куда бы не ездил, что бы не делал Лапинский, не забывал этого разговора с Сафербием, пронзительного испытующего взора князя. В его душе день ото дня все больше утверждалось недоверие к шапсугскому предводителю, возникала неприязнь. Он так же запомнил тяжелый взгляд Карбатыра, когда их представляли друг другу. Они потом пробыли вместе сутки. День и ночь. Но Карбатыр не проронил ни единого слова, будто немой. Конечно, Лапинский посчитал молодого князя слишком заносчивым, который, вероятно, считал Теофила недостойным своего княжеского внимания.

Так ли, нет ли понял его Теофил, но однажды за обедом спросил у Джеймса:

— Скажи, пожалуйста, возможно я неправ, но мне показалось, что Карбатыр Зан — нелюдимый, как бирюк, однако умный, проницательный. Я не ошибся?

— Ты не ошибся, Теофил,— ответил Джеймс,— у черкесов есть такая пословица: традиции отца — заповедь для

сына. Князь Сафербий не из очень разговорчивых, но умный, мужественный человек, знающий себе цену, в быту довольно скромный. Разумеется, Карбатыр многое унаследовал от отца, а иногда мне кажется, что он смотрит дальше его. И это хорошо. Именно так и должно быть, а иначе жизнь упрется в тупик.

— Мы допустили ошибку, Джеймс! — неожиданно воскликнул Лапинский.— Нам надо было попросить Карбатыра поехать вместе с нами в Абадзехию, к наибу.

— Напротив, Теофил,— возразил Джеймс,— если бы мы поступили, как ты говоришь, вот тогда бы действительно допустили ошибку. Даже грубую. Раз не едет отец, как может поехать сын. Берзедж тоже не хочет ехать к наибу.

— Он боится Сафербия?

— Конечно, нет! Мне кажется, Берзедж вообще никого не боится в Черкесии. Ты не смотри, что он иногда стоит за спиной старшего Зана, находится как бы под его защитой. Я здесь уже давно и достаточно хорошо изучил черкесов. Редко ошибаюсь в своих суждениях о них. У адыгов много племен, значит много предводителей. Именно это и мешает быть им сильным, самостоятельным, единым народом, по этой причине они терпят столько бед на протяжении веков... Сафербий Зан. Князь Зан старше всех «удельных» князей, включая и Магомет-Амина. Впрочем, дело не только в старшинстве по возрасту — Сафербий хорошо образован, по-настоящему умен. Берзедж понимает это и относится без зависти, с уважением. Да и Сафербий не обходит его, во многом советуется с ним. У черкесов старшинство превыше всего, но когда дело доходит до мужества и чести, не втягивают голову в плечи, а наоборот — поднимают высоко. Когда речь заходит о чести и достоинстве, каждый адыг считает себя первым. Или, скажем, взять головной убор. По папахе судят о человеке,— она должна быть красивой, хорошо сидеть на голове. Украшать должна человека. Ты можешь надеть не очень богатую черкеску, сапоги, но папаха! Воистину — в голове и ум, и честь, и вера, и надежда.

— Это я тоже заметил,— вставил Лапинский,— интересные люди, черкесы. Должно быть на всем земном шаре только одни они и есть такие.

— Я думаю, каждый народ по-своему уникален.

— Верно, однако, скажем немцы, французы, англичане — они европейцы и между ними нет такого разительного отличия, как между ними и адыгами, между адыгами и русскими. Небольшой, но совершенно уникальный народ.

— Для черкеса что голова, что папаха — едино. Я никогда не видел, чтобы они играли папахой, как-то пренебрежительно относились к ней. Если хочешь, расскажу одну историю о черкесской папахе... Великаны давно охотились за нартом, за богатырем Шебатыном, чтобы убить его. Устраивали засады в горах, в лесу, на перекрестках дорог в степи — ничего у них не получалось. Очень рассердились великаны. Собрались и стали думать, в чем сила Шебатына, что у него, в его силе и храбрости главное, и решили — папаха. Снять с него папаху, всё равно что голову. Куда и как он может явиться без головы, как может в свой дом прийти с обнаженной головой. Великаны и выхватили у него с головы шапку. Вот уж была забота для Шебатына — отнять шапку у великанов. Сколько раз ему приходилось биться с ними, сколько тяжелых ран получил, сколько крови потерял, но не отступился, пока не отнял у них папаху. И это не просто папаха — вот так же адыги верны своей родной земле, вот так неотступно и мужественно защищают ее.

— Да, но как же они случается крадут детей и продают в рабство?— спросил Лапинский.

— Тут, Теофил, ты меня обезоружил,— развел руками Джеймс.— У черкесов есть немало и дурных обычаев, привычек, впрочем, как и у каждого народа. Однако мы должны быть к ним снисходительны. Тем более, что пришли защищать их землю, их честь и свободу.

— Разумеется, Джеймс,— с готовностью согласился Лапинский,— я ведь спросил просто из любопытства... Если бы я знал, как борются между собою за лидерство князья, возможно, и не приехал бы сюда. Но меня позвало в дорогу не одно только сочувствие к адыгам, но и ненависть к москалям. Пусть князья тут сами между собой разбираются, а мы все-таки поедем в Абадзехию и без Сафербия и без Берзеджа. Думаю, когда мы по-настоящему развернем боевые действия против москалей, многие из междуусобных распрей черкесов утихнут. Война не позволит, не потерпит мышиной возни. Извини меня, пожалуйста, за резкость, Джеймс... Раз князь Джирандук не хочет ехать с нами, мы возьмем с собою тфокотлей.

— Я согласен с тобой. К тому же, я пятерых князей отдам за одного Хагура. Ах, какой это славный человек, какой воин! Он обещал поехать с нами, вот и его тоже пригласим. Ты должен знать, что абадзехи разделились, так сказать, на два лагеря. Там очень неспокойно сейчас.

Узнав о том, что едут гости, Магомет-Амин с группой всадников выехал навстречу.

Почти весь аул, можно сказать, вышел встречать Лапинского с его спутниками.

По сравнению с Шапсугией, с Мазибом, здесь люди более приветливы, подумал Теофил, вон как все улыбаются, вон как все рады нам, но женщин почему-то вовсе не видно.

Сказал Лапинский об этом Джеймсу и тот пояснил:

— Адабзехи, живут в горах, обособлены. Сюда редко приезжают гости, вот жители и радуются каждому, кто пожаловал к ним. Насчет женщин, просто они набожнее, тверже соблюдают законы ислама. Шапсугские женщины в этом отношении ведут себя более независимо, свободнее.

Лапинский поймал себя на мысли, что почему-то все время сравнивает абадзехов с шапсугами, натухайцами, убыхами, сравнивает и особой разницы не находит ни в одежде, ни в жилищах. В еде тоже почти ничем не отличаются — та же крутая кукурузная каша, тушеная курица, вяленое мясо, кислое молоко, лепешки с сыром и хмельной напиток — бахсымэ. Вот только красного, горького перцу одни употребляют больше, другие меньше. За столом в Шапсугии прислуживают женщины, а здесь мужчины. Вообще женщин в Абадзехии увидеть можно не часто, только и слышны их голоса за стеною кунацкой.

Уселись гости за столом, поговорили о погоде, о горных тропах, которыми ехали, о других разных мелочах — так велит обычай, не говорить с гостями сразу о деле. Пусть они придут в себя после дороги, осмотрятся, почувствуют настроение хозяина.

— Я прошу, дорогой гость,— заговорил Магомет-Амин,— не обижаться на меня за то, что не встретил вас на шапсугском побережье. Никак не мог,— наиб искоса посмотрел на Хагура,— нужно было срочно ехать в Верхнюю Абадзехию, а потом в Беслинею.

— Мы очень ждали вас, наиб,— дружелюбно улыбнулся Лапинский,— и недоумевали, что бы могло означать ваше отсутствие. Потом, узнав о вашем отъезде, решили что вы подъедете позже, но и позже вам не удалось пожаловать к нам. Извините, но вы не сдержали своего слова, данного еще в Турции, не выполнили наш с вами уговор. Спасибо князю Сафербию Зану, хоть он нас встретил, а если бы не он, мы бы оказались в тяжелом положении.

Лапинский думал, что Магомет-Амин обидится и начнет или оправдываться, или высказывать свое неудовольствие, что его отчитывают, однако наиб словно бы и не слышал ничего — ел курятину, старательно, с аппетитом пережевывая мясо, сдабривая острой чесночной приправой. Лишь спустя время спокойно начал говорить:

— Валлахи, уважаемый гость, дело обстоит совершенно иначе. Выслушав меня, разумеется, все поймешь и не будешь сердиться. В Верхней Абадзехии тфокотли начали бузить. Это могло разрастись в нечто серьезное, поэтому мне тут же надо было поехать туда, чтобы уладить дело, затушить огонь, неожиданно вспыхнувший. Впрочем, не совсем неожиданно: Джеймс может подтвердить — родовитый Цей все время подбивает тфокотлей против меня. Просто житья не дает.

Помолчал наиб, надеясь, что Джеймс скажет свое слово о Цее, но тот молчал, тоже сделал вид, будто не слышит.

Подождал наиб, искоса поглядывая на Джеймса, и потом продолжил:

— Кроме того, я решил заодно побывать у беслинеевцев. Валлахи, Джеймс,— надеясь все-таки втянуть англичанина в разговор, наиб напрямую обратился к нему,— плохи наши с вами дела: с тех пор как закончилась Крымская война, Россия стягивает к Чечне, к Дагестану все новые и новые полки. Война там идет страшная, а мы, мусульмане, братья по крови, затеяли междуусобную войну. Зан, который вас так приветливо встретил, тоже хорош, он спит и во сне видит, как замириться с нашими смертными врагами...— Наиб выдержал паузу, а потом он обратился к абадзехам, сидевшим за столом: — А теперь бы мне хотелось поговорить с гостями с глазу на глаз.

Ушли адыги, остался из них только Хагур. Наиб, с неловкостью улыбнувшись, обратился к нему:

— Валлахи, Хагур, хоть ты и сопровождаешь гостей, хорошо было бы, если бы и ты оставил нас.

— Нет, — сказал Джеймс,— Хагур останется с нами, у нас нет от него секретов.

— Я просто имел в виду, что Хагур не из Турции приехал, не из Англии...

— Наиб! — с трудом сдерживая свой гнев, поднялся Хагур.— Ты оскорбляешь меня, но ради гостей, ради уважения к ним я стерплю. Извините меня, гости, но мне здесь больше нечего делать. Я подожду вас на шапсугской границе. На прощанье хочу всех предупредить: наибу ничего не удастся скрыть от адыгов.

Когда ушел Хагур, Джеймс сокрушенно покачал головой и с укоризной сказал наибу:

— Разве так можно, Магомет-Амин? Очень нехорошо это.

Лапинский сидел, не вмешиваясь.

VI

Первые два-три дня в Куматыре Хури выплакала, казалось, все свои слезы.

В ауле нашлись люди, которые помнили ее, а большинство только понаслышке знали ту давнюю историю. Теперь, узнав о ее несметном богатстве, глазели на нее, как на диковину. Другие, что похитрее, заискивающе улыбались, уверяли, что помнят ее девочкой, что помогали ее матери, когда она жила в бедности.

Сама же Хури хорошо помнила в Куматыре только двух человек — Трама и Сафербия, остальные же — как туман. А белоснежные вершины гор, лес предгорий и особое, как ей казалось, адыгское небо она не забывала и в Турции, и теперь не уставала любоваться с утра до вечера.

Хури жила в доме Сафербия, в богато и со вкусом обставленной комнате, о ней заботились, как только можно вообще заботиться о дорогом госте, готовы были выполнить любое желание, любой каприз такой важной госпожи. Но что их забота, что этот княжеский богатый дом, если в нем нет Трама.

Нельзя сказать, будто она совсем не видится с ним. Сафербию хотелось показать Хури прекрасную Шапсугию. Они ездили в горы, в аулы, и Трам всюду сопровождал своего князя с его гостьей, но это были лишь взгляды

украдкой его и ее, ничего не значащие фразы. Вот так же, как они ездили с невесткой Марией к ее отцу Тиму Некрасу в Дахап — Хури все разговаривала с Марией, с Сафербием, а Трам только присутствовал при этом.

Как хотел бы Трам встретиться с Хури наедине, в стороне от всех людей, чтобы никто не мог видеть их! Он сгорал от желания обнять свою любовь, единственную для него во всем мире женщину. Но видеться наедине да еще с замужней женщиной это великий грех. Трам изнывал в муках своей горячей любви, но переступить запретную черту не мог, надеялся, что скоро Хури уедет в Турцию и эта его неизлечимая болезнь пройдет, наконец, или ослабнет.

Не легче было и Хури. Можно сказать, она была избалована вниманием мужчин — богатая, красивая. И Хури иногда позволяла себе преступить преграды, поставленные на ее пути суровым шариатом. Делала она это тонко, с тактом, очень дорожила мнением привилегированного общества, в верхах которого вращалась, пользовалась его благами. Была Хури женщиной темпераментной, даже рискованной, однако умела вести себя так, чтобы не уронить своего достоинства, не отказывая себе в маленьких женских удовольствиях, с опаской думая об Аллахе.

Сафербий видел, что неладно как-то на душе Хури и однажды спросил:

— Тебя что-то тревожит, Хури? Кто-нибудь обидел? Или приболела? Чем я могу помочь тебе?

— Да, заболела. Давно заболела. Излечусь только, если останусь на родине.

— Вот как?! — крайне удивился Сафербий.— Думаю, это у тебя сгоряча, от старой тоски, но вот повидаешься с нею, налюбуешься, и все пройдет.

— Нет. Не пройдет. Я решила твердо, и нет такой силы, чтобы заставила меня переменить свое решение.

— Но в Турции Измаилбей Хрозер, твой законный муж!

— Я хочу остаться там, где живет моя душа, а он пусть живет там, где пребывает его душа. Я начну заново свою израненную, искалеченную злыми людьми жизнь. Земля моя адыгская — это и радость, и слезы, и свет очей моих. Прости за такие большие, громкие слова, но я не знаю других, которыми можно бы выразить себя. Я одинока,

мне не с кем поделиться своими радостями и печалями, я, как безрадостное дерево на пустынной скале. Я прошу тебя... не знаю как и сказать. Пусть Трам не избегает меня...

Встревожился Сафербий, даже растерялся.

— Почему же тебе не с кем поговорить по душам, поделиться своими заботами, тревогами? Разве ты Карбатыра Зана не считаешь своим братом...

Сказал эти слова и спохватился Сафербий:

— Прости, Хури, думаю, Карбатыра не надо посвящать в нашу тайну, не надо ему знать ошибки молодости своего отца. Еще рано, может быть, потом, придет время, я сам ему расскажу. Сейчас мне нелегко это сделать. Да и как отзовется это на наших с ним отношениях, как он сам потом будет смотреть на нашу грешную жизнь, не будет ли мой дурной пример заразительным. Что касается Трама, я догадываюсь о ваших взаимоотношениях. Поговорю с ним, но боюсь это мало поможет. Вот ты, Мерем,— Сафербий неожиданно для самого себя назвал ее настоящим именем, немного смутился, но только немного и уже спокойно продолжал,— хочешь остаться в Черкесии, на родной земле. Оставайся, никто не откажет тебе в поддержке и помощи, но состояние, оставленное тобою в Турции — это огромное состояние, что с ним будет?!

— Все будет так, как должно быть. Думаю, надо поднимать наших женщин. Это большая сила. Понимаю, многие из мужчин будут против, а многие согласятся со мной.

Сафербий ничего не ответил, только подумал: вон на что замахнулась моя дочь, изящная, милая женщина. К добру ли мы наших восточных женщин станем поднимать до уровня европейских?

Не ожидал, даже не предполагал князь Сафербий, что Хури-ханум, одна из богатейших женщин Турции, захочет так круто повернуть свою судьбу. И не только свою.

Спустя несколько дней после этого разговора, Хапат как-то вечером повстречал Хури:

— Нынче попозже мы придем к тебе с Трамом.

— Может быть, лучше мне это сделать?

— Как? — удивился Хапат.— Разве можно такое? Что скажут люди?

Зажглись огни в домах, селяне готовились к отдыху после трудного крестьянского дня.

Быстрой легкой тенью Хури отправилась в дом Трама. Кроме хозяина и Хапата никого дома не было.

Земляной пол, простая крестьянская мебель, очаг — все выглядело аккуратным. Чистота, покой, уют. Жировка, потрескивая, светила тоже уютно, покойно.

Как только я сюда приехала, хоть и не помнила ничего особенно, ведь ребенком была, а сердце так застучало, заторопилось, думала, оно выскочит из груди или просто остановится, не выдержит такой нагрузки, рассуждала про себя Хури. Сколько печали и радости вторглось в него. Оказывается, детство никогда не покидает человека, оно может только затаиться в нем, а чуть тронуть его — тут же оживает, горячит кровь... Помнишь, Трам, как я убегала от матери в старый отцовский дом? Как я боялась одна ночевать в нем и приходила к тебе. Такой вкусной кукурузы, какой ты меня угощал, я нигде и никогда потом не ела. Да не смейся ты, не смейся, я правду говорю.

И обнимал ее Трам тогда неумело, по-мальчишески целомудренно так, как потом никто, никогда не обнимал. Об этом Хури только подумала, но сказать, конечно же, не могла. Залилась краской стыдливости, увидел это Трам, понял ее — и его тоже обдало жаром.

— Какие трудные, какие скорбные, но и самые счастливые времена были годы детства... Помнишь, Трам?

— Да, Мерем, об этом может забыть только бессердечный человек. И еще я думаю, какое бы трудное не было детство, самая ранняя юность, они золотом лежат в каждой душе. Вечным золотом. А ты, Мерем, очень любила свой отцовский дом, ты хотела быть свободной от отчима. И мать твоя, бедняга Айнур, и Табеж были достойными и добрыми людьми. Мать жалела тебя, она не переносила, когда ты убегала из дома отчима, и плакала, уговаривала вернуться, а потом продали тебя...

— Я не держу зла на бедную мою маму, на отчима,— тяжело вздохнула Мерем,— к сожалению, их уже нет в живых.

— Да,— покачал головой Трам,— посмотрели бы они теперь на тебя, такую богатую, такую красивую.

— Жалко мне их, жалко. А как ты живешь, Трам?

— Живу помаленьку. Слово тфокотлей — мое слово, дело тфокотлей — мое дело. А как ты, Мерем? — смутился Трам.— Как тебе живется в Турции?

Хапат наконец понял, что он здесь совершенно лишний и, как бы спохватившись, сказал:

— Я совсем забыл, надо пойти покормить скотину.

— Сиди, Хапат, еще рано — сказал Трам.

— Не говори, слышишь ревут коровы? Я быстро накормлю и тут же вернусь.

Трам рассердился: что за олух этот Хапат!

Когда они остались вдвоем, окончательно растерянный Трам выдавил из себя:

— Нехорошо это, совсем нехорошо, Мерем.

— Все хорошо, все правильно, дорогой,— твердо возразила Хури.— Хапат не маленький, понимает что к чему. А нам в самом деле есть о чем поговорить, что вспоминать. Сафербий не рассказывал тебе, что я остаюсь в Черкесии, не вернусь в Турцию?

— Да, Мерем.

— Знай, Трам, что я остаюсь главным образом из-за тебя. А ты все избегаешь, все прячешься от меня. Я только тобой и живу, ты мой единственный и ненаглядный свет! — Хури раскраснелась, кровь горячей волной забилась по всему ее телу.

— Дело совсем не в этом...

— Ты стесняешься Сафербия, куматырских тфокотлей.

— Конечно, и это. Ты ведь не свободна, Мерем, у тебя есть муж. Аллах благославил ваш союз.

— Аллах тут ни при чем.— Она вспомнила, как они с Измаилбеем прелюбодействовали при живом старике-муже.— Измаилбей знает все о моей любви к тебе и простит мой уход. И Аллах благословит нас.

— Да, хорошо, это счастье, если так. Простит, благословит нас Аллах, простят и люди.

— Спасибо тебе, Трам, спасибо. Ты, как и в то давнее время, опять спасаешь меня.— Хури, вся вспыхнула, услышав слова Трама. Как мало надо женщине для счастья.— Я так благодарна тебе! От слов твоих, от взгляда твоего я будто взлетела на вершину блаженства. Ты любишь меня. Я знала, я верила в это, я все эти тридцать лет только и жила этой верой. Иди же ко мне, сядь рядом. Если ты все еще стесняешься, я сама приду к тебе.

Хури потушила жировку, обвила мягкими, нежными руками крепкую мужскую шею Трама.

Трам негромко, но по-мужски твердо сказал:

— Не нужно этого делать, Мерем, пока не благословил нас с тобою Аллах. Мы столько лет терпели, теперь ждать осталось недолго. Зажги жировку. Хапат уже скоро придет.

— Хорошо, любимый, хорошо, мой единственный. Ну, хоть обними. Крепче, еще крепче... Теперь зажги жировку...

Примерно полчаса спустя, Трам и Хапат, как самую почетную гостью, проводили Мерем в дом Сафербия.

Не успел Лапинский войти в дом и поздороваться, как Сафербий спросил его:

— Что за тайные переговоры ведет наиб?

— У нас нет никаких тайн от вас, князь,— ответил Лапинский, осуждающе глядя на Хагура.

— Не смотри так на Хагура, он честен перед тобой. Мне другие доложили.

Очень не понравился Лапинскому тон князя, но он стерпел. Даже заставил себя улыбнуться:

— Я знаю, Нурмагомет человек честный, искренний и весьма порядочный. Но я тоже искренне говорю: его обида — наша обида. Надо было нам повернуться и уйти от обидчика Хагура, однако не хотелось начинать с этого. Мы думали, есть нечто секретное, чрезвычайной важности, потому и не хлопнули дверью.

— Ну и что? — кисло усмехнувшись, спросил Сафербий.— Что же секретного вы там узнали?

— Наиб считает, что мы должны получить письменное разрешение въехать в Черкесию.

Сафербий рассмеялся, а потом, нахмурившись, спросил:

— А у кого он брал разрешения, когда влез к нам?!

— Он считает, что приехал сюда по воле Аллаха, с благородной целью — приобщить вас к мусульманской вере.

— Не очень-то адыги охочи до этой самой веры,— усмехнулся Сафербий.— Да и как иначе, если он запрещает совершать намаз с шашкой на боку, а сам оружием заставляет бжедугов принять ислам, под угрозой оружия заставляет клясться на Коране. И не только бжедуги, шапсуги тоже не очень следуют за ним, ханжой, честолюбцем.

— Насчет бжедугов не скажу, князь, а что касается шапсугов, это верно,— подтвердил Лапинский.— Ты помнишь, Джеймс, что на днях говорил старик шапсуг? Ты, Сафербий, знаешь этого старика, Мамсир Коблев. Он помогал нам разгружать корабли. Так вот, Коблев сказал: не правы, оспаривающие верховенство христианства или магометанства. Глаз человека, сердце, его душа, говорил старик, видят мир в многообразии, как многообразна вся природа, как все в ней взаимосвязано, вытекает одно из другого. У нас, у шапсугов, говорил он, потому и Богов много. Одни поклоняются Богу воды, другие — огня, третьи Богу гор, лесов, зверей. Как может один Бог объединить все наши ощущения, чувства, мысли в одно, в единое, именем единого Бога хотели нас покорить турки, вы тоже действуете, как и русские от имени единого, христианского Бога, где же в таком случае истина? Так говорил старик Коблев.

— Как же мне не знать старика Коблева! Мудрый старик, и тоже — сам по себе. Он — человек гордости необыкновенной и в то же время большого дружелюбия, доброты. Как давно вы встречались, гость, с беднягой Коблевым?

— Перед нашей поездкой к наибу, а почему, князь, ты называешь старика беднягой? — спросил Лапинский.

— Старику не простили его свободных, крылатых слов. Наиб, его пособники средь бела дня убили мудрого старика в его собственном доме.

— Как?! — возмущенно воскликнул Джеймс.

— Так,— горестно уронил Сафербий.

— Но это же позор! Убивать за инакомыслие?!

Лапинский, раскачиваясь из стороны в сторону, сокрушаясь, сказал:

— Убить такого мудрейшего, добрейшего старика — это просто варварство!

Во дворе зашумели, загомонили мужчины.

— Трам, посмотри, что там? — раздраженно спросил Сафербий.

Распахнулась дверь и в кунацкую вошло пятеро мужчин:

— Зиусхан! Плохие новости. Царские войска подошли к реке Адагум и наводят через нее мост!

Новость эта была для Лапинского и радостной, и тревожной.

VII

Наступил звездный час Теофила Лапинского — будет мстить москалям за все. На каждом шагу, каждый день, каждую ночь. Без отдыха, пока не утолит свою ненависть!

В тот же день полковник Лапинский, взяв с собою несколько всадников, поехал туда, где царские войска возводили переправу. Таясь в кустах, в сени деревьев они осмотрели местность, определили, где сподручнее ударить конным, а где пешим, где поставить пушки.

Рекогносцировка показала, что позиции их стороны на много предпочтительнее позиций царских. С высокого лесистого берега, находясь в укрытии, можно было прицельно обстреливать и строителей переправы, и солдат на том берегу. В старице реки можно было расположить до тысячи воинов, которые потом скрытно от противника, внезапно нападут на него. Больше того, неприятели, очевидно, будут ошарашены внезапностью нападения, может возникнуть паника. Ею следует воспользоваться и захватить пушки.

— Удача сопутствует нам, Ле! — сказал Лапинский Станкевичу.

— Плюнь через левое плечо,— ответил Станкевич и перекрестился, хотя он со своими товарищами принял мусульманство.

И Лапинский перекрестился, и их товарищи, плюнули через левое плечо, как говорят, бесу в морду.

Старик Хамдоху с тремя своими товарищами отвернулись от поляков.

— Что ж это они делают, нечестивцы! — возмутился старик.— Говорят, будто они нашей веры.

Карбатыр улыбнулся:

— На всякий случай они молятся и своему Богу, Алэби.

— Нечестивцы они, нечестивцы! — возмутился и Хапат.

— Помолчал бы лучше. Услышат! — одернули его.— Помолимся лучше и мы.

Адыги воздели руки к небу. Каждый про себя произнес молитву.

Помолившись, Хапат сказал:

— Не бойтесь, никто, кроме Аллаха, нас не услышит. А этот человек, во какой человек, настоящий воин.— Он поднял большой палец и указал на Лапинского.

19 апреля 1857 года. Памятный день, суровый день... С рассветом пробудились птицы. Еще немного и на простор неба поднимется яркое солнце, чтобы обогреть, осветить, чтобы поприветствовать землю адыгов.

На опушке леса, где уже прогуливается утренний ветерок, стоят три пушки, нацеленные на противников. Пехота во главе со Штохом по-пластунски выбралась из леса поближе к переправе. В старице реки стоит конница под предводительством Карбатыра Зана.

Лапинский хотел послать в поддержку своей пехоте сотню шапсугов, но те заупрямились, мол, подождем, успеем. Посмотрим, что вы запоете, когда ударят неприятельские пушки, подумал Теофил, глянул на часы, перекрестился — пора начинать.

Станкевич позвал:

— С Богом, Теофил! Первый выстрел твой!

Теофил еще раз перекрестился, подойдя к пушке.

Выстрел! Второй, третий! Неприятели словно ожидали этих выстрелов. Их артиллерия тут же ответила на огонь, но ядра рвались, не долетая до цели.

Заржали кони, закричали угрожающе воины.

Пехота Лапинского короткими перебежками пошла по мелколесью вперед.

Но почему не видно конницы? Где там застрял Карбатыр? Где черкесская пехота?

Лапинский подбежал к ним и приказал идти вслед за его солдатами, но они словно бы не слышат его.

Единственное спасение — артиллеристы, они метко бьют. Загорелся недостроенный мост.

Заметались неприятели.

Теперь бы ударить коннице, пойти черкесской пехоте, прижать неприятеля к берегу, сбросить их в воду, и вот она победа!

Но не двигались адыги — ни пешие, ни конные.

Матерясь на чем свет стоит, Теофил вскочил на коня и помчался в старицу. А было то же самое: всадники, приподнимаясь в стременах, наблюдали за боем у моста между солдатами иностранного отряда и царскими солдатами. Они радовались, восхищались храбростью иностранных легионеров.

Возле Крабатыра, вздымая коня на дыбы, метался всадник и отчаянными жестами призывал идти вперед.

Это была Хури, она звала Карбатыра и других соплеменников идти на штурм:

— Карбатыр! Я не могу понять, почему вы стоите?!

— Не спеши, Мерем. Ведь тебя зиусхан предупреждал об этом,— успокаивал ее Трам.— Не надо спешить, будем слушать нашего командира, это главное в бою... И прошу тебя, держись поближе ко мне. А еще лучше было бы, если бы ты оставила мужское дело мужчинам. Отойди в сторонку и дождись нас. Прошу тебя, Мерем.

— Нет, Трам! Извини, но в этом случае я не могу слушать ни тебя, ни Карбатыра. Вот как только отбросим их назад, на ту сторону реки,— она обнаженным кинжалом указала в сторону боя,— тогда не стану тебе перечить ни единым словом.

— Успокойся, наконец, Хури! — не выдержал Карбатыр.— Я хочу посмотреть, на что способны эти наши гости.

— И вам не стыдно, мужчины, стоять и смотреть как за нашу землю, за нашу свободу дерутся другие, как умирают?! Вы не слышите меня, Карбатыр, Трам?! — не унималась Хури.

— Успокойся, сестра, прошу тебя. Не сердись, но твое место не в кровавом бою, а у домашнего очага,— урезонивал без особого нажима, но довольно твердо Карбатыр Хури.— Ты посмотри, посмотри, Трам! Врукопашную пошли наши гости! Ах, молодцы какие!

— Так чего же ты стоишь?! — подскочил на разгоряченном скакуне Лапинский. Злобой было перекошено его лицо, весь он нервно дергался.

— Молодцы твои ребята, Теофил! Настоящие воины, на них можно положиться,— не обращая внимания на крик, почти на вопль Лапинского, сказал Карбатыр. Неторопливо, но с какой-то почти суеверной уверенностью обнажил шашку, а потом обратился к тфокотлю, стоявшему с ним рядом: — Ради Аллаха, прошу тебя, возьми под уздцы коня этой женщины, не дай ей скакать вместе с нами в бой. Не дай ей опозорить нас.

Встал на стременах Карбатыр, вскинул шашку и подал своим воинам команду:

— Вперед, за мной!

Тфокотль схватил под уздцы коня Хури, но она ударила тыльной стороной шашки его по руке и с гиком кинулась

за лавиной конников. Как и все мужчины, угрожающе кричала на скаку.

Рвутся ядра! Свистят пули! Ржут, храпят кони! И неистовый крик людей, идущих на смерть, завис над лесом, над рекою, над веселым зеленеющим весенней травой лугом.

— Мерем! — кричит Трам, догоняя Хури.— Не надо сюда, не надо, тут снаряды, пули! Скачи вон в ту сторону!..

Сначала Хури не поняла, что случилось — больно кто-то ударил ее по правому боку. Может, нечаянно задел кто-то из своих на скаку? А почему так горячо стало, почему загорелся бок таким яростным огнем? И свет в ее глазах померк...

— Погоди, Мерем, погоди! Что с тобой?

Она уже лежала на такой зеленой, на такой мягкой траве. Трам спрыгнул с коня на полном скаку. Опустился перед Мерем на колени:

— Я же говорил тебе, я просил... О Аллах.

Хури открыла глаза и удивилась — так много над нею склонилось адыгских папах. И высокое небо, и такая в нем тишина, что Хури улыбнулась. Бледно, почти незаметно. Точнее сказать: только одна она и знала, что тихонько, радостно улыбается. Но что это? Почему такое множество папах превратилось в одну, большую.

И небо померкало.

Тишина стала еще глубже, почти бесконечной. Она почувствовала прохладную влагу на губах. С трудом подняла веки. Спросила едва слышным, уходящим голосом:

— Где я? Что со мной?

— С нами, ты с нами, Мерем,— сказал Трам, стоя на коленях, склонившись над нею.— И мы с тобою, все мы — зиусхан Сафербий, Карбатыр, Нурмагомет. И Хапат здесь, и Теофил...

До самого своего предела напрягла силы Мерем:

— А где русские?

Спросила и стала поправлять волосы, выбившиеся из-под платка, ведь около нее стояло столько мужчин. Хотела поправить, да рука не слушалась.

Карбатыр тоже опустился на колени:

— Мы одолели их, отбросили за реку, Хури,— сказал и сам поправил ее выбившиеся из-под платка волосы.

Вспомнила Мерем:

— Е-во-вой, мой брат, не посчастливилось мне увидеть это. Правду говорят: рожденной несчастливой, многое не удается.— Слезы потекли по ее бледному, но все еще красивому лицу.— Извини меня, брат.— Хотела вытереть слезы, но и этого уже не смогла сделать.— Спасибо, спасибо, где отец, Карбатыр?

— Я здесь, Мерем. Тут я, дочка...— опустился на колени и Сафербий, положил руку на ее холодеющий лоб.

— Прости меня, отец. Я покидаю этот мир. О Всевышний, помоги мне, прости все мои прегрешения, дай Свою милость... Трам, где ты?

— Здесь я, здесь, Мерем.

— Сядь поближе. Прости и ты меня, не дано нам было с тобою быть счастливыми. И ты, Карбатыр, брат мой, прости. И ты, Теофил. Все мое состояние, что осталось в Турции, отдаю Черкесии, адыгам, для их общего дела отдаю... О Аллах, смилуйся над адыгами, прими, Всевышний, с миром меня.

Хури глубоко вздохнула, и это был ее последний глоток воздуха в родной Черкесии.

Трам закрыл глаза Хури, сложил по ее бокам руки, своей черкеской укрыл ее тело.

Сафербий отвернулся, чтобы не видели его слез:

— Ты можешь, Карбатыр, оплакивать ее, как свою родную сестру,— глухо сказал он.— Мерем была достойной женщиной...

Бой у моста был кровавый и жестокий. Обе стороны потеряли много воинов убитыми и ранеными.

От аула к аулу, от кунацкой к кунацкой только и тянулся разговор в эти дни о мужестве, храбрости и военном мастерстве легионеров Теофила Лапинского. Теперь адыги все свои надежды возлагали на них.

Об этом говорили в гостиных, на похоронах, у постелей раненых, на перекрестках дорог, в долинах и ущельях. День ото дня тот бой все больше и больше украшался разными историями, подвигами воинов.

Радовала Теофила победа, грела его сердце слава, но была и горечь — адыги там у переправы устроили легионерам, можно сказать, экзамен. Что было бы, если бы противник не только отбил атаку легионеров, но и навалился бы на них всей силой? Получается, адыги могли их

оставить в беде. Но даже, если бы и не оставили, их помощь могла прийти с опозданием. Нет, уважаемые черкесы, рассуждал Лапинский, коли вы и дальше будете вести себя вот таким образом, будете выглядывать из укрытий и ждать, когда мы побьем врага, ничего у нас с вами не получится. Нас всего лишь несколько сотен, как нам устоять против огромной царской армии? Мы прибыли сюда не для показательных игр, а для того, чтобы поднять весь ваш народ на священную войну с москолями... Я не хочу сказать, что черкесы сидели в кустах из своей трусости. Вовсе нет, они мужественные люди, а когда разгневаются, тут и вовсе им нет никакого удержу. Но не могу же я каждый раз приводить их в гнев, ждать, когда они ринутся, все сметая на своем пути. Гнев — это еще далеко не главное условие победы. Выигрывать сражения, уничтожить врага — большое искусство, целая наука, правда, это не самое лучшее, что придумали люди. А тут еще и другое стоит поперек нашей дороги: мои храбрые воины требуют регулярной оплаты их военной работы, а касса моя с каждым днем скудеет, от Измаилбея нет никаких поступлений. Да и черкесы не очень-то жалуют нас — ничего не дают даром, еду ребятам приходится покупать за деньги или менять на порох, на оружие. Ушла Хури-ханум, царство ей небесное, и нам неоткуда ждать помощи.

Теофил решил пойти к Сафербию и все настоятельно обсудить, иначе эта победа может обернуться поражением.

На повороте к Мазибу Теофил встретил Сафербия Зана, Джирандука Берзеджа, Хатырбая Цея, Тима Некраса и Джеймса Белля. Тут же был и Мехметбей.

Они приветливо встретили Теофила, почтительно поздоровались.

Князь Берзедж уважительно сказал ему:

— Поздравляю, Теофил, поздравляю. Слышал, по всей Черкесии рассказывают, как ты дал по зубам нашим врагам! Истинный ты воин!

— Что и говорить, дал по зубам,— не без подковырки сказал Мехметбей,— а единственную женщину не смог уберечь. Что ты теперь скажешь Измаилбею?

— А ты где был? — кинул Лапинский сердитый взгляд на Мехметбея.— Дома отсиживался! Ты даже на похороны не приехал, так что, тебе помолчать надо бы, воин!

— Погодите, погодите, господа! — стал между ними Сафербий.— Не надо ссориться при моих гостях. И вообще, не надо обижать друг друга. По-моему, Мехметбей ничего обидного не сказал. Просим, Теофил, к нам, гостем будешь. Милости прошу.— И тут же переменил тему разговора: — Что новенького слышно в Адербие? — Не дожидаясь ответа, обернулся к Берзеджу и Цею, подал им руку: — Всего доброго, Хатырбай, до свиданья, Джирандук. Приезжайте к нам почаще, мы всегда рады вас видеть. И не бойтесь наиба. Тебе, Тим, тоже надо бы бывать у нас чаще — внук твой очень скучает по своему деду. Доброго вам пути!

Проводив гостей, Сафербий со своими спутниками повернул обратно. Лапинский и Мехметбей-Банья ехали у него по сторонам.

Долго ехали молча, никак не возникал разговор.

Сафербий с досадой думал о гостях, что сейчас ехали рядом с ним: что ж это они так нехорошо относятся друг к другу, здесь на чужой стороне, в военной обстановке. Ведь у каждого их них смерть стоит за плечами совсем рядом, а они из-за каких-то мелочей ссорятся. Могут умереть в одном бою, так и не примирившись друг с другом. Сколько я просил их обоих — сдерживайтесь, тем более на людях. Как это нехорошо. Конечно, сегодня неправ был Мехметбей, а происходит эта вражда у них, должно быть, оттого, что Теофил едва к нам приехал, уже хочет верховодить, быть над всеми. Что с того, что ты храбр. Аллах Всемилостивый, в бою каждый бывает храбр. Да, Теофил очень властолюбив, он нисколько не лучше наиба. Как знать, наверное, так оно и есть. Лапинский уже побывал у абадзехов, убыхов, добрался до бжедугов и подбирается к беслинейцам. Хочет обязательно связаться с абхазами и со сванами. Зачем ему это? А зачем чужаку-наибу Черкесия? То-то и оно. Кроме того, Мехметбей старше Теофила по возрасту, по положению, именно ему Измаилбей доверил распоряжаться деньгами и другими средствами... Что ж они оба молчат, что насупились, будто смертные враги? Не вытерпел Сафербий и спросил:

— Ну и что? Так и будем молчать?

— О чем говорить, князь, ты же сам советовал нам не ругаться,— ответил Лапинский.

— Советовал, Теофил, и теперь готов повторить: в наше тяжкое время, когда уж и человека вовсе не ценят, надо нам хоть между собою сохранять добрые отношения. И скажите мне, господа, зачем ругаться при людях, зачем этот срам? Адыги справедливо не любят этого. Вот теперь, когда мы одни, пожалуйста, выясняйте отношения, говорите все, как на духу. Разумеется, если вы мне доверяете.

— Спасибо, князь, ты сказал золотые слова, я как раз и еду к тебе, чтобы поговорить о многом начистоту.

— Я слушаю, Теофил.

— Полагаю, нам лучше поговорить дома.

— Зачем же дома,— не согласился Сафербий,— лучше в дороге все выяснить и приехать домой, уже примиренными. А ты как думаешь, Мехметбей?

— Думаю, слово старшего — закон для младших.

Сафербий думал, что Лапинский опять будет сводить счеты с Мехметбеем, но ошибся. Он говорил о том, что пора кончать с недоверием к легионерам, надо помочь им с питанием, лошадьми, надо уже сейчас позаботиться о том, где солдаты будут жить зимой.

— Что ж, резонно, хорошо, что ты думаешь о завтрашнем дне, о своих воинах. Считаю, нам больше не следует говорить, что адыги вам не доверяют — будьте уверены, теперь они пойдут впереди. Дело в том, что я сам не очень-то доверял вам. Извините, но это было так. Не будем больше об этом говорить, я повторю — адыги верят вам. О продовольствии. Обязательно поможем. И об этом больше не стоит говорить. И, наконец, и о перебежчиках — мы, безусловно, если они того захотят, передадим их вам. Хасэ постановило, чтобы каждый двор выделил воина при полном снаряжении, а старшин обязало собирать для войска продовольствие и фураж.

— Тут черкесов не в чем упрекнуть,— решил угодить Сафербию Мехметбей,— сейчас уже все хорошо делается.

— Думаю, это несложно уладить, а вот с размещением твоих воинов, Теофил, дело обстоит сложнее. Конечно, у многих адыгов дома просторные, но ведь ваши ребята другой веры, они будут стеснять хозяев. Так сказали старшины.

Теофил криво усмехнулся:

— Значит, воевать за черкесов, проливать свою кровь за них — это удобно, а жить с ними вместе в их домах — неудобно?

— Не скрою, Теофил, так отвечу: адыги говорят, мол, каждый человек сам заботится о своей выгоде, пусть и о другом тоже сам заботится. Ты понимаешь, о чем идет речь.

— Мой Бог! — вспылил Лапинский.— О какой выгоде они говорят?!

— Не надо, Лапинский! — глаза Сафербия блеснули огнем.— Можно подумать, только высокие идеи тебя привели сюда, а не золото Измаилбея! Не прикидывайся обиженной овечкой, будь мужчиной до конца, не останавливайся на полпути. И еще скажу: поменьше поглядывай в сторону наиба, а то ведь это может испортить наши отношения, скособочить их... Думаю, мы все трое — честные люди, откровенно обо всем поговорили и теперь спокойно можем ехать ко мне в аул.

После того, как Лапинский уехал в Адерби, Банья с сожалением сказал Сафербию:

— Князь, Лапинский мне на днях говорил, чтобы я не соглашался с тобой на примирение с Россией.

— Что-о?! Как он узнал, о чем мы с тобою говорили? Кто донес ему?!

— Не знаю, князь, мы были с тобою только вдвоем.

— Ты понимаешь, для нас царь не меньше враг, чем для Лапинского,— сказал Сафербий, а сам подумал, кто мог донести Лапинскому? Припомнил: как-то разговаривал об этом с Баньей при Карбатыре. Возможно, Карбатыр что-нибудь уронил об этом жене, а она рассказала своему отцу, Тиму Некрасу? Так подумал Сафербий и продолжил:
— Однако, когда нет выхода, не лучше ли замириться. Не можем мы, даже если у нас будет не один, а еще несколько легионов Лапинского, управиться с могучей Россией, она превратит нас в прах. Кому это надо, кто нам дал право распоряжаться жизнями наших детей, внуков, жизнью всего народа?

VIII

В последнее время дела Магомет-Амина в Абадзехии стали совсем плохие. Они и до этого были несладкими, шли с таким напряжением, что, казалось вот-вот все лопнет, казалось, не выдержит наиб. Но время шло, дела как-то сами собой устраивались. Натура человеческая такова, что все худое, ушедшее в небыль, довольно скоро забывается, изглаживается в памяти, разве что седина в голове напомнит об этом да углубившиеся морщины на лице.

В годы, проведенные в Абадзехии, наиб, конечно же, испытывал и радость, бывали счастливые минуты, только уж очень редко они посещали его — все больше тревоги, сомнения, неудачи не давали покоя, чаще его небо хмурилось, чем солнечно сияло. И вот в такую хмарь, иногда сгущавшуюся вокруг него до темноты, его спасала вера в то, что он делает правое дело. А еще — надежда. Она жила в нем и была, вероятно, сильнее самого хозяина. Даже в доме Тима Некраса, когда, казалось, не было никакого выхода, кроме смерти, уготовленной ему рассвирепевшими родовитыми, надежда была такой сильной, такой крепкой, что не позволяла ему расслабляться, впадать в безысходность. А когда шапсуги пошли на него войной! Одному Аллаху известно, что он испытал в Туапсинской долине, во время тягостного ожидания и когда побежали абадзехи! И там надежда не позволяла ему расслабляться, паниковать и он, благодаря ей, выстоял.

А теперь что происходит? Годы тихонько подкрадываются, что ли? Подкрадываются и подтачивают его силы, его уверенность в себе, смелость. Вот как бывает у горного орла — слабеет зрение, и он становится осторожным, робким. Наиб все чаще стал думать о своих прожитых годах, мыслями возвращаясь в родной дом. Тоска по Дагестану стала донимать ночами, когда не спалось. А не спалось все чаще и чаще. В молодости ночь — это сладость крепкого сна, это звездное или лунное чудо, это грезы. Теперь же ночи — тягучие, нудные. Смешно сказать, он стал бояться темноты.

Реже стали приходить от Шамиля письма. Да и те, что приходили, были какими-то вялыми, в них не было того огня, которым имам зажигал своих сподвижников раньше. Разуверился наиб в англичанах, а уж о турках и говорить

нечего, они трусливо прятались за Парижским соглашением, подписанным по результатам Крымской войны. С одной стороны султан перед этим соглашением покорно склоняется, а с другой, науськивает Измаилбея на Россию, потакает организации отрядов Лапинского — подбрасывает им пороху, оружия. Но что эта, собственно говоря, горстка легионеров может сделать с великой державой? Не часто приходят письма из Дагестана, потому что имаму и самому становится все труднее противостоять России.

В Абадзехии царские войска переходят через Лабу, занимают правобережье Шхагуаше.

Еще совсем недавно абадзехи беспрекословно выполняли все приказания наиба, каждое его слово было для них законом, но вот приблизилась война к их границам, и отношение к наибу сильно изменилось, пошатнулся его авторитет, как бы стала меркнуть его звезда. Абадзехи все настойчивее спрашивают у него: почему отряды Лапинского и Баньи заняли сторону Зана, а не наиба?

Да-а, тут я допустил промашку, размышлял наиб, не сумел их перехватить у Зана. Говорят, Банья и Лапинский не ладят между собою, власть делят. Шкуру не убитого медведя делят. Думаю, один из них должен перейти на мою сторону. Ну, перейдет он с горсткой своих воинов на мою сторону, много ли мне сил прибавится? Опять же, внешне они будут со мною, а духом своим — сами по себе, приехавшие сюда воевать за деньги. Все меньше у меня становится верных людей. Многие заискивающе улыбаются мне, но в самом-то деле — чужие они делу моему, духу моему, сокровенным мыслям. Они ждут, чтобы споткнулся я и упал, доставил им радость. Правильно говорил имам, что самое сильное у человека чувство — самосохранение. Чтобы защитить и сохранить себя и свой род, он пожертвует всем. Абадзехам я был нужен, пока они верили в мою силу, верили, что я отстою их перед царем. Теперь у них нет такой уверенности, я стал лишним для них, даже, если угодно, обузой, от которой они не чают как избавиться... О Великий Аллах, окажи мне свою помощь! Может быть, съездить в Турцию? Туда настойчиво зовет меня Омар-паша. Хоть пороху привезу, а то у нас он совсем кончается. Есть порох у Лапинского, но он за него такую цену заламывает, что в глазах темнеет.

— Джеймс, а Джеймс, как ты думаешь, не съездить ли мне в Турцию? — спросил Магомет-Амин, хотя уже твердо решил съездить.— Ну, что же ты молчишь?

— Думаю. Очень непросто туда ехать сейчас.

— Знаю. Ну и что?

— Думаю, может случиться: с чем поехал, с тем и вернулся. Стоит ли тех сил, которые истратишь на дорогу.

— Спасибо, Джеймс, я понял тебя. Не стану скрывать, да ты и сам, наверно, понимаешь, дела у меня в Абадзехии сейчас так складываются, что надо съездить в Турцию, надо еще раз попытаться. Ох, как не хочется туда ехать, как не хочется в очередной раз слышать их пустые обещания, видеть фальшивые улыбки.

Джеймс говорил об одном с наибом, а думал о другом и спросил:

— Кто, кроме меня, знает о твоем намерении ехать в Турцию?

— Никто.

— Разумеется, мы не сможем полностью скрыть эту поездку, однако не нужно о ней никому говорить, а то ведь русские запросто могут перехватить тебя в море. Будем говорить, что ты едешь в Беслинею или в Кабарду. Тебе надо, как я думаю, предварительно повстречаться с Урквартом, рассказать ему все, как оно есть, чтобы об этом поговорили в парламенте, пусть в Англии знают, что сила России на Кавказе возрастает и, если они покорят Дагестан и Черкесию, их могущество на юге будет непоколебимо. Пусть поразмышляют в Европе, может быть, поймут, что Черкесию надо отстоять во что бы то ни стало.

Напрасно Джеймс опасался, наиб довольно легко и в полной безопасности добрался до места вместе с паломниками, совершавшими хадж в Каабу.

В самом же Стамбуле он остановился в гостинице под другой фамилией, а уж потом связался с Омар-пашой. Тот встретил его радушно, однако был очень удивлен — так постарел, осунулся Магомет-Амин, так потускнели его быстрые, яркие когда-то глаза. Ему стоило труда, чтобы не показать наибу своего удивления, и он заговорил о том, о сем, чтобы отвлечься. Потом поговорили о Крымской войне, о России, которая здесь на юге проводит свою политику, очень выгодную ей, и можно сказать, позорную

для союзников. А вот, если еще положит она на лопатки Черкесию, Чечню, Дагестан, тогда и вовсе к ней не подступишься.

Измаилбей потерял в этой кампании свою жену, свое богатство, с высокой должности министра связи Турции султан уволил его и отдал под суд, чтобы как-то оправдываться перед Россией за оружие, за наемный отряд, отправленные кораблями в Черкесию.

— А как тогда быть с Лапинским и Баньей? — мягко, участливо спросил наиб.

— Не знаю, Турция о них не знает и не хочет знать. Пускай сами выпутываются. Да и что толку от них, если великие державы не смогли ничего сделать с Россией.

— Они стараются, хорошо воюют. Меня даже упрекают, что я не привлек их на свою сторону.

Омар-паша сердито махнул рукой:

— Пускай черкесы не прячутся за чужими спинами, за горсткой наемных солдат, пусть все как один встанут на защиту своей замли, только тогда и может что-нибудь получиться... Я знаю, Магомет-Амин, как тебе там трудно, но никак не пойму, зачем ты впутался в эту историю, в эту свалку. Каждый князь там считает себя бог знает каким великим и важным деятелем. Один Сафербий Зан чего стоит. Спит и во сне видит себя черкесским султаном. Уже постарел, одряхлел, а все еще гнет свое — водил за нос турок, русских, а в общем делает свой народ несчастным. Неужели черкесы до сих пор верят ему?!

— Не буду брать грех на душу, скажу откровенно: шапсуги и натухайцы все еще беспрекословно верят, подчиняются князю, большинство убыхов идет за ним, с уважением относятся к нему родовитые абадзехи. «А что это ты, Омар-паша, заговорил о Зане?» — подумал наиб и продолжил: — Ты сказал, зачем я впутался в эту свалку, зачем себя извожу чужими делами. Не извожу, а служу нашему Великому Аллаху. Да и жаловаться на абадзехов не могу, грешно это. Они — люди вольные, свободолюбивые, богобоязненные, душа у них чистая, как у ребенка, относятся ко мне с уважением и доверием, свято чтут законы, данные Аллахом, а мы портим, только пользуемся — каждый для себя — их простотой, доверчивостью, заставляем смотреть на жизнь нашими грешными глазами.

— Ладно, гость, не рассказывай о черкесах — я знаю их не меньше твоего.

— Прости, Омар-паша, не удержался я, потому что сжился с ними, полюбил их. Да, я дагестанец, но иногда кажется, что в моих жилах течет и черкесская кровь.

Омар-паша надменно усмехнулся:

— Я совсем забыл, что ты их зять.

Услышал Магомет-Амин слова Омар-паши, увидел его едкую усмешку и пожалел о своей откровенности, посетовал на себя: сколько лет я знаю этого самодовольного человека, не доверяю ему, а вот опять приехал. Говорит, что Зан стар, а сам едва сидит в кресле, едва голову на плечах держит, и мнит себя мудрым и сильным. Зачем он мне, зачем я приехал к нему и вот теперь сижу? Воистину, господи, мы ходим по белу свету с завязанными глазами.

— Что это, гость, ты так смотришь на меня, будто не узнаешь? — угадав мысли наиба, спросил Омар-паша, печально улыбнулся: — Я тоже иногда смотрю в зеркало и не узнаю себя. Но ты не беспокойся и не думай, что в Турции со мной уже не считаются. Доверяют, прислушиваются к моим словам, так что, не жалей, что приехал ко мне из-за моря. Не верю: если воин уже не может молодецки вскочить в седло, то он уже не воин. Был бы ум остр и крепок, тогда воин обойдется и без кинжала. Скажу тебе честно, Магомет-Амин, я в обиде на черкесов, однако обязательно помогу им, помогу тебе, моему старому другу. Сведу с влиятельными людьми, отрекомендую с самой лучшей стороны новому военному министру Али-паши, а остальное будет зависеть от тебя, от твоей хитрости и мудрости, от тонкости твоего разума. Хитрость и мудрость — две родные сестры, две владычицы. Тут уж ничего не поделаешь, так устроен сей грешный мир, мой дорогой наиб... Эй, кто там! — хлопнув в ладоши, позвал Омар-паша.

Вошел слуга. Омар-паша кинул ему через плечо:

— Скажи там, что я приказал отвезти моего гостя на лучшем фаэтоне, куда он пожелает!.. Всего доброго, наиб, будь удачлив и счастлив! Жду тебя в пятницу. Подготовлю тебе прекрасную встречу с надежными, деловыми людьми.

В тот же день русский посол в Турции узнал, что предводитель абадзехов Магомет-Амин Асалаев находится в Стамбуле.

На следующий день, утром, посол вручил от имени русского императора турецкому султану ноту протеста по этому поводу.

Султан очень разгневался:

— Если черкесы настолько примитивны, что не могут соблюсти свои элементарные тайны, мне не пристало перед ненавистной Россией попадать в неловкое, даже унизительное положение, а по сему повелеваю: наиба Асалаева взять под стражу и убрать из Турции! Чтобы духу его здесь не было! Отправьте под конвоем в Сирию, пусть он там вымаливает у Аллаха прощение за свою глупость! Немедленно, сию же минуту выполняйте повеление. И сообщите об этом моем решении в газетах! Асалаев и Зан — два сапога пара. Мы говорим, боритесь с Россией, мы помогаем им, а они только и знают, что подводят нас вместо того, чтобы поддаться всем миром и изгнать ее со своей земли... Бедный, бедный Измаилбей! Как он пострадал из-за этих глупцов.

— Да, ваше величество, но ведь Магомет-Амин...

— Никаких но! — султан прервал верховного визиря Рашид-паши.— И без Асалаева в Черкесии найдется более стойкий предводитель, чем он.

В тот же день повеление султана Абдул-Меджида было незамедлительно исполнено.

IX

За полгода легионы Лапинского и Баньи причинили царским войскам своими дерзкими, хорошо проведенными операциями немало хлопот. Генерал Филипсон назначил за головы Лапинского и Баньи солидное вознаграждение, доносил об этом в Тифлис и в Санкт-Петербург.

Несмотря на такие боевые успехи, в самих легионах дела обстояли неважно, чтобы не сказать — совсем плохо. По-прежнему не хватало продовольствия, боеприпасов, но самой большой бедой было, пожалуй, то обстоятельство, что Лапинский и Банья боролись между собой за власть, каждый из них, почти подражая адыгам, хотел быть первым.

Как-то к Сафербию приехал злой, какой-то раздерганный Банья. Едва спрыгнув с коня, тут же, прямо во дворе, возмущенно сказал:

— Валлахи, князь, совершенно невозможно, странные дела творятся на белом свете!

— Разве ты только сегодня узнал об этом, Мехметбей? Что там еще стряслось? На тебе лица нет.

— Сам в толк не возьму, я крайне удивился Тиму Некрасу!.. Что он позволяет себе!..

Сафербий, вскинув голову, улыбнулся в усы, услышав имя своего свата. Совсем недавно был у Сафербия Тим Некрас, приезжал, как он сказал, поговорить. Вроде бы ни о чем таком важном не говорил, а все ж повздорили. Сафербий еще не остыл от того жаркого разговора.

— И до тебя добрался Тим Некрас!

— Приехал сегодня, при народе, даже не поздоровавшись, выкрикнул угрожающе: «Перестаньте якшаться с русскими!» Выкрикнув такую глупость, помахал плеткой в сторону Анапы и ускакал.

— То же самое сегодня было и здесь, Мехметбей.

— Это же надо такое сказать! — все больше распалялся Банья.— Если хотите воевать, говорит, воюйте, а не заигрывайте с врагами! При всех, оскорбительно бросил и ускакал.

— В том, что происходит в наших взаимоотношениях с Тимом Некрасом, есть и моя вина,— укорил себя Сафербий.— Случилось как-то нехорошо, я втянул в наше мужское дело невестку, дочь Тима Некраса. Болтают о примирении с Россией. И это, несомненно, дошло до него, вот он и взвился.

— А может быть, нас предал сам генерал? Но ведь это им совсем невыгодно.

— Невыгодно, говоришь? Как знать! — возразил Сафербий.— Как знать!

— Но почему? — возмутился Банья.— Меня тогда Филипсон заверил, что все будет держаться в глубокой тайне... Не может быть... Это предательство!..

— Сейчас необходимо встретиться с генералом. Думаю, тебе и надо встретиться.

— Хорошо, я встречусь.

— Погоди, Мехметбей! — как-то неожиданно и не понятно почему воскликнул Сафербий.— Не буди во мне ненужные подозрения.

— О чем ты, князь? Что беспокоит тебя?

— Для начала нам с тобой надо успокоиться, горячность в таких делах еще никому не помогала, и спокойно во всем разобраться. На Тима Некраса не держи зла. Он, бедняга, сильно переживает из-за сына, офицера русской армии. Тяжко ему знать, что сын воюет против него.

— Все верно, князь, я не согласен с тобою. И дело не в том, что Тим Некрас твой родственник, меня обидел, а в том, что вижу в его поведении неискренность: русский остается русским, это из него может выветрить только смерть. Знаешь, что турки говорят?

— Знаю. У русского семь раз в неделю меняется настроение. И взгляды — тоже.

— Верно, князь!

— Но если ты и Тима Некраса считаешь таким, то ошибаешься.

— Дай Бог, чтобы ты оказался правым, а я все-таки ему не доверяю.

— Наверно, по принципу — береженного Бог бережет.

— Именно так,— согласился с Сафербием Мехметбей.

Через неделю, после этого разговора, Лапинский прислал нарочных, приглашал Мехметбея приехать и обсудить с ним положение легионов накануне зимы. Конечно, надо было что-то предпринимать. Банья поехал.

Лапинский ходил по комнате, заложив руки за спину.

Мехметбей поздоровался с ним, протянул руку, Лапинский остановился, презрительно глянул и отрезал:

— Предателям руки не подаю!

— О чем ты говоришь, пан Лапинский?! Осторожно с огнем!

— А это что такое, объясни мне! — Теофил протянул бумагу, изобличающую его в сношении с русскими.

Банья побледнел.

Вот что было в бумаге:

«Податель первого моего письма передал мне ответ, что письмо мое не могло быть принято во внимание, потому что было без подписи. Потому ныне я решаюсь, несмотря на опасность, что враги мои могли бы отрывки из переписки моей употребить как орудие против меня: отложить

аноним, и теперь пока еще время, проложить путь к замирению, равно выгодному для Черкесии и России. В течение прошедшей осени и зимы, как мне известно, капитан Франкини, состоящий при российском посольстве в Константинополе, имел несколько разговоров о Черкесии с турецким бригадным генералом Штейном (Фрегед-паша), также по уверению капитана Франкини, об этом предмете был отправлен, путем российского посольства в Константинополе, меморандум правительству в Санкт-Петербург. Не знаю, был ли на этот счет ответ. Я отправился в Черкесию и с тех пор нахожусь здесь. Во всяком случае, правительству известны основания, на которых могло быть возможным замирение Черкесии. Но, спрашивается, не считает ли вообще Россия не стоящим труда вступать в какие-либо переговоры с такой, по-видимому, маленькой страной, как Черкесия? Если будет унизительным для собственного достоинства приобрести Черкесию мирным путем, но прочно и с выгодой для будущих планов России, то мне не остается ничего более сказать. Пусть снова бесполезно льются потоки крови, пусть еще много лет газета «Инвалид», для беспокойства европейской дипломатии и немецких колпаков, наполняет столбцы свои донесениями о кавказских победах, но я предсказываю: первый противный ветер опять снесет, как кучу песка, все, с усилиями и дорогой ценой, добытые результаты! Я знаю страну и людей в Черкесии. Россия может овладеть равнинами: но еще года протекут, пока она завладеет горами, Богом воздвигнутыми крепостями. И когда, наконец, достигнет этого результата, что выиграет она? Могильный холм, клочок страны, лишенный населения, или самое большое, небольшую часть народа, лишенного нравственного достоинства, который через долгое соседство русских крепостей возрос в шпионстве и воровстве и до сих пор жил выгодами от измены отечеству. Что выиграет Россия от сброда, в кармане которого еще не успела нагреться пара рублей, полученных в награду за шпионство, как уже разряжает ружье свое по первому русскому солдату, которого встретит за крепостной стеной? Не может быть, чтобы Россия дорожила приобретением нескольких аршин земли к своей неизмеримой территории?! Россия нуждается в людях и именно в таких людях, как черкесы, которые множатся как саранча и родятся воинами. Но такая Чер-

кесия, какая нужна России, может быть, скорее истреблена до основания, нежели приобретена силою оружия. Черкесия может быть отдана, но этого можно достигнуть лишь мирным путем. Черкесия должна сначала быть внутренне организована и подчинена власти одного вождя, Россия должна только поддерживать и сделать его своим должником — остальное тогда сделается само собой. Я могу высказать эту мысль без записки, ибо я говорю не для себя. Я никогда не могу быть этим вождем да и не хочу. Это место должен непременно занять черкес. Но я полагаю себя вправе утверждать, что только тот может быть вождем этим, кого я захочу, и что я пользуюсь достаточным влиянием и доверием, чтобы привести в исполнение свои идеи. Впрочем, Россия имеет довольно слуг в Черкесии, чтобы легко убедиться в том, что я не слишком притязателен и нескромен в моих утверждениях. Если теперь сочтут достойным труда войти со мною в сношения — путь открыт и я всегда готов войти в дальнейшие подробности.

Мехмет-паша.
Адагум, 7 августа, 1857 года».

Банья лихорадочно искал ответ, но не успел найти.

— Обезоружить и арестовать его! — приказал полковник Лапинский.

Трое легионеров обезоружили Банью, сорвали погоны.

— Вы не смеете устраивать надо мною самосуд! — вскричал Банья.

— А ты имеешь право общаться с нашими врагами. Предавать нас?! Твои боевые товарищи проливают кровь за правое дело, а ты!.. Станкевич, бросьте его в подвал.

— Лапинский, ты еще пожалеешь о своем самоуправстве. Ты еще расплатишься за свой поступок!

— Военный трибунал определит, кто и за что должны расплатиться.

Сафербий, узнав о том, что случилось с Баньей, с полусотней всадников прискакал в Адерби.

Не спешиваясь с коня, кликнул Лапинского:

— Это правда, что говорят о Мехметбее?

— Что ты имеешь ввиду, князь? — рассерженно спросил Лапинский, его обидело, что Сафербий, не спешиваясь, говорил с ним таким тоном.— Ты спрашиваешь о том, что Банья тайно переписывался с русскими или о том, что я посадил его в подвал?

— Не забывай, Тефикбей, с кем разговариваешь! — разгневанно сказал Сафербий и угрожающе поднял своего коня на дыбы.

— Я не пойму, почему ты не спешиваешься, господин Зан,— лукаво улыбнулся Лапинский,— прошу в дом, там и поговорим обо всем. Негоже вот так на улице говорить о серьезных вещах.

Спешился Сафербий:

— Трам, останешься у лошадей, а Хагур — со мной.

В комнате Лапинский протянул Сафербию бумагу. Сафербий делал вид, будто читает, будто вдумывается. Не ждал он такого «сюрприза» и теперь напряженно думал, что сказать Теофилу. Мысли взбудораженно путались. Покачал сокрушенно князь вдруг отяжелевшей головой:

— Валлахи, даже не знаю, что и сказать.

— Мы тоже просто не в себе, князь. Кажется, в это поверить нельзя.

— А как эта бумага к вам попала? — спросил Сафербий, а сам все думал, горячив свои мысли, чтобы они стали четкими и быстрыми.

— Прислал генерал Филипсон.

— Что ты говоришь?! — в удивлении вскинул голову Сафербий, скосил взгляд на Хагура.

— Да. Он прислал и от себя добавил, дескать, ваш предводитель предает вас, а вы ему верите, куда же вы смотрите!

— Да-а, странно все это. Что ты думаешь по этому поводу, Хагур?

— А под той бумагой есть настоящая подпись Мехметбея? — поддерживая игру князя, спросил Хагур.

— Обязательно есть,— ответил Лапинский,— да он а сам во всем сознался.

— И что он говорит? — искренне полюбопытствовал Сафербий.

— Говорит, мы прибыли сюда не только для того, чтобы воевать вместе с черкесами против русских, но и для того, чтобы добиться замирения, прекратить кровопролитие.

А еще Банья сказал, будто ты, князь, знаешь об этом письме, дал свое согласие, но мне не хочется верить этому.

— Правильно, что не веришь, а Мехметбею передай, я его больше знать не хочу,— вспылил Сафербий.— Поехали, Хагур! И еще скажи, если нам захочется замириться с Россией, то мы обойдемся без мадьярского посредника. Поехали!

Полусотня всадников рысью выехала из Адерби.

Сафербий не обижался на Банью, он тут ни при чем, случившееся проистекало из подлости противной стороны: как зло, как ехидно посмеялся над нами генерал Филипсон, но погоди, погоди, презренная перечница!

Потом, когда они остались вдвоем, Сафербий подавленно спросил у Хагура:

— Теперь ты понял, что царским генералам ни на йоту нельзя доверять?.. Как подло, как гадко они обошлись с нами. Впрочем, посеять в стане противника междоусобицу — это тоже оружие, которым Филипсон воспользовался. Нашей доверчивостью воспользовался, простодушием. И поделом нам, Хагур!

— Ты, зиусхан, не держи зла на Павла Ракитова. Он ведь хотел сделать, как лучше. Ему очень хочется, чтобы Черкесия примирилась с Россией.

— Совсем не сержусь на него, славный он человек, но ведь над ним вон какая силища — Российская империя... Чего доброго, начнут враждовать между собою легионеры Лапинского с легионерами Баньи, а в конечном счете, рикошетом достанется опять адыгам. О Аллах, о Великий, Всемогущий Аллах, помоги нам, пошли мир на нашу пропитанную кровью землю!.. Что бы ни случилось, Нурмагомет, мы к этому не имеем никакого отношения. Понял?

— Да, зиусхан.

— Ракитову передай, пусть и он себя так же ведет. Он ничего не знал и не знает. И еще, Нурмагомет, это вовсе не значит, что мы не пойдем на примирение с Россией. Впредь надо все тщательно обдумывать, надо быть осторожнее и хитрее. Да, вот еще какое дело: мне передали, что перед поездкой в Турцию наиб тоже подумывал о примирении с Россией. Пока мы тут с тобою делаем глупые ошибки, думаем да передумываем, вдруг абадзехи да и другие племена замирятся с ней, и мы останемся одни?

Вот уж тогда Филипсон всыплет нам, в капусту изрубит! Нет, нет, я уже и Берзеджу не верю!

Выплеснул из себя эту горечь Сафербий, ушел в себя, погрузился в размышления. Новая идея уже несколько месяцев не давала покоя: раз не получается с Филипсоном, не поехать ли ему в Англию? Намекнул он об этом Джеймсу, тот не сказал ему ни да ни нет — размышлял англичанин, не горячился, чтобы не сунуться без толку, не попасть в капкан. Сафербий надеялся на его положительный ответ.

Филипсон предал, и, значит, здесь дорога закрыта, тяжело переживал Сафербий. А турки! Меня тогда отделали, как Бог черепаху, а с наибом вообще сотворили немыслимую шутку. Выслать в Сирию! Они распорядились им, словно он их подданный! Нам сейчас плохо, но в Дагестане еще хуже. И в Чечне тоже. По существу Чечня уже пала. Кабардинцев призывают в свою армию, приказывают сражаться против нас. И те сражаются! Боже милостивый!.. Надо ехать в Англию... Уркварты, Джеймсы — хорошие люди, но они все видят по-своему, и заботы у них свои, а я поеду, выступлю перед английским парламентом, все расскажу и они поймут меня. О Аллах, дай мне силы и духа, чтобы совершить это богоугодное дело.

— Предал нас Филипсон, кто еще предаст? — вслух сказал Сафербий.

— Дожили до такого времени, что не знаешь, кому можно верить, на кого можно опереться,— ответил Хагур. Помолчал и потом снова быстро заговорил: — Ты знаешь, зиусхан, что мне сказал Станкевич? Бумагу эту им привез Руфат Некрас.

— Вот как! — удивился и огорчился Сафербий.— Е-вовой, Тим, как тебе будет тяжко, ты так стараешься быть верным адыгам, а что делает твой сын! Сколько горя принес он всем нам, своей семье. Ни отец, ни мать, ни сестра не могут остановить его, вот беда.

— Думаю, теперь они уже не простят ему этого,— ответил Хагур.

3 января 1858 года суд во главе с полковником Теофилом Лапинским, в составе капитана Петра Станкевича, поручиков Иосифа Мареки, Иосифа Мариновского, Франца Штоха, унтер-офицера Ивана Зломдицкого, сержанта Оттона Литовского, капрала Семена Мутарского,

артиллериста Лейара Завадского, рассмотрев дело Иоанна Баньи де Иллосфальева (Мехметбея), обвинил его в предательстве и по законам военного времени приговорил к расстрелу.

Сафербий Зан, хотя и не хотел вмешиваться в это дело, не смог остаться в стороне, не сказать своего слова. Он заявил, что грех расстрелять человека, желающего добра адыгам, что такой жестокости не простит Аллах судьям. Сафербий настаивал, чтобы Банью отпустили.

Очень хотелось Лапинскому расправиться с Баньей, но нажить себе врага в лице князя Сафербия Зана не захотел, вернее, побоялся и отпустил Мехметбея-Банью. И тот покинул Черкесию.

Магомет-Амин Асалаев, которого турецкий султан в угоду русскому царю сослал в Сирию, не провел в чужой стране и месяца — бежал. Загнав нескольких лошадей, он добрался до Абадзехии, чем немало удивил всех.

— Во-вий! Кого я вижу! С возвращением, Магомет-Амин! — приветствовал его первый встретившийся ему тфокотль.— Ты мужественный человек, коли ушел оттуда и вернулся к нам. Рад тебя видеть, наиб, в добром здравии и в благословении Аллаха!

— Я ведь не Сафербий Зан, чтобы просидеть на чужбине, забыв о своей родине, о своих людях, столько лет,— не без гордости ответил на приветствие наиб и спросил: — Как жизнь, как дела в нашей стороне?

— Ничего хорошего, наиб. Тяжелые каменные жернова перемалывают бедных адыгов. А что, правду ли говорят, будто Сафербий Зан подался в Англию?

— Зачем? — удивился наиб.

— Кто его знает, что у него на уме. Да! Говорят, будто с Сафербием уехал и Хатырбай Цей!

— Только вдвоем уехали?

— Нет, трое их. Врать не хочу, не знаю, кто там третий. Правда, называют Тима Некраса... А сопровождает их, все говорят, Джеймс Белль.

— Джеймс, говоришь? — нахмурился наиб. Не столько Джеймс его интересовал, сколько Тим Некрас. Что за цель у этого бездельника Сафербия, зачем он потащил с собою Некраса? И почему вообще Тим согласился ехать?!

X

Самым трудным участком пути в Англию для адыгских послов во главе с князем Сафербием, как и ожидалось, был морской переход от адыгских берегов до Стамбула. Штормило осеннее море, грозно вздымались его валы, но главной опасностью, конечно, были российские пограничные дозоры, их беспощадные меткие пушки, и если бы не беспроглядно-темная южная ночь да не быстроходное, почти неуловимое турецкое судно, не прорваться бы им.

Прибыли они в Стамбул, и Джеймс, облегченно вздохнув, сказал, как бы поздравив своих спутников:

— Теперь, слава Богу, опасность миновала. А если еще покинем благополучно и Турцию, во Франции сядем на судно через Ла-Манш, то считайте, что мы уже в Англии. Благодарю господа Бога нашего, что он помог нам уйти от русских пограничников.

— Англия,— усмехнулся Тим,— тебе хорошо, Джеймс, ты едешь домой, а мы? Куда мы, что ждет нас там?

— Никак ты испугался, Тим? — то ли в шутку, то ли всерьез спросил Цей, хотя и сам, конечно же, не был сердцем спокоен, только виду не подавал.

— Слава Аллаху, Хатыр,— ласково назвал друга Тим,— я не из робкого десятка, просто вспомнился дом родной,— ответил Тим,— разве с нами не этот мужественный и мудрый человек Джеймс? С ним мы нигде не пропадем. Да и сами англичане, думаю, такие же добрые и приветливые люди, как и мы, адыги. Так я говорю, зиусхан?

Сафербий, хоть и находился здесь, рядом с товарищами, мыслями был в зале английского парламента. Сколько раз он и днем и ночью, на суше и в море повторял речь, которую собирался произнести перед депутатами. Скажет он им, как несправедливо поступили с адыгами. Скажет безбоязненно, искренне — пусть потом что хотят, то и думают. Нет-нет, они мудрые, они умные люди, они поймут его правду и обязательно помогут многострадальной, кровью залитой Черкесии.

— Ты что-то сказал, Тим? — спросил Сафербий.

— Валлахи, ничего особенного я не сказал. Просто удивляюсь миру, в котором мы оказались. Когда мне рассказывали об этом городе, я не верил, что здесь столько всего удивительного, столько мечетей и таких минаретов,

будто на них небо держится. Ради Аллаха, прошу вас, давайте зайдем в самую большую, самую красивую мечеть и там, представ перед самим Всевышним, помолимся! Прости, Джеймс, без тебя мы пойдем в мечеть, а ты сходи в свою.

— Не спеши, Тим, успеем, обязательно помолимся в самой большой, самой красивой мечети, только без суеты, без спешки,— сказал Сафербий.

— Мы остановимся в гостинице английского посольства,— Джеймс улыбнулся Тиму,— там же недалеко находится самая большая мечеть Стамбула. Она вмещает одновременно несколько тысяч молящихся правоверных.

— Неужели несколько тысяч?! — пришел в крайнее удивление Тим.— В нее все махошцы могут поместиться!

— Помолиться — это хорошо,— сказал Хатырбай,— но главное нам надо думать об Англии: что ждет там, что мы скажем англичанам.

— Верно, Хатырбай, верно,— не обиделся Тим на друга,— ты прав, но мы ведь первый раз за всю свою жизнь ступили на священную мусульманскую землю!

— Согласен, согласен,— смягчился Хатырбай,— обязательно преклоним колени перед Аллахом, поблагодарим Его за доброту к нам, грешным.

— Вот именно, поблагодарим за Его доброту к нам, грешным,— не унимался Тим. Он бы и еще что-то сказал, да подкатил фаэтон, надо было ехать в гостиницу.

Разумеется, нечему было удивляться Сафербию в вечернем Стамбуле, который он исходил в свое время вдоль и поперек. Знает он эту праздную вечернюю толпу, сдержанный шум улиц, Сафербия все не оставляли его мысли — трудные, тревожные, и в то же время вселявшие надежду.

Сидевший в фаэтоне рядом с князем, Хатырбай был обеспокоен хмурым Сафербием, его замкнутостью. Конечно, мы проделали трудный и опасный переход по штормившему морю, скрывались от пограничников, вот зиусхан и утомился, думал Хатырбай. Это мы с Тимом удивляемся увиденному, а князю все это привычно, все знакомо, вот он и не обращает никакого внимания на город, занят своими непростыми мыслями. Нам что, мы при князе, а вся тяжесть поездки лежит на его плечах, уже далеко не молодых... Неужели англичане нам и теперь не

помогут, неужели мы вернемся из этой такой далекой и такой опасной поездки ни с чем? И все ж, видно, неспроста так молчалив и угрюм зиусхан. Может быть, пока мы ехали, он передумал, может быть, жалеет, что поехали? Неужели такое может быть с нами? Нет, князь мудрый и сильный человек, несмотря на свои немалые годы, просто надо разговорить его. Через Тима Некраса. И он заговорил:

— Валлахи, Тим, ты прав, достойно великого удивления то, что мы видим. Столько мечетей, столько красивых зданий. Обязательно пойдем в самую большую мечеть и помолимся Аллаху. Пусть все увидят нас, послов Черкесии, достойных правоверных мусульман, едущих по очень важному делу в Англию.

В разговор вступил Сафербий:

— Насчет намаза, Хатырбай, я согласен. Обязательно сходим и помолимся. А что касается Англии, что мы едем туда послами — забудьте об этом, ни слова, ни полслова! Как только о нашем намерении здесь узнают, не видать нам Лондона, об этом позаботятся и Турция, и Россия.

— Да, зиусхан, да,— беспокойно согласился Джеймс,— нам всем надо знать, что здесь больше подслушивающих, чем слушающих. Осторожность и еще раз осторожность, даже в наших разговорах между собой, а уж с другими тем более.— И обратился к Сафербию: — Завтра, князь, после утреннего чая встречаемся в условленном месте и тут же отправляемся дальше. Все необходимые документы я приготовлю, об этом не беспокойтесь.

— Да, Джеймс, спасибо тебе. Мы — паломники, совершаем хадж в Каабу, как и в Черкесии сговаривались. Прошу, Джеймс, передай мой поклон лорду Редклифу, скажи, очень жалею, что не смог с ним встретиться.

— Кто это? Кого ты назвал, кто он такой? — спросил Тим, когда Джеймс уехал.

— Это английский посол в Турции.

— Он знает тебя?

— Ты, Тим, странно как-то рассуждаешь,— с гордостью в голосе сказал Хатырбай.— Наш князь Сафербий не первый день живет на свете. Как это посол его не знает?

— Дело не столько во мне, сколько в деле,— смутившись похвалой Хатырбая, заметил Сафербий,— без ведома и согласия посла не пустят в Англию.

На другой день, когда они отправились дальше в путь, когда успокоились, перестали опасаться, Сафербий, как бы между прочим, обратился к Джеймсу:

— Что там у вас в Англии, чем заняты политики, смогут ли они уделить нам свое драгоценное время?

— У нас в Англии вы можете встретиться с кем угодно, кроме короля,— не без гордости за свою свободную страну ответил Джеймс.

— Спасибо, Джеймс, дай Бог тебе здоровья и счастливого долголетья,— поблагодарил англичанина Цей.— Только бы с нами не поступили так же, как когда-то с Аджибом Жамбересом.— Сказал Цей и посмотрел на Сафербия, ища его поддержки.

То, что сказал Цей о Жамбересе, было сущей правдой. Аджиб ездил в Англию от имени убыхов и абхазов. Никто из видных деятелей Англии его не принял, а какие-то второстепенные чиновники надавали ему обещания, ничего не значащие, и отправили обратно домой. С тех самых пор адыги перестали доверять англичанам, без особого уважения относились к ним, хотя внешне вроде бы все оставалось по-прежнему. Вот этим своим коротким и вроде ничего особенного не значащим замечанием Цей как бы сказал: мы знаем этих англичан, их красивые, но пустые слова, не едем ли и мы вот так же, как съездил Жамберес.

Сафербий понял Цея. Улыбнувшись, сказал:

— Да, было и такое. Сейчас иное время, иная обстановка, чем во времена Жамбереса. Не падайте духом, адыги. Могуч и всемилостив Аллах.

— Верные слова говоришь, зиусхан,— поддержал князя Тим.— Мы едем с добрыми намерениями, а добру Аллах помогает, значит, поможет и нам. Если же что-то будет не так, как нам хочется, то опять же без воли Всевышнего ничего не происходит в этом мире.

— Так, Тим, так, но все же хотелось вернуться домой не с пустыми руками,— по-своему согласился Цей,— хотелось хоть немного порадовать наших адыгов. Если привезем домой порох, пушки, ружья, так и это уже будет нам в помощь, уже не пустой будет наша поездка. Сделаем то, что сможем, а чего не сможем, что будет не в наших силах, кто нас за это осудит?

— Если так,— улыбнулся Сафербий,— то считай, что мы уже выполнили нашу задачу. Это будет легче легкого.—

Потом сказал озабоченно: — Мне представляется, что наше слово в Англии, которое прозвучит на весь мир, важнее пороха и пушек. Если бы я мог подняться по какой-нибудь чудесной лестнице на самое небо и оттуда громко прокричать всему миру о трагедии адыгов, я сделал бы это ни на минуту не задумываясь над своей личной судьбой... И опять же, Хатырбай, я пошутил: порох, пушки, англичане за просто так, за здорово живешь, не дадут. Верно я говорю, Джеймс, а? Но что делать, у нас нет другого выхода, мы протягиваем руку за подаянием. Я это говорю открыто, чтобы ни у кого не возникло желания исподтишка оскорбить нас, упрекнуть... Конечно, кто же нам даст порох и оружие, которое стоит немалых денег, бесплатно?

Джеймс слушал Сафербия с насмешкой: это только у вас настежь распахнуты двери кунацких для каждого гостя, вы самой лучшей едой угощаете его, на самую лучшую постель в доме кладете. Все это уже давно ушло из обычаев цивилизованной Европы, и свойственно только вам да еще очень немногим народам и племенам, затерянным в глухих местах. Хорошо это или плохо? Не знаю. Но знаю совершенно твердо: пусть адыги остаются такими, как они есть. Я ведь тоже был дважды ранен на вашей земле, в ваших схватках. Во многом я искренен с вами, на равных ходил в бой и мог быть не единожды убит, но в главном я не был искренен, и видит Бог, в этом нет моей вины: я сын своей страны, своего народа, подданный своего короля и выполняю его волю. Что мне до тайных намерений Турции?! Может быть, мне следует открыть этим несчастным, милым, добрым, чистым людям, с которыми много лет я пил и ел за одним столом, спал под одной кровлей, тайные намерения Англии, сказать, что напрасно они едут туда. Прости меня, Боже, за эти греховные мысли, научи, скажи, как мне сочетать справедливость с ложью, искренность с лицемерием? Как мне сочетать служение Тебе и королю? Я знаю, что поездка ничего не даст, она обречена на неуспех, Боже, наставь всех нас на путь истины.

Не дождался ответа от Джеймса Сафербий, за него ответил Тим:

— Не падай духом, зиусхан. С нами Аллах, значит с нами правда и сила!

— Ты так считаешь, Тим? — рассеянно глядя перед собою, спросил Цей.— Ты все думаешь и думаешь об этом?

— Как не думать, что ему делать в дороге? Это самое подходящее место для размышлений. Валлахи, вернемся домой, сколько интересного расскажем землякам, ведь мы столько уже повидали, а сколько еще увидим?! С хорошими новостями вернемся к абадзехам!

— К одним лишь абадзехам вернемся? — спросил Цей, подозрительно глядя на Тима.

— Нет, ко всем адыгам.

— Это другое дело,— успокоился Хатырбай.

— А ты все думаешь о единении адыгов, все надеешься? — усмехнулся Тим.

— Да, конечно, да вот наиб, этот хэхэс несчастный, мешает, пропади он пропадом!

— Асалаев в Стамбуле, почему бы с ним не встретиться? — спросил Тим.

— Зачем он тебе в Турции со своею провонявшей овечьим жиром чалмой?

— Не кричи так, зиусхана разбудишь.

Усмехнулся Тим:

— Разве может спать зиусхан, когда говорят о наибе.

Не открывая глаз, Сафербий проговорил негромко:

— Ты прав, Хатырбай, ни к чему нам встречаться с этим мерзким человеком.

В пути от Стамбула до Лондона адыги провели двадцать семь дней и ночей. Ехали, меняя фаэтоны, очень утомились от непривычной поездки по чужим странам.

Правда, переплыв через Ла-Манш, оказавшись в Лондоне, в хорошем, уютном отеле, тут же забыли о трудной дороге, об усталости. Все было очень хорошо, вот только туман висел над городом, да такой густой, что в нескольких шагах уже ничего не различишь. День, а на улицах горели фонари. Суда на Темзе среди бела дня светились огнями.

— В Турции, Тим, было все понятно,— обратился Хатырбай,— а теперь вижу, что мы попали в новый и совсем непонятный мир. У них что, солнца нет?

— Ты что? — удивленно посмотрел Тим на Цея.— Как без солнца человеку жить? Есть солнце!

— А где же оно?

— Может, у них просто не совпадает день и ночь?

— Послушай, Сафербий, что говорит Тим. Наверное, у него что-то с головой стряслось.

— Ты не прав,— возразил Сафербий,— в его словах есть истина. У нас на Кавказе солнце раньше всходит и заходит, чем здесь.— Он достал карманные часы, посмотрел: — У нас уже время вечернего намаза, а в Лондоне еще далеко до этого часа. Что касается такого густого тумана, недаром страну называют туманной. Климат такой, морской. Увидим еще и солнышко, и погожие дни.

— На то воля Аллаха,— согласился Тим.

Цей стоял у окна и восхищался:

— Что за страна, что за чудо! Будешь рассказывать абадзехам, не поверят.

Утомленные дорогой, адыги легли и тотчас уснули глубоким сном.

Первым пробудился Сафербий. Через окно к нему заглядывало большое яркое солнце. Он весело позвал своих товарищей:

— Крестьяне, пробудитесь, а то английское солнце проспите!

Цей вскочил, подбежал к окну, а потом стал возбужденно тормошить Тима:

— Открой глаза, погляди! Какое красивое солнце взошло. А ты, Некрас, говорил будто у них здесь нет солнца.

— Я говорил, нельзя без солнца,— Тим глянул на Хатырбая, засмеялся, подмигнув Сафербию.— Ты что стоишь голый у окна, стыдно, женщины могут увидеть.

— Валлахи, ты прав, Тим,— он стал одеваться, вспомнил, что у него в гостинице Паде-Кале украли черкеску, сокрушенно покачал головой: — Как же я без черкески буду вас сопровождать?

— Ничего, Хатырбай, ты просто не привык к кафтану,— стал его успокаивать Сафербий, но, увидев на рослом Цее кафтан, болтавшийся, как мешок на жерди, замолчал.

— Конечно, не привык,— ворчал Хатырбай,— а вы наденьте на себя такую одежду и тогда узнаете, как это неловко. Разве настоящий мужчина может в такой ходить! Думаю, не обязательно по делам ходить нам всем троим. Я останусь дома, хоть вещи ваши покараулю, а то ведь все могут поворовать, видно, тут такое дело не редкость. Ничего, обойдемся,— успокаивал Хатырбай себя и своих спутников.

Тим вдруг обрадованно воскликнул:

— Послушайте, думаю, в Лондоне есть достойные портные, они быстренько сошьют нам черкеску!

— Довольно, Тим! — рассердился совсем Хатырбай.— Конечно, только и дел тут у нас, что шить мне на заказ черкеску. И вы думаете найдется такой мастер, который бы сшил настоящую? Нет, только, наши адыгские мастера могут. Одевайтесь, а то скоро Джеймс придет. Занимайтесь делом, я не пропаду. По улицам немного похожу, посмотрю и потом буду рассказывать нашим. Аллах меня наказал, а за какой грех?

Джеймс устроил адыгам встречу с видными государственными деятелями, как он сказал. Некоторые знали Сафербия по газетам, были о нем довольно хорошо наслышаны. Все они, как показалось Сафербию, искренне заинтересованы судьбою Черкесии, заверили, что порох и оружие не проблема, им дадут столько, сколько надо. И недорого. Найдут и корабли для перевоза.

Все это радовало Сафербия, но наибольшую радость вызывало то, что англичане резко критиковали вероломную политику России, двуличие Турции, ее беспринципность.

Теперь Сафербия волновала предстоящая встреча с первым секретарем королевского правительства. От этой встречи зависела судьба его выступления в парламенте.

Сафербию и Тиму понравился высокий стройный мужчина с открытым, приятным лицом, лет на десять моложе Зана, с умными светлыми глазами. И хоть говорил он по-английски, Сафербий слышал в его речи мягкость, учтивость. И Тиму, и Сафербию очень нравилось, что секретарь так хорошо знал все дела Черкесии, ее обиды, потребности, будто жил там, понимал Сафербия, как говорят, с полуслова. Дуглас резко обвинял Россию за ее экспансионизм, за ее стремление к мировому господству — она разрастается в Азии, на Дальнем Востоке, на Кавказе, в Европе, словно «до всех стран и народов у нее русское дело есть». Так сказал Дуглас и добавил:

— Я знаю о всех ваших встречах с нашими деятелями, знаю о ваших просьбах. Мы очень внимательно следим за жизнью вашего народа, восхищаемся его свободолюбием, стойкостью и мужеством. Мы помогаем вам тайно, потому что официально не имеем права. Над нами висит согла-

шение по результатам Крымской войны. И впредь будем помогать...

Последние слова Дугласа вызвали у Сафербия беспокойство: похоже, они не дадут ему выступить в парламенте, помогать будут с оглядкой на Россию. Неужели только погладят нас по головке, посочувствуют, да с тем и отпустят? — подумал Сафербий и обратился к Дугласу, стараясь быть вежливым, но в то же время настойчивым. Но как там переведет его слова Джеймс? Он сказал:

— У меня к вам просьба, сэр Дуглас. Мы хотели бы, чтоб в вашем парламенте услышали голос адыгов, голос Черкесии.

— Милости просим, господин Зан. Разумеется, я вам вынужден посоветовать: вы ни одного слова не должны говорить о нашей помощи оружием, порохом. И еще: ни в коем случае нельзя задевать честь и достоинство нашего короля.

— Мы не из тех, сэр Дуглас, кто критикует гостеприимных хозяев. Я скажу о русском царе, о Российской империи, о ее намерениях в Черкесии. Я готов к такому выступлению.

— Тогда и мы готовы предоставить вам слово. Завтра, в одиннадцать утра... Извините, князь, но у меня есть к вам просьба: ваша речь должна длиться не более шести минут. Членам парламента дают до пяти, а вам как гостю — шесть.

— О многом хочется сказать, сэр Дуглас, но я буду точен, не нарушу вашего порядка.

В назначенное время князя Сафербия и Тима, одетых в парадные черкесские одежды, Хатырбая в новом, с иголочки, английском костюме, провели в здание парламента, посадили в ложу гостей.

Зал заседаний парламента Великобритании оказался не такой большой, как представлялось Сафербию. Было в нем полторы сотни мест, определил он, с постепенным возвышением, с мягкими стульями-креслами.

Председатель, сидевший на высоком стуле в президиуме, был один. Открыл он заседание, сказал свои слова о справедливой, мужественной борьбе черкесов за свободу и независимость.

Парламентарии обернулись к гостевой ложе и наградили адыгов аплодисментами.

Председатель предоставил слово Сафербию Зану.

Сафербий, ступая уверенно и твердо, будто для него обычное дело выступать перед парламентом, вышел к трибуне. Спокойно обвел взглядом зал, и теперь он ему показался громадным, словно бы это и вовсе не зал со стенами и потолком, а некое бесконечное пространство, и он перед этим пространством — бесконечным, живым, пристально всматривавшимся в него, почувствовал себя маленьким и беспомощным. Но вот на какое-то мгновение, на долю мгновения вспомнилось ему штормовое море, перед которым он тогда почувствовал себя совершенно бессильным, но уже тогда что-то сработало в нем в то мгновение, словно бы молнией пронзило, и он понял, что могучее море без него — вовсе никакое не море, а просто так, бессмысленная соленая вода. Вот и теперь Сафербий вдруг понял, что он, Сафербий, человек, творение Аллаха и, как человек, он является мерой всех вещей. Человек не беспомощен и не одинок, он единственная сила на земле.

Сафербий облегченно вздохнул и начал говорить:

— Уважаемый председатель, уважаемые члены парламента! От имени адыгских народов, живущих далеко за морем, мы, трое послов — Хатырбай Цей, Тим Некрас и я, Сафербий Зан — от всего нашего горячего сердца приветствуем вас!.. У адыгов много мудрых пословиц и поговорок, притч и поучений. Адыги говорят: прежде чем выбрать место, где будешь строить свой дом, выбери достойного соседа. Мы не выбирали Россию себе в соседи, и они не выбирали нас. Просто так сложилась судьба, что мы жили бок о бок с ними на протяжении столетий в мире и дружбе. Старались не ссориться, не обнажать друг против друга меч. И хотя наши языки и вера, одежда и еда, песни и танцы были совершенно разными, нам это не мешало. А теперь все изменилось и мы никак не возьмем в толк, почему Турция, частью которой мы никогда не были, отдала нас России. А как Россия могла принять от Турции то, что ей никогда не принадлежало? Она не только приняла этот «подарок», но огнем и мечом навязывает нам свои порядки. Когда мы пытаемся им противостоять, они убивают нас, сжигают наши селения, посевы, пастбища. Мы отвечаем силой на их силу, вот и льется кровь адыгов и кровь русских, кровь тех, которые толком так и не понимают, за что они должны убивать друг друга, за что умирать

в муках. И эта беда длится уже почти пятьдесят лет. В наших селах больше похорон, чем свадеб. Великое солнце посылает свое тепло и свет всему миру одинаково. Оно вовсе не светит только великим народам, забывая о малых. Почему мы забываем об этом. И каждый почему-то хочет больше, чем ему дано, он хочет забрать солнце у своего соседа, а это невозможно. В мире царит справедливость, нет ее только в мире людей. И мы никогда не откажемся защищать справедливость. Скорее умрем! Мы приехали сюда с призывом: пусть на земле торжествует справедливость! Может быть, это наше последнее слово. Хотел бы, чтобы вы его выслушали, желаю вам всех благ, и, если сказал что-нибудь не так, простите великодушно. Желаю вам мирного неба над головой, пусть счастливы будут ваши дети. Всем долгих, счастливых лет! И тебе, достопочтенный председатель,— Сафербий положил правую руку на сердце,— долгих, счастливых лет жизни!

Поднялись парламентарии и провожали Сафербия аплодисментами до самой гостевой ложи.

Утром следующего дня в гостиницу к Сафербию пришел возбужденный Джеймс Белль с пачкой газет:

— Прекрасно! Твое выступление в парламенте, Сафербий, напечатали все лондонские газеты. По всей Англии создаются «Черкесские комитеты». Вас поддерживают и приветствуют.

Хотя никто из адыгов не знал английского языка, все начали заинтересованно рассматривать газеты. Особенно усердствовал Тим Некрас:

— Посмотри! Все напечатали твою речь, зиусхан! Как хорошо, что мы приехали сюда. Теперь весь мир знает о нашей беде. Верно я говорю, зиусхан?!

— Верно, Тим.

— А ты почему молчишь, Хатыр? — не унимался Тим.

— Совсем не молчу, просто раньше тебя никогда ничего не успеешь сказать. Речь Сафербия — прекрасна, только.., ты не на те страницы смотришь, Тим,— усмехнулся Цей.

— Э-э, ей богу! Какая разница, куда я смотрю. Тебе что, от этого хуже? Главное — напечатано! Теперь, думаю, нам нужно бы встретиться с кем-нибудь из здешних предводителей, с сильными людьми этой прекрасной и доброй страны.

— В Англии много достойных мужей, правит же Великобританией королева.

— Выходит, у вас царь — женщина?! — Удивился, а потом нахмурился Тим.— Если у вас много достойных мужей, то почему правит женщина?! Платок, юбка правит. Нехорошо это!

Цей положил руку на плечо Тиму и снисходительно, а перед Джеймсом как бы извиняясь, сказал:

— Правильно мудрые люди говорят, в чужой дом не ходи со своими порядками. Что нам до того, кто правит, лишь бы нас поддерживали.

— Наша королева — достойнейшая из достойнейших. Это была ее воля создать «Черкесские комитеты». И надо сказать, руководители этих комитетов сегодня вечером хотят с вами встретиться. Слышишь, Сафербий?

— Это очень хорошо. Мы сможем подробнее рассказать о наших делах, они лучше поймут наши нужды.

После завтрака Джеймс повел гостей прогуляться по городу. Побывали они в магазинах, которые по мнению адыгов похожи больше на дворцы, чем на места торговли, а базар их просто ошеломил. Шумные людные улицы вызывали с непривычки головокружение, но мужчина всюду мужчина, он ни за что не покажет своей слабости, не проявит своих чувств. А вот лондонцы без всякого стеснения рассматривали адыгов в упор, их черкески, кинжалы, пояса, папахи.

Потом пришли в Гайд-Парк, где перед многочисленными людьми с возвышения выступали ораторы.

— Э-э! Это идет хасэ? — понимающе улыбнулся Тим.

— Не знаю, как сказать,— затруднился с объяснением Джеймс,— они здесь ничего не решают, просто собрались поговорить о разных делах. Посоветоваться, поспорить.

— А-а! — весело воскликнул Тим.— Большая кунацкая!

— Немного похоже,— согласился Джеймс,— вот этот лысый мужчина недоволен правительством, говорит, его надо сменить. А этот другой — наоборот, хвалит... Не хотите ли и вы сказать что-нибудь лондонцам? Они уже знают о вас из газет, расспрашивали меня,— Джеймс вопросительно посмотрел на Сафербия. Тот в свою очередь глянул на Цея:

— Ты хорошо умеешь высказывать свои мысли, Хатырбай. Скажи слово, от имени всех адыгов скажи.

Цею польстили слова Сафербия, и он не без гордости поднялся на возвышение. Рядом с ним стал Джеймс, чтобы переводить.

— Добрые люди,— сильным, твердым голосом начал Хатырбай,— пусть ваш каждый день счастливо длится сто дней.

Захлопали англичане, заулыбались.

— Мы — адыги, вы нас называете черкесами. От имени моих спутников, от имени всех адыгов я приветствую вас и желаю добра. Вчера наш князь Сафербий Зан выступал в парламенте, вы, наверное, читали его речь в газетах.

Над парком пронеслись аплодисменты.

— Слава свободолюбивым адыгам!

— Да здравствует Черкесия!

— Позор захватчикам.

Цей низко кланялся на все четыре стороны:

— Спасибо вам, великое спасибо! Иногда говорят: кто мал, тот беден. Наш народ мал числом, но богат душою, богат своей честью, добротой и любовью к своей земле, стране! Еще говорят, кто покорно глотает свою обиду, тот не достоин быть человеком. Мы не относимся к бессловесно-покорным, потому и приехали к вам, мы ищем у людей всего мира сочувствия к нашему справедливому делу. Турция, Франция, ваша страна обещали нам свою помощь, но эти обещания пока остаются лишь словами. Несмотря ни на что, мы громко, чтобы слышали все, говорим: свобода или смерть!

И снова над парком пронеслись аплодисменты.

— Да здравствует свободная Черкесия!

— Слава мужественным черкесам!

Цей поднял руку, прося тишины:

— Адыги всегда идут в гости с подарками. И хотя мы прибыли не гостить да отдыхать, а привела нас сюда беда, примите от нас эти деньги и не обессудьте,— Хатырбай Цей сыпанул на англичан несколько горстей серебряных монет,— я делаю это, как велит наш обычай, от всего сердца.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

I

Новый 1859 год принес адыгам новые горести.

Как и опасался князь Сафербий, после поездки в Англию, после его выступления в парламенте и бурных аплодисментов депутатов, ничего в сущности не изменилось. Пошумели газеты и смолкли. Обещания Дугласа были только обещаниями, пустыми словами.

Адыги поняли: не будет им помощи ни от кого, надеяться надо только на самих себя. И каждый стал заботиться только о своей семье, о своем роде, племени, а уж об единении всех адыгов не хотел и слышать.

Всходит солнце, и дети говорят — есть хотим. Наступает зима, и надо одеться в теплое, топить печь, чтобы не замерзнуть. Приходит весна, и зовет землепашца поле. А единство племен? Что это такое? Разве прибавится от него что-нибудь в доме? Нет. Только разговоры и разговоры.

Уже два года не собирался Всеадыгский хасэ. Предводители племен стали все реже встречаться, советоваться, каждый тянул в свою сторону.

Асланбеч Хаджемуков давно никуда не выезжал из Бжедугии. Приехав из Англии, отсиживался в своем ауле Хатырбай Цей. Только Джирандук Берзедж все суетился с Джеймсом Беллем, ездил то к Сафербию, то к Магомет-Амину, однако что бы он не говорил, чтобы не обещал от имени англичанина, все только недовольно морщились и с насмешкой смотрели на князя.

Изменились и тфокотли. Раньше они были послушны своим предводителям, иногда даже вырывались вперед, а теперь вроде бы совсем отошли в сторону, скептически улыбались, слушая их призывы. Улыбались и молчали, поступая так, как того требовало поле, дом, семья — как требовала сама жизнь.

Время от времени происходили стычки с царскими войсками, значит, лилась кровь.

Ко всему этому два года подряд были неурожаи, ничего не давало поле, а от хлебопашцев требовали, чтобы они содержали войско.

Люди, у которых сгорели дома и подворья, пропал скот, шли в другие аулы, ища помощи. Помогали им, но

как может помочь бедный бедному, голодный голодному? В народе говорят: где тонко, там и рвется, добро — к добру, а беда — к беде.

Много стало умирать адыгов от оспы, малярии, а в прошлом году в Абадзехии и Шапсугии чума «выкосила» целые аулы.

Все дальше продвигались вглубь адыгских земель царские войска, оттесняя адыгов в горы и леса. Все больше к берегам приходило кораблей. Они стреляли из пушек, разрушая селенья, и адыгам приходилось покидать побережье, уходить в необжитые места.

За эти два года всего лишь несколько кораблей тайком прорвалось к адыгам с оружием и боеприпасами.

Единственная горная тропа из Верхней Абхазии была наглухо перекрыта.

Почти ничего не было слышно из Дагестана, только и знали: совсем там плохо. Что с Шамилем, что в Чечне? Слухи приходили разные, туманные, противоречивые.

Хотя абадзехи встретили Магомет-Амина, бежавшего из Сирии, радушно, прежнее доброе отношение к нему не вернулось, ведь на теле после раны остается рубец, к непогоде болят раны.

Лапинский командовал европейским легионом, вместе с Сафербием Заном воевал против царских войск, но и между ними самими не было доброго мира. Что он суется в мои дела, гневался князь, один я могу решить — воевать мне с Россией или замиряться с ними.

Абадзехи по-прежнему упрекали Магомет-Амина, что он не сумел привлечь на свою сторону легион Лапинского, отдал его Зану, шапсугскому предводителю. С недоверием стали относиться к Сафербию причерноморские убыхи и шапсуги, они упрекали его, что он не может защитить их от огня неприятельских кораблей. И тфокотли, и старшины, и родовитые недовольно посматривали на князя.

Джеймс, передав Магомет-Амину слухи об этом, сказал:

— Тебе надо бы воспользоваться этим народным недовольством, наиб.

Магомет-Амин хмуро глянул на Джеймса, обжег взглядом Джимова и промолчал.

— В словах нашего гостя есть верный смысл, наиб,— поддержал Джеймса Джимов. Робко, не настойчиво, но все же поддержал.

Джеймс подождал немного, помолчал, а потом заговорил более решительно:

— Надо выбить из головы Зана идею замирения с Россией. Надо тебе использовать недовольство туапсинских шапсугов и убыхов, отсечь от Сафербия Джирандука Берзеджа, а заодно Тима Некраса.

Наиб усмехнулся, задумчиво сказал:

— Берзеджа, возможно, и удастся, а Тима Некраса очень трудно отколоть от его родственника,— неторопливо, степенно сказал наиб, потом еще раз своими искристыми черными глазами пронизывающе посмотрел на Джеймса.

— Тим Некрас, Тим Некрас,— загорячился Джимов.— Если бы не ты, наиб, я бы знал, как обойтись с этим выродком. Да, он укрыл тебя в своем доме, но не от своего доброго сердца! Не сделай он этого, абадзехские тфокотли сжили бы его со света. Еще я должен сказать: Тим Некрас помогает Сафербию искать пути примирения с русскими!

Пропустив мимо ушей горячую речь Джимова, наиб обратился к Джеймсу с негромкими, вкрадчивыми словами:

— Ты, Джеймс,— считаешь, что песенка Сафербия Зана уже спета?

— Я не могу этого утверждать,— уклончиво ответил англичанин.

— А что же ты можешь утверждать?

— Просто могу сказать: у Зана нет прежней силы, прежнего авторитета в Черкесии.

— Ничего не получилось из его замыслов,— согласился Джеймс.— Все-таки сказалось долгое отсутствие князя, шутка ли без всякой пользы столько лет просидеть в Турции. И этого адыги не хотят забывать.

— Не по своей же воле он там сидел! — яро защитил наиб своего недруга.

— Ты тоже не по своей воле был в Сирии, да вернулся же, не сидел там столько лет.

— Дело, конечно, не только в этом, а и в том, что стар он быть предводителем в такое тревожное время,— твердо продолжил Джеймс.— Но главное, Сафербий хочет замириться с Россией.

Магомет-Амин исподлобья глянул на Белля: чего хочет этот хитрый англичанин? Меня поддержать, мне прибавить силы? А если нет, если другое у него на уме? Царь все наращивает свои войска, и Сафербий хорошо понимает, что адыгам не устоять. А от вас, уважаемые англичане, нет никакой пользы. Легион? Но это такая мелочь, что ее вообще не следует принимать в расчет. Раз Сафербий думает о примирении с Россией, он просто видит дальше, чем другие, чем я. Кстати, мне бы тоже не мешало это хорошенько обдумать. Что же имам молчит? Что мне делать, как поступить? Не могу же я без имама Шамиля решать такие серьезные дела... И Джимов этот... То ли хитрец, то ли дурак, то ли то и другое вместе. Сидит, как пень, не дает поговорить с Джеймсом.

— Ты когда поедешь, Джабраил в Жагуфский мехкаме? — наиб с прямым намеком достал карманные часы и стал пристально смотреть на стрелки.

Понял Джимов:

— Валлахи, мне пора идти. Там меня ждут.

— Попроси от моего имени старшин: пусть они нажмут на тфокотлей, к зиме надо запасти для войска продовольствие. Пусть старшины не бездельничают, а собирают, не ждут, когда им привезут и положат на стол,— нахмурился наиб.— Скажи им, что нам надоело стоять перед ними с протянутой рукой. Иди.

Ушел Джимов.

— До чего неприятен этот человек,— поморщился наиб,— сядет и смотрит тебе в рот, как голодная собака, не даст поговорить о деле. Так вот, уважаемый Джеймс, я знаю — туапсинские шапсуги и убыхи, живущие в верховьях реки Сочи, настроены против Сафербия. На днях там соберут хасэ.

— Да. Они хотят, чтобы в нем приняли участие все адыгские предводители,— ответил Белль и вопросительно посмотрел на наиба.

— Я дал им согласие... Я вот о чем хотел спросить тебя: не считаешь ли ты, что черкесское дело идет на убыль?

— Не думаю. Не надо падать духом, наиб.

«Куда он гнет?» — мелькнуло в голове наиба.

— Думаю, Джеймс, Аллах не даст нам пасть духом, воодушевит, если сочтет это необходимым. И у нас дела неважные, не надо кривить душой, и в Дагестане все кон-

чено. Зан не зря решил замиряться с Россией. Да и я стал об этом подумывать.

Джеймс удивленно вскинул свои светлые брови:

— Если ты это говоришь, тогда что скажут адыги? — негромко, но твердо спросил Джеймс.

Поморщился наиб:

— Мы уже условились быть откровенными.

— Если Дагестан уже обречен, ты, конечно, не будешь беспокоиться об адыгах. Зачем они тебе?

— Быть откровенным, господин Белль, не значит разговаривать со мной таким тоном. Помимо Аллаха только одному человеку дано со мной так разговаривать — имаму Шамилю.

— Прошу прощения, наиб, я не хотел тебя обидеть. Как бы то ни было, мы с тобой выполним повеление Аллаха, до конца останемся здесь, правда?

Как хотелось сказать лицемеру Джеймсу какую-нибудь резкость, однако наиб сдержался.

Тфокотли на хасэ, хотя и не называли имени Сафербия, но так говорили, что все понимали — это о князе Сафербие Зане, это он виноват во всех неудачах.

Стоявший напротив Сафербия наиб, слушая речи, довольно улыбался в усы, кажется, торжествовал свою победу.

— Не пойму, почему туапсинские шапсуги и убыхи обижаются на меня? — вполголоса спросил Сафербий стоявшего рядом с ним Джеймса.

— Я тоже не понимаю и крайне удивлен,— прошептал в ответ Джеймс. — Ты ведь не жалел сил ради своих соплеменников, столько выстрадал! Мне кажется, тут что-то не так. Посмотри, как посмеивается наиб, посмотри на его самодовольную рожу.

— Именно —рожа,— согласился Сафербий,— но если он думает, что уже одержал верх надо мною, глубоко заблуждается.

— Возможно, что это именно его козни, но нельзя не считаться с тем,— еще тише стал шептать Белль,— что тфокотли ни в какую не хотят замиряться с Россией, ты слышишь?

Стоявший рядом Хагур не выдержал:

— Не надо было нам приезжать сюда на хасэ к хакучинцам. Они еще толком не знают, что такое война, надеются на свои высокие горы.

— Бог с ними, с хакучинцами. Ты посмотри, как ведут себя убыхи! — громко, чтобы услышал Берзедж, сказал Сафербий, а потом обернулся к князю: — За что в обиде на меня некоторые убыхи?

— Кто-то подзудил их против тебя,— ответил Берзедж, потом подбодрил: — Да не расстраивайся ты, ради Бога, не держи на нас зла, не все против тебя, есть и многие такие, которые тебя поддерживают, убыхов против тебя настраивает наиб.

— Если так, я передам легион Лапинского убыхам, хакучинцам да абадзехам, чтобы не думали, будто мы без легиона уже не обойдемся, за его спиной прячемся!

— Ну что ты, князь, расходился! — рассерженно бросил Берзедж Сафербию, пришпорил коня, выехал в круг: — О хасэ, послушайте и меня, хочу слово сказать!..

Несмотря на поздний вечер, Сафербий со своими спутниками не стал задерживаться у хакучинцев, отправился домой. Ехал и Берзедж. Рассерженный, что на хасэ к его слову не прислушались, будто мимо ушей пропустили. И за Сафербия Зана ему было обидно.

Недалеко от берега стояли российские корабли. Джирандук, указав на них плеткой, сказал:

— Посмотрите, можно подумать, будто эти корабли приплыли сюда не для того, чтобы смешать с землей хакучинские аулы. Мы зовем их к единству, чтобы отбиваться от этих кораблей, а они как раки, ползут в разные стороны, тянутся к презренному наибу? А сочинские убыхи? Какая собака их укусила?! Перед всем миром опозорили меня. Не взыщи с нас, ради Аллаха, Сафербий, за сочинцев бестолковых. Я завтра же поеду к ним, я им покажу.

Сафербий промолчал. За него ответил Карбатыр:

— Зачем же отцу обижаться на тебя, князь, из-за некоторых, как ты сказал, бестолковых убыхов? Мы не впервые сталкиваемся с людской глупостью и неблагодарностью.

II

— Князь, я слышал, будто со своим легионом я тебе не нужен? — едва войдя в дом, требовательно спросил Теофил.— Хочу узнать, правда ли это?

Усмехнулся Сафербий:

— Я даже не думал, что по нашей земле так быстро распространяются слухи.

— Быстрее ветра по Черкесии распространяются слухи, тем более, если в них есть какая-нибудь тайна, какой-нибудь секрет.

— Но я говорил вслух, при многих людях, значит, это совсем не секрет, не тайна.

— Выходит, правду мне сказали.

— Да. Это такая же правда, как то, что ты прискакал сегодня ко мне.

— В таком случае, господин Зан, не можешь ли сказать, чем ты недоволен, чем провинился перед тобою мой легион?

— Упаси Аллах, у меня нет никакой обиды на вас: ничего худого не могу сказать ни о тебе, ни о твоих воинах. Спасибо, большое вам спасибо! Вы мужественные люди, хорошие воины, да вот только война никому не принесла пользы, и я решил: надо подумать, как нам быть дальше, как прекратить обоюдное кровопролитие.

— Значит, верно о тебе говорят, что ты считаешь замирение с москалями лучшим выходом из трудного положения. Но это гибельный выход. Ваш небольшой народ растворится в мужицком море, как капля воды растворяется и исчезает.

Сафербий светло-синими глазами с печальным упреком посмотрел на Лапинского:

— Я, кажется, ни у кого не просил совета.

— Прошу прощения, князь. Если мы вам не нужны, то двинемся к туапсинским шапсугам или к абадзехам, благо, они уже давно нас зовут к себе.

— А разве абадзехам, хакучинцам не нужен мир? Разве они не адыги?

— Адыги, но их предводитель думает иначе, чем ты, князь.

— Да, верно говорят адыги: пришла чужая собака и прогнала хозяйскую.

Стоявший молча Карбатыр, бросил взгляд на отца: мол, будь осторожнее со своими словами.

— Вы оскорбляете меня, господин Зан,— перейдя на вы, воскликнул Лапинский.

— Я лишь повторил адыгскую пословицу,— спокойно сказал Сафербий.— Не относите, полковник, ее к себе. Наиб причисляет себя к адыгам, но ведь он, пришлый чужак, стал предводителем у абадзехов. Сколько раз говорил ему: не вмешивайся в наши национальные дела. Ты — эфенди, вот и молись Богу, учи доброй вере мусульманской адыгов. Предводитель! Мы и без того разъединены, а он еще больше этому способствует. Зачем?! Какая у него цель?!

— Я не думаю, что адыги когда-нибудь объединятся, создадут свое государство, не будет этого.

— Возможно, вы и правы, но какое имеет отношение к этому Асалаев из Дагестана? Сначала он отколол от нас абадзехов, вызвал между нами войну, а теперь занялся убыхами и хакучинцами. Привез из Сирии беглого турка и поставил его во главе хакучинского верховного мехкаме. Как его зовут, Карбатыр?

— Хаджи-Хасан.

— Вот-вот, Хаджи-Хасан. Тот турок, как нам доподлинно известно, не дошел до Каабы, однако за то, что держал под уздцы коня наиба, помогал ему бежать из Сирии, прибавил к своему имени «хаджи». Верно говорят: если будешь жить долго, то увидишь даже кота-хаджи.— Замолчал Сафербий, рассеянно глядя перед собою теперь уже совсем печальным взором.— Вот так оно и получается, уважаемый полковник. Такие, как наиб, толкают нас в пасть России, заботясь лишь о своей выгоде.

— Какая же нам выгода, князь? Мы столько потеряли в бою своих товарищей?

— Ты, гость, и не принимай это на свой счет. Замечу справедливости ради: я не встречал ни одного человека, считая, и вас, полковник, который бы пришел на нашу землю совершенно бескорыстно, без своей определенной цели. Погоди, не перебивай, не горячись. Скажи, кто ты по национальности? Поляк?

— Поляк и горжусь этим.

— Большинство твоих воинов тоже поляки?

— Да.

— Так почему же, полковник, не поднимаете поляков у себя в Польше? Тогда бы Россия меньше присылала к нам своих войск, они понадобились бы им в Польше. Все ищут только своей выгоды — и турки, и англичане, и французы, и наиб!

— Мы не навязывались вам, вы сами нас пригласили,— не отступал Лапинский.

— Покажи мне наше с вами соглашение.

— Оно было устным.

— До Крымской войны?

— Да.

— И чего вы сидели в Турции, почему не пришли, когда вас звали?

Лапинский не нашел, что ответить.

— То-то оно и есть, господин полковник, не выгодно вам было тогда. И с какой стати мы должны для вас обрекать свой народ на гибель? Нас всех без остатка уничтожат, если мы не найдем мира с Россией, мы исчезнем с лица земли вместе со своими традициями, со своей культурой! Превратимся в прах! Вы этого хотите, полковник.

— Я понял, господин Зан. Надо бы раньше мне хорошенько все обдумывать. Хотя бы тогда, когда судили подлого предателя Банью.

— Именно, раньше надо думать, а то ведь мы сначала сделаем, наворочаем всяких дел, всяких бед на свою голову, а потом начинаем размышлять. Вся наша жизнь состоит из ошибок, размышлений, сожалений. Пока думал над ошибками, пока пытался их исправить и делал новые, а жизнь-то уже прошла, она коротка, как летняя ночь... Что ж, полковник, если у тебя нет ко мне больше вопросов, пожалуй, закончим разговор.

Сафербий встал:

— Карбатыр, проводи гостя. Счастливой дороги, Теофил,— князь протянул руку Лапинскому.— Мы поговорили откровенно и, думаю, не будем обижаться друг на друга. Ведь мы не столько о себе говорили, сколько о тяжкой беде адыгов, о наших бедах вообще. Подумай, полковник, над моими словами. Может быть, вам лучше уйти отсюда, чтобы не дразнить Россию, не настраивать бедных адыгов друг против друга.

Лапинский ничего не ответил. По-военному стукнув каблуками, откланялся Сафербию и вышел.

Оставшись один, князь Сафербий почувствовал облегчение. Заложив руки за спину, он вышагивал по комнате — беспокойные, какие-то бессвязные мысли роились у него в голове. Вспомнил молодость — полковника Рудзевича, Газара Серебрякова, вышедшего теперь в отставку. Хотя адмирал иногда хитрил, но все равно не переставал быть другом, а теперь и вовсе, когда почти вся жизнь осталась позади, дорог каждый человек, связанный с тобой многолетними отношениями. Вспомнив прошлое, потосковал немного, попечалился и вернулся к более близкому времени — к своему заточению в Турции, а потом и совсем — к сегодняшнему дню, к своему разговору с Лапинским.

Хорошо, что я поговорил с ним так откровенно, рассуждал он, может быть, даже резко. Ничего, правда она такая, чаще всего в ней мало сладости, так устроен мир. Хорошо, что я ему все именно так сказал. И в самом деле, пора уже всем опомниться, подумать о будущем. А я? Что я хорошего сделал адыгам? Пытался, да все мои попытки оказались тщетными. Говорят, судят по результатам, но Аллах свидетель, у меня ничего, кроме искреннего желания добра адыгам, не было и нет. Если в чем и ошибался, поступал не так, как надо бы, то не от злого или корыстного умысла делал это. От незнания, от неведения делал. Даже обычная дорога из одного селения в другое, по которой ты сотни раз ходил, может обернуться такой случайностью, такой бедой, что только ахнешь от удивления. Пусть мои соплеменники, Аллах, не держат на меня обиду, отпусти мне грехи мои, которые я совершал по ведению и неведению, по умыслу и без умысла. Помоги мне, Всевышний, дожить мои немногие уже оставшиеся дни, не лишай меня разума и воли, убереги от ошибок. Сколько пролито невинной крови, сколько страданий пало на нашу землю, что мне думается, о Всемогущий, настала пора всем нам опомниться, пора замириться с Россией во имя будущего нашего народа, во имя наших детей, внуков и правнуков, которые еще не родились, но родятся по Твоей воле. Если мы не захотим склониться перед ней, если погибнем все, кто родит наших внуков и правнуков?

Неожиданный скрип двери прервал мысли Сафербия, его горячую молитву.

— Это ты, сын мой? — спросил Сафербий и улыбнулся ему с такой радостью, словно давно не видел.— Проводил

гостя? Вот и хорошо. Думаю, настал час, когда и нам с тобою надо по-мужски, по душам поговорить. Послушай, что я тебе скажу.

— Тят, если ты хочешь и мне сказать, что говорил Лапинскому, то... я не поддерживаю тебя.

Сафербий остановился, неимоверную тяжесть вдруг ощутил в своем теле, неторопливо обернулся и так глянул на сына, словно проверяя, не ослышался ли он. Грузно опустился на стул, поднял глаза на Карбатыра. Боль была в его взгляде. Помедлив, он спросил:

— Ты и Лапинскому это сказал?

— Если бы я хотел ему это сказать, то откровенно бы вмешался в ваш разговор.

Покачал головой князь, глядя себе под ноги, опять поднял глаза на Карбатыра:

— Я слушаю тебя. Скажи, что тебе не нравится в моих размышлениях.

— Буду краток, отец. Я не поддерживаю твое намерение замириться с Россией. Считаю, этого делать нельзя.

— Почему?

— Если ты один без согласия всех адыгов сделаешь это, они тебя не поймут и не простят. Считаю, что этот важнейший вопрос нашей жизни должен решить сам народ. Всеадыгское хасэ.

— Всеадыгское хасэ?! — как-то нервно переспросил Сафербий.— Разве ты не знаешь, сколько разных хасэ я собирал, и что? Был толк хотя бы от одного из них? И будет ли теперь?!

— Я смотрю на тебя, отец, и не узнаю.

— Возможно, я и сам себя не узнаю, но разве дело в этом. Ты думаешь, мне эта мысль пришла сегодня? О, нет! С тех пор, как хасэ меня избрало предводителем, я не переставал думать над тем, как вывести из кровавых схваток наш народ, как объединить его. Я все надеялся, а зря. И вот теперь ты говоришь, что должен буду поступить так, как решит Всеадыгское хасэ. Мой дорогой сын, все сейчас возбуждены, разве могут они решать разумно, трезво? Конечно, хасэ решит: лучше умереть в бою, чем жить под ненавистной властью. Но разве они имеют право распоряжаться жизнями еще не рожденных детей и внуков, правнуков? Разве они могут решать судьбу будущих поколений? Да откроет Всемилостивый Аллах двери рая

перед павшими в боях, а тем, кто остался в живых, пусть пошлет мир и покой в их дома.— Огладив бороду, благоговейно помолчав, Сафербий сказал: — Говорят, Газар приехал в Анапу. Узнай все хорошенько, мне надо с ним встретиться. И будь осторожен. Не бери с собой много всадников.

— Да, отец, я организую тебе встречу с Газаром, но ты не убедил меня, я по-прежнему не разделяю твоих намерений. Я пойду, отец.

— Подожди, сын мой.

— Слушаю, отец.

— О наших с тобой разногласиях должны знать только ты и я. Никто другой.

III

Радость Магомет-Амина от победы на хакучинском хасэ была недолгой. Его сильно огорчило письмо, полученное от имама Шамиля: «Наиб Магомет-Амин, которому я открываю свою душу, как только прочтешь ты это письмо, запомни, тут же, не показывая ни единой душе, сожги. У нас нет для тебя добрых вестей. Нескончаемая война до того ожесточила людей, что они уже не верят друг другу, ко всему относятся с подозрительностью. Крепкая, истинная вера, которую ты знал у нас, теперь с каждым днем идет на убыль. Русская сила, не в пример прошлым годам, стала и большой и крепкой, все продолжает расти. Против нас бросают неисчислимые войска. Такое смутное время настало, что часто не выполняется моя воля, мои распоряжения. Почти каждый из правоверных старается уклониться от священной войны, спрятаться в своей норе. Позор, меня окружают предатели. Только мои ближайшие соратники, милостью Аллаха, и верны мне, однако, если дойдет до рокового конца, нет у меня и на них твердой надежды. Все идет к концу. Чем больше мы отступаем, тем выше становятся горы, теснее ущелья, круче пропасти. Если каким-нибудь чудом к нам не придет помощь, мы не продержимся и года. Я знаю о всех твоих трудностях в Черкесии — смотрю на себя и понимаю тебя. Именем Аллаха заклинаю: поднимай и поднимай Черкесию против России, поднимай до последнего человека, даже если ты останешься в одиночестве, не замиряйся с ней, дай нам

хоть немного отдышаться. Не теряй надежды! С нами Великий и Всемогущий Аллах, Его святая воля».

Прочитав письмо почти отчаявшегося имама, Магомет-Амин первый раз не выполнил его воли: аккуратно сложил его и положил в нагрудный карман.

Постоял с закрытыми глазами.

Тяжело вздохнул.

Подошел к окну, за которым буйствовала весна. Ему показалось, будто роскошно цветущие деревья дразнят его. Дразнят абрикосы, дразнит алыча.

Отошел от окна. Перечитал письмо еще раз. Перед ним, перед его воспаленным взором, с ощутимой явью поднялись родные горы. Аулы, будто птичьи гнезда, на склонах. Ущелья с быстрыми, шумными реками, заблудившиеся в вершинах гор белоснежные облака. Туманы, укрывшие в долинах селения, спрятавшие от бед людей... Свист пуль и ядер, звон боевой стали. Стоны раненных. Ржанье ошалевших лошадей. Убитые, пугающие своей неподвижностью.

С тех пор, как он прибыл в Черкесию, Магомет-Амин не помнил ни единого случая, чтобы он вот так пал духом, отчаялся, как сейчас. Сколько раз случалось с ним такое, что, казалось, не выживет, но в нем была вера, которая побеждала даже сам страх смерти, а сейчас как бы пришел конец света. И нет уже никакой веры.

«Не замиряйся с русскими, дай нам хоть немного передохнуть».

Аллах Всемилостивый, от него ждут помощи!..

Ты, имам, о великий, святой имам, находишься среди своих людей, отчаянно в душе воскликнул наиб, за твоей спиной родные горы, а меня здесь называют чужаком. Каждый новый день таит для меня угрозу, опасность скрывается за каждым кустом, за каждым камнем. Я не могу постоянно жить в одном ауле, в одном доме. И если русские — мои открытые враги, то Сафербий Зан, Цей, Берзедж враги скрытые, их люди подкарауливают меня на каждом шагу. Как же мне помочь тебе, о великий имам! И здесь все уже устали, отупели от войны, никто уже ни во что не верит. Если еще черкесы как-то и воюют, то это все равно уже конец, страшный, бессмысленный. Прости, имам, но я тоже, как Зан, подумываю о примирении с

Россией. Я, конечно, еще раз попытаюсь выполнить твою просьбу, поднять черкесов, но что получится из этого!

Опустошенный, обессиленный наиб закурил, как бы пытаясь утонуть, спрятаться в синем табачном дыму. Потом достал письмо и сжег его. Смотрел на пламя так, будто не письмо горело, а горела его вера, его надежды.

Хлопнув в ладоши, наиб позвал:

— Эй, кто там!

Вбежал Джабег и застыл у порога.

— Не пускайте ко мне никого, я хочу немного отдохнуть.

— Да, наиб, но к воротам только что подъехал поляк.

— Какой еще поляк? — недовольно сморщившись, спросил наиб.

— Лапинский. Этот... разговорчивый.

— Замолчи! Что ты так неуважительно говоришь о моем госте! С кем он приехал?

— Со своими охранниками.

— Если с ним Штох и Станкевич, пропусти их вместе с Лапинским, а если нет — только его одного. И чтоб тихо было, чтоб не шлялись там за дверью! Никого из своих, кто бы он ни был, не пускать.

Показался Лапинский в дверях, Магомет-Амин широко улыбаясь, встретил его. В то же время понял — не с добром он приехал.

— Добро пожаловать, Теофил. Ты легок на помине, я только что думал о тебе. Проходи, рассказывай, какие новости у вас, какую радость привез нам.

— В нашей стороне радость уже давным-давно не живет, уважаемый наиб.

«Почему он такой бледный, чем так расстроен?» — подумал Магомет-Амин, и, не переставая улыбаться, сочувственно сказал:

— Конечно, Теофил, откуда взяться радости в наших краях в наше время. Идет война, льется кровь. Ты такой бледный, наверно, плохо переносишь горную дорогу?

— А-а, при чем тут дорога! Обида гложет сердце.

— Кто посмел тебя обидеть в Черкесии, Теофил?

— Нас выгоняют из Шапсугии. Говорят, мы им больше не нужны.

— Кто это говорит?! — возмущенно спросил наиб.— Тфокотли?!

— Сафербий Зан. Да и тфокотли стали коситься на моих ребят.

— Что это с ними?

— Сафербий Зан хочет мириться с Россией, и тфокотли его поддерживают.

— Этого мы не должны им позволить! Пусть об этом и не мечтают! — воскликнул наиб и вспомнил письмо Шамиля, свои мысли по этому поводу, и еще подумал, если Сафербий замирится, то следом за ним пойдут и хакучинцы, а наиб со своими абадзехами и убыхами останется один на один перед огромным царским войском.— Сафербий так прямо и сказал, что вы больше не нужны здесь?

— Да, наиб. Не только мы, но так же и турки, англичане и французы не нужны.

— А что говорит Карбатыр?

— Не знаю. Пока мы разговаривали с Сафербием, он молчал, а когда провожал нас из аула, ничего в поддержку отца не сказал, как я его не выспрашивал.

— Молчал. Не поддерживал. Это очень хорошо! — обрадовался наиб и добавил: — Конечно, что-то есть между отцом и сыном. Мы должны использовать разногласие между отцом и сыном. Ты, Теофил, не уходи из Шапсугии. Не торопись.

— А куда я по весенней распутице поведу войско, как пушки вывезу?

До поздней ночи Магомет-Амин и Теофил просидели в кунацкой, думали, как им поссорить отца с сыном, и как лучше теперь использовать оставшиеся четыреста легионеров с пятью пушками.

Утром их застал гонец, срочно присланный из Туапсе.

Магомет-Амин с сотней всадников своей охраны и Лапинский с легионерами без промедления отправились в путь.

От Жагуфа до Туапсе полдневная верховая езда, а если не жалеть лошадей, можно добраться и за меньшее время. Недобрая весть вынуждала наиба не жалеть коней: туапсинские шапсуги-хакучинцы подняли бунт!

Из-за чего, почему?

Несколько месяцев назад они отказались подчиняться распоряжениям князя Сафербия, целиком поддерживали Магомет-Амина, и вдруг такое!

Они построили в Туапсе дом для мехкаме, каждая семья выделяла вооруженного всадника для общего военного дела, все шло по-хорошему. Председателем округа наиб назначил привезенного с собою из Сирии Хаджи-Хасана. Тфокотли не очень приветствовали это, но и не возражали особенно.

— Где гонец? — кликнул наиб.

— Здесь, наиб,— подскакал к нему гонец.

— Что там случилось, из-за чего сыр-бор загорелся?

— Не знаю, наиб. Мне сказали — скачи, и я поскакал.

— Без огня дыма не бывает.

— Говорят, будто из-за старшины Хаджи-Хасана,— робко докладывал гонец.

— Что он там натворил?! — совсем рассердился наиб.

— Груб, говорят, очень.

Из-за поворота выскочили всадники — одни гнались за другими. Впереди мчался Хаджи-Хасан. Подскакав, он скатился с коня, упал на колени перед Магомет-Амином, протянул руки:

— Умоляю, спаси, наиб! Эти черкесы совсем озверели!

Магомет-Амин привстал на стременах, поднял руку, требуя преследователей Хаджи-Хасана остановиться.

Вздыбливая храпевших коней, всадники с трудом остановились.

Указывая плеткой на Хаджи-Хасана, стоящего на коленях, наиб спросил:

— В чем он виноват, достопочтенные хакучинцы?

Один из хакучинцев, выступив вперед, грозно глазея на Хаджи-Хасана, сказал:

— Мы не в обиде на тебя, наиб. Пусть даже ты поставил над нами старшиной турецкого крепостного, но такого ненасытного хапугу еще никогда не видели у нас, а поэтому мы и возвращаем его тебе.

Абадзехам не понравилось, что хакучинцы так разговаривают с наибом, и они зашумели, готовые ринуться в драку, но наиб поднял руку, требуя тишины:

— Вы его обвиняете в том, что он крепостной или хапуга?

— Если я с них требовал налог для мехкаме, значит, я хапуга? — попробовал возразить Хаджи-Хасан.

— Молчать! — приказал ему наиб.

— Верно и то и другое, но самое большое зло в том, что этот многоженец хотел насильно взять себе в жены девушку. Со своей охраной напал на ее семью.

— Это верно?! Сукин ты сын. Ну-ка, встань! — гневно приказал наиб Хаджи-Хасану со всего маха врезав по его спине плеткой.— Садись на коня и за мной! Быстро! — Потом приложив руку к сердцу, наиб обратился к хакучинцам.— Прошу простить и не держать на меня зла.

IV

Сафербию было уже далеко за семьдесят, старость совсем согнула его, однако он месяц не слезал с коня. Побывал в Бжедугии у Асланбеча Хаджемукова, к которому Газар Серебряков прислал русского офицера.

Письмо к царю Сафербий основательно переработал. По тону сделал более уважительным, смягчил концовку, оно теперь стало таким, каким должно было быть письмо от подданого к монарху. Вручил его офицеру, отправлявшемуся в Санкт-Петербург. Этот офицер имел доступ ко двору и должен был передать письмо прямо в руки государя. В знак благодарности Сафербий подарил офицеру серебряный кинжал и старинный черкесский пистолет.

Горные дороги Абадзехии стали опасны, но дорога через реку Иль в натухайские земли еще опасней. Через каждые сотни метров стояли казачьи дозоры. Усиленно охранялась дорога из Анапы через Новороссийск, Екатеринодар в Ставрополь. Не только сама дорога, а и ее окрестности. Совершенно вроде бы в стороне от тракта, где-нибудь в чаще леса или на глухом перекрестке тропинок путников то и дело подкарауливали посты. Любопытнее всего то, что среди этой самой охраны, среди пеших и конных встречались и адыги. Сафербий неоднократно видел их. При чем, эти адыги были куда придирчивее казаков, куда ретивее несли свою службу. От казаков еще можно было уйти, а от адыгов, мастеров верховой езды, рожденных и выросших на горных и лесных тропах, не уйдешь. И уж тут такое завязывалось, когда сходились братья по крови, что упаси Аллах быть свидетелем!

Жестоки, немилосердны и мстительны были также и воины Карбатыра. Они не только расправлялись с самими предателями, но с их семьями, разоряли, жгли дома. И

абадзехи не уступали им в жестокости. Они и раньше недолюбливали бжедугов, а теперь ненависть выплеснулась наружу, и катились головы на землю, набрякала кровью земля.

Сафербий со своими спутниками, миновав Сэлтык и держась левого берега Кубани, подъехал к Четукскому лесу. Князь сказал:

— Нам надо, обходя стороной бжедугские аулы, глухими тропами добраться до Абадзехии. Надо, Карбатыр, поторапливаться. Пусть трое поедут впереди, а другие трое — прикроют нас сзади. Надо быть крайне осторожным.

— Да, отец, так будет,— двусмысленно улыбнувшись, ответил Карбатыр и скомандовал: — Трам, ты пойдешь с двумя впереди, а ты, Хапат, — позади. С нами, отец, ты можешь быть совершенно спокойным.

Карбатыр знал манеру отца, ждал — отец обязательно ответит. И он через какое-то время ответил:

— Я не опасаюсь, когда со мною Хагур и ты, мои боевые, храбрые товарищи. Я только хотел сказать, в этих бжедугских лесах, на этих холмах погибли многие достойные мужи. Осторожность — составная часть мужества... Мне хочется поговорить о другом. Мы с вами так заботимся о самобытности нашего народа, хотим сохранить его культуру, а сам народ, да простит меня Аллах, не очень-то ею дорожит. Не успели бжедуги еще и пожить с казаками, только-только, соприкоснулись с ними, а уже перенимают их дурные привычки, всякие пошлые базарные слова, заискивают перед ними. Что ты думаешь по этому поводу, Хагур?

Пожал плечами Нурмагомет:

— Не знаю, что и сказать. О своем народе грешно плохо говорить, но получается, что ты прав, так оно и есть.

— Нет,— вмешался Карбатыр,— как ни болтай по-русски, русским не станешь. Русские — народ ушлый. Базары пооткрывали, торговлю развернули и дурят наивных.

— Но мы сейчас заговорили об адыгах,— перебил сына Сафербий,— зачем же ты сворачиваешь в сторону. Мы на своих хасэ, в кунацких столько кричали о нашей свободе, самостоятельности, культуре, столько крови пролили, а зачем? Чтобы вот так просто отказаться от самих себя, как это делают некоторые бжедуги?.. Люди наши — не дураки. Это мы с вами такие умные, это они с нас и берут

пример. Ты, я, Газар Серебряков, Хан-Гирей и многие другие офицеры русской армии. Прекрасно сшитые мундиры, золотые погоны, хорошее жалование. Ты говоришь, русские торговлю открыли, дурят на базарах бедных адыгов. А нас с тобою кто одурачил, прельстил? Чего я добивался, чего добился?!

— Отец,— мягко перебил Карбатыр,— зачем ты себя казнишь? Не только тебе и другим не удалось сделать Черкесию самостоятельной, свободной. Хан-Гирей хотел быть черкесским наместником царя, Газар Серебряков, Асланбеч Хаджемуков тоже подумывали. Что теперь об этом говорить, сердце свое рвать.

Сафербий с благодарностью посмотрел на сына и осторожно спросил:

— А что же нам теперь делать?

— Продолжать борьбу,— сказал Карбатыр.

Сафербий придержал коня:

— На кого ты надеешься?! На англичан, французов, турок или поляков? Ты еще не устал, не облысел от их обещаний? А я состарился, чуть ли не в двое согнулся под тяжестью этих обещаний. Сколько погибло адыгов, сколько разрушено наших аулов, сколько ходит людей, искалеченных в боях? Небо выцвело, солнце потускнело, луна сморщилась, а они все обещают, обещают, а мы все ждем и все кичимся своей удалью, своим мужеством. А ты — продолжать борьбу...

— Тят!

— Помолчи!

Услышав впереди топот лошадей, Сафербий с сыном и спутниками взялись за оружие. Оставив с отцом Хагура, Карбатыр ринулся вперед и тут же вернулся. Трам и охранники вели двух всадников. Глядя на подростков, ловко сидевших на конях, Сафербий спросил:

— Кто эти?

— Увидев нас, они бросились в кусты. Какие-то подозрительные мальчишки,— ответил Трам.

Старший, лет пятнадцати, был одет в штаны с красными лампасами. У младшего — кубанка с красным верхом, она была для него велика, надвигалась до самых бровей. На ногах у мальчишек — солдатские сапоги.

Пристально оглядел мальчишек Сафербий и ему стало не по себе, спросил:

— Чьи вы будете?

— Из рода Кушу, из аула Вочепший,— ответил, который постарше.

— Откуда и куда путь держите?

— Коней прогуливаем.

— Вочепшийцы, говоришь? Это те, что клялись наибу на Коране? — усмехнулся Сафербий.

Старший парнишка так и подскочил в седле, вспыхнув глазенками:

— Нет! Вочепшийцы не клялись! Наиб кричал на них, плеткой махал, грозился, но мы не склонились!

Улыбнулся Сафербий: «мы не склонились».

— Хорошо, молодцы вы. Что ж, счастливого пути, только не очень ли далеко вы ушли от аула? Время тревожное, надо быть осмотрительнее.

— Погоди-ка! — остановил мальчишек Карбатыр.— Покажитесь еще раз зиусхану. Что это за одежда на вас?

Мальчики не сразу поняли, чего хотят от них, недоуменно поглядывая друг на друга.

— Я говорю об одежде. Где ты взял красноверхую кубанку?

Парнишка мигом стащил с головы кубанку и сунул ее за пазуху.

— Отец с войны привез,— не без гордости ответил он.

— А ты где взял казачьи штаны? — презрительно морщась, спросил Карбатыр и кончиком кинжала задел штанину и распорол ее снизу до верху.— Ты весь провонял свинным салом!

— Опомнись, Карбатыр, что ты делаешь! — отец направил своего коня на сына и хватил его плеткой по спине.

Взвился в гневе Карбатыр:

— Отец, как ты можешь!

Сафербий, не обращая внимания на сына, подъехал к старшему из подростков и протянул ему русский золотой:

— Возьми, сынок, пусть отец купит вам все нужное. И не обижайтесь на нас за глупое поведение молодого зиусхана.

Сафербий тронул коня и неторопливой рысью поскакал.

Никому не понравилось поведение Карбатыра. Да и сам он был крайне смущен и потому не занял своего обыч-

ного места — справа от отца. Теперь там был Трам, а слева — Нурмагомет.

Все чувствовали себя неловко после случившегося и ехали молча. Потом Карбатыр как-то бесстрастно-спокойно проговорил:

— Не потому что я обижен на тебя, отец, нет. Просто таково мое истинное мнение: до сих пор я слушался тебя, не выходил из твоей отцовской власти, теперь же наши пути разошлись. Я не могу примириться с теми, кто столько пролил крови адыгов. Да и у тебя ничего не выйдет. Не обессудь, отец, но я возвращаюсь в Натухай.

Оскорбиться бы князю Сафербию, но этого не случилось. Он посмотрел сыну вслед, посмотрел как бы поверх него вдаль и отстраненно, негромко сказал:

— Трам, не бросим же мы в такое тревожное время нашего зиусхана одного в пути. Поезжай за ним, будь с ним рядом.

Хатырбая Цея, к которому ехал Сафербий, не оказалось дома, он уехал в Убыхию.

Узнав об этом, Сафербий вдруг как-то обмяк весь, обессилел, Сафербию показалось, что он даже в седло не сможет подняться. Правда, делать ему этого и не пришлось: хозяева не могли отпустить такого важного гостя. Провели князя с почестями в кунацкую, собрали обед. Сафербий сидел в кунацкой, а мыслями был далеко: то вспомнился ему Карбатыр в гневе против мальчишек, то сами мальчишечки, так гордившиеся отцовскими трофеями. То русский офицер с его письмом к царю, то российский император Николай I при золотых эполетах, с «Андреем Первозванным» на груди.

Пусть бы император приказал расстрелять, повесить самого князя Сафербия Зана, сына Магомчерия, только бы дал покой многострадальной Черкесии, честолюбивым, но неразумным адыгам.

После обеда, немного времени подождав, Сафербий поднялся из-за стола:

— Не будем время терять, раз Хатырбай поехал в Убыхию, то на обратном пути обязательно заедет к нам.

— Верно, зиусхан,— согласился старший сын Хатырбая,— отец и говорил, что обязательно заедет в Куматыр на обратном пути. Он поехал в Убыхию, узнав о коварных делишках наиба.

Встревожился Сафербий:

— А что там случилось?

— Собирается замиряться с Россией.

— Странно! — князь взволнованно прошелся по комнате.— Зачем же наиб делает из этого тайну? Наконец, он прозрел. Едем! Благодарим вас за хлеб-соль, всего вам доброго.

И тепло и тревожно стало на душе у Сафербия, когда они тронулись в обратный путь. Тепло — мир придет в Черкесию, а тревожно, обидно, потому что наиб вроде бы как перехватил, похитил его идею, его многолетнее стремление к миру. Что же получается, подумал князь, мир нам принесет чужак! А если это всего лишь какая-нибудь новая уловка наиба? Плохо вдут дела в Дагестане, вот он что-то и замышляет.

— Хагур, скажи, пожалуйста, не прослышал ли наиб о нашем с тобою намерении и решился ли он перехватить нашу мысль, опередить нас? Однако о нашем намерении ведь никто еще в Черкесии и не знает кроме меня, тебя и Карбатыра. Как ты считаешь?

— Не думаю, зиусхан. У него наверно свои мысли, соображения. Возможно, Лапинский надавил на него? Или он просто испугался того, что ты отказался от легиона?

— Я тоже думал об этом, однако легион так и не ушел до сих пор из Шапсугии. И Джеймс надулся на нас из-за Лапинского, совсем носа к нам не кажет.

— Пусть он обижается на тех, кто его послал сюда,— буркнул в свои усы Хагур.— Это мы должны на него обижаться, на англичан, которые говорят, говорят, а дела нет. Больше того, зиусхан, все они почему-то нас во всем и винят, получается, мы всем что-то должны.

— Верно, Хагур,— тяжело вздохнув, согласился Сафербий.— И все же: что затевает наиб? Хапат, скачи в Дахап и скажи Тиму Некрасу — пусть немедленно направляется к нам, мы вместе поедем в Убыхию. Если где-нибудь в дороге застанешь Хатырбая, его тоже прихвати.

V

Мысль о замирении с Россией действительно возбудил у наиба Лапинский, когда в прошлом году приезжал к

нему с жалобой на Зана. Неспроста, думал Магомет-Амин, Сафербий отказался от легиона Лапинского, наверняка собирается примириться с русскими. Это его давняя мечта, и теперь, видно, она у него окончательно созрела. Старый лис, он задумал меня обскакать. Не выйдет!

Почти полвека длилась кровавая кавказская война, только слепой мог не видеть, что будущий год ничего не может принести доброго. И вообще, Россия уже основательно подмяла под себя Чечню, Дагестан, и это же будет с Черкесией.

Узнав о том, что Сафербий побывал в Абадзехии, наиб спросил у Джимова:

— Что он там делал, меня не искал?

— Он был в Верхней Абадзехии,— уклонился от ответа Джабраил,— Цея искал, да не нашел.

— Как же он его найдет, если тот все время болтается в Убыхии. Мало ему Верхней Абадзехии! Нервничал наиб, поглядывая в окно.

— Валлахи, если бы я знал, что Зан будет в Абадзехии, обязательно бы встретился с ним. Что ж ты меня не предупредил?

— Я тоже не знал.

— Плохо, если мой верный помощник и глух и слеп! Где видели князя?

— Говорят, направился в Дахап, должно быть, к Тиму Некрасу.

— Может быть, послать туда гонца?

— Зачем? Мол, Магомет-Амин хочет его видеть,— сказал наиб и засмеялся.— Что я значу для князя Сафербия Зана? Однако, если бы узнал, зачем он мне нужен, не проехал бы мимо. И все же: быстренько пошли гонца, пусть Сафербий подождет меня в доме Тима Некраса. И моего коня готовьте... Сколько, ты думаешь, всадников с Заном?

— Говорят, не больше десятка.

— Не густо. Не боится разъезжать по Абадзехии, надеется, что абадзехи все еще уважают его. Ладно, я тоже возьму с собой не больше десятка.

Очень удивился Джимов такому скоропалительному, неожиданному решению наиба.

Что задумал этот хитрец? Какую новую петлю закручивает? — подумал Джимов и, не удержавшись, сказал:

— Прости, наиб. Зан, как ты знаешь, трудный, непредсказуемый человек. Не оскорбит ли он тебя?

— Думаю, до этого не дойдет, только бы застать его в Абадзехии.

— Поехать-то поедем,— как-то про себя спросил Джимов,— но к добру или к худу будет эта поездка?

Магомет-Амину было не до Джимова. Его уже целиком поглотила мысль о замирении с Россией. Война шла к концу, теперь надо было достойно ее завершить. Но как? Вспышкой гнева и яростного кровопролития или тихим, разумным соглашением?

Наши бесконечные междоусобицы, подумал наиб, борьба за первенство между князьями ничего, кроме бед не принесли. То же самое происходило и в Дагестане и в Чечне. Если бы хоть теперь Сафербий Зан поубавил свою спесь, послушался моего доброго совета, мы бы вместе нашли мудрое решение. Мы обязаны найти выход из этой кровавой бойни, обязаны во имя правоверных, чей хлеб-соль я ел, чьим добрым доверием пользовался, кто открыл мне свою душу. Помоги, Аллах, научи, как вести себя с Заном, чтобы не оскорбить его, чтобы добром решить дело, уже совершенно необходимое для всей Черкесии, для правоверных мусульман.

Джимов долго ждал ответа на свой вопрос: все поглядывал на наиба, сердито осаживал своего коня, но все бесполезно — наиб молчал, он был своими думами уже в Дагестане.

О Аллах, принеси хоть какое-нибудь известие об имаме Шамиле. Скажи, как сейчас дела у него? Если мы замиримся с гяурами, это вовсе не значит, о Аллах, что изменим своей вере, выйдем из-под Твоей милости, Твоего закона. Мы просто должны сохранить себя, свои народы для великих дел в будущем.

— Ты что-то сказал, наиб? — не выдержал наконец Джимов, спросил и с опаской глянул на своего грозного спутника.

— Нет. Все думаю над твоим вопросом, Джабраил. Зачем едем, к добру или к худу наша поездка? Нет добра на этой земле. Одни бесконечные беды. Бесконечные распри измучили нас. Я думал, что я силен и молод по сравнению с Сафербием, но ведь и я уже подошел вплотную к пятому десятку и совсем состарился Зан.

— Он едва держится на коне, сильно сдал, говорят.

— Как же он одолел поездку из Натухая в Бжедугию, оттуда в Абадзехию и в Убыхию? Видно, все-таки еще пока держится в седле. А вот с Теофилом Лапинским поступил он не умно. Я бы сказал, жестоко.

— Валлахи, это так.

— Если он и в самом деле окончательно отказался от легиона Лапинского, то я с почестью приглашу Теофила и его отряд в Абадзехию.

— Верно, наиб, его помощь нам не помешает. Хватит нам прикрывать натухайцев!

— Пусть Сафербий уступит нам хотя бы половину легиона Лапинского.

— Но ведь он совсем от него отказался. Зачем же нам только половина, наиб? Есть у нас и еда для них, и обмундирование, и квартиры найдем.

Чем дольше они ехали, тем тревожнее становились мысли Магомет-Амина, возникали сомнения, он их всячески отгонял от себя, обращаясь к Аллаху.

Поднявшись на взгорок, они увидели на противоположном холме небольшую группу всадников, впереди которой скакали двое.

— Это Зан со своими спутниками, а те двое — наши нарочные,— сказал Джимов.

Наиб дал рукою знак и его всадники остановились.

Придержали своих коней и натухайцы.

К абадзехам, поприветствовав их, подъехал Хагур:

— Нам передали, что ты, наиб, хочешь видеть предводителя адыгов зиусхана Сафербия Зана. Он здесь и ждет тебя.

Наиб тронул коня к натухайцам, но Хагур преградил ему дорогу:

— Оставь здесь коня и оружие.

Абадзехи возмущенно зашумели, но наиб решительным жестом остановил их и повиновался Хагуру.

Он пошел неторопливыми шагами туда, где сидел на камне Сафербий.

Осталось еще несколько шагов, наиб остановился.

Поднялся Сафербий, приложил руку к сердцу, слегка поклонился, указал жестом на противоположный камень. Дождался пока тот поудобнее сел:

— Я слушаю тебя, наиб.

— Зиусхан, мне передали, что ты приехал в Абадзехию, и мне захотелось встретиться с тобою,— не без некоторого волнения начал Магомет-Амин.

— А если бы я не приехал в Абадзехию?

Наиб качнул головой в чалме:

— Думаю, не следует нам сейчас устраивать перепалку, разве у нас их было мало... Мои сомнения, думы привели бы меня в Натухай. Так я считаю.

— Прошу прощения. Слушаю.

— В очень тяжелое положение мы попали, зиусхан.

— Не сегодня это случилось. Много воды утекло с той поры, как это началось. Хорошо, что ты хотя бы сейчас это осознал.

— Русско-кавказская война идет к своему концу. У адыгов нет больше сил воевать, они истекают кровью.

— И кто в этом виноват?

— Предводители. И ты, и я, и Берзедж, и Цей, и Хаджемуков, и Болотоков.

— Согласен с тобой, но думаю, больше всех в этом повинен ты.

Наиб печально улыбнулся:

— Мне очень будет жалко, князь, если наша встреча закончится ссорой. Я говорю, Черкесия истекает кровью, она не может больше противостоять России.

— Получается, что полувековая наша борьба закончилась для нас ничем? Нам только и остается в скорби склонить свои головы?

Наиб сделал вид, что не слышал этих слов князя и продолжал:

— Думаю, ты правильно сделал, что отказался от услуг легионов Лапинского.

— Рад слышать,— словно бы равнодушно сказал Сафербий. Выдержал некоторое время молча, потом продолжил: — Выходит, ты подводишь черту под мужественной борьбой адыгов. Ты хочешь замириться с Россией, но захотят ли этого абадзехи?! Ты спрашивал их об этом? — неожиданно резко спросил Сафербий.

— У них нет иного выхода, князь! — тоже повысил голос наиб, но тут же унял себя, продолжая уже спокойным тоном: — Абадзехи послушают тебя и меня, они пока верят нам. Если мы с тобою объединим наши усилия, мы добьемся успеха. За эти годы я много принимал верных решений,

но больше ошибочных. Самая большая моя ошибка, что не послушался тебя, не помог адыгские племена объединить в единое государство. Если бы адыги объединились, они бы одержали победу.

— Ты ошибаешься, Магомет-Амин,— впервые Сафербий назвал наиба по имени.— Вряд ли бы это помогло устоять против такой могучей державы, как Россия. Но я понял тебя, наиб, и обдумаю твое предложение.

— О моих намерениях, князь, никто не знает. Можешь быть спокоен,— слегка усмехнувшись, сказал наиб.— Я приму решение и дам тебе знать.

Они поднялись, легкими поклонами простились и пошли каждый в свою сторону.

VI

С тех пор, как Сафербий возвратился из Абадзехии, он не видел сына, но знал о всех его делах, и не потому что устроил за ним слежку, просто слухами земля полнится. Сам Карбатыр уже который день не показывался ему на глаза. Не выдержал, наконец, Сафербий и велел позвать сына.

— Ну, сын мой, какие у нас новости?

— Все нормально, отец, все идет своим чередом.

— Вот как, значит все спокойно, никаких тревог,— усмехнулся Сафербий.

Поняв, куда клонит отец, Карбатыр сказал:

— Стычек с неприятелями у нас не было.

— Пока не будет решен вопрос о нашем замирении с Россией, которого я добиваюсь, на нас будут нападать. Я недавно послал письмо генералу Филипсону. Что же ты стоишь у порога? Проходи садись.— Сафербий с отеческой теплотой посмотрел на сына.

Карбатыр прошел и сел поодаль от отца.

— Думаю,— продолжал Зан-старший,— адыги одобрят меня. Надеюсь, поймут.

— Как же они одобрят, поймут, если не знают о твоих намерениях.

— Узнают, должны узнать. Не сразу, исподволь я буду приучать их к этой мысли. Прежде всего надо, чтобы Лапинский покинул нас. Есть ли новости из Адерби?

— Обижается Теофил. Говорит, я воевал за вас, терял боевых друзей, а теперь оказался ненужным.

— Я его понимаю, но ничего другого предложить не могу. Он собирается уходить?

— Надеется на наиба, ждет его приглашения.

— Напрасно ждет, наиб со мной заодно.

— Да?! — удивленно воскликнул Карбатыр.— И ты веришь ему!..

— На этот раз верю, сын мой,— Сафербий вздохнул тяжко и продолжал: — Иного выхода нет и у наиба... Устали адыги, отчаялись. Прошу тебя — пусть о нашем с тобою разговоре никто не узнает.

— За меня не беспокойся, а о намерениях наиба уже многие догадываются, так что, какой уж тут секрет.

— А ты откуда узнал об этом?

— Тим говорил, да я и сам догадываюсь.

— Во-вий! Пора бы Тиму угомониться. Я же его просил, он дал мне слово, а сам, видишь что делает! Ничего не говорил он о Руфате? Я слышал, что его полк перевели из Дагестана сюда.

— Да. У Шабежской горы расположился. Руфата за храбрость наградили вторым Железным крестом.

— Во какой крепкий парень этот Руфат,— беззлобно, даже с некоторым одобрением проговорил Сафербий.— Что интересного он рассказал?

— Говорил, война в Дагестане кончается. И чеченцев, и дагестанцев загнали глубоко в горы.

— Плохо это для нас. Раз снимают оттуда войска, значит, нам будет жарко.— Задумался князь Сафербий, озабоченным стало его лицо.— Интересно, дошло ли мое письмо к царю?

В комнату вошел Трам:

— Люди Алэбия Хамдоху пришли, зиусхан.— Сказал и с упреком посмотрел на Карбатыра: вот мол, плоды твоего поступка.

— Что они хотят?

— Чтобы ты вышел к ним, зиусхан.

Карбатыр вскипел:

— Мало того, что они заигрывают с казаками, так еще и сюда пришли. Ты что, не мог прогнать их вон?! — выговорил Карбатыр Траму.

Сафербий понял, что к чему и прикрикнул на сына:

— Что ты себе позволяешь?! Или ты уже не адыг?! Гости пришли к тебе, гости. А как полагается по обычаю предков поступать с гостями? Забыл? Так ты можешь однажды и свое имя забыть. Трам, пригласи в дом Хамдоху. Уважительно пригласи, как полагается.

— Приглашал, а они говорят, пусть зиусхан к нам сам выйдет. Требуют.

— Я сам к ним пойду,— все горячился Карбатыр.— Успокойся, зиусхан. Они зовут меня, а не тебя.

Сафербию показалось, что гости настолько разгорячены, так смотрели на него, что скажи им слово Хамдоху, и они разорвут князя, разнесут в щепки его дом.

Увидел это Сафербий и с княжеским спокойствием и достоинством сказал:

— Милости прошу, Алэбий. Что же вы не спешиваетесь? Разве забыли обычаи своих отцов? Или большая обида вас привела к князю Сафербию Зану? Такая большая, что вы не хотите войти в его дом, разговариваете с ним, сидя на конях? Прошу в дом.

Зашумели тфокотли, Хамдоху повелительно поднял руку:

— Большая беда привела нас к тебе, князь. Прошлой ночью Карбатыр со своими людьми набежал к нам в аул и разорил дома десятерых адыгов, что ушли из его войска. Мужчин увез с собою, связав их. Увез пшеницу, кукурузу, просо. Бог с ним с зерном, пускай отпустит наших мужчин, а если не сделает этого, мы отомстим Карбатыру, не посмотрим ни на что — разорим его дом!..

Побледнел князь, а потом побагровел, грудь его высоко вздымалась. Он обернулся и повелел Траму:

— Приведите сюда Карбатыра!

А когда тфокотли направились в дом, он остановил их:

— Не надо! Я сам.— Приложил руку к груди, поклонился всадникам.— Карбатыр, сын мой, опозорил меня своим поступком. Скажите в ауле, я прошу у всех прощения, даю слово, он вернет и ваших мужчин, и зерно, возместит ущерб, который нанес вашим людям. Ради Аллаха, прошу вас простить нас и не держать зла.

Ускакали верховые.

Сафербий, задыхаясь от гнева, вошел в дом, снял со стены плетку, подошел к Карбатыру, стоявшему у окна

спиной к нему, и с такой силой, какая только была еще в его старческих руках, ударил:

— Сукин ты сын, мерзавец! Опозорил меня, мои седины! — Ударил второй раз, третий и, обессилевший, встал с опущенными руками, с опущенной головой.— О Аллах, что мне делать, как мне быть, как перенести такой позор?! Научи, помоги.— Поднял глаза, полные гнева и боли.— Ты сейчас же отпустишь тфокотлей, отвезешь все взятое в ауле. Сию же минуту!

— Отец, я не смогу этого сделать, лучше сними с меня голову,— сказал Карбатыр и пошел к двери. Остановился: — Ты, пожалеешь, отец, что так поступил со мной. Хамдоху, все в том ауле — на стороне казаков. Мне же, отец, в Куматыре больше нечего делать.

Хлопнул Карбатыр дверью так, что задрожал весь дом.

Сафербий, оставшись один, походил по комнате, поднял плетку с пола, повесил ее на стену.

Не следовало мне на старости лет поднимать руку на сына, корил он себя, на князя, на единственного наследника рода Занов. И ради чего я так поступил, так унизил его, ради упрямых тфокотлей?! Хорошо, что не при людях это случилось, спасибо Карбатыру, что стерпел обиду. А тфокотли, как их винить? Они так измучены войной, бесконечными бедами. Как ты, Карбатыр, мог так поступить с твоими братьями? Похоже, ты ничего не понимаешь.

— Трам! — позвал князь, снимая со стены плетку, собираясь в дорогу.— Трам, найдите и отпустите пленников, нагрузите воз пшеницы и воз кукурузы — поедем в Абин. Пошли за Хагуром, пусть он ждет нас на Бастукской горе. Вооруженных людей брать не будем. Где Карбатыр?

— Ускакал. Сказал — в Адерби.

— К Лапинскому?

Трам, не желая вмешиваться в раздор между отцом и сыном, только пожал плечами в ответ.

Узнав, что Сафербий Зан привез в Абин угнанных людей, пшеницу и кукурузу, на околице собралось много народу. Даже из ближних аулов прискакали, получился неожиданный хасэ. Довольно своеобразный — больше слушали Сафербия, ища у него ответы на свои больные вопросы. И он рассказал им обо всем, о чем думал все эти годы. И обвинял адыгов в гордыни, в том, что они много говорят и мало делают. Но больше всего князь обвинял

предводителей племен, которые не могут на благо всей Черкесии договориться между собой, обвинял и себя в своих ошибках.

— Это я пригласил легион Лапинского, думал, они помогут нам отбиться от царских войск, думал, так будет лучше для всех нас, а получилось наоборот. Они нам больше мешают, чем помогают, еще больше обозлили русских.

Зашумели, заговорили люди:

— Царь совсем озверел!

— Мы сами виноваты, нападаем на их крепости, на казаков.

— Они не пускают нас на свои базары, а как нам жить без базара?

— Вон надо выгнать Лапинского!

— Надо нам примиряться с Россией! Живут же с ней, темиргоевцы, бжедуги!

Отступила боль от сердца Сафербия:

— Стало быть, вы так же думаете, как и я! Спасибо вам. Не нужен нам легион Лапинского, нам нужен мир. И вновь вскипели страсти:

— А твой сын Карбатыр заодно с ними!

— Он грабит нас.

Хамдоху пришлось поднять плетку над головой, чтобы успокоить людей.

— К большому моему горю, вы сказали правду. Сын мой поддерживает легион, не хочет мира с Россией. Я уже наказал Карбатыра, можете мне поверить.

На середину вышел старец с кизиловым посохом в руках. Поднял свою тяжелую голову, глянул на Сафербия, и князю показалось, что смотрит на него само глубокое время.

— Послушай, князь, надо твоего сына Карбатыра привести сюда пешим, без шапки, чтобы он увидел глаза этих людей, понял их правду.

— Я сказал вам, тфокотли, говорю и тебе, уважаемый, ваша обида — моя обида. Князь Карбатыр, сын мой, очень плохо поступил. Я наказал его, он раскаялся, а раскаявшегося грешника прощает сам Аллах, простите его и вы.

VII

Наиб молился: Всемилостивый Аллах, прости мои прегрешения! Я ослаб, я устал, но это вовсе не значит, что потерял веру. Дай мне силы, осени меня Своей благодатью. Я жил с адыгами по совести, у меня не было злого умысла. Против них лишь однажды пошел я, против совести, когда Сафербий Зан попытался объединить адыгов в единое государство. Я восстановил против него абадзехов. Я побоялся, что князь Зан возьмет надо мной верх, лишит меня власти. Никто не будет слушать меня, никто не захочет меня знать, и я не смогу выполнить того, с чем я сюда прибыл по просьбе и по приказу Шамиля. Конечно, если бы все адыги объединились, стали единой силой, возможно, царь вел бы себя с ними совершенно иначе. Я понимал это, и хотел этого, но только при том условии, что не Сафербий Зан станет во главе этого государства, а я, наиб великого имама. О, как я был несправедлив: мне нужна была власть над Черкесией, а князю Сафербию — счастье его народа, мир на его земле, и тут, Великий Аллах, возвысь Сафербия и накажи меня... Сегодня на этой многострадальной земле оружие уже ничего не решает, мы это поняли с князем. Мы договорились о примирении с гяурами, прости нам это или укажи другой путь... Но что в Дагестане? Что там?! Я до последнего своего вздоха буду верен имаму.

Искренне молился наиб, верил в то, что говорил, в чем раскаивался, но вот поднялся с коврика, и черной тенью вползли к нему сомнения: почему раньше наиб не слышал, что Зан собирается примиряться с Россией. Верные люди доносили, что ни в Шапсугии, ни в Натухае, ни в Убыхии не собираются якшаться с ней, как бжедуги и темиргойцы. Посылал он человека и к родственнику Сафербия, Тиму Некрасу — тот сказал, что будет биться с гяурами до самой последней капли своей крови. И Карбатыр вроде не собирается мириться. Краем уха наиб слышал о каком-то происшествии на абадзехской дороге. Мальчишки рассказывали — что-то неладное произошло между отцом и сыном. А что именно?! Не подослать ли к Карбатыру своего человека?

Еще одно обстоятельство беспокоило Магомет-Амина. Он стоял у окна, смотрел на горы, одетые в леса, и не видел

их, настолько был погружен в свои думы: почему тайный посланец Турции Тургут-Забыт не едет к нему с письмом Риза-паши. Не столкнулся ли он с Сафербием? Но ведь они с тех пор, как Сафербий в Крымскую войну сбросил турецкие погоны, стали недругами. Но это еще ничего не значит! Сколько угодно случаев, когда бывшие враги становятся друзьями и наоборот. Джеймс Белль тоже хорош, уже давно мог бы приехать в Абадзехию с Тургут-Забытом. А возможно, они к Лапинскому поехали? Там повстречаются и с Карбатыром?

Устал Магомет-Амин от своих мыслей, устал от этих четырех стен комнаты и решил прогуляться. Снял со стены плетку, тут-то, задыхаясь, ввалился Джабег:

— Хорошие вести, наиб! К нам едут гости.

— Наконец, он к нам пожаловал! — воскликнул наиб.— Как ты думаешь, с чем едет?

— Валлахи, не скажу. Лицо у него будто хорошее, а что на душе у этого человека, как увидишь?

— Пригласи их.

— Они еще только поднялись на гору Жагуф.

— А что ж ты мне про лицо, чему радуешься?

— Мои люди так сказали.

— А Берзеджа нет с ними?

— Не видели.

Наиб подошел к окну. Кивнул Джабегу, чтобы тот оставил его одного.

Странно, что с ними нет Берзеджа. Надо пойти их встретить: взволнованные мысли беспорядочно охватили наиба.

— Коня мне! Быстро!

В сопровождении десяти всадников наиб выехал из Жагуфа. Когда гости стали приближаться к аулу, двое верховых, что скакали впереди, стали по бокам наиба, трое других отъехали назад.

— Добро пожаловать, дорогие гости! — приложив руку к груди, приветствовал Магомет-Амин.— Добро пожаловать в Абадзехию, достопочтенный Тургут-Забыт!

Обменявшись приветствиями, все двинулись в Жагуф.

— Извини нас, наиб,— сказал тайный посланец,— что мы задержались с нашим приездом. Никак не могли уложиться в намеченный срок.

— Валлахи, гость, мы долго ждали вас, но хорошо понимали: не все бывает так, как нам хочется. Тут виноваты, наверное, князь Берзедж и Джеймс — они не хотели тебя отпускать. Конечно, такой дорогой гость! — с каплей яда произнес Магомет-Амин.

— Ты не прав, наиб. Джирандук хотел нас вовремя проводить, но в ауле умер почтенный старец, вот мы и задержались.

— Кто бы ни был этот старец, если он мусульманин, пусть Аллах откроет пред ним врата рая! — ответил наиб, немного помолчал благоговейно и потом спросил: — А где сам Джирандук?

— Перед отъездом Лапинский за ним прислал гонца, просил его срочно приехать к нему,— ответил Джеймс.

— С чего бы это так срочно? — не то удивился, не то упрекнул наиб.

— Я тоже спросил, гонец ответил, дескать, не знаю, велено прибыть по очень важному делу.

— О Сафербие Зане не было там речи? — будто про себя сказал наиб.

— Не было, а что? — насторожился Джеймс.

— Я слышал, будто Теофил и Сафербий что-то не ладят между собой.

— Да, наиб,— заговорил все молчавший Тургут-Забыт,— я тоже слышал об этом. Жаль, что князь Сафербий все сидит на своей старой кляче.

— Именно поэтому я и спросил,— улыбнулся Магомет-Амин,— того Зана, которого вы знали раньше, уже давно нет, достопочтенный гость. Он очень переменился, до неузнаваемости.

— В какую сторону? — поинтересовался Джеймс.

— Постарел, даже, я бы сказал, одряхлел князь.

— Ну, если только это?! Тут уж ничего не сделаешь — старость не радость. Я о другом подумал, не переменился ли он в отношении к России,— слукавил Джеймс.

— И это может в нем появиться, старость всегда ищет поддержку у сильных мира сего,— вроде бы бесстрастно проговорил наиб.

— Нет-нет, не может быть! Не должно быть! — возмутился Тургут-Забыт.— Это будет предательство!

Магомет-Амин горестно качнул головой и сказал, будто в защиту Сафербия:

— Конечно, князь Сафербий не позволит себе этого.— Помолчал, пристально поглядывая то на гостя, то на Джеймса, потом, как бы между делом продолжил: — Но если Турция и Англия да и другие не помогают, что прикажете делать, как быть князю? И это еще не все. Вот-вот, как мне известно, Россия закончит свою войну с Дагестаном, и потом всею своей громадой обрушится на нас. Князь Сафербий и я сделали все возможное, даже и невозможное, однако, устали, истекли кровью адыги, дальше так невозможно. Адыги пали духом, и никто не хочет их поддержать, взбодрить делом.

— Не торопитесь, наиб, с выводами,— нервно прервал его гость,— столько терпели, можно потерпеть и еще немного, самую малость.

— Тургут-Забыт привез нам большую надежду, Магомет-Амин,— с некоторой торжественностью заявил Джеймс.

— Ну, если большую надежду! — лукаво усмехнулся наиб.— Тогда, конечно, тогда все воспрянут духом, все поднимутся на борьбу.

Весь день и весь вечер хозяин и гости беседовали. Наиб расспрашивал о своих знакомых в Турции, а тайный посланник о Цее, Некрасе. Говорили о Беслинее, Бжедугии и Темиргойе. Тургут-Забыт хорошо знал о положении в Дагестане и во всех подробностях рассказал Магомет-Амину. Все было именно так, как наиб и предполагал: имам Шамиль оказался в тяжелейшем положении.

— Ты прав, наиб, священная война против России требует больших усилий... Если бы тогда в сухумском сражении Сафербий Зан не предал турецкую армию, теперь все было бы иначе, однако это дело прошлое, и, как говорят, незачем после дождя укрываться буркой. Надо думать о будущем. Я привез вам послание от великого сираскира Риза-паши, в нем говорится, что вас поддерживает весь мусульманский мир. Менее чем через месяц к берегам Черкесии придет несколько кораблей с оружием и воинским снаряжением из Турции и Англии.

«Только и всего?» — подумал наиб. Это и есть та самая надежда? Опять — оружие турецкое, английское, а кровь адыгская?..

— Валлахи, Тургут-Забыт! — воскликнул наиб.— Нужно об этом рассказать и Сафербию. Я сам его видел всего лишь месяц назад.

— Ты встречался с Заном? — очень удивился тайный посланник.— Хотя я и зол на князя Сафербия, мне это приятно слышать.

— Несколько лет мы с ним не виделись, а месяц назад встретились,— наиб глянул на Джеймса, дескать, не выдавай,— но что может дать случайная встреча на обочине дороги. Так, поприветствовали друг друга и разъехались.

Джеймс украдкой усмехнулся: плут ты, наиб, плут. Не даром о тебе говорят, как о человеке змеиной хитрости и коварства. И что там у вас с Заном было, о чем вы говорили один на один? Хитрецы, оба стоящие друг друга.

— Я недавно видел его в Натухае,— улыбнувшись ему, сказал Джеймс.— Он удивительно молодо выглядит для своих лет. Мыслит трезво, остро, без устали ездит на своем резвом рысаке по аулам и призывает адыгов к замирению с Россией.

— Аллах Всемилостивый! — вскричал наиб.— Что я слышу! С каких это пор Сафербий Зан сделался голубем-вестником мира, быть такого не может! Я знаю, как он своим горячим словом поднимал адыгов и легионеров на войну с Россией! Если ты, дорогой Джеймс, говоришь правду, то лучше бы мне никогда не знать Зана, не знать такого позора! Хотя как знать? Возможно, он в чем-то и прав? Все равно, я лично не смог бы сделать такое! Лучше мне погибнуть, чем так круто повернуть свою дорогу, а? — украдкой Магомет-Амин глянул на Тургут-Забыта.

Тот промолчал, словно бы ничего и не слышал.

А Джеймс и вовсе аппетитно зевнул, вроде бы так скучно ему было, так хотелось спать.

— Да-да, время позднее,— сообразив что к чему, сказал Магомет-Амин, хлопнул в ладоши и крикнул: — Эй, кто там есть! Проводите гостей в их комнаты! Доброй вам ночи, гости дорогие. Доброй ночи, Джеймс, а к тебе, Тургут-Забыт, у меня есть одно словечко.

Ушел Джеймс. Наиб досадливо проворчал:

— Надоел мне этот слишком дотошный соглядатай. Все вынюхивает, будь осторожен с ним, дорогой гость. Англичанин знает что в том письме, которое ты мне привез?

— Нет! Не только англичанин, даже я не знаю, что там сказано, просто выполнил поручение Риза-паши. Завтра мы с тобой подробнее обо всем поговорим.

— Хорошо, достопочтенный Тургут-Забыт, спокойной ночи, а Джеймсу вообще не надо было говорить об этом письме.

Развел руками Тургут-Забыт:

— Я едва на берег ступил, как англичанин спросил у меня об этой бумаге.

— Ох, эти англичане-длинноносые хитрецы, везде суются. Но о моем ответе Риза-паше он ни в коем случае не должен знать!

— Тут ты положись на меня.

— Я верю, Тургут-Забыт. Если не тебе, кому же тогда я вообще могу доверять. Ладно, не будем испытывать нервы англичанина,— наиб посмотрел на дверь,— но у меня еще один вопрос к тебе,— наиб шепотом спросил: — Сафербию тоже прислали такую фирменную бумагу, а? Скажи честно.

— Нет, наиб. Я ничего ему не привез. Ты сам знаешь, турки Зана недолюбливают.

— Да, знаю. И все же, я думал, ты привез ему кое-что. Если нет, так нет. Пусть и Сафербий не будет знать всего, что мы с тобой знаем.

— Не скрою, наиб, я хочу с Заном повстречаться. Мне это надо.

— Если надо, значит надо, да вот только будет ли толк в этой встрече. Я не хотел тебе говорить при Джеймсе, но он, кажется, прав: Зан стал поглядывать в сторону России. От старости это у него, от усталости или по другой какой причине. Пойми, я вовсе не охаиваю своего противника, достопочтенный Тургут-Забыт.

— Мы тоже знаем о настроении князя Сафербия, о его разговорах, а потому честно скажем наше мнение о нем, о его делах.

Магомет-Амин улыбнулся:

— И это будет правильно. Спокойной ночи, Тургут-Забыт. Завтра его хорошенько обсудим.— И так посмотрел наиб на дверь, будто знал, что она слышит их разговор.

Проводив гостя, Магомет-Амин несколько раз перечитал письмо Риза-паши, в котором он обещал всяческую поддержку правоверным. Нет, нет и нет, подумал наиб, никакая поддержка извне не повлияет на исход войны и в Черкесии и в Дагестане. Да еще и неизвестно, какая это

поддержка, все очень и очень щедры на обещания, а на дела скромны!

Прочитав письмо, Магомет-Амин тут же написал ответ.

За завтраком он сказал Тургут-Забыту:

— Валлахи, дорогой гость, прости меня, прошлой ночью мы так засиделись, что я даже не смог прочитать письмо, привезенное тобою. Не стану торопиться в таком серьезном и ответственном деле — пока вы будете в Абадзехии, я внимательнейшим образом прочту письмо и постараюсь дать обстоятельнейший ответ. Думаю, так будет лучше. А что ты скажешь, Джеймс?

— Если ты думаешь, что в письме нет ничего срочного или тревожного, то так, пожалуй, лучше не торопиться,— иронично ответил англичанин.

— Нынче все срочное, все тревожное,— как будто не заметив иронии, сказал наиб.— Думаю, Риза-паша подождет день-другой.

Тургут-Забыт согласно кивнул головой.

VIII

Спустя время после отъезда Тургут-Забыта, в конце лета, Джеймс Белль повстречался с Тимом Некрасом:

— Я приехал к тебе, как к глубоко порядочному человеку, настоящему мужчине, которому со спокойной совестью можно довериться.— Очень удивился Тим и с откровенным недоумением посмотрел на англичанина, хотел что-то возразить, но тот поднял руку и продолжал: — То, что я тебе скажу, должно остаться тайной между нами.

Тим ответил спокойно:

— Спасибо, Джеймс, за доверие.

Помолчал немного Джеймс, как бы собираясь с мыслями, и потом с твердостью в голосе заговорил:

— Сафербий при встрече доверился наибу, а тот просто-напросто водит князя за нос. Он сказал Сафербию, что хочет замириться с Россией, а в Турцию пишет совсем другое: — Джеймс достал из кармана свернутый лист бумаги: «Вам внушают, будто мы хотим заключить мир с Россией. Это грубая ложь, это наши с вами общие враги хотят вбить между нами клин. Весь мир знает и видит, как самоотверженно сражаются за свою свободу черкесы. Мы

сражались, сражаемся и будем сражаться до последней капли крови во имя нашего Всемилостивейшего Аллаха. Слово «мир» между нами и русским царем никогда не будет произнесено, Ваше Превосходительство! Мы верны Аллаху, верны вам, можете быть в этом совершенно уверены...» Ну?! — торжествующе глянул Белль на Тима.— Как тебе это нравится?

— Валлахи, Джеймс, какое интересное письмо ты мне прочитал. Хорошо говорит наиб: он не желает замириться с Россией,— ответил Тим.

— Да, но ведь наиб обманывает князя Сафербия!

— И правильно делает, что обманывает, потому что ни я, ни его сын Карбатыр, ни многие другие не хотят мира с гяурами. А ты, Джеймс, дай мне ту бумагу, а?

— Зачем?

— Сафербия подразню!

— Но ведь он спросит: откуда у тебя эта бумага?

— Скажу, Руфат прислал.

— Князь не поверит.

— Поверит. Я так скажу, что обязательно поверит.

— Согласен. Но скажи, Тим, зачем наиб по всей Абадзехии говорит о том, что надо заключить мир с Россией?

— Сдается мне, уважаемый Джеймс, что наш наиб просто надувает адыгов.

Уехал Джеймс. А Тим стал лихорадочно думать о происшедшем разговоре.

Тим терпеть не мог двуличия. Он и раньше подозревал наиба. Вернее сказать, с самых первых дней знакомства Тим видел в нем что-то нечистое, затаенное. Именно поэтому Тим и сложил свои полномочия старшины. И почувствовал себя вольной птицей. Правда, он чтил в наибе предводителя абадзехов. Как тут быть? То наиб стоит против России, то начинает держать сторону Сафербия, поговаривает о замирении, то он — против Турции, а судя по этому письму — служит ей.

Вот тут и разберись, размышляет Тим, Карбатыр с Лапинским рушат все планы Сафербия. Старый князь знает, что я поддерживаю Карбатыра, а не его. Крепко мы с ним из-за этого повздорили. И Хагур тоже хорош, идет следом за Сафербием, советуется с Ракитовым. Это он, Ракитов, сбил с толку и моего Руфата. Как он там, мой блудный сын? Говорят, из Ставрополя его опять в наши

края перевели. А внук спрашивает, где мой отец. Правда, меня побаивается, а бабку совсем замучил вопросами. Внук ты мой внук, дитя ты мое разнесчастное!

Поднявшись в седло, дед сказал внуку:

— Алимбек, позови-ка нану.

Алимбек силится подражать деду, ходит неторопливой, важной походкой. Не кликнул через весь двор бабушку, а сходил за нею.

— Я в Натухай. И к сватьям заеду. Дня через два, может быть, чуть позже, вернусь.

— К родственникам едешь, а с пустыми руками. Надо бы подарок какой-никакой передать.

— Не надо,— буркнул Тим,— не в гости еду, а по важному делу.

— Тат,— серьезно сдвинув брови, сказал внук,— ты поосторожнее в дороге, не ездий мимо гяурской Шабежской крепости...

Риск не риск, опасность не опасность, а поехал в Натухай Тим кратчайшей дорогой. Все думал, как поговорить со сватом Сафербием, как письмо показать и не выдать при этом Джеймса. Надо бы сначала показать письмо Цею, размышлял Тим или Карбатыру? Но как бы не обиделся старый князь! Да и пусть его! Сам-то он посылает гонца к царскому генералу, встречается с ним, унижается. На что надеется!

Поднявшись на гору, глянул Тим на Шабежскую крепость, вспомнил слова внука о том, чтобы берегся дед, проезжая мимо этой казачьей крепости. А еще вспомнил Руфата. Что же ты наделал, сын мой?! Против родного отца воюешь. И за кого?! Аллах тебе этого не простит, отправит по мосту в ад. О Великий, о Вседобрый, Ты прощаешь грешников, прости моего непутевого сына, а еще лучше наставь его на путь истины, побуди его вернуться к нам, к нашей вере!

Недалеко от Куматыра Тима догнали всадники.

— Эй, что случилось? Куда вы так спешите?

— Абадзехи замирились с Россией! А еще — в Дагестане пленили Шамиля! В Натухае, в Шапсугии и Убыхии наступают царские войска! На хасэ мы спешим.

— Подождите, что вы говорите, разве такое может быть? — встревожился Тим.

Всадники ничего ему больше не сказали, проскакали мимо. И он поскакал за ними.

Хасэ, собравшееся на поляне Белых Камней, было недолгим.

Лапинский коротко, но горячо сказал:

— Слово адыгов — мое слово, их оружие — мое оружие, их честь — моя честь!

Потом выступил Сафербий:

— ...Меня, как и всех вас, потрясла предательская весть из Абадзехии. Вы знаете, что я и наиб договорились о замирении с Россией. Кроме этого, я не раз обращался с предложением замириться к генералу Филипсону и к самому царю. И что же?! Они, в который раз, опять обманули нас, их войска наступают на наши земли. Говорят, они замирились только с абадзехами, но попомните мое слово, это замирение абадзехам выйдет боком! Что же нам делать? Не можем же мы снять с себя оружие и молча сдаться вероломному врагу! Это будет означать наш позор. Нет у нас иного выхода, как только сражаться! Или погибнем, или отстоим свою честь!

Одни прямо с этого, самого короткого за всю историю хасэ, поскакали туда, где уже кипела битва. Другие вернулись домой только за тем, чтобы поднять на бой всех остальных, вооружаться, запастись всем необходимым для бранной жизни.

Карбатыр и Лапинский повели своих воинов в сторону Адерби.

Другая колонна с Сафербием Заном, Нурмагометом Хагуром, Трамом и Тимом Некрасом направились к Шабежской крепости.

Тим все выбирал удобный момент, чтобы сказать Сафербию о письме наиба. Выбрал наконец:

— Наиб обманул нас, князь.

— Это первый раз, что ли?

Тим подал Сафербию письмо:

— Почитай, что он написал туркам.

Князь придержал коня. Прочитал.

— Это когда же он написал? Наверное, когда у него был Тургут-Забыт? Я знал, что он так поступит. Ты слышишь, Хагур, наиб пишет туркам, что Черкесия без их ведома не замирится с Россией.

— Не-ет, после всего, что случилось,— твердо заговорил Тим,— мы ни за что не замиримся с ней. Лучше погибнуть, чем покориться ей.

— А ведь все это странно,— задумчиво, как бы самому себе сказал Сафербий,— в этот раз наиб не обманул меня, замирился с Россией.

IX

Если бы не горестная весть о судьбе Шамиля, Магомет-Амин так быстро не пошел бы на мир с ними. Нарочный от генерала Филипсона привез наибу письмо, написанное самим имамом, переданное генералу наместником Кавказа, фельдмаршалом Барятинским. В тот же день, никому ничего не говоря, ни с кем не советуясь, он написал Филипсону, что складывает оружие перед царскими войсками. В этот же день он верным своим старшинам сказал о трагедии Шамиля, о своем замирении с Россией.

На следующий день собралось абадзехское хасэ, которое и приняло, утвердило решение своего предводителя.

Теперь Магомет-Амин был озабочен лишь одним: быстрее закончить примирение, как знать, может, там, в России он еще понадобится имаму, которому Аллах послал такое великое испытание.

Странные, даже смешные эти создания, люди: как враждовали, сколько крови пролили, какой ненавистью горели друг к другу, но вот еще и замириться как следует не успели, все забыто, уже торгуют одни с другими, здороваются друг с другом за руку.

Наиб уже не посланец Шамиля, а просто предводитель абадзехов. Магомет-Амин вспомнил слова из своего письма Сафербию Зану: «Я свое слово сдержал, примирил абадзехов с Россией, а теперь дело за тобой, попробуй примирить шапсугов с ними». Когда он писал эти строки, шапсуги еще не воевали в открытую, но наиб знал, что вот-вот случится неотвратимое. Теперь посмотрим, злорадствовал наиб, как ты станешь черкесским царем! Очень интересно. Сколько раз ты перебегал мне дорогу, грозился, боясь, что я стану предводителем всех адыгов. Где твоя молодость, где твоя сила, князь! И что теперь значит Берзедж, Цей, Некрас, твой сын Карбатыр. Куда там черкесам, если Чечня, Дагестан не смогли выстоять против России!..

Вдруг наибом овладела какая-то восторженная радость. Наверное, оттого, что он все-таки обскакал князя Сафербия Зана, сына Магомчерия. Он взбодрил своего коня шпорами, крикнул:

— Эй, Джабег! Давай-ка поскачем наперегонки! — и хлестнул плеткой коня.

Они помчались по просторной долине, под высоким осенним небом.

Наиб вырвался вперед, Джабег отстал от него.

Насладившись быстрой скачкой, пением ветра в ушах, вроде бы и вовсе не скачкой, а полетом, он придержал своего коня:

— Что это за кляча у тебя, Джабег! Не конь, а черепаха какая-то! Это тебе не к лицу.

— Конь у меня добрый, наиб. Надежный. Сколько раз выручал меня из беды.

— Так почему же он так позорно отстал? — все веселился наиб.

— Разве есть такой конь во всей Черкесии, который мог бы сравниться с твоим! Мы всех лошадей Абадзехии перебрали, пока нашли тебе достойного. Если бы этот конь был не твой, я давно бы его увел. Это не конь, а большое богатство, дороже золота.

— А если бы это был конь Зана или Берзеджа?

— Да будь хоть и самого русского царя — увел бы.

Приятно удивленный, польщенный, наиб благодарно улыбнулся Джабегу:

— Ну с царем меня сравниваешь зря, это уж слишком.

— Нет, наиб, не слишком, для абадзехов ты в сто раз больше царя, да продлятся твои счастливые дни.

— Пошли нам Аллах счастья после замирения с Россией. Что ждет нас, всемогущий?

Джабег ничего не ответил, он уже думал о чем-то своем.

Задумался и наиб.

Сколько же лет он провел в Абадзехии? Много. Сколько же натерпелся он здесь в самом начале своего пути, пока не возвысился до предводителя. И ему уже как предводителю было и больно, и обидно, если страдали абадзехи: действительно, их боль стала его болью. Возникли, сложились здесь у него и родственные связи, как у зятя. Теперь надо было уходить. И уходить с достоинством. Шамиля пленили русские, если бы они пленили и

его, наиба, возможно, даже потом отправили бы к Шамилю. Это было бы очень хорошо, но адыги превыше всего ценят мужество, а если он сдастся в плен? Это позор! Да и какой плен, если уже наступил между абадзехами и царем мир! Но если я решу соединиться любым способом с имамом, рассуждал наиб, абадзехи не только поймут меня, но и высоко оценят этот поступок... Хрупкий этот мир. Не от любви к абадзехам заключил его Филипсон. Вот перебросят они свои войска из Дагестана, раздавят шапсугов, потом и абадзехам скажут твердое хозяйское слово, потребуют беспрекословной покорности. Мужественный вы народ, адыги, мужественный, свободолюбивый, но безжалостные жернова истории перемелят вас в прах. Спаси, сохрани и помилуй нас, Всевышний...

Магомет-Амин поднял голову и залюбовался далекими белыми вершинами гор, лесом удивительной поры ранней осени, когда листва на деревьях не увядает, а вспыхивает радугой ярких цветов, почти сказочной красотой. И южное здешнее небо — тоже удивительное. Наиб подумал, что эта красота, щедрость здешней земли — это почти господнее наказание: не могут на такой чудесной земле, под таким чудесным небом жить серые, скучные, равнодушные люди: вот и горят сердца адыгов любовью к этому краю, эта любовь не дает им возможности покинуть его, предать его, не дает возможности быть рабами.

Мысли Магомет-Амина прервал Джабег:

— Растолкуй, наиб. Если мы запросили мира у царя, значит, покорились ему? Но ведь это все равно, что мы сдались в плен? Так я понимаю моими маленькими мозгами, достопочтенный наиб? Растолкуй. Выходит, и ты их пленник? Нет, нет! Нельзя, абадзехи не допустят твоего позора!

— Ты прав, не дадут меня в обиду, Джабег, знаю, верю, низко кланяюсь абадзехам за это, но тут есть одна тонкость. Ты мудрый человек, поймешь меня. Мой великий учитель, учитель всех мусульман Кавказа, имам Шамиль, в большой беде, он у русского царя, я не могу, не имею права оставить там его одного, я должен быть с ним рядом, должен подставить ему свое плечо, отдать, если надо, и свою жизнь. Аллахом заклинаю тебя, пока ничего никому не говорить, ни единого слова.

— Валлахи! — воскликнул Джабег.— Никак не пойму твоих слов: ты живешь среди нас, ты наш предводитель, и мы отдадим тебя в плен царю. Не бывать этому!

— Знаю, Джабег, что вы не дадите меня в обиду, но ведь сдался ему великий имам не без ведома Аллаха, видно, и меня ждет такая же участь. К имаму лежит мой легкий и трудный путь.

— Ты скажи, наиб, кто говорил о беде имама? Может, враги наши? Может, Тим Некрас? Не позволит Аллах случиться такой беде со своим имамом. Это Некрас зло умышляет против тебя. Не дал ты мне тогда рассчитаться с ним, только зря загубил бедного Тумэна...

— Замолчи, Джабег! — прикрикнул наиб.— О пленении говорят по всей России, в газетах пишут.

— Ну и пусть, а тебя взять мы, абадзехи, не позволим, я, Джабег, не позволю!

— Спасибо, но это уже дело решенное. Нам с тобою остается быть готовыми к приезду посланников царя.

— А я тут при чем?

— Думаю, ты не откажешься проводить меня до левого берега реки Лабы.

Опустил голову Джабег, потом тихо сказал:

— Что ж, достопочтенный наиб, пусть будет так, как должно быть.

— Спасибо, ты истинный мой друг.

Сначала абадзехам нравилось перемирие. Можно было спокойно ездить по своим дорогам и тропам, никто уже не стрелял, не подкарауливал их, хоть каждый день можно было ездить на базары — продавать, покупать! Весело жить! Однако день ото дня их все больше брало сомнение, возникала бередящая сердце тревога: что это так вдруг, вроде бы ни с того, ни с сего они замирились, тихо в абадзехских аулах, а совсем рядом гремят пушечные выстрелы, горят дома шапсугов, убыхов, натухайцев или абадзехи уже не адыги, уж не похоже ли это перемирие на предательство?

Слышал этот топот наиб и нетерпеливо ждал царских всадников, прислушиваясь ко всему, что происходило у него за окном.

Все обстоятельно обдумал наиб, все предусмотрел. Жену свою с детьми еще до замирения отправил к родителям домой в Темиргойю, к князю Болотокову. С собою он возьмет только чемоданчик с золотом и серебром, с драгоценными каменьями. Его повезут через наиболее верные ему аулы, потом — в Санкт-Петербург. Так условлено. Он соберет немноголюдный совет Абадзехии, в день приезда за ним русской сотни верховых.

Наступила его последняя ночь на земле абадзехов. Хотелось перед дорогой хорошенько отдохнуть, выспаться, но сон не шел. Да и как уснешь, если жизнь разламывалась надвое. В Абадзехии у него еще есть верные люди, но вот они проводят его со своей земли, и там у него нет ни единой родной души — чужая земля, чужое небо, чужая речь, враждебная вера. Одна надежда — Всевышний. И наиб всю ночь молился, обращаясь к Нему. «Я не был несчастным на этой земле, в душе молился наиб, не раз хотя трижды был ранен в бою, хотя, случалось, и оскорбляли меня, пытались унизить, но были у меня и верные добрые друзья, Ты подарил мне много радостных дней. Прости меня, всех нас прости, что мы не смогли оборонить Черкесию. Ты открыл врата рая перед павшими в боях за веру Твою, не откажи и нам в своем благословении, в своей великой щедрости!»

Осеннее солнце поднялось из-за горы и поплыло по голубому простору к своему зениту, когда в доме наиба собрались его верные люди. Он с минуты на минуту ждал приезда посланников царя. Как только они появятся в окрестностях Жагуфа, ему тут же донесут об этом вестовые. Наиб не торопился открывать совет, занимал сидевших разными разговорами, а сам все поглядывал в окно. Еще никогда во всей своей беспокойной жизни он не испытывал такой тревоги.

Поднялся наиб:

— Именем Аллаха, с Его ведома и согласия открываю малый абадзехский совет. Я приветствую всех вас, пусть в наших сердцах, кроме помыслов о добре, о верности служения всевышнему, не будет никаких иных помыслов. Пусть мир между нами, абадзехами и русскими, будет незыблемым, пусть павшие в боях за свою землю и веру будут в раю, а живым пусть счастливо живется на бренной земле. Мы должны с вами сегодня подумать над тем, как жить в мире с русскими, как быть с теми тфокотлями, что нарушают этот мир.

— Родовитые тоже нарушают,— отозвался Джимов,— Цей не дает покоя верхним абадзехам.

— Да, я знаю об этом,— согласился наиб, хотя очень не любил, когда его перебивали.— Виновные должны понести наказание. Я примирил абадзехов с царем, не потому, что люблю его, просто у нас нет иного выхода. Если ты поднял кинжал на врага, очень трудно смириться и вложить его в ножны. Мы не сдались ему, как говорит Цей, мы сохраняем силы своего народа для грядущей жизни во имя Великого Аллаха.

С улицы донесся шум. Распахнулась дверь и в комнату втиснулся Джабег:

— Там сотня русских у твоих ворот, наиб.

— Пригласите старших офицеров в дом. Или вы забыли обычай адыгов?

— Приглашали, а они говорят, пусть наиб выйдет.

Зашумел совет. Послышались возмущенные выкрики.

Наиб поднял руку, требуя тишины:

— Успокойтесь, тут уж ничего не поделаешь,— преувеличенно спокойным тоном проговорил наиб,— все имеет свой конец, о нем я и догадывался. Они приехали за мной.

Снова вспыхнул шум. Вскочили сидевшие, схватились за кинжалы.

Встал и Магомет-Амин, снова поднял руку:

— Давайте выйдем к ним, как велит наш древний обычай. С нами наш Всевеликий Аллах!

Вышли во двор все члены малого совета Абадзехии во главе со своим предводителем.

Расступились перед наибом тфокотли, спешились конные. Воцарилась тишина и во дворе, и за воротами.

Магомет-Амин, приложив руку к груди, сказал:

— От имени абадзехского совета говорю вам: милости просим, уважаемые гости.

Справа и слева, рядом со старшим офицером, которого не знал наиб, стоял Руфат Некрас и Павел Ракитов:

— Благодарим вас,— переводит слова старшего Руфат.— От имени русского царя, от имени его армии, во имя мира, установленного между нами, мы со своей стороны приветствуем вас и во исполнение миссии, возложенной на нас, говорим: «Согласно мирному соглашению, заключенному между нами и абадзехами, наиб Магомет-Амин Асалаев отныне не является предводителем абадзехов и, обязуясь

сохранить его жизнь, наша сторона берет его к себе на жительство. Данное постановление, как договорились стороны, не подлежит обсуждению и исполняется немедленно. Подлинное подписал командующий войсками Северо-Западного Кавказа, генерал Филипсон». Прошу оседлать коня наибу Магомет-Амину Асалаеву.

Возмутились абадзехи, готовы были ринуться на непрошенных гостей, смять их, но на середину волевой походкой вышел наиб:

— Успокойтесь, абадзехи! Это дело решенное. Перед тем, как подписать мирное соглашение, русские поставили передо мною это условие, поэтому я не приму позора, нарушая условие, под которым подписался. Жизнь моя, по сравнению с вашими жизнями, по сравнению с жизнью всего абадзехского народа — ничто. Вы в течение многих лет вдохновляли меня своим мужеством, честью, достоинством, я глубоко благодарен вам.— Магомет-Амин приложил руку к груди и раскланялся.— Всего вам доброго, пусть нескончаемо длится ваша счастливая жизнь, пусть растут ваши дети и внуки на радость своим отцам и дедам. Я старался делать для вас все, что в моих силах и, если обидел кого, простите великодушно. Носите в своем сердце имя Всемилостивейшего и Всеславного Аллаха! Пока Он с вами, пока вы с Ним, все будет хорошо. А теперь подведите мне коня.

Джабег подвел оседланного, как он сказал, самого лучшего во всей Черкесии, коня.

День 20 октября 1859 года был для наиба Магомет-Амина Асалаева последним днем в Абадзехии. Провожать своего предводителя в русский плен в тихий осенний день вышло более двух тысяч всадников. Этим абадзехи выказали ему свое уважение.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

I

Победоносное завершение войны в Дагестане сильно отразилось на положении в Черкесии, а когда еще замирилась Абадзехия, в причерноморской Шапсугии стало

совсем худо — на ее селения, что называется, хлынули лавиной войска. С какой бы беззаветной храбростью не дрались шапсуги, натухайцы, хакучинцы, убыхи, как ни отстаивали свою землю, каждый ее камень, каждый куст, ущелье или долину, приходилось отступать и отступать. Ведь царские войска приобрели опыт борьбы с горцами в Дагестане, в Чечне и здесь в Черкесии.

Уходили, оставляя врагу свои селения, могилы предков и свежие могилы, еще не успевшие зарасти травой.

Натухайцы давно сдали предгорные районы Иль, Абин, Бакан.

Что не удавалось солдатам и казакам сделать за годы, теперь они успели всего лишь за три летних месяца, только холодные осенние дожди со снегом остановили их.

Мужественно, даже отчаянно сражался легион Лапинского, но что могла эта горсточка против лавины.

Сафербий в разгар кровопролитных летних боев несколько раз посылал к генералу Филипсону гонцов с предложением заключить мир, но тот слушать не хотел, разве что велел адыгам сложить оружие безо всяких условий и признать таким образом полную, безраздельную власть России.

Думал Сафербий, что осенняя непогода, возможно, подействует на генерала, но увы. Теперь он к своему прежнему ответу присовокупил: «Если вы, как это сделал абадзехский предводитель наиб Магомет-Амин Асалаев, лично сдадитесь нам, мы можем обещать вам сохранение жизни».

Сафербий написал генералу: «Согласен на ваши условия, если Черкесия будет свободной от России».

Генерал ответил: «Вы свою голову переоцениваете. Прекратим истребительную войну только по отношению к туземцам. Черкесия по Адрианопольскому мирному соглашению перешла к России, как ее составная часть, и безоговорочно будет ею. Такова воля Божья и его величества самодержца российского».

От тяжких дум, от безысходности князь Сафербий почувствовал себя совсем плохо. С великим трудом оторвав отяжелевшее старческое тело от стула, хотел пройтись по комнате, но не смог. Хотел добраться до тахты и отдохнуть на ней, но и на это не хватило силы — вновь тяжело опустился на скамейку.

Этот змеиной хитрости человек, воскликнул князь, этот наиб! Как ему удалось найти мир с царем, удалось уехать... Перехитрить меня... «Вы переоцениваете свою голову» — вспомнил Сафербий слова генерала и подумал, может быть, его старая, уставшая голова и в самом деле никому не нужна? И опять вспомнились ему строки письма Филипсона: «Черкесия перешла к России, как ее составная часть...» Снова эти слова бросили его в жар. Что-то застучало в голове, больно стало в затылке. Сукин ты сын, опять подумал Сафербий о Филипсоне, не дождешься, чтобы и я, как тот бесчестный наиб, тот мерзкий пришлый, поступил. Если я сделаю это, то предам свою родную землю, предам самого себя. О Аллах, в чем мы провинились перед Тобою, за что нам выпало такое страшное наказание? Неужели неоткуда нам ждать помощи, неужели все бросили нас в одиночестве?

Вошла Бабура.

Он мельком взглянул на нее и, кажется, тут же забыл.

Бабура постояла немного молча, а потом спросила:

— Что с тобой, Сафербий? Ты такой бледный. Уж не заболел ли?

Сафербий молчал.

— Перестань казнить себя, князь. Давай хоть на склоне наших лет поживем спокойно, порадуемся внукам. Нам так мало осталось видеть солнце, небо, слышать, как поют птицы, как поет горный ручей.

Сафербий слышал, но не слушал жену, занят был своими мыслями: уже совсем сделались мирными Хаджемуковы, Болотоковы, абадзехов предал наиб, только и остались свободными шапсуги, натухайцы и убыхи. Интересно, кто следующий примирится. Неужели Берзедж? Хотя нас и прижали к ущельям, думаю, надо нам создать всеадыгский парламент и от его имени объявить перед всем миром нашу государственность. Надо это сделать быстрее, еще до зимы!..

— Ты знаешь, Бабура,— слабым, усталым голосом сказал Сафербий,— о чем я думаю? Надо нам поскорее собрать адыгский меджлис.

Горестно покачала головой Бабура:

— Зачем тебе еще меджлис понадобился?.. Успокойся наконец. Прошу князь.

— Заботиться только о самом себе? — поднял голову Сафербий: — А как все остальные, что им делать?

— Надо было думать об этом еще тогда, до отъезда в Турцию,— сказала Бабура и поднялась со скамейки.

— Ты, дочь Тариковых, упрекаешь меня? — с болью и удивлением спросил князь, хотел встать и не смог. Качнулся горестно из стороны в сторону: — Я не обижаюсь на тебя, поделом мне. Ладно, не будем ссориться, ты лучше позови ко мне сына.

Она остановилась у дверей, со слезами посмотрела на мужа и ответила:

— Карбатыр под утро приехал домой, пускай поспит.

Нахмурился князь, собрал все свои слабые силы и грозно сказал жене:

— Женщина! Или ты плохо стала слышать? Позови сына!

— Отстал бы от него...

Открылась дверь.

Карбатыр пропустил мать и потом прошел к отцу, закрыв за собою дверь.

— Что случилось, отец?

— Надоели мы твоей матери,— усмехнулся Сафербий. Одолев расстояние, лег на тахту, указал сыну сесть рядом с собою. Карбатыр, как всегда, конечно, не мог сидеть при отце, стоял подле кровати.

— Не обижайся на мать, отец.

— Я и не думаю обижаться. Она, бедняжка, замаялась с нами... Что слышно из Адерби?

— Царские генералы совсем обезумели, столько бросают против нас войск!..

— Лапинский, должно быть, обижается на меня?

— Обижается, но молчит. Мерзкий, предательский поступок наиба заставил забыть наши распри. Джеймс не находит себе места.

— А-а, этот Джеймс, этот чепсериш[1]! Очень-то мы ему нужны! А Лапинский настоящий воин, искренний враг наших врагов, будет сражаться до последнего патрона, а Джеймс уйдет подальше от пуль и ядер... Ладно, Аллах ему судья. А я вот о чем думаю, Карбатыр. Надо нам созвать Всеадыгский меджлис. Думаю, после предательства наиба, абадзехи согласятся с нами.

[1] Ч е п с е р и ш — циркач, дословно — танцующий на веревке.

— Ты встречался с Джеймсом?

— Нет. А что?

— Он тоже говорил, мне об этом.

Обрадовался Сафербий. Выходит, не один он думал об этом, значит, жива еще Черкесия, она еще покажет себя? Наверняка думают об этом и Берзедж и Цей. Это хорошо! Пусть и в этом случае мы не победим, но все же добьемся объединения, не будут нас осуждать наши потомки в глупости междоусобиц...

— А как ты, Карбатыр, сын мой, смотришь на это?

— Я готов хоть сегодня, отец.

— В таком случае, не будем мешкать. Я все обдумал. Надо Черкесию разделить на округа. Несколько человек от каждого племени будут представлять верховную власть в меджлисе. Меджлис изберет из своего числа, скажем, пять человек, которые и будут править государством. А из этих пятерых будет избран один — глава государства. Решения вольного меджлиса будут обязательны для всех и таким образом прекратятся междоусобицы между племенами, что и сохранит Черкесию.

— По-моему, отец, она уже погублена.

— Нет, еще не совсем! Я верю в это! Утопающий, говорят, за соломинку хватается. И как знать, может быть, именно эта наша последняя соломинка окажется спасительной, сын мой. Но если у тебя есть иной план, я выслушаю тебя. Если нет, то слушай меня. Я не могу сдаться в плен, как это сделал мерзкий наиб, не для этого я жил и боролся для адыгов!

И не выдержало гордое сердце, не одолело свою слабость: горячие слезы полились по щекам Сафербия. Князь не застыдился, не стал прятать их, только задышал судорожно.

— Тят! — шагнул к отцу Карбатыр, склонился над ним.

— Ничего, сын мой! — остановил его жестом отец,— Человек он и есть человек, а не холодное железо. Слезы даны всевышним и мужчинам тоже. У каждого бывают такие минуты, когда не следует стыдиться своей слабости, своих слез. Мать твоя упрекает, что я слишком долго пробыл в Турции. Ты же знаешь, не по своей воле я сидел там. Но и там я не сидел, сложа руки — боролся, сколько хватало моих сил и ума. Пусть простят меня павшие на поле брани, пусть все простят меня за мои ошибки, ведь конь о четырех ногах и тот спотыкается. Я ничего лично

для себя, для своей выгоды не делал — одна Черкесия занимала меня всю жизнь. Пусть мое правдивое слово живет в тебе всю жизнь, это мое завещание. Аллах свидетель тому, что я искренен, что верен буду до самой смерти адыгам, нашей многострадальной Черкесии.

— Не говори так, отец, ты еще много должен сделать и сделаешь для нее.

— Хорошо, хорошо. Я облегчил свою душу и телом окреп. Прикажи оседлать коня — поедем в Адэрби, а затем в Убыхию. Надо делать дело, пока у меня еще есть силы.

Карбатыр обрадовался тому, как воспрянул духом отец, обрадовался поездке в Адэрби. Ничего, он будет рядом с отцом, у его плеча. Все будет хорошо.

Ехали, как обычно, слева от князя — Трам, справа — Карбатыр.

— Жаль, что сегодня нет с нами Хапата.

— Случилось что-нибудь неладное, зиусхан? — обеспокоился Трам.

Князь с насмешливой улыбкой посмотрел на спутников:

— Плохие вы попутчики, с вами пропадешь от тоски в дороге. Ни историю не можете рассказать, ни песню спеть, надулись, как сычи, и молчите.

— Зря ты обижаешь нас с Трамом, отец.

— Зря, зиусхан. Конечно, насчет интересных историй, ты, пожалуй, прав, а хорошую песню, только поведи, и так спою, что и дорога запляшет, и лес подпоет, и горы удивятся.

— И горы, и лес,— ответил на это Сафербий,— по-моему, всегда поют свою песню, хоть днем, хоть ночью, хоть зимой, хоть летом. Посмотрите: декабрь на дворе, а погода — чудо! Солнышко такое доброе. Как красива наша земля, как богата, не зря на нее зарятся и Турция, и Россия, да и другие не прочь бы наложить на нее свою лапу. Зарятся и обманывают. Не думал, что старая Англия окажется такой нечестной по отношению к Черкесии. Адыгский меджлис — это хорошо, надо создать его, но надо и искать мир с Россией, иначе погибнет наш народ, даже следа от него на земле неостанется...

А если мы станем на колени перед Россией, размышлял про себя Карбатыр, что будет с нашим народом? Не обратится ли он в покорного раба, забывшего и свою культуру и свой язык, свои обычаи? Сможет ли он сохранить свою веру среди православных, сохранить могилы предков, могилы тех, кто пал в жестоких боях против завоевателей...

Но что с отцом?!

Князь выпустил поводья, обмяк и стал клониться на бок.

— Тят, что с тобой? — закричал Карбатыр, подхватывая отца.— Трам, помоги мне, скорее!

Сняли князя с коня. Положили на разостланную Трамом бурку, расстегнули ворот рубашки.

Князь Сафербий открыл потускневшие глаза, едва слышно попросил:

— Пить...

Карбатыр плеснул из фляги, смочил губы отца.

— Нехорошо мне... ничего не вижу, держись, сын мой...

Это были последние слова великого адыгского князя Сафербия Зана, сына Магомчерия. Потом он тяжело вздохнул и затих. Лицо его стало спокойным и в то же время строгим. А Траму оно показалось истинно княжеским, достойным большого человека, его больших дел.

Карбатыр склонился на грудь отца и зарыдал:

— Тят, что ты с нами сделал?! Как же нам быть, отец!

II

Прошел год после смерти Сафербия. Карбатыр стал предводителем северо-западных адыгов. Он теперь давал распоряжения, организовал меджлис, но все время чувствовал незримое присутствие отца, его сильную руку. Да и не один Карбатыр, а все адыги жили памятью о князе Сафербие, его советами. Наверно, именно поэтому без особых трудностей был организован меджлис. Помогали Карбатыру Берзедж, Цей, Хагур, Некрас. Не стоял в стороне, как обычно, и Белль. Посылали гонцов с приглашениями к Хаджемукову, к Болотокову, в Кабарду, Беслинею. Столицей, где должен находиться меджлис, избрали древнее место адыгов Туапсе. Двенадцать представителей адыгских племен избрали руководителями Всеадыгского меджлиса троих — Карбатыра Зана, Хатырбая Цея, Джирандука Берзеджа.

Когда был создан меджлис, одни считали, что наконец адыги объединились, создали единую власть в Черкесии,

другие считали все это бесполезным, говорили, мол, нечего после драки кулаками махать, третьи призывали к покорности судьбе и терпению.

Еще не созывалось Всеадыгское хасэ, еще не был создан меджлис, а Россия уже знала о намерениях Черкесии создать его. Все, о чем говорилось в Туапсе потом на заседаниях руководства, парламента, немедленно становилось известно царскому командованию. Спустя неделю после первых заседаний и первых решений было доложено наместнику царя на Кавказе Барятинскому, а еще через две недели об этом знал и император Александр II.

Надо сказать, что быстрому, прямо-таки решительному созданию парламента способствовала сама Россия. Несмотря на то, что был заключен мир с абадзехами, на побережье реки Фарс создавались казачьи станицы — Губская, Промежуточная. Солдаты прорубали просеку и строили дорогу из Нижне-Фарской станицы в долину Хамкет. Таким образом, они все глубже проникали в адыгские земли, становясь там, полновластными хозяевами. Адыги, как могли, противились этому: посылали своих ходоков к командующему войсками Северо-Восточного Кавказа Евдокимову, жаловались на самоуправство казаков и солдат. Генерал обещал навести порядок, но ничего для этого не делал. Абадзехи очень скоро поняли политику генерала Евдокимова, нависла угроза взрыва, и чтобы как-то его предотвратить, 16 июля 1861 года Хатырбай Цей и Карбатыр Зан встретились с полковником Лахутиным. Они потребовали прекратить строительство дороги, отвести войска за реку Ходзь, вернуть багам, махошам, беслинеевцам, абазинам их поля, пастбища, с которых те были согнаны, и вообще строго соблюдать условия заключенного мира.

Полковник хитрил, ничего определенного не говорил, тогда Цей и Зан потребовали встречи с графом Евдокимовым. В приемную генерала явились адыги, однако генерал Евдокимов не соизволил выйти к ним.

— Мне надоело здесь стоять,— сказал Хатырбай,— этот генерал, похоже, не знает даже простых приличий.

— А я и не жду от него порядочности,— ответил Карбатыр,— однако нам надо быть терпеливыми. Эти стервецы будут рады, если мы не выдержим и уедем ни с чем.

Даже лошадям надоело стоять без движения — они недовольно всхрапывали, били копытами землю, а иные начинали нетерпеливо и возмущенно ржать.

Наконец на пороге все-таки появился офицер:

— Пусть трое из вас поднимутся к его сиятельству графу Евдокимову,— строго сказал он, глядя на адыгов с холодностью.

Цей, Зан и Некрас прошли в дом.

Евдокимов встретил их стоя.

Не улыбнулся, не подал руки, почти незаметным кивком поздоровался с ними, указал на стулья, стоявшие у дверей.

— Слушаю вас, господа абадзехи,— неторопливо, по-барски, сказал граф.

— Мы представляем не только абадзехов,— начал на хорошем русском языке Карбатыр, усевшись на стуле, закинув ногу за ногу,— мы послы Всеадыгского меджлиса. Полковник нас неправильно понял или не захотел понять.

— Я впервые слышу об упомянутом вами меджлисе,— пренебрежительно произнес генерал.— Объясните, что это такое?

— Да будет вам известно, мы выполняем волю всенародно избранного органа власти всей Черкесии и решительно протестуем против нарушения мирного соглашения. Вы должны прекратить вырубку леса и постройку дорог, сооружение станиц и крепостей, должны вывести свои войска за реку Ходзь. Мы соблюдаем полностью наше мирное соглашение, вы — нарушаете его и, если не перестанете, то мы вынуждены будем прибегнуть к оружию. Пожалуйста, ждем вашего ответа.

— Я не уполномочен, господа, давать вам ответ от имени нашего Государя Императора. Отвечу в пределах вверенной мне здесь власти. Мы заключили мирное соглашение не с Черкесией, а в отдельности с абадзехами, которые первыми и нарушили это перемирие.

— Но не абадзехи захватывают ваши укрепления и станицы, а вы захватываете их земли! — воскликнул Хатырбай Цей.

Генерал снисходительно улыбнулся, покачал головой, дескать, что ж вам говорить, если вы не понимаете простых вещей:

— После наиба вы возглавили абадзехов и заключили военный союз с нашими противниками — с шапсугами, убыхами и натухайцами.

— Все эти племена, граф,— вступил в разговор Тим Некрас,— есть единое черкесское государство, а меджлис единая, верховная власть в Черкесии. Думаю, вам, генералу, следовало бы это знать.

— Глубоко сожалею, господин Некрасов... но мы не имеем никаких отношений с государством Черкесией, нет такого государства, оно никогда не существовало и не существует. Есть лишь черкесские племена, обитающие на территории, отошедшей по Адрианопольскому соглашению с Турцией к России. Это часть Великой России, часть державы Его Императорского Величества Александра II.

— Для нас это не новость, господин граф,— глядя в глаза Евдокимову, ответил Карбатыр,— мы — адыги, мы люди, а не вещи, которые можно дарить и передаривать. Даже по вашей вере, мы все дети отца небесного, братья и сестры. И если вы будете поступать с нами, как с вещью, значит, мы никогда не договоримся.

— Вы не ошиблись, господин Зан, с вами не уполномочены договариваться.

— Думаю, наместник Кавказа нас все-таки поймет, поэтому мы вынуждены будем обратиться к нему, а если и он ответит так же, как и вы — обратимся к царю.

— Ваша воля, господа.

Встал генерал.

Встали и адыги. На весьма скромный генеральский поклон ответили ему тем же. А когда адыги уже были у дверей, генерал окликнул:

— А ведь я, господин Некрасов, знаю вашего сына, Романа Тимофеевича, штабс-капитана русской армии. Прекрасный офицер, верой и правдой служит своему истинному отечеству.

— Я не желаю знать, господин граф, никакого штабс-капитана! — резко ответил Тим и хлопнул дверью.

Весть о том, как принял посланников Всеадыгского меджлиса генерал Евдокимов, как он оскорбительно вел себя, облетела всю Черкесию. По всей Абадзехии, где стояли войска Евдокимова, стали собираться конные и пешие, готовые ринуться в бой и отомстить обидчикам. Чтобы принять какие-нибудь меры предосторожности, пришлось собирать меджлис, успокаивать разгорячившихся адыгов.

За два года Лапинский не раз повидал в Черкесии смерть, как говорится, в глаза, приходилось терять боевых товарищей, попадать с легионом в такие ловушки, что, казалось не выбраться. Познал и горечь предательства. Много горя хлебнул, однако, никогда не было так безысходно трудно, как теперь.

— Не могу понять, Карбатыр, смысл предательства наиба,— говорил Теофил.— Я так был ему предан, как никогда никому. Прости, мне даже приходило в голову, не убрать ли отца твоего, врага наиба. Пожалуй, только теперь я понял, каким большим человеком был князь Сафербий, как любил адыгов, как умел радоваться своей прекрасной земле. И как жалко, как горестно, что меджлис создали без него. Хоть и без него создали, но это его детище. А недолюбливал я его за ненависть к наибу. Теперь же получается, князь Сафербий был прав, он насквозь видел предательскую сущность этого человека.

— Ты верно сказал: меджлис это детище князя Сафербия. На нашу землю пришла новая пора, даже, можно сказать, новая эпоха. Черкесия стала государством. Теперь надо нам сделать, чтобы весь мир узнал об этом, чтобы и Турция, и Англия, и Франция разговаривали с нами как с самостоятельным государством. Вы много нам помогали, вы оставили свои могилы на нашей земле, и адыги этого никогда не забудут.

— Мы бы еще могли побыть с вами, повоевать на вашей стороне против москалей, но раз вы стали самостоятельным государством, нам лучше уйти, чтобы избежать недоразумений. Горько мне это, очень горько всем моим ребятам, но такова воля судьбы...

В середине лета, ранним утром Теофил Лапинский со своими легионерами стоял на палубе уходившего из Черкесии корабля. Он и его сподвижники прощались с Черкесией, прощались со страной, где пролили свою кровь во имя свободы.

Теофил думал и горестно спрашивал: почему борьба за свободу неизбежно связана с пролитием крови, смертью, страданиями? Почему святое дело требует таких жертв?

После встречи адыгских послов и жесткого разговора с генералом Евдокимовым, особенно после отплытия

европейских легионеров под командованием Лапинского за море, в Черкесии все острее стали думать о своей регулярной армии. И этот вопрос не сходил с уст членов Всеадыгского парламента да и многих простых людей.

В один из вечеров в кунацкой Трама Хапат в сердцах бросил споривших мужчинам:

— Валлахи, слушаю я вас и не возьму в толк: если вы намерены создать адыгскую конницу — неужели не найдете коней! Да, говорю вам, в верховых лошадях недостатка не будет. Я за одну ночь пригоню вам сотню лошадей.

Трам, несколько озадаченный, вопросительно поглядел на Хагура, затем на Некраса. Интересно, подумал он про себя, мы, его друзья, сложились и приобрели ему верхового коня, а он видишь какие речи заводит! И, главное, не одного коня, а целую сотню обещает добыть. Можно подумать, что у него свои табуны водятся. Пожалуй, даже князь Хаджемуков, имея золото и лошадей, не ведет себя так. Интересно, на чей табун зарится Хапат? Может спросить? Да он все равно не скажет. Ладно, пусть себе поспорит, пошумит, потом успокоится, все одно толку никакого не будет. Странно только, что нынче он уж больно самоуверен, видно все же что-то серьезное задумал и отступать не намерен.

Так как в кунацкой молчали, Трам тоже хотел промолчать, не выдавать своих мыслей, но Хапат сам напросился:

— Что, Трам, не веришь моим словам?

— Отчего же, Хапат,— не желая обижать друга, Трам мягко улыбнулся и, выдержав паузу, добавил: — Вот только где ты добудешь столько лошадей?

— А пусть это вас не беспокоит! — обращаясь ко всем, заявил Хапат.— Запомните: я обещал сто коней, считайте, что они уже здесь.

— У нас бы голова не болела, если бы у тебя был богатый косяк лошадей,— стараясь не придавать особого значения предмету разговора, сказал Хагур.

— Слушайте, что вы пристали к человеку! — решил поддержать Хапата Тим.— Вокруг нас казацкие станицы. Или мы, адыги, совсем уже растеряли свое мужество и свою ловкость.

— Спасибо, Тим,— повеселел Хапат.— Что касается казацких коней, ты, Тим, прав. Но я знаю более удобный путь: и место мне знакомо и как все устроить известно. И

если такой храбрый мужчина как ты, Тим, поедет со мной, то думаю, обещанная мною сотня коней нынче же будет на околице Куматыра. Едем к богатому казаку, Тим, у которого имеется добрый косяк лошадей, не будем же мы грабить таких же бедных, как мы сами.

— Погоди, Хапат! — воскликнул Трам, поняв, что Хапат и Тим собираются красть коней и призывая на помощь Хагура.— Глянь, Нурмагомет, что Хапат надумал, а?! Хапат не хочет быть до конца откровенным, но знаешь ли ты, к кому он собирается? Если ты, Хапат, сделаешь так,— обратился он теперь непосредственно, к самому Хапату,— что с головы Ивана Бутенко упадет хоть один волос, между нами все кончено! С этого дня я тебя знать не захочу!

— Ну, вот,— развел руками Хапат.— Разве с вами дело сделаешь. Как говорится, не уходи из дома, но чтобы я тебя дома не застал.

— А что, Трам, Иван Бутенко тебе брат родной что ли, что мы не можем его потревожить? Разве не на нашей земле этот чубатый казак разбогател?

— Погоди, Тим, не кипятись,— осадил его Хагур.— Ты ведь знаешь, что у адыгов не принято нападать на кунаков, кто бы они ни были родом?

— Не хочешь ли ты сказать, что я не адыг? — побагровел Тим, сделав движение, чтобы встать.

— Да нет, Тим, у меня и мысли такой не могло быть! Я просто так рассуждаю.

— Ну, тогда понятно,— Тим с трудом пришел в себя.

— А что, если просто попросить его. Я думаю, он поймет нас,— предложил Хагур.

— Валлахи, он не даст ни одного жеребенка! — возразил на это Тим.

— Откуда ты знаешь, Тим,— несколько устыдившись того, что он так откровенно предлагал напасть на косяк Ивана Бутенко, доброго кунака, сказал Хапат.— Может быть, Иван сам захочет нам помочь.

— Пусть он казак, пусть из рода-племени неверных,— вступился и Трам,— но вспомните, когда мы поехали на свадьбу его сына Василя, как он нас встречал, как радовался — слез не мог сдержать. Коней он, конечно, не даст, да и кто бы отдал свое добро на его месте, но человек он хороший.

— Ездить в гости к врагам, разорителям нашим, не велика заслуга,— как бы про себя недовольно проворчал Тим.

— А как он в Барауг на тфокотльскую свадьбу приезжал? — продолжал вспоминать Хагур, делая вид, что не расслышал слова Некраса.— Верхового коня, корову да обнову невесте привез с собой в подарок. Разве это не достойный человек и кунак!

— Да, такое было,— подтвердил слова Хагура Хапат.— Если не принимать во внимание того, что он казак, Иван Бутенко достойный человек, добрый. И все же...— он хотел что-то еще добавить, но глянул в лицо Траму и осекся...

III

Адыги всегда отличались настойчивостью, желанием во всем дойти до конца. Кажется, яснее ясного граф Евдокимов объяснил им непоколебимую позицию России и Черкесии, а они не верили ему и потому решили встретиться с наместником Кавказа фельдмаршалом Барятинским.

— Э-ге! — сказал Цей,— оказывается, мы почти в точности идем той дорогой, которой ходил князь Сафербий, только и разницы, что мы теперь самостоятельное государство. Единое, а не разрозненные племена. Не знаю, поможет ли это нам. Покойный Сафербий, этот мудрейший человек, у каких только генералов и адмиралов не был, а толк? Стоит ли и нам ходить теми избитыми дорогами? Надо действовать, а не обивать чужие пороги. Надо показать, что мы хозяева этой земли, а не они!

— Я согласен с Хатырбаем,— сказал Джеймс, а потом, как это у него часто бывает, вильнул в сторону: — Впрочем, могут быть и другие мнения. Но самое главное, вы должны понять, что кроется за словами Евдокимова, кто стоит за его спиной? Ты не прав, Хатырбай. Вы идете дорогой, проложенной Сафербием, но идете дальше. Вы самостоятельное государство, и надо разговаривать именно с этой позиции.

— Конечно,— вступил в разговор Карбатыр,— мы говорим от имени Всеадыгского меджлиса. Спасибо тебе, Хатырбай. Спасибо и Джеймсу, что он помог нам составить дипломатические бумаги русским, англичанам, французам. Теперь их надо разослать адресатам.

Отправляя послов в Тифлис к Барятинскому, Берзедж дружески сказал Некрасу:

— Пожалуйста, дружище, говоря с ними по-русски, не горячись. Если невтерпеж — резани по-адыгски, они не поймут, значит, и не обидятся.

— Хорошо,— согласился Тим,— мне вовсе ни к чему русский язык, но оскорблений ни от кого не потерплю. Будь то хоть сам царь!

— Тут ты прав,— одобрил Хатырбай.

— Скажите об этом и моему зятю, уж очень резко он говорил с генералом Евдокимовым. Пусть бы лучше говорил по-адыгски: он безопасней и горячей! Честное слово! — сказал Тим, озорно улыбнулся, и, несмотря на свои немалые годы, легко поднялся в седло, пришпорил скакуна.

Правду молвят: если не повезет, то и на верблюде тебя достанет собака. Не повезло послам в Тифлисе.

Генерал Евдокимов знал, что Барятинский находится на лечении за границей, съехидничал, пусть, мол, ретивые черкесы попусту прогуляются. Кроме этого, он послал с ними полковника Мамат-Гирея Лоова: он знает черкесский язык, послушает, о чем будут болтать между собой послы.

Очень огорчились послы, разобиделись на Евдокимова за его коварство, как сказал Тим Некрас. Огорчились, но не стали терять время попусту — повстречались с управляющим делами наместничества, с генерал-адъютантом Орбелиани. Объяснили, кто они, зачем и вручили письмо Барятинскому. Орбелиани стал тут же читать:

«Мы, общества абадзехское, убыхское и шапсугское и с принадлежащими нам деревнями, для блага и пользы нашей, соединились для светских и духовных дел нашего края и общества во зло тем людям, которые были причиною нарушения прежних наших мирных условий с нами, по каковым условиям мы отнюдь не домогались сделаться какими-либо самовластными, а искали только мира и согласия. Ныне же, благодаря Бога, мы приняли на свою ответственность, что впредь ни явных, ни тайных, со стороны наших обществ, измен уже не случится, а кто из нас нарушит таковое наше общее условие, то будет наказан нами смертно, а потому надеемся, что Ваше Сиятельство примете как нас, так и принадлежащих нам людей, простив нам все наши прежние вины.

Вследствие этого мы сообщили письмом графу Евдокимову и просили объясниться с нами насчет земель, религии и пропитания нашего. Граф Евдокимов вслед же за этим двинулся в наши земли с большими силами и, хотя наши общества и просили его приостановиться и не разорять наши деревни, но он ответил нам, что идет для рубки леса и проложения дорог, постройки укреплений и станиц на нашей незначительной земле, и что просьбу нашу не иначе может исполнить, как с дозволения Вашего Сиятельства. Согласно отзыва генерала Евдокимова, мы имеем честь с ее просьбою обратиться к Вашему Сиятельству.

Мы узнали, что когда перед сим были заключены мирные условия, генералом Филипсоном с абадзехскими обществами, тогда обещано было абадзехам не входить в их земли войскам, дабы избавить их от разорения, не производить постройку укрепления и станиц, а оставить Хамкетинское и Майкопское укрепления и не обижать начальников оного общества в отношении религии и пропитания. На этом основании мы все три общества, с подвластными нам деревнями, посоветовались между собою и полагаем, что нарушение мирного условия нашего произошло через наших врагов, и что двуличие и обман не бывают со стороны правительства. А потому мы решили общим нашим советом так, что между нами и правительством русским не может быть впредь никакой измены и обвинений.

Поэтому мы покорнейше просим Вашего Сиятельства не впускать в наши общества войск, а также не производить постройки укреплений и станиц, ибо, как вам известно, у нас имеется малое количество земли, которой даже нам самим недостаточно, а в случае постройки больших станиц, как мы, так и скотоводство наше крайне будут стеснены. Одновременно просим, чтобы земли наши оставить в нашем владении и предоставить нам свободу вероисповедания.

Присланных тремя нашими обществами депутатов мы посылаем к Вашему Сиятельству довести до сведения Вашего жалобы о бедности нашей, равно жен и детей наших. Мы убеждены, что Ваше Сиятельство обратите Ваше внимание на просьбу нашу и словесные доклады наших поверенных и не оставите их повергнуть к стопам Его Императорского Величества для доставления нам вечного спокойствия, чего мы ожидаем по милости Божьей,

от Вашего Сиятельства. А потому мы, по милости Бога, будем исполнять по силе и возможности нашей заключенное с нами условие, и впредь со стороны нашей не может быть никаких измен, как это случалось в прежние времена. Остаемся в ожидании милости и спокойствия от Государя Императора посредством ходатайства Вашего по примеру других подданных».

Прочитав послание, Орбелиани долго молчал, а потом, наконец, твердо сказал:

— Генерал Евдокимов ничего плохого вам не сказал.

— Но генерал Евдокимов нарушает мирное соглашение, заключенное между абадзехами и Россией,— спокойно заметил Карбатыр.

Генерал поднял на него свой тяжелый, неподвижный взгляд:

— Первыми нарушили соглашение ваши люди, нападая на укрепления, станицы, на солдат и казаков. Они убивают наших людей, забирают их в плен, угоняют скот.

— Прошу прощения, ваше превосходительство,— вежливо, но довольно твердо возразил Карбатыр,— того, кто срывает замок с двери в твое жилище, как говорят, в гости не приглашают. Прикрываясь тем, что солдаты якобы заготавливают дрова на зиму, в самом же деле просто напросто движутся вглубь Черкесии, строят дороги, наводят мосты, захватывают поля и пастбища. Вполне естественно — люди обороняются, защищают себя, свои жилища и поля. А уж если применяется насилие — добра не будет. Обе стороны перестают разумно мыслить, больше руководствуются чувствами, чем разумом. Нападают на ваших солдат не только абадзехи, но и шапсуги, убыхи. Надо это прекратить, Ваше Сиятельство. Вы, очевидно, знаете, что все адыгские племена объединились в единое государство, создали Всеадыгский парламент. Теперь все они будут жить по единым законам, издаваемым меджлисом. Мы приложим все свои силы, чтобы навести в черкесском государстве должный порядок, чтобы никто не смел нарушать наши с вами соглашения. Вас же просим отдать распоряжения, чтобы и с вашей стороны исключить всякого рода непорядки. Меджлис надеется на справедливое решение командования российской армии.

— Мы знаем о вашем меджлисе. Я должен вам сказать следующее: если вы прибыли как послы самостоятельного

государства, то я не уполномочен вас принимать и решать с вами ваши дела, это компетенция Его Императорского Величества, но если вы как частные лица пришли с просьбой к наместнику Кавказа, Его Сиятельству Барятинскому, тогда другое дело.

— Мы полномочные послы меджлиса, высшей власти Черкесии, в состав которой входят все адыгские племена. Мы представители самостоятельного государства.

Орбелиани внимательно посмотрел на каждого, поразмышлял, задумчиво покачивая головой, потом сказал:

— Мда-а! В вашем письме вопрос этот ставился несколько по- иному, я бы сказал, не так масштабно. Думаю, нам необходимо встретиться с вами завтра.

На другой день Орбелиани сказал:

— Мы ожидаем прибытие Его Императорского Величества на Кавказ. Примерно через месяц он прибудет в Кубанскую область. В связи с этим мы временно приостановим действия генерала Евдокимова. Если вы захотите встретиться с Императором, я не стану вам мешать, однако это не означает, что я буду вам организовывать эту встречу, передавать ему ваше послание. Сейчас мы заготовили для вас ответ.

Вот что было в этом ответе, который послы везли с собою Всеадыгскому парламенту. Ответ был написан 16 августа 1861 года:

«Государь Император не желает проливать кровь вашу, не желает нарушить ни религии вашей, ни прав вашей собственности. Он желает мира и благоденствия вам, как и всем своим верноподданным.

Вы нарушаете этот мир. С тех пор, как вы стали соседями нашими, вы постоянно, и много лет нападали на наших жителей, брали их скот, уводили их в плен. Султан турецкий уступил ваши земли, по договору, державе Российской. Вы, не исполняя его повеления, продолжали враждовать с нами и нападали на наши крепости, которые были поставлены на берегу Черного моря. Каждого из вас, кто приходил в нашу крепость или в лагерь наш, мы принимали без обиды, позволяли покупать и продавать все, что нужно было вам. Государь русский, не желая вам зла, долго надеялся, что вы перемените ваше поведение и милостиво принял покорность народа, простил ему все зло, которое он прежде делал, но этой милости народ не

понял. Пленные, прежде захваченные у нас, не возвращены, а проданы в горы, беглецы и преступники наши и разные абреки живут среди абадзехов по-прежнему, из земли абадзехской по-прежнему разбойники приходят на нашу линию. Так покорные и добрые народы не поступают, и поступков таких Великий Государь наш терпеть далее не может, поэтому Его Императорское Величество приказал:

1. Проложить через ваши земли дороги, а для того, чтобы по ним войска наши и все жители могли ходить безопасно от ваших нападений и от разбойников, которые среди вас живут, поселить по тем дорогам казаков.

2. Построить в ваших землях крепости, где надобность укажет, чтобы там жили войска и защищали жителей от ваших нападений.

Воля Государя священна и будет исполнена, как она исполнялась в Дагестане и Чечне.

Повторяю, что Государь наш не желает вам зла и каждому из вас, кто изъявит покорность, приказал: 1. Дать землю для поселения. 2. Дозволить исповедовать мусульманскую веру без стеснения и в селениях ваших, и в городах ваших строить мечети. 3. Не брать вас в солдаты и не записывать в казаки. 4. Предоставить каждому селению и округу выбрать из среды своей судей и старшин для разбора всех ваших дел. Для того же, чтобы решения судей этих исполнялись и чтобы никто из вас не обижал другого, будут поставлены начальники. Такова непреложная воля Государя Императора. Покорные получат лучшие земли, непокорные будут лишены милости Государевой, жилища и стада их будут уничтожены».

По истечении нескольких дней, после возвращения адыгских послов из Тифлиса, от имени Всеадыгского меджлиса в Англию, Францию, Турцию и Австро-Венгрию были посланы меморандумы одинакового содержания.

Вот что было написано в меморандуме, полученном английским консулом в Сухуми Диксоном:

«После приветствования особы вашей надлежит представить вам настоящее наше положение, чтобы вы его представили великой вашей державе. Просим представить это наше письмо в миссию и ответ от нее немедленно прислать нам.

В 17 день июня 1861 года для восстановления власти и для учреждения независимости, все черкесы были

приглашены на совет. Все они единогласно решили учредить чрезвычайный союз и не отставать от него с тем, чтобы сохранять порядок внутренний, а отступающих от него наказывать. В Черкесии учредили меджлис из 15 человек улемов и умных людей. Этому меджлису дано звание Великого Свободного Заседания. По велению же меджлиса, учреждены в нашей стране 12 округов. В каждом округе определены муфтии и кадий, а также и муфтарь под названием старшина. Они должны исполнять повеления меджлиса и действовать заодно с Великим Заседанием. В Черкесии от каждых 100 домов взять по 5 всадников и с каждых же 100 домов по одному старшине, чтобы они исполняли предписания окружного мегкаме по сбору доходов и распределения податей и наблюдали за вымороченными имениями. Во всех случаях все эти доходы превышали бы расходы, и, благодаря Богу, Великий Меджлис вольности черкесов, управляя страной, всегда соответствовал бы своему назначению. При таком положении дел вдруг назначен русским правительством генерал Евдокимов. Он окружил страну многочисленными войсками с 4-х сторон, намереваясь уничтожить нас. Неожиданный случай этот заставил меджлис собрать против этого генерала 1500 самых отборных всадников. Между тем, мы ему объявили, что черкесы в настоящее время, отыскивая средства, вреда не делают. Действия их согласны с правами человека и свою независимость они сохраняют уже 80 лет ценою крови, что подобные народы всегда покровительствуются великими державами и что так, как русский Император есть великий властитель, то покровительствует всегда тем, которые подобно нам, живут в порядке, управляются собою, и, не причиняя никому вреда, сохраняют свою независимость, что его величию приличествует, другими словами, он не намерен разорять нас и что он даже многим оказал помощь и если была до сего времени между нами какая-нибудь вражда, то это случилось, собственно потому, что мы желаем обратиться к русскому правительству которое есть самая ближайшая к нам великая держава, и просить оставить нашу свободу в том же положении. «Дай нам дорогу, сказали мы, отзови войска свои назад, не проливай крови, тем более, что все державы живут теперь мирно и утверждены между ними справедливость и стараются, чтобы подобная страна, как

наша, достигла цивилизации». Обо всем этом, после переговоров с генералом, положено было отправить от нас депутатцию в Тифлис и он дал в этом разрешение, и мы, избрав из членов меджлиса трех умных людей, отправили их в Тифлис для ходатайствования и просьб. До возвращения наших послов оттуда, положено было приостановить военные действия. По возвращении наших послов, мы хотим обратиться с просьбой к порогу великой державы нам благодетельствующей Англии, ни в коем случае не перестанем быть в надежде на ее помощь.

Поэтому благоволите, высокий сановник, содержание настоящего письма доложить куда надлежит, о получении этого письма уведомить нас письмом своим через посланного при сем нарочного человека и этим изволите заставить нас быть благодарными. Для приветствования же высокой вашей особы это письмо и написано».

IV

Состоялось третье за лето заседание Всеадыгского меджлиса. Как и на прежних двух, говорилось о том, что духовенство на своем съезде одобрило политику меджлиса и всячески ее поддерживает, говорилось, что исправно соблюдается решение о мире до приезда в Черкесию царя.

Хорошо, в добром согласии происходило заседание, а вот вопрос о том, как встречать царя, вызвал споры.

По древнему адыгскому обычаю гостя следует встречать с почетом и уважением. Одни предлагали именно так встретить царя Александра II торжественно, коленопреклоненно. Другие считали, надо царю показать, приняв его радушно, собственное достоинство, не надо никакого коленопреклонения. Пока на этом и остановились. А как же иначе, ведь Орбелиани пообещал не мешать их встрече с царем, но не пригласил их, как то подобает у добрых людей. Он даже как бы сначала таил этот приезд, тогда о какой же торжественной встрече можно говорить? Опять же, подумал Карбатыр, царь сколько раз обманывал моего покойного отца, теперь, похоже, и меня хотят водить за нос. Какая уж тут торжественность.

С заседания по дороге домой у Карбатыра состоялся интересный разговор.

Тим Некрас придержал своего коня:

— Прежде чем воротиться мне домой, я хотел бы сказать Карбатыру и тебе, Джеймс, несколько слов. Извините, Трам и Нурмагомет.

— Не уезжайте! — приказал Карбатыр Траму и Нурмагомету.— У меня, уважаемый тесть, нет от них секретов. Они — друзья моего отца, значит и мои друзья, так что, говори, коли доверяешь нам.

— Валлахи, зять, я просто так сказал! — воскликнул несколько смущенный Тим,— они ведь тоже мои самые близкие друзья... Скажи мне, Карбатыр, кто из вас троих — председатель меджлиса?

— Не совсем понимаю тебя,— смутился Карбатыр.

— Чего ж не понимать? Кто из вас председатель?!

— Мы все трое. Нам нечего делить. Думаем об одном и том же, одна у нас забота. И боль, и радость одна. Мы вместе председательствуем, вместе руководим.

— Э-э, нет. Так не бывает,— улыбнувшись в усы с хитрецой, сказал Тим.

— Он прав, так не бывает,— поддержал Тима Джеймс.

— Почему же?! — удивился Карбатыр.

— Да потому! — терпеливо стал разобъяснять Тим.— У войска всегда только один командир. Один, скажем, командир полка, а не три.

Теперь с хитрецой улыбнулся и Карбатыр:

— Говорят же в народе: одна голова — хорошо, а две еще лучше.

— Так две! А как там еще в народе говорят о третьем лишнем? — опять поддержал Тима Джеймс.

Странный какой-то разговор, подумал Карбатыр, не то в шутку, не то всерьез? Работаем все трое слаженно, не делим между собой власти. Может быть, уже возникла какая-нибудь интрижка. Опять будем, как раки, расползаться в разные стороны?

— Трам, Нурмагомет, а как вы считаете? — поинтересовался Карбатыр, унимая беспокойство в своем сердце.

— Меджлис создали адыгские племена,— в раздумье начал отвечать Нурмагомет, его прервал Трам:

— Но говорить от имени адыгов, руководить меджлисом должен один человек.

— Вон вы о чем! — воскликнул Карбатыр.— Есть такой у нас, есть! Князь Джирандук Берзедж. Он старше нас с Цеем, а по нашему обычаю старейший...

— Нет! — перебил Тим.— При чем тут в государственных делах возраст? К тому же, Цей и Берзедж почти одногодки. И Цей не глупее Берзеджа. Ты же знаешь, зиусхан, что трое на одном и том же коне не могут держаться за один и тот же повод, иначе задергают, загонят его! — горячился Тим.

Понял, Карбатыр. Что же делается с людьми. Неужели и тут нас подкарауливает беда!..

— Во-ви-й, Тим! — воскликнул Карбатыр, пытаясь закончить этот разговор.— Вы, абадзехи, великий и мудрый народ, разве это кто-нибудь отрицает. Спасибо, Тим, что проводил нас. Вон и шапсугские горы видны. А там и Куматыр рядом.

— Счастливого пути. А ты, зять, все же думай о поводе своего горячего коня.

— Да, да, Тим. Близко кажущиеся горы обманчивы, и время есть поводу не дать раслабиться.

Получилась шутка или не получилась?

Наверно, получилась, но не уняла тревоги в сердце председателя Всеадыгского парламента Карбатыра Зана.

Лошадь всегда домой идет охотнее, чем из дома. И резво шли кони четырех всадников, поднимая подкованными копытами веселую пыль.

Не мог же Тим просто так, от скуки затеять разговор, наверняка он знает что-то, снова и снова спрашивал себя Карбатыр. И неспроста хотел поговорить со мною без свидетелей. Отец любил повторять: не доверяйся всем, кто тебе улыбается. А мне сейчас все улыбаются, не может же быть, чтобы я всем угодил. Будь внимательней, Карбатыр, не дай себе успокоиться, достигнув успеха. Успех — плохой советчик в делах. И не сердись на меня, дорогой тесть, мы с тобой обязательно поговорим, и ты начистоту выложишь все свои сомнения.

Огляделся Карбатыр, спросил:

— Мы уже проехали Волчий Холм?

— Нет, зиусхан,— ответил Трам.

— Ну так — вперед! — и он пустил коня в намет.

Вот он и Волчий Холм.

Заныло сердце Карбатыра. Здесь, у этих валунов, разговаривали отец и наиб.

Спешился Карбатыр и сел на тот самый камень, на котором сидел отец, где состоялся разговор, после которого

наиб вскорости замирился с царем, а потом и сам ушел к ним, предав абадзехов и князя Сафербия.

Нурмагомет тоже хотел сесть на другой камень, но Карбатыр резко остановил его:

— Не надо, на том камне сидел предатель.

— Да-да, верно,— согласился Хагур,— именно здесь и сидел наиб, а мы стояли вон у тех кустов.

— Однако, поедем! — взлетел в седло Карбатыр, дал коню шпоры.

— Ты не знаешь, Карбатыр, где сейчас наиб? — спросил Джеймс.

— Не знаю. Думаю, под крылом Шамиля.

— Нет, английские газеты пишут, что он консультирует царских генералов по делам Северного Кавказа. Вот, смотрите,— Джеймс достал из кармана газеты: с полосы глянул на них лукаво улыбавшийся наиб.

Карбатыр, сделав вид, что ничего не видит в газете, подчеркнуто промолчал. Другие тоже молчали.

У шапсуго-натухайской развилки Нурмагомет обратился к Карбатыру и Траму:

— Мы уже почти дома, милости просим к нам в гости.

— Спасибо, но и нам тоже хочется к себе домой,— ответил Карбатыр, потом спросил англичанина.— Когда прикажешь ждать тебя у нас, Джеймс?

— Думаю, через недельку. Побываю в Адерби, в Убыхии — и к вам. И, пожалуйста, Карбатыр, не забывай слов, сказанных сегодня Тимом Некрасом.

Теперь уже двое всадников, в веселом одиночестве, поторапливались к себе домой в Натухай.

— Сдается мне, Трам,— заговорил Карбатыр,— что Тим и Джеймс что-то скрывают от меня.

— Наоборот, Тим хочет сказать тебе нечто важное.

— Что?

— Ты забыл, что все мы — адыги, забыл, наверное, что каждый из нас хочет быть первым. Значит, каждый хочет, чтобы предводителем всей Черкесии был человек из его племени. Так я думаю.

— Ах, вот оно что! Это для адыгов не внове. Но при чем здесь Джеймс, а?! — и Карбатыр пришпорил коня.

Утром следующего дня Карбатыру захотелось побывать на могиле отца.

— Седлай коней, Трам, съездим на кладбище. Я побываю у отца, а ты на могиле Хури. Тоска меня что-то донимает.

Вместе с Карбатыром Трам постоял у могилы старого князя, а потом пошел на другой конец, к Хури.

Оставшись один у большой каменной плиты, Карбатыр отдался своим горестным мыслям, которые всю прошлую ночь не давали ему покоя. Вот мы и создали Всеадыгский меджлис, отец, о котором ты мечтал, к созданию которого стремился всю жизнь, но волей Аллаха тебе не дано было его увидеть, разговаривал с отцом Карбатыр. Мы на днях провели третье заседание. Добрым словом вспомнили тебя. Говорили о встрече с царем, о которой ты тоже думал не раз. Не думай, что мы перед ним упадем на колени. Не беспокойся, не уроним своего достоинства. Что о наших сегодняшних делах рассказать тебе? Нас трое председателей меджлиса — я, Цей и Берзедж. Я стараюсь держаться поскромнее. Помню, как тебя возмущало, что каждый из наших князей непременно хотел быть адыгским царем, только он и никто другой, а это приводило к ссорам. Но сегодня был неприятный мне разговор — кто из нас трех должен быть первым. Не нравится мне все это!.. Впереди такая важная встреча, можно сказать, судьбоносная, а они опять — кто первый, кто старше. Боюсь я этого. Но главное, что скажет нам Россия?.. После того, как создали меджлис, мы послали свой меморандум Англии, Турции, Франции и другие. Англия и Персия уже ответили нам, считают наши действия правомерными, а Франция и Турция, молчат, выжидают. Аллах им судья. Еще мне хочется сказать, ты был прав по отношению к наибу, как пишут газеты, он стал прислужником у царских генералов, показал истинное лицо предателя. О нас не беспокойся, мы живем твоими заветами. Помнят тебя адыги, тят, добром поминают. Со мною к тебе пришел Трам. Он по-прежнему живет в одиночестве. Вот как он любил бедную Мерем...

V

Последний месяц лета 1861 года.

Противоборствующие стороны, прекратив военные действия, терпеливо ждут приезда в Черкесию императора Александра II. Однако нет-нет да и случится что-нибудь:

ведь если был большой огонь, то еще долго будут тлеть головешки, а то и вовсе пламя вспыхнет.

Жизнь простых труженников, адыгов и русских, была привычной и понятной. Крестьяне — и с той, и с другой стороны,— которых многолетняя война ожесточила друг против друга, устали от бесмысленного противостояния, бесчисленных людских потерь, крови и обоюдной жестокости. И, хотя они вслух не высказывались, тайком про себя мечтали о мирной жизни. Знали они и о том, что это зависит больше от их предводителей. Однако нельзя было сказать, что души — и адыгов, и русских — вконец оттаяли и готовы помириться: святая месть за павших близких, старые взаимные обиды, недоверие еще давали о себе знать.

И все же сама жизнь, хотят ли того люди или нет, диктует им своеобразную линию поведения в быту. Дела торговые, базарные сводят их вместе, улыбаясь друг-другу, но и глядя исподлобья, они обмениваются товаром. Базары, неожиданные встречи на мирной тропе, беды и радости сближают их, но так же неожиданно меж ними вспыхивают кровавые стычки. Машут друг другу кулаками, потом мирятся, ходят друг к другу в гости.

Ждали царя.

Ждали, что он принесет с собою мир. Ведь он — царь, самодержец, Божий помазаник.

Двенадцать членов меджлиса считали, что царя надо встретить на адыгской земле миром. Двое других кричали во всю мочь о несогласии с ними. Один метался между ними, не зная, на что ему решиться.

Весь этот жаркий месяц, такой пригожий для хлеборобов, председатель меджлиса Карбатыр Зан почти не слезал с коня — он объехал все селения Натухая, Шапсугии, прося адыгов соблюдать перемирие. Он готов был так же объехать с Берзеджем Убыхию, но князь отправился в Абадзехию. Конечно, он мог бы и без Карбатыра сам объехать свои аулы, мог бы убедить людей в необходимости мира перед приездом царя, как это делают Хаджемуков, Болотоков, Хагур.

От аула к аулу, от зари до зари, то полем, то горной тропой, то под жарким солнцем, то под проливным дождем весь месяц провел Карбатыр в седле.

Карбатыру казалось, что приезд царя дает, наконец, мир, покой, завершение длинного, мучительного пути, которым шли и великий князь Бжедугии Алкес Хаджемуков, и его младший брат Батчерий, ездивший по адыгским делам к Екатерине II и потом погибший в Бзиюкской битве, и Хан-Гирей, и Магомет-Амин, и Сафербий Зан, и теперь наследник всех этих людей он, председатель Всеадыгского меджлиса, Карбатыр Зан, сын Сафербия. Наследник всех усилий, всех бед, и всех ошибок.

И Магомет-Амин, и Лапинский, англичане, французы — все остались в стороне, а Карбатыр Зан стоит. Как противился он отцу, когда тот говорил, что надо искать мира с Россией, как горячо поддерживал Тима Некраса в его непримиримости неверным. Да и теперь не лучше получается: Цей и Берзедж поддерживают его идею замирения, пока смотрят ему в глаза, а стоит Карбатыру отвернуться, как у них тотчас меняются мнения. Обещал Цей, что абадзехи не будут в эти дни нападать на царские укрепления, но только обещал, на деле же абадзехи по-прежнему рыскают за Лабой — стреляют, жгут.

Неси, неси свою ношу последний из древнего, славного княжеского рода Занов, неси и не ропщи, ведь ты — самый главный теперь из адыгов!.. Ничего, Хаджемуков и Болотоков мудрые люди, они сумеют во главе своей делегации хорошо поговорить с царем.

Успокоилось этой мыслью его сердце. А еще и потому успокоилось, что с горы увиделась поляна Белых Камней, а это значит, что, и Куматыр уже рядом. Легко вздохнулось:

— Вон она, Трам, поляна Белых Камней, можно сказать, приехали домой.

— Да, зиусхан, в гостях хорошо, а дома лучше, не зря так в народе говорят,— ответил Трам и оглянувшись к верховым, ехавшим сзади, приказал: — Эй, кто-нибудь, дайте знать в аул, что князь возвращается домой.

— Не надо,— попросил Карбатыр.

— Надо, зиусхан,— твердо возразил Трам,— не будем нарушать нашего доброго обычая.

— Ладно, как знаешь,— улыбнулся Карбатыр, глядя вдаль, видел там приятное сердцу, успокаивающее.— Думаю, Трам, все мы постепенно смягчаемся, становимся мудрее и добрее друг к другу. Вот и Хапат приглашал к себе в гости старого Бутенко. Сын-то его служит в царской армии против нас, а сам старик дружит с нами.

— Прав ты, зиусхан, смягчаемся мы по воле Аллаха. Мы должны жить в мире, ведь одно поле пашем, по одним

тропам ходим, из одних речек воду пьем, но вот... Хапат мне не нравится.

— Почему?! — удивился Карбатыр.

— Нехорошо он говорит о подворье старика Бутенко, с завистью говорит о косяке его лошадей, говорит, будто у старика очень много золотых монет. Беда просто, как бы Хапат не натворил чего.

— Что ты говоришь, Трам? Неужели Хапат такой?

— Такой, зиусхан, истинно тебе говорю. Ты знаешь его со стороны, а я — ближе.

— Скажи ему, чтобы не смел обидеть старика Бутенко, а не то я с него шкуру спущу!

— Скажу, зиусхан, обязательно скажу.

Вроде и разговор этот был мимолетным, и вечером сидел Карбатыр с гостями за добрым столом, и с Марией хорошо по-семейному поговорили, и не заметил он, что не было за столом Хапата, а вот лег спать, и тревожно ему стало — то засыпал, то просыпался, а как бы и вовсе не спал, пока не увидел, что за окном уже светает. Потихоньку Карбатыр оделся, вышел во двор. Оседлал коня и бросил его в крупную рысь, навстречу всходившему солнцу, просыпавшемуся ветерку, а когда возвращался обратно, встретил Трама, скакавшего навстречу ему.

— Что случилось? — спросил Карбатыр, сдерживая коня.

— Худо случилось!

— Ну?!

— Хапат ограбил старого Бутенко и убил его.

— Не может быть!..

— Казаки схватили Хапата, и не знаю, что будет дальше.

— Горе нам, горе. За что Ты, Аллах, так жестоко наказываешь нас! Надо ехать в Шабеж, Трам. Надо взять с собою почтенного старика Чатежа. Потарапливайся!

У ворот подворья Ивана Бутенко стояли казаки, увидев адыгов, они насторожились. Седой казак, поднял руку, мол, утихомирьтесь.

Спешились адыги.

Вперед вышел старик Чатеж. Помолился молча и сказал:

— Ивану Бутенко, который оставил нас, пусть Аллах дарует мир и покой. У родственников же его, что еще остались жить под сенью господа нашего, пусть это большое горе будет последним. Да облегчит Всевышний вашу скорбь и печаль. Аминь.

Карбатыр перевел на русский язык, сказанное Чатежем, и от себя добавил:

— Горе, что обрушилось на вас — это и наше горе. Причиной ему — мы, адыги, потому и мучает нас совесть. Ограбить, убить того, чей хлеб-соль ты ел — страшный грех, страшная подлость. Если можете, простите нас. Мы просим, господа казаки, не держите зла за эту беду на нас, адыгов. Человек, совершивший богомерзкое дело, находится у вас, мы не можем его покарать по нашим законам, поэтому с чувством скорби и стыда покидаем вас.

Хапат, сидевший взаперти в сарае, отчаянно закричал:

— Зиусхан, Трам, Чатеж! Как вы можете покинуть меня?! Именем Аллаха — спасите меня!

Адыги молча поднялись в седла и поскакали. За околицей их стали догонять два верховых.

— Зиусхан, зиусхан! — кричал Халат.

— Они отпустили его,— удивился Трам.

Карбатыр сказал:

— Мерзавец, я не хочу его видеть!

Хапат догнал их:

— Вон ты как повел себя, князь, вон как ты защищаешь нас от неверных. Позор тебе!

Оглянулся побагровевший Карбатыр:

— Вон с моих глаз! Ты не адыг, ты никто, ты дьявол!

— Ты сам никто, ты сам дьявол! — завопил Хапат и двинулся на Карбатыра.

— Опомнись, Хапат! — закричал Трам, но тот уже ничего не соображал, охваченный ядовитой злобой:

— Не зря, Зан, ты гяурский зять, ты предал адыгов!

Не выдержал князь — со свистом взлетела его шашка!

Тело Хапата рухнуло на землю. Лошадь, испуганно заржала и кинулась в степь.

VI

— Ты слышал, Тим, что произошло со старым Хапатом? — спросил Хатырбай Цей.

— Как же не слышать, слышал. Какая это нехорошая история!..

— Какая это нехорошая, прескверная история,— сокрушался Цей,— ну, угнали, коровенку, коня угнали гяурского,

казака ранили, так что же, казнить за это человека? Как будто у нас не угоняли скот или не ранили, не убивали людей. Да и вот недавно наши наткнулись ночью на засаду, казаки перестреляли всех. Но и мы не остались у них в долгу,— блеснули глаза Хатырбая,— среди бела дня перебили всю казачью сотню.

— Слышал и это,— сказал Тим.— И нечего жалеть их. Ты прав, Хатырбай. Сто раз прав, а Карбатыр, мой зять, слишком мягок с ними.

— Валлахи, Тим, мало ли что царь ихний едет! Ну и пусть едет, не нужен он нам. Умру, но не склоню перед ним колени! Клянусь тебе!

— Не понимает Карбатыр, что и мы царю не нужны, это понимает даже мой внук Алимбек, а его дядя, князь Карбатыр Зан, не понимает.

— А Джеймс? Он тоже возмущается Карбатыром. Да и князь Берзедж только сдерживает себя, а сам-то негодует — вижу я его насквозь, за нас он стоит. Не только он, многие члены меджлиса возьмут нашу сторону, если заговорим об этом.— Потом, понизив голос, Хатырбай сказал Тиму: — Ты, как тесть, как старый человек, поговори с Карбатыром. Если он не перестанет кланяться перед царем, меджлис не потерпит такого тхаматэ, весь народ не потерпит. Поговори, предупреди.

— Боюсь, не послушает меня.

— Хуже для него же. Мы-то с Берзеджем думали — молодой, сильный парень, образованный, знает русский язык, знаменитой княжеской фамилии, потому и уступили ему власть, мол, владей, управляй, а он, видишь, как повел себя! Опомнится, да поздно будет. Так и предупреди его. По-свойски, по-семейному скажи. Я не желаю ему зла, видит Аллах, но не один я так думаю.

Тим обеспокоился последними словами Цея: под чью дудку ты пляшешь, если не один ты так думаешь? Джеймса?! Точно, он мне тоже что-то вроде этого пел, только осторожненько, по-английски, они такие. Что же это я уши развесил? Не Карбатыр принимал решения, а весь меджлис. И Цей был согласен и Берзедж. Выходит, кому-то не нравится наше единство, опять хотят разорвать нас на части? Тише, Тим, спокойнее, не торопись с этим делом, обдумай все хорошенько.

И Тим сказал Хатырбаю:

— Если ты не обидишься, я тебе посоветую: поговори ты с Карбатыром. Ты постарше его, в жизни больше всякого повидал. Он послушается тебя скорее, чем меня.

— Ты прав, Тим. Я ведь ровесник его отца. И не только ровесник, но и был близким ему другом. Карбатыр так молод, в его ошибках виновны и мы, его старшие товарищи.

После этого разговора с Цеем, очень задумался Тим. Стал ездить по аулам, вызывая людей на разговоры о Карбатыре. Сколько бы он не пытал тфокотлей, они говорили о нем только хорошее, соглашались с тем, что он делал. Потом спохватился Тим: конечно, кто ему посмеет сказать правду о его зяте. Пришлось переменить тактику, начал через верных людей выспрашивать о разговорах в кунацких насчет Карбатыра. Оказалось, сами крестьяне, как и говорили ему, стоят на стороне Зана, а вот Цей и Берзедж наговаривают на него всякую всячину, подзуживают, мол, Карбатыр предает адыгов царю. Хагур и Трам ему сказали, не только Цей и Берзедж настроены против Карбатыра, но и некоторые князья, родовитые и зажиточные тфокотли. Этим-то чего не хватает, подумал Тим, чего они добиваются?

Хотел Тим поговорить с Карбатыром, но сначала решил повстречаться с Джирандуком. Кто знает, возможно, и на него наговаривают. Узнав, что Джеймс уехал в Абадзехию к Цею, отправился Тим к Берзеджу.

— Был я в Туапсе, князь Джирандук, и решил, что нехорошо миновать дом предводителя Убыхии,— слукавил Тим,— так что принимай гостя.

— Валлахи, Тим, как я рад тебе, как благодарен, что ты заглянул ко мне, не забыл своего старого друга. Ты — настоящий мужчина, истинный адыг. И все ж ты меня недооцениваешь, дружище! — залился смехом князь.

— Во имя Аллаха, скажи, где моя ошибка? А-а? Конечно,— конечно, Джирандук не только предводитель убыхов, он один из вождей всех адыгов!

— То-то, друг мой,— еще веселее смеялся князь,— а то я уже хотел на тебя обидеться. Ты, наверно, согласен со мною: чтобы быть вождем всех адыгов, вовсе не обязательно представлять самое многочисленное наше племя,— серьезно заговорил Берзедж.— Думаю, это поняли и шапсуги, и абадзехи, и все другие, а? Мы ведь впереди себя поставили твоего зятя из-за его молодости и силы. Думаю,

Карбатыр понимает это и с должным уважением относится к нам, с почтением и благодарностью.— И опять весело рассмеялся князь: — Аллах любит добрую шутку, но, как говорится, делу время, а потехе час... Что нового у вас, все ли здоровы в семье, как поживает внук Алимбек?

Шутки шутками, а дело делом, вижу куда ты клонишь, мой старый, добрый и хитрый друг, подумал Тим и сказал:

— Благодаря вашим мудрым решениям, тихо-мирно у нас. Домочадцы мои довольны жизнью, слава Всевышнему. Алимбек стал хорошим парнем и честным.

— Не подыскать ли ему достойную невесту?

— Каждое утро спрашивает, когда мы будем рубиться с нашими врагами!

— Вот это настоящий мужчина, такой же, как и его дед,— восхитился Берзедж, а потом нахмурился и спросил: — А где отец Алимбека, жив еще?

Насторожился Тим. Опустил голову и ничего не ответил.

— Прости меня, Тим. Глупый вопрос задал я. Прости. Это жизнь наша такая горькая.

Примерно в то же самое время, в этот же день Джеймс Белль сидел в кунацкой Цея:

— Ты слышал последние новости из России, Хатырбай? Говорят там, собираются крестьян, по-вашему тфокотлей, освободить от рабства.

— Говоришь, тфокотлей хотят там сделать свободными?

— Говорю о крепостных крестьянах. Да, да, о тфокотлях. Сам царь это замыслил.

— Нельзя, чтобы об этом узнали наши тфокотли,— озабоченно сказал Цей.— Ты мне ничего не говорил, а я ничего не слышал, Джеймс. А то, знаешь, услышат это и будут приветствовать царя, тоже захотят свободы.

— Согласен с тобой, ваши тфокотли могут в обьятья русскому царю кинуться, это такая новость, о которой и глухой услышит. Об этом уже во всех газетах пишут. Подальше вам надо держаться от него, наглухо надо все перекрыть. А Карбатыр все гнет линию покойного отца, все ищет мира с Россией, а мир этот может окончится такой войной крестьян против князей, родовитых, что небу аж станет жарко.

— Верное твое слово, Джеймс. Берзедж тоже жаловался на Карбатыра. Надо попридержать его, а то распробует

хорошенько власть, войдет во вкус, тогда его уже не удержишь.

— Надо ему втолковать, что вас с Джирандуком двое, а он один. Возможно, просто напросто отодвинуть его в сторону, пока не поздно, а?..

VII

Тесть и зять сидели в княжеской кунацкой.

Тим передал Карбатыру свой разговор с Берзеджем, разумеется, не назвав его имени. И не только с ним, но и с другими:

— Они говорят, что ты хочешь, как наиб, предать всех адыгов. Ты знаешь, дорогой зять, я, как твой родственник, желаю тебе всяческого добра, а еще больше желаю добра всем адыгам, и скажу, что ты неправильной дорогой идешь, множество бед тебя ждет на этом пути. Тебя и твоих родственников, потомков древнего рода Занов. Идти на поклон к царю, служить ему — это горе горькое.

Карбатыр, как некогда делал отец, заложив руки за спину, походил по комнате, сдерживая свой пыл, горячность, потом сел и уже совершенно спокойно заговорил:

— Ты друг моего покойного отца, ты мой тесть, поэтому мне грешно на тебя обижаться. Больше того, я, как младший, должен повиноваться твоей воле, но я еще и председатель Всеадыгского меджлиса, органа высшей власти в Черкесии, поэтому не только имею право, но и обязан возразить, если считаю это необходимым. Ты знаешь, как я ненавидел наиба, как спорил с отцом, как шел иногда против его воли. Я уже потерял счет рубцам, следам ранений на моем теле, приобретенных в схватках с врагами, но время, оно как вода в реке, с каждым днем, минутой становится иным и человека требует иного, двигаться обязан, а не стоять. Ты, дорогой тесть, со своими сторонниками, как камень придорожный,— ни с места! Вы требуете — лучше умереть в честном бою, чем жить под гнетом царя! Не возражаю, не имею права распоряжаться вами, а какое право имеете вы распоряжаться теми, кто должен по воле Аллаха прийти на землю? Ладно, Алимбека ты можешь соблазнить, но как будет с сыном Алимбека, с его внуками? Вы уверены, что они вам простят смертный приговор, который вы выносите им, ни в чем неповинным?

Так говорил князь Сафербий, мой отец. Я согласен с ним.— Карбатыр постоял у окна, помолчал, потом сел напротив тестя, продолжил: — Победа добывается не только шашкой или пушкой. И мудростью, и хитростью, и умением глядеть вперед. Я, как и ты, как и многие другие, хоть сейчас умру за свою землю, за свой народ — все-таки не удержался Карбатыр, разгорячился под конец.

— Высокие слова ты говоришь, зять,— задумчиво сказал Тим,— боюсь, не поймут тебя простые люди. Одни не поймут, а другие не захотят понять. Княжеский титул ты получил по наследству, никто не может отобрать его у тебя, а вот власть председателя меджлиса страны дали люди, они ее могут и отобрать. Подумай об этом.

— Я не только председательским местом, но и самим княжеским титулом поступлюсь, откажусь от них, если этого потребует истина!

У-у, достойный, достойный сын Сафербия! — в душе воскликнул Тим. Дальше отца пошел. Помогай ему Всевышний!

Перед дорогой на заседание Всеадыгского меджлиса в Туапсе Карбатыр вышел посидеть в сад.

Чем выше поднималось солнце, чем ярче оно светило, тем печальнее выглядели голые деревья, опавшая листва. Вот только пламенели крутобокие шафранно-алые яблоки на старой яблоне. Не было уже на ней листьев — только яблоки, ее главный смысл.

Говорили, что яблоню эту собственноручно посадил сам князь Магомчерий, дед Карбатыра. Сочное, ароматное яблоко звонко захрустело на зубах князя.

Теперь в ауле да и не только в ауле, а во всей округе мало кто помнил князя Магомчерия, одни лишь старики, которых становилось все меньше и меньше. А вот яблоки этой яблони и от других уже ею рожденных, знали все далеко от Куматыра. Крепкие, звонкие, они наполняли ароматом дома до самых лютых морозов, радовали своей сладостью, своей памятью о лете и детишек и взрослых.

Построй дом, посади дерево, воспитай сына! Так размышлял князь Карбатыр, председатель Всеадыгского меджлиса. Ты все успел, дед Магомчерий. Попроси на том свете за меня Аллаха, пусть Он поможет мне сделать счастливым адыгов, твоих внуков и правнуков, тат.

Не торопясь, наслаждаясь доброй осенней погодой, чистотой далей, горных вершин, звонкостью горных ручьев, Карбатыр со своими спутниками к вечеру прибыл в Туапсе. До вечернего намаза успел кое с кем повидаться. С Цеем, с Берзеджем. Говорили о том, о сем, но странно ни слова о деле, о предстоящем заседании. Это и удивило и насторожило Карбатыра. Они даже о письме, которое с Джеймсом приготовили для подачи царю, не спрашивают.

2 сентября 1861 года, в 10 часов утра с торжественного намаза началось заседание Всеадыгского меджлиса.

Встал Карбатыр, чтобы объявить заседание открытым, но его остановил жестом, своей большой руки Берзедж:

— Погоди, Карбатыр, я хотел бы перед высокоуважаемым меджлисом поставить один вопрос... Уважаемый, высокочтимый меджлис, для руководства вы выбрали троих. У всех одинаковые права. Мы с глубокочтимым Хатырбаем Цеем, посоветовавшись, в прошлый раз решили: поручить вести заседания Карбатыру Зану. Вы помните, он хорошо вел, а теперь, если вы не против, давайте поручим открыть наше заседание и вести его предводителю одного из самых крупных наших обществ, абадзехского общества — Хатырбаю Цею.

Зашумели недовольно некоторые члены меджлиса. Джирандук поднял руку, требуя тишины.

Встал Нурмагомет Хагур:

— У меня к тебе вопрос, князь Джирандук.

— Слушаю тебя, Хагур.

— Прошу простить меня... Меджлис выбрал троих своих руководителей. Разве, вы трое не выбрали председателя?

— Я отвечу на твой вопрос, Хагур. Мы уважили тогда Карбатыра Зана, но особых прав не давали.

— Да простится мне, но это немножко странно держаться втроем за один повод скакуна. Теперь я хочу, многоуважаемый меджлис, вот что сказать: думаю, не надо делить племена адыгов на крупные и мелкие, это приведет к одним лишь раздорам. И если мы начнем мерять, у кого большая шапка, у кого меньшая, если по этим шапкам начнем делить власть, к добру это не приведет. Не только мы, но и наши отцы, деды насмотрелись на распри между адыгами, много крови пролито из-за этого дележа. Хватит с нас!

Собрание загудело одобрительно, поддерживая Хагура.

Хитрый Берзедж заулыбался, закивал согласно головой:

— Верные слова ты сказал, Нурмагомет. Очень верные. Я только всего лишь говорю: побыл председателем Карбатыр Зан, теперь пусть побудет Хатырбай Цей. Только и всего. Думаю, это будет совершенно справедливо, никого не унизит.

Встал Карбатыр:

— Я прошу, уважаемые члены меджлиса, поддержать Берзеджа. Я буду докладывать вам о письме царю, выступать с докладом, так что, Цею будет сподручнее вести заседание. Это о сегодняшнем нашем заседании, а вообще, конечно, Хагур сказал верные слова: бразды правления должны находиться у одного человека, у предводителя всей Черкесии. Так считаю я.

Зашумело собрание.

Председательское место занял Хатырбай Цей.

Письмо к русскому царю зачитал Карбатыр Зан.

Наступила неловкая тишина. Никто не хотел первым говорить. Это насторожило Карбатыра, Хагура. С подозрительностью посматривал Тим Некрас.

Потом разговорились.

Опасения Карбатыра оказались правильными: большинство выступавших возражало против письма.

Поднялся Джирандук:

— Видишь, князь Карбатыр, меджлис считает, что надо переписать твое письмо. Так я и думал,— молодость в тебе еще играет. Мы тоже написали. Прочти, уважаемый Хатырбай. Если меджлису понравится, то Карбатыр потом переведет его на русский.

Цей сходу начал читать: «Хоть вы и воюете с нами, мы вас все-таки называем — уважаемый царь! Минуло более пятидесяти лет, как вы затеяли против адыгов кровавую войну. Еще раз говорим вам: мы, адыги, не принадлежим никому — на протяжении тысячилетий живем на своей земле и защищаем ее. Вы оскорбили нас, сказав, что адыги не существуют как единое государство, в ответ на ваше оскорбление мы создали Всеадыгский меджлис, высшую власть всей Черкесии. Англия, Персия, и другие страны официально признали наше государство, на это у нас имеется соответствующая бумага. Если мы, Черкесия и вы, Россия, намерены мирно сосуществовать, то между нами должен быть заключен мирный договор: 1. Вы должны

увести свои войска с нашей земли. 2. Убрать крепости, возведенные вами в Черкесии. 3. Необходимо убрать от нашего Черноморского побережья ваши военные корабли. 4. Установить добрососедские отношения. 5. Необходимо обменяться военнопленными.

Если вы не примете наши условия, мы будем воевать с вами до тех пор, пока будет жив хотя бы один адыг».

Наступила какая-то странная тишина — не было одобрения, не было осуждения — просто гробовая тишина. Ее прервал Карбатыр:

— Уважающее себя государство не станет обращаться к другому с таким посланием.

— Что ты имеешь в виду? — рассердился Цей.

— Что тебе не нравится в этом послании? — вкрадчиво спросил Берзедж.

— Это не послание, а ультиматум, после которого разговаривают друг с другом только оружием. Здесь нет стремления к миру, нет никакой надежды, что мы достигнем его. Уважаемые члены меджлиса, если мы пошлем это письмо русскому царю, то адыгов в конце концов ожидают новые страдания и гибель его как народа...

Три дня шли споры вокруг послания. Что-то подправляли, что-то смягчали. Опять спорили.

Сторона Берзеджа и Цея оказалась в большинстве. А может быть, все просто устали, потеряли веру в смысл этой бумаги, отупели от трехдневных споров, и, безнадежно опустошенные, проголосовали за послание. Против проголосовало всего четверо, в их числе был Карбатыр Зан и Нурмагомет Хагур.

Тим Некрас воздержался: сидел, понурив голову, беспомощно опустив свои большие руки между колен.

VIII

— Какие новости, князь? — спросил Джеймс еще не успевшего слезть с коня Берзеджа. Так Джеймсу Беллю не терпелось.

Князь Берзедж был очень доволен случившимся, взял под руку англичанина, широко улыбнулся:

— Валлахи, Джеймс, этот Карбатыр Зан заставил-таки нас порядком поволноваться, но мы его, что называется, положили на обе лопатки. Какой из него предводитель

адыгов?! Нет и нет! Ему, должно быть, будто он открыл новый путь для адыгов, но мы-то не только там побывали, а и назад уже вернулись. Не глупец ли он — хочет стать на колени перед царем, хочет с распростертыми объятиями встретить его, этого палача нашего многострадального народа! Не бывать этому, тысячу раз не бывать! Но ладно, все это уже позади. Как ты тут себя чувствовал, не обижали убыхи, пока меня не было дома?

— О нет! Разве могли обидеть меня, твоего друга! Убыхи — чудные люди, удивительно гостеприимные.

Доволен Берзедж, всем на свете доволен.

А Джеймс был доволен князем, его удачной поездкой, размышлял: зарвалась Россия. Победив Дагестан и Чечню, она открыла себе дорогу через Дербент в Персию, а если еще и в Черкесии закрепится! Нет, надо разжигать огонь, подбрасывать дрова, подливать масло в огонь.

— Я очень волновался эти три дня,— неторопливо шагая, продолжал Джеймс,— хотя был уверен, честно сказать, в вашей победе.

— Да,— согласился князь,— кипели там страсти. Хагур начал тянуть линию в поддержку Карбатыра, но я осторожно повернул его в свою сторону. Сам Карбатыр глуп, как медный грош, безо всяких уступил Цею председательское место... Эй, кто там! Зарежьте-ка пожирнее барашку. Будем пировать, праздновать победу. А потом, я думаю, ты поедешь поздравить Цея, ведь теперь он стал председателем Всеадыгского меджлиса! Карбатыр все же пошел в отца, не умеет постоять за себя. Этим мы с Цеем и воспользовались. Сначала между собой договорились, а потом за Цея проголосовали. Все было отлично! И ты знаешь, я тебе скажу: мы расстались мирно с Заном. Больше того, он проводил нас до самой абадзехской развилки дорог. Молодец, показал свое уважение старших.

— Ты так думаешь? — слегка улыбнувшись, призадумался Джеймс.— А не хитрит ли Карбатыр, не прикинулся ли он миролюбивой овечкой?

— Не, думаю, Хагур, Трам да и сам тесть Карбатыра, Тим Некрас вовсе не скрывали своего неудовольствия. Как же они выпустили власть из своих рук? Удивляюсь...

Запахло жареным мясом. Принесли аппетитные холодные закуски и Берзедж с сожалением сказал:

— Такой стол, такой праздник, и мы только вдвоем!

— Не торопись, князь,— улыбнулся Джеймс,— мы не будем вдвоем, у нас будут важные гости.

— Как?! Кто такие?! — крайне удивился князь.

— Это тебе мой подарок, из Турции приехали Измаилбей Хрозер и Лонгворт.

— Как?! — уже совсем опешил Берзедж.— Почему меня не предупредили мои домашние!

— Это наш сюрприз, князь.

— О-о, спасибо! Великое спасибо! — воскликнул Джирандук, снял со стены роскошную плетку с серебряной рукоятью.— Это мой тебе подарок. Прими, пожалуйста, в знак нашей дружбы. Ах, хитрецы вы, англичане! И такая выдержка! То-то я смотрю, уж как-то слишком быстро изжарили мясо, закуски приготовили. Но где же гости?

— Поехали прогуляться к морю. Вот-вот вернутся.

— Измаилбей Хрозер! — Воскликнул князь.— Это же сколько лет я не видел его? Последний раз я был в Турции в самом конце Крымской войны. И Лонгворта давно не видел. Поедем, Джеймс, навстречу гостям.

— Не надо,— как-то уклончиво ответил Джеймс.— Сами приедут.

— Хорошо. Тогда давай мы с тобой, пока вдвоем, по-дружески поднимем полные рога за нашу победу, за наше здоровье, за торжество нашего общего дела.

Выпили. Закусили.

Князь молча посидел в раздумье, а потом заговорил:

— Пусть Цей будет председателем. Мне власть ни к чему... Я мира с царем не хочу не потому, что он убийца, разоритель адыгов, а потому, что он дал свободу своим крепостным, можно сказать, указал дорогу и нашим, моим крестьянам. Этот мир разорит меня! Вот я и говорю царю: накось, выкуси! — Берзедж большими, замасленными пальцами сотворил кукиш.— Мы тоже, не носом воду пьем!

— Так и у Зана тоже есть крестьяне,— заметил Джеймс.

— Это дело его, а я не замирюсь с царем, и крестьянам своим свободу не дам! — горячо сказал Берзедж, потому угрюмо повторил: — И никому не дам замириться. Плохо то, что они все равно узнают об освобождении. Это страшная зараза! Как убережешься! Может, уйти со своими крестьянами подальше отсюда, а? В Турцию. Там султанская власть крепкая, порядки надежные... Но что же наши

гости задерживаются? А мы давай еще по одному выпьем. Покойный Сафербий бывало говаривал: если душа томится, надо ее развеселить. Другом мне был Сафербий, царство ему небесное, хотел мира в Черкесии, но сам же и затевал борьбу то с наибом, то с царем, то с султаном.

Кажется, ничего страшного не произошло на последнем заседании Всеадыгского меджлиса. Пусть теперь председателем будет Цей, пусть приняли не его письмо к царю, а Берзеджа. Страшно то, что в едва успевшем родиться единстве, появилась трещина. Она еще и не очень заметна, однако Карбатыр понимал — это начало конца единству адыгов, о котором так мечтал отец. Уже ясно, как божий день, адыги разделились на сторонников Цея с Берзеджем и Карбатыра Зана. И настолько разделились, что мира между ними не будет.

Послышался конский топот. Похоже, Нурмагомет и Трам вернулись из Бжедугии, куда посылал их Карбатыр.

— Что новенького слышно в Бжедугии? — спросил Карбатыр вошедших.

— Царя ждут,— устало ответил Хагур,— только не знают, с какой стороны он появится.

— А разве это так важно?

— Асланбеч Хаджемуков хочет знать, чтобы по законам адыгского гостеприимства встретить его,— ответил Трам, и добавил: — Он говорит: от того, как встретим царя, многое для нас зависит.

— Вот видите, Асланбеч понял это, а Цей с Берзеджем нет. Поглупели они, что ли, от власти, которая свалилась на их несчастные головы? А знает ли Асланбеч Хаджемуков, что произошло в меджлисе?

— Знает и поддерживает тебя, зиусхан. Но русским царем недоволен: зачем он дал волю крестьянам, зачем показал дурной пример?

Засмеялся Карбатыр. Горько засмеялся:

— Тогда ему надо не меня, а Цея с Берзеджем поддерживать. Неужели адыги будут проливать свою кровь еще из-за того, что в России крестьянам дали волю?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

I

Адыги ждали российского императора Александра II.

Одни просто ждали, а другие спорили, даже ссорились: как его встретить? Торжественно или скромно?

Одни ждали с миром, а другие нет-нет да и устраивали набеги на казачьи крепости.

Асланбеч Хаджемуков решил съездить к Карбатыру, обговорить с ним встречу царя, потом заглянуть к Цею и пожурить его за набеги молодых абадзехов на крепости. Надо бы и с Берзеджем повстречаться, который за спиной шапсугов строил козни, вел свои отдельные переговоры с турками, с англичанами и французами.

Ступив на берег речки Бзиюк, Асланбеч слез с коня. Спешились и его спутники.

Над равниной Неджид высокое небо было, не по-осеннему, светло-ярким, с белыми облаками. Величественно поднимались к самому небу снежные вершины гор. Над миром сияло, царило солнце.

Тишина. Только ворковала речная волна.

Воздел Асланбеч руки к небу и стал про себя молиться. О Всеславный Аллах, здесь, в конце прошлого века, пролилась адыгская кровь, здесь завязался узел отношений с Россией и до сей поры не можем мы его развязать. Прости и помилуй павших, да хранит живущих Твоя милость, да будет Твоя святая воля ныне и во веки веков. Пусть прекратится изнуряющее, греховное кровопролитие между людьми, смягчатся их ожесточившиеся сердца.

Облегчил Асланбеч молитвою свою душу, успокоился, тронулся в путь, и опять одолели его тревожные мысли: зачем это пожаловали к нам Хрозер и Лонгворт. Не помню, чтобы они приносили мир и покой. Опять приехали за какой-нибудь своей выгодой, которая уже столько лет держится на нашем горе. Опять будут обещать помощь, чтобы разжечь страсти.

— Стой, кто идет? — услышал Асланбеч окрик, а потом увидел верховых казаков.— Э-ге! Та это ж бжедугский князь Хаджемуков!

Офицер поприветствовал по-адыгски:

— Доброго пути, зиусхан!

— Здравствуй, Руфат. Давненько я тебя не видел. Как поживаешь?

— Спасибо, хорошо. Охраняем нашу российскую границу, которую вы преступили, князь, — нахмурился Руфат.

Нахмурился и Асланбеч:

— Мы можем проехать в Натухай?

— Можете, князь. Пропустите путников! — по-русски приказал Руфат казакам и, когда адыги проехали, он вслед крикнул: — Князь, коли заглянешь к моим, скажи сыну Алексею, что виделись с тобою.

Чем говорить это, подумал Асланбеч, взял бы да сам заехал. Отец и сын живут, будто два острых кинжала, направленных друг против друга. А как же между ними быть парню? Отец зовет его Алексеем, а дед Алимбеком. Горе, адыги, вам, горе. Когда же оно утихнет. Ладно, Тим мужчина, а каково бедной Самай, матери?

Пришпорил Асланбеч коня, пустил его крупной рысью. Хоть бы ветер, что ли, развеял тоску и боль сердечную.

Поднялись на Шабежское взгорье, на Адербийскую гору — показалось море. На его просторе гуляли волны и бескрайняя морская даль должна бы обрадовать Асланбеча и обрадовала бы, но стоявшие на рейде военные корабли еще только углубили сердечную боль. Он подумал: наверное, беды адыгов вот такие же бесконечные, как море, уходившее к туманному горизонту, в бесконечность.

А в долине лежал Куматыр, к которому они на рысях приблизились уже где-то через час.

Но сначала кладбище, с каменными надгробиями.

Сколько могил! Наверно, больше, чем жителей в ауле.

У входа на кладбище возле лошадей стоял Лонгворт. Подальше — у отцовской могилы — Карбатыр. У могилы Хури-ханум — Трам и Измаилбей Хрозер.

Оставив коня у ворот, Асланбеч пошел к Карбатыру, поздоровался с ним негромко, чтобы не нарушать кладбищенской тишины, потом спросил:

— Сегодня, кажется, нет никакого праздника, что это ты на могилу пришел?

— Хрозер захотел побыть у Хури, вот и приехали.

— Как же это — Измаилбей и Трам?..

— Я сказал Траму, чтобы не приходили сюда, а он воспротивился, сказал, не позволит стоять у могилы Хури Измаилбею одному... Думаю, им обоим очень тяжело.

— Измаилбей знает об отношениях Трама и Хури?

— Знает, но не подает виду.

— Подлый он все-таки человек,— строго сказал Асланбеч,— быть любовником жены отца...

— А Хури? — спросил Карбатыр и пожалел, не надо было так.

Асланбеч пожал плечами:

— Что она могла? Ведь ее продали в рабство. Измаилбей, даже если и истинно любил ее, поступил гадко, унижал ее. А потом, Хури была верной своей первой, настоящей любви. Не нам с тобою судить ее, Карбатыр, это дело Аллаха. Прости им всем прегрешения, Всемилостивый! А чего это мы с тобою у могилы Сафербия говорим об этом? Прости нас, Сафербий, пусть земля тебе будет пухом, пусть милостив будет к тебе Всевышний. И к нам, о Великий, будь милосердным!

У околицы Куматыра дорога сворачивала на Абадзехию. Карбатыр обратился к Хрозеру:

— Передай наш салам абадзехским тфокотлям.

— А Хатырбаю Цею? — спросил Хрозер, намекая на вчерашний разговор об абадзехах.

— А что собой представляет Цей без крестьян. Они главная сила, надо, чтобы поняли сложность нашего положения, если не поймут, все может пойти прахом.

— Выходит, Карбатыр,— Измаилбей усмехнулся в усы, тронутые сединой,— ты еще не встречался с русским царем,— а уже замирился с ним?

— Как знать, может быть, так будет лучше.

Лонгворт промолчал, затаив усмешку.

Когда гости уехали, Асланбеч, пожал плечами и сказал:

— Не знаю, что было между тобою и гостями твоими, ты как-то уж очень поспешно выпроводил их.

— Ты прав. Но я скажу так — они получили то, что заслужили. Три дня мучили меня, увещевали, укоряли, ублажали. Потом открыто сказали: если мы в разговоре с царем проявим твердость, то нам самым срочным образом будет оказана большая военная помощь.

— Такая же срочная и такая же большая, как и во все прошлые годы? — с издевкой сказал Асланбеч.

— Нет, твердо обещали.

— А разве хоть раз они обещали иначе? Хватит с нас этих обещаний!

Во дворе Карбатыра среди встречавших Асланбеч увидел юношу — пригожего, стройного, в черкеске, хорошо вооруженного. Хаджемуков догадался — Алимбек Некрас. Хотелось заговорить с ним, передать ему слова Руфата, но в суете приветствия, всяческих пожеланий он не смог этого сделать, и, оставшись с Карбатыром вдвоем, сказал:

— Я сегодня видел Руфата Некраса и его прекрасного, уже совсем взрослого сына.

— Он ничего не просил сказать сыну?

— Просил, зиусхан. А ты откуда знаешь?

— Он всегда и всех просит. Думаю, не надо говорить об этой встрече Алимбеку, ему будет неприятно.

— Валлахи, даже не знаю, что и подумать: почему не едет Карбатыр, ведь мы за ним посылали специального гонца? — сказал Цей, вроде бы сожалея о происходящем, но сказал холодно.

— У нас впереди целый день,— ответил Хрозер,— подождем часок.

— Мы ровесники его отца, будем ждать его?! — воспротивился Берзедж.— Нам сказал, что он обиделся на нас за прошлое заседание меджлиса, но при чем тут мы с Цеем, если так решило большинство? Думаю, шестеро одного не ждут. Здесь такие высокие представители из далекой Англии, Турции, а он из ближнего Натухая не мог сюда добраться. Надо начинать!

— Я не знал, что у вас собрание намечается,— смутился Асланбеч,— я приехал просто повидаться с вами, у меня нет никаких полномочий от бжедугского хасэ.

— Ты не думай, Хаджемуков, что здесь состоится заседание меджлиса, мы просто хотели между собою обговорить некоторые дела,— успокоил князя Цей,— потому и пригласили Карбатыра. Правда, мы знаем об отношении Зана к приезду царя. Мы решили потребовать у него, чтобы он убрал отсюда свои войска, крепости, не строил больше дорог, изводя наши леса.

— Насколько я знаю,— прервал речь Цея Асланбеч,— Карбатыр, как и вы, тоже хочет самостоятельности Черкесии, ее благополучия.

— Я знаю, чего он хочет! — сердито воскликнул Берзедж.— Он спит и во сне видит себя великим князем Черкесии, ее единовластным правителем, а потому и

пойдет на любое соглашение с царем! Верно я говорю, Джеймс?

— Ну-у-у, я не знаю твердо, но что-то вроде этого он замышляет. Так мне кажется.

Очень неприятно было Асланбечу Хаджемукову слышать все это. Он встал:

— Большой грех наговаривать на человека напраслину. Он не меньше других думает о делах адыгов.

— Слава Аллаху,— вступил в разговор Хрозер,— на стороне адыгов Англия, Франция, Турция, они признали Всеадыгский меджлис, признали Черкесию как государство. Вот документы, полученные из Англии, зиусхан. Лонгворт, покажи бумаги.

— А-а, это всего лишь бумага, много мы видели разных бумаг, да адыгам от них не было легче.

— Погоди, Асланбеч! — занервничал Цей.

Хрозер остановил его:

— Не надо так резко говорить. Давайте спокойнее... В России поговаривают, а не выселить ли вообще всех адыгов в Турцию?

— Как это?! — возмутился Асланбеч.

— А так. Мол, езжайте, в Турцию к своим братьям по вере и живите там с ними в мире и добром здравии.

— Этого быть не может! — еще больше возмутился Асланбеч.— Что за глупость!

— Очень даже может быть,— сказал Цей,— поэтому мы сюда и собрались, хотели, чтобы и Карбатыр узнал эту новость, как говорится, из первых рук, от гостей, которые в тревоге за нас прибыли в Черкесию. Скорее небо упадет на землю, чем у меня отнимут мою родину! — Хатырбай поднялся во весь свой рост, обнажил кинжал, поцеловал его и поднял над головою.— Клянусь именами павших в боях адыгов, этим оружием клянусь! Скорее умрем, чем отдадим родину! Или мужество, или смерть! — Сел Цей. Напряженная тишина наступила в кунацкой. Никто не решался продолжать разговор, словно бы ожидая чего-то невероятного, что вот-вот должно произойти. Хатырбай выждал время и продолжил: — Ты что думаешь, Хаджемуков, царь, давший крепостным крестьянам свободу, принесет на нашу землю доброе семя?

— Для того, чтобы сохранить адыгов, я отдал бы все, что есть у меня,— ответил Хаджемуков, в упор глядя на Цея.

Цей, не отведя взгляда, твердо проговорил:

— Делай так и потом будешь нищим, просящим у тфокотлей на пропитание. Ты этого хочешь? И вообще, мне кажется, что ты приехал к нам очилем[1] русского царя и Карбатыра Зана.

— Зиусхан,— встал Хаджемуков,— не забывай, что я в твоем доме сижу, как гость и вместе с твоими гостями. Я — князь Хаджемуков, а не защитник и приехал сюда вовсе не для того, чтобы меня оскорбляли. Обычаи адыгов для меня священны. Прошу простить, уважаемые гости! Бысым[2] Цей, прикажи подать моего коня!

— Валлахи, Асланбеч, нельзя же так. И ты, Хатырбай! Как ты мог! Если мы, предводители, рассоримся между собою, то что же останется нашим тфокотлям? — заторопился Берзедж.

Всполошился Цей. Встал перед Хаджемуковым:

— Асланбеч, мы с тобою знаем друг друга столько лет! Поверь, я вовсе не хотел обидеть тебя, Аллах тому свидетель. Прости меня, пожалуйста, не позорь перед гостями. И, как говорит Тим Некрас, провались они, эти цари, чтобы мы еще и между собою ссорились. Никуда я тебя не пущу, пусть конь твой отдыхает у коновязи. Еще раз прошу, прости меня.

— Ладно,— смягчился Хаджемуков,— я тоже погорячился. Каждый сам себе хозяин, и волен иметь свое собственное мнение, ничего тут страшного нет.

— Разумеется,— поддержал Асланбеча Джеймс,— каждый из нас волен поступать так или иначе, только перед господом богом держим ответ, а все же лучше, когда мы едины в важных делах. Я люблю князя Сафербия, люблю его сына Карбатыра, однако если он говорит адыгам — бросьте оружие, преклонитесь перед царем, я не могу с ним согласиться. Не могу во имя самих адыгов. Я столько лет живу с вами, что вы стали мне родными.

— Истинные твои слова, Джеймс,— обрадовался примирению Берзедж.

Это было 4 сентября 1861 года.

Карбатыр не поехал вместе с Хаджемуковым в Абадзехию, потому что созвал в Адерби Всешапсугское хасэ.

[1] О ч и л ь — защитник, адвокат.

[2] Б ы с ы м — хозяин дома, у которого гостят.

До приезда Александра II в Тамань оставалось шесть дней.

II

Слухи — одни страшнее других. От аула к аулу летают они черными птицами, пугают людей, тревожат их сердца:

— Всех поголовно выселит царь в Турцию!

— А если хочешь остаться в своем доме, пахать землю своих предков, надень на шею крест, ешь свиное сало.

— Говорят, темиргоевцы под предводительством своего князя Болотокова выедут встречать царя на конях.

— Конец войне! — говорят одни.

— Конец миру, конец всей нашей жизни! — утверждают другие.

Тревога, слезы, ожидания, разочарования...

Об этом же беседовали с глазу на глаз в Бжедугии Хаджемуков и темиргойский князь Болотоков.

— Валлахи, князь, я думаю, нам особенно нечего опасаться царя, мы не воевали с ним, а вот шапсугам, убыхам, да абадзехам, особенно, может достаться — много крови пролито, много зла накопилось.

— Не говори, князь, есть и нам чего опасаться,— возразил Шекультыр Болотоков.

— Чего же?

— Тфокотли наши по примеру русских могут получить свободу. Что нам тогда делать? Как жить? Нищими будем. Тут я с Цеем и Берзеджем заодно.

— Так уж — нищими, зиусхан! В России куда больше князей, помещиков — и ничего, живут. Хорошо живут.

Шекультыр Болотоков как бы и не слышал Асланбеча Хаджемукова, продолжал свое:

— Измаилбей Хрозер говорит, что в Турции не будет этого никогда, там твердая султанская власть. Может быть, нам...

— Чего же ты не договариваешь, что нам?

— Почему бы нам со своим богатством, с тфокотлями и их семьями не уехать?

— Зиусхан! — не сдержался и крикнул Асланбеч. Потом устыдился своей несдержанности.— Извини. Если бы мне сказали, что мое богатство увеличится тысячекратно, но я никогда больше не увижу Черкесии или стану нищим,

но буду жить на родной земле и буду похоронен рядом с моими предками, я выберу последнее. А ты?

Вон ты куда гнешь, подумал Болотоков, на большие красивые слова мы все мастера. Наиб чего только не говорил о своей любви к Черкесии, а чем кончил?

Улыбнулся князь Болотоков:

— Зачем ты спрашиваешь, Асланбеч? Ты можешь ответить за нас обоих и не ошибешься. Мне тоже дорога моя земля и нет ничего дороже, что мне богатство?

Ах, ты старая, премудрая лиса, невольно улыбнулся Хаджемуков, ты же с ломанным грошем не расстанешься, не то что со всем своим богатством. Улыбнулся и решил больше об этом не говорить:

— Ладно, считай, договорились. Теперь о деле. Надо подумать, как ты встретишь царя, какие слова скажешь?

— Я?! — опешил Шекультыр Болотоков.

— Конечно, ты. Старейший среди нас. Я советовался с Карбатыром, с другими князьями, с уорками, тфокотлями — все остановились на тебе.

— Спасибо за такое доверие, да продлит Аллах ваши счастливые дни. Думаю, это большая честь не только мне, моему княжескому роду, но и всем темиргоевцам, но что я буду говорить? Это так важно! Тут как бы ум всех адыгов должен быть.

— Ты прав. Слово должно быть не длинное, но умное, не широкое, а глубокое. Завтра подумаем с тобой в пути, посоветуемся и с Хагуром, с ним мы договорились встретиться в дубовой роще у речки Афипс.

— Хагур?! — недовольно воскликнул Болотоков.— Пусть он и почетный, но все-таки тфокотль! И я с ним буду советоваться?!

— Не надо так. Хагур — член меджлиса, один из самых уважаемых достойных мужей Шапсугии. Вот он-то как раз из тех, которые не только своего личного благополучия, а самой жизни не пощадят во имя народа. Извини за такие высокие слова. Но это правда.

— Если так, то почему же Аллах не удостоил его княжеского титула? — лукаво усмехнулся Болотоков.

— Зачем тфокотлю быть князем,— ответил и Асланбеч с улыбкой.— Аллах мудро распорядился, не нам лишать Его распоряжения. Все не могут быть князьями, а князьям нужны тфокотли, правда?

— Ладно, ладно, согласен с тобою, давай лучше поговорим о другом. Далеко этот Керченский пролив, Тамань? Я там ни разу не был.

— День верховой езды.

— Хорошо, а казаки, солдаты пропустят нас к царю? Сам он захочет встретиться с нами?

— Казаки не только пропустят нас, они даже рады этому, им ведь тоже хочется мира, добра. Думаю, если царю скажут, что его пришли приветствовать адыги, встретить с почетом, как он откажется, кому неприятен всеобщий почет и уважение?

— А теперь вот о чем. Ты же знаешь наших адыгов: они все захотят встречать царя. Я своим всадникам велел ехать домой, оставил небольшую группу. А как будет у других? Не подумает ли царь, казаки и солдаты, что это пришло войско?

— Не беспокойся, на всех дорогах будет стоять охрана. Посторонних не пропустят к царю. Все будет спокойно.

На берегу Керченского пролива, возле Тамани собралось огромное количество людей: верховые, пешие, фаэтоны, телеги, запряженные лошадьми и быками.

Толчеи не было: солдатские и казачьи цепи поддерживали строгий порядок.

Море в то утро было удивительно спокойным. А вот военные, пешие и конные, женщины и дети, русские, украинцы, адыги были подобны морю в час прибоя. Казалось, толпа прорвет цепи военных и тогда ее ничем не удержать, не успокоить.

У самой пристани стояли генералы, полковники — на их погонах горело золото. Заместитель главнокомандующего российскими войсками на Кавказе генерал-адъютант Орбелиани, заложив руки за спину, прохаживался в стороне от всех, время от времени устремляя свой взор к морю — не показался ли корабль.

В сторонке стояла сотня адыгских всадников во главе с князьями Асланбечем Хаджемуковым и Шекультыром Болотоковым. Чуть дальше от них справа расположились еще несколько сотен всадников.

Наконец вдали показался корабль. Волною прокатился гомон и стих. Женщины, солдаты, офицеры, простой люд стали неистово креститься.

Корабль приближался к пристани.

Ударил духовой оркестр.

Еще громче духового оркестра грянуло ура.

Ступил император Александр II на берег и, встречающие, кроме военных и адыгов, пали перед ним на колени со слезами умиления на глазах, осеняя себя крестным знамением, будто перед ними был сам всевышний.

Императора сопровождает генерал-адъютант князь Долгорукий, граф Адлерберг, граф Ламберг, лейб-медик Енохин.

Генерал-адъютант Орбелиани, отдав честь, приветствует императора. Александр II берет его под руку, рад встрече с ним, царственно улыбаясь, говорит ему что-то ласковое.

А над морем, над степью перекатывается волнами самозабвенное, верноподданическое ура, бравурный марш духового оркестра.

— А это кто такие? — кивком указав на адыгских всадников, спросил царь и, не дожидаясь ответа, пошел к ним.

Адыги выхватили из ножен кинжалы, положили их у своих ног на землю, приложив руки к груди, почтительно склонились перед российским самодержцем.

Вперед вышел князь Болотоков, поклонился:

— Великий государь! Мы счастливы, что вы обратили на нас свое милостивое внимание. Еще более счастливы тем, что, несмотря на войну с войсками вашими, вы так великодушно доверились нам. Мы это очень ценим, великий государь, и клянемся, отныне быть вашими истинными и верными подданными. Мы знаем, что вы — царь великой страны, что могущественнее вас нет никого на свете, мы знаем, так же, что у вас много, очень много подданных, так что мы среди них все равно, как капля воды при большом дожде, но мы все-таки просим не оставить нас и смотреть на нас, как на остальных подданных. Правда, что до сих пор мы воевали с вами, но клянемся, что впредь мы будем лучшими и самыми верными рабами вашими. Прикажите, государь, и мы все готовы свято исполнить всякие ваши повеления. Мы будем строить дороги, укрепления, казармы для войск ваших и клянемся, что будем жить в мире и согласии. Только не выселяйте нас с тех мест, где родились и жили отцы и деды. Отныне эти места, наравне с войсками вашими, мы будем защищать от врагов до

последней капли крови. Не выселяйте только нас и смотрите на нас, как на остальных ваших верных подданных...

Все это время, пока Болотоков говорил речь, пока ее переводили царю, все в напряжении, почти затаив дыхание, ждали, что скажет в ответ император.

Ответ его был краток:

— Можете быть, черкесы, спокойны. Коли вы будете жить с нами в мире, высочайше даем слово вам покровительствовать.

Александр II направился дальше.

Адыги, благодарно и восторженно приветствуя, шли за ним вместе со всеми.

III

Рассказы и пересказы о том, как встречали царя, закружились, захороводились по всей Черкесии. Говорили в кунацких, на перекрестках дорог, в долинах и ущельях и просто в аулах у широких и узких воротах.

Пересказы становились противоречивыми, иногда запутанными, а то и вовсе какими-то фантастическими, но в общем речь князя Болотокова и краткое слово царя оставались по сути верными: покорились, поклонились темиргоевцы и бжедуги царю, клялись ему в своей верности.

Много было недовольных, таких, что хоть войной иди против тех предателей. Но это внешне, а в душе почти все надеялись — прекратится война, придет в аулы мирная, добрая жизнь.

Надеялись и ждали.

Измаилбей и Лонгворт были возмущены случившимся. Князь Берзедж поддерживал их, но так... по-лисьи. Как бы между прочим уронил:

— Что тут поделаешь, Измаилбей, если бжедуги и темиргоевцы встретили русского царя хлебом-солью, стало быть, теперь они у него под крылышком.

— Не просто хлебом-солью! — вспылил Измаилбей.— Они заверили царя, что будут строить для него дороги, крепости, казармы.

— Именно так! — возмущенно поддержал Измаилбея и Лонгворт.— Поклялись до последней своей крови защищать его от врагов!

— Вот я и говорю,— продолжал Берзедж,— раз объявил себя подданным царю, чего только не сделаешь для него.

— Слушаю я тебя, князь,— неожиданно вскипел гневом на Берзеджа Измаилбей,— и думаю, что все происшедшее тебя не очень волнует! По-моему, ты даже готов согласиться с Болотоковым, Хаджемуковым!

Князь укоризненно глянул на Хрозера:

— Можно подумать, уважаемый Измаилбей, что судьба адыгов тебя волнует больше, чем меня, чем всех нас.

— Ты не прав, князь,— решительно вмешался в разговор Лонгворт,— у Измаилбея есть дело в Черкесии, которое его действительно волнует не меньше, чем тебя. Он здесь содержал войско, тратя на него большие деньги, в Англии закупал для адыгов оружие. Наконец, он сидел в тюрьме за то, что защищал интересы адыгов.

— Валлахи, знаем мы все это,— слукавил Берзедж,— пусть Аллах продлит счастливые дни Измаилбея. Лапинский и Банья тут не меньше воевали между собой, чем с царем. У моего покойного друга Сафербия лопнуло терпение и он предложил им покинуть нашу землю.

Вспыхнули огоньком гнева голубые глаза Джеймса:

— Адыгам же и хуже!

— Кончилось тем, что они покорились русскому царю! — в тон Джеймсу сказал Лонгворт. Усмехнулся князь Берзедж:

— А что мы можем сделать, если англичане и турки только и способны выглядывать из-за нашей спины, не могут перед всем светом стать открыто на стороне адыгов.

— А Крымская война?! — взвился Джеймс.

— Ну-у, уважаемые гости! — воскликнул Джирандук.— Какая нам от нее польза? Россия, напротив, стала еще более непримиримой. Нет у нас надежды на вас, уважаемые господа. Решили сами справляться, создали Всеадыгский меджлис, но от него толку мало и он уже начал расползаться. Ушел Карбатыр...

— Если бы только ушел! — перебил его Лонгворт.— Хоть и не был на встрече царя, готов служить ему. И других подбивает на это!

— Нас не подобьет! — сдвинул брови Джирандук.— Мы подготовили царю другое, свое письмо.

— Все-таки, не надо было ссориться с Карбатыром,— примирительно сказал Джеймс.

— Об этом пускай Карбатыр заботится, не стану же я перед ним ломать шапку. Однако, дорогие гости, вам предстоит нелегкий путь, надо отправиться пораньше. Всего вам доброго!

Мерное постукивание копыт, дремотное покачивание в седле очень располагает к размышлению. Не только это, а и бесконечные дали, что открывались одна за другой, вечное небо над головой тоже звало к раздумьям...

Как-то так сложилось в жизни Измаилбея, что только после смерти Хрозера-старшего, когда он получил богатейшее наследство, узнал, что в Черкесии, откуда был родом, можно выгодно вложить капитал и удвоить или утроить его. К тому же, тайное сношение с адыгами всячески поддерживал сам султан. Однако Измаилбей просчитался, он как бы очутился между двух тяжелых плит жернова — между Турцией и Россией. День ото дня он все больше чувствовал это давление, но уже ничего не мог сделать, чтобы выбраться — потратил уйму денег, попал в тюрьму, был в немилости у султана, потерял жену.

Ехал сегодня Измаилбей в Куматыр под предлогом побывать на могиле Хури еще раз, в самом же деле ему надо было переговорить с Карбатыром с глазу на глаз. Измаилбей понял Берзеджа, Цея, а что собою представлял Карбатыр? Можно ли будет с ним договориться, не встанет ли он помехой на пути?

— Измаилбей! Я уже второй раз окликаю тебя, а ты все не слышишь, о чем так задумался? — спросил Джеймс.

— Да так, чуть не задремал,— слукавил Хрозер.

— Мы здесь уже столько времени, а ты все никак не повезешь меня на свою родину. Ты где родился?

— Не знаю. Совсем маленьким был, ничего не помню. Знаю только — в Черкесии родился.

— Сколько же тебе было тогда?

— Не знаю. Может, восемь, может, девять лет.

— И не знаешь, где родился, как называется твой аул? — Джеймс и Лонгворт удивленно переглянулись.

— А вот Хури-ханум не только вернулась домой, но и жизнь свою отдала за ее свободу. Как говорят: где обитала ее душа, там и тело теперь покоится,— заметил Джеймс.

— Хури не только сама приехала сюда, она думала перевести в Черкесию все наши капиталы. Я был категорически против. Не хотел ее отпускать. И был прав.

Видите, чем все это кончилось. Даже за могилой некому ухаживать.

— Неправда,— возразил Джеймс,— Трам ревностно следит, не даст погибнуть памяти о Хури.

— Слышал я разные разговоры. Сплетни все это, но об этом мы еще поговорим в Куматыре,— ответил Хрозер.

Навстречу им скакал всадник на вороном коне. И конь и наездник как бы забавлялись своею удалью, своей горячей молодостью.

— Да это Алимбек! — воскликнул Джеймс.

Юноша поприветствовал по адыгским обычаям старших, остановившись от них на почтительном расстоянии.

— Я рад тебя видеть,— продолжал Джеймс,— все хорошо у вас дома, здоров ли дедушка?

— Спасибо, у нас все хорошо, дедушка здоров и бодр.

— Это внук Тима Некраса, сын...— немного замялся Джеймс,— Руфат Некрас его отец.

Вспыхнул румянец смущения на юношеских щеках Алимбека, брызнули искрами черные глаза:

— Простите меня, но почему вы едете мимо нашего аула? Дедушка может обидеться. Правда, час назад я проводил его в Куматыр, но бабушка будет очень рада угостить вас добрым обедом да и все наши старики обрадуются таким высоким гостям. Милости просим к нам!

— Спасибо, Алимбек! — поблагодарил Джеймс от имени всех своих спутников.— Передай наш салам всем старикам и бабушке, мы едем в Куматыр и там обязательно повстречаемся с дедушкой.

Пришпорил вороного Алимбек и ветром умчался.

Хотя гости и не говорили о цели своего приезда, Карбатыр догадывался и, отдав дань обязательным при встречах разговорам, без обиняков заговорил о деле:

— Вы, наверно, уже знаете, уважаемые гости, что я и многие из уважаемых шапсугов и натухайцев считаем: если не замиримся с Россией, то в самом ближайшем будущем перестанем существовать как народ. Да-да, Джеймс, именно так, хотя ты и не согласен с нами, я знаю это. Если в свое время могучая Турция не смогла противостоять России, если мы вместе с Чечней и Дагестаном оказались перед ними бессильными, то что же нам теперь остается делать? А что касается турецкой, английской, французской помощи, как адыги уже убедились на протяжении многих лет — то это призрак. Да-да! Нам надо мириться с Россией, поэтому я и послал русскому царю свое очередное письмо.

Гнетущее молчание наступило после слов Карбатыра.

— Когда ты отправил письмо? — спросил Джеймс.

— Ему уже передали в Тмутаракани.

— А не лучше ли было подождать тебе? Ведь меджлис тоже подготовил свое обращение к царю,— понимая, что уже поздно советовать и вообще что-либо уже изменить, сказал Джеймс.

— Мне нет дела до меджлиса. Он не только не оправдал надежды адыгов, а еще больше перессорил их между собой.

Карбатыр исподлобья глянул на гостей:

— Что же ты молчишь, Измаилбей?

— Деловые слова уже произнесены, остались пустые. Мне бы надо побывать на могиле Хури-ханум...

Карбатыр наклонил голову в знак своего сочувствия.

— А если царь откажет тебе, Карбатыр? — сузив свои холодные синие глаза, спросил Джеймс.

— Я разделю судьбу своего народа, господин Белль, какой бы она не была.

На следующий день, ранним утром, на Куматырском кладбище стояли друг против друга у могилы Хури двое мужчин — Измаилбей и Трам.

Воздев руки к небу, они молились.

Измаилбей сказал:

— Все мы придем сюда, нет иной дороги у нас, грешных.

— Все предстанем перед Аллахом,— добавил Трам.

— Спасибо тебе, Трам, что не забываешь Хури-ханум.

— Зачем спасибо. Я отдаю должное Мерем.

— Откуда ты знаешь это имя? — удивился Хрозер.

— Это ее истинное имя. Оно всегда со мной.

Хрозер молчал.

И Трам молчал.

IV

Двухдневный переход по горным тропам сильно утомил князя Берзеджа. Еще бы — и путь нелегкий, и годы тяжелым грузом легли на его спину. Очень утомился князь,

а уснуть не мог — все думал над тем, что было вчера и что будет завтра. Три дня заседал в Туапсе меджлис — это тоже дело нелегкое. Думал князь, что Хатырбай Цей не прав по отношению к Карбатыру. Надо бы найти середину, да где она? Вот над этим и бился в своих мыслях Берзедж, пока под утро его не сморил тяжелый сон.

Но едва он уснул, как за окном заржали кони!

Небо только-только начинало светлеть. В полумраке князь увидел во дворе и за воротами пеших, конных.

Он быстро оделся, вышел на крыльцо. Его встретил Цей:

— Завидую я тебе, зиусхан. Такой трудный был день вчерашний, таким тревожным обещает быть день сегодняшний, а ты смог уснуть. Пошли тебе Аллах и в будущем крепкого здоровья. А я отлежал все бока, глаза измучил, сердце надсадил, так и не мог хоть бы на минуточку уснуть, успокоиться.

После омовения, сначала сели за стол старшие — Берзедж, Хаджемуков, Цей, Некрас, а потом все остальные.

Князь Берзедж, воздел к небу руки, каждый про себя произнес слова молитвы.

Потом обратился к Хатырбаю:

— Ты правильно сказал, есть чему позавидовать, Аллах дал мне здоровье. Пусть гром грохочет, пушки бьют, а я все равно усну, если надо уснуть. И проснусь минута в минуту, не просплю ни за что.— Цей хотел что-то сказать, но князь остановил его поднятой рукой.— Если человек умеет управлять собой, ему на много легче жить, так говорил мой старый добрый, теперь уже покойный друг Сафербий.

— Был он мудрый человек, а запутался, да так ничего путного и не достиг, теперь и сын его идет тем же путем.

— Нет,— не согласился Джирандук: — Сафербий много доброго сделал адыгам и Карбатыр делает много хорошего, не надо грешить против правды.

— Ты прав, зиусхан,— сказал Цей,— а все же было бы лучше, если б Карбатыр понял свои ошибки. Думаю, это касается и тебя, Асланбеч, и Болотокова, вы оскорбили адыгов своей речью на встрече русского царя.

Поднялся князь Хаджемуков:

— Только для этих унизительных слов вы меня и пригласили сюда?

— Прошу вас, зиусхан! — встревожился Берзедж.— Не будем сейчас спорить. Нам поручено важное дело и надо его выполнить. Аллах видит сердце каждого из нас, Он свободно читает в сердце любого человека и только Он знает, кто прав, кто виноват, не нам об этом судить. Давайте попросим благословение у Аллаха, помолимся перед дорогой.

У всех один Бог, одна вера, но каждый просил у Бога свое. Цей — победы над ненавистными врагами, Хаджемуков — доброго мира между русскими и адыгами, Берзедж — прямо-таки разрывался между Цеем и Хаджемуковым, он уважал непримиримость Тима Некраса, но и чтил память князя Сафербия, помнил его заветы.

Окончена молитва.

Отправлялись в путь, везли письмо к царю.

На улице послышался голос глашатая:

— Уважаемые послы! Пусть наше великое солнце освещает вам дорогу, пусть свежий ветер наших гор и степей будет попутным! Пусть сбудутся все ваши желания. Не отступайте, будьте достойными адыгами! Мы, абадзехи, ни чета шапсугам и натухайцам, не говоря уже о темиргоевцах и убыхах. Пусть наш предводитель Хатырбай Цей гордо стоит перед русским царем, пусть не уподобится трусливому Карбатыру Зану! Знайте, уважаемые послы, наши кинжалы не затупились, с нами и Всесильный Аллах!

— Слушай, Хатырбай,— подмигнул Хаджемукову, обратился Берзедж к Цею,— что это по всей Абадзехии глашатаи, как попугаи, повторяют одни и те же слова.

— Они одинаково думают и добра нам желают.

— Да зачем повторять одно и то же, зачем поносить древний княжеский род Занов. Это нехорошо.

Цей сказал:

— Ты в Абадзехии находишься, зиусхан...

— Ладно! — резко отмахнулся Берзедж.— Хватит об этом. Не много ли у нас сопровождающих? Могут подумать, что мы ведем с собой целое войско.

— Немного! — спокойно резко ответил Цей.— Мы хозяева на своей земле и ни у кого не будем спрашивать, сколько брать всадников Всеадыгскому меджлису!

— Послушай, Хатырбай,— сдерживая себя, обратился к нему Хаджемуков,— пожалуйста, побольше выдержки

и благоразумия. Князь Джирандук прав, ни к чему с таким войском ехать к царю, которого мы сами просили о встрече.

Молчал Джирандук, будто не слышал Асланбеча.

Хотел свое слово по этому поводу сказать Тим, но не к лицу ему встревать в княжеский разговор:

Рассердился Цей, даже побледнел от злости:

— Где еще этот царь, а вы уже становитесь на колени, зиусхан! Тим, ты тоже на коленях? Чего молчишь?

— Ты верно сказал, Хатыр, мы на своей земле и будем разговаривать с царем без оглядки. Твердо будем говорить.

— Слышал, Хаджемуков? — сказал Цей и едко засмеялся.— Твое благоразумие проистекает вроде бы из трусости.

— Цей! — резко осадив коня, угрожающе воскликнул один из уорков Бжедугии.— Всю дорогу, от тебя, кроме оскорблений нашего князя, я ничего не слышал. Оскорбляя князя, оскорбляешь и всех бжедугов. Имей в виду, мы приехали сюда вовсе не для того, чтобы прятаться за спинами абадзехов! Скажи ему, зиусхан, мы хотим знать твое мнение.

Полусотня бжедугских всадников отошла в сторону.

— Я не просто Цей. Я — предводитель Абадзехии, к тому же глава Всеадыгского меджлиса, прошу помнить это! — Хатырбай тоже резко осадил своего коня. Несколько всадников стало рядом с ним.

Сотни всадников, что шли вслед за передовыми, остановились в недоумении. Одни подались в сторону Цея, другие — Хаджемукова.

Вздымая коня на дыбы, выскочил на середину Берзедж:

— Что вы делаете?! Опомнитесь, правоверные!..

Со стороны Мамрукского урочища донеслись мощные раскаты ура, гром духового оркестра. Будто от внезапного удара, вздрогнув, застыли на своих конях адыги, вслушиваясь в непривычные, совершенно непонятные горам и долинам звуки.

— Слышите?! — подняв плетку, грозно спросил Джирандук.— Эту грозу, этот гром, одинаково опасный для каждого из нас. Стыдитесь же своего мелкого самолюбия, усмирите не ко времени свое «я». За нами — народ наш. Он послал нас, он верит нам! Предстанем же пред царем достойными своего народа. Я требую этого от имени меджлиса.— Князь Берзедж тронул коня.

Не сразу, но все-таки тронулись за ним и все остальные. Пришло спокойствие. Но это было спокойствие обреченности. Может быть, вот так идет на эшафот приготовленный к смерти.

Понурив голову, ехал рядом с Берзеджем Асланбеч Хаджемуков и думал, что напрасно согласился ехать с абадзехами, напрасно поверил им. Карбатыр оказался умнее, думал он, не стал ввязываться в эту историю... Надо уходить отсюда. Как только увижу темиргоевских и бжедугских послов, примкну к ним...

17 сентября 1861 года.

Теплое, ясное утро.

Благодатное солнце, выкатившись из-за гор, начало свое торжественное шествие по небу, как бы приветствуя встречные белоснежные облака.

Где-то там, за лесной опушкой, двигался со своей свитой император, сопровождаемый громом оркестровой меди и солдатских, казачьих приветствий.

Войска, золотые погоны, красноверхие кубанки.

На взгорке стояли сотни адыгских всадников. Их становилось все больше и больше, они стекались сюда лесными и горными тропами.

— Чего они кричат? Что там у них случилось? — спросил тфокотль своего соседа.

— Царя встречают.

— А кричать зачем?

— Так у них принято встречать своего царя.

— А где наши? От меджлиса которые?

— Вон они стоят наготове,— с подковыркой сказал сосед,— чуть только царь поманит их, побегут на полусогнутых ногах, падут пред ним.

— Что-то Карбатыра Зана не видать.

— Говорят, не захотел с царем встречаться.

— Тоже сам себе на уме...

Конь прядал ушами, бил сердито землю кованым копытом — нервничал, потому что хозяин его Цей был неспокоен:

— И долго мы тут будем еще стоять? У меня от их барабанов уже уши звенят. Давайте-ка покажем им, что такое наш удалой сабельный бой!

Две сотни разъехались на поляне, изготовившись, встали друг против друга. По команде Хатырбая обнажили шашки и кинулись с дикими, пугающими воплями, гортанными криками друг на друга.

Сверкала сталь на солнце, звенела.

Всполошились близ стоящие цепи солдат, но всадники недолго изображали бой, показав свою удаль, разъехались по своим местам. Вместо них выскочили мастера джигитовки — казалось они вместе со своими конями летали по поляне, выделывая головокружительные трюки.

С той стороны, откуда нарастая двигался гул «ура», показался Александр II в сопровождении многочисленной свиты и военного эскорта.

Адыги расступились, пропуская всадников.

Пешие, конные стали спускаться с холмов, каждому хотелось приблизиться к царю, получше рассмотреть его.

Царь ехал на лошади английской породы. Справа от него — генерал Лорис-Меликов, слева переводчик при особе императора — Мамат-Гирей Лоов. Позади них — многочисленная свита.

Царь приблизился к адыгам, спешился.

Адыги тоже спешились.

Образовался большой круг.

Царь сделал несколько шагов навстречу и сказал:

— Доброго здравия, абадзехи!

— Бэрэчэт босын! Желаем тебе всяческого блага! — ответили ему представители меджлиса.

— Я приехал к вам не врагом, а другом,— громко, твердо произнося слова, заговорил император,— желаю здравствовать вашему народу, каждому вашему племени, пусть они счастливо живут в своей прекрасной стране. Россия — великое государство, призванное решать великие задачи на благо всего человечества. Мы хотим жить в мире и благополучии со всеми многочисленными народами, населяющими нашу державу, в том числе с черкесами. Мы укрепляем южную границу. Для обороны, для торговли с нашими соседями нам необходимо Черное море, необходимы дороги к Новороссийску, Анапе и Туапсе. Моя казна полностью выплатит издержки тем селениям, которым придется переселиться с территории, отведенной под дороги. Мы считаем, вам чрезвычайно выгодно принять наше подданство — это гарантирует черкесам безопасность,

национальное благополучие под покровительством великой нашей державы, сохранение ее самобытности и религиозной самостоятельности. Администрация и суд будут выборными из ваших лучших людей. Война, которая длится уже много лет, ничего не сулит вам доброго, вы не сможете противостоять нашей могучей, одной из сильнейших в мире, армии...

Речь царя переводил Мамат-Гирей Лоов.

Услышав последние слова царя, послы Всеадыгского меджлиса переглянулись. Хатырбай Цей обернулся к стоящему сзади Тиму Некрасу:

— Все ли правильно переводит этот абазинец?

— Пока все правильно,— вполголоса ответил Тим.

— Будь внимательнее,— приказал Цей,— если обнаружится какая-нибудь неточность, сразу скажи мне.

—...Теперь уже определенно виден конец этой войне,— продолжал Александр II,— Кавказ несомненно будет русским. Пусть быстрее война завершает свой кровавый путь. Залечатся раны, утихнет вражда, забудутся обиды, мы будем жить единой семьей в дружбе и согласии. Если же вы отвергнете эти условия, мне ничего не останется как приказать своим генералам прекратить войну силой. Они исполнят мой приказ. Но это принесет вам неисчеслимые бедствия и истребление народа... Будьте же благоразумны и примиритесь с исторической неизбежностью. Царское слово крепкое и я торжественно заявляю, что мое слово будет свято и нерушимо, это все я подтвержу царским указом.

Когда царь закончил свою краткую речь, на какое-то мгновение установилась полная тишина. Прервал ее Асланбеч Хаджемуков. Выйдя вперед, он прокашлялся в кулак и потом заговорил:

— Моя любовь к родине наших предков так велика, что я был бы согласен любой ценой сохранить ее для наших детей. Нашим отцам и дедам удавалось сохранять свою независимость, но теперь нам это не удастся, силы неравны и нам не устоять... У нас один выход — принять предложение русского царя, покориться своей судьбе. Такова, наверно, воля Аллаха, Он упасет нас от роковой ошибки. Так я думаю.

Над адыгами прошелся легкий шум, потом вскипел сначала ропотом, а затем раздались и угрозы.

Царь переменился в лице, посуровел.

— Что сказал этот старец? — спросил он у князя Лоова.

— Князь Хаджемуков согласен с вашими предложениями, но многие черкесы, не согласны с ним.

Александр II властно окинул взглядом толпу.

Хатырбай Цей вышел впереди, оглянулся на адыгов, словно проверяя — здесь ли они, здесь ли его сила.

— Тим, я хочу, чтобы мои слова царю перевел ты.

Тим Некрас стал рядом с Цеем.

— Русский царь сказал то, что должен был сказать по своему долгу,— Цей обратился к адыгам.— Я не осуждаю его, просто наше желание не совпадает с его желанием. Каждый народ рождается, растет, стареет и умирает точно так же, как каждый отдельный человек. Век человека, говорят, сто лет, народ живет тысячелетиями. Русскому царю очень понравился Кавказ и он больше шестидесяти лет ведет кровавую войну, хочет им овладеть. Нам тоже люба, дорога наша земля, наша родина. Не жалея крови и самой жизни, мы защищали ее, защищаем и будем защищать во имя наших отцов и дедов, во имя наших детей и внуков. Русский царь обещает нам полную национальную и религиозную самостоятельность. Бросьте в бочку воды щепотку соли. Она растворится. Так и наш народ растворится в огромной России, пропадет. Мудрые люди говорят: бог не в силе, а в правде, а она на нашей стороне. Царь сказал — Кавказ будет русским. Нет — он будет или нашей вечной родиной, или могилой. По нашим обычаям нельзя гостю говорить неприятное, но, да простит меня Всемилостивый Аллах, я вынужден нарушить этот обычай и сказать нашему гостю, царю: он не друг наш, а враг, кровник. И напрасно он призывает к покорности. Только такие слабые духом, как Хаджемуков могут покориться злой воле врага, а сильные — нет. Они говорят: смерть нашим врагам, они объявляют им священную войну. Газават! Слава героям! Или мужество, или смерть!

— Слава-а-а!

— Слава свободе!

Вздрогнул царь. Вскинули головы драгуны, уплотнилось кольцо офицеров вокруг императора.

Цей поднял руку, и мгновенно стих шум:

— Русский царь наш гость. Он сегодня для нас — священная особа и пусть никто не подумает, что адыги способны нарушить долг гостеприимства.— Потом, пошептавшись с

Берзеджем, продолжил: — Может, русский царь хочет нам еще что-нибудь сказать? Спроси у него, князь Лоов.

— Его Величество не повторяет дважды своих слов.

Александр II согласно кивнул головой.

Потом, выждав паузу, царь спросил у Берзеджа:

— А что же ты молчишь, князь?

— Мысли председателя Всеадыгского меджлиса Хатырбая Цея — мои мысли. Они изложены в этом послании Всеадыгского меджлиса.

Царь заложил руки за спину.

Протянутую бумагу взял Лорис-Меликов.

Император поднялся в седло и, обратившись к Цею, спокойно, без угрозы сказал:

— Если и в вашем послании то же самое, вы еще об этом пожалеете. Или выполните наши указания, или будете выселены в Турцию.

Уехал Александр II, и тут же в Мамрукской долине развернулся небывалый базар! Торговали всем, и особенно бойко оружием — кинжалами, шашками, пистолетами, отдельным черненым серебром. А что в самом деле, не ехать же на базар куда-нибудь вдаль, а без базара еще никто в мире не жил и жить не может.

Звенела сталь кинжалов и сабель. Звенело золото русских монет. Одни из адыгов ворчали, косились на русских, а другие приветствовали их, забыв, что только что кричали газават!

Тим Некрас нарочно отстал от адыгской депутации. Он искал сына. Он спрашивал русского офицера Некрасова. Кто-нибудь знает такого?

— Как не знать! — воскликнул детина чуть ли не саженного роста.— Кто же не знает Романа Тимофеевича!

— А где он? Жив ли, здоров?

— А что ему сделается — жив, здоров. Да ты сам мог его нынче видеть. В эскадроне драгун. В охране царя.

— Как так?! — сдвинув шапку на затылок, разведя руки в стороны, взволновался Тим.

— А так. Рядом с генералом Евдокимовым стоял.

— Евдокимовым?! Так и я ж рядом был! Боже милостивый! Может, он еще здесь?

— Что вы, папаша, он при генерале состоит, ему нельзя от него отставать. А вы не продадите мне свой кинжал? Я хорошо заплачу.

— Не торгую боевым оружием, а за добрую весть о сыне — возьми в подарок. Бери! У нас черкесов так принято! Бери, пользуйся, а сыну моему, сукину сыну, передай — мать заждалась его, вся иссохлась. Сын его Алимбек, по-христиански — Алексей, вырос в доброго и храброго джигита. Ну, бывай, солдат!

Тим догнал своих в долине Кужипса.

— Ты где это, Некрас, пропадал? — с упреком спросил Цей,— может, подобно Хаджемукову, хочешь перебежать к своим единокровцам, а?

— Ты оскорбил меня, Цей,— спокойно, но с большой внутренней силой сказал Тим,— не посмотрю, что ты глава меджлиса, если тебя родила адыгская мать, обнажи свой кинжал! — Схватился Тим за пояс, где висел кинжал и — о Аллах! Он же подарил его солдату.

— Ты сначала скажи, где твой кинжал, не продал ли ты его?! — зло съязвил Цей.

— Не путай меня с теми, кто торгует своим оружием! Если ты мужчина, дай мне кинжал, чтоб я мог защищаться!

Берзедж, кинулся между Цеем и Некрасом:

— Что же вы делаете?! Вспомните, что вы — адыги, послы, и не позорьтесь сами, не позорьте нас. Спрячьте оружие!

С великим трудом сдерживая гнев, Тим обратился к Берзеджу:

— Я слушаюсь тебя, князь. Но и ехать вместе с человеком, оскорбившим меня, не могу, возвращаюсь к себе в аул.

V

Покинув Мамрукскую долину, Хаджемуков и Болотоков ехали правым берегом реки Белой, впереди виднелась Майкопская крепость. И все говорили, говорили. А как же не говорить, если произошло такое важное событие, обозначился такой крутой поворот и никто не знает, что впереди.

Скажи мне честно, как тебе показалось выступление царя? — спросил у Асланбеча Болотоков.

— Да что тут говорить. Ничего плохого царь не сказал. Ведь правду говорят — протягивай ножки по одежке. Потому и нечего нам хорохориться!

— Я тоже так думаю. А этот Цей горазд разглагольствовать, горазд распоряжаться чужой кровью!

— Конечно, он тоже в чем-то прав,— качнул головой Асланбеч,— недаром за него горой стоят абадзехи. Раньше я его поддерживал, но время Сафербия Зана, Магомет-Амина ушло. Не понимаю, чего хочет Карбатыр? Передал послание царю, а сам не приехал. Он ведь в своем требовании тоже недалеко ушел от Цея, мол, мы с вами тогда замиримся, когда вы согласитесь уйти с нашей земли.

— Тоже — война. Беда, великая беда грядет на нашу несчастную землю,— сокрушаясь, сказал Болотоков.

На лесной опушке их встретили казаки:

— Кто такие?!

— Князь бжедугский Хаджемуков и князь темиргоевский Болотоков, — как мог, с трудом сказал по-русски Асланбеч.

— Чем закончились переговоры с царем, господа? — приветливо спросил офицер.

— Адыгские предводители не согласились с царем.

— Предводители, предводители, а народ куда глядел? — возмущенно кинул казак.

— Отставить разговорчики, Перепелица! — прикрикнул офицер.— Плохо, господа, если так, очень плохо,— покачал головой офицер и приказал казакам: — Проводите господ предводителей мирных черкесов до перекрестка Майкопской дороги. Счастливого пути, господа! Будем надеяться, что Бог смягчит ваши сердца.

На Майкопском перекрестке Хаджемуков стал прощаться с Болотоковым:

— Счастливого пути, зиусхан. Как уговорились, я съезжу к Карбатыру, переговорю с ним.

— Уже поздний час, зиусхан, куда ты поедешь, на ночь глядя. Да и нехорошо, не по-дружески проезжать мимо моего дома? Отдохнешь, а утром со свежими силами отправишься к Карбатыру,— посоветовал Болотоков.

— Спасибо, князь, но в такое тяжкое время не гоже рассиживаться по гостям. Перед Шитхале перейду речку — и напрямик в Натухай. Там рукой подать. До свиданья, зиусхан, до счастливой новой встречи. Спасибо вам, господа казаки, что проводили! С миром, господа!

Хоть Хаджемуков и сказал, что доберется со своими спутниками до Куматыра запросто, в самом же деле за

ночь его не достигнешь. Путники решили остановиться для отдыха, выбрав для этого просторную поляну. Надо было поужинать, дать лошадям попастись.

Разостлали бурки на траве, перекусили вяленым мясом, копченым сыром с лепешками, запили ключевой водой. И, хотя время вечернего намаза прошло, все-таки, совершив омовение, стали на молитву.

Хаджемуков, обращаясь к Аллаху, просил смягчить сердца Цея и Берзеджа, всех, у кого горит огонь гнева, мести. Если я неправ, Всевышний, прости меня, наставь на истинный Тебе угодный путь, а если прав, поддержи мою волю, укрепи мои силы. Научи меня мудрому слову, ведь, как говорят в народе, оно сильнее оружия. А еще говорят: слово слаще меда, горше желчи, острее сабли. Пошли мне, Милостивый, свое мудрое слово.

Ранним осенним утром после чаепития Хаджемуков и его всадники отправились дальше. Слева от них во главе с Пепау высились в небе белоснежные вершины гор, расстилались вздымавшиеся предгорья, а еще ближе — долины. С другой стороны в призрачной дали блеснула морская гладь. Навстречу им со стороны Куматыра шли легкой рысью всадники. Хаджемуков узнал среди них Хрозера, Лонгворта, Белля, Фонвиля и Карбатыра.

После обычных приветствий Карбатыр спросил:

— Какие добрые вести везете?

— Абадзехи выбрали оружие вместо мира.

Посуровел Карбатыр, а Белль приподнялся в седле:

— Я же тебе говорил, зиусхан, что именно так и будет.

Карбатыр не обратил внимания на эти слова:

— Говоришь, абадзехи выбрали оружие? Кто именно?

— Цей,— ответил Хаджемуков.

— Ну, Цей еще не все абадзехи и тем более не адыги.

— Извини, зиусхан. Такая недобрая весть.

— Однако,— возразил Лонгворт,— Цей высказал мнение Всеадыгского меджлиса, не только свое личное.

— Меня, уважаемый гость, никто не отстранял от должности председателя меджлиса, не подписывал того послания. Кроме этого,— Карбатыр в упор глянул заморским гостям в лицо,— думаю, вам не следовало бы вмешиваться в наши внутренние дела, дорогие гости. Трам,

проводи, пожалуйста, господ к Цею или Берзеджу. Куда они пожелают. Доброго пути, господа! Асланбеч, милости прошу, добро пожаловать в Куматыр.

VI

Народ — как море: то стелется ласковой гладью, то, чуть дунет ветерок — вздыбливается волнами, пенится, грозит бедою, которую ничем не унять.

Единой стеной встали абадзехи и убыхи против воли царя, но вот прошло некоторое время и эта стена как бы зашаталась, стала рушиться, появились недовольные. Неизвестно, чем бы это кончилось, но царские войска перешли в наступление — жгли дома, угоняли скот, уничтожали на полях урожай. Адыги, спасаясь, уходили в горы, в непроходимые леса.

Яростно, до смертного вздоха, сопротивлялись адыги, но что они могли сделать против войска со своими девятью пушками, с кинжалами да шашками.

Все это было скорее похоже на расправу, чем на войну.

В Верхнюю Абадзехию прискакал Джеймс Белль. Его встретил сам Хатырбай:

— Царь как был подлым захватчиком, так и остался им. Мы ждем ответа на послание меджлиса, а он предает наши аулы огню. На наше мирное письмо отвечает пушками.

Джеймс с упреком сказал:

— Я вас предупреждал, но вы не поверили мне.

Подошел Кансав:

— Зиусхан, из средней Абадзехии прибыло тысяча двести всадников и около пятисот пеших.

— Как это около?! — рассердился Цей.

— Четыреста восемьдесят девять, зиусхан.

— То-то! Ты же военный человек! Смотри у меня впредь! А теперь четыреста конников отошли в долину Пшехи, остальных в долину Кужипса. Выполняй... Ну что, Джеймс, какие новости из Шапсугии, Убыхии? Где Берзедж, куда подевался Хрозер? Карбатыр по-прежнему держит обиду? Может, уже сменил гнев на милость?.. Что же ты молчишь?

— Ничего хорошего сказать не могу, потому и молчу. Русские войска двинулись в Шапсугию, Убыхию и Натухай.

— Что?! — не то обрадовался, не то испугался Цей.— Вон как! Настал-таки час нашего мужества! Получается, мы теперь окружены царскими войсками со всех сторон.

— Ничего страшного,— начал успокаивать Джеймс,— пока существуют Англия и Турция, вы не одиноки.

— Валлахи,— поморщился Хатырбай,— что-то не очень они спешат к нам на помощь, а для нас теперь каждый бочонок пороха на вес золота.

— Есть точные сведения: корабль с орудием и боеприпасами уже покинул Босфор.

— Нам сейчас нужны хорошие пушки и побольше пороха и ядер.

— Будет, все у вас будет. Вам везут самые современные пушки. Хрозер находится в Убыхии, у моря. Лонгворт и Фонвиль поскакали к Карбатыру.

— Может быть, Зан хоть теперь раскусил коварство царя!

— Мне кажется, нет, ничего не понял. Он даже нас стал оскорблять, мол, не суйтесь в наши дела.

— Вот как! — воскликнул Цей.— Разве не его дед продал туркам побережье, не он ли с отцом служил в царской армии! Кричат эти Заны об объединении адыгов, а сами на каждом шагу разрушают его!

Джеймс хорошо знал горячность Цея, а потому молчал, дал абадзеху выговориться. Он не слушал его, был занят своими мыслями.

На протяжении более двух десятка лет с небольшими перерывами, Белль находился здесь, в Черкесии. Зачем? Сначала думал, во имя, блага небольшого, но удивительно красивого и доброго народа, но потом понял — Англии и Франции не народ этот нужен, а его, так сказать, стратегически важная территория, за счет адыгов англичане и французы, а также Турция пытались ослабить мощь России. Джеймс понимал предательскую роль этих держав и оправдывал себя тем, что он — сын своей страны, присягал ей на верность и обязан выполнять все, что родина от него требовала. Теперь он увидел, что эта кровавая игра не принесла пользы ни Англии, ни Франции, ни Турции, ему было стыдно за свою добрую старую Англию, ему было жаль адыгов, которые стали для него родными. Уходить, убегать надо! — так решил Джеймс. Лонгворт и Фонвиль тоже навострились покинуть Черкесию. А Хрозер? Этот

хитрец сделал вид, будто остался у моря, только для того чтобы дождаться корабль с оружием для адыгов, а на самом деле это не так.

— Что же ты молчишь, Джеймс? Ты что, не слышишь?

— Слышу, но о чем говорить?

— Вот о чем посмотри.

Внизу, в долине — конные, пешие. Повозки запряженные быками и лошадьми. Отары овец, гурты коров. И люди, люди, люди! Они были далеко внизу, но Джеймсу казалось, что слышит, как плачут детишки, причитают женщины, вздыхают и стонут старики.

Беженцы.

Внизу в долине.

И на Пшехском взгорье.

Куда они, зачем? Что ждет их в горах, в лесных чащах?

Когда Хатырбай с людьми спустился в долину, к нему подошел старик с тяжелым посохом в руках:

— Хатырбай, после Аллаха мы надеемся только на тебя, скажи нам, что ждет нас, наших детей и внуков, скажи нам доброе, успокаивающее слово.

— На все воля Аллаха,— ответил Цей,— мы правоверные мусульмане не должны роптать, не должны жаловаться. Да благословит вас Всемудрый и Всемилосердный. А мы, воины ваши, не пустим врагов через долину Кужипса.

— Откуда же у нас такая сила, чтобы сдержать тех, которых и счесть невозможно? — спросил кто-то из толпы.

— Мужество наше превыше их войск! Или мы не дети ваши, не внуки! Идите, в ближайших аулах вас приютят. Дадут тепло, дадут еду.

— Спасибо, конечно,— продолжал старец с посохом.— Я помню тот день, когда ты родился на белый свет, Хатырбай. Отец твой сказал: счастливый день, счастливым будет мой сын, людям счастье принесет. Мы тогда все радовались. Не только за твоего отца и мать, но и за себя, верили: вырастет этот счастливый человек, принесет к нам в аул счастье. А где оно, Цей? Воюем, воюем. Ты помнишь меня, Джеймс? Помнишь тот день, когда я вынес тебя раненного из неприятельского окружения?

— Разве я могу забыть тебя, Джамбот, и никогда не забуду ни тебя, ни тот день.

— А помнишь, Джеймс, ты говорил, скоро Англия поможет адыгам отстоять свободу. А где эта помощь? Ведь

я уже состарился, погибли в боях мои пять сыновей. Теперь очередь внуков? А там и правнуков?

— Эй, Джамбот, разве можно так разговаривать с гостем?! — прикрикнул Цей.

— Погоди-погоди, Хатырбай! — возвысила голос старуха, направляясь от арбы к мужчинам,— не смей так разговаривать со стариком. Тебе тоже надо бы знать обычаи, завещанные нам предками. Я хочу говорить с тобой. И не вздумай сказать, мол, не женское это дело. Мужа моего убили, когда был еще молодым. Троих сыновей убили, а теперь везу тело внука. Где мне найти такое место на адыгской земле, чтобы прах его лежал спокойно? Это я тебя спрашиваю, старая Табича.

Как больно ударила своими словами Табича предводителя абадзехов, председателя Всеадыгского парламента. Всем телом передернулся Хатырбай, жар кинулся в лицо. Конь почувствовал боль хозяина, нестерпимую обиду, задрожал всем телом и рванулся в сторону. Цей с трудом удержался в седле, натянул поводья, поднял коня на дыбы. Потом успокоил его, да и сам поборол себя.

— Я сердцем чувствую твою боль, старая Табича... Но не оказывать же нам трусости перед врагами, не становиться же нам на колени перед нашими врагами?

— Зачем на колени? Вон темиргоевцы и бжедуги живут, не унижаясь.

— Адыги никогда не станут перед врагами на колени, как ты этого не понимаешь, женщина в платке!

— Ты не кричи на меня! Царь приезжал с миром, а ты отверг его, захотел остаться вольной птицей. А где теперь эта птица? Даже ни одного гнезда не уцелело...

— Довольно! — все-таки не выдержал Цей.— Занимайся своими делами, не суйся в мужские!

— Пойдем отсюда, Табича,— сказал старец,— он все равно никого не слышит, кроме самого себя.

Сильным человеком был Хатырбай Цей. Абадзехи уважали своего предводителя, верили в его мудрость. Знали казаки его крепкую, беспощадную руку, столько крови пролила его шашка, сразили врагов его меткие пули!

В последнее время все виделся ему ночами черный провал, такая пропасть, какой во всех кавказских горах

не сыскать. Так манила она его к себе, что он просыпался в холодном поту — страшился, что она утянет его в бездну.

Не он, не Хатырбай Цей, убил того юношу на хасэ, другой выстрелил ему в грудь. Вроде бы другой виноват, а мучился почему-то предводитель Цей. Просыпался он в холодном поту и все ему хотелось вымыть холодной водой руки, будто на них кровь.

Хатырбай бывало говорил своим сподвижникам:

— Войну выигрывает тот, у кого крепче нервы, тверже сердце. Если воин станет вытирать слезы каждой старухе, то ему лучше не обнажать свое оружие, не показываться на поле боя.

Сегодня в нем что-то произошло: нет-нет, не горькие слова старой Табичи как бы подбили его на лету, а тихие, казалось бы, спокойные слова старика: «Пойдем отсюда, Табича, он все равно никого не слышит, кроме самого себя».

Расставшись со стариками, Хатырбай воскликнул про себя: «А если старик сказал правду?! О Аллах, руки мои в крови, ум мой помутился. Не преклонил я свои колени перед царем, не мог подавить в себе свою гордыню. Никогда не знал я страха, но одного мужества оказалось мало, чтобы быть всеадыгским предводителем. Зачем взвалил на себя эту ношу, перешел дорогу Карбатыру Зану? Права ты, Табича. Не понял, кто я и кто царь, кто они и кто мы. Даже вчера не смог предвидеть то, что будет с нами сегодня и своей дерзостью принес всем вам истребление... И теперь кто я, как мне жить, что мне делать?..»

Ему даже показалось, что не он произнес эти слова, а кто-то другой прошептал ему у самого уха.

Разгневался Хатырбай Цей на себя, на все, что происходит вокруг, кровь ударила в его поседевшую голову и он с силой и злостью хлестнул коня плеткой, будто конь был во всем виноват. Пришпорил коня предводитель, дав знак спутникам, чтобы они отстали, оставили его одного.

Скрылся за поворотом. Взвел курок пистолета. Сам судил себя, сам вынес себе приговор.

Не слышали его выстрела, но услышали, как отчаянно заржал конь Хатырбая Цея, увидели, как он падал в пропасть, в речку, вскипавшую яростными бурунами...

И сколько потом не искали, не нашли тело предводителя.

VII

Карбатыр был уверен в том, что не получит от царя ответ на свое послание, знал, что не избежать войны, приказал шапсугам и натухайцам быть в любую минуту готовыми к нападению царских войск, но ни в коем разе не нападать на них первыми.

— Зять, а зять! Это что же получается?! — возмутился Тим, едва переступив порог кунацкой.— Там идет война, гибнут наши братья абадзехи, а ты сидишь, сложа руки, посматриваешь со стороны! Как же это?

— Что же ты прикажешь нам делать? И Лонгворт прибегал, тоже возмущался. Что ты требуешь, тесть?

— Я не просто твой тесть! — вспылил Тим.— Я — ровесник твоего отца, ни чета Лонгворту, чужаку из-за моря! По возрасту мне бы пора отойти в сторонку и посматривать тихонько на вас. Но я не могу. Поэтому и приехал.

— Прости, почтенный...

— Люди не понимают, чего ты выжидаешь?

— Какие люди?

— Адыги.

— Адыги тоже разные. Вон сколько племен, каждый в свою сторону оглоблю тянет.

— О чем ты говоришь! Там льется кровь, а ты адыгов делишь на племена?

— А кто заставил абадзехов отделиться от всех, разве не Цей потрясал кулаками на заседании меджлиса? Разве не он призывал к войне? Вот и получил ее.

— Ты тоже не хотел замиряться с царем.

— Это было раньше, теперь же, когда Россия расправилась с Дагестаном, Чечней, совсем другое время — она обрушится на бедную Черкесию всей своей мощью и даже не заметит, как переломет ей хребет. Кто нас теперь защитит? Хрозер, Лонгворт, Джеймс, Фонвиль? Удрал Хрозер, лишь только заслышал свист русских ядер.

— И Джеймс тоже пропал,— удрученно проговорил Тим.

— Один Фонвиль остался! — со смехом заметил Карбатыр.— Он спасет адыгов.

Тим не слышал последних слов зятя и говорил свое:

— Там гибнут абадзехи, а натухайцы, а шапсуги сидят, сложа руки. Опомнись, Карбатыр!

— Я буду ждать, пока царь не ответит на мое послание.

— Не ответит, он не первый раз обманывает нас.

— Выдержка и еще раз выдержка, почтенный!

— Какая выдержка, когда кровь льется!

— Я отвечу тебе на это то же самое, что абадзехским и убыхским послам.

— У тебя были послы?!

— Были. Я так им ответил: на моей шашке еще не просохла вражеская кровь, и, если вы скажете пойдем бить их, я пойду, чтобы меня не уличили в трусости, только для адыгов это уже не выход!..

После смерти отца, а вслед за ним и матери, у Карбатыра остался один человек, с кем он мог совершенно искренне делить свои душевные тяготы, размышлять вслух — это жена Мария.

Вечером он передал Марии свой разговор с ее отцом, обвинения что натухайцы и шапсуги сидят в бездействии в то время, когда проливается кровь абадзехов. Мария выслушала его, а потом спросила:

— Предположим, ты согласишься с моим отцом и Цеем, прольете кровь, осиротите детей, оставите вдовами женщин, без женихов девушек, но победить царя все равно не сможете, что будете делать дальше?

Удивился Карбатыр: вон как повернула его жена. Очевидно, в ней сошлось все женское, материнское.

— Что ты хочешь этим сказать? — попытался он уйти от прямого ответа, однако она настаивала:

— Хочу сказать то, что сказала: что будете делать дальше, когда царские войска окончательно разобьют нас? Что же ты молчишь? Может быть, тоже будешь бежать к морю, чтобы уехать в Турцию? Сейчас очень многие намереваются сделать это.

Он молчал.

Мария не стала больше донимать мужа, сама ответила на свой вопрос:

— Надо замириться с русскими. У них ведь тоже есть матери, жены, дети, им тоже не хочется убивать. Адыги, наша семья...

— Наша семья...— перебил Карбатыр жену.— Меня, нашу семью, если я замирюсь с царем, ожидает судьба Шамиля, Магомет-Амина. Я скорее уеду в Турцию или умру, но жить в России не стану. — Мария испуганно посмотрела на мужа, ничего не сказав ему.

VIII

На взмыленном коне, сам обливаясь потом, Тим въехал к себе во двор. Ему навстречу вышла Самай:

— В такое беспутное время, где ты пропадал столько дней? Мы все измучились, ожидая тебя.

— Где я был? — с горечью сказал Тим.— Ты лучше спроси, где я не был. Алимбек, укрой вспотевшего коня буркой, а ты, Самай, лучше не спрашивай ни о чем. О Аллах, похоже пришли последние дни адыгов. Что творится на берегах Пшехи! Толпы адыгов спешат к морю, чтобы уйти в Турцию! За что, Всемогущий, послал нам такие тяжкие испытания, в чем мы провинились перед Тобою?

— А что будет с нашей дочерью, с Марией?

— То, что будет с нами со всеми,— рассердился Тим.

— А Руфат?..— Самай глянула на мужа и осеклась.

— Я только что из Куматыра,— продолжал Тим, как бы и вовсе не слышал вопроса о Руфате.— На натухайском хасэ зять наш отказался от предводительства. Вместо него теперь предводителем будет Трам, а Карбатыр, чтобы не обвинили его в трусости или предательстве, пошел воевать в рядах тфокотлей.

— О Аллах!

— Что ты все заладила — Аллах, Аллах! Ты лучше держи Его в душе.

— Сам же сказал — большая беда пришла.

— Очень большая, но ничего, мы, адыги, люди крепкой кости, справимся. А ты что молчишь, Алимбек? Или тоже испугался?

Алимбек ничего не ответил. После обеда, когда из комнаты деда вынесли стол, внук зашел к нему.

Рослый, пригожий лицом и статью — весь в отца пошел Алимбек. Ладно сидела на нем черкеска с газырями, с кинжалом и пистолетом на поясе. Невысокая папаха над бровями вразлет. Уже не юноша — воин. Дед вдруг будто впервые увидел сегодня своего внука, с тоскою подумал о юности его отца и своей юности — такой давней, словно ее и вовсе не было, ведь чем дальше уходят наши годы, тем большую тоску вызывают воспоминания о них. Парню бы уже надо жениться, вдруг подумал Тим, родить своих наследников, а они вон что затеяли! Кто останется жив — уедет в Турцию. Конечно, турки не гяуры, одной с нами

веры, но Турция никогда не станет родиной. Прости меня, Аллах, но, кажется, я уже начинаю соглашаться с нашим зятем, надо бы замириться с Россией.

Эту свою мысль и высказал дед Алимбеку. Высказал, вопросительно глядя на него, как бы ожидая себе приговора.

Алимбек ответил, не задумываясь:

— Многие в Дахапе так считают: родная земля — мать родная, а чужая — мачеха. Так говорят о Турции.

— Тут — беда и там не мед.

— А почему Карбатыр отказался от предводительства?

— Он хотел мира с Россией, а меджлис не поддержал его, да и русский царь не согласился с ним, не ответил даже на письмо, вот он и ушел рядовым воевать.

— Он — настоящий адыг, не то, что мой отец, не предает своих соплеменников, своей веры.

Тим удивленно вскинул голову, зашлося болью сердце, вроде бы даже остановилось на какие-то мгновения. Как больно судить отцу своего сына, наследника рода, наследника жизни, а если сын судит отца?! Как же это, что это?! Слово старшего у адыгов — закон для младшего, сын не смеет даже сидеть при отце, а не то что перечить ему. А тут?! Сын, едва научившийся ходить по земле, судит отца. Но ведь он судит не сам по себе, он только поддерживает суд деда. И Тим ничего не смог сказать Алимбеку.

За свои семьдесят лет Тим не помнит такой усталости и ощущения тяжести своих лет, как в эти дни. Случалось, его упрекали тем, что он по отцу иноверец, но это была напраслина — Тим искренне был предан адыгам, их вере, вере отца, Мишки Некраса. И сегодня на полуденном намазе он говорил: ты, отец, да откроет перед тобой ворота рая Великий Аллах, не беспокойся — я всегда был верен тебе, не беспокойся, не позорю перед адыгами. Я воспитал своего внука Алимбека так, как воспитал бы ты его — правоверным мусульманином, истым адыгом. Вот только и откололся от нас наш единственный Руфат. Он перешел к милым его бабушке соплеменникам, проливает свою и адыгскую кровь. Я не могу его осуждать, не осуди его и ты, отец. Видать, так зачем-то понадобилось Всевышнему, все мы живем в Его святой воле. Прости меня, Всемогущий, я не могу согласиться с теми, которые покидают родную землю, оставляя ее сиротой. Я не могу их поддерживать,

но Ты прости их, если сможешь, если Тебе это нужно, наставь заблудших на путь истины. Я понимаю, Милостивый, таким, как Руфат, нет обратной дороги. Я породил по Твоей воле Руфата, моей кровью он жив на земле, и молю Тебя, если Ты сочтешь возможным, не совсем пропащим человеком считаешь, смилуйся над ним ради меня, ради его матери и нашего внука. И еще прости меня за мою мысль примириться с гяурами. Не от страха я так подумал, а по здравому рассуждению.

После намаза Тим пошел по аулу, чтобы выразить свое соболезнование семьям погибших в бою — каждый день оплакивали двадцать, тридцать человек. Весь день, с утра до вечера ходил Тим по аулу, слышал причитания, видел слезы, и только шептал про себя: о Великий, о Всемилостивый Аллах, спаси, сохрани и помилуй детей твоих.

На следующий день, повесив на стену молитвенный коврик после утреннего намаза, Тим позвал Алимбека:

— Собирайся, поедем. Негоже мужчинам в такой час сидеть дома.

Выскочила Самай, заголосила:

— Что ты делаешь, Тим, куда собрался с парнем?!

— Ради Аллаха, старая, не шуми,— проворчал Тим, седлая коня.— Поедем туда, где надлежит быть мужчинам, когда адыги защищают честь своего народа.

— Ради Аллаха, Тим, ради Всевышнего, не бери грех на душу, у мальчика еще не обсохло молоко на губах.

Вывел коня Алимбек и по-мужски строго сказал:

— Нан, зачем ты нас оплакиваешь раньше времени.

Услышала это Самай и остановилась глазами, полными слез, молча смотрела на мужа и внука, не находя в себе силы произнести хотя бы одно слово.

От самого дома до развилки дорог дед и внук ехали молча. Все чаще им встречались повозки беженцев, направлявшихся к морю, подводы с убитыми, ранеными. Абадзехи, натухайцы, шапсуги. Тим горестно улыбнулся: в беде вы обрели, наконец, то самое единство, которое вам так нужно было для жизни, для победы, кладбище стало общим домом для вас, пред единым Аллахом предстанете.

— Тат, куда поедем,— спросил у развилки Алимбек,— в Натухай или в Абадзехию?

— Туда, где труднее, где жарче.

— Из Пшехской долины везут больше раненых и убитых, тат.

— Там дерутся наши дахапцы, вот и поедем к ним.

В полдень Пшехская долина, где кипел бой, открылась перед Тимом и его внуком Алимбеком как-то внезапно, будто дверь в иной мир.

Много на земле запахов: пахнут ландыши, сосны, пахнет море и свежее утро, весенняя пашня пахнет, но пороховой дым, гарь пожарищ, запах пролитой на землю крови, насильственной смерти — не божье дело, а дело грешных рук человеческих.

Эти незнакомые запахи, ядовито-синий пороховой дым, гул пушечных выстрелов и разрывы снарядов накатили на юного Алимбека с такой грозной силой, что чуть не выбили его из седла. Не страх одолел его, просто Алимбек переходил из одного состояния в другое, входил в иной мир...

Тим сказал внуку:

— Держись, Алимбек, ты уже не мальчик.

Пока они искали среди конников и пеших своих односельчан, пригибаясь при свисте пуль и вое снарядов, день склонился к вечеру.

Тим не особенно торопился, старался держаться кустов, лощинок, в глубокой тайне даже от самого себя, беспокоился за внука, а потом, когда к сумеркам и вообще стих бой, облегченно вздохнул: успеет парень, навоюется, спаси и сохрани его, Всевышний.

Дед и внук расположились на ночь под старым вязом.

— Иди сюда, сынок,— позвал дед, разостлав свою бурку.— Надо отдохнуть перед трудным завтрашним днем. Ложись рядом. Не стесняйся. Ты увидишь, как все жмутся друг к другу. На войне надо быть плечо в плечо. Помнишь, как ты был маленьким и ложился ко мне, грел мой бок?

— Помню, тат.

Лег Алимбек.

Был он очень доволен сегодняшним днем. Совсем не боялся завтрашнего дня, завтрашнего боя, наоборот, с радостью думал о том, что теперь все увидят, узнают, что он настоящий адыг, а не сын русского офицера.

Чуть стало светать, противник открыл пушечный огонь. Били и по переднему краю обороны и дальше, в глубь.

Дед и внук уже были на конях, в строю дахапцев, ожидая команды командира сотни.

— Держись, сынок, рядом со мною, у меня опыта побольше, так что все будет хорошо. Крепче держи шашку. Мы сегодня покажем врагу, как защищать свою землю!

Командир сотни скомандовал:

— Вперед! Смерть врагам! — и выхватил шашку.

Тиму показалось, что он сам вдруг превратился в острую шашку, жаждущую крови, готовую рубить врага.

Неожиданно прямо на Тима из-за кустов терновника вывернулся на буланом коне казак с раскрытым, кричащим что-то несуразное, ртом. Тим тоже что-то закричал по-русски. Казак не успел и удивиться, ни понять происходящее, как Тим сразил его косым ударом. С такой силой рубанул, что заныла от боли рука в плече.

А тут еще и другой. Чернобородый. Коршуном кинулся на Тима, но Тим сумел вовремя повернуть своего коня, проскочил мимо бородача, рубанув его наотмашь!

А что там у валуна?!

Что там?!

О Аллах! Пеший Алимбек, без шапки. Отбивался от наскакивающего на него всадника:

— Держись, сынок! Сейчас я! — закричал Тим и, подскакав сзади, проткнул врага шашкой.

Падая с седла, оглянулся всадник.

Это был Руфат.

Только и успел старый Тим, Тимофей Некрасов, ужаснувшись своему поступку, воззвать:

— Господи!..

С русской лихостью сзади обрушился на него смертельной силы сабельный удар...

...Алимбек сидел между отцом и дедом.

Открыл Руфат глаза, улыбнулся — бывает у человека вот такая улыбка вины, неисповедимой сердечной боли:

— Как же это я тебя не узнал, Алеша?..

— Да, отец, это я...

И закрылись глаза штабс-капитана Романа Тимофеевича Некрасова, чтобы уже никогда не открываться.

IX

На степном юру, где сходятся со всех четырех сторон свирепые ветры, стояли над прахом древних воинов курган, а на кургане росло дерево. Летом его жгло немилосердное солнце, зимою пронимал насквозь трескучий мороз. Гнули его долу свирепые ветры, ломали ветви, а то и вовсе грозились вырвать с корнем.

Старец в истертой временем сермяге долго смотрел слезившимися глазами на дерево, а потом сказал внуку:

— Это мы, адыги, как это несчастное дерево, брошенные, никому ненужные...

Новый 1863 год принес новые неимоверные страдания. Смертельной петлей сжимались вокруг уцелевших адыгов царские войска.

В долинах, в ущельях, высоко в горах аулы лежали голыми пепелищами. Ни кола, ни двора, ни бездомной собаки.

Нет, не пепелища. Кладбища. Вся страна — кладбища. А адыги хотели жить, уходили с кладбища, прорывались в Турцию, не думая над тем, что покинуть родину тоже означает — принять смерть.

Абадзехи лишились своих предводителей. Погиб Тим Некрас, погиб Хатырбай Цей. Асланбеч Хаджемуков и Шекультыр Болотоков оставались среди мирных своих племен — бжедугов и темиргойцев. Оставался еще Джирандук Берзедж — он заигрывал с царскими генералами, давал взятки, чтобы они не разоряли его, не мешали его крестьянам переселяться в Турцию.

Раненный в руку, Карбатыр жил в Адерби.

Оставаться в Шапсугии, собственно говоря, уже захваченной царскими войсками? Быть рабом, заложником? Нет! Уезжать в Турцию!

— Эй, кто там! — сидя у себя в кунацкой, позвал он.— Трам еще не вернулся?!

— Вернулся.

— Позови его ко мне.

— Что с рукой, зиусхан? — войдя, спросил Трам.

— Чепуха. А ты что, уже не хочешь воевать?

— Кто сказал такое! Я только что расседлал коня.

Трам был всего лишь на несколько лет старше Карбатыра, но выглядел чуть не стариком — согнулась его могучая шея, поредела, стала почти белой борода. Заметил это Карбатыр и вздохнул:

— Что там делается, как там наши?

— Плохо, зиусхан, совсем плохо. Много гибнет людей.

— На то она и война,— сказал Карбатыр.

— Разве это можно называть войной?

— Почему нет? — удивился Карбатыр.

— Какой смысл драться, если ясно видишь, что не одолеешь врага. Это уже не война, а безумие, зиусхан.

— Безумие? Но почему же тогда воюют тфокотли, почему не разбегаются, не бросают оружия?

— Они не воюют, прикрывают тех, кто уходит в Турцию.

— А чего их прикрывать, если дают им дорогу?

— Тфокотли не хотят идти по дороге, проложенной царскими войсками. Своей хотят идти.

— И тут — мы гордые, мы мужественные, мы...— Еще раз вздохнул Карбатыр. Помолчал, а потом с обреченностью в голосе спросил: — А что мы с тобой, Трам? Когда тронемся своей дорогой за море?

Трам опустил глаза:

— Если ты твердо решил уезжать, я провожу тебя, посажу на пароход, а что касается меня — я остаюсь здесь.

— Бедняжка Мерем оставила на твое имя в Турции солидный капитал, ты сможешь жить там безбедно,— как бы продолжая свои мысли, сказал Карбатыр.

— Спасибо, зиусхан. Зачем мне деньги, не заработанные мною? А где эта бумага?

— У меня.

— Когда будешь в Турции, отдай ее Хрозеру. Мне их деньги не нужны.

— Нет,— возразил Карбатыр,— я этого не сделаю. Жизнь такая трудная и запутанная штука, что не узнаешь даже своего завтрешнего дня, а что будет через пять, десять лет? Пусть бумага будет у тебя. Что касается моего отъезда... Видно, нам Занам определено Аллахом пройти на земле все адовы муки. Я не могу покинуть адыгов, пока они воюют, я обязан быть вместе с ними и, как капитан с погибающего корабля, должен сойти последним. Думаю, осенью, а в худшем случае — будущей весной все будет окончено.

— Неужели еще год будет длиться эта кровавая бойня, неужели Аллах не смилуется над нами?!

— Русско-турецкие жернова слишком тяжелы, чтобы их можно было так просто остановить. Они перемелят нас в прах. И еще я хочу сказать, Трам, во многом мы виноваты сами — мы, предводители племен.

Траму не хотелось соглашаться с Карбатыром, но и возразить ему он не мог.

Еще до недавнего времени Карбатыр не знал одиночества, а теперь оно донимало его и днем, и в бессонные ночи. Даже если бывал среди людей, в толпе, оно не покидало его. Оно жило вместе с ним, жило в нем самом. Откуда взялась эта напасть? Может быть, он так наказан? Но за что?

Уехал Трам и Карбатыру стало совсем невмоготу, он решил съездить к Хагуру.

Дороги к морю были забиты до отказа. Повозки, запряженные быками и лошадьми, верховые, пешие. Мужчины, женщины. Старые и малые. Адыги сотнями тысяч покидали свою землю. Нет, это был не исход, а распад народа, гибель. Это уже совсем не адыги, подумал Карбатыр, разве люди могут быть такими тупо-равнодушными?

На обочинах лежали трупы, распространяя смрад.

Женщина с двумя детишками возилась у поломанной повозки, запряженной волами. Обливаясь слезами, причитая, она пыталась починить колесо.

— Где твой муж? — спросил Карбатыр.

— И муж, и отец, и старший брат погибли.

— Эй! — обратился он к ехавшим всадникам.— Или вы не видите, или вы не мужчины! Помогите несчастной женщине!

Всадники даже головы к нему не повернули. Карбатыр попытался остановить их, попытался устыдить, но никто не обращал на него внимания, тогда он своим конем стал поперек дороги, обнажил шашку, достал деньги.

— Возьми эти золотые и почини повозку женщины, а если откажешься,— Карбатыр вскинул шашку.

Двое мужчин, ехавшие рядом со своей тяжело груженной телегой, усмехнулись. Старший из них, сказал:

— Если ты думаешь, что мы не воины, а бабы, то ошибаешься. Мы совсем не боимся твоей шашки, а золотые могут пригодиться за морем.

Карбатыр, задыхаясь от гнева, отдал бородачу деньги и поехал дальше, чтобы и в самом деле не пустить в ход свою шашку. Чтобы не видеть всего этого: и горя, и слез, и предательства, он свернул с большой дороги на тропу. Одолел несколько холмов, миновал долину и на перекрестке Пшадского базара увидел большую, шумную толпу людей, все тех же беженцев.

Поперек дороги — казаки. Впереди — Нурмагомет Хагур и Павел Ракитов.

— Куда вы, люди, куда?! — сдерживая разгоряченного коня, громко и горячо обращался к беженцам Хагур.— Кому вы нужны в чужой стране?! Бывал я в Турции — не обманывайтесь, ничего хорошего там нет. Да и что может быть лучше своей земли, лучше этих гор и лесов. Адыги, подумайте о ваших детях, о будущих внуках, которые уже никогда не увидят родины своих отцов и дедов!

К Хагуру выдвинулось двое стариков. Тот, который был постарше, с посохом, сказал:

— Все мы дети Великого Аллаха. Если нас ветер судьбы гонит за море, значит, такова Его святая воля.

— Лучше мусульманская вера, чем гяурская,— сказал второй старик и продолжил: — Не надо нам морочить головы, мы сыты этим по горло — то дурили англичане, то французы, то Сафербий Зан, Магомет-Амин, Карбатыр, а теперь вот еще и ты. Зовут братья по вере и поедем к ним, а здесь нас ждет смерть.

— Ладно,— безнадежно махнул рукой Хагур,— послушайте русского офицера, если я вам не угоден.

Выехал Павел Ракитов.

— Слово мое будет коротким,— заговорил по-адыгски с сильным акцентом,— война, которую мы вели против вас — разбойная, я всегда прямо говорил об этом. Русский царь сейчас уже сожалеет, что предложил вам уезжать в Турцию. Вот его послание, в котором он обещает вам мир. Не ездийте в Турцию, не делайте эту роковую для вашего народа ошибку.

Толпа притихла.

Тишина была напряженная, даже какая-то зловещая.

И взрыв!

— Сволочь! Золотопогонник! Сжег наши аулы, убил наших отцов и братьев, а теперь пытается по головке гладить, обещаниями кормить.

— Долой его с пути!

Карбатыр с места бросился домой...

Лишь к вечеру он возвратился в Адерби.

Все те душевные муки, страдания, которые перенес отец в своей долгой, честной жизни во имя народа, оказались не только ненужными никому, а и вызвали еще

горький упрек. Выходит, думал Карбатыр, и ты за всю свою жизнь ничего у них не заслужил, кроме едкого упрека.

Негромко, даже как-то буднично сказал жене:

— Будем собираться в дорогу, Мария. В Турцию. Пора.

— Что?! — с удивлением спросила она и, тут же овладев собой, спокойным и твердым голосом ответила: — Будем собираться, Карбатыр.

27 сентября 1863 года Карбатыр Зан, сын Сафербия Зана, сел со своей семьей возле Константинопольской крепости на судно «Тигр», чтобы покинуть навсегда Черкесию.

Слякоть.

Павлу казалось, не только дороги, но и беспросветное серое небо раскисло от бесконечных дождей. Да и не дожди это были, а какая-то хмарь. Липкая, холодная. И такая безысходность во всем.

И люди — они с такой обреченностью брели по слякотным дорогам за своими повозками, запряженными быками, лошадьми, будто шли к своим собственным могилам, уже зиявшим черной бездной.

Обычно можно было залюбоваться, как умел скакать хоть рысью, хоть галопом Хагур, а сейчас под тяжестью размокшей бурки, под тяжестью горестных дум, Павлу казалось, что он едва держится на коне.

Хагур как бы услышал мысли друга, сказал:

— Давай свернем с дороги, поедем тропой. И путь короче, и хоть немного отдохнем от всего этого,— он бросил взгляд на бредущих беженцев.

Свернули.

И опять поехали молча.

«Конец— всему делу венец»,— вспомнив эту пословицу, Павел горько улыбнулся. Горько улыбнулся, потому что и себя считал виновным в том, что в сущности переставал существовать целый народ. С той самой поры, как он приехал сюда, все время чувствовал, понимал, что явился завоевателем, что кровь многих людей — и русских, и адыгов — на его совести, это и его грех, а с другой стороны он присягал на верность России, на верность своему народу, а не только царю, присягал на верность офицерскому долгу. Потом, женившись на Тайсуре, связав таким образом свою

судьбу, судьбу своего старинного дворянского рода с адыгами, с Черкесией, он и вовсе оказался посередине двух станов, горел между двух огней.

«Конец — всему делу венец».

Узнав о смерти Бестужева-Марлинского, он подумал, что хорошо бы и ему вот так же умереть.

А жена, а ребнок?!

— О, горе мне грешному! — стал молиться Павел сначала про себя, а потом, сам того не заметив, стал шептать вслух: — Паче всех человек окаянен есмь, покаяние несть во мне, даждь ми, Господи, слезы, да плачуся дел моих горько.

Хагур, услышав молитву Павла, сказал:

— Не надо так убиваться, нет твоего греха, ты только солдат. Виноваты те, которые командуют — царь, предводитель. А еще я хочу вот что сказать: ты молился своему Богу, а я все эти дни ходил к эфенди, чтобы он почитал мне Коран, чтобы вместе с ним принести свои молитвы Аллаху, покаяться в своих грехах, как ты сейчас. Сказано в Коране — все сущее в подлунном мире создано Аллахом, до самого конца света, до самого страшного суда предопределенного самим всевышним. Выходит, я думаю, что великая беда адыгов, наверно, дана Аллахом за их грехи.

— У нас так же — на все Господня воля, нам остается только молиться, просить у Господа милости за наши грехи.

— Воздаяние Аллаху — по делам нашим... Я не совсем это понимаю, но эфенди сказал, что и не дано простому смертному это понять, ему только надо покориться. Но зачем, почему?

— Похоже, не нам с тобою отвечать на эти вечные вопросы,— сказал Павел.

Тропа, пролегавшая по кустарникам, между высоких дубов и буков, вывела на полянку.

Горел костер, у которого суетились казаки. В стороне сидели, закутавшись в бурки, в разные хламиды, старики, старухи, молодые женщины и дети.

— Что здесь происходит, Василь? — окликнул Ракитов Бутенко.

— Этих несчастных мы тут нашли. Холодные, голодные, совсем погибают. Мы развели костер, еду дали, а они отказываются от всего.

Спешились Ракитов с Хагуром:

— Что случилось, почему вы не хотите принять помощь?

— Лучше умереть, чем принять помощь от гяуров, лучше умереть на родной земле, чем нищенски жить на чужбине,— с жгучей ненавистью, в упор глядя на Хагура, ответил старик.

— Ты годишься мне в отцы, старейший, но позволь возразить. Самоубийство — это великий грех, это восстание против воли самого Аллаха. Теперь об этих несчастных детях. Разве Всевышний дал вам право распоряжаться их жизнями? Вас никто не гонит с родной земли, только смиритесь...

— С гяурами?! — надвинулся грудью старик.

— Не с гяурами, а с Аллахом, с Его святой волей, ведь в подлунном мире один он единовластный хозяин, все, что совершается — по его воле. Ты знаешь, старейший, высшее благо для него — покорность ему, безропотное смирение.

Старик уронил голову на грудь, ничего не ответил. К нему подошли другие старики, все вместе стали негромко разговаривать, должно быть, советоваться.

Старейший подал знак рукой женщинам и детям подойти к костру, к горячей еде.

— В моих переметных сумах тоже есть добрый харч,— сказал Ракитов Василю,— все им отдайте. Побольше заготовьте дров и потом пригоните из станицы подводы, чтобы отвезти этих людей домой, сами они не смогут добраться.

Хоть и не перестал сыпаться мелкий въедливый дождь, хоть и не видно было из-за хмурых туч солнца, небо все же стало светлее. Так подумал Хагур, пожимая руку Павлу.

X

Умытые теплыми весенними дождями, цвели брошенные хозяевами сады, заростали чертополохом поля.

Многие аулы опустели совершенно, в иных остались лишь немощные старики да вдовы с детишками.

Одни ехали с надеждой на новую жизнь, на лучшую долю, на удачу и счастье, других гнал страх полного разорения, страх гибели. Третьи шли к морю, потому что все уходили, потому что нельзя было оставаться в пустующем селении, крае, стране. К этим третьим, пожалуй, и отно-

сились старая Самай и ее внук Алимбек — Алексей Романович Некрасов, по имени и фамилии русский — а по духу — адыг.

Все богатство Самай спокойно уместилось в заплечные мешки. Была лишь одежонка да немного денег за проданную скотину. В заплечный мешок не положишь ни поля, ни сада, ни самой жизни, которая прошла в этом доме, в этом крае — и горьком, и любимом до слез. Одежонка за месяцы, проведенные у моря прохудилась, истерлась, деньги израсходовались. Придорожный камень, у которого Алимбек соорудил шалашик из веток, заменил им и родовой их дом, и поле, и луг — всю Черкесию.

— Посмотри, сынок, посмотри, кто это! — воскликнула Самай. — Князь Джирандук идет к пароходу. Он знал твоего деда, знал нашего зятя Карбатыра, дружил с ними и обязательно поможет нам. Иди к нему скорее.

Князь уже подходил к самому берегу, когда Алимбек пробился к нему:

— Да хранит вас Всемилостивый Аллах в дальней дороге, зиусхан. Вы узнали меня? Я внук Тима Некраса, помогите мне с бабушкой попасть на судно.

Приостановился Берзедж, неприязненно глянул из-под папахи на плохо одетого, совсем нищего с виду юношу:

— Это какого же Некраса? Тима-гяура? Прочь с дороги, оборванец.

— Мои прадед Мишка Некрас, дед Тим Некрас положили свои жизни за свободу адыгов, я тоже не стоял в стороне,— заторопился Алимбек.

— Я сказал — прочь с дороги, гяурский выродок!

Алимбек бросил руку на эфес кинжала:

— Некрасы не из тех, кто позволяет безнаказанно их оскорблять!

Княжеские телохранители кинулись было к Алимбеку, но Берзедж крикнул:

— Отставить! Не позорьте меня! — и он тоже положил руку на эфес кинжала.

Самай кинулась между ними:

— Алимбек, сын мой единственный! — Самай подняла взор на Берзеджа, ожгла его материнским упреком, женским презрением.— Прости меня, сичаль, что послала тебя к нему... А ты, князь, до самой своей смерти не сможешь теперь расплатиться за эту обиду.

Остолбенел Берзедж от гнева и суеверного страха, вдруг сжавшего его сердце. Прежде чем смог отдышаться, Самай и Алимбек уже пропали в толпе. Хотел приказать телохранителям, чтобы догнали обидчиков, но что-то комом застряло у него в горле, не позволило произнести ни слова...

В урочище Кбаад по случаю победоносного завершения Кавказской войны состоялся парад российских войск.

На поляне выстроились в парадных одеждах, при золотых погонах, при орденах и аксельбантах лейб-гренадерский Эриванский полк, рядом с ним полки, прошедшие с боями от Арапчая и Араписа до Черноморского побережья. Напротив замерли в торжественном строю полки, покорявшие Чечню и Дагестан. Стояли севастопольцы, крымцы, черноморцы, казаки Кубани и Дона. Это они принесли императорскому престолу России богатство Кавказа, блеск воинской славы. Тут же были в своих национальных одеждах мингрелы, имеритинцы, гурийцы и другие, а на кургане в окружении славных генералов, Георгиевских кавалеров стоял главнокомандующий кавказских войск Великий князь.

У походного алтаря священнослужители в горящих золотом ризах отслужили благодарственный молебен, а потом с речью обратился ко всем Великий князь:

— С чувством искренней радости и уважения к доблести вашей поздравляю вас, войско Кавказской армии с покорением Западного Кавказа — Черкесии и с окончанием Кавказской войны. Своим мужеством в боях, своей беспримерной твердостью в перенесении тяжелых трудов и лишений сослужили вы государю и отечеству великую службу, ни ужасы диких, недоступных горных убежищ, ни отчаянное сопротивление черкесов, ни суровая стужа, ни палящий зной — ничто не остановило вас, все преодолевали вы в течение многих лет, не слабея духом, запечатлевая потом и кровью каждый шаг, и достигли цели. Слава Всевышнему, увенчавшему ваши усилия! Слава и признательность отечества вам, покорители Кавказа! Вечная память павшим товарищам вашим, недождавшимся настоящей радостной и великой минуты!

— А что этот человек, обвешанный бляшками, будто капризное дитя игрушками, говорит? Что он кричит? — удивленно спросила Самай.— Благодарит за то, что убивали людей? Празднует?!

— А разве, нана, когда наши побеждали, мы не радовались, не праздновали?

— Замолчи, богохульник,— испуганно замахала обеими руками старая Самай,— все мы, они тоже, предстанем перед Божьим судом, будем держать ответ за свои тяжкие грехи. Разве Всевышний создал детей своих для того, чтобы они убивали друг друга да еще и радовались этому?

Загремел духовой оркестр, могучее ура прокатилось над Кбаадой. Дрогнула листва на деревьях, пригнулись травы, с испуганным криком взлетели птицы.

Самай воздела руки к весеннему небу:

— Всемогущий, Всемилостивый, смягчи сердца грешных детей твоих, подари им свою любовь.

СОДЕРЖАНИЕ

Жернова. Исторический роман. *Перевод Евг. Карпова* 5

Исхак Шумафович Машбаш

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в двадцати томах

Том VIII

Жернова

Исторический роман

Редактор **Х. Г. Тлепцерше**
Корректор **М. Р. Чамокова**
Компьютерная верстка **Т. А. Косяк**

ИБ № 00

Сдано в набор 00.00.2015. Подписано в печать 00.00.2015. Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Гарнитура шрифта «PetersburgC». Печать офсетная. Усл. п. л. 00,00. Уч.-изд. л. 00,00. Тираж 1000 экз. Заказ 09.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Полиграф-Юг».
385000, РА, г. Майкоп, ул. Пионерская, 268.
Телефон для справок (88772) 52-23-92.